Н. Бельтовъ.
Плеханов, Г. В.

КРИТИКА НАШИХЪ КРИТИКОВЪ.

11042

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

С.-Петербургъ
1906.

Прив 38

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этотъ сборникъ вошли, главнымъ образомъ, статьи, посвященныя „критикѣ нашихъ критиковъ“ и при томъ критиковъ особаго рода, — критиковъ, думавшихъ или, по крайней мѣрѣ, утверждавшихъ, что они сами во многихъ отношеніяхъ близки къ разбираемому ими ученію: г.г. Бернштейна, П. Струве, Конрада Шмидта.

Правда, рядомъ со статьями, направленными противъ критиковъ этого особаго рода, читатель здѣсь встрѣтитъ также статьи, направленныя противъ Карла Бюхера, повидимому вовсе не задававшагося цѣлью „критиковать“ Маркса. Но какова бы ни была цѣль Бюхера, несомнѣнно, что тѣ его взгляды, которые оспариваются здѣсь мною, сложились подъ сильнымъ вліяніемъ убѣжденныхъ противниковъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Къ числу такихъ противниковъ принадлежитъ, напримѣръ, Ганъ (Hahn), авторъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательной книги О значеніи домашнихъ животныхъ въ исторіи человѣческой культуры. Вотъ почему я счелъ полезнымъ включить сюда и статьи, посвященныя разбору взглядовъ Бюхера.

Разумѣется, не мнѣ судить, насколько удачно защищается мною ученіе Маркса. Но что за-

щищать его необходимо, что „критическія“ усилія противниковъ этого ученія не остаются безъ вліянія даже на людей, считающихъ себя марксистами, это врядъ-ли нуждается въ доказательствахъ и это лучше всего видно на примѣрѣ тѣхъ изъ нашихъ... „единомышленниковъ“, которые не признаютъ философской основы марксизма, склоняясь къ Канту или къ Авенаріусу или къ Маху и т. д. Эти наши будто бы единомышленники увѣряютъ насъ, что Маркса очень легко „соединить“ съ тѣмъ философомъ, которымъ они увлекаются. И мы охотно вѣримъ этому: „соединить“ въ самомъ дѣлѣ можно. Весь вопросъ въ томъ, въ какой головѣ происходитъ это „соединеніе“. Эклектическія головы, любящія „пестрыя мысли“, мастерски „соединяютъ“ самыя противорѣчивыя теоріи. Однако, эклектизмъ non est argumentum.

Наши такъ называемые „практики“ очень благодушно смотрятъ на эти „соединительныя“ попытки: это, молъ, философія, а философія не имѣетъ отношенія къ практикѣ. Отношеніе нашихъ „практиковъ“ къ философіи всегда напоминало мнѣ отношеніе къ ней прусскаго короля Фридриха Вильгельма I. Какъ извѣстно, этотъ мудрый монархъ оставался совершенно равнодушенъ къ философской проповѣди Христіана Вольфа до тѣхъ поръ, пока ему не объяснили, что Вольфовъ принципъ достаточнаго основанія долженъ вызывать побѣги солдатъ со службы. Тогда солдатскій король приказалъ философу въ 24 часа оставить прусскія владѣнія подъ страхомъ смертной казни черезъ повѣшеніе. Наши практики, разумѣется, никого и никогда не захотятъ

казнить за философскія убѣжденія. Иначе и быть не можетъ. Но наши «практики» готовы мириться со всякой данной философіей до тѣхъ поръ, пока имъ не покажутъ, что она мѣшаетъ осуществленію ихъ ближайшихъ практическихъ цѣлей. Такъ мирились они еще недавно съ кантіанизмомъ. Гг. П. Струве и С. Булгаковъ показали имъ, что кантіанизмъ представляетъ собою не одно только отвлеченное теоретическое умозрѣніе. И теперь они готовы возставать противъ «соединенія» Канта съ Марксомъ. Но такого доказательства пока еще никто не привелъ, напримѣръ, насчетъ эмпиріо-монизма. И наши «практики» готовы принимать махистовъ за Марксистовъ. Современемъ они пожалѣютъ объ этомъ; но тогда будетъ, пожалуй, уже поздно...

Нынѣшній идеологъ рабочаго класса не имѣетъ права быть равнодушнымъ къ философіи. Особенно у насъ на Руси. Теоретики нашей буржуазіи довольно умѣло облекаютъ въ философскій покровъ анти-пролетарскую часть своихъ воззрѣній. Чтобы побѣдить ихъ, надо умѣть бороться съ ними философскимъ же оружіемъ. А какъ можетъ научиться владѣть философскимъ оружіемъ тотъ, кто совершенно беззаботенъ насчетъ философіи?

Философскій покровъ, облекающій анти-пролетарскую часть нынѣшнихъ буржуазныхъ теорій, насквозь пропитанъ идеализмомъ. Философскій идеализмъ является теперь консервативнымъ (въ соціальномъ смыслѣ) духовнымъ оружіемъ. Это очевидно. И нужно удивляться, почему въ рядахъ теоретиковъ пролетаріата до сихъ поръ замѣчается такъ

мало интереса къ матеріализму, уже не разъ игравшему въ исторіи освободительную роль.

Еще два слова. Со статьей „О матеріалистическомъ пониманіи исторіи", вошедшей въ этотъ сборникъ, въ свое время произошелъ слѣдующій, не лишенный интереса «пассажъ».

Статьи г.г. субъективистовъ и народниковъ, нападавшихъ на матеріалистическое объясненіе исторіи, убѣдили меня въ томъ, что они, запомнивъ наши термины, не дали себѣ отчета въ понятіяхъ, соотвѣтствующихъ этимъ терминамъ. Чтобы убѣдить въ этомъ также и читателей, я рѣшилъ изложить нашу историческую теорію другими словами; это и было сдѣлано въ только-что названной статьѣ. Вышло то, чего я ожидалъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ противниковъ нашихъ, не разобравъ въ чемъ дѣло, закричалъ, что я отказался отъ «экономическаго матеріализма». Я торжествовалъ и уже приготовилъ для него,— какъ выражается Чацкій,— «отвѣтъ громовый». Но изданіе, въ которомъ долженъ былъ появиться этотъ отвѣтъ, было прекращено, и отвѣтъ мой остался ненапечатаннымъ. Печатать его теперь уже несвоевременно.

Что противники попались, объ этомъ я, разумѣется, не жалѣлъ, но вотъ что было печально. Меня не поняли также и нѣкоторые единомышленники—они, какъ видно, тоже запомнили одни слова...

Кстати, едва-ли нужно говорить, что тотъ взглядъ на исторію, который названъ у меня въ этой статьѣ синтетическимъ, не имѣетъ ничего общаго съ «синтетическимъ объясне-

ніемъ исторіи», проповѣдуемымъ англичаниномъ Бельфортомъ Баксомъ и представляющимъ собою лишь родъ Карѣевщины. Я просто-напросто позабылъ о Баксѣ, когда писалъ свою статью.—

Наконецъ, статьи, вродѣ здѣсь же печатаемыхъ статей о Чаадаевѣ и о книгѣ покойнаго Л. И. Мечникова, не имѣютъ отношенія къ критикѣ критиковъ, но онѣ разъясняютъ тѣ вопросы, которыхъ касаются и критики.

Не могу удержаться, чтобы не указать на ту эволюцію, которую продѣлалъ одинъ изъ самыхъ видныхъ нашихъ «критиковъ» изъ лагеря «неомарксистовъ». «Неомарксизмъ» г. П. Струве оказался довольно вульгарнымъ либерализмомъ, чѣмъ и подтвердилъ правильность моей критики его критическаго похода. Я очень благодаренъ за это г. П. Струве.

Н. Бельтовъ.

25 января 1906 г.

Г-нъ П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи общественнаго развитія.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

> Nachdem eine Sache zur Klarheit gediehen ist, finden sich immer gewisse Gegner, die sogleich beflissen sind, unter dem Scheine der Neuheit die Sache wieder zu verdunkeln und unklar zu machen. Ich bin dieser Art von Gegnern und Gegenreden häufig begegnet. Kuno Fischer.

> Ces messieurs font tous du Marxisme, mais de la sorte que vous avez connu en France, ily a dix ans, et dont Marx disait: tout ce que je sais, c'est que je ne suis pas marxiste, moi! Et probablement, il dirait de ces messieurs ce que Heine disait de ses imitateurs: «J'ai sémé des dragons et j'ai récolté des puces»
>
> Изъ письма Энгельса къ П. Лафаргу отъ 27 окт. 1890 г.

Г. П. Струве давно уже упражняется въ «критикѣ» Маркса. Но до недавняго времени его «критическія» упражненія не отличались систематичностью: онъ ограничивался, по большей части, или краткими, горделивыми заявленіями о томъ, что онъ, г. П. Струве, не зараженъ «ортодоксіей» и состоитъ «подъ знакомъ критики», или лаконическими замѣчаніями на ту тему, что вотъ въ такомъ-то и такомъ-то вопросѣ «ортодоксальные» послѣдователи Маркса ошибаются, а правду говорятъ «критическіе» марксисты. Но краткія замѣчанія и лаконическія заявленія почти ровно ничего не разъясняли относительно того, въ чемъ именно коренятся заблужденія «ортодоксальныхъ» марксистовъ и чѣмъ именно доказывается правота г.г. «критиковъ». По этому поводу можно было лишь строить догадки. Самою вѣроятною изъ нихъ представлялась та, что

Марксъ и его «ортодоксальные» послѣдователи заблуждались потому, что не были осѣнены благодатью такъ называемой критической философіи, вносящей яркій свѣтъ въ міросозерцаніе г. П. Струве и его «критическихъ» единомышленниковъ. Но хотя эта догадка и была очень вѣроятна, читатель все-таки имѣлъ слишкомъ мало данныхъ для ея провѣрки. Теперь въ нашемъ распоряженіи находятся эти необходимыя данныя, и мы можемъ поэтому, въ свою очередь, подвергнуть критикѣ нашего «критика».

Въ предлагаемыхъ статьяхъ мы хотимъ разобрать «критическій опытъ», опубликованный г. П. Струве въ Archiv'ѣ Брауна подъ заглавіемъ «Die Marxsche Theorie der sozialen Entwickelung» [1]) и напечатанную въ той же книгѣ Archiv'а рецензію его на извѣстную книгу Э. Бернштейна и на не менѣе извѣстный отвѣтъ Бернштейну Каутскаго. Этотъ «критическій опытъ» и эта не менѣе «критическая» рецензія очень хорошо характеризуютъ какъ пріемы, такъ и образъ мыслей нашего автора.

Г. П. Струве замѣчаетъ, что онъ въ своемъ опытѣ имѣетъ въ виду не матеріалистическое пониманіе исторіи во всей его полнотѣ, а «только его спеціальное примѣненіе къ развитію отъ капитализма къ соціализму». Но если его «критика» непосредственно направляется только на одну часть Марксовой теоріи соціальнаго развитія, то попутно она затрагиваетъ всю эту теорію вообще и даже нѣкоторыя ея философскія посылки. Такимъ образомъ она даетъ вполнѣ достаточный матеріалъ для нашей критики критика. Послушаемъ же г. Струве.

По его словамъ, разбираемая имъ часть теоріи Маркса имѣетъ троякое основаніе: 1) ученіе о развитіи производительныхъ силъ въ капиталистическомъ обществѣ или, другими словами, «теорію обобществленія и концентраціи производства и теорію производительной анархіи въ капиталистическомъ обществѣ»; 2) ученіе объ ухудшеніи положенія низшихъ классовъ общества или «теорію обнищанія и теорію экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ крупными»; наконецъ, 3) ученіе о революціонной роли пролетаріата, т. е. «теорію соціалистической миссіи пролетаріата, создаваемаго развитіемъ капитализма и растущаго въ ходѣ этого развитія».

Поясняя эту послѣднюю теорію, г. П. Струве прибавляетъ: «пролетаріатъ подвергается обнищанію, но достигаетъ въ то же время такой соціальной и политической зрѣлости, которая дѣлаетъ его способнымъ свергнуть капиталистическую систему путемъ активной борьбы классовъ и замѣнить ее соціалистической системой».

Что же думаетъ нашъ критикъ объ этомъ троякомъ основаніи Марксовой теоріи?

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, вѣрно ли опредѣлилъ

---

[1]) Braun's Archiv. XIV Band, 5 und 6 Heft.

Марксъ относительное значеніе каждой изъ указываемыхъ имъ тенденцій, г. П. Струве признаетъ, что эти тенденціи дѣйствительно существовали въ капиталистическомъ обществѣ первой половины девятнадцатаго вѣка: теорія обнищанія являлась простымъ констатированіемъ дѣйствительности; развитіе производительныхъ силъ било въ глаза; революціонные порывы пролетаріата, — начиная стихійными вспышками и кончая коммунистическимъ движеніемъ, — были вопросами дня. Но, по мнѣнію нашего критика, Марксъ сильно ошибался, утверждая, что указанныя имъ тенденціи вели къ соціализму. Это его утвержденіе не имѣло никакой реальной основы и было простой утопіей [1]). Торжество соціализма оставалось совершенно невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока обнищаніе народныхъ массъ было неоспоримымъ фактомъ. Обнищаніе рабочихъ несовмѣстимо съ такою зрѣлостью этого класса, которая сдѣлала бы его способнымъ совершить соціалистическій переворотъ. Поэтому фактическое положеніе дѣлъ не оставляло въ сороковыхъ годахъ никакого мѣста для чуждаго утопій соціальнаго оптимизма: если бы капитализму дѣйствительно предстояло потерпѣть крушеніе, то некому было бы взяться за возведеніе на его развалинахъ зданія соціализма. И если Марксъ былъ, тѣмъ не менѣе, совершенно чуждъ всякаго пессимизма, то это объясняется именно неосновательностью его соціально-политическаго міросозерцанія. «Настоятельная психологическая потребность доказать историческую необходимость экономическаго порядка, основаннаго на коллективизмѣ, — говоритъ г. П. Струве, — вынудила въ сороковыхъ годахъ соціалиста Маркса вывести (deduziren) соціализмъ изъ болѣе чѣмъ недостаточныхъ посылокъ» [2]).

Впослѣдствіи Марксъ существенно измѣнилъ,—по мнѣнію г. П. Струве, — свой пессимистическій взглядъ на положеніе рабочаго класса въ капиталистическомъ обществѣ, но все-таки не отказался отъ него цѣликомъ и вполнѣ сознательно. Вопіющее противорѣчіе между обнищаніемъ рабочаго класса съ одной стороны и развитіемъ общества въ направленіи къ соціализму — съ другой осталось для него незамѣтнымъ. «Это реальное противорѣчіе даже пріобрѣтало въ его глазахъ законный видъ, представляясь ему діалектическимъ противорѣчіемъ, стремящимся къ своему разрѣшенію» [3]). Въ виду этой странной психологической аберраціи неудивительно, что г. П. Струве увидѣлъ себя вынужденнымъ обратить свое вниманіе на «ученіе о развитіи посредствомъ роста противорѣчій» (durch Steigerung der Widersprüche) и подвергнуть это ученіе внимательному разбору.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Archiv, XIV Band, 5 und 6 Heft. S. 62. Курсивъ нашъ.

[3]) Тамъ же, стр. 663—64.

II.

Нашъ критикъ «беретъ» два, находящіяся во взаимномъ антагонизмѣ, явленія: A и B и разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ.

Если ростъ противорѣчія дѣйствительно имѣетъ здѣсь мѣсто, то развитіе противорѣчащихъ одинъ другому моментовъ выразится такою формулой:

Формула I, которую г. П. Струве называетъ формулой противорѣчія.

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
4 A	4 B
5 A	5 B
6 A	6 B
...	...
n A	n B

Каждое изъ двухъ явленій A и B растетъ путемъ накопленія однородныхъ элементовъ (Häufung des Gleichartigen); одновременно съ этимъ и благодаря этому растетъ также и существующее между ними противорѣчіе, которое и устраняется, наконецъ, побѣдой сильнѣйшаго явленія надъ слабѣйшимъ: n A уничтожаетъ n B.

Но, — по замѣчанію г. П. Струве, — мы можемъ представить себѣ, что въ соціальной дѣйствительности существуютъ противорѣчія совсѣмъ другого рода, выражаемыя совсѣмъ иною формулой.

Формула II, которую мы предлагаемъ назвать формулой притупленнаго противорѣчія.

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
4 A	2 B
5 A	B
6 A	0 B [1])

Въ каждомъ изъ случаевъ, выражаемыхъ этими двумя формулами, между A и B есть взаимодѣйствіе. Но между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ ростъ A неизмѣнно обусловливаетъ собою также ростъ B, т. е. слѣдовательно и обостреніе противорѣчія между этими двумя явленіями, во второмъ — дѣйствіе постоянно растущаго A только сначала

[1]) У г. П. Струве въ подлинникѣ стоитъ не нуль B, а «kein B». Читатель понимаетъ, что это — одно и то же.

вызываетъ увеличеніе коэффиціента B, а затѣмъ, перейдя извѣстный предѣлъ, ведетъ уже къ его уменьшенію, а значитъ и къ ослабленію указаннаго противорѣчія. Такимъ образомъ противорѣчіе постепенно разрѣшается здѣсь посредствомъ «притупленія» (durch Abstumpfung [1]).

Г. П. Струве объявляетъ «баснословной» ту мысль, что «соціальное развитіе въ своихъ рѣшительныхъ поворотахъ совершается исключительно по первой формулѣ». Но кѣмъ и когда была высказана эта «догма»? У г. П. Струве выходитъ, будто за нее держатся всѣ «ортодоксальные» марксисты. Это совсѣмъ невѣрно. Мы думаемъ, что врядъ ли кто изъ серьезныхъ послѣдователей Маркса согласится признать правильной «первую формулу» г. П. Струве. А не признавая правильности той или другой формулы, нельзя, конечно, и утверждать, что именно («исключительно») по этой формулѣ совершается историческое движеніе. Г. П. Струве слишкомъ поторопился наградить «баснословной догмой» своихъ «ортодоксальныхъ» противниковъ.

Ниже, въ предпослѣдней главѣ этой статьи, мы подробно разберемъ первую формулу г. П. Струве и покажемъ ея ошибочность. Теперь же мы приглашаемъ читателя обратить вниманіе на вторую его формулу.

Она должна выражать взаимодѣйствіе между A и B. Но взаимодѣйствіе предполагаетъ какъ дѣйствіе A на B, такъ и обратное дѣйствіе B на A. Г. П. Струве не говоритъ, въ чемъ заключается это послѣднее; онъ ограничивается тѣмъ, что опредѣляетъ дѣйствіе A на B. Мы узнали изъ самой формулы и изъ сопровождающихъ ее объясненій, что вплоть до извѣстнаго предѣла возрастаніе A обусловливаетъ собою также и ростъ B, а потомъ, за этимъ предѣломъ, ведетъ, напротивъ, къ уменьшенію B. Что же это означаетъ? Это означаетъ то, что указанный предѣлъ является пунктомъ, перейдя который, дѣйствіе A на B превращается въ прямую свою противоположность. Вторая формула г. П. Струве можетъ, поэтому, служить недурнымъ, такъ сказать, алгебраическимъ примѣромъ того перехода количественныхъ измѣненій въ качественныя, который на каждомъ шагу встрѣчается и въ природѣ, и въ общественной жизни и который тѣмъ не менѣе относится нашими «критиками» (изъ лагеря «теоретиковъ познанія») къ числу «баснословныхъ догмъ», выдуманныхъ Гегелемъ и взятыхъ на вѣру Марксомъ и его «ортодоксальными» учениками.

Пригласивъ читателя запомнить этотъ примѣръ, который очень пригодится намъ впослѣдствіи, мы идемъ далѣе.

Нашъ критикъ замѣчаетъ, что разсмотрѣніе «формулы противорѣчія» пріобрѣтаетъ особенный интересъ при сопоставленіи ея съ основной

---

[1]) Слово—Abstumpfung поставлено во вносные знаки самимъ г. П. Струве.

идеей матеріалистическаго объясненія исторіи. Это справедливо по многимъ причинамъ и между прочимъ потому, что, будучи сдѣлано г. П. Струве, указанное сопоставленіе показываетъ намъ, правильно ли понимаетъ онъ критикуемаго имъ писателя.

Сопоставленіе это начинается у г. П. Струве цитатой изъ такъ часто цитируемаго и, вѣроятно, всѣмъ уже извѣстнаго теперь предисловія къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie» Маркса. «Способъ производства матеріальной жизни вообще обусловливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни... На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства или, — говоря юридическимъ языкомъ,—съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ до тѣхъ поръ совершалось ихъ развитіе. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти отношенія превращаются въ тормазы этого развитія. Тогда наступаетъ эпоха общественнаго переворота. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется, болѣе или менѣе быстро, вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка. [1])... Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ тѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточный просторъ, и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія».

Сдѣлавъ эту цитату, г. П. Струве принимается ее комментировать. «Здѣсь ясно выражена,—говоритъ онъ,—идея постоянной **приспособленности** (Angepasstsein [2]) права и политическихъ учрежденій къ хозяйству, какъ **нормальной формы ихъ сосуществованія** [3]). Несоотвѣтствіе правовыхъ отношеній хозяйственнымъ есть противорѣчіе. Имъ вынуждается приспособленіе права къ хозяйству. У Маркса кореннымъ противорѣчіемъ выставляется противорѣчіе производительныхъ силъ отношеніямъ производства (имущественнымъ отношеніямъ). Приспособленіе отношеній производства къ производительнымъ силамъ составляетъ содержаніе соціальной революціи. Во всемъ этомъ изложеніи есть у Маркса та неясность, что съ одной стороны матеріальныя силы, а съ другой отношенія производства,—которыя представляютъ собою не что иное, какъ абстрактную совокупность конкретныхъ хозяйственныхъ, или, выражаясь юридически, правовыхъ отношеній,—являются своего рода самостоятельными сущностями или «вещами». Только благо-

---

[1]) Здѣсь г. П. Струве поясняетъ въ скобкахъ, что надстройку составляютъ правовыя и политическія учрежденія, которымъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія.

[2]) Курсивъ г. П. Струве.

[3]) Курсивъ г. П. Струве.

даря этой неясности можно говорить о противорѣчіи или о приспособленіи всѣхъ, цѣликомъ (en bloc) взятыхъ производительныхъ силъ всѣмъ цѣликомъ взятымъ правовымъ отношеніямъ и представлять себѣ соціальную революцію, какъ коллизію (все равно: длящуюся одинъ моментъ, или болѣе или менѣе продолжительное время) между эти двумя сущностями. Ясно, что общественное развитіе можетъ быть разсматриваемо, какъ длящійся процессъ разнообразныхъ коллизій и приспособленій. Марксъ, повидимому, признавалъ правильнымъ оба способа пониманія соціальной революціи, не замѣчая ихъ несовмѣстимости. Что касается, въ частности, будущаго общественнаго переворота, то Марксъ представлялъ его себѣ, какъ могучее столкновеніе хозяйства съ правомъ, неизбѣжно завершающееся рѣшительнымъ событіемъ или общественнымъ переворотомъ, собственно такъ называемымъ. Такимъ образомъ въ Марксовой теоріи соціальнаго развитія все вращается вокругъ отношенія или, если угодно, противорѣчія между хозяйствомъ и правомъ. Марксъ разсматривалъ хозяйство какъ причину, а право—какъ слѣдствіе» [1]).

Этотъ комментарій отличается, какъ мы увидимъ, чрезвычайнымъ богатствомъ теоретическаго содержанія [2]). Мы отмѣтимъ въ немъ на первый разъ слѣдующіе два пункта. По мнѣнію г. П. Струве, Марксъ

1 считалъ коренным ъ то противорѣчіе, которое неизбѣжно возникаетъ въ прогрессирующемъ обществѣ между производительными силами съ одной стороны, имущественными отношеніями—съ другой;

2 представлялъ себѣ соціальную революцію какъ могучее столкновеніе хозяйства съ правомъ, вслѣдствіе чего все вращается въ его теоріи вокругъ отношенія между правомъ и хозяйствомъ.

Справедливо ли это мнѣніе г. П. Струве? Другими словами, вѣрно ли понялъ и правильно ли изложилъ онъ теорію Маркса?

Что касается перваго пункта, то онъ безусловно правъ: противорѣчію между производительными силами общества и его имущественными отношеніями дѣйствительно всегда принадлежало центральное мѣсто въ Марксовой теоріи соціальнаго развитія. Въ подтвержденіе этого, а вѣрнѣе сказать—для лучшаго уясненія читателю мысли Маркса,—мы, кромѣ цитированнаго г. П. Струве предисловія къ «Zur Kritk der politischen Oekonomie», укажемъ на слѣдующее мѣсто изъ «Манифеста коммунистической партіи»:

«Мы видѣли, стало быть, что средства производства и сообщенія, которыя послужили основаніемъ для могущества буржуазіи, получили начало еще въ феодальномъ обществѣ. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія, условія, среди которыхъ со-

[1]) Ibid. S. 666—667.

[2]) Конечно, богатство богатству рознь Г. П. Струве богатъ главнымъ образомъ на заблужденія, а такому богатству завидовать не приходится.

вершались производство и обмѣнъ въ феодальномъ обществѣ, феодальная организація земледѣлія и промышленности, словомъ феодальныя имущественныя отношенія оказались несоотвѣтствующими вызваннымъ къ жизни производительнымъ силамъ. Эти отношенія стѣсняли производство, а не облегчали его. Они сдѣлались его цѣпями. Ихъ нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровергнуты. Мѣсто ихъ заняла свободная конкурренція съ соотвѣтствующимъ ей общественнымъ и политическимъ строемъ, съ экономическимъ и политическимъ господствомъ буржуазіи».

Дѣло, какъ видите, совершенно ясно: соціальная революція, означавшая паденіе феодальнаго и торжество буржуазнаго хозяйственнаго порядка, представлялась Марксу и изображалась имъ какъ столкновеніе (или противорѣчіе) между производительными силами, выросшими въ нѣдрахъ феодальнаго общества, и свойственными этому обществу имущественными отношеніями или—что то же—феодальной организаціей земледѣлія и промышленности. А если вы захотите хорошо выяснить себѣ, какъ представлялось Марксу и какъ изображалось имъ то измѣненіе общественныхъ отношеній, дѣлу котораго онъ самъ служилъ всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ и которое приведетъ къ замѣнѣ буржуазнаго хозяйственнаго порядка коллективистскимъ, то прочтите вотъ эту страницу:

«Современное буржуазное общество съ его имущественными отношеніями, съ его организаціей производства и обмѣна, какъ бы волшебствомъ создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, это общество находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ подземными силами, вызванными его заклинаніями. Въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собой исторію возмущенія производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ тѣхъ имущественныхъ отношеній, которыя являются условіями жизни для буржуазіи и для ея господства...

«Находящіяся въ его (буржуазнаго общества) распоряженіи производительныя силы не способствуютъ уже сохраненію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній; напротивъ, онѣ стали слишкомъ велики для этихъ отношеній, онѣ встрѣчаютъ въ нихъ препятствіе. Буржуазныя отношенія оказываются слишкомъ узкими для того, чтобы вмѣстить созданное ими богатство». (Тамъ же, стр. 8—9).

Устраненіе буржуазныхъ имущественныхъ отношеній и составляетъ историческую миссію пролетаріата.

Если бы кто-нибудь захотѣлъ прослѣдить эту основную мысль Марксо-

вой теоріи общественнаго развитія въ другихъ его сочиненіяхъ, то мы указали бы ему на «Нищету философіи» и на 420—421 страницы второй части третьяго тома «Капитала» [1]).

Итакъ, никакое сомнѣніе невозможно: въ Марксовой теоріи соціальнаго развитія все вращается вокругъ противорѣчія между производительными силами общества и его имущественными отношеніями. Но если это вполнѣ ясно и совершенно несомнѣнно, то спрашивается, на какомъ же основаніи г. П. Струве утверждаетъ (см. выше, пунктъ второй), что Марксъ представлялъ себѣ устраненіе капиталистическихъ производственныхъ отношеній, какъ могучее столкновеніе между хозяйствомъ и правомъ? Развѣ это второе столкновеніе тождественно по своему смыслу съ первымъ? Развѣ противорѣчіе производительныхъ силъ общества его имущественнымъ отношеніямъ имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ и противорѣчіе между хозяйствомъ и правомъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, имѣющій для насъ «коренную» важность, необходимо прежде всего выяснить себѣ, какое понятіе связывается у нашего критика со словомъ: хозяйство. А это можно сдѣлать, разумѣется, не иначе, какъ на основаніи его же, разбираемаго здѣсь. «критическаго опыта».

Анализируя взглядъ Штаммлера на отношеніе права къ хозяйству, г. П. Струве говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Къ сожалѣнію, понятіе хозяйства (хозяйственнаго порядка, отношеній производства) совсѣмъ не покрывается тѣмъ, что мы отмѣчаемъ какъ «хозяйственный» элементъ въ отдѣльныхъ соціальныхъ явленіяхъ. Хозяйство есть, напримѣръ, капиталистическій хозяйственный порядокъ [2])....

Нѣсколькими строками ниже мы встрѣчаемся съ афоризмомъ, гласящимъ, что «въ хозяйствѣ уже заключается право и vice versa (in der Wirthschaft ist das Recht und vice versa enthalten)» [3]). Наконецъ, еще черезъ нѣсколько строкъ мы наталкиваемся на такое разсужденіе: «то обстоятельство, что у меня нѣтъ хлѣба... не составляетъ никакого правового отношенія между мною и моими согражданами... и пусть не возражаютъ мнѣ, что при другомъ общественномъ устройствѣ цѣлесообразное правовое регулированіе устранило бы феноменъ безработицы. Это показываетъ только, что этотъ экономическій феноменъ зависитъ отъ

---

[1]) Мы потому указываемъ на нѣмецкій подлинникъ, что русскій переводъ его сдѣланъ неудовлетворительно. Указываемое нами мѣсто занимаетъ 733 страницу русскаго изданія третьяго тома.

[2]) Ibid. S. 668, курсивъ нашъ.

[3]) Ibid. S. 669, курсивъ опять нашъ.

даннаго хозяйственнаго или, иначе, правового порядка, взятаго во всей его совокупности» и т. д. [1]).

Изъ этихъ объясненій видно, что слово: хозяйство имѣетъ у нашего критика тотъ же самый смыслъ, что и терминъ: хозяйственный (напримѣръ, капиталистическій) *порядокъ* или терминъ: производственныя отношенія. Но мы уже знаемъ, что производственныя отношенія,—или хозяйственный порядокъ, или экономическая структура, — на юридическомъ языкѣ называются имущественными отношеніями. На это указываетъ и самъ Марксъ, о теоріи котораго идетъ рѣчь въ настоящее время, и г. П. Струве, подвергающій эту теорію своему разбору [2]). Очень хорошо. Замѣтимъ это и спросимъ себя: какой же видъ принимаетъ Марксова теорія общественнаго развитія въ изложеніи его критика? А на этотъ вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: въ изложеніи г. П. Струве выходитъ, что въ этой теоріи все вращается вокругъ противорѣчія между имущественными отношеніями даннаго общества и его правомъ. А это, будучи выражено другими словами, означаетъ, что, по Марксу, сущность современнаго, такъ называемаго, соціальнаго вопроса заключается въ противорѣчіи между имущественными отношеніями, напримѣръ, нынѣшней буржуазной Франціи и ея Code Civil . А если вы захотите выразить эту мысль еще иначе, то вы можете сказать еще такъ: противорѣчіе между имущественными отношеніями нынѣшней буржуазной Франціи и ея Code Civil составляетъ «das Fortleitende», т. е. то противорѣчіе, которое ведетъ эту страну впередъ и приближаетъ ее къ новому общественному порядку. Это совершенно логично и неизбѣжно выходитъ изъ словъ г. П. Струве и вмѣстѣ съ тѣмъ это представляетъ собою такую удивительную, такую неудобьсказуемую, короче—такую «басословную» догму, что если бы «критическій опытъ» г. П. Струве засталъ Маркса въ живыхъ и если бы авторъ «Капитала» далъ себѣ трудъ ознакомиться съ содержаніемъ этого невѣроятнаго опыта, то ему оставалось бы только развести въ недоумѣніи руками и воскликнуть, нѣсколько измѣняя слова героя въ Некрасовской поэмѣ «Судъ»:

Я въ дѣлѣ собственномъ моемъ,
Конечно, не судья; но въ томъ,
Что критикъ мой сказалъ,
Своей я мысли не узналъ.
Такъ пахарь былъ бы удивленъ,

---

[1]) Ibid. S. 669—670, курсивъ нашъ.

[2]) Для большей точности выразимся такъ: по Марксу, извѣстная часть производственныхъ отношеній составляетъ то, что юристъ назвалъ бы имущественными отношеніями. Ниже мы увидимъ, почему это названіе неприменимо ко всей совокупности производственныхъ отношеній.

Когда бы рожь посѣялъ онъ,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячмень колючій—и притомъ
Наполовину съ дурманомъ.

III.

И пусть снисходительный читатель не думаетъ, что мы ловимъ г. критика на случайныхъ опискахъ. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Указанный нами чудовищный промахъ повторяется чуть не на каждой страницѣ «опыта» и составляетъ тотъ логическій центръ, вокругъ котораго «вращается» почти все содержаніе придуманной г. П. Струве «критики» ортодоксальнаго марксизма. Вотъ, напримѣръ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ цитированнаго нами комментарія, г. П. Струве категорически заявляетъ: «переворотъ, устраняющій противорѣчіе, во всякомъ случаѣ логически необходимъ для Марксовой теоріи постоянно усиливающагося противорѣчія между хозяйствомъ и правомъ» [1]). Эти слова показываютъ, что г. П. Струве не только «упорствуетъ» въ своемъ непостижимомъ заблужденіи, но и кладетъ его въ основу своей «критики»: онъ собирается оспаривать Марксову мысль указаніемъ на то, что между правомъ и хозяйствомъ (т. е. имущественными отношеніями, экономической структурой) существеннаго противорѣчія быть не можетъ. Неменьшее «упорство» въ заблужденіи обнаруживается и нижеслѣдующей аргументаціей, которую нашъ «критикъ» считаетъ неотразимой и побѣдоносной:

«То, что, по примѣру Маркса, называется отношеніями производства, логически и исторически уже заключаетъ въ себѣ правовое регулированіе имущественныхъ отношеній. Уже по одному этому логически невозможно, оставаясь на Марксовой точкѣ зрѣнія, говорить о противорѣчивомъ развитіи производственныхъ отношеній и правового порядка (да кто же говоритъ объ этомъ, кромѣ васъ, о строгій критикъ! Вѣдь у Маркса-то рѣчь идетъ о противорѣчіи между производительными силами и имущественными отношеніями. Вы сами, въ началѣ вашего комментарія, «отмѣтили»,—правда, безъ «особенной силы»—это, дѣйствительно достойное замѣчанія, «обстоятельство». Какъ же вы вдругъ позабыли о немъ, когда вамъ понадобилось «критиковать» теорію Маркса? Н. Б.). Но еще много важнѣе то, что признаніе подобнаго развитія фактически и безусловно исключаетъ всякое реалистически понимаемое воздѣйствіе хозяйственныхъ явленій на правовой порядокъ (откуда взялись у васъ хозяйственныя явленія, г. П. Струве? Вѣдь у васъ шла рѣчь о

[1]) Ibid. S. 673.

производственныхъ отношеніяхъ или, иначе, о хозяйствѣ, и вы сами справедливо говорите, что понятіе: хозяйство совсѣмъ не покрывается тѣмъ, что мы называемъ хозяйственнымъ элементомъ въ общественныхъ явленіяхъ.-Н. Б.). Ибо подумайте: производственныя отношенія (г. «критикъ» опять, sans crier gare, возвращается къ производственнымъ отношеніямъ, понятіе о которыхъ, по его собственному замѣчанію, совсѣмъ не покрывается понятіемъ: хозяйственныя явленія.-Н. Б.) производственныя отношенія, становящіяся все болѣе и болѣе соціалистическими, порождаютъ классовую борьбу; классовая борьба—соціальныя реформы, а эти послѣднія будто бы обостряютъ капиталистическій характеръ общества. Итакъ—производственныя отношенія, становящіяся все болѣе соціалистическими, порождаютъ правовой порядокъ, становящійся все болѣе капиталистическимъ. Воздѣйствіе экономіи на право не только не порождаетъ никакого взаимнаго приспособленія между ними, но все болѣе усиливаетъ существующее между ними противорѣчіе» [1]).

Часть этой тирады, слѣдующая за словами: «ибо подумайте» написана очевидно для того, чтобы «съ особенной силой отмѣтить» нелогичность «ортодоксальныхъ» послѣдователей Маркса, признающихъ діалектическій законъ развитія. Но здѣсь нашъ критикъ опять навязываетъ «ортодоксальнымъ» марксистамъ «совершенно баснословную догму», и опять его изложеніе превращаетъ въ «ячмень на-половину съ дурманомъ» чрезвычайно цѣнное теоретическое зерно Марксовой теоріи соціальнаго развитія. «Ибо подумайте»! Когда Марксъ и его «ортодоксальные» послѣдователи говорятъ о постоянно растущемъ теперь противорѣчіи между производительными силами капиталистическаго общества и его производственными отношеніями,—они подъ этими послѣдними понимаютъ буржуазныя имущественныя отношенія, какъ это особенно ясно показываютъ сдѣланныя нами выше цитаты и какъ это признаетъ самъ г. П. Струве. Вотъ почему ни Марксу, ни его «ортодоксальнымъ» послѣдователямъ никогда не приходило и никогда не могло придти въ голову утверждать,—какъ это приписываетъ имъ г. П. Струве,—что производственныя отношенія буржуазнаго общества все болѣе и болѣе становятся соціалистическими. Кто сказалъ бы это, тотъ тѣмъ самымъ высказалъ бы ту мысль,—достойную развѣ лишь какого нибудь новѣйшаго Бастіа,—что имущественныя отношенія, свойственныя капиталистическому обществу и горячо отстаиваемыя буржуазіей, все болѣе и болѣе приближаются къ соціалистическому идеалу [2]).

---

[1]) Ibid. S. 676—677.

[2]) Этой неудобьсказаемой путаницѣ полезно противопоставить собственныя слова Маркса: «Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ доста-

Г. П. Струве называетъ книгу «Къ вопросу о развитіи монитическаго взляда на исторію» самымъ лучшимъ изложеніемъ философско-историческихъ основъ ортодоксальнаго марксизма. По его же словамъ, наши «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» написаны совершенно въ духѣ этой книги. Пусть же читатель потрудится пересмотрѣть эти книги и пусть онъ самъ рѣшитъ, есть ли въ нихъ хоть что либо похожее на то, что приписываетъ «ортодоксальнымъ» ученикамъ Маркса нашъ странный «критикъ»!

Изо всего этого слѣдуетъ тотъ неизбѣжный выводъ, что въ «критическомъ» походѣ г. П. Струве ему служитъ операціоннымъ базисомъ колоссальное, по-истинѣ невѣроятное непониманіе Маркса. Славный походъ! Глубокая «критика»! Интересный «критикъ»!

Литературная извѣстность г. П. Струве начинается съ осени 1894 г., когда вышла въ свѣтъ его, надѣлавшая много шума книга: «Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи». Въ этой тяжеловѣсно написанной и мѣстами наивной, но въ общемъ все-таки дѣльной книгѣ одновременно выступали,

Обнявшись, будто двѣ сестры,

и причудливо переплетаясь одна съ другою, двѣ теоріи: во-первыхъ, теорія Маркса и «ортодоксальныхъ» марксистовъ, а во-вторыхъ—теорія Брентано и его школы. И это смѣшанное, эклектическое содержаніе книги въ значительной степени оправдывало какъ упреки, сыпавшіеся на ея автора со стороны нѣкоторыхъ «ортодоксальныхъ» марксистовъ, такъ и ожиданія, возлагавшіяся на него другими, не менѣе «ортодоксальными» послѣдователями Маркса: упрекавшихъ раздражалъ брентанизмъ, а люди, возлагавшіе ожиданія на г. П. Струве, надѣялись, что эта буржуазная теорія будетъ мало-по-малу побѣждена въ его взглядахъ присутствовавшимъ въ нихъ элементомъ марксизма. Пишущій эти строки принадлежалъ къ числу ожидавшихъ. Его ожиданія не были, правда, очень велики: онъ никогда не считалъ г. П. Струве человѣкомъ, способнымъ обогатить теорію Маркса значительнымъ теоретическомъ вкладомъ; но онъ все-таки надѣялся, во-первыхъ, на то, что брентанизмъ г. П. Струве скоро будетъ побѣжденъ его марксизмомъ, а, во-вторыхъ, на то, что авторъ «Критическихъ замѣтокъ» способенъ правильно понимать автора «Капитала». Теперь оказывается, что мы ошиблись въ обоихъ случаяхъ: марксизмъ уже теперь уступаетъ, во взглядахъ г. П. Струве, свое мѣсто своему старому сосѣду—брентанизму; а кромѣ того,

---

точно простора, и новыя, высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матерьяльныя условія ихъ существованія» (Zur Kritik etc., Vorwort, курсивъ нашъ).

нашъ «критикъ» обнаружилъ совершеннсе непониманіе самыхъ коренныхъ, самыхъ важныхъ положеній историческаго матеріализма. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ очень далеко ушелъ назадъ, что объясняется, конечно, вліяніемъ того же брентанизма. Въ виду всего этого, намъ остается лишь открыто признаться въ своей ошибкѣ и сказать въ свое оправданіе, какъ говаривалъ Еврипидъ: «многое дѣлаютъ боги противъ ожиданія; не исполняется ими то, чего мы ждали, а съ другой стороны они находятъ средство осуществить неожиданное».

IV.

Мы видѣли: намъ невозможно было ошибиться насчетъ смысла, въ которомъ г. П. Струве употребляетъ слово хозяйство, такъ какъ онъ самъ постарался точно опредѣлить этотъ смыслъ. Но предположимъ, тѣмъ не менѣе, что мы неправильно его поняли, и что указаннымъ словомъ нашъ критикъ обозначаетъ не тотъ или другой («напримѣръ капиталистическій») хозяйственный порядокъ, не производственныя (имущественныя) отношенія, свойственныя данному обществу, а именно тотъ хозяйственный элементъ въ соціальныхъ явленіяхъ, понятіе о которомъ, по его собственному правильному замѣчанію, совсѣмъ не покрывается понятіемъ: хозяйство. Куда приведетъ насъ такое предположеніе? [1])

Разъ принявъ его, мы естественно должны принять также иное толкованіе тѣхъ словъ г. П. Струве, что въ Марксовой теоріи соціальнаго развитія все вращается вокругъ противорѣчія между хозяйствомъ и правомъ. Мы обязаны теперь допустить, что основой этой теоріи онъ считаетъ ученіе о противорѣчіи (отношеніи) между хозяйственными явленіями, имѣющими мѣсто въ данномъ обществѣ, и свойственнымъ этому обществу правомъ. Это противорѣчіе и должно быть признано теперь тѣмъ центромъ, вокругъ котораго «все вращается» въ Марксовой теоріи.

Возьмемъ же капиталистическое общество и посмотримъ, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ противорѣчіе между совершаю-

---

[1]) Мы дѣлаемъ это предположеніе на основаніи слѣдующихъ словъ г. П. Струве: «Jedenfalls aber ist für die Marxsche Theorie die Annahme einer Steigerung der Widersprüche zwischen den ökonomischen Phänomenen und Rechtsnormen charakteristisch"! (Ibid. S. 671). Здѣсь центральнымъ пунктомъ Марксовой теоріи является, стало быть, противорѣчіе между „правовыми нормами" и „хозяйственными явленіями", понятіе о которыхъ не покрывается понятіемъ: хозяйство.

щимися въ немъ хозяйственными явленіями и его правомъ можетъ явиться причиной, толкающей впередъ его развитіе.

Предположимъ, что въ нашемъ капиталистическомъ обществѣ существуетъ такъ называемая разрѣшительная система учрежденія акціонерныхъ обществъ. Извѣстно, что эта система отличается многими неудобствами, стѣсняющими развитіе акціонерныхъ компаній, а слѣдовательно и крупнаго производства, которое такъ нуждается теперь въ ассоціаціи капиталовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ. Поэтому, въ нашемъ обществѣ рано или поздно возникаетъ противорѣчіе между хозяйственнымъ явленіемъ—ростомъ крупнаго производства, нуждающагося въ развитіи акціонерныхъ компаній,—и правомъ—неудобнымъ законодательствомъ, регулирующимъ учрежденіе этихъ компаній. Такое противорѣчіе можетъ быть устранено только однимъ путемъ—путемъ уничтоженія разрѣшительной системы и замѣны ея такъ называемой явочной системой, несравненно болѣе удобной. И, конечно, явочная система,—именно, какъ несравненно болѣе удобная,—рано или поздно будетъ принята законодателемъ. Приспособленіе правовой нормы къ хозяйственному явленію произойдетъ здѣсь, можно сказать, само собою, и нужно быть, по французскому выраженію, fou à lier, чтобы заводить рѣчь о какихъ нибудь коренныхъ измѣненіяхъ общественнаго порядка тамъ, гдѣ развитіе общественной жизни выдвигаетъ только противорѣчія этого рода.

Но чѣмъ же отличается этотъ родъ противорѣчій? Тѣмъ, что хозяйственныя явленія, противорѣчащія буржуазному праву, нисколько не противорѣчатъ, однако, экономической основѣ этого права, т. е. имущественнымъ отношеніямъ капиталистическаго общества.

Теперь спрашивается: говорилъ ли когда-нибудь самъ Марксъ или кто-нибудь изъ его «ортодоксальныхъ» послѣдователей, что коренныя измѣненія общественнаго строя вызываются противорѣчіями этого рода? Нѣтъ, этого не говорили ни Марксъ, ни его ученики. По Марксу (мы указывали на это уже много разъ, но вынуждены опять повторить это), коренныя общественныя переустройства подготовляются и дѣлаются неизбѣжными благодаря противорѣчію между производительными силами общества и тѣми его имущественными отношеніями, на основѣ которыхъ держится свойственное этому обществу право. Это противорѣчіе принадлежитъ совершенно къ другому (несравненно болѣе опасному) роду; съ появленіемъ этого противорѣчія начинается эпоха кореннаго общественнаго переустройства. Топить его въ неопредѣленныхъ и потому безсодержательныхъ разглагольствованіяхъ о противорѣчіи между хозяйственными явленіями и правовыми учрежденіями и о приспособленіи права къ хозяйству—значитъ, не выяснять вопросъ, а запутывать и затемнять его до послѣдней степени. И по-истинѣ

нуженъ весь, «цѣликомъ взятый», «kritischer Geist» господина П. Струве, чтобы хоть на минуту вообразить, будто подобное запутываніе и затемнѣніе вопроса равносильно дальнѣйшему поступательному движенію «реалистической» мысли, лежащей въ основѣ марксизма, какъ исторической теоріи. Это не только не поступательное движеніе, но даже и не моціонъ мысли (какъ говаривалъ покойный А. С. Хомяковъ), а просто на просто безпорядочная и безсодержательная, а потому совершенно безплодная и безполезная, теоретическая суета вокругъ пустого мѣста. Подобная суета можетъ доставить величайшее наслажденіе людямъ, о которыхъ говоритъ Куно Фишеръ словами, поставленными нами въ эпиграфѣ, но для науки она хуже, чѣмъ ничего, для нея она—огромный шагъ назадъ, отрицательное явленіе.

Что право, свойственное данному обществу, вырастаетъ на основѣ его экономической структуры (имущественныхъ отношеній), это категорически говоритъ самъ Марксъ. [1]) И это можно подтвердить цѣлымъ рядомъ самыхъ неоспоримыхъ примѣровъ. Кто не знаетъ теперь, что имущественныя отношенія дикихъ охотничьихъ племенъ насквозь пропитаны коммунизмомъ и что на основѣ этихъ коммунистическихъ отношеній вырастаетъ соотвѣтствующее имъ обычное право? Кому неизвѣстно, что на почвѣ феодальныхъ имущественныхъ отношеній (на основѣ «феодальной организаціи земледѣлія и промышленности») выросла цѣлая система правовыхъ учрежденій, получавшихъ свои питательные соки изъ этой почвы и исчезнувшихъ вмѣстѣ съ нею? Кто не слыхалъ о томъ, что современное буржуазное право, напримѣръ, уже упомянутый выше Code Civil, выросло на почвѣ буржуазныхъ имущественныхъ отношеній? Самъ г. П. Струве, комментируя Маркса (см. выше, примѣчаніе на стр. 6), называетъ надстройкой правовыя и политическія отношенія, возникающія на основѣ данной экономической структуры, или данныхъ имущественныхъ отношеній. И самъ же г. П. Струве призналъ, что кореннымъ противорѣчіемъ, указываемымъ Марксовой теоріей соціальнаго развитія является противорѣчіе между производительными силами общества и его имущественными отношеніями. Почему же онъ немедленно забываетъ объ этомъ коренномъ противорѣчіи и подмѣняетъ его второстепеннымъ противорѣчіемъ между тѣми хозяйственными явленіями, которыя совершаются внутри данной экономической структуры, и правомъ, которому эта структура служитъ,

---

[1]) „Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка“ (Zur Kritik etc., Vorwort; курсивъ нашъ).

по выраженію Маркса, реальнымъ базисомъ? Чѣмъ можетъ оправдать онъ такую подмѣну?

Возьмите кризисы, на которые Марксъ указываетъ какъ на явленіе, служащее наиболѣе яркимъ подтвержденіемъ той мысли, что производительныя силы буржуазнаго общества переросли свойственныя ему имущественныя отношенія, или его экономическую структуру, и скажите, читатель, противорѣчитъ ли это хозяйственное явленіе праву, выросшему на почвѣ буржуазныхъ имущественныхъ отношеній, напримѣръ, хоть французскому кодексу 1804-го года? Наивный и смѣшной вопросъ! Кризисы такъ же мало противорѣчатъ гражданскому праву буржуазнаго общества, какъ вексельный курсъ — его уголовному праву. Не кризисы противорѣчатъ Code Civil, а производительныя силы противорѣчатъ экономической структурѣ («имущественнымъ отношеніямъ»), лежащей въ основѣ этого кодекса. Но что же означаютъ эти слова: производительныя силы буржуазнаго общества противорѣчатъ его экономической структурѣ, его имущественнымъ отношеніямъ? Они означаютъ, что эти отношенія препятствуютъ примѣненію этихъ силъ во всемъ ихъ объемѣ и что когда эти силы получаютъ широкое примѣненіе, онѣ нарушаютъ правильный ходъ народнаго хозяйства. Выходитъ, стало быть, что чѣмъ болѣе развиты производительныя силы общества, тѣмъ опаснѣе становится для него ихъ полное примѣненіе. И это противорѣчіе не можетъ быть устранено до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ существовать буржуазныя имущественныя отношенія [1]). Для его устраненія необходимо

[1]) Здѣсь полезно оговориться. Въ послѣднее время многіе гг. «критики» (въ ихъ числѣ г. Туганъ-Барановскій) указывали на то, что кризисы утратили теперь ту острую форму, какую они имѣли прежде, и что, поэтому, они уже не играютъ теперь той роли въ развитіи общественной жизни, которая не безъ основанія приписывалась имъ Марксомъ. На это мы отвѣтимъ вотъ что. Какова бы ни была теперь форма указаннаго Марксомъ явленія, сущность его осталась непзмѣнной. Это явленіе вызывается противорѣчіемъ между производительными силами общества и его имущественными отношеніями. Такъ называемыя англичанами trade depressions по формѣ очень не похожи на кризисы въ собственномъ смыслѣ этого слова, но по существу онѣ имѣютъ совершенно то же значеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться хотя бы, напримѣръ, съ выводами, къ которымъ пришла англійская королевская комиссія, назначенная для изслѣдованія причинъ застоя въ торговлѣ и промышленности «During the past 40 years,—читаемъ мы въ запискѣ, составленной нѣкоторыми членами этой комиссіи, разошедшимися во мнѣніяхъ съ ея большинствомъ— during the past 40 years a great change has been wrought in the circumstances of all civilized communities by the application of mechanical and scientific aids to the production and transport of commodities, the world over ... The great difficulty consists no longer as of old, in the scarcity and dearness of the necessaries and conveniences of life, but in the struggle for an adequate share of that employment which affords to the great bulk of the population their only means of obtaining a title to a sufficiency of those necessaries and conveniences, however plen-

устраненіе буржуазныхъ имущественныхъ отношеній и замѣна ихъ новыми, имѣющими совершенно другой характеръ. Такой смыслъ имѣетъ указаніе Маркса. Приведенное имъ въ примѣръ хозяйственное явленіе указываетъ на узкость тѣхъ рамокъ (тѣхъ имущественныхъ отношеній), въ которыхъ заключена хозяйственная жизнь буржуазнаго общества и которыя легли въ основу буржуазнаго права. А его «критикъ» обходитъ молчаніемъ (точнѣе: совершенно забываетъ, разъ упомянувъ о немъ) какъ разъ то самое противорѣчіе, которое онъ считалъ коренной причиной общественныхъ переворотовъ, и наивно замѣчаетъ потомъ, что собственная теорія Маркса,—будучи правильно понята,—не оставляетъ мѣста для общественнаго переворота, а предполагаетъ «постоянную приспособленность права къ хозяйству, какъ нормальную форму ихъ сосуществованія». Въ виду такой критики невольно вспоминаешь слова Крылова: слона-то ты и не примѣтилъ.

V.

Выходитъ, что въ какомъ бы изъ двухъ возможныхъ смысловъ мы ни понимали слова г. П. Струве о томъ противорѣчіи между правомъ и

---

tiful and cheap they may be... The growing difficulty (the struggle for an adequate share of employment in presence of the abundance and cheapness of commodities) finds its expression in the system of tariffs, export bounties, and other commercial restrictions, adopted and maintained by all civilized nations except our own.» (Final Report of the Royal commission etc., p. LV; ср. также стр. LXVII). Производительныя силы цивилизованныхъ обществъ такъ развиты теперь, что людямъ, не имѣющимъ другого товара, кромѣ своей рабочей силы, становится очень трудно найти себѣ занятіе, т. е. продать эту силу, и тѣмъ пріобрѣсти средства для покупки приготовляемыхъ теперь въ изобиліи дешевыхъ продуктовъ. Затрудненіе порождается избыткомъ; бѣдность—богатствомъ. Это какъ разъ то противорѣчіе, на которое указывали Марксъ и Энгельсъ, говоря о кризисахъ. Разница лишь въ томъ, что по мнѣнію составителей цитированной нами записки это противорѣчіе возникло въ послѣдніе 40 лѣтъ, а по мнѣнію авторовъ «Манифеста»—ранѣе. И не подумайте, что большинство королевской комиссіи отрицаетъ существованіе этого противорѣчія. Нѣтъ, большинство выражаетъ тотъ же взглядъ на этотъ предметъ, какъ и меньшинство; только оно выражается иначе: «The world's capacity of production,—говоритъ оно,—will naturally be in excess of its ordinary requirements» (L. c., p. XVII). Это совершенно равносильно той мысли, что trade depressions вызываются, какъ вызывались кризисы, несоотвѣтствіемъ между потребительной способностью рынка и современными производительными силами. Но потребительная способность рынка ограничивается именно имущественными отношеніями современнаго общества. Значитъ, мы опять сталкиваемся съ кореннымъ противорѣчіемъ этого общества—противорѣчіемъ между его имущественными отношеніями съ одной стороны, и его производительными силами—съ другой.

хозяйствомъ, которое, по его словамъ, составляетъ теоретическій центръ Марксовой теоріи общественнаго развитія, мы все-таки должны признать, что онъ совершенно ошибочно понимаетъ или совсѣмъ невѣрно излагаетъ эту теорію. Но его ошибка такъ груба и такъ неожиданна, что мы еще разъ спрашиваемъ себя: нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія? И не былъ ли г. П. Струве введенъ въ ошибку какимъ-нибудь выраженіемъ Маркса или Энгельса, неправильно имъ понятымъ или неправильно примѣненнымъ самими основателями научнаго соціализма?

Давайте вмѣстѣ искать, читатель. Вы помните, вѣроятно, то мѣсто въ знаменитой брошюрѣ Энгельса «Развитіе научнаго соціализма», гдѣ говорится объ основномъ противорѣчіи нынѣшняго способа производства. Прежде, въ Средніе вѣка, производитель былъ также и собственникомъ орудій труда и присваивалъ себѣ, за ничтожными исключеніями, лишь продуктъ своего собственнаго труда; въ настоящее время собственникъ орудій труда, капиталистъ, продолжаетъ присваивать въ свою частную собственность продукты, производимые на фабрикѣ соединеннымъ, общественнымъ трудомъ его рабочихъ. «Средства производства и продукты по существу своему стали общественными; но они были подчинены формѣ присвоенія, основанной на частномъ, единичномъ производствѣ, свойственномъ тому времени, когда каждый владѣлъ своимъ собственнымъ продуктомъ и самъ выносилъ его на рынокъ». Отсюда—противорѣчіе между способомъ производства и способомъ присвоенія: «новая форма производства подчинилась старой формѣ присвоенія, не смотря на то, что совершенно разрушила ея основаніе». И это коренное противорѣчіе заключаетъ въ себѣ зародышъ всѣхъ противорѣчій нынѣшняго общества.

На первый разъ «критическому» уму, цѣпляющемуся за слова и не проникающему до обозначаемаго ими содержанія, можетъ показаться, пожалуй, что противорѣчіе, указываемое здѣсь Энгельсомъ, и есть то противорѣчіе между хозяйствомъ и правомъ, о которомъ толкуетъ г. П. Струве. Но достаточно самаго небольшого усилія, чтобы понять, до какой степени это невѣрно.

Говоря объ общественномъ производствѣ, противорѣчащемъ индивидуальному присвоенію, Энгельсъ имѣетъ въ виду современную механическую мастерскую, въ которой трудъ рабочихъ объединяется въ одно стройное цѣлое и продукты которой являются, поэтому, плодами общественнаго труда. Но организація труда въ современной механической мастерской опредѣляется нынѣшнимъ состояніемъ техники и характеризуетъ собою состояніе производительныхъ силъ, а вовсе не хозяйственный порядокъ, нынѣшняго (капиталистическаго) общества, который характеризуется прежде всего и глав-

нымъ образомъ свойственными ему имущественными отношеніями, т. е. слѣдовательно и принадлежностью механической мастерской не объединеннымъ въ ней рабочимъ, а капиталисту, эксплоатирующему этихъ рабочихъ. Такимъ образомъ, и противорѣчіе между общественнымъ трудомъ на фабрикѣ и индивидуальнымъ присвоеніемъ этой фабрики есть уже хорошо знакомое намъ противорѣчіе между производительными силами капиталистическаго общества и его имущественными отношеніями. Это очень хорошо разъяснено у самого Энгельса «Точно такъ же, какъ мануфактура и усовершенствовавшіяся подъ ея вліяніемъ ремесла пришли нѣкогда въ столкновеніе съ феодальными путами цеховъ, крупная промышленность, на болѣе высокой ступени своего развитія, приходитъ въ столкновеніе съ узкими предѣлами, которыми ограничиваетъ ее капиталистическій способъ производства. Новыя производительныя силы переросли буржуазныя формы ихъ эксплоатаціи».

Ясно, что и Энгельсъ имѣетъ въ виду вовсе не противорѣчіе между «правомъ» и «хозяйствомъ». А кромѣ цитированной нами брошюры «Развитіе научнаго соціализма» мы не знаемъ рѣшительно ни одного такого сочиненія Маркса или Энгельса, которое давало бы хотя бы чисто внѣшній, хотя бы только словесный поводъ истолковать Марксову теорію общественнаго развитія въ томъ смыслѣ, въ какомъ истолковалъ ее г. П. Струве.

Это мы говоримъ, имѣя въ виду навязанное этимъ «критикомъ» Марксу «противорѣчіе между правомъ и хозяйствомъ» («напримѣръ, капиталистическимъ хозяйственнымъ порядкомъ»). А что, скажемъ мы, если навязанное Марксу «противорѣчіе» надо понимать въ другомъ смыслѣ,— именно въ смыслѣ противорѣчія между хозяйственными явленіями понятіе которыхъ не покрывается понятіемъ «хозяйство») и правовыми учрежденіями даннаго общества? Не выйдетъ-ли тогда, что г. П. Струве говоритъ то же, что и Фридрихъ Энгельсъ?

На первый взглядъ и здѣсь можетъ показаться, что—да; но и здѣсь при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло принимаетъ другой видъ.

Организація труда въ мастерской несомнѣнно есть хозяйственное явленіе. Но это хозяйственное явленіе противорѣчитъ не праву, а другимъ хозяйственнымъ же явленіямъ, именно—тѣмъ имущественнымъ отношеніямъ буржуазнаго общества, которыя составляютъ «реальный базисъ» буржуазнаго права. Отождествлять этотъ реальный базисъ съ возвышающейся надъ нимъ «юридической надстройкой»—значитъ излагать теорію кого-то другого, а не Карла Маркса, который самъ же и установилъ различіе между надстройкой (правомъ) и базисомъ (производственными отношеніями). Мы хорошо понимаемъ, что Маркса гораздо легче было бы «критиковать», если бы онъ его не устанавли-

валъ [1]). Но что же прикажете? Вѣдь Марксъ не обязанъ былъ искажать истину ради удобства «критиковъ»!

Какъ ни поворачивай дѣло, а все-таки надо признать, что г. П. Струве страшно напуталъ и что чрезвычайно трудно, вѣрнѣе—совсѣмъ невозможно, найти какія-нибудь правдоподобныя обстоятельства, хоть немного смягчающія вину надѣланной имъ путаницы, которая падаетъ всецѣло на него самого, да развѣ еще на Штаммлера.

Г. П. Струве по своему обыкновенію «критикуетъ» этого писателя (безъ «критики» онъ обойтись не можетъ); но онъ совсѣмъ не способенъ освободиться отъ его вліянія.

О самомъ Штаммлерѣ распространяться здѣсь было бы неумѣстно. Но нельзя не замѣтить мимоходомъ, что онъ ввелъ у насъ въ соблазнъ немалое число «марксистовъ» изъ ряда тѣхъ, которые были предварительно софистицированы и «притуплены» такъ называемой критической философіей, столь любезной теперь сердцу всѣхъ, стремящихся къ «притупленію» общественныхъ противорѣчій.

VI.

Мы уже выше замѣтили, что если бы сущность такъ называемаго соціальнаго вопроса заключалась въ несоотвѣтствіи буржуазнаго права буржуазному хозяйству, то объ исторической необходимости общественнаго переворота могли бы говорить только люди, страдающіе буйнымъ умопомѣшательствомъ. При такомъ отрадномъ положеніи дѣлъ теоретики-юристы и толковые практики изъ міра дѣловой буржуазіи безъ труда открывали бы, въ какомъ именно мѣстѣ башмакъ жметъ,—по нѣмецкому выраженію,—ногу, и господамъ буржуа стоило бы только сердито поворчать и угрожающе нахмуриться, чтобы ихъ парламентскіе представители немедленно придали башмаку новую форму. Но, спрашивается, пошло ли-бы въ этомъ случаѣ естественное развитіе по второй формулѣ г. П. Струве, которую мы назвали формулой притупленнаго противорѣчія?

---

[1]) У г. П. Струве сознаніе этого удобства наивно выражается словами: «Die von mir vorgetragene Ansicht schliesst sowohl den Marxschen als auch den Stammlerschen Begriff der «sozialen Revolution» aus. Die Anpassung des Rechtes an die Sozialwirthschaft hört keinen Augenblick auf und die Entwicklung der jeweiligen Gesellschaftsordnung ist es eben, welche diesen Rahmen umformt und aus weitet». (Ibid.. S. 672). Вы правы, о «критикъ»! Гораздо лучше было бы, если бы Ваша «Ansicht» совпадала съ Марксовой, а еще лучше и глаже было бы, если бы Ваша Ansicht, не совпадающая съ Марксовой, соотвѣтствовала исторической дѣйствительности. Но увы! Она не соотвѣтствуетъ ей, а «противорѣчитъ».

Выше мы взяли для примѣра законодательство объ акціонерныхъ обществахъ. Теперь мы возьмемъ ради удобства тотъ же примѣръ. Скажите, читатель, какое отношеніе установится между общественной жизнью, требующей размноженія акціонерныхъ обществъ, и разрѣшительной системой, стѣсняющей такое размноженіе? Намъ кажется, что между ними установится противорѣчіе, которое будетъ постоянно увеличиваться, вплоть до той поры, когда разрѣшительная система исчезнетъ, уступивъ мѣсто явочной системѣ. Такъ-ли это? Несомнѣнно такъ. А если это такъ, то стало быть мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ явленіемъ, подтверждающимъ справедливость Гегелевскаго афоризма: противорѣчіе ведетъ впередъ. А это новое умозаключеніе въ свою очередь дастъ почувствовать весь комизмъ положенія тѣхъ г. г. «критиковъ», которые любятъ порицать Гегеля и толковать о «притупленіи противорѣчій».

Г. П. Струве возразитъ намъ, можетъ быть, что обостреніе противорѣчія между отжившею правовой нормой и новой общественной потребностью еще не ручается за обостреніе борьбы между защитниками старой нормы и ея противниками. Это будетъ справедливо. И мы охотно допускаемъ, что въ незначительныхъ случаяхъ, подобныхъ вышеразсмотрѣнному, обостреніе указаннаго противорѣчія можетъ сопровождаться въ иныхъ случаяхъ даже ослабленіемъ общественной борьбы, т. е. притупленіемъ противорѣчія между борющимися. Хотя надо замѣтить, что это не болѣе, какъ предположеніе, которое надо еще доказать и которое мы принимаемъ просто изъ любезности по отношенію къ г. П. Струве. Но можетъ-ли это быть тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о мелочахъ, подобныхъ законодательству объ акціонерныхъ обществахъ, а о великихъ общественныхъ переворотахъ, затрагивающихъ коренную основу права: экономическую структуру, имущественныя отношенія? На этотъ вопросъ неподкрашенная историческая дѣйствительность отвѣчаетъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Мы не знаемъ хорошенько, какъ совершалось развитіе въ Китаѣ въ теченіе длиннаго, до сихъ [illegible]ще не законченнаго періода его упадка; но мы твердо знаемъ, что въ прогрессирующихъ обществахъ ростъ противорѣчій между новыми общественными потребностями и старымъ общественнымъ строемъ сопровождается обыкновенно обостреніемъ борьбы между новаторами и консерваторами. Именно къ такимъ (идущимъ «впередъ») обществамъ цѣликомъ примѣнимо то, что говоритъ о борьбѣ за право Іерингъ въ своей знаменитой брошюрѣ: «Всякое право пріобрѣтено путемъ борьбы; каждое важное правовое положеніе должно быть вырвано у тѣхъ, которые ему противились»... «Съ существующимъ правомъ сростаются мало-по-малу интересы тысячъ людей и цѣлыхъ сословій, такъ что его нельзя устранить, не нанося имъ чувствительнаго ущерба. Поднять вопросъ объ устраненіи

даннаго узаконенія или даннаго учрежденія—значитъ объявить войну всѣмъ этимъ интересамъ. Каждая подобная попытка естественно вызываетъ, поэтому, дѣйствіемъ инстинкта самосохраненія, сильное сопротивленіе со стороны затронутыхъ интересовъ, а тѣмъ самымъ и борьбу... Высочайшей степени интенсивности достигаетъ эта борьба тогда, когда интересы складываются въ видѣ пріобрѣтенныхъ правъ... Всѣ великія завоеванія, на какія только можетъ указать исторія права: уничтоженіе рабства, крѣпостничества, свобода поземельной собственности, свобода ремесла, свобода совѣсти и т. д.,—всѣ они сдѣланы были посредствомъ жесточайшей борьбы, длившейся часто цѣлыя столѣтія, и путь, которымъ шло право въ своемъ развитіи, нерѣдко обозначается потоками крови и вездѣ усѣянъ обломками разбитыхъ правовыхъ учрежденій» [1])

Если такой ходъ общественнаго развитія называется развитіемъ посредствомъ притупленія противорѣчій, то мы, право, уже не знаемъ, что̀ слѣдуетъ назвать ихъ обостреніемъ.

Въ поясненіе и защиту своей второй формулы г. П. Струве приводитъ два примѣра, которые оба имѣютъ, однако, то едва ли удобное для него свойство, что «противорѣчатъ» ему самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Первый примѣръ: «Положимъ, что вслѣдствіе развитія промышленности возникаетъ практически-экономическое (praktisch-wirth schaftliche) рабочее движеніе. Издается или дѣлается болѣе строгимъ законъ, запрещающій стачки и коалиціи. Растетъ репрессія, а съ нею и противуположность. Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи рабочее движеніе перерастаетъ репрессію, оружіе которой притупляется, и въ заключеніе законы, направленные противъ рабочаго движенія, отмѣняются. Здѣсь мы имѣемъ случай, въ которомъ противорѣчіе сначала растетъ, а потомъ ослабляется, и въ заключеніе одна изъ партій побѣждаетъ» [2]).

Когда одна изъ партій «побѣждаетъ», тогда противорѣчіе не только не растетъ, но совсѣмъ уничтожается. Это понятно само собою. Весь вопросъ въ томъ, ослабляется или, напротивъ, растетъ противорѣчіе въ періодъ, непосредственно предшествующій побѣдѣ одной изъ борющихся сторонъ. А на этотъ вопросъ самъ г. П. Струве отвѣчаетъ отрицательно: въ его собственномъ примѣрѣ «противоположность или сопротивленіе» увеличивается, до тѣхъ поръ, пока репрессія не оказывается безсильной, т. е. пока рабочіе не побѣдятъ. Правда, въ его примѣрѣ отмѣнѣ закона предшествуетъ тотъ періодъ, когда «оружіе репрессіи притупляется». Но существованіе этого періода есть простое предположеніе. Скажетъ ли г. П. Струве, что это предположеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности? Если онъ скажетъ это, то

[1]) Der Kampf um's Recht, 13 Auflage, SS. 6—7—8.
[2]) Archiv, XIV B., 5 und 6 Heft, S., 675.

мы отвѣтимъ ему, что именно исторія законовъ, направленныхъ противъ рабочихъ коалицій, говоритъ *противъ* его предположенія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напримѣръ, въ Англіи,—этой классической странѣ компромисса,—отмѣнѣ законовъ противъ коалицій предшествовало менѣе строгое ихъ примѣненіе? Вовсе нѣтъ! Никакъ ихъ отмѣны дѣло обстояло совсѣмъ иначе. По словамъ Гоуэлля, недовольство этими законами постоянно росло, вызывая новыя репрессивныя мѣры, и когда законодательство, направленное противъ коалицій въ собственномъ смыслѣ, оказалось слишкомъ слабой преградой для растущаго потока рабочаго движенія, правительство постаралось *отточить свое оружіе*, обратившись къ другимъ законамъ, въ родѣ Sedition Acts, законовъ, карающихъ государственную измѣну и т. п. Съ своей стороны, рабочіе раздражались все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, ихъ волненія и исходившіе изъ ихъ среды аттентанты не вынудили правительство отмѣнить ненавистные законы [1]).

Совершенно тоже узнаемъ мы отъ супруговъ Уэббовъ и отъ Кулемана, который, впрочемъ, лишь повторяетъ въ этомъ случаѣ то, что говорятъ супруги Уэббы [2]).

Второй примѣръ, приводимый нашимъ «критикомъ», не доказательнѣе перваго. Въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло съ извѣстнымъ нѣмецкимъ «*исключительнымъ законом*ъ 1878 г.». Г. П. Струве указываетъ на то, что этотъ законъ, по мѣрѣ роста рабочаго движенія, примѣнялся все слабѣе, а наконецъ былъ и совсѣмъ отмѣненъ. «Что это: увеличеніе, или скорѣе ослабленіе сопротивленій?»—спрашиваетъ нашъ «критикъ».

На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ вопросомъ: о *какихъ сопротивленіяхъ* (Wiederstände) онъ говоритъ? Если о сопротивленіи имперскаго правительства стремленіямъ рабочей партіи съ одной стороны и о сопротивленіи рабочей партіи стремленіямъ имперскаго правительства — съ другой, то менѣе суровое примѣненіе, а затѣмъ и отмѣна названнаго закона вовсе не означала ослабленія *этихъ* «сопротивленій», какъ это

---

[1]) Le passé et l'avenir des Trade-Unions par Georges Howell, traduction par Ch. Le Cour Grandmaison, Paris 1892, pp. 40 et 45.

[2]) *Уэббы*: «The common law anq ancient statutes were ruthlessly used to supplement in Comlination Acts, often by strained constructions. The scotch judges in particular... applied the criminal psesedure of Scotland to cases of simple combination... The whole system ofrepression which had characterised the statesmanship of the Regency culminated in this period in a tiranny not exceeded by any of the monarchs of the monarchs of the „Holy Alliance". (History of Trade Unionism, London 1894, pp. 84—85. *Кулеманъ*: „Erschwert wurde die Lage für die Arbeiter noch durch die nach die Frieden von 1815 in Verbindung mit dem niedrigen Stande der Preise einsetzende ausse sordentliche Herabdrückung des Löhne. Es ist deshalb begreiflich, dass sich überall Geheimbunde bildeten und Verschwosungen stattfanden, die mit blutigen Verfolgungen endeten." (Die Gewerkschaftsbewegung Jena 1900, B. 3—3.) Нечего сказать, замѣчательное «притупленіе»!

прекрасно понимаютъ и рабочая партія, и имперское правительство. Менѣе суровое примѣненіе исключительнаго закона означало только то, что правительство убѣдилось въ его нецѣлесообразности, а его нецѣлесообразность обусловливалась тѣмъ, что рабочая партія научилась избѣгать сѣтей исключительнаго закона. Ставшій нецѣлесообразнымъ, исключительный законъ не только не ослаблялъ неудовольствія рабочей массы, но увеличивалъ его, раздражая эту массу нестерпимой полицейской «волокитой» Видя, что результаты получаются какъ разъ обратные тѣмъ, которыхъ оно ожидало, германское имперское правительство сочло невыгоднымъ и неудобнымъ дальнѣйшее строгое примѣненіе и даже существованіе этого закона. Онъ былъ отмѣненъ. И если мы возстановимъ теперь въ памяти его исторію, то она покажетъ намъ, какъ отмѣняются законы, ставшіе нецѣлесообразными, а вовсе не какъ «притупляются» общественныя противорѣчія.

Нѣтъ, что ни говорите, а неподкрашенная исторія служитъ плохимъ свидѣтельствомъ въ пользу второй формулы г. П. Струве. И если, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки «критикуетъ» людей, признающихъ правильность Гегелева замѣчанія насчетъ ведущаго впередъ противорѣчія, то онъ очевидно имѣетъ на эту серьезную причину. Какая же это причина?

Онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ съ откровенностью, заслуживающею величайшей похвалы.

«Я уже оттѣнилъ,—говоритъ онъ,—то обстоятельство, что если соціальное развитіе совершается по формулѣ возрастанія противоположностей, то «общественный переворотъ» необходимо долженъ представляться въ видѣ политическаго переворота. Но это представленіе, лежащее въ основѣ знаменитаго ученія о диктатурѣ пролетаріата, падаетъ вмѣстѣ съ діалектическимъ ходомъ развитія» [1]).

Вотъ оно что! Все дѣло тутъ, какъ видите, въ политическомъ переворотѣ и въ диктатурѣ пролетаріата. Такъ и запишемъ!

Настоятельная психологическая потребность подорвать теоретическую основу знаменитаго ученія о диктатурѣ пролетаріата и о «политическомъ переворотѣ», необходимомъ для соціальнаго освобожденія этого класса, вынудила критика П. Струве, на зарѣ двадцатаго столѣтія, обосновать свои возраженія противъ «ортодоксальнаго» марксизма на болѣе чѣмъ недостаточныхъ посылкахъ.

Подъ вліяніемъ этой настоятельной психологической потребности г. П. Струве приписалъ Марксовой теоріи общественнаго развитія совсѣмъ не то содержаніе, какое она имѣетъ въ дѣйствительности, и эта его

[1]) Ibid. S. 674.

«коренная» погрѣшность естественно повела за собою рядъ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ. Въ головѣ нашего «критика» неправильное пониманіе имъ Марксовой теоріи отразилось въ видѣ «неясности» самой теоріи. Такъ, онъ замѣтилъ, какъ мы узнаемъ, неясность, заключающуюся будто бы въ томъ, что, въ этой теоріи, производительныя силы общества и его отношенія производства являются какъ своего рода сущности или «вещи». Г. «критикъ» думаетъ, что только благодаря такой неясности можно говорить о противорѣчіи всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, производительныхъ силъ всѣмъ, цѣликомъ взятымъ, отношеніямъ производства и представлять себѣ соціальную революцію, какъ коллизію между этими силами и этими отношеніями. Мы узнали также отъ г. П. Струве, что соціально-политическое міросозерцаніе Маркса страдало еще другою неясностью: онъ съ одной стороны придерживался того взгляда на развитіе общества путемъ усиленія противорѣчій, который защищаютъ теперь его «ортодоксальные» ученики, а съ другой — склонялся и къ тому взгляду на это развитіе, вокругъ котораго «вращается» теперь «соціальная» политика г. П. Струве и который выражается формулой притупленнаго противорѣчія; и при этомъ авторъ «Капитала» не замѣчалъ несовмѣстимости такихъ взглядовъ.

Разберемъ первую «неясность».

Въ современной механической мастерской,—т. е. на фабрикѣ,—трудъ работающихъ тамъ пролетаріевъ принимаетъ характеръ общественнаго труда, между тѣмъ какъ сама фабрика принадлежитъ отдѣльному лицу или отдѣльнымъ лицамъ. Организація труда на фабрикѣ противорѣчитъ общественнымъ отношеніямъ производства и именно—имущественнымъ отношеніямъ современнаго общества. Но что же такое сама фабрика? Поскольку она представляетъ собою совокупность усовершенствованныхъ орудій труда, она является составнымъ элементомъ того, что мы называемъ общественными производительными силами. А поскольку совокупность усовершенствованныхъ орудій труда обусловливаетъ собою извѣстную его организацію, то есть — извѣстныя отношенія между производителями, — фабрика есть общественное отношеніе производства.[1]) И если это отношеніе начинаетъ противорѣчить имущественнымъ отношеніямъ капиталистическаго общества; если фабрика перестаетъ уживаться съ капиталомъ, то это значитъ, что нѣкоторая часть общественныхъ отношеній производства перестаетъ соотвѣтствовать другой ихъ части, и что фраза: «производительныя силы

[1]) «Машины такъ же мало составляютъ экономическую категорію, какъ и быки, которые тащатъ плугъ. Это производительная сила, не больше. Современная же фабрика, основанная на употребленіи машинъ, есть общественное отношеніе производства, экономическая категорія.» «Нищета философіи» стр. 107.

общества противорѣчатъ его имущественнымъ отношеніямъ» должна быть понимаема именно въ этомъ эволюціонномъ смыслѣ, устраняющемъ всякую возможность представленія названныхъ силъ и указанныхъ отношеній въ видѣ какихъ-то самостоятельныхъ сущностей. Въ виду этого, дѣйствительно становится невозможнымъ говорить о противорѣчіи производительныхъ силъ «всѣмъ, цѣликомъ взятымъ» отношеніямъ производства. Но кто же говоритъ объ этомъ, кромѣ нашего «критика»? Во всякомъ случаѣ не Карлъ Марксъ, и не Фридрихъ Энгельсъ [1]).

Замѣтьте, что г. П. Струве, все время толковавшій о противорѣчіи между правомъ и хозяйствомъ, вдругъ самъ вспомнилъ, однако, что не это противорѣчіе составляетъ, по Марксовой теоріи, главную пружину общественнаго развитія, и заговорилъ о противорѣчіи производительныхъ силъ общественнымъ отношеніямъ производства. Mieux vaut tard que jamais! Съ другой стороны, возвращеніе къ истинному теоретическому центру Марксовой теоріи было бы дѣйствительно хорошо только въ томъ случаѣ, если бы г. П. Струве потрудился понять слова Маркса, прежде, чѣмъ приступать къ ихъ «критикѣ». Но понять-то онъ и не счелъ нужнымъ.

Г. П. Струве незамѣтно для себя переходитъ отъ одного неправильнаго пониманія теоріи Маркса къ другому, столь же неправильному ея пониманію, при чемъ онъ не замѣчаетъ «несовмѣстимости» этихъ двухъ неправильныхъ способовъ пониманія. Но въ головѣ его все-таки шевелится подчасъ смутное сознаніе того, что дѣло обстоитъ какъ-то не совсѣмъ ладно. Тогда онъ для успокоенія своей собственной теоретической совѣсти, и чтобы предупредить возраженія со стороны читателей валитъ съ больной головы на здоровую и обвиняетъ Маркса въ той самой «неясности» и въ томъ самомъ совмѣщеніи несовмѣстимыхъ понятій, которыя составляютъ главную отличительную черту его собственной «критики». Такой критическій пріемъ удовлетворитъ, конечно, далеко не вся-

---

[1]) Здѣсь нужно, однако, обратить вниманіе читателя на слѣдующую особенность терминологіи только что названныхъ писателей. Когда рѣчь идетъ у нихъ объ основномъ противорѣчіи, толкающемъ впередъ общественное развитіе, тогда слова: отношенія производства употребляются ими въ болѣе узкомъ смыслѣ имущественныхъ отношеній. Примѣръ: приведенная нами въ одномъ изъ предыдущихъ замѣчаній цитата изъ предисловія къ «Zur Kritik», гдѣ говорится, что новыя отношенія производства не замѣняютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются матерьяльныя условія ихъ существованія. Подъ матерьяльными условіями существованія новыхъ отношеній производства (имущественныхъ отношеній) здѣсь понимаются также и тѣ непосредственныя отношенія производителей въ процессѣ производства (напримѣръ, организація труда на фабрикѣ и мануфактурѣ), которыя въ болѣе широкомъ смыслѣ тоже должны быть названы отношеніями производства. Это обстоятельство могло, пожалуй, сбить съ толку поверхностнаго «критика».

каго читателя; но онъ, какъ видно, вполнѣ удовлетворяетъ самого г. П. Струве. И то хорошо!

Замѣтьте еще вотъ какое обстоятельство.

Г. П. Струве только что упрекалъ Маркса въ томъ, что по его теоріи всѣ, вмѣстѣ взятыя, производительныя силы вступаютъ въ противорѣчія со всѣми, цѣликомъ взятыми общественными отношеніями производства. А что слышали мы отъ него нѣсколько выше? Мы слышали: «Ибо подумайте... производственныя отношенія, становящіяся все болѣе и болѣе соціалистическими, порождаютъ правовой порядокъ, становящійся все болѣе и болѣе капиталистическимъ. Воздѣйствіе экономіи на право не только не порождаетъ никакого взаимнаго приспособленія между ними, но все болѣе усиливаетъ существующее между ними противорѣчіе». Такъ долженъ былъ представляться, — по тогдашнимъ словамъ г. П. Струве, — ходъ общественнаго развитія тѣмъ марксистамъ, которые признаютъ діалектическій законъ развитія. Но Марксъ самъ признавалъ этотъ законъ. Стало быть, и онъ долженъ былъ имѣть такое же представленіе о ходѣ общественнаго развитія. Но это представленіе совсѣмъ не похоже на только что разсмотрѣнное: тамъ (въ представленіи, только что разсмотрѣнномъ нами) производительныя силы все болѣе противорѣчатъ производственнымъ отношеніямъ, которыя, очевидно, играютъ роль консервативнаго элемента; здѣсь этотъ консервативный элементъ превращается въ прогрессивный: производственныя отношенія все болѣе и болѣе становятся соціалистическими, и противорѣчіе существуетъ не между отсталыми производственными отношеніями и ушедшими впередъ производительными силами, а между ушедшими впередъ производственными отношеніями и отсталымъ правовымъ порядкомъ (который все болѣе «становится капиталистическимъ»). И все это будто бы по Марксу! Что же это за... путаница? Г. П. Струве твердитъ свое: я не виноватъ; это все напуталъ Карлъ Марксъ, придерживающійся двухъ несовмѣстимыхъ взглядовъ! Но теперь мы уже понимаемъ смыслъ этой отговорки. Мы уже знаемъ теперь, что путаетъ здѣсь не Марксъ, а его «критикъ», и мы безъ труда открываемъ, гдѣ и въ чемъ именно запутался этотъ послѣдній.

Г. П. Струве, упрекавшій Маркса въ томъ, что у него всѣ вмѣстѣ взятыя производительныя силы противорѣчатъ всѣмъ вмѣстѣ взятымъ общественнымъ отношеніямъ производства, чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ упрекъ совсѣмъ не основателенъ и что у Маркса развитіе производительныхъ силъ сопровождается также измѣненіемъ взаимныхъ отношеній производителей въ процессѣ производства. Но онъ не зналъ, какія именно отношенія производства измѣняются параллельно развитію производительныхъ силъ и какія — отстаютъ отъ этого развитія, обусловливая своею отсталостью необходимость ради-

кальнаго общественнаго переворота, соціальной революціи. А не зная этого, онъ употрѣбилъ тотъ самый грубый пріемъ, который онъ приписываетъ Марксу: онъ взялъ «цѣликомъ» всѣ общественныя отношенія производства и объявилъ, что Марксъ и марксисты думаютъ, будто эти отношенія все болѣе и болѣе дѣлаются соціалистическими, между тѣмъ какъ правовой порядокъ все болѣе пропитывается духомъ капитализма. Марксъ и «ортодоксальные» марксисты никогда, разумѣется, этого не утверждали; но приписанная имъ «коренная» несообразность, прямо «противорѣчащая» другой «коренной» несообразности, приписанной имъ тѣмъ же «критикомъ» въ другомъ мѣстѣ, чрезвычайно хорошо характеризуетъ царствующій въ головѣ г. П. Струве хаосъ представленій о Марксовой теоріи соціальнаго развитія!

VII.

Царствію этого хаоса нѣсть конца. Мы неспособны изобразить его во всей его славѣ: для этого нужна была бы лира стараго Державина. Но для полноты характеристики мы укажемъ на одну «неясность».

По словамъ г. П. Струве, въ Марксовой теоріи понятіе: совокупность производственныхъ отношеній даннаго общества покрывается понятіемъ: совокупность конкретныхъ правовыхъ отношеній. Чтобы читатель могъ судить, такъ ли это, мы приведемъ два-три примѣра.

Первый примѣръ. Взаимныя отношенія производителей въ современной механической мастерской представляютъ собою, какъ мы видѣли, общественное отношеніе производства. Но эти ихъ взаимныя отношенія въ процессѣ производства не составляютъ никакого правового отношенія между ними. Правовое отношеніе существуетъ между ними и ихъ нанимателемъ. Но это уже совсѣмъ «изъ другой оперы».

Второй примѣръ. Стоимость есть (по Марксу) общественное отношеніе производства. Но понятіе о стоимости совсѣмъ не покрывается понятіемъ о правовыхъ отношеніяхъ людей, вступающихъ въ мѣновыя сдѣлки другъ съ другомъ.

Третій примѣръ. Конкурренція есть производственное отношеніе, свойственное буржуазному обществу. Она даетъ поводъ къ возникновенію многихъ правовыхъ отношеній. Но понятіе о ней вовсе не покрывается понятіемъ объ этихъ правовыхъ отношеніяхъ.

Четвертый примѣръ. Капиталъ... Но довольно! Читатель и самъ видитъ, что г. П. Струве паки и паки страшно путаетъ. А мы прибавимъ отъ себя развѣ лишь то, что въ этомъ случаѣ нашъ «критикъ»

былъ вовлеченъ въ свою странную ошибку Штаммлеромъ, отъ вліянія котораго онъ не могъ уберечься.

Возвращаемся къ центральному пункту позиціи нашего «критика»: къ его разсужденіямъ о различныхъ формулахъ общественнаго развитія.

Мы сказали сначала, что ни одинъ «ортодоксальный» марксистъ не согласится признать правильною его первую формулу. Потомъ, критикуя г. П. Струве, мы настаивали на томъ, что общественное развитіе совершается путемъ обострения противорѣчій, а не путемъ ихъ притупленія. Иной читатель принялъ это, пожалуй, за признаніе правильности той самой формулы, которую мы же объявили ошибочной. Вотъ почему мы находимъ нужнымъ объясниться, напоминая при этомъ читателю, что самъ Марксъ былъ не охотникъ до «формулъ» и ѣдко смѣялся въ своей «Нищетѣ Философіи» надъ Прудономъ за его пристрастіе къ нимъ.

Читатель не забылъ сочиненной г. П. Струве «формулы противорѣчія».

A	B
2A	2B
3A	3B
4A	4B
5A	5B
6A	6B
...	...
nA	nB

Откуда взялось это *A*? Откуда взялось *B*? Служитъ-ли *A* причиной существованія *B*? Служитъ-ли *B* причиной существованія *A*? Все это «покрыто мракомъ неизвѣстности». Отъ г. П. Струве мы узнаемъ только, что между *A* и *B* существуютъ взаимодѣйствіе. Но его формула не выражаетъ даже и взаимодѣйствія: она только указываетъ, что *B* растетъ прямо пропорціонально росту *A*.- Г. П. Струве удовольствовался этимъ указаніемъ, полагая, что формула, выражающая отношеніе роста *B* къ росту *A*, съ достаточной полнотой изображаетъ взглядъ «ортодоксальныхъ» марксистовъ на ходъ общественнаго развитія. «Каждое изъ двухъ явленій *A* и *B* растетъ путемъ накопленія однородныхъ элементовъ—говдритъ онъ.—Одновременно съ этимъ и благодаря этому растетъ также и существующее между ними противорѣчіе, которое и устраняется, наконецъ, побѣдой сильнѣйшаго явленія: *nA* уничтожаетъ *nB*».

Но если nA уничтожаетъ nB, то этотъ окончательный результатъ «взаимодѣйствія» между двумя явленіями тоже долженъ былъ бы найти свое выраженіе въ первой формулѣ г. П. Струве. Между тѣмъ, она этого результата не выражаетъ; ея послѣній членъ:

n A n B

указываетъ только на то, что *B* растетъ прямо пропорціонально росту

A, а вовсе не на то, что ростъ *A* приводитъ къ уничтоженію *B*. Стало быть, формула г. П. Струве должна быть прежде всего исправлена такъ:

A	B
2 A	2 B
3 A	3 B
. . .	. . .
n A	n B
n [вѣрнѣе: (n+x)] A	o B

Теперь пойдемъ дальше и посмотримъ, соотвѣтствуетъ ли эта, нѣсколько исправленная, формула ходу соціальнаго развитія тамъ, гдѣ онъ совершается путемъ обострѣнія противорѣчій.

Возьмемъ для примѣра то коренное измѣненіе общественнаго строя, которое имѣло мѣсто во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, и которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ Великой Французской Революціи.

Это коренное измѣненіе окончательно уничтожило «старый порядокъ» и положило начало полному и непосредственному господству буржуазіи. Но оно было подготовлено длиннымъ, многовѣковымъ процессомъ соціальной эволюціи. Борьба третьяго сословія съ духовной и свѣтской аристократіей началась уже въ XIII вѣкѣ и, принимая самые различные виды, не прекращалась вплоть до 1789-го года [1]). Буржуазія, вступившая въ этомъ году въ генеральное сраженіе со своими историческими врагами, была создана,—по справедливому замѣчанію Маркса Энгельса,—длиннымъ рядомъ переворотовъ въ способахъ производства и обмѣна. Каждой ступени роста ея экономическаго могущества соотвѣтствовали извѣстныя политическія (т. е., стало быть правовыя) завоеванія. Чрезвычайно сильно ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что феодальный порядокъ оставался неизмѣннымъ отъ начала до конца своего существованія. Побѣды, которыя одерживала стремившаяся впередъ буржуазія, постоянно видоизмѣняли феодальный общественный строй, безпрестанно внося въ него тѣ или другія, болѣе или менѣе значительныя реформы. Казалось бы, что эти реформы должны были «притуплять» противорѣчія, существовавшія въ нѣдрахъ феодальнаго общества, и тѣмъ подготовлять мирное, постепенное, почти незамѣтное торжество новаго порядка. На дѣлѣ вышло, какъ извѣстно, иначе. Реформы, которыхъ удавалось добиться буржуазіи, не только не «притупляли» противорѣчій между ея новаторскими стремленіями и старымъ общественнымъ порядкомъ, но, совершенно наоборотъ, давая новый толчокъ росту ея силъ, онѣ еще болѣе развивали эти стремленія и тѣмъ еще болѣе

[1]) „Elle (la Révolution) a pris, il est vrais, le monde á l'improviste, et cependant elle n'était que le complement du plus long travail, la terminaison soudaine et violente d'une oeuvre qui avait passé sous les yeux de dix générations d'hommes". A. de Tocqueville, l'Ancien Régime et la Révolution. 2-me édition, Paris 1856 p, 55.

обострялн это противорѣчіе, постепенно подготовляя ту общественную бурю, съ началомъ которой рѣчь пошла уже не о реформѣ, а о революціи, не о преобразованіяхъ внутри стараго порядка, а о полномъ его устраненіи [1]). Вотъ почему ненависть третьяго сословія къ старому порядку была наканунѣ революціи несравненно сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде [2]). По замѣчанію Токвилля, предшествовавшее разрушеніе части феодальныхъ учрежденій сдѣлало во сто разъ ненавистнѣе ту часть ихъ, которая еще оставалась [3]). Это замѣчаніе справедливо въ той мѣрѣ, въ какой оно содержитъ въ себѣ ту истину, что уступки, дѣлаемыя старымъ новому, совсѣмъ не «притупляютъ» того противорѣчія, которое существуетъ между новымъ и старымъ. Но оно невѣрно, поскольку Токвилль хочетъ сказать, что наканунѣ революціи феодальный гнетъ былъ во Франціи гораздо слабѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Отмѣна нѣкоторой части феодальныхъ учрежденій еще не означала ослабленія феодальнаго гнета: быстрое развитіе новыхъ общественныхъ потребностей могло сдѣлать—и, какъ видимъ, дѣйствительно сдѣлало—уцѣлѣвшую часть болѣе вредною для общественнаго движенія, а потому и болѣе гнетущею, болѣе ненавистною, чѣмъ была нѣкогда вся, цѣликомъ взятая, феодальная система [4]). Къ тому же и при старомъ порядкѣ были (да проститъ мнѣ читатель этотъ галлицизмъ) учрежденія и учрежденія. Самъ Токвилль признаетъ, что во Франціи, съ теченіемъ времени, привиллегіи, отдѣлявшія дворянина отъ буржуа, не уменьшались, а увеличивались [5]). По его собственнымъ словамъ, человѣку средняго сословія было легче сдѣлаться дворяниномъ въ царствованіе Людовика XIV, чѣмъ при Людовикѣ XVI. И онъ же говоритъ, что вообще французское дворянство тѣмъ болѣе превращалось въ касту, чѣмъ болѣе оно переставало быть

[1]) „D'époque en époque la législation a été amenée ainsi à toucher aux attributs seigneuriaux. Cela s'est vu partout, et partout il a sonné une heure où il ne s'est pas agi d'y porter la réforme uniquement, de les déplacer ou de les restreindre, mais de les faire disparaitre sans retour". Henri Doniol, La Révolution Française et la Féodalité. Seconde édition, Paris 1876, p. 6.

[2]) „C'est pourquoi ce siècle avait tant de répulsion vis-à-vis de la féodalité et des droits seigneuriaux". Doniol, тамъ же, та же страница.

[3]) L. c., p. 72.

[4]) Это тѣмъ болѣе вѣрно, что было время, когда феодальная система не задерживала общественнаго движенія, а, наоборотъ, содѣйствовала ему. Фюстель де Куланжъ справедливо замѣчаетъ, говоря о феодальныхъ замкахъ: „Dix siècles plus tard les hommes n'avaient que haine pour ces forteresses seigneuriales. Au moment où elles s'elevérent, ils ne sentirent qu'amour et reconnaissance. Elles n'étaient pas faite contre eux, mais pour eux". (Histoire des Institutions politiques de l'Ancienne France, tome IV, 682—683). То же можно сказать и о всей феодальной организаціи земледѣлія и промышленности.

[5]) Ibid. pp. 143, 154, 155, 156.

аристократіей [1]). И все это вполнѣ подтверждаютъ другіе историки. Такъ, Доніоль указываетъ, что наканунѣ революціи всѣ жаловались именно на увеличеніе феодальнаго гнета. «Каждая мѣстность жалуется на значительное увеличеніе (феодальныхъ притѣсненій) и старается подтвердить свою жалобу фактами [2]). Альфредъ Рамбо столь же категорически высказываетъ ту мысль, что реформы, вырванныя буржуазіей у аристократіи, не ослабили стѣснительности стараго порядка. «Между тѣмъ какъ старый порядокъ пытался устранить нѣкоторые свои недостатки,—говоритъ этотъ изслѣдователь,—онъ какъ будто умышленно увеличивалъ всѣ остальные. Это (т. е. время, непосредственно предшествовавшее революціи) была именно эпоха, когда эдикты 1779-го, 1781-го, и 1788-го гг. закрыли лицамъ, происходящимъ изъ третьяго сословія (roturiers), доступъ къ офицерскимъ чинамъ въ арміи; когда дворъ, не смѣя издать особый эдиктъ по этому поводу, рѣшаетъ, однако, руководиться на будущее время тѣмъ правиломъ, что «доходы со всѣхъ принадлежащихъ духовенству имуществъ, начиная самыми скромными настоятельствами и кончая самыми богатыми аббатствами, будутъ доставаться лицамъ дворянскаго происхожденія»; когда парламенты отказывались принимать въ свою среду лицъ, не могущихъ доказать, что они въ своей родословной имѣютъ уже два поколѣнія дворянъ, и когда бордоскій парламентъ въ продолженіе двухъ лѣтъ отказывался признать своимъ президентомъ совѣтника Дюпати. Такъ какъ высшія судебныя учрежденія были въ рукахъ дворянъ, то люди средняго сословія и сельскія общества теряли всѣ процессы, которые имъ случалось начинать противъ притязаній господъ; это повело къ усиленію феодализма въ деревняхъ. Королевское правительство поощряетъ преслѣдованія, начинаемыя землевладѣльцами и ихъ уполномоченными противъ крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ наказахъ 1789-го года третье сословіе требуетъ, чтобы парламенты были на-половину составлены изъ не-дворянъ: имъ пришлось, такимъ образомъ, добиваться гарантій, которыхъ добивались еще гугеноты въ царствованіе Генриха IV. Повсюду проникающій духъ реакціи сказывается какъ въ постановленіи парижскаго парламента, осудившаго на сожженіе книгу Бонсерфа о феодальныхъ правахъ (1776-й г.), такъ и въ запрещеніи употреблять косы при уборкѣ хлѣба, или въ распоряженіи 1784-го года, согласно которому длина платковъ, выдѣлываемыхъ во французскомъ королевствѣ, должна была равняться ихъ ширинѣ. Наконецъ, сама королевская власть, лишая парламенты всякаго права контроля надъ законодательствомъ и финансами, и силой разгоняя эти

[1]) Ibid. pp. 156 et 157.

[2]) La Révolution Française et la Féodalité, p. 44; ср. также стр. 42: „Qui plus est, tout cela est signalé pour avoir pris récemment une intensité nouvelle".

собранія въ 1788-мъ году, стремилась установить то, что прежде никогда не существовало во Франціи—режимъ безграничнаго произвола. «Она становилась деспотичнѣе правительства Людовика XIV въ то самое время, когда дѣлалось очевиднымъ для всѣхъ, что оно неспособно употребить свою власть на общую пользу» [1]).

Въ противоположность только что цитированнымъ нами французскимъ изслѣдователямъ, русскій ученый М. М. Ковалевскій рѣшительно порицаетъ употребленіе термина феодализмъ въ примѣненіи къ соціально-экономической структурѣ Франціи XVIII вѣка. «Ничто не даетъ болѣе ложнаго представленія объ экономическихъ и соціальныхъ порядкахъ Франціи,—говоритъ онъ,—какъ окрещиваніе ихъ именемъ феодальныхъ. Этотъ терминъ примѣнимъ къ нимъ такъ же мало, какъ, напримѣръ, къ русской помѣстной системѣ наканунѣ 1861-го года» [2]). Но достаточно прочитать ту самую главу (вторую перваго тома), изъ которой мы заимствуемъ приводимыя нами строки, чтобы видѣть, до какой степени французское земледѣліе и французскій земледѣльческій классъ страдали отъ выживанія тѣхъ порядковъ, которыя самъ г. М. Ковалевскій называетъ феодальными. Кромѣ того, г. М. Ковалевскій,—въ полномъ согласіи съ цитированными нами французскими историками,—отмѣчаетъ, что наканунѣ революціи какъ само дворянство, такъ и королевская власть всѣми силами старались поддержать уцѣлѣвшія феодальныя учрежденія и усилить ихъ практическое значеніе. «Двадцатипятилѣтіе, предшествовавшее революціи,—пишетъ онъ,—представляетъ намъ рядъ попытокъ возстановить вышедшія изъ употребленія повинности и платежи» [3]). И онъ же,—снова въ полномъ согласіи съ Токвилемъ и Доніолемъ,—говоритъ, что французское правительство того времени искусственно поддерживало своимъ законодательствомъ кастовый духъ и сословную исключительность [4]).

Однимъ словомъ, книга русскаго изслѣдователя, подобно сочиненіямъ его иностранныхъ предшественниковъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что эпоха, непосредственно предшествовавшая Великой Французской Революціи, ознаменовалась вовсе не притупленіемъ, а, наоборотъ, очень

---

[1]) „Histoire de la civilisation française, sixiéme édition, tome second, pp. 599—600. Рамбо совершенно соглашается съ мнѣніемъ цитируемаго имъ Chérest, который говоритъ: „Наши политическія учрежденія имѣли ту странную судьбу, что они не улучшались послѣ Генриха IV; вмѣсто того, чтобы прогрессировать вмѣстѣ съ теченіемъ времени и прогрессомъ идей и нравовъ, они шли назадъ вопреки нравамъ, идеямъ и времени,.. Правительство стараго порядка стало (наканунѣ 1789-го года) болѣе несовершенно и болѣе враждебно стремленіямъ образованныхъ классовъ, чѣмъ оно было въ Средніе вѣка".

[2]) «Происхожденіе современной демократіи», томъ I, стр. 59.

[3]) L. c., стр. 124—125.

[4]) Ibid стр. 49.

сильнымъ обостреніемъ противорѣчій между старымъ порядкомъ и новыми общественными нуждами. Но какъ г. М. Ковалевскій, такъ и французскіе историки показываютъ, что это обостреніе противорѣчій само было сложнымъ результатомъ длиннаго историческаго процесса, въ теченіе котораго старый порядокъ все болѣе и болѣе расшатывался, а его защитники теряли одну позицію за другою. Изъ этой неоспоримой исторической истины слѣдуетъ, во-первыхъ, что побѣды, одерживаемыя новаторами надъ консерваторами и ведущія къ реформамъ, не исключаютъ переворота, но, напротивъ, ускоряютъ его приближеніе, вызывая у консерваторовъ естественные въ такихъ случаяхъ реакціонные порывы, а у новаторовъ жажду новыхъ побѣдъ и новыхъ завоеваній. И если бы мы захотѣли изобразить въ одной формулѣ этотъ историческій процессъ, въ которомъ переворотъ является однимъ изъ моментовъ развитія и подготовляется реформами [1]), то намъ понадобилось бы нѣчто гораздо болѣе сложное, нежели предлагаемая г. П. Струве «формула противорѣчія». Мы не знаемъ формулы, способной дать сколько-нибудь удовлетворительное выраженіе этому многостороннему процессу. Но, на основаніи всего сказаннаго нами о ходѣ борьбы третьяго сословія со старымъ порядкомъ, мы можемъ все-таки указать на необходимость существенныхъ поправокъ въ первой формулѣ г. П. Струве.

Если длинный историческій процессъ развитія элементовъ новаго общества знаменуется побѣдами новаторовъ и пораженіями консерваторовъ, то названная формула непремѣнно должна ясно и опредѣленно указывать на это чрезвычайно важное обстоятельство. А между тѣмъ, мы не находимъ въ ней даже и намека на него. Она говоритъ, напротивъ, о томъ, что ростъ A неизмѣнно сопровождается прямо-пропорціональнымъ ростомъ B, вплоть до того момента, когда nA уничтожаютъ nB. Чтобы выражать истинный ходъ дѣла, она должна быть измѣнена, во-первыхъ, такъ:

A	nB
$2A$	$(n—1)B$
$3A$	$(n-x)B$
...	...
nA	B
mA	$^1/_2B$

[1]) Г. П. Струве говоритъ: „Somit blieb es unserer Zeit vorbehalten, hinter den sozialen Reformen Fallstricke des Opportunismus zu wittern“ (Ibid., S. 679). Онъ относитъ эти слова къ „ортодоксальнымъ“ марксистамъ. На основаніи сказаннаго нами въ текстѣ, читатель видитъ, что, по крайней мѣрѣ по отношенію къ намъ, его упрекъ лишенъ всякаго основанія, а между тѣмъ вѣдь мы принадлежимъ, по его мнѣнію, къ числу ортодоксальнѣйшихъ изъ ортодоксальныхъ.

*

Здѣсь первый рядъ выражалъ бы постоянное развитіе новыхъ общественныхъ потребностей, а второй—не менѣе постоянныя передѣлки стараго порядка, уступки, вырываемыя новаторами у консерваторовъ. Но такъ какъ эти уступки не исключаютъ, какъ мы уже знаемъ, обострения противорѣчія между новымъ и старымъ, то къ имѣющимся у насъ двумъ рядамъ необходимо прибавить третій, выражающій результатъ взаимодѣйствія между постояннорастущимъ A и (въ общемъ, т. е. не смотря на временные успѣхи реакціонеровъ) столь же постоянно убывающимъ B. Прибавляя этотъ третій рядъ, мы получаемъ:

A	nB	C
$2A$	$(n-1)B$	$2C$
$3A$	$(n-x)B$	$3C$
...	...	...
nA	B	nC
mA	$^1/_2 B$	mC

Какъ ни далека эта новая формула отъ идеала, — т. е. отъ того, чтобы давать полное выраженіе дѣйствительнаго хода развитія путемъ обострения противорѣчій,—она все-таки гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ первая формула г. П. Струве. Ея преимущество заключается въ томъ, что она чужда односторонности и что въ ней, какъ и въ дѣйствительной жизни, реформы не исключаютъ переворота. Она показываетъ, напротивъ, что возможность переворота не только не исключается, но создается реформами: то, что близорукій или предубѣжденный взглядъ можетъ, пожалуй, принять за «притупленіе» противорѣчій, на самомъ дѣлѣ является источникомъ ихъ обострения.

VIII.

Повторяемъ, по нашему мнѣнію—дѣйствительный ходъ историческаго развитія человѣческихъ обществъ не можетъ быть выраженъ съ надлежащей полнотою одной какой-нибудь «формулой». Но именно по этой причинѣ полезно будетъ, пожалуй, сдѣлать еще одну попытку схематическаго выраженія этого хода.

Просимъ читателя обратить вниманіе на нижеслѣдующую выписку, за длинноту которой мы напередъ приносимъ ему самое искреннее извиненіе.

«Медленное и лишь путемъ тяжелой борьбы развивается господствующій порядокъ, подъ властью котораго живутъ и работаютъ люди. Послѣ долгой ломки, частыхъ возвращеній къ старому, невѣрныхъ попытокъ и усиленныхъ стремленій впередъ,—удается въ концѣ концовъ установить такой порядокъ, который на основаніи опыта прошлаго соотвѣтствовалъ бы

потребностямъ настоящаго и подъ охраной котораго индивидуальныя силы наивозможно продуктивнѣе могли бы развиваться ко благу общества. Но какъ только устанавливается подобное благопріятное положеніе, тотчасъ выступаютъ на сцену новыя потребности, не предусмотрѣнныя ранѣе. Возникаетъ стремленіе видоизмѣнить существующее и постепенно передѣлать его. Въ противовѣсъ этому стремленію развивается, съ другой стороны, одностороннее стараніе сохранить въ полномъ объемѣ старое положеніе вещей. За тѣ формы, которыя были установлены въ видахъ общественной пользы, упрямо цѣпляются подъ конецъ частные, эгоистическіе интересы. Въ концѣ концовъ, сохраненія старыхъ формъ безъ измѣненія требуютъ только мнимые интересы, не понимая того значенія, которое эти формы когда-то имѣли. И въ заключеніе часто остается одна голая форма, совершенно неспособная къ жизни, рядомъ съ которой новая, свѣжая жизнь выливается въ совершенно иныя формы, пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный день старая форма не разрушается окончательно даже и во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ» [1]).

Здѣсь мы имѣемъ передъ собой тоже нѣчто вродѣ формулы общественнаго развитія, правильности которой не станетъ, надѣемся, отрицать самый неугомонный «критикъ»; данныя общественныя нужды порождаютъ данныя формы общежитія, необходимыя для дальнѣйшаго поступательнаго движенія общества. Но это дальнѣйшее поступательное движеніе, ставшее возможнымъ благодаря даннымъ формамъ общежитія, порождаетъ новыя общественныя нужды, которымъ уже не соотвѣтствуютъ старыя формы общежитія, созданныя прежними нуждами. Такимъ образомъ возникаетъ противорѣчіе, которое все болѣе и болѣе растетъ подъ вліяніемъ продолжающагося общественнаго движенія и приводитъ, наконецъ, къ тому, что старыя формы общежитія, нѣкогда созданныя насущными нуждами общества, утрачиваютъ всякое общеполезное содержаніе. Тогда онѣ отмѣняются, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, и замѣняются новыми.

Эта (объективная) «формула прогресса» выражаетъ, какъ видитъ читатель, взаимное отношеніе («взаимодѣйствіе») между содержаніемъ и формой. Содержаніе, это — общественныя потребности, требующія удовлетворенія; форма—это общественыя учрежденія. Содержаніе родитъ форму и тѣмъ обезпечиваетъ себѣ дальнѣйшее развитіе. Но дальнѣйшее развитіе дѣлаетъ неудовлетворительной его форму; возникаетъ противорѣчіе; противорѣчіе ведетъ къ борьбѣ; борьба—къ уничтоженію старой формы и къ замѣнѣ ея новой, которая въ свою очередь обезпечиваетъ дальнѣйшее развитіе содержанія, которое дѣлаетъ

[1]) Адольфъ Гельдъ, Развитіе крупной промышленности въ Англіи. стр. 19.

ее неудовлетворительной и т. д., и т. д., до тѣхъ поръ, пока не остановится развитіе. Это тотъ самый законъ, о которомъ покойный Н. Г. Чернышевскій говоритъ слѣдующими краснорѣчивыми словами:

«Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія! Кто понялъ этотъ великій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто пріучился примѣнять его ко всякому явленію,—о какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab' mein' Sach auf nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt,

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающимъ свое время, и говоритъ: „пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все-таки на нашей улицѣ праздникъ».

Этотъ великій законъ отверженія формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго роста того же содержанія, есть въ самомъ дѣлѣ повсемѣстный законъ, потому что ему подчинено развитіе не только общественной, но также и органической жизни. [1]) И онъ, дѣйствительно, вѣченъ въ томъ смыслѣ, что его дѣйствіе прекратится только тогда, когда прекратится всякое развитіе. Но этотъ великій, повсемѣстный и вѣчный законъ есть въ то же время та «формула противорѣчія», которая едва ли не лучше всѣхъ другихъ выражаетъ взглядъ Маркса на ходъ общественнаго развитія.

Во второй части третьяго тома «Капитала» мы читаемъ:

«Поскольку процессъ труда является простымъ процессомъ между человѣкомъ и природой, постольку его простые элементы остаются одинаковыми при всѣхъ общественныхъ формахъ его развитія. Но каждая опредѣленная историческая форма этого процесса развиваетъ далѣе его

[1]) «Denn das ganze Leben ist eine kontinuelle Kette von Bewegungserscheinungen der organischen Materie, welche immer mit entsprechenden Formveränderungen verknüpft ist». Häckel, Generalle Morphologie der Organismen, XVII Kapitel.—Съ поразительной ясностью и наглядностью проявляется этотъ законъ въ эмбріологіи животныхъ, развивающихся путемъ метаморфоза, напримѣръ, нѣкоторыхъ насѣкомыхъ (Diptera, Lepidoptera etc.). Метаморфозъ бываетъ, какъ извѣстно, неполный и полный. При полномъ метаморфозѣ личинка, превращаясь въ куколку, покрывается особой оболочкой, которая защищаетъ ее отъ неблагопріятныхъ воздѣйствій со стороны внѣшняго міра. Когда заканчивается серія совершающихся въ организмѣ куколки преобразованій, эта предохранительная оболочка становится излишней; она мѣшаетъ дальнѣйшимъ жизненнымъ отправленіямъ организма, противорѣчитъ имъ, и потому разрывается, когда противорѣчіе достигаетъ надлежащей степени интенсивности. Тутъ происходитъ, стало быть, революціонный взрывъ, перерывъ постепенности Природа вообще мало заботится о „притупленіи“ противорѣчій.

матеріальныя основы и его общественныя формы. Дойдя до извѣстной ступени зрѣлости, данная историческая форма устраняется и уступаетъ мѣсто высшей формѣ. Что моментъ такого кризиса наступилъ, это обнаруживается тогда, когда противорѣчіе и противоположность между отношеніями распредѣленія, а слѣдовательно также и между опредѣленнымъ историческимъ видомъ соотвѣтствующихъ имъ отношеній производства съ одной стороны и производительными силами... съ другой, достигаетъ извѣстной ширины и глубины. Тогда возникаетъ столкновеніе между матерьяльнымъ развитіемъ производства и его общественной формой» [1]).

Производительное воздѣйствіе общественнаго человѣка на природу и совершающійся въ процессѣ этого воздѣйствія ростъ производительныхъ силъ, это—содержаніе; экономическая структура общества, его имущественныя отношенія, это—форма, порожденная даннымъ содержаніемъ (данной ступенью «развитія матеріальнаго производства») и отвергаемая вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія того же содержанія. Разъ возникло противорѣчіе между формой и содержаніемъ, оно не «притупляется», а растетъ, благодаря неостанавливающемуся росту содержанія, который далеко оставляетъ за собою способность старой формы измѣняться сообразно новымъ потребностямъ. Такимъ образомъ рано или поздно наступаетъ такой моментъ, когда становится необходимымъ устраненіе старой формы и замѣщеніе ея новою.—Таковъ смыслъ Марксовой теоріи соціальнаго развитія.

Кто понялъ этотъ вполнѣ ясный и въ то же время чрезвычайно глубокій смыслъ, тотъ понялъ также и великое значеніе Марксовой діалектики въ ея примѣненіи къ общественнымъ вопросамъ.

«Въ своемъ мистифицированномъ видѣ,—говоритъ Марксъ,—діалектика была нѣмецкой модой, потому что она оправдывала, повидимому, существующій порядокъ вещей. Въ своемъ раціональномъ видѣ она непріятна буржуазіи и ея теоретикамъ, потому что она, объясняя существующее, объясняетъ также его отрицаніе и его неизбѣжное уничтоженіе; потому что она разсматриваетъ каждую данную форму въ ходѣ движенія, т. е. стало быть съ ея преходящей стороны; потому что она не останавливается ни передъ чѣмъ, будучи критической и революціонной по своему существу» [2]).

---

[1]) Das Kapital, III Band, II Theil, S. 420—421.

[2]) Das Kapital, Vorwort zur zweiten Auflage, S. XIX. Въ виду этихъ объясненій Маркса является страннымъ,—но въ тоже время и очень характернымъ для «критиковъ» à la П. Струве—то обстоятельство, что эти господа объявляютъ діалектику самымъ слабымъ мѣстомъ въ теоріи Маркса. «In der Entwicklungslehre, welche unstreitig das Charakteristikum und die Glanzleistung des Marxschen Sozialismus bildet,—говоритъ г. Струве,—liegt auch seine verwundbare Stelle, und sie liegt eben in der angeblich unüberwindlichen «Dialektik». ibid S., 686). Въ

Станьте на точку зрѣнія Марксовой діалектики, читатель,—и вы сами увидите тогда, какъ отчаянно слабы и какъ смѣшно неуклюжи потуги господъ «критиковъ», усиливающихся внести въ стройную теорію Маркса нѣкій, весьма любезный имъ,—«притупляющій» элементъ! Васъ не смутятъ тогда многочисленныя и подчасъ поразительныя «неясности», вносимыя этими почтенными господами въ истолкованіе теоріи Маркса. И если вы, наконецъ, выйдете изъ себя; если у васъ вырвется слово раздраженія, то вовсе не потому, что васъ раздражитъ мнимая сила ихъ ребяческихъ доводовъ, а потому, что вамъ покажется непозволительной и возмутительной та претензія ихъ, благодаря которой многіе изъ нихъ считаютъ и называютъ себя марксистами. Мы вполнѣ понимаемъ, что эта смѣшная претензія заслуживаетъ самаго строгаго осужденія, и мы нисколько не удивимся, поэтому, если вы терпѣливо воскликнете: помилуйте, господа критики! Какіе же вы марксисты?! Марксъ сѣялъ драконовъ, а вы только... вы только... ну, словомъ, вы—организмы совсѣмъ другого калибра!...

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Г. П. Струве—не первый и не послѣдній провозвѣстникъ теоріи «притупленія» противорѣчія между интересами пролетаріата и буржуазіи. У этой теоріи было много сторонниковъ до г. П. Струве и еще больше будетъ ихъ послѣ него, такъ какъ она чрезвычайно быстро распространяется теперь въ образованномъ слоѣ мелкой буржуазіи, т. е. того класса который самымъ положеніемъ своимъ осужденъ колебаться между пролетаріатомъ и буржуазіей. И именно потому, что она распространяется теперь чрезвычайно быстро, выдавая себя за самоновѣйшій и притомъ «критическій» соціализмъ, пришедшій на смѣну будто бы отжившему соціализму Маркса и его «догматическихъ» послѣдователей, она заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Кто хочетъ бороться съ этой теоріей, тотъ долженъ знать какъ ея теоретическую родословную,

---

чемъ тутъ дѣло, ясно показываютъ непосредственно слѣдующія за этимъ мѣстомъ слова того же г. П. Струве: «Man wird die vielen Wildersprüche nicht los, wenn man nicht ganz entschieden den Gedanken der «sozialen Revolution» als theoretischen Begriff fallen lässt». У Гете Фаустъ говоритъ Мефистофелю: «das Pentagramma macht dir Pein!» О нашемъ «притупленномъ» критикѣ можно сказать, что ему macht Pein понятіе объ общественномъ «Zusammenbruch»'ѣ въ связи съ понятіемъ о нѣкоей диктатурѣ.

такъ и ея нынѣшнюю цѣнность. Въ виду этого читатель не удивится, если мы оставимъ на время нашего «критика», чтобы хорошенько ознакомиться съ его предшественниками и съ его донынѣ здравствующими, болѣе или менѣе отдаленными, родственниками.

I.

Цѣна рабочей силы и прибавочная стоимость находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу. Чѣмъ дороже продается рабочая сила, тѣмъ ниже уровень прибавочной стоимости, и наоборотъ. Интересы продавца рабочей силы прямо противоположны интересамъ ея покупателя. Взятое по своему существу, противорѣчіе это не можетъ быть ни устранено, ни «притуплено», до тѣхъ поръ, пока не прекратится покупка и продажа рабочей силы, т. е. пока не будетъ устраненъ капиталистическій способъ производства. Но условія, при которыхъ совершается купля—продажа рабочей силы, могутъ измѣняться въ ту или въ другую сторону. Если они измѣняются къ выгодѣ продавцовъ, то цѣна рабочей силы повышается и рабочій классъ получаетъ, въ видѣ заработной платы, большую, чѣмъ прежде, часть цѣнности, создаваемой его трудомъ. А это ведетъ за собою улучшеніе его общественнаго положенія, уменьшеніе разстоянія между эксплоатируемымъ пролетаріатомъ и эксплоатирующими его капиталистами. Если же условія продажи рабочей силы измѣняются къ выгодѣ ея покупателей, то ея цѣна падаетъ и рабочій классъ получаетъ меньшую, чѣмъ прежде, часть создаваемой его трудомъ цѣнности. А за этимъ неизбѣжно слѣдуетъ ухудшеніе общественнаго положенія пролетаріата, увеличеніе разстоянія между нимъ и буржуазіей. Въ первомъ случаѣ мы какъ будто получаемъ право толковать о притупленіи противорѣчія, если не между рабочими и предпринимателями, то по крайней мѣрѣ между интересами рабочаго съ одной стороны и существованіемъ капиталистическаго порядка съ другой. На самомъ дѣлѣ это право будетъ только кажущимся: мы уже видѣли въ первой статьѣ, что улучшеніе общественнаго положенія французской буржуазіи не только не притупило противорѣчія ея интересовъ съ интересами стараго порядка, но все болѣе и болѣе обостряло его. Тѣмъ не менѣе, люди, боящіеся революціоннаго движенія пролетаріата, всегда были и всегда будутъ склонны думать, что постепенное улучшеніе быта рабочаго класса способно предотвратить опасность и избавить общество отъ быстраго коренного его переустройства. Вотъ почему люди этой категоріи стараются увѣрить себя и другихъ (а иногда только другихъ) въ томъ, что по мѣрѣ развитія капитализма положеніе пролетаріата улучшается, такъ что онъ оказывается со временемъ ближе къ буржуазіи, чѣмъ былъ сначала. И надо признать, что консерватив-

ный инстинктъ подсказываетъ этимъ людямъ не совершенно ошибочное соображеніе: если для избѣжанія кореннаго переустройства общества совсѣмъ недостаточно уменьшенія разстоянія между эксплоататорами и эксплоатируемыми, то увеличеніе этого разстоянія и вовсе уже не сулитъ теперь почтеннымъ охранителямъ ничего, кромѣ весьма большихъ непріятностей и сюрпризовъ.

Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Въ какую сторону измѣняются условія продажи рабочей силы по мѣрѣ упроченія и развитія капиталистическаго порядка?

Вульгарная экономія давно уже занимается этимъ вопросомъ. Она выставила цѣлую фалангу «ученыхъ», усиливавшихся доказать, что условія продажи рабочей силы все болѣе измѣняются къ выгодѣ пролетаріата, которому и достается поэтому все большая и большая доля національнаго дохода. Извѣстный американскій экономистъ Кэри ясно формулировалъ это ученіе уже въ 1838 году [1]). У Кэри оно было заимствовано пресловутымъ Бастіа, доводы котораго намъ нужно узнать нѣсколько ближе.

Въ своихъ «Harmonies économiques» Бастіа увѣряетъ, что судьба по своей неисчерпаемой добротѣ и справедливости, уготовала для труда лучшую судьбу, чѣмъ для капитала [2]). Эта пріятная мысль опирается у него на слѣдующую «непоколебимую аксіому»:

«По мѣрѣ того, какъ растутъ капиталы, абсолютная доля капиталистовъ въ общей совокупности продуктовъ увеличивается, а ихъ относительная доля уменьшается. Наоборотъ, доля работниковъ увеличивается въ обоихъ смыслахъ».

Для поясненія этой «аксіомы» Бастіа приводитъ схему, совершенно тождественную съ той, которую мы встрѣчаемъ въ «Руководствѣ къ соціальной наукѣ» Кэри:

	Общая сумма продукта.	Доля капитала.	Доля труда.
Первый періодъ	1000	500	500
Второй »	2000	800	1.200
Третій »	3000	1.050	1.950
Четвертый »	4000	1.200	2.800

«Таковъ великій, удивительный, утѣшительный, необходимый и непоколебимый законъ капитала,—въ восторгѣ восклицаетъ Бастіа,—доказать его, значитъ, по моему мнѣнію, совершенно дискредитировать декламаціи... противъ жадности и тиранiи самаго могущественнаго

[1]) Русскіе читатели могутъ ознакомиться съ аргументаціей Кэри по его книгѣ: «Руководство къ соціальной наукѣ», появившейся въ 1869 году въ русскомъ переводѣ князя Шаховского. Къ занимающему насъ вопросу относится схема, находящаяся на стр. 506 этой книги.

[2]) Harmonies, 2 édition, p. 206.

изъ всѣхъ тѣхъ орудій цивилизаціи и уравненія, которыя были созданы человѣческими способностями» [1]).

Читатель и самъ видитъ, что очень пріятно было бы доказать столь удивительный и утѣшительный законъ, но, къ своему сожалѣнію, онъ долженъ признать, что Бастіа доказываетъ его не очень убѣдительно. Вся его аргументація сводится къ указанію на пониженіе нормы процента, идущее вмѣстѣ съ промышленнымъ развитіемъ цивилизованныхъ странъ. Всякій, кто хоть немного знакомъ съ политической экономіей, понимаетъ, что такое доказательство болѣе чѣмъ слабо. Но «блестящему французскому экономисту» и некогда останавливаться на доказательствахъ. Онъ торопится перейти къ удивительнымъ и утѣшительнымъ выводамъ, вытекающимъ изъ его удивительнаго и утѣшительнаго закона. «Капиталисты и рабочіе!—кричитъ онъ,—перестаньте же смотрѣть другъ на друга съ недовѣріемъ и съ завистью. Сдѣлайтесь глухи для нелѣпыхъ декламацій, надменность которыхъ равняется лишь ихъ невѣжеству, и которыя, открывая филантропическія перспективы для будущаго, сѣютъ раздоръ въ настоящемъ. Признайте, что ваши интересы тождественны... что они сливаются, что они совмѣстно тяготѣютъ къ осуществленію общаго благополучія», и т. д., и т. д. [2]). Эта чувствительная тирада не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, зачѣмъ именно понадобился Бастіа заимствованный имъ у Кэри (безъ указанія источника) необходимый и непоколебимый законъ: ссылка на этотъ законъ должна была примирить рабочихъ съ капиталистами, «притупить» важнѣйшее общественное противорѣчіе нашего времени.

II.

Юліанъ Кауцъ считаетъ Бастіа однимъ изъ самыхъ блестящихъ умовъ, которые въ новѣйшее время посвящали себя занятію политической экономіей [3]). Съ этой характеристикой нельзя согласиться. Бастіа, несомнѣнно, обладалъ способностью яснаго и даже, пожалуй, блестящаго изложенія. Но его мысли всегда такъ поверхностны, а его доводы всегда такъ слабы, что блестящимъ дѣятелемъ науки его признать невозможно. Онъ былъ не болѣе, какъ блестящимъ адвокатомъ капиталистической эксплуатаціи. Но именно то обстоятельство, что онъ блестяще защищалъ капиталистическую эксплуатацію, обезпечило ему сильное и продолжительное вліяніе на многихъ и многихъ друзей «соціальнаго мира». Въ этомъ,—но только въ этомъ,—смыслѣ Ю. Кауцъ правъ, когда называетъ дѣятельность Бастіа значительной и плодотвор-

[1]) Ibid., p. 206—207.

[2]) Ibid., p. 209.

[3]) Die geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomie und ihrer Literatur, II. Theil, Wien 1860, S. 578.

ной [1]). Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе Бастіа на экономистовъ болѣе или менѣе охранительнаго направленія было и остается гораздо сильнѣе, чѣмъ думаютъ многіе изъ тѣхъ, которыхъ поражаетъ его удивительная и очень мало утѣшительная, хотя по-своему и необходимая поверхностность. Луиджи Косса замѣтилъ, что вліяніе здоровой части идей Бастіа сказывается не столько въ сочиненіяхъ его учениковъ, сколько въ общей тенденціи большинства современныхъ намъ французскихъ и значительной части нѣмецкихъ и итальянскихъ экономистовъ [2]). Подъ «здоровой частью» Косса понимаетъ «опроверженіе софистики протекціонистовъ и соціалистовъ». Мы уже видѣли, что опроверженіе соціалистическихъ «софизмовъ» покоится у Бастіа на совершенно негодномъ основаніи. Но дѣло не въ этомъ. Косса все-таки правъ, когда говоритъ, что общая тенденція Бастіа продолжаетъ жить въ сочиненіяхъ очень многихъ экономистовъ самыхъ различныхъ странъ. Особенно сильное и глубокое впечатлѣніе произвелъ «удивительный» и «необходимый» законъ распредѣленія продуктовъ между рабочими и капиталистами. При этомъ интересно отмѣтить, что «открытіе» этого закона приписывается Бастіа даже на родинѣ Кэри, у котораго французскій экономистъ несомнѣнно заимствовалъ какъ самый законъ, такъ и его изложеніе. Вотъ, напримѣръ, извѣстный статистикъ Эдуардъ Эткинсонъ прямо заявляетъ, что хотя онъ вообще имѣлъ мало времени для чтенія книгъ и изученія теорій заработной платы (for the reading of bocks or the consideration of teories of Wages), но что, по его мнѣнію, Бастіа былъ первымъ основателемъ правильнаго ученія объ отношеніи интересовъ рабочихъ къ интересамъ предпринимателей. «Много лѣтъ тому назадъ,—говоритъ онъ,—одна фраза изъ «Harmonies économiques» Бастіа врѣзалась въ моемъ умѣ, и благодаря ей я могъ, въ теченіе своей дѣловой жизни, съ гораздо большею ясностью давать себѣ отчетъ въ явленіяхъ заработной платы. Вотъ эта фраза: «По мѣрѣ того, какъ растутъ капиталы, абсолютная доля капиталистовъ въ общей совокупности продуктовъ увеличивается, а ихъ относительная доля уменьшается. Наоборотъ, доля работниковъ увеличивается въ обоихъ смыслахъ» [3]). Эткинсонъ взялъ эту фразу за эпиграфъ въ своемъ опытѣ: «What makes the rate of wages» и, вдохновляемый Бастіа, онъ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, относящихся къ американской металлургической промышленности, составилъ даже таблицу, которая, по его словамъ, можетъ быть названа «указателемъ прогресса отъ бѣдности рабочаго и прогресса къ бѣдности капиталиста» (indicator of progress from poverty of the workman and pro-

[1]) Тамъ же, та же страница.

[2]) Histoires des doctrines économiques, Paris 1899, p. 386.

[3]) The Distribution of Products or the mechanism and the metaphysics of exchange, Fifth edition, p. 23—24.

gress toward powerty of the capitalist) [1]). Въ этой своей новой формулировкѣ удивительный законъ Бастіа утрачиваетъ значительную долю своей утѣшительности, внушая читателямъ слишкомъ мрачныя опасенія насчетъ будущей судьбы капиталистовъ въ капиллистическомъ обществѣ. Но безстрастные ученые, не зная ничего, кромѣ интересовъ чистой науки и не смущаясь жалостью къ бѣднымъ капиталистамъ, охотно цитируютъ изслѣдованіе Эткинсона. Такъ, мы встрѣчаемъ частыя ссылки на него въ той книгѣ профессора Шульце-Геверница о «Крупномъ производствѣ», которая, по словамъ г. П. Струве, представляетъ собою, «быть можетъ, самое тщательное монографическое изслѣдованіе по соціальной исторіи англійской промышленности» [2]). «Тщательное изслѣдованіе» экономики англійской хлопчатобумажной промышленности привело Шульца-Геверница къ тому убѣжденію, что хотя возрастаніе всего національнаго продукта даетъ на долю труда и капитала абсолютно большія количества, но участіе капитала въ немъ относительно уменьшается, участіе же труда относительно растетъ. «Трудъ получаетъ все большую и большую долю общаго національнаго производства,—говоритъ Шульце-Геверницъ.—Ему все болѣе и болѣе начинаетъ доставаться остатокъ, получающійся послѣ уплаты долей процента и прибыли» [3]). Это все тотъ же утѣшительный законъ Кэри-Бастіа, и странно, что г. П. Струве не замѣтилъ этого или не захотѣлъ отмѣтить это въ своемъ,—вообще очень слабомъ,—предисловіи въ книгѣ Шульца-Геверница. Безполезно и прибавлять, что удивительный и утѣшительный законъ распредѣленія приводитъ глубокомысленнаго нѣмца къ такимъ же отраднымъ выводамъ, къ какимъ онъ нѣкогда привелъ легкомысленнаго француза. «Соціальныя послѣдствія охарактеризованнаго процесса состояли въ уравненіи имущественныхъ противоположностей,—увѣряетъ Шульце-Геверницъ,—отнюдь не дѣлая богатыхъ богаче, а бѣдныхъ бѣднѣе, онъ приводитъ какъ разъ къ обратному, какъ это статистически доказано для Англіи» [4]). Отсюда уже нетрудно сдѣлать умозаключеніе къ «соціальному миру», которому г. профессоръ еще раньше посвятилъ отдѣльное, двухтомное изслѣдованіе [5]).

Г. Шульце-Геверницъ тѣмъ болѣе считаетъ нужнымъ обратить вниманіе своихъ читателей на свои утѣшительные выводы, что, по его словамъ, фактъ увеличенія разстоянія между богатыми и бѣдными, понимаемый въ томъ смыслѣ, какой ему придавали Марксъ и Энгельсъ, при-

[1]) Ibid., p. 335.

[2]) Гергартъ фонъ Шульце-Геверницъ. „Крупное производство“ и т. д., переводъ Л. Б. Красина, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Б. Струве. С.-Петербургъ 1897, предисловіе стр. 1.

[3]) Тамъ же, стр. 229.

[4]) Тамъ же, та же страница.

[5]) Zum sozialen Frieden. Eine Darstellung der sozial-politischen Erziehung des englischen Volks im neunzehnten Jahrhundert, Leipzig 1890.

знается даже въ такихъ кругахъ, которые вообще выступаютъ рѣшительными противниками марксизма [1]). Но здѣсь онъ едва ли не впадаетъ въ преувеличеніе. Круги, враждебные марксизму, насколько мы знаемъ, все болѣе и болѣе проникаются утѣшительнымъ сознаніемъ неоспоримости и «необходимости» закона Кэри-Бастіа. Почти каждый уважающій себя буржуазный ученый какъ нельзя болѣе радъ теперь, если ему представится возможность, — въ «научномъ» изслѣдованіи, — распространиться на тему объ уменьшеніи разстоянія между богатыми и бѣдными. «Притупленіе» противорѣчія между капиталистами и рабочими составляетъ теперь одну изъ самыхъ модныхъ темъ въ буржуазной экономической литературѣ.

III.

По словамъ Шульце-Геверница, уменьшеніе разстоянія между богатыми и бѣдными доказано въ Англіи ея «первымъ статистикомъ», Р. Гиффеномъ, въ рѣчи: «The Increase of moderate Incomes», будто бы произнесенной имъ на собраніи англійскаго Статистическаго Общества въ декабрѣ 1887 года. На эту рѣчь Шульце-Геверницъ ссылается какъ въ своемъ сочиненіи «Zum sozialen Frieden» (томъ II, стр. 490), такъ и въ своей книгѣ о крупномъ производствѣ (стр. 229 русскаго перевода). Но онъ ошибается, приписывая ее Гиффену. Она была произнесена—и именно въ указанномъ Шульце-Геверницемъ мѣстѣ—Гошеномъ [1]) Это обстоятельство, конечно, ни мало не измѣняетъ достоинствъ самой рѣчи; но не слѣдуетъ отнимать у Гошена заслуженные имъ лавры и передавать ихъ,—хотя бы только по ошибкѣ, — Гиффену. Suum cuique!

Рѣчь о ростѣ среднихъ доходовъ показалась убѣдительной не одному Шульце-Геверницу. Послѣ ея произнесенія (6-го декабря 1887 г.), директоръ англійскаго банка Коллетъ выразилъ оратору горячую благодарность за то, что тотъ показалъ, до какой степени противорѣчатъ истинѣ избитыя разглагольствованія о постоянно растущемъ обогащеніи богатыхъ и обѣднѣніи бѣдныхъ. «Теперь, когда такъ сильно распространяются несбыточныя теоріи и соблазнительныя предложенія на счетъ распредѣленія богатства,—сказалъ почтенный директоръ,—какъ нельзя болѣе полезно съ ясностью и убѣдительностью показать, что то распредѣленіе богатства, къ которому иные стремятся съ такою горячностью, молчаливо, но замѣтно входитъ въ жизнь, благодаря правильному дѣйствію

---

[1]) Zum sozialen Frieden, II. Bd., S. 493.

[2]) См. „The Increase of moderate Incomes“ being the Inaugural Address of the President of the R. S. Society, the right Hon. G. I. Goschen, in „Journal of the R. S. Society Dec. 1887.

экономическихъ законовъ [1]). Но мнѣніе мистера Коллета назовутъ, можетъ быть, мало авторитетнымъ. Иной скептикъ предположитъ, пожалуй, что директоръ англійскаго банка, подобно Э. Эткинсону, не имѣлъ достаточно времени для изученія экономической теоріи, знаніе которой все-таки необходимо для правильнаго пониманія статистическихъ данныхъ. Поэтому мы укажемъ еще на извѣстнаго нѣмецкаго экономиста Г. Шмоллера, который, не безъ скептицизма относясь къ трудамъ «перваго англійскаго статистика», т. е. Гиффена, находитъ въ то же время, что выводы Гошена основываются на объективномъ и убѣдительномъ изслѣдованіи дѣйствительности [2]). Не мѣшаетъ, поэтому, поближе взглянуть на работу англійскаго министра финансовъ.

Гошенъ совершенно сходится съ Коллетомъ во взглядѣ на великое соціальное значеніе указанныхъ имъ данныхъ. «Я не знаю,—сказалъ онъ своимъ слушателямъ,—производятъ ли указываемыя мною статистическія цифры такое же впечатлѣніе на васъ, какъ и на меня. Мнѣ кажется, что, между тѣмъ какъ нѣкоторые люди кричатъ объ искусственномъ переустройствѣ общества, происходитъ развитіе чего-то въ родѣ молчаливаго соціализма. Совершается молчаливое движеніе въ сторону новаго распредѣленія богатства на болѣе широкой плоскости, и, съ какой бы точки зрѣнія мы ни глядѣли на это движеніе, оно должно, я думаю, быть предметомъ радости для нашего народа. Оно не вызвано какими нибудь насильственными пріемами. Описанный мною результатъ произведенъ неуклоннымъ дѣйствіемъ экономическихъ законовъ въ обществѣ, основанномъ на торговой и промышленной свободѣ.... И самая лучшая сторона этого автоматическаго соціализма (automatic socialism) заключается въ томъ, что онъ, повидимому, дѣйствуетъ даже во время промышленнаго застоя. Вопреки общимъ жалобамъ на убытки и плохія времена; несмотря на безработицу и на неправильность заработка даже у тѣхъ, которые имѣютъ работу,—великій центръ общества упрочиваетъ свою экономическую позицію [3])».

Читатель видитъ, что какъ самъ Гошенъ, такъ и его слушатели находились подъ впечатлѣніемъ «криковъ объ искуственномъ переустройствѣ общества». Такіе крики въ самомъ дѣлѣ очень громко раздавались въ Англіи того времени, когда была произнесена рѣчь Гошена. Это было время промышленнаго застоя и безработицы, вызвавшихъ сильныя вол-

---

[1]) Journal of the Royal Statistical Society, 1887, December, Proceedings on the 6—th December, p. 613.

[2]) Was verstehen wir unter dem Mittelstande? Hat er im 19 Jahrhudert zu-oder abgenommen? Göttingen 1897, S. 27. На рѣчь Гошена указываетъ своимъ читателямъ также Робертъ Мейеръ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2-ое изд., 2 томъ, стр. 366.

[3]) Journal of the R. S. S., Dec. 1887, p. 604.

ненія, въ рабочей средѣ. Въ Лондонѣ, въ Манчестерѣ, въ Бирмингэмѣ въ Лейстерѣ, въ Ярмутѣ и т. д. происходили собранія безработныхъ, гдѣ произносились самыя зажигательныя рѣчи. Нѣкоторые думали, тогда, что Англія находится наканунѣ соціальной революціи. Сидней Уэббъ говоритъ, что иные точно обозначали даже время предстоявшаго переворота: 1889 годъ, годъ столѣтія великой французской революціи [1]). Это возбужденіе умовъ не могло дѣйствовать успокоительно ни на министровъ, ни вообще на лицъ высшихъ классовъ, и потому надо признать, что Гошенъ находился тогда въ условіяхъ, мало благопріятныхъ для «объективнаго изслѣдованія» экономическихъ явленій. Но извѣстно, что любовь къ истинѣ беретъ иногда верхъ надъ очень сильными внѣшними препятствіями. Хотя Гошену, навѣрное, очень трудно было сохранить нравственное спокойствіе и научное безпристрастіе, но это еще не значитъ, что онъ непремѣнно долженъ былъ горячиться и смотрѣть на ходъ экономическаго развитія Англіи черезъ очки своихъ классовыхъ предразсудковъ. Какъ знать, можетъ быть, открытый имъ «автоматическій соціализмъ» и въ самомъ дѣлѣ все болѣе и болѣе прокладываетъ себѣ дорогу въ англійской общественной жизни! Весь вопросъ въ томъ, на какомъ фактическомъ основаніи покоилась увѣренность англійскаго министра въ медленномъ, «молчаливомъ, но вѣрномъ развитіи этого соціализма».

Фактическая основа его увѣренности состоитъ вотъ въ чемъ. Статистика показала ему, что въ 1875 году число (физическихъ и юридическихъ) лицъ, записанныхъ подъ рубрикой Д [2]) и получившихъ дохода отъ 150 до 1000 фунтовъ, доходило до 317.839, а въ 1886 году оно поднялось до 379.004, т. е. увеличилось на 19,26 процента. Между тѣмъ за тотъ же періодъ времени число лицъ, получившихъ 1000 и больше фунтовъ дохода, опустилось съ 22848 (1877 г.) до 22298 (1886 г.), что означаетъ уменьшеніе на 2,4 процента. Болѣе подробный анализъ статистическихъ цифръ далъ Гошену возможность составить такую таблицу:

Доходы	1877	1886	Увеличеніе или уменьшеніе
между 150 и 500 ф.	285.754	347.021	+ на 21,4
» 500 » 1500 »	32.085	32.033	Почти безъ перемѣны
» 1000 » 5000 »	19.726	19.250	— на 2,5
выше 5000 »	3.122	3.048	— на 2,3

[1]) Socialism: True and False, Fabian Tract, № 51, p. 3.

[2]) Подъ этой рубрикой записываются доходы, получаемые отъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, отъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ иностранныхъ и колоніальныхъ предпріятіяхъ и отъ свободныхъ профессій. Подъ той же рубрикой Д записываются не періодическія денежныя полученія.

Отсюда Гошенъ заключилъ, что «въ обыкновенное время, во время угнетеннаго состоянія промышленности, равно какъ и въ подобное тому, которое мы пережили и которое, конечно, не можетъ быть названо временемъ процвѣтанія, происходило постоянное и въ высшей степени отрадное увеличеніе числа доходовъ ниже тысячи фунтовъ».

Но подъ рубрикой Д англійская статистика подоходнаго налога записываетъ не всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно отнести къ среднему классу. Немало такихъ лицъ записывается также подъ рубрикой Е, къ которой принадлежатъ, кромѣ чиновниковъ, состоящихъ на общественной службѣ, также служащіе у частныхъ лицъ и у предпринимательскихъ компаній. Число лицъ подъ этой рубрикой возросло за разсматриваемое десятилѣтіе съ 78224 до 115964. Гошенъ думаетъ, что возрастаніе также свидѣтельствуетъ объ упроченіи экономической позиціи «великаго центра общества», средняго класса.

Данныя эти, несомнѣнно, интересны въ теоретическомъ отношеніи, но они совсѣмъ не имѣютъ того значенія, которое имъ приписываетъ Гошенъ.

Во-первыхъ, какъ уже замѣтилъ г. Исаевъ, десятилѣтіе 1877—1886 представляло всѣ данныя для уменьшенія числа крупныхъ доходовъ. «Рѣзкое паденіе цѣнъ всѣхъ товаровъ, пониженіе прибыли во всѣхъ предпріятіяхъ до половины средняго уровня и болѣе, огромное число банкротствъ (до 1877 г. въ среднемъ $8^1/_2$ тысячъ банкротствъ въ годъ, а съ 1877 до 1884 г.—болѣе 12.000)—все повело къ тому, что множество богатыхъ лицъ, имѣвшихъ въ половинѣ 70-хъ годовъ 1000—2000 фунтовъ дохода, сохранили въ 80 гг. едва 500—1000 фунтовъ, а имѣвшія довольство болѣе 500 фунтовъ спустились въ низшую группу, въ группу плательщиковъ съ доходомъ въ 150—500 ф.» [1]).

Какъ отразилось угнетенное состояніе промышленности на ростѣ національнаго богатства Англіи, показываютъ слѣдующія цифры: въ промежутокъ времени 1865—1875 г. общая сумма капитала поднялась въ этой странѣ съ 6113 милліоновъ ф. ст. до 8548, т. е. увеличилась на 40 процентовъ, а въ промежутокъ 1875—1885 г. она возросла съ 8500 мил. ф. ст. до 10.037, т. е. увеличилась только на $17^1/_2$ процентовъ [2]).

Нетрудно понять, что замедленный ходъ накопленія капитала вызванъ былъ пониженіемъ уровня прибыли въ эпоху угнетеннаго состоянія промышленности. Уже одного этого пониженія уровня прибыли было бы достаточно для перехода плательщиковъ подоходнаго налога изъ высшихъ разрядовъ въ низшіе. Но замѣчательно, что пониженіе уровня прибыли

---

[1]) А. А. Исаевъ, Начала политической экономіи, изданіе четвертое, стр. 619.

[2]) R. Giffen, Accumalation of Capital in the United Kingdom, Journal of the R. S. S. March 1890, p. 151.

было далеко не одинаково въ различныхъ родахъ предпріятій. Съ особенною силой сказалось оно въ промышленности; въ предпріятіяхъ же, не имѣющихъ прямого отношенія къ промышленному производству, оно было гораздо слабѣе. Такъ, розничные торговцы жаловались на него очень мало. Такъ же мало пострадали отъ него лица, помѣстившія свои капиталы заграницей, напримѣръ въ иностранныхъ займахъ и т. п. Одинъ изъ членовъ коммисіи, назначенной для изслѣдованія угнетеннаго состоянія промышленности, указываетъ [1]) на помѣщеніе англійскихъ капиталовъ заграницей, какъ на одну изъ причинъ того, на первый взглядъ страннаго, явленія, что общая сумма доходовъ, подлежащихъ обложенію, увеличилась, несмотря на застой въ дѣлахъ. Такъ какъ возрастаніе этой общей суммы все-таки сопровождалось пониженіемъ крупныхъ доходовъ, то остается предположить, что въ торговыхъ предпріятіяхъ внутри страны, равно какъ и заграницей, были помѣщены капиталы, имѣвшіе сравнительно меньшіе размѣры. Именно такъ и думаетъ меньшинство коммиссіи. «Большое возрастаніе числа мелкихъ доходовъ въ рубрикѣ Д, вѣроятно, произошло въ значительной степени оттого, что промышленность, къ области которой принадлежатъ крупныя предпріятія, требующія большихъ капиталовъ, не приносила доходовъ, между тѣмъ какъ торговля, особенно розничная, большая часть которой ведется съ незначительными капиталами, приносила прибыль» [2]).

Уже въ виду этихъ соображеній «автоматическій соціализмъ» англійскаго министра финансовъ утрачиваетъ весьма значительную долю своей «удивительности» и «утѣшительности». Но онъ сдѣлается еще болѣе жалкимъ въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что другою причиною роста общей суммы доходовъ, обложенныхъ налогомъ (рубрика Д) явилось просто-на-просто болѣе внимательное усчитываніе администраціей обывательскихъ доходовъ. Въ указаніи на эту причину большинство коммиссіи сходится съ ея меньшинствомъ. Но между тѣмъ какъ большинство, отмѣтивъ эту причину, не спрашиваетъ себя, какъ она повліяла на число занесенныхъ въ списокъ «умѣренныхъ» доходовъ, меньшинство совершенно справедливо замѣчаетъ, что она должна была увеличить его, благодаря привлеченію къ уплатѣ подоходнаго налога множества новыхъ небогатыхъ плательщиковъ, прежде легко ускользавшихъ отъ этой чести [3]).

Такимъ образомъ, фактическое основаніе отрадныхъ выводовъ Гошена оказывается совершенно несостоятельномъ. Столь же несостоятельнымъ

---

[1]) Смотри Final Report of the R. Commission appointed to inquire into the depvession of Tvade and industvy, мнѣніе меньшинства коммиссіи. Стр. XLII.

[2]) Ibid., p. XLIX. Сравнительно хорошій ходъ торговли объясняется огромнымъ пониженіемъ фабричныхъ цѣнъ.

[3]) Ibid., p. L.

оказывается, конечно, и пріятное убѣжденіе тѣхъ друзей «соціальнаго мира», которые думаютъ, что уменьшеніе разстоянія между бѣдными и богатыми убѣдительно доказано Гошеномъ.

Просимъ читателя замѣтить еще слѣдующее. Гошенъ съ большой похвалой отзывается о цитированномъ нами заключительномъ докладѣ коммиссіи, изучавшей причины угнетеннаго состоянія промышленности, и очень сожалѣетъ о томъ, что выводы, къ которымъ она пришла, не обратили на себя должнаго вниманія читающей публики [1]). Можно подумать, что самъ онъ хорошо изучилъ эти выводы и передаетъ ихъ своимъ слушателямъ во всей ихъ полнотѣ и во всемъ ихъ разнообразіи. Но на самомъ дѣлѣ мы видѣли совсѣмъ другое. Онъ такъ не серьезно отнесся къ названному докладу, что нашелъ возможнымъ, безъ всякихъ оговорокъ, пользоваться тѣми статистическими данными, о которыхъ меньшинство коммиссіи прямо заявило, что значеніе ихъ вовсе не такое, какимъ оно представляется на первый взглядъ и какое имъ приписалъ,—вскорѣ по выходѣ заключительнаго доклада,—самъ Гошенъ. Объ этомъ заявленіи меньшинства «достопочтенный» ораторъ благоразумно умолчалъ въ своей рѣчи. Такъ тверда и непоколебима была его «объективность».

Гошену захотѣлось ободрить своихъ слушателей, находившихся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ рабочихъ волненій, и вотъ онъ, схватившись за первыя попавшіяся цифры, сталъ излагать передъ ними, въ новомъ видѣ, ту самую теорію, которую раньше его излагали Кэри, Бастіа и другіе, имъ подобные, апологеты капитализма. Слушатели пришли въ восторгъ и поблагодарили оратора въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ. А вслѣдъ за слушателями пришли въ восторгъ и континентальные ученые, вродѣ Шмоллера и Шульце-Геверница. Этимъ «объективнымъ» мужамъ науки было не до критической провѣрки доводовъ англійскаго министра. Имъ тоже очень пріятно было услышать, что удивительный и утѣшительный законъ Бастіа можетъ быть поддержанъ съ помощью новыхъ данныхъ. Ну, а разъ аргументація Гошена была почтительно встрѣчена Шмоллеромъ, Шульце-Геверницомъ и другими патентованными «учеными», то «критикамъ» марксизма, какъ говорится, уже самъ Богъ велѣлъ кричать о притупленіи общественныхъ противорѣчій, вслѣдствіе «роста умѣренныхъ доходовъ». Наши «критики» вообще не критикуютъ буржуазныхъ ученыхъ. Ихъ спеціальность заключается именно въ «критикѣ» Маркса.

IV.

Гошенъ и самъ чувствовалъ, что цифры, положенныя имъ въ основу своей реляціи объ успѣхахъ «автоматическаго соціализма», совсѣмъ недо-

[1]) Journal of the R. S. Society, Dec. 1887, p. 591.

казательны. Поэтому онъ постарался подтвердить свои выводы съ помощью косвенныхъ соображеній. Съ однимъ изъ этихъ соображеній мы познакомимся, когда будемъ говорить о положеніи рабочаго класса въ Англіи, а нѣкоторыя другія намъ нужно разсмотрѣть теперь.

«Съ каждымъ годомъ,—говоритъ Гошенъ,—все большее и большее число лицъ принимаетъ участіе въ акціонерныхъ компаніяхъ и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ часть богатства, создаваемаго широкой промышленной и торговой дѣятельностью страны» [1]).

Это соображеніе, подхваченое Шульце-Геверницемъ и другими проповѣдниками «соціальнаго мира», произвело, какъ извѣстно, сильное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ соціалистовъ. Такъ, г. Бернштейнъ пришелъ къ тому убѣжденію, что «форма акціонерной компаніи значительно противодѣйствуетъ тенденціи, заключающейся въ централизаціи капиталовъ путемъ централизаціи производствъ». Онъ думаетъ, что «если экономисты, противники соціализма, использовали этотъ фактъ съ цѣлью прикрашиванія нынѣшнихъ общественныхъ отношеній, то отсюда не слѣдуетъ, что соціалисты должны скрывать или отрицать этотъ фактъ. Дѣло идетъ скорѣе о томъ, чтобы признать его дѣйствительное значеніе и его распространеніе» [2]).

Скрывать факты или отрицать ихъ существованіе, когда оно доказано разумѣется, очень смѣшно и абсолютно нелѣпо. Но иное дѣло ф а к т ы, а иное дѣло—ихъ о б щ е с т в е н н о е з н а ч е н і е. Общественное значеніе факта, указываемаго г. Бернштейномъ вслѣдъ за Гошеномъ и Шульце-Геверницемъ, можетъ быть понимаемо весьма различно. Буржуазные ученые и плетущійся за ними г. Бернштейнъ не обратили вниманія на то, что распространеніе акціонерныхъ компаній можетъ явиться—и дѣйствительно является—н о в ы м ъ ф а к т о р о м ъ ц е н т р а л и з а ц і и и м у щ е с т в а и у в е л и ч е н і я р а з с т о я н і я м е ж д у б ѣ д н ы м и и б о г а т ы м и. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ, взятымъ изъ экономической исторіи той самой эпохи, о которой говорится въ рѣчи Гошена.

Извѣстно, что умноженіе числа акціонерныхъ компаній въ Англіи было очень облегчено законодательствомъ, разрѣшившимъ учрежденіе обществъ съ ограниченной отвѣтственностью (Limited Liability Acts). Къ тому времени, когда приступила къ своимъ трудамъ комиссія, назначенная для изслѣдованія причинъ угнетеннаго состоянія промышленности, экономическія послѣдствія новаго закона успѣли обнаружиться съ достаточной ясностью. Что же говоритъ о нихъ эта комиссія?

---

[1]) Ibid., p. 597.

[2]) Э. Бернштейнъ. „Историческій матеріализмъ“, переводъ Л. Канцель, второе изданіе, стр. 84.

По словамъ ея большинства, «ограниченіе отвѣтственности вызываетъ менѣе осторожное, или болѣе спекуляторское веденіе предпріятій, чѣмъ то, къ которому можетъ быть склоненъ предприниматель, связанный полною отвѣтственностью за свои операціи. Вслѣдствіе этого, при ограниченной отвѣтственности, производство часто ведется при такой пониженной прибыли, при которой обыкновенный предприниматель увидѣлъ бы себя вынужденнымъ сократить его размѣры. Даже потеря капитала, причиненная гибелью значительнаго числа этихъ компаній, не произвела всего того вліянія, котораго можно было ожидать въ смыслѣ сокращенія ихъ операцій, такъ какъ убытки распространяются на большее число лицъ и потому менѣе чувствительны. Болѣе того, на развалинахъ потерпѣвшихъ крушеніе предпріятій постоянно возникаютъ новыя, которыя, купивъ за безцѣнокъ имущество старыхъ, получаютъ возможность вести производство въ прежнихъ размѣрахъ» [1]).

Меньшинство комиссіи вполнѣ согласно въ этомъ случаѣ съ большинствомъ. По его мнѣнію, ограниченіе отвѣтственности вызвало появленіе особаго класса «основателей» (promoters), которые, пользуясь неопытностью и беззащитностью обладателей мелкихъ денежныхъ суммъ, заводятъ предпріятія единственно для того, чтобы при первой возможности перепродать свои акціи, ни мало не заботясь о томъ, какая судьба ожидаетъ начатое ими дѣло [2]).

Мы не думаемъ, чтобы «автоматическій соціализмъ» этого рода былъ способенъ значительно содѣйствовать «притупленію» общественныхъ противорѣчій. Перепроизводство и спекуляція всегда были и всегда останутся могущественными дѣятелями разоренія экономически слабыхъ и обогащенія горсти ловкачей, обладающихъ умѣніемъ ловить въ мутной водѣ рыбу.

Гошенъ указываетъ также на увеличеніе, въ разсматриваемый имъ періодъ времени, взносовъ въ сберегательныя кассы, какъ на одно изъ проявленій медленнаго, но вѣрнаго торжества дорогого ему «молчаливаго соціализма» [3]). Но если бы онъ внимательно прочиталъ тотъ самый докладъ, который самъ же онъ такъ настойчиво рекомендовалъ вниманію своихъ слушателей, то онъ долженъ былъ бы согласиться съ тѣмъ, что указанный имъ фактъ допускаетъ совершенно иное и притомъ гораздо менѣе «утѣшительное» толкованіе. Какъ справедливо замѣчаетъ оставшійся при особомъ мнѣніи членъ комиссіи А. О'Конноръ, увеличеніе числа взносовъ въ сберегательныя кассы могло быть вызвано уменьшеніемъ

---

[1]) Final Report, p. XVIII.
[2]) Ibid., p. LVII.
[3]) Journal, Dec. 1887, p. 602.

(вслѣдствіе угнетеннаго состоянія промышленности) возможности помѣщенія небольшихъ денежныхъ суммъ въ производительныя предпріятія[1]). При такомъ, болѣе чѣмъ вѣроятномъ, объясненіи этого факта становится совершенно понятнымъ то обстоятельство, что увеличеніе числа взносовъ въ сберегательныя кассы шло рука объ руку съ уменьшеніемъ спроса на рабочія руки.

Какъ бы ни былъ «молчаливъ» и «автоматиченъ» такой соціализмъ, въ немъ всегда будетъ очень мало утѣшительнаго.

Теперь мы можемъ разстаться на-время съ Гошеномъ и обратиться къ другому англійскому авторитету, именно къ статистику Мёльголлю.

Въ своемъ «Dictionary of Statistics» Мёльголль приводитъ слѣдующія данныя относительно роста числа доходовъ въ 2.000 фунтовъ стерлинговъ и выше[2]).

Годы.	Число доходовъ.	На одинъ милліонъ населенія.
1812	39.765	3.314
1850	65.389	3.115
1860	85.530	2.949
1870	130.375	4.206
1880	210.430	6.313

Число доходовъ выше 5.000 ф. ст. росло слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Число доходовъ.	На одинъ милліонъ населенія.
1812	409	34
1850	1.181	56
1860	1.558	53
1870	2.080	67
1880	2.954	88

Сопоставляя одни съ другими нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ, мы получаемъ:

	На 1 милл. населенія.		
	1860	1880	Ростъ.
Очень богатыхъ	53	88	66 проц.
Зажиточныхъ	2.949	6.313	112 »

---

[1]) Final Report., p. LXXII.

[2]) До 1860 г. данныя относятся къ Великобританіи, а послѣ 1860 года—ко всему Соединенному Королевству.

«Это указываетъ,—говоритъ Мёльголль,—на диффузію богатства, вопреки ходячему мнѣнію о томъ, что богатые богатѣютъ съ каждымъ днемъ» [1]).

Очень хорошо и весьма утѣшительно. Но, поговоривъ съ тѣмъ же Мёльголлемъ въ другой разъ и при другихъ обстоятельствахъ, мы узнаемъ отъ него гораздо менѣе хорошія и гораздо менѣе утѣшительныя вещи.

На основаніи нѣкоторыхъ разсчетовъ онъ принимаетъ, что богатство Соединеннаго Королевства распредѣлено такъ:

Классы.	Число лицъ.	Милліоны фунтовъ.	Фунтовъ на каждую голову.
Богатый . . .	327.000	9.120	28.000
Средній . . .	2.380.000	2.120	900
Рабочій . . .	18.210.000	556	31
Дѣти	17.940.000	—	—
Всего населенія	38.857.000	11.806	302

На что же указываютъ эти цифры? А вотъ на что. «Около 80 проц. всего богатства страны находится въ рукахъ 1½ процента взрослаго населенія. Средній классъ охватываетъ 11 процентовъ населенія и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ 18 проц. богатства» [2]). О рабочемъ классѣ Мельголль уже и не говоритъ: такъ жалки, такъ ничтожны крохи, приходящіяся на его долю! Выходитъ, что «диффузія богатства» не такъ уже сильна, какъ насъ только что увѣрялъ тотъ же Мельголль. Жаль. Очень жаль. Мы пришли было въ очень пріятное настроеніе духа. Но послушаемъ дальше нашего статистика. Спросимъ его, какъ совершалась «диффузія богатства въ прежнее время [3]).

По его собственному разсчету [4]) оказывается, что если мы примемъ за 100 число крупныхъ состояній, превышавшихъ въ 1840 году 5.000 ф. с., то увидимъ, что въ 1877 году оно дошло до 223, а 1893 году до 270. Между тѣмъ, принимая за 100 число состояній, простиравшихся въ 1840 году отъ 100 до 5.000 ф. ст., мы находимъ, что въ 1877 году оно дошло только до 203, а въ 1893 году только до 249. А это означаетъ, что «состоянія выше 5.000 ф. ст. умножались гораздо скорѣе, чѣмъ тѣ, которыя не достигали этой цифры,—явленіе какъ разъ обратное тому, которое было бы желательно,—и этотъ приливъ богатства (въ высшіе

[1]) Dictionary, p. 321.

[2]) Industries and Wealth of Nations, by Michael G. Mulhall, London, 1896, p. 100.

[3]) Предыдущіе выводы основаны на данныхъ, относящихся къ пятилѣтію, кончившемуся декабремъ 1893 года.

[4]) Ниже мы увидимъ, что этотъ разсчетъ лишь въ слабой степени выражаетъ дѣйствительный ходъ развитія.

слои.—Н. Б.) становится, повидимому, все болѣе интенсивнымъ»[1]). Вотъ такъ «диффузія»! Мельголль самъ какъ будто смущается ею и потому спѣшитъ утѣшить насъ слѣдующей таблицей:

	Въ 1840 г.	Въ 1877 г.	Въ 1893 г.
Населеніе	100	126	146
Состояніе выше 100 ф. .	100	205	251

За пятьдесятъ лѣтъ населеніе выросло на 40 процентовъ, а число лицъ, обладающихъ состояніемъ выше 100 ф. с., увеличилось на 151 процентъ. «Другими словами, тотъ общественный классъ, который стоитъ выше бѣдности, росъ, начиная съ 1840 года, втрое скорѣе, чѣмъ общая цифра населенія»[2]).

Ниже мы подробнѣе анализируемъ утѣшительность этого утѣшенія, а теперь пока обратимъ вниманіе читателя на слѣдующій отзывъ Мельголля о положеніи рабочаго класса въ Англіи.

«Улучшеніе положенія рабочаго класса съ очевидностью явствуетъ изъ возрастанія числа вкладчиковъ въ сберегательныя кассы. Оно составляло менѣе 4 процентовъ населенія Соединеннаго Королевства въ 1850 году, а теперь доходитъ до 19 процентовъ. Тѣмъ не менѣе, страданія бѣднаго класса въ нашихъ большихъ городахъ теперь значительнѣе, чѣмъ когда либо прежде. О положеніи этого класса было справедливо сказано, что оно хуже положенія готтентотовъ»[3]).

По-русски это называется начать за здравіе, а кончить за упокой.

V.

Мы видимъ теперь, что какъ «молчаливый соціализмъ» Гошена, такъ и «диффузія богатства» Мельголля представляютъ собой нѣчто весьма фантастическое. Мельголль самъ долженъ былъ признать, что богатство все болѣе и болѣе скопляется въ высшихъ слояхъ общества. Но если это такъ, то общественныя противорѣчія, — разсматриваемыя съ ихъ экономической стороны,—не только не «притупляются», а все болѣе и болѣе возрастаютъ. Мельголль старается «притупить» этотъ выводъ указаніемъ на то, что въ Англіи число лицъ, обладающихъ имуществомъ выше 100 ф. с., растетъ значительно быстрѣе, чѣмъ населеніе. Пора внимательнѣе присмотрѣться къ этому мнимому утѣшенію.

Представимъ себѣ общество, въ составъ котораго входитъ три класса: богатый, зажиточный и бѣдный. Предположимъ, для простоты, что бѣдный

[1]) Ibid., p. 100—101.
[2]) Ibid., p. 101
[3]) Ibid., p. 101—102

классъ живетъ исключительно продажей своей рабочей силы, зажиточный занимается торговлей, а богатый состоитъ изъ капиталистовъ-предпринимателей и землевладѣльцевъ; число лицъ въ бѣдномъ классѣ равняется тысячѣ, въ зажиточномъ—ста, а въ богатомъ—десяти [1]). При распредѣленіи общественнаго дохода на долю каждаго изъ этихъ классовъ достается величина, которую мы обозначимъ черезъ А. Стало быть, весь доходъ общества равняется 3 А; членъ богатаго класса въ среднемъ въ десять разъ богаче члена зажиточнаго класса, а членъ зажиточнаго класса въ среднемъ въ десять разъ богаче члена бѣднаго класса. Таково относительное положеніе классовъ въ данную эпоху, скажемъ—въ 1875 году.

Проходитъ 25 лѣтъ. Общественный доходъ удваивается, и на долю каждаго общественнаго класса достается теперь уже не одно, а два А [2]). Мы можемъ, поэтому, сказать, что экономическое благосостояніе каждаго общественнаго класса удвоилось. Но взаимное отношеніе этихъ классовъ осталось безъ перемѣны: по прежнему богатый въ среднемъ въ десять разъ богаче зажиточнаго, а зажиточный въ среднемъ въ десять разъ богаче бѣднаго. Въ виду этого мы не имѣемъ никакого права говорить ни о «диффузіи богатства» въ нашемъ обществѣ, ни объ «автоматическомъ соціализмѣ», измѣняющемъ распредѣленіе дохода въ смыслѣ притупленія противорѣчій между общественными классами. Запомнивъ этотъ выводъ, пойдемъ далѣе.

Предположимъ, что въ нашемъ обществѣ существуетъ подоходный налогъ, который платится всѣми лицами, получающими 100 и выше фунтовъ дохода. Предположимъ также, что въ богатомъ и въ зажиточномъ классѣ у насъ нѣтъ ни одного лица, доходъ котораго былъ бы ниже ста фунтовъ, но зато въ бѣдномъ классѣ нѣтъ ни одного лица, доходъ котораго достигалъ бы этой цифры; стало быть, никто изъ лицъ этого послѣдняго класса не платилъ бы подоходнаго налога въ 1875 году.

А какъ будетъ обстоять дѣло по прошествіи 25 лѣтъ, когда удвоится доходъ каждаго общественнаго класса?

Если мы предположимъ: во-первыхъ, что 25 лѣтъ тому назадъ въ бѣдномъ классѣ было 250 лицъ, ежегодно получавшихъ отъ 50 до 100 фунтовъ, а во-вторыхъ, что распредѣленіе дохода внутри каждаго класса остается постояннымъ, то теперь въ бѣдномъ классѣ у насъ окажется 250 лицъ, получающихъ отъ ста до 200 фунтовъ, и, слѣдовательно, обязанныхъ платить подоходный налогъ. Такимъ образомъ, число небогатыхъ плательщиковъ подоходнаго налога увеличится, несмотря на то, что никакой «диффузіи бо-

[1]) Лицо—глава семьи, получатель извѣстнаго дохода.

[2]) Чтобы не усложнять разсчета, мы предполагаемъ сначала, что населеніе не увеличилось за это время.

гатства» не произойдетъ, такъ какъ богатый попрежнему будетъ въ 10 разъ богаче зажиточнаго, а зажиточный попрежнему въ 10 разъ богаче бѣднаго.

Въ какой же мѣрѣ увеличится число небогатыхъ плательщиковъ подоходнаго налога?

Это будетъ зависѣть, конечно, отъ распредѣленія богатства внутри зажиточнаго класса. Предположимъ, что 25 лѣтъ тому назадъ между членами этого класса было 25 лицъ, получавшихъ отъ 500 до 1000 ф. с. ежегоднаго дохода. Въ такомъ случаѣ теперь, послѣ удвоенія дохода этого класса (при неизмѣнномъ распредѣленіи этого дохода), эти 25 лицъ будутъ получать уже отъ 1000 до 2000 фунтовъ. Предполагая, что лица, получающія болѣе 1000 фунтовъ, называются крупными плательщиками, мы увидимъ, что къ разряду такихъ плательщиковъ отойдетъ теперь 25 человѣкъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ среднему классу. Значитъ, общее число небогатыхъ плательщиковъ (или, другими словами, общее число «moderate incomes») будетъ теперь равно 325 [75 человѣкъ, оставшихся отъ прежняго числа (100) и 250 новыхъ, принадлежавшихъ къ рабочему классу], т. е. окажется увеличившимся на 225 процентовъ.

Будемъ считать дальше. Двадцать пять лицъ торговаго класса, получающихъ отъ 1000 до 2000 ф. с., будутъ фигурировать теперь въ спискахъ крупныхъ плательщиковъ, въ одномъ разрядѣ съ лицами высшаго класса, состоящаго изъ фабрикантовъ и землевладѣльцевъ. Такихъ лицъ у насъ было десять. Присоединяя къ нимъ 25 лицъ, изъ средняго класса, мы находимъ, что число крупныхъ плательщиковъ равняется теперь 35: увеличеніе на 250 процентовъ.

Число крупныхъ плательщиковъ растетъ у насъ нѣсколько быстрѣе числа «умѣренныхъ». Но легко видѣть, что при нѣкоторомъ измѣненіи нашихъ гипотетическихъ данныхъ у насъ получится противоположный результатъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что въ 1875 г. у насъ было только 10 лицъ, получавшихъ отъ 500 до 1000 фунтовъ. По прошествіи 25 лѣтъ и по удвоеніи дохода средняго класса эти 10 лицъ будутъ получать отъ 1000 до 2000 фунтовъ и поэтому отойдутъ въ разрядъ крупныхъ плательщиковъ подоходнаго налога. Складывая ихъ число съ числомъ прежнихъ плательщиковъ крупнаго разряда, — которое, какъ намъ извѣстно, равнялось тоже десяти,—мы находимъ, что всѣхъ плательщиковъ этого разряда будетъ 20, а это значитъ, что число ихъ увеличилось только на 100 процентовъ. Въ виду гораздо болѣе быстраго роста числа «умѣренныхъ» плательщиковъ мы получаемъ возможность кричать объ «автоматическомъ соціализмѣ» и наводить некритическихъ «критиковъ» на ту мысль, что Марксова «догма» устарѣла и т. д.

А вѣдь на самомъ дѣлѣ у насъ никакой «диффузіи богатства» не произошло, и каждый общественный классъ получаетъ свою прежнюю долю національнаго дохода.

Совершенно такой же «отрадный» выводъ,—въ Гошеновскомъ смыслѣ,—мы получимъ, предположивъ, что концентрація имущества въ средѣ класса промышленниковъ и землевладѣльцевъ совершается быстрѣе, чѣмъ въ средѣ торговаго класса, что вполнѣ возможно,—и даже въ высшей степени вѣроятно, — совершенно безъ всякаго посрамленія Марксовой «догмы» [1]).

До сихъ поръ мы предполагали, что при ростѣ національнаго дохода доля каждаго общественнаго класса оставалась неизмѣнной. Теперь посмотримъ, какъ отразилось бы въ спискахъ плательщиковъ подоходнаго налога неравномѣрное возрастаніе дохода различныхъ классовъ.

Положимъ, что общественный доходъ учетверился и распредѣляется такъ: рабочій классъ получаетъ 2А; средній классъ — 4А, а высшій—6А. При удвоеніи дохода рабочаго класса въ его средѣ окажется,—какъ и при нашемъ прежнемъ предположеніи,—250 лицъ, получающихъ сто и больше фунтовъ дохода. Эти лица будутъ теперь обязаны платить подоходный налогъ и, слѣдовательно, увеличатъ собою число «умѣренныхъ» плательщиковъ. Средній классъ прежде цѣликомъ относился къ числу плательщиковъ этого «умѣреннаго» разряда, но теперь, послѣ учетверенія дохода средняго класса, значительное число его членовъ перейдетъ въ разрядъ крупныхъ плательщиковъ. Какъ велико будетъ это число? Если мы предположимъ, что прежде въ среднемъ классѣ было 25 лицъ, получавшихъ отъ 250 до 500 фунтовъ, то теперь (при неизмѣнномъ распредѣленіи учетвереннаго дохода средняго класса между его членами) каждое изъ этихъ 25 лицъ будетъ получать отъ 1000 до 2000 фунтовъ, т. е. перешагнетъ за черту, отдѣляющую небогатыхъ плательщиковъ отъ крупныхъ. Но въ томъ же классѣ было, кромѣ того, согласно нашему прежнему предположенію, 25 лицъ, получавшихъ отъ пятисотъ фунтовъ до тысячи. Послѣ учетверенія дохода средняго класса лица эти станутъ получать отъ 2000 до 4000 фунтовъ каждый

[1]) „The retail trade isto-day passing through an industrial revolition similar to that which manufacture experienced in the early years of this century and the small Keeper is the analogue of the handloom weaver“,—говоритъ Макрости въ своей интересной „The Growth of Monopoly in english Industry“. (Fabian Tract № 88, p. 3). Теперь, когда мелкаго лавочника захватила „промышленная революція“, концентрація пойдетъ быстрыми шагами въ области мелочной торговли, что и доказывается въ брошюрѣ Макрости. Но пока мелочная торговля еще не была затронута „промышленной революціей“, концентрація по необходимости должна была совершаться въ ней гораздо медленнѣе, чѣмъ въ промышленности. Это обстоятельство тоже не могло не вліять на ростъ „умѣренныхъ“ доходовъ.

и, потому съ еще большимъ основаніемъ будутъ причислены къ крупнымъ плательщикамъ. Слѣдовательно, изъ числа лицъ средняго класса только 50 (100—25—25) лицъ останется въ разрядѣ «умѣренныхъ» плательщиковъ. Присоединяя число этихъ лицъ къ числу (250) небогатыхъ плательщиковъ изъ низшаго класса, мы находимъ, что общее число небогатыхъ плательщиковъ равняется теперь 300 (50+250) увеличеніе на 200 процентовъ.

Переходя къ разряду крупныхъ плательщиковъ, мы видимъ, что къ ихъ прежнему числу, десяти, прибавится теперь еще 50 (25 лицъ съ доходомъ отъ 1000 до 2000 ф. и 25 лицъ съ доходомъ отъ 2000 до 4000). Общая ихъ сумма дойдетъ, значитъ, до шестидесяти: увеличеніе на 500 процентовъ.

Если мы предположимъ, что концентрація уменьшитъ число небогатыхъ плательщаковъ до 250, а число крупныхъ—до 55, то выйдетъ, что общая сумма «умѣренныхъ» доходовъ возрасла на 150 процентовъ, а число крупныхъ—на 450 процентовъ.

Но мы разсуждаемъ, не принимая во вниманіе роста населенія. Населеніе можетъ расти: 1) быстрѣе, чѣмъ общественный доходъ; 2) такъ же быстро, какъ онъ; 3) медленнѣе его. Для насъ здѣсь интересенъ только третій случай, соотвѣтствующій капиталистической дѣйствительности. Разсмотримъ этотъ случай.

Положимъ, что число членовъ нашего общества удвоилось втеченіе 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ общественный доходъ учетверился и равняется теперь 12А, причемъ рабочему классу достается 2А, среднему—4А, а высшему—6А. Такъ какъ вдвое большій доходъ рабочаго класса распредѣляется теперь между вдвое большимъ числомъ лицъ, то (при неизмѣнномъ распредѣленія дохода внутри этого класса) благосостояніе каждаго отдѣльнаго рабочаго не повысится, а потому ни одинъ слой рабочихъ не попадетъ въ число плательщиковъ подоходнаго налога.

Не то будетъ въ среднемъ классѣ. Здѣсь доходъ учетверился, между тѣмъ какъ число лицъ только удвоилось. Каждое лицо въ отдѣльности будетъ, стало быть, вдвое богаче, чѣмъ было прежде. Число лицъ, получающихъ отъ 1.000 до 2.000 ф. дохода, дойдетъ теперь до 50. Эти 50 лицъ будутъ теперь занесены въ разрядъ крупныхъ плательщиковъ, а остальные 150 (200—50) останутся въ разрядѣ небогатыхъ. Число «умѣренныхъ» доходовъ увеличится, значитъ, на 50 процентовъ.

Въ высшемъ классѣ прежде было 10 плательщиковъ, которые всѣ и принадлежали, разумѣется, къ разряду крупныхъ. Вслѣдствіе удвоенія населенія ихъ стало 20. Къ этимъ 20 надо прибавить еще 50 человѣкъ средняго класса, перешедшихъ въ разрядъ круп-

ныхъ плательщиковъ. Сумма: 70 (20 + 50); увеличеніе — 600 процентовъ.

Даже предположивъ, что концентрація имуществъ понизила число крупныхъ плательщиковъ до 55, мы все-таки имѣемъ передъ собою фактъ огромнаго увеличенія числа крупныхъ плательщиковъ, доходящаго до 450 проц.

Что же доказываютъ всѣ эти примѣры, навѣрное, до смерти надоѣвшіе читателю?

Они доказываютъ, между прочимъ, вотъ что:

1. Ростъ числа небогатыхъ плательщиковъ, обусловливаемый ростомъ общественнаго дохода, самъ по себѣ вовсе еще не свидѣтельствуетъ о «диффузіи богатства» или объ успѣхахъ «автоматическаго соціализма», потому что онъ вполнѣ совмѣстимъ съ огромнымъ ростомъ неравенства въ распредѣленіи общественнаго богатства.

2. Чѣмъ сильнѣе концентрація имуществъ въ высшемъ классѣ общества, тѣмъ выпуклѣе выступаетъ ростъ числа небогатыхъ плательщиковъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ число «moderate incomes» будетъ расти скорѣе числа крупныхъ доходовъ, несмотря на одновременный и очень сильный ростъ общественнаго неравенства.

3. Въ современныхъ капиталистическихъ обществахъ число умѣренныхъ доходовъ растетъ быстрѣе, чѣмъ общая цифра населенія. Но умозаключать отсюда къ диффузіи богатства и къ уменьшенію общественнаго неравенства—значитъ обнаруживать полнѣйшее и постыднѣйшее непониманіе предмета. Для серьезнаго уясненія вопроса о распредѣленіи національнаго дохода въ современныхъ обществахъ надо прежде всего опредѣлить, въ какой мѣрѣ выросъ этотъ доходъ за разсматриваемый періодъ и какъ раздѣлился его приростъ между отдѣльными классами. Лица же, толкующія о диффузіи и сравнивающія ростъ населенія съ ростомъ числа умѣренныхъ доходовъ, ровно ничего не дѣлаютъ для указаннаго опредѣленія [1]).

Поэтому ихъ аргументація не показываетъ ничего, кромѣ ихъ собственной слабости.

---

[1]) См., напримѣръ, Бернштейна «Историческій матеріализмъ», стр. 87 и слѣдующія. Въ прошломъ году Луиджи Негри выпустилъ въ свѣтъ работу, спеціально посвященную вопросу о концентраціи въ капиталистическомъ обществѣ (La centralizzazione capitalistica, Torino, 1900). Онъ заботливо перечисляетъ тамъ всѣ причины, замедляющія концентрацію. Но странно, что онъ не упоминаетъ о причинахъ, маскирующихъ ее. А между тѣмъ такія причины существуютъ. Самой сильной изъ нихъ является быстрое скопленіе богатства въ верхнихъ общественныхъ слояхъ.

Если мы съ точки зрѣнія этихъ выводовъ взглянемъ на данныя, приведенныя Мёльголлемъ въ его «Dictionary of Statistics», то мы легко поймемъ, какъ и почему эти данныя могутъ уживаться съ другими данными, имѣющими, повидимому, совершенно противоположное значеніе.

Мёльголль говоритъ, что въ Англіи число лицъ съ имуществомъ выше 100 ф. ст. растетъ значительно быстрѣе, чѣмъ населеніе. И это вѣрно. Но Мёльголль не спрашиваетъ себя при этомъ, какъ же быстро растетъ національный доходъ Англіи. На самомъ дѣлѣ этотъ доходъ растетъ гораздо быстрѣе числа лицъ указаннаго Мёльголлемъ разряда, и потому увеличеніе этого числа идетъ рука объ руку съ гораздо болѣе сильнымъ увеличеніемъ общественнаго неравенства, о которомъ совершенно недвусмысленно говорятъ данныя, сообщаемыя тѣмъ же Мёльголлемъ въ его книгѣ «Industries and wealthof Nations». Правда, данныя, приведенныя имъ въ «Dictionary of Statistics» какъ будто показываютъ, что «умѣренные» доходы растутъ въ Англіи скорѣе крупныхъ; но, во-первыхъ, мы уже знаемъ теперь, что если бы это и было такъ, то отсюда еще было бы очень далеко до «диффузіи богатства»; во-вторыхъ, намъ извѣстно, что вторая половина семидесятыхъ годовъ ознаменовалась очень угнетеннымъ состояніемъ промышленности, вызвавшимъ временное пониженіе крупныхъ доходовъ, а, слѣдовательно, и временное уменьшеніе ихъ числа. Мы понимаемъ, поэтому, какъ и почему сравненіе чиселъ, относящихся къ 1860 г. съ одной стороны и къ 1880 г.—съ другой, указываетъ на болѣе быстрый ростъ числа умѣренныхъ доходовъ, сравнительно съ числомъ крупныхъ. Но если мы сравнимъ общіе результаты экономическаго развитія за болѣе продолжительный періодъ, то увидимъ, что, несмотря на временныя задержки, число крупныхъ доходовъ росло гораздо скорѣе числа умѣренныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, та же таблица Мёльголля показываетъ, что въ 1812 г. на одинъ милліонъ жителей въ Англіи приходилось 3.314 лицъ съ доходомъ отъ 200 ф. ст. и выше, а въ 1880 г. ихъ было 6.313, т. е. число ихъ даже не удвоилось; между тѣмъ, число лицъ съ доходомъ выше 5.000 ф. с. поднялось съ 34 въ 1812 г. до 88 въ 1880 г.—увеличеніе на 163,6 процента.

Эти цифры совершенно опровергаютъ Мёльголля, говорящаго о диффузіи общественнаго богатства, и вполнѣ подтверждаютъ справедливость словъ Мёльголля, указывающаго на то, что «состоянія выше 5.000 ф. с. умножились гораздо скорѣе, чѣмъ тѣ, которыя не достигали этой цифры». (См. выше, стр. 55).

«Сами по себѣ цифры никогда не лгутъ—замѣтилъ Гошенъ въ своей рѣчи, разобранной нами выше,—но всякій долженъ признать, что нѣтъ ничего легче, какъ злоупотребить ими для той или иной посторонней цѣли». Въ этомъ случаѣ мы совершенно согласны съ Гошеномъ. Дѣйствительно, цифры не лгутъ...

VI.

Въ нашемъ примѣрѣ мы оперировали съ гипотетическими данными. Теперь пора обратиться къ дѣйствительности.

Просимъ читателя обратить вниманіе на слѣдующую таблицу, показывающую ростъ различныхъ разрядовъ дохода въ Англіи за время съ 1843 г .по 1879—80 г.

Доходы въ фунтахъ стерл.	1843 г.	1879—80 г.
отъ 500 до 5.000	17.990	42.927
» 5.000 » 10.000	493	1.439
» 10.000 » 50.000	200	785
50.000 и выше	8	68

Число лицъ, получавшихъ отъ 500 до 5.000 ф. ст. дохода, болѣе чѣмъ удвоилось; число лицъ съ доходомъ отъ 5.000 до 10.000 ф. ст. почти утроилось; число богачей, ежегодно кладущихъ въ свой карманъ отъ 10.000 до 50.000 ф. ст., почти учетверилось; наконецъ, число милліонеровъ, пользующихся ежегоднымъ доходомъ въ 50.000 ф. и выше, увеличилось въ восемь разъ [1]).

Такимъ образомъ, никакое сомнѣніе невозможно: неравенство въ распредѣленіи національнаго дохода очень увеличилось въ Англіи за указанный періодъ. «Диффузія богатства» является, поэтому, не болѣе, какъ «благонамѣренной» ложью.

Правда, за тотъ же самый періодъ времени болѣе чѣмъ утроилось число лицъ съ доходомъ отъ 150 до 500 ф. ст. Выходитъ, что число плательщиковъ этого,—самаго скромнаго,—разряда расло быстрѣе числа плательщиковъ двухъ непосредственно за нимъ слѣдующихъ разрядовъ и отстало лишь отъ четвертаго (10.000—50.000 ф. с.) и отъ пятаго (50.000 и выше [2]). При нѣкоторой доброй волѣ можно, пожалуй, сказать по этому поводу нѣсколько словъ о диффузіи богатства въ среднихъ слояхъ плательщиковъ. Но теперь мы уже не смутимся такими словами; теперь мы хорошо знаемъ, что указанное нами явленіе могло быть вызвано множествомъ причинъ, не имѣющихъ ровно никакого отношенія къ «диффузіи богатства». Къ тому же у насъ остается на-лицо

---

[1]) См. приложеніе А къ чрезвычайно интересной запискѣ г-жи Э. Симкоксъ: Loss or gain of the working classes during the Nineteenth Century напечатанной въ отчетѣ объ Industrial Remuneration Conference, London, стр. 96—97.

[2]) Въ 1843 г. число плательщиковъ самаго низшаго разряда равнялось 87.946, а въ 1879—80 г. оно дошло до 274.943.

фактъ еще болѣе быстраго роста числа плательщиковъ двухъ высшихъ разрядовъ. Стало быть, увеличеніе общественнаго неравенства остается для насъ внѣ всякаго сомнѣнія [1]).

Такое же увеличеніе видимъ мы и въ другихъ капиталистическихъ странахъ.

Въ Цюрихскомъ кантонѣ въ періодъ 1848—85 гг. состоянія разныхъ величинъ росли такъ:

Состоянія		1848 г.	1885 г.	Ростъ.
отъ 5.000 до 50.000 фр.	(около)	9.100	17.000	90 проц.
» 50.000 » 500.000 »	»	930	2.650	185 »
выше 500.000 »	»	30	190	530 »

Въ Базелѣ, въ Гларусѣ, въ Бременѣ, въ Гамбургѣ, въ Саксонскомъ королевствѣ и въ Пруссіи замѣчено было подобное же отношеніе между числами, выражающими ростъ имуществъ различныхъ величинъ.

Въ Саксонскомъ королевствѣ въ періодъ времени 1879—1890 гг. число доходовъ выше 9.600 марокъ увеличилось на 100 процентовъ, а число доходовъ выше 100.000 марокъ—на 228 проц. [2]).

Для Пруссіи у насъ есть, кромѣ того, поразительная таблица Энгеля:

въ промежутокъ времени 1845—1873 гг. число плательщиковъ разныхъ разрядовъ расло такъ:

Число плательщиковъ выросло:

Въ первомъ разрядѣ	1.000— 1.600 талеровъ на		110,2 проц.
Во второмъ »	1.600— 3.200 »	»	132,3 »
Въ третьемъ »	3.200— 6.000 »	»	153,9 »

---

[1]) Приведенныя нами цифры до такой степени безусловно опровергаютъ Гошена, что мы не считаемъ нужнымъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ разборомъ значенія того указаннаго англійскимъ министромъ факта, что число доходовъ, записанныхъ подъ рубрикой E, значительно увеличилось въ періодъ 1875—1886 г. Скажемъ только, что ростъ капитализма необходимо предполагаетъ ростъ числа служащихъ участныхъ лицъ, равно какъ и у акціонерныхъ компаній. Но именно этотъ ростъ и ведетъ къ усиленію общественнаго неравенства; именно онъ то и ведетъ къ тому, что крупные доходы въ общемъ растутъ гораздо быстрѣе «умѣренныхъ».

[2]) См. «Wirthschftliche Grundbegriffe» Неймана въ Шенберговомъ «Handbuch der Politischen Oekonomie», I. Bd. 4. Auflage.s. 186.—«Вообще,—говоритъ Бёмертъ,—на основаніи саксонскихъ данныхъ можно признать, что хотя доходъ среднихъ классовъ отъ 2.100 (2.200) до 9.500 (9.600) марокъ значительно растетъ въ абсолютномъ смыслѣ, но что его процентное отношеніе къ общей суммѣ дохода довольно значительно падаетъ. Такимъ образомъ здѣсь какъ будто замѣчается тотъ же ходъ развитія, который можно было констатировать для производства среднихъ размѣровъ на основаніи имперскихъ данныхъ». Die Vertheilung des Einkonomens in Preussen und Sachsen. Dresden 1898, S. 12.

Число плательщиковъ выросло:

Въ четвертомъ	»	6.000— 12.000	»	»	224,8	»
Въ пятомъ	»	12.000— 24.000	»	»	370,6	»
Въ шестомъ	»	24.000— 52.000	»	»	476,3	»
Въ седьмомъ	»	52.000—100.000	»	»	468,4	»
Въ восьмомъ	»	100.000—200.000	»	»	433,3	»
Въ девятомъ	»	200.000 и выше	»	»	2100,0 1)	»

Куда ни посмотрите, вездѣ вы увидите одно и тоже: дѣйствительное движеніе во всѣхъ странахъ капиталистическаго міра совершается въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ двигалось наше гипотетическое общество: число плательщиковъ высшихъ разрядовъ вездѣ растетъ несравненно быстрѣе числа плательщиковъ небогатыхъ. Результаты, добытые наблюденіемъ дѣйствительности, поразительно совпадаютъ съ результатами, получившимися у насъ, когда мы предположили, что увеличеніе общественнаго дохода не увеличиваетъ благосостоянія рабочаго класса. Но во многихъ случаяхъ дѣйствительность оставляетъ далеко за собой нашъ гипотетическій примѣръ: въ нашемъ примѣрѣ разница въ ростѣ чиселъ плательщиковъ различныхъ категорій значительно меньше, чѣмъ въ Пруссіи (по таблицѣ Энгеля) или хотя бы въ Цюрихскомъ кантонѣ. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что въ нашемъ примѣрѣ не отводилось достаточно мѣста для концентраціи имущества въ небогатыхъ слояхъ общества. Очень возможно, что въ дѣйствительности такая концентрація значительно замедляетъ ростъ числа «умѣренныхъ» доходовъ.

Однимъ словомъ, характеръ нашего примѣра вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей въ капиталистическомъ обществѣ. Но нашъ примѣръ основывался на томъ предположеніи, что распредѣленіе общественнаго дохода между различными классами общества дѣлается все болѣе и болѣе неравномѣрнымъ. Ясно, что то же самое происходитъ и на самомъ дѣлѣ.

Но если это такъ, то разлагольствованія на тему о притупленіи общественныхъ противорѣчій, о диффузіи богатства, объ «обѣднѣніи» капиталистовъ и объ «обогащеніи» работниковъ являются горькой насмѣшкой надъ тѣмъ классомъ, которому съ особенной силой даетъ себя чувствовать общественное неравенство. Ученіе Кэри-Бастіа и ихъ потомства: Гошена, Шульце-Геверницъ и проч. и проч. и проч. есть не болѣе, какъ хитрая, но ни мало не убѣдительная рѣчь адвокатовъ дѣла, проиграннаго по крайней мѣрѣ въ принципѣ.

---

1) Handwörterbuch der Staatswissenchaften, 2. Auflage, II. Band, S. 36.

VII.

Убѣдившись въ этомъ, мы можемъ обратиться, наконецъ, къ г. П. Струве.

Какъ относится этотъ почтенный «критикъ» къ ученію Кэри-Бастіа?

Въ его статьѣ, напечатанной въ «Архивѣ» Брауна, встрѣчаются мѣста, позволяющія совершенно опредѣленно отвѣтить по крайней мѣрѣ на вопросъ о томъ, что̀ думаетъ онъ о новѣйшей разновидности этого ученія, т. е. «диффузіи богатства» придуманной Гошеномъ, Шульце-Геверницемъ и компаніей. Вотъ одно изъ этихъ мѣстъ.

Марксъ утверждалъ, какъ извѣстно, что съ развитіемъ капитализма и съ ростомъ производительности труда уровень прибавочной стоимости—а слѣдовательно и степень эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ,—повышается. По поводу этой мысли Маркса г. П. Струве замѣчаетъ:

«Но именно это положеніе трудно согласить съ фактами. Для начальной стадіи развитія крупнаго капитализма (первое торжество машиннаго производства) оно, вѣроятно, было въ общемъ правильно. Но нельзя признать, что повышеніе степени эксплуатаціи имѣло мѣсто въ дальнѣйшихъ стадіяхъ и продолжится на неопредѣленное время въ будущемъ. Дѣло въ томъ, что уровень прибавочной стоимости можетъ повышаться только тогда, когда понижается, по какимъ нибудь причинамъ, заработная плата или растетъ прибавочная стоимость. Но пониженіе заработной платы вовсе не можетъ быть названо характеристическимъ признакомъ новѣйшаго экономическаго развитія въ капиталистическихъ странахъ. Помимо же пониженія заработанной платы прибавочная стоимость можетъ увеличиться или путемъ удлиненія рабочаго времени, или же путемъ увеличенія напряженности труда. Но мы не можемъ констатировать и удлиненія рабочаго времени въ капиталистическихъ странахъ... Скорѣе приходится наблюдать обратное явленіе. Увеличеніе напряженности труда дѣйствительно имѣетъ мѣсто, но это увеличеніе, по физіологическимъ причинамъ, во-первыхъ, часто связывается съ повышеніемъ заработной платы, а во-вторыхъ, наталкивается на непереходимую границу. Поэтому ученіе о постоянномъ повышеніи уровня прибавочной стоимости или степени эксплуатаціи труда въ развивающемся капиталистическомъ обществѣ кажется мнѣ несостоятельнымъ. Съ успѣхомъ можно защищать противоположную тезу, которая и въ самомъ дѣлѣ нисколько не противорѣчитъ общему характеру новѣйшаго экономическаго развитія».

«Противоположная теза» есть именно «теза» нынѣшнихъ обновителей ученія Кэри-Бастіа. Мы уже обнаружили полнѣйшую несостоятельность

этой тезы. Доказавъ, что неравенство въ распредѣленіи національнаго дохода возрастаетъ, мы тѣмъ самымъ доказали, что достающаяся рабочему классу доля этого дохода уменьшается. Покончивъ съ «оригиналами», мы могли бы уже не останавливаться передъ «спискомъ», ограничившись простымъ констатированіемъ того болѣе или менѣе утѣшительнаго и удивительнаго обстоятельства, что онъ сдѣланъ очень удачно и отличается большимъ сходствомъ съ подлинниками. Но такъ какъ намъ все-таки нужно, хотя отчасти, слѣдовать за нашимъ «критикомъ», то мы должны разсмотрѣть также и его аргументацію. Кромѣ того, намъ слѣдуетъ признать, что до сихъ поръ мысль Маркса объ увеличеніи степени эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ подтверждалась нами лишь косвенно, лишь посредствомъ указанія на возрастающее неравенство въ распредѣленіи общественнаго богатства. Посмотримъ теперь, можно ли привести какіе нибудь прямые доводы въ пользу этой мысли.

Мы видѣли, что, по мнѣнію г. П. Струве, это невозможно. Онъ говоритъ, что мысль Маркса можетъ быть признана правильной только въ примѣненіи къ начальной стадіи развитія капитализма. Это совершенно не такъ.

Возьмемъ Соединенные Штаты Сѣв. Америки, гдѣ, по очень многимъ причинамъ, условія продажи пролетаріатомъ своей рабочей силы несравненно благопріятнѣе для него, чѣмъ въ какой бы то ни было изъ европейскихъ странъ. Какъ измѣнилась тамъ доля рабочаго класса въ стоимости, создаваемой его трудомъ?

Въ 1840 г. онъ получалъ 51 процентъ, а въ 1890 г. ему доставалось только 45 проц. этой цѣнности. Стало быть, его доля понизилась, а степень эксплоатаціи его капиталистомъ повысилась.

Мы заимствовали только что приведенныя нами цифры у Кароля Д. Райта, который, при всей своей добросовѣстности, все-таки рѣшительно предпочитаетъ розовую краску черной [1]).

Кароль Д. Райтъ указываетъ также на причину, способствующую уменьшенію доли рабочаго класса. Онъ видитъ ее въ развитіи машиннаго производства или, какъ сказалъ бы Марксъ, въ измѣненіи органическаго состава капитала [2]).

---

[1]) См. его Industrial Evolution of the United States. New Jork 1895, p. 192. Если Эткинсонъ въ своихъ разсчетахъ приходитъ къ другимъ выводамъ, то это объясняется просто на просто тѣмъ, что онъ принимаетъ пониженіе уровня прибыли за пониженіе нормы прибавочной стоимости. Его примѣръ прекрасно показываетъ, до какой степени необходимо для статистика знаніе теоретической экономіи.

[2]) Тамъ же та же стран.

Что скажетъ намъ по этому поводу нашъ «критикъ»? Думаетъ ли онъ, что Соединенные Штаты Сѣв. Америки до сихъ поръ не вышли изъ начальной стадіи капитализма?

Г. П. Струве цитируетъ книгу К. Д. Райта. Стало быть, она ему извѣстна. Но онъ, какъ видно, не разслышалъ того, что говоритъ американскій статистикъ о пониженіи доли рабочаго класса. Охъ, глухота большой порокъ!

Въ Англіи, въ періодъ 1861—1891 г., національный доходъ поднялся съ 832 милліоновъ ф. с. до 1600 мил., между тѣмъ какъ заработная плата повысилась отъ 388 до 693 мил. ф. с. Это значитъ, что уровень прибавочной стоимости, который въ 1861 г. равнялся 114,43 проц., въ 1891 г. поднялся до 130,8 проц. [1]).

Какъ думаетъ г. П. Струве: въ какой «стадіи» находился англійскій капитализмъ въ теченіе указаннаго періода?

Или, можетъ быть, г. «критикъ» захочетъ повторять тѣ доводы, съ помощью которыхъ цитированный нами Боулей старается смягчить впечатлѣніе производимое сообщаемыми имъ цифрами, и убѣдить читателя въ томъ, что доля англійскаго рабочаго класса въ національномъ продуктѣ все-таки не уменьшилась? Пусть попробуетъ. Мы безъ труда покажемъ ему слабость этихъ доводовъ. Теперь же на всякій случай, мы обратимъ его вниманіе на слѣдующій фактъ.

У англійскихъ статистиковъ подъ рубрикой заработной платы фигурируетъ также жалованье, получаемое прислугой, которое на самомъ дѣлѣ уплачивается изъ прибавочной цѣнности. Прислуга въ Англіи очень многочисленна. Въ 1884 г. число слугъ доходило тамъ, по Леони Леви, до 2.400.000, тогда какъ число земледѣльческихъ рабочихъ не превышало 900.000. Въ томъ же году и по разсчету того же Л. Леви, англійская прислуга получила 86 милліоновъ ф. с., а земледѣльческимъ рабочимъ досталось не болѣе 67 милліоновъ. Если мы предположимъ, что въ 1891 г. жалованье, уплаченное прислугѣ, не превышало того, что было получено ею въ 1884 г., и если мы, вычтя 86 милліоновъ изъ общей суммы платы, полученной англійскимъ рабочимъ классомъ въ 1891 г., приложимъ эти милліоны къ общей суммѣ прибавочной стоимости того же года, то уровень этой послѣдней еще болѣе повысится. Вообще, рабочій классъ въ Англіи врядъ ли получаетъ болѣе одной трети національнаго дохода.

Во Франціи,—по разсчету А. Коста, относящемуся къ 1890 г.—національный доходъ распредѣляется такъ:

---

[1]) Боулей, «Changes in Average Wages in the United Kingdom between 1860 and 1891, въ «Journal of the R. S. S.», June, 1895.

	Милліоны фр.
Земледѣльческіе рабочіе	2.000
Промышленные »	3.600
Служащіе разныхъ родовъ	1.000
Прислуга	1.400
Ремесленники, мелкіе земледѣльцы, мелочные торговцы, лица, занимающіяся перевозкой, солдаты, моряки, жандармы, мелкіе чиновники, бѣлое духовенство, монахи и монахини, учителя и учительницы и т. д.	4.000

Капиталисты:

	Милліоны фр.
1) въ земледѣліи	отъ 3.500 до 4.500
2) въ промышл., торговлѣ и въ трактирномъ дѣлѣ	» 3.500 » 4.500
3) рантье, лица, получающія пенсію отъ государства, и лица свободныхъ профессій	» 2.500 » 3.000[1])

Сложивъ всѣ эти цифры, мы получимъ около 22 милліардовъ, изъ которыхъ рабочимъ, ремэсленникамъ и мелкимъ крестьянамъ достается, какъ и въ Англіи, не болѣе одной трети.

Такая высокая степень эксплуатаціи возможна только при очень развитой производительности труда. Она физически невозможна была 30—35 лѣтъ тому назадъ, когда по разсчетамъ самыхъ компетентныхъ людей національный доходъ Франціи едва доходилъ до 15 милліардовъ. Поэтому г. П. Струве очень ошибается, пріурочивая ростъ эксплуатаціи рабочаго класса къ начальной стадіи капитализма.

VII.

Нашего «критика» смущаетъ то обстоятельство, что заработная плата повысилась въ теченіе послѣдняго полустолѣтія во многихъ странахъ и во многихъ отрасляхъ промышленности. Но всякій, хоть немного знакомый съ политической экономіей, знаетъ, что повышеніе заработной платы можетъ идти рука объ руку съ пониженіемъ цѣны рабочей силы, а слѣдовательно и съ возрастаніемъ степени эксплуатаціи рабочаго. Заработная плата въ Англіи выше, чѣмъ на континентѣ, а цѣна рабочей силы выше на континентѣ, чѣмъ въ Англіи. Это старая истина[2]).

[1]) См. V Turquan „Ewalution de la fortune privée en France“ въ „Revue d'Economie politique“, Fevrier 1900.

[2]) „I maintain, un hesitatingly, that daily wages are no criterion at the actual cost executing works“. Th. Brassey, On Work and Wages, London 1873, p. 66.

Но апологеты капитализма, часто повторяющіе эту истину, обходятъ ее скромнымъ молчаніемъ, когда, основываясь на фактѣ повышенія заработной платы, они стараются доказать ту же знакомую намъ «тезу», что капиталисты «бѣднѣютъ», а рабочіе «обогащаются». Марксъ очень хорошо замѣчаетъ въ первомъ томѣ «Капитала»: «Понятно, слѣдовательно, почему такъ важно превращеніе формы стоимости и цѣны рабочей силы въ рабочую плату или въ стоимость и цѣну самого труда. На этой формѣ проявленія, скрывающей дѣйствительныя отношенія и показывающей совершенно противное имъ, основываются всѣ правовыя представленія какъ рабочаго, такъ и капиталиста, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, всѣ капиталистическія иллюзіи о свободѣ, всѣ оправдательныя уловки вульгарной политической экономіи» [1]). Замѣчательно, что въ своемъ качествѣ «критика» Маркса г. П. Струве не только сталъ очень снисходителенъ къ оправдательнымъ уловкамъ вульгарной политической экономіи, но и самъ началъ прибѣгать къ нимъ. Самымъ выдающимся проявленіемъ этой новой его склонности является, безспорно, его замѣчаніе о томъ, что «прибавочная цѣнность, воплощенная въ прибавочномъ продуктѣ, создается не только живымъ трудомъ», а есть функція всего общественнаго капитала [2]). Это—Геркулесовы столбы буржуазной апологетики. Но и въ статьяхъ, занимающихъ насъ въ настоящее время, встрѣчаются очень цѣнные перлы этого рода. Къ ихъ числу принадлежитъ ссылка на ростъ заработной платы, какъ на доказательство повиженія уровня прибавочной стоимости.

Что рабочій день во многихъ,—и притомъ главнѣйшихъ,—отрасляхъ производства теперь короче, чѣмъ былъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, это справедливо, но и это неубѣдительно. Сокращеніе рабочаго дня съ лихвой окупилось увеличеніемъ напряженности труда. Это опять-таки всѣмъ извѣстно. Правда, увеличеніе напряженности труда можетъ натолкнуться современемъ на непереходимыя физіологическія границы. Но опытъ показываетъ, что эта возможность до сихъ поръ еще не перешла въ дѣйствительность [3]).

---

[1]) Капиталъ, томъ I, С.-Петербургъ, 1872 г., стр. 468.

[2]) Въ статьѣ: „Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности". „Жизнь", февраль 1900 г. Эта статья мягко, но безпощадно разобрана Карелинымъ въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Научнаго Обозрѣнія" за тотъ же годъ, въ статьѣ „Замѣтки".

[3]) Въ Соединенныхъ Штатахъ трудъ несравненно интенсивнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Французскіе рабочіе, ѣздившіе на международную выставку въ Чикаго, поражались интенсивностью труда американскихъ рабочихъ (см. Rapports de la délégation ouvrière à l'exposition de Chicago, Paris 1894). Но и въ Америкѣ естественный предѣлъ интенсификаціи пока еще не достигнутъ, хотя интенсивность труда растетъ очень быстро. См. объ этомъ у Левассера, L'ouvrier americain, Paris, t. I, p. 97 и слѣдующія. Не перейденъ этотъ предѣлъ и въ Австраліи:

Не отрицая факта повышенія заработной платы, позволительно, однако, спросить,—какъ же высоко поднялась она, напримѣръ, въ передовыхъ странахъ европейскаго континента? А на этотъ вопросъ дѣйствительность отвѣчаетъ подчасъ довольно неожиданнымъ образомъ.

По Фойту, рабочему для возстановленія его силъ необходимы слѣдующія количества питательныхъ веществъ:

	Бѣлковыхъ.	Жировъ.	Углеводовъ.
При умѣренной работѣ	118 грамм.	56 грамм.	500 грамм.
При интенсивной »	145 »	100 »	450 »

Если работающій человѣкъ не потребляетъ указаннаго количества веществъ, то его организмъ истощается; его рабочая сила подрывается въ своемъ корнѣ; онъ переживаетъ процессъ физіологическаго обнищанія. Далекъ ли отъ такого обнищанія современный европейскій рабочій?

На основаніи данныхъ, собранныхъ Дюкпесіо, брюссельскій профессоръ Гек. Дэни нашелъ, что въ 1853 г. бельгійскій рабочій въ среднемъ потреблялъ:

Бѣлковыхъ веществъ	70 граммовъ.
Жировъ	26,2 »
Углеводовъ	461 »

Это значитъ, что въ то время бельгійскій пролетарій далеко не могъ возстановлять пищей свою силу, затрачиваемую въ процессѣ производства. А изъ этого очевидно слѣдуетъ, что цѣна рабочей силы стояла тогда гораздо ниже ея стоимости.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ; бельгійскій капитализмъ пережилъ блестящую «стадію» своего развитія, а бельгійскій рабочій продолжалъ разрушать свою силу недостаточнымъ питаніемъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ его организмъ получалъ:

Бѣлковыхъ	82.278 граммовъ.
Жировъ	77.926 »
Углеводовъ.	589.408 [1]) »

„je n'ai trouvé en Australasie personne, qui fut contre la journée de huit à neuf heures; chacun donnait pour expliquer cette opinion la même raison: que l'intensité du travail est plus grande avec la journée courte". Albert Metin. „Le socialisme sans doctrines, Australie et Nouvelle Zélande", Paris 1901, p. 132. Увеличеніе интенсивности труда является тамъ источникомъ безработицы для слабыхъ рабочихъ, не могущихъ поспѣвать за болѣе сильными (Ibid., p. 146). Правда, для того, чтобы вызвать такое дѣйствіе, нужно было еще установленіе минимума заработной платы.

[1]) H. Denis, „La dépression économique et sociale", Bruxelles 1895, p. 145.

Какой огромный прогрессъ! Какое завидное улучшеніе участи рабочаго класса! Рабочій получаетъ теперь цѣлыхъ двѣнадцать лишнихъ граммъ бѣлковины, не говоря уже о прибавкѣ жировъ и особенно углеводовъ! Какъ же не говорить послѣ этого о притупленіи общественныхъ противорѣчій? Вѣдь если улучшеніе быта бельгійскихъ рабочихъ и впредь пойдетъ такъ же быстро, то въ слѣдующемъ геологическомъ періодѣ они станутъ, пожалуй, получать почти столько, сколько нужно для нормальнаго питанія организма.

Разсуждая серьезно, мы совсѣмъ не имѣемъ права съ увѣренностью говорить объ улучшеніи,—хотя бы самомъ крохотномъ,— питанія бельгійскаго рабочаго. Тутъ все зависитъ отъ того, какъ относится его теперешняя трата рабочей силы къ ежедневной тратѣ, имѣвшей мѣсто въ пятидесятыхъ годахъ. Если трата увеличилась, то питаніе стало, можетъ быть, еще менѣе удовлетворительнымъ, несмотря на нѣкоторую прибавку питательныхъ веществъ. Слѣдовательно даже и двѣнадцать лишнихъ граммъ бѣлковины не обезпечиваютъ насъ отъ пессимистическихъ умозаключеній насчетъ соціальныхъ послѣдствій капиталистическаго прогресса.

Все, что мы знаемъ, это то, что бельгійскій рабочій до сихъ поръ не имѣетъ экономической возможности возстановлять питаніемъ свою рабочую силу. Вотъ что говоритъ по этому поводу человѣкъ, котораго трудно заподозрить въ упрямомъ «догматизмѣ» ортодоксальныхъ марксистовъ,— именно, губернаторъ западной Фландріи:

«Извѣстно, что минимальное количество необходимой для солдата пищи равняется 1066 гр. хлѣба, 285 гр. мяса и 200 гр. овощей. Наши рабочіе, трудящіеся съ утра до вечера, нуждаются въ значительно большемъ количествѣ питательныхъ веществъ. Однако, потребляемая ими пища очень отстаетъ отъ минимальнаго солдатскаго пайка» [1]).

Рабочая сила бельгійскаго пролетарія до сихъ поръ продается гораздо ниже своей стоимости. А его заработанная плата въ послѣднее полустолѣтіе несомнѣнно поднялась довольно «значительно». Извѣстно, что чѣмъ ниже уровень заработной платы, тѣмъ громче звучитъ всякое его повышеніе. Если рабочій получаетъ пятачокъ въ день, то прибавка на одну копѣйку можетъ быть окрещена громкимъ именемъ повышенія уровня платы на 20 процентовъ! Но само собою разумѣется что такое «значительное» повышеніе ни мало не устранитъ соціальной и физіологической нищеты работника.

Г. П. Струве очень пренебрежительно къ «блаженной памяти желѣзному закону заработной платы. Защищать этотъ законъ теперь, конечно,

---

[1]) Цитировано у Г. Денн, op. cit., p. 144; это свидѣтельство относится къ восьмидесятымъ годамъ.

совсѣмъ невозможно: слишкомъ уже ясно обнаружилъ Марксъ его несостоятельность. Но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что иному бельгійскому рабочему законъ этотъ,—даже въ той его формулировкѣ, которую ему придавали Лассаль и Родбертусъ,—могъ бы показаться золотымъ закономъ.

IX.

У Ибсена тролли предлагаютъ Пьеру Гюнту помять ему лѣвый глазъ. «Ты будешь, правда слегка косить послѣ этого, успокоительно прибавляетъ ихъ глава,—но все, что не немного представится твоему взору, покажется тебѣ прекраснымъ и отраднымъ». Надъ нашимъ критикомъ подобная же операція сдѣлана была школой Брентано, свято хранящей традицію Кэри-Бастіа. Не знаемъ точно, какой именно глазъ помяла ему почтенная школа; но во всякомъ случаѣ она сдѣлала такъ, что капиталистическій порядокъ кажется ему теперь если и не безусловно прекраснымъ и отраднымъ, то все таки несравненно болѣе привлекательнымъ, чѣмъ онъ показался бы ему при нормальномъ зрѣніи. Однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ это являются его разсужденія о капиталистической эксплуатаціи женщинъ и дѣтей.

Каутскій въ спорѣ съ Бернштейномъ высказалъ ту мысль, что увеличеніе числа работающихъ по найму женщинъ и дѣтей свидѣтельствуетъ объ обѣднѣніи рабочаго класса. Эта мысль, какъ видно, очень не понравилась г. П. Струве. «Когда я читалъ Каутскаго,—ехидно замѣчаетъ онъ,—мнѣ показалось, что я слушаю рѣчь почтеннаго Декуртинса на Цюрихскомъ конгрессѣ»... «Если бы я раздѣлялъ взглядъ Каутскаго на женскій трудъ, то я принялъ бы также и касающіеся этого труда практическія предложенія католическихъ соціаль-политиковъ» [1]). Прекрасно. Но какъ же смотритъ на этотъ вопросъ самъ г. П. Струве? Слушайте.

Онъ признаетъ, что въ Германіи женскій и дѣтскій трудъ дѣйствительно очень увеличился въ своихъ размѣрахъ въ теченіе 1882—1895 г.; но онъ указываетъ на то, что ростъ женскаго и дѣтскаго труда особенно замѣтенъ былъ тамъ въ торговлѣ и вообще въ такихъ отрасляхъ, гдѣ въ предпріятіи очень нерѣдко трудятся члены собственной семьи предпринимателя. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ успокоительный выводъ, что мнѣніе Каутскаго объ этомъ трудѣ надо брать cum grano salis. «Ходъ развитія вообще не такъ однообразенъ и смыслъ его не до такой степени одинаковъ,—говоритъ онъ,—какъ это представляется въ схемѣ теоріи обнищанія» [2]). А дальше у него слѣдуетъ уже совсѣмъ утѣшительная ссылка на Соединенные Штаты Сѣверной Америки, гдѣ женскій

[1]) Archiv, S. 732—33.
[2]) Ibid., S. 734.

трудъ въ періодъ 1840—1890 гг. уменьшился относительно, а дѣтскій также и абсолютно.

Выходитъ, что капитализмъ и есть то самое копье, которое само исцѣляетъ наносимыя имъ раны: въ «начальной стадіи» онъ точно, маленько пошаливаетъ и не щадитъ ни взрослыхъ мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣтей, стремясь взять подъ свой «началъ» все живое и способное къ производству прибавочной стоимости. Но это не болѣе, какъ увлеченія и ошибки молодости. Приходя въ зрѣлый возрастъ, капитализмъ смягчается и мало по малу ослабляетъ крѣпко натянутыя возжи; тогда понижается степень эксплуатаціи имъ пролетаріата, и тогда измученныя имъ женщины и дѣти получаютъ, наконецъ, возможность отдохнуть у себя дома, въ той домашней обстановкѣ, которая, въ свою очередь все болѣе и болѣе улучшается не только абсолютно, но и относительно, т. е. въ сравненіи съ домашней обстановкой гг. капиталистовъ. Все это такъ отрадно удивительно, утѣшительно и необходимо, что мы право не понимаемъ, почему г. П. Струве высказывается противъ «однообразія». Конечно однообразіе производитъ очень тяжелое впечатлѣніе, когда мы встрѣчаемся съ нимъ «въ схемѣ теоріи обнищанія;» но въ схемѣ обогащенія работниковъ и обѣднѣнія капиталиста оно скорѣе пріятно и даже нисколько не утомительно, — въ доказательство сошлемся на самого г. П. Струве: всѣ его нынѣшнія экономическія разсужденія очень однообразны и монотонны, но нужно быть мрачнымъ «эпигономъ» Маркса, чтобы не умилиться душой подъ ихъ облагораживающимъ вліяніемъ...

Бѣда лишь въ томъ, что неумолимая дѣйствительность рѣзко противорѣчитъ этимъ облагораживающимъ разсужденіямъ. Возьмемъ хоть эксплоатацію капиталомъ женщинъ и дѣтей. Г. П. Струве позабылъ, что въ Германіи число женщинъ занимающихся промышленнымъ трудомъ, — число наемныхъ работницъ, — увеличилось въ періодъ 1883—1895 гг. на 82 процента, тогда какъ число мужчинъ возрасло только на 39 процентовъ. Если насъ не обманываетъ наша односторонность «эпигона», то эти цифры указываютъ какъ на абсолютное, такъ и на относительное увеличеніе числа эксплоатируемыхъ капиталомъ лицъ женскаго пола. А что же гонитъ женщинъ подъ иго капитала? Ужъ, конечно, не мнимое «обогащеніе» пролетаріата!

Кароль Д. Райтъ дѣйствительно говоритъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ число женщинъ, занятыхъ промышленнымъ трудомъ, было въ 1850 г. относительно больше, чѣмъ въ 1890 г., но самъ же онъ и

---

[1]) Industrial Evolution, p. 204.

[2]) Eleventh annual Report of the Commissioner of Labor, Washington 1897, p. 21.

замѣчаетъ при этомъ, что точныя данныя относительно женскаго труда существуютъ только начиная съ 1870 года [1]). А что же мы видимъ, начиная съ того времени? Мы видимъ постоянное — абсолютное и относительное — увеличеніе размѣровъ женскаго труда. Въ своемъ одиннадцатомъ годовомъ отчетѣ тотъ же К. Д. Райтъ приводитъ цифры, изъ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, слѣдуетъ что «пропорція женщинъ, отъ 10 лѣтъ и выше занятыхъ во всѣхъ отрасляхъ труда, выросла съ 14,68 процентовъ (общей цифры женскаго населенія. Н. Б.) въ 1870 г. до 17,22 процентовъ въ 1390 г., а пропорція мужчинъ понизилась (курсивъ опять нашъ) съ 85,32 процентовъ въ 1870 г. до 82,78 процентовъ въ 1880 г., вполнѣ подтверждая, (fully corroborating) тотъ фактъ, указанный въ настоящемъ изслѣдованіи (т. е. въ одиннадцатомъ годовомъ отчетѣ «коммисіонера труда,» Н. Б.) что женщины до извѣстной степени занимаютъ мѣсто въ ущербъ мужчинамъ (курсивъ нашъ) [2]).

Въ мануфактурной и механической промышленности (manufacturing and mechanical industries) женщины составляли въ 1870 г. 14,14 процентовъ, а въ 1890 г. уже 20,18 процентовъ всего числа рабочихъ [3]).

«Поэтому абсолютно доказанъ тотъ фактъ (fact is absolutaly demonstrated), что пропорція женщинъ... (занятыхъ наемнымъ трудомъ. Н. Б.) постепенно возрастаетъ» [4]).

Съ тѣмъ же самымъ выводомъ г. П. Струве встрѣтится въ извѣстномъ сочиненіи Сарторіуса: Die nordamerikanischen Gewerkschaften unter dem Einfluss der fortschreitenden Productionstechnik», Berlin, 1886. Тамъ, на страницѣ 109, мы находимъ слѣдующую таблицу, показывающую относительный и абсолютный ростъ женскаго труда въ различныхъ штатахъ сѣверо-американскаго союза.

	Работницы на фабрикахъ.		Населеніе.	
	1850	1880	1850	1880
Пенсильванія . . .	22.078	73.046	2.311.786	4.282.891
Нью-Джерсей . . .	8.762	27.099	489.555	1.131.116
Иллинойсъ	493	15.233	815.470	3.077.871
Нью-Іоркъ	51.612	137.455	3.097.394	5.082.871
Огайо	4.437	18.563	1.980.329	3.198.062
Нью-Гэмпширъ . .	14.103	29.356	317.976	346.991

Изъ этого видно, чьи слова надо брать cum grano salis—Каутскаго, или г. П. Струве.

---

[1]) Industrial Evolution, p. 204.

[2]) Eleventh annual Report of the Commissioner of Labor Washington 1897, p. 21.

[3]) Ibid., p. 22.

[4]) Ibid., p. 22.

А дѣтскій трудъ?

Въ періодъ 1870—1880 г. число работающихъ дѣтей отъ 10—до 15 лѣтъ поднялось въ Соединенныхъ Штатахъ съ 13,9 процента всѣхъ дѣтей этого возраста до 16,82 процента. Наоборотъ, съ 1880 по 1890 г. это число упало до 10,34 процента. Это вызвано было дѣйствіемъ фабричнаго законодательства, затруднившимъ примѣненіе дѣтскаго труда. Число работающихъ дѣтей сократилось преимущественно въ штатахъ Новой Англіи, гдѣ указанное дѣйствіе было особенно сильно. А тамъ, гдѣ оно было слабѣе, дѣтскій трудъ принялъ еще болѣе широкіе размѣры, чѣмъ въ предыдущее десятилѣтіе [1]).

Оправдательныя уловки гг. «критиковъ» Маркса такъ же мало способны закрыть истину отъ глазъ внимательнаго изслѣдователя, какъ и апологетическія упражненія вульгарныхъ экономистовъ. Всякій, имѣющій очи, видитъ, что развитіе капитализма приводитъ именно къ тѣмъ результатамъ, о которыхъ говорилъ Марксъ; не довольствуясь эксплуатаціей взрослыхъ рабочихъ, капиталъ все болѣе и болѣе стремится подчинить себѣ женщинъ и дѣтей. А возрастающее подчиненіе ему женщинъ и дѣтей несомнѣнно означаетъ ухудшеніе общественнаго положенія рабочаго класса.

Однако, остановило же фабричное законодательство увеличеніе числа работающихъ на фабрикахъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки,—скажетъ намъ г. Струве [2]).

Да,—отвѣтимъ мы! Но это совсѣмъ не опровергаетъ и даже не видоизмѣняетъ общаго смысла Марксовой теоріи соціальнаго развитія. Что фабричное законодательство способно сохранить нѣкоторые интересы рабочихъ, это признается еще въ «Манифестѣ коммунистической партіи [3]). Но вопросъ не въ томъ, оградило или не оградило фабричное законодательство нѣкоторые интересы рабочихъ, а въ томъ, какова алгебраическая сумма выгодныхъ для пролетаріата послѣдствій фабричнаго законодательства, представляющихъ собою положительную величину, и той тенденціи къ ухудшенію соціальнаго положенія рабочаго класса, которая свойственна капитализму и которая составляетъ величину отрицательную. Марксъ утверждалъ, что эта алгебраическая сумма не можетъ быть положительной величиной, т. е. что соціальное положеніе рабочаго ухудшается, несмотря на выгоды, происте-

---

[1]) Левассёръ, L'ouvrier américain, I, 198.

[2]) Ср. его замѣчаніе о возможномъ вліяніи „соціальной реформы“ на женскій трудъ. Archiv., S. 733.

[3]) „Пользуясь взаимными несогласіями различныхъ слоевъ буржуазіи, она (организація пролетаріевъ) добивается признанія нѣкоторыхъ интересовъ рабочихъ со стороны закона. Такъ было съ десятичасовымъ биллемъ въ Англіи“ (Ман., глава I, Буржуа и Пролетаріи).

кающія для него отъ фабричнаго законодательства. Это же самое—и только это—до сихъ поръ утверждаютъ его «ортодоксальные» послѣдователи. А такъ называемые критики Маркса говорятъ противное. Они стараются доказать, что знаменитая «соціальная реформа» уже повысила соціальное положеніе рабочаго, современемъ повыситъ его еще больше, такъ что современемъ, приблизительно этакъ въ слѣдующемъ геологическомъ періодѣ, капиталистическій способъ производства незамѣтно перейдетъ въ соціалистическій. Кто правъ? Все, что мы узнали до сихъ поръ, всѣ тѣ факты и явленія, съ которыми мы до сихъ поръ имѣли дѣло, рѣшительно свидѣтельствуютъ въ пользу Маркса и «ортодоксовъ»: въ экономическомъ отношеніи разстояніе между пролетаріатомъ и буржуазіей увеличилось; рабочій классъ сдѣлался относительно бѣднѣе, потому что его доля въ національномъ продуктѣ относительно уменьшилась. Какъ ни важны были для рабочаго класса фабричное законодательство и прочіе палліативы «соціальной реформы», но они далеко не могли перевѣсить невыгодной для него тенденціи развивающагося капитализма къ приниженію пролетаріата. Пролетаріатъ находился въ положеніи человѣка, плывущаго противъ могучаго теченія: еслибы онъ безъ сопротивленія отдался силѣ воды, то его отнесло бы очень далеко назадъ; но онъ сопротивлялся; онъ старался подвинуться впередъ, и потому теченіе отодвинуло его назадъ не такъ далеко, какъ могло бы отодвинуть; но оно все-таки отодвинуло его, потому что все-таки оно было гораздо сильнѣе [1]).

X.

До сихъ поръ мы говорили объ относительномъ ухудшеніи положенія рабочихъ. Но мы не забыли, что нѣкоторые «критики»,—въ томъ числѣ и г. П. Струве,—доказываютъ, что у Маркса рѣчь шла вовсе не объ относительномъ, а объ абсолютномъ его ухудшеніи. Если послу-

[1]) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Роунтрей, на основаніи внимательнаго изученія данныхъ, относящихся къ городу Іорку, пришелъ къ тому выводу что: I) Десять процентовъ населенія этого города получаетъ меньше 21 шиллинга 8 пенсовъ въ недѣлю и потому, живетъ въ условіяхъ того, что онъ называетъ primary poverdi. II). 17.93% того же населенія живетъ въ условіяхъ secondary Powerdy, т. е. хотя и имѣетъ заработокъ, превышающій 21 шиллингъ 8 пенсовъ, но имѣетъ разные побочные,—производительные или непроизводительные расходы. (Powerdy, A study of Gown Life, second edition, p. 298). По мнѣнію Роунтрея, отъ 25% до 30% всего городскаго населенія соединеннаго населенія живетъ въ бѣдности (Ibid., p. 301). Вотъ онъ „автоматическій соціализмъ“! Роунтрей прибавляетъ, что такая бѣдность царствовала, несмотря на ростъ народнаго богатства и во время „неслыханнаго процвѣтанія“ (Ibid., p. 304) Да, Гошенъ правъ. „Цифры не лгутъ“.

шать этихъ господъ, то выйдетъ, что всѣ толки «ортодоксовъ» объ относительномъ ухудшеніи представляютъ собою не болѣе, какъ софизмы зарвавшихся спорщиковъ, чувствующихъ себя побѣжденными, но не желающихъ въ этомъ сознаться. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Въ брошюрѣ «Наемный трудъ и капиталъ», основой которой послужили, какъ извѣстно, лекціи, читанныя Марксомъ въ брюссельскомъ нѣмецкомъ обществѣ въ 1847 году, Марксъ доказываетъ, что даже въ томъ, наиболѣе благопріятномъ для рабочихъ случаѣ, когда быстрый ростъ капитала, увеличивая спросъ на рабочую силу, повышаетъ заработную плату, положеніе рабочихъ относительно ухудшается. «Быстрый ростъ производительнаго капитала,—говоритъ онъ,—вызываетъ столько же быстрый ростъ богатства, роскоши и общественныхъ наслажденій. Поэтому, несмотря на то, что доступныя рабочему наслажденія возросли, доставляемое ими удовлетвореніе понизилось, въ виду увеличившихся недоступныхъ рабочимъ наслажденій капиталиста, въ виду болѣе высокой ступени общественнаго развитія вообще. Наши потребности и наслажденія создаются обществомъ; поэтому мы прикладываемъ къ нимъ общественную мѣрку, а не измѣряемъ ихъ предметами, служащими для удовлетворенія. Общественный характеръ нашихъ потребностей и наслажденій дѣлаетъ ихъ относительными».

Что это, какъ не теорія относительнаго ухудшенія быта рабочаго класса?

Далѣе: «Если, слѣдовательно, съ быстрымъ ростомъ капитала увеличивается доходъ рабочаго, то въ то же время увеличивается и общественная пропасть, отдѣляющая рабочаго отъ капиталиста, увеличивается власть капиталиста, увеличивается власть капитала надъ трудомъ, зависимость труда отъ капитала. Сказать, что рабочій заинтересованъ въ быстромъ возрастаніи капитала, это значитъ сказать лишь слѣдующее: чѣмъ быстрѣе рабочій увеличиваетъ чужія богатства, тѣмъ болѣе жирныя крохи достаются ему самому, тѣмъ больше рабочихъ можетъ получить заработокъ, тѣмъ больше можетъ увеличиться число рабочихъ—рабовъ капитала. При быстромъ ростѣ капитала заработная плата можетъ, пожалуй, увеличиться, но несравненно быстрѣе увеличивается, во всякомъ случаѣ, прибыль капитала. Матеріальное положеніе рабочаго улучшается, но улучшается на счетъ его общественнаго положенія. Пропасть, отдѣляющая его капиталиста, расширяется».

Эти цитаты неоспоримо показываютъ, что Марксъ вовсе не такъ чуждъ былъ понятія объ относительномъ ухудшеніи положенія рабочаго класса, какъ хотятъ увѣрить насъ гг. «критики». Изъ нихъ видно также и то, что Марксъ не переставалъ бы говорить объ обѣднѣніи рабочаго класса даже въ томъ случаѣ, если бы въ положеніи этого класса замѣчено было абсолютное улучшеніе. Но то правда, что въ цитирован-

ной нами брошюрѣ Марксъ, анализируя дѣйствительный ходъ развитія капиталистическаго общества, находитъ, что ростъ капитала далеко не всегда связанъ съ абсолютнымъ улучшеніемъ положенія рабочаго класса. «Чѣмъ болѣе возрастаетъ производительный капиталъ,—говоритъ онъ,—тѣмъ болѣе развивается раздѣленіе труда и примѣненіе машинъ, тѣмъ сильнѣе становится конкуренція между рабочими, тѣмъ болѣе уменьшается ихъ заработная плата» [1]). Далѣе, онъ указываетъ на то, что развитіе капитализма толкаетъ въ ряды наемныхъ рабочихъ все новые и новые слои населенія, и заканчиваетъ свою брошюру такимъ общимъ выводомъ:

«Быстрый ростъ капитала вызываетъ несравненно болѣе быстрое усиленіе конкурренціи между рабочими,—другими словами, ведетъ къ тѣмъ большему относительному уменьшенію источниковъ заработка, средствъ существованія рабочаго класса; а между тѣмъ быстрый ростъ капитала является самымъ благопріятнымъ условіемъ для наемнаго труда» [2]).

Въ то время Марксъ полагалъ, какъ видно, что относительное уменьшеніе источниковъ заработка непремѣнно должно вести къ пониженію заработной платы. Поэтому онъ думалъ, что съ развитіемъ капитализма заработная плата стремится къ пониженію. Это былъ взглядъ, общій со многими тогдашними соціалистами [3]).

Но въ брошюрѣ «Наемный трудъ и капиталъ» экономическіе взгляды Маркса выступаютъ передъ нами еще не въ законченномъ своемъ видѣ. [4]) Онъ еще не различаетъ тамъ прибыли отъ прибавочной заработной платы отъ цѣны рабочей силы. Поэтому мы обратимся къ главному его сочиненію, къ «Капиталу».

Въ первомъ томѣ «Капитала» Марксъ говоритъ, что благодаря росту производительности труда, цѣна рабочей силы можетъ упасть, несмотря на одновременное увеличеніе количества жизненныхъ средствъ, поступающихъ въ распоряженіе работника. [5]) Здѣсь различается, стало быть, относительное ухудшеніе положенія работника отъ его абсолютнаго ухудшенія. Въ другомъ мѣстѣ того же тома Марксъ, приведя мнѣніе Гладстона о томъ, что «опьяняющій» ростъ общественнаго богатства Англіи сдѣлалъ бѣдныхъ менѣе бѣдными, замѣчаетъ: «Если рабочій классъ остался «бѣденъ» и только менѣе «бѣденъ» по мѣрѣ того, какъ онъ произво-

---

[1]) Тамъ же, стр. 47, курсивъ въ подлинникѣ.

[2]) Тамъ же, стр. 48.

[3]) Ср., напримѣръ, Луи Блана, Organisation du travail, V éd. p., 40.

[4]) Ср. замѣчаніе Энгельса въ предисловіи къ этой брошюрѣ.

[5]) Капиталъ, т. I, стр. 454.

дилъ опьяняющее увеличеніе богатства и силы» для имущихъ классовъ, то относительно онъ остался столь же бѣденъ, какъ и прежде. Если крайности нищеты не уменьшились, то онѣ увеличились, потому что увеличились крайности богатства. [1]).

Что это, какъ не теорія относительнаго обѣднѣнія рабочаго класса?

Правда, Марксъ и въ «Капиталѣ» указываетъ на причины, стремящіяся понизить заработную плату. Но установивъ чрезвычайно важное различіе между платой, получаемой работникомъ, и цѣной его силы, онъ уже не утверждаетъ, что повышеніе степени эксплуатаціи рабочаго непремѣнно ведетъ къ паденію заработка. Нѣтъ, по прямому и ясному смыслу его законченной доктрины пониженіе цѣны рабочей силы и относительное ухудшеніе положенія рабочаго можетъ сопровождаться повышеніемъ его платы. [2]) Нельзя, поэтому, не подивиться остроумію тѣхъ людей, которые хотятъ опровергнуть Маркса указаніемъ на то, что заработная плата повышалась во второй половинѣ XIX вѣка. Ихъ остроуміе заслуживаетъ тѣмъ большей похвалы, что указаніе это,— поскольку оно справедливо,—относится въ особенности къ такъ называемымъ обученнымъ рабочимъ, между тѣмъ какъ Марксъ въ «Капиталѣ» приводитъ примѣры преимущественно изъ жизни необученныхъ рабочихъ. [1]).

XI.

Г. П. Струве очень не нравится то мѣсто «Капитала», гдѣ Марксъ говоритъ, что чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ сильнѣе тяготѣніе рабочихъ къ средствамъ ихъ занятія и тѣмъ ненадежнѣе условія ихъ существованія. Читатель помнитъ знаменитыя строки:

«Наконецъ, законъ, по которому относительный избытокъ населенія или резервная промышленная армія постоянно находится въ равновѣсіи съ размѣромъ и силою накопленія, этотъ законъ приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ къ скалѣ Прометея. Этотъ законъ обусловливаетъ накопленіе нищеты соотвѣтственно накопленію богатства. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ,—т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала,—накопленіе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія. [2]).

Г. П. Струве полагаетъ, что эти строки не соотвѣтствуютъ истинному

---

[1]) Капиталъ т. I, стр. 562.

[2]) Ibid., стр. 556.

положенію дѣла въ современномъ обществѣ, и что если бы онѣ дѣйствительно соотвѣтствовали ему, то осуществленіе «конечной цѣли» Маркса стало бы совершенно невозможнымъ.

Разсмотримъ это мнѣніе нашего «критика».

Вѣрно или не вѣрно то, что съ развитіемъ производительности труда условія существованія работника становятся все болѣе и болѣе ненадежными?

Люди, внимательно изучившіе этотъ вопросъ и, сколько мы знаемъ, никѣмъ еще не заподозрѣнные въ «догматизмѣ», говорятъ, что это вѣрно.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните мнѣніе англійской комиссіи, занимающейся изученіемъ вопроса объ угнетенномъ состояніи промышленности. Большинство комиссіи думало, что въ настоящее время цивилизованныя націи могутъ производить гораздо больше продуктовъ, чѣмъ ихъ нужно на всемірномъ рынкѣ. [1]) Несоотвѣтствіе между производительной силой и способностью потребленія вызываетъ угнетенное состояніе промышленности и паденіе прибыли. Предоставляемъ самому читателю судить, какъ должно вліять на условія существованія рабочихъ такое состояніе дѣлъ, вызываемое высоко-развитымъ состояніемъ общественныхъ производительныхъ силъ.

А меньшинство высказалось еще рѣшительнѣе и опредѣленнѣе. По его мнѣнію, въ послѣдніе сорокъ лѣтъ (докладъ вышелъ въ 1886 году) въ жизни цивилизованныхъ націй произошла очень большая перемѣна: производительность ихъ труда достигла такой высокой степени развитія, что теперь главное затрудненіе состоитъ уже не въ дороговизнѣ или рѣдкости продуктовъ, а въ пріисканіи себѣ занятія, при отсутствіи котораго огромное большинство населенія лишается всякихъ средствъ существованія. [2]).

Пусть опять самъ читатель судитъ, противорѣчитъ ли это вышеприведеннымъ словамъ Маркса, или же подтверждаетъ ихъ.

Комиссія не оставила мѣста ни для какого сомнѣнія на счетъ характера затрудненія, вызваннаго развитіемъ производительности труда: оно состоитъ, по ея словамъ, въ уменьшеніи для рабочаго класса источниковъ заработка, т. е., слѣдовательно, въ созданіи относительнаго перенаселенія. Это какъ разъ то самое, что говорилъ Марксъ.

Итакъ, по мѣрѣ развитія капитализма, условія продажи рабочей силы измѣняются къ невыгодѣ ея продавцовъ, чѣмъ въ достаточной степени объясняется указанное и доказанное нами умень-

---

[1]) См. уже много разъ цитированный нами заключительный докладъ этой комиссіи, стр. XVII.

[2]) Тамъ же, стр. LIV.

шеніе доли рабочаго класса въ національномъ доходѣ. Но говоря это, мы совсѣмъ не отрицаемъ повышенія заработной платы въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства. Мы только замѣчаемъ, что это повышеніе сопровождается пониженіемъ цѣны рабочей силы и что, кромѣ того, оно вовсе не такъ значительно, какъ увѣряютъ апологеты капитализма.

Гиффенъ утверждалъ, что въ періодѣ 1833—1883 г. уровень заработной платы поднялся въ нѣкоторыхъ отрасляхъ англійской промышленности на 100 и даже болѣе процентовъ [1]). Это—страшное преувеличеніе, на которое давно уже указано съ разныхъ сторонъ. Сравненіе цифръ 1833 года съ цифрами восьмидесятыхъ годовъ очень мало доказываетъ по той простой причинѣ, что въ 1833 году,—т. е. до реформы законодательства о бѣдныхъ,—многіе семейные рабочіе получали поддержку отъ своего прихода, что, несомнѣнно, вызывало искусственное пониженіе уровня заработной платы [2]). Кромѣ того, даже и это, непозволительное въ научномъ смыслѣ, сравненіе не всегда подтверждаетъ радужные выводы «перваго англійскаго статистика». Такъ, напримѣръ, плата хорошаго матроса доходила въ 1833 г. до 60 шиллинговъ въ мѣсяцъ; въ восьмидесятыхъ годахъ она стояла на томъ же уровнѣ. Въ 1833 г. лондонскіе наборщики зарабатывали въ среднемъ до 36 шиллинговъ въ недѣлю; въ восьмидесятыхъ годахъ ихъ заработокъ былъ не больше того [3]). Однако главное дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что повышеніе заработной платы сопровождалось въ Англіи цѣлымъ рядомъ явленій значительно ослаблявшихъ его выгодныя для рабочихъ послѣдствія. Впродолженіе разсматриваемаго періода, городская жизнь получила очень большое развитіе, вслѣдствіе чего неизбѣжные расходы рабочаго значительно увеличились, вздорожали квартиры, [4]) рабочіе оказались

---

[1]) „The Progress of the Working Classes in the last Half Century", рѣчь, прочитанная въ статистическомъ обществѣ и перепечатанная въ Essays in Finance, second series, London 1886; сравни его же „Further Notes on the Progress of Working Classes" etc. въ Journal of the R. S. Society, March 1886 г. Эти Notes также перепечатаны въ Essays in Finance.

[2]) Ср. относящееся сюда замѣчаніе Б. Джонса въ Discussion on Mr. Giffen's Paper, Journal etc., March 1886, p. 96. Само собою понятно, что чѣмъ больше было искусственное пониженіе уровня заработной платы до изданія закона 1834 года, тѣмъ грандіознѣе должно было казаться улучшеніе матеріальнаго положенія рабочаго послѣ изданія этого закона, когда заработная плата стала служить единственнымъ источникомъ существованія трудящейся массы.

[3]) Указаніе того же Б. Джонса, тамъ же, та же страница. Много очень рѣшительныхъ возраженій Гиффену сдѣлано было и на Industrial Remuneration Conference. Ллойдъ Джонсъ разоблачилъ на этой же конференціи поэтическія вольности нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ статистиковъ. См. Report этой конференціи, стр. 35.

[4]) Чедуикъ говоритъ, что въ Лондонѣ квартиры стали вдвое дороже (Journal of the R. S. Society, March. 1886, Discussion Mr. Giffen's Paper p. 97).

вынужденными ѣздить на работу по желѣзной дорогѣ или въ трамваѣ между тѣмъ какъ прежде краткость разстоянія позволяла имъ ходить пѣшкомъ и т. д. Кромѣ того, невольные прогулы стали теперь чаще, чѣмъ прежде. Одинъ изъ секретарей союза литейщиковъ, м-ръ Гей, расчиталъ, на основаніи имѣвшихся въ его распоряженіи книгъ союза, что его товарищи теряютъ въ видѣ невольныхъ прогуловъ до 20 проц. своего рабочаго времени [1]). Эта цифра указываетъ на размѣры той резервной арміи рабочихъ, существованіе которой склоненъ отрицать нашъ «критикъ» [2]). Гобсонъ полагаетъ, что «общее положеніе труда въ Англіи есть положеніе крайняго непостоянства занятій», и что «потеря времени и энергіи въ настоящее время гораздо больше, чѣмъ это было полвѣка тому назадъ или въ теченіе XVIII столѣтія» [3]). Это, разумѣется, забываютъ принять въ соображеніе «ученые», разглагольствующіе объ «автоматическомъ соціализмѣ» капиталистическаго общества.

Какъ легкомысленны становятся самые «достопочтенные» представители буржуазіи, когда они пускаются толковать объ «обогащеніи» рабочихъ, показываетъ примѣръ уже знакомаго намъ Гошена. Какъ на доводъ въ пользу придуманнаго имъ «автоматическаго соціализма», Гошенъ указываетъ на тотъ фактъ, что въ періодѣ 1875—1886 г. число домовъ, приносящихъ менѣе десяти фунтовъ ренты росло гораздо медленнѣе, чѣмъ число домовъ, рента, съ которыхъ колебалась отъ 10 до 20 фунтовъ. Онъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что значительная доля рабочаго класса стала пользоваться большимъ благосостояніемъ и потому предъявляетъ спросъ на болѣе дорогія помѣщенія. Но онъ и самъ предвидитъ, что ему могутъ указать на всѣмъ извѣстное вздорожаніе квартиръ.

На это неизбѣжное возраженіе онъ заранѣе отвѣчаетъ: «стало быть могутъ же рабочіе «платить дороже за свои квартиры» [4]). Такихъ «объективныхъ» изслѣдователей не переспоришь!

«Благонамѣренные» экономисты не хуже насъ знаютъ, что повышеніе

Г-жа Э. Симкоксъ находитъ, что вздорожаніе квартиръ поглотило до трехъ пятыхъ того приращенія, которое произошло въ заработкѣ рабочаго вслѣдствіе повышенія уровня платы, Industrial Rem. Conference Report, p. 92.

[1]) Ibid., p. 30.

[2]) Конечно, эта склонность свойственна не ему одному. Левассёръ успокоительно говоритъ: En temps ordinaire, on peut dire vaguement qu'il se trouve sans ouvrage moins du dixième des ouvriers de l'industrie et probablement moins du vingtième des salariés (femmes et enfants compris)". L'ouvrier américain, t. I, p. 584. Но это вовсе не такъ мало, г. профессоръ! „Moins du dixième" составляетъ колоссальную безвозвратную потерю причиняемую противорѣчіемъ имущественныхъ отношеній общества состояніемъ его производительныхъ силъ.

[3]) Вопросы нищеты и безработицы, С.-Петербургъ 1900, стр. 239.

[4]) Journal of the R. S. Society, Dec. 1888, p. 602.

*

уровня заработной платы само по себѣ вовсе еще не равносильно улучшенію быта рабочихъ. Но они нерѣдко умалчиваютъ объ этомъ, вѣроятно, въ интересахъ «соціальнаго мира». Въ другихъ же менѣе щекотливыхъ случаяхъ они высказываются на чистоту. Для примѣра, укажемъ на всесвѣтную знаменитость, Левассёра, который въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія «La population de la France» очень благоразумно замѣчаетъ: «Покидая деревню, рабочіе соблазняются перспективой высокой платы; они не принимаютъ въ разсчетъ невольныхъ прогуловъ, дороговизны квартиръ и жизненныхъ припасовъ и всего того, что побуждаетъ къ тратамъ; многіе изъ нихъ перемѣнили свое положеніе, не улучшивъ своей судьбы [1]). А въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія тотъ же почтенный ученый, который самъ признается, впрочемъ, въ своей слабости къ «философскимъ взглядомъ Бастіа относительно общественной гармоніи», [2]) позабываетъ эти благоразумныя соображенія и, основываясь на повышеніи уровня заработной платы, толкуетъ о всестороннемъ улучшеніи быта рабочихъ [3]).

Если читатель не захочетъ слѣдовать примѣру такихъ «объективныхъ» ученыхъ и будетъ всегда принимать въ соображеніе всѣ стороны рабочаго быта, то онъ долженъ будетъ согласиться съ нами въ томъ, что даже въ Великобританіи улучшеніе матеріальнаго положенія пролетаріата было очень незначительно. Обыкновенно указываютъ на уменьшеніе пауперизма въ этой странѣ, какъ на яркое доказательство «прогресса рабочихъ классовъ». Но еще Марксъ сказалъ, что «оффиціальная статистика пауперизма дѣлается все болѣе и болѣе невѣрнымъ указателемъ дѣйствительной нищеты по мѣрѣ развитія, вмѣстѣ съ накопленіемъ богатства, сословной борьбы, а слѣдовательно и чувства собственнаго достоинства работника» [4]). Къ этому надо прибавить, что уменьшеніе числа призрѣваемыхъ нищихъ обусловилось также рядомъ законодательныхъ постановленій, все болѣе и болѣе затруднявшихъ помощь на дому всѣмъ вообще бѣднымъ, а особенно взрослымъ рабочимъ, имѣющимъ хоть нѣкоторый заработокъ. Благодаря этимъ постановленіямъ, отличавшимся неумолимою жестокостью, число бѣдныхъ, получившихъ этотъ родъ помощи, упало въ Англіи и въ Уэльсѣ съ 955. 146 (5,5 процента населенія) въ 1849 году до 600.505 (1,95 проц. насел.)—въ 1897. Но въ то же самое время число бѣдныхъ, содержавшихся въ работныхъ домахъ, возрасло съ 133.513 до 214.382. Про-

[1]) La population Francaise, t. II, p. 413. Ср. также H. Joly, „La France Crimenelle“, Paris 1889, p. 350.

[2]) L'ouvrier américain, t. I, p. 593.

[3]) La population Francaise, t. III, p. 86 et suiv. Ср. также L'ouvrier américain t. II, p. 215 et suiv.

[4]) Капиталъ, I, стр. 563—64.

центное отношеніе числа бѣдныхъ этого разряда къ общей суммѣ населенія осталось, правда, почти безъ перемѣны: 0,77 въ первомъ случаѣ и 0,70—во второмъ [1]). Но именно эта неизмѣнность относительнаго количества бѣдныхъ, призрѣваемыхъ въ работныхъ домахъ, должна наводить на мысль о томъ, что пресловутое уменьшеніе англійскаго пауперизма есть фикція, способная обмануть лишь тѣхъ, которые хотятъ быть обманутыми и имѣютъ очи вовсе не затѣмъ, чтобы видѣть. Г-жа Э. Симкоксъ справедливо говоритъ, что статистика англійскаго пауперизма далеко не даетъ истинной мѣры англійской нищеты. «Болѣе 10 процентовъ лицъ, умирающихъ въ теченіе года,—говоритъ она,—умираетъ въ работныхъ домахъ и больницахъ (содержимыхъ на счетъ благотворителей. Н. Б.), и эта смертность соотвѣтствуетъ населенію въ два съ половиной милліона; такимъ образомъ, около трехъ съ половиной милліоновъ жителей нашей страны находится или въ положеніи настоящихъ нищихъ, или въ такомъ положеніи, при которомъ достаточно заболѣть, чтобы сдѣлаться настоящимъ нищимъ» [2]).

XII.

Это очень мрачная картина, но и эта мрачная картина не вполнѣ передаетъ мрачный характеръ дѣйствительности. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что число лицъ, умирающихъ нищими, гораздо болѣе, чѣмъ думала г-жа Э. Симкоксъ. Въ работныхъ домахъ и въ находящихся при нихъ больницахъ умираетъ шестая часть Лондона, богатѣйшаго города въ мірѣ. Но это не все. Есть основаніе думать, что отъ 20 до 25 процентовъ англійскаго населенія умираетъ въ положеніи столь близкомъ къ нищетѣ, что приходъ оказывается вынужденнымъ брать похороны на свой счетъ [3]). Извѣстный изслѣдователь Чарльзъ Бусъ показалъ, что въ Англіи и Уэльсѣ около 20 процентовъ всѣхъ лицъ, достигшихъ 65-лѣтняго возраста, вынуждены обращаться къ общественной благотворительности [4]). Такъ какъ въ англійскомъ населеніи есть, разумѣется, классы, въ которыхъ только немногимъ старикамъ случается,—если случается,—впасть въ нищету, то выходитъ, что рабочій классъ даетъ, относительно, еще болѣе высокое число нищихъ стариковъ. Въ Лондонѣ и въ центральныхъ

[1]) P. F. Aschrott, Das englische Armenwesen, Leipzig 1886, S. 422 ср. его же Die Entwicklung des Armenwesens in England seit dem Jahre 1885, Leipzig; 1886, S. 64.

[2]) Industrial Remuneration Conference Report, p. 89.

[3]) Fifth and Final Report of the R. Commission of Labour, Part. I, London, 1894, Report by W. Abraham, M. Austin, I. Mawdsley, and T. Mann., p. 128.

[3]) Pauperism, 1892, p. 54. The aged Poor England and Wales, London 1894, p. 38.

графствахъ отъ 40 до 45 процентовъ всѣхъ пролетаріевъ впадаютъ на старости лѣтъ въ нищету [1]).

Это ужасно, въ буквальномъ смыслѣ слова! И въ виду этого-то ужаса апологеты буржуазіи толкуютъ о диффузіи богатства, о притупленіи общественныхъ противорѣчій и т. д., и т. д. Поистинѣ можно сказать, что ихъ цинизмъ доходитъ здѣсь до граціи! И нельзя не подивиться тому, что гг. «критики» марксизма не умѣютъ критически отнестись къ такому цинизму, и все болѣе и болѣе поддаются вліянію апологетовъ!

Кто знакомъ съ положеніемъ англійскаго рабочаго класса, тотъ не удивится услышавъ, что процентъ самоубійствъ особенно силенъ въ Англіи именно между стариками 55 лѣтъ и выше [2]). Проработавъ всю жизнь съ той напряженностью, съ какою работаетъ лишь англо-саксонскій рабочій, старики-пролетаріи добровольно покидаютъ земной рай и переселяются въ небесный. И чѣмъ развитѣе становится англійскій работникъ, тѣмъ чаще аппелируетъ онъ къ самоубійству, какъ къ самому надежному средству избѣжанія нищеты. Въ тѣхъ графствахъ, въ населеніи которыхъ насчитывается до 27 процентовъ лицъ, не умѣющихъ подписать свое имя, число самоубійцъ достигаетъ 57,5 на милліонъ жителей; въ тѣхъ графствахъ, гдѣ только отъ 17 до 25 проц. общаго числа жителей неспособны подписать свое имя, число самоубійцъ поднимается до 69,2 на милліонъ душъ. Наконецъ, тамъ, гдѣ число лицъ, неумѣющихъ подписаться, не превышаетъ 17 процентовъ, мы находимъ наибольшее число самоубійцъ: 80,3 на милліонъ жителей [3]). Оно и понятно: чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему переносить униженія, связанныя съ бѣдностью и вообще съ житейскими неудобствами. Или, можетъ быть, здѣсь умѣстнѣе другое объясненіе? Можетъ быть, надо предположить, что число лицъ, неспособныхъ подписать свое имя, уменьшается,—какъ это мы видимъ въ Россіи,—вмѣстѣ съ ростомъ промышленнаго развитія; и что возрастаніе числа сумоубійствъ составляетъ, такимъ образомъ, благодѣтельный результатъ увеличенія «общественнаго» богатства? Въ обоихъ случаяхъ мы приходимъ къ выводу совсѣмъ нелестному для капиталистическаго общества и для тѣхъ господъ, которые на разные лады поютъ усыпляющую пѣсеньку о притупленіи общестенныхъ противорѣчій.

Не смотря на неумолимую свирѣпость, съ которой англійская буржуазія практикуетъ свою «благотворительность», число призрѣваемыхъ нищихъ

---

[1]) Charles Boothe, p. 39. Но и это еще не конецъ. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ округахъ каждый старикъ-рабочій умираетъ нищимъ, (см. Fifth and Final Report of the Com. of Labour, p. 125, 128, 151).

[2]) Cp. Ogle, „On suicides in England and Wales", Journal of the R. S. Society, March 1886.

[3]) Ogle, op. cit., Ibid., p. 112.

въ богатомъ Лондонѣ растетъ быстрѣе общей цифры его населенія [1]). Какъ же можно послѣ этого обвинить преувеличеніе Маркса и Энгельса, которые говорятъ: «Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство»!

Если таково положеніе дѣлъ въ Великобританіи, которая благодаря своему продолжительному господству на всемірномъ рынкѣ, все-таки могла хоть нѣсколько улучшить положеніе хоть нѣкоторыхъ слоевъ своего пролетаріата, то каково же оно въ другихъ странахъ, не пользовавшихся преимуществами промышленной монополіи? Объ этомъ можетъ дать нѣкоторое понятіе уже тотъ указанный нами выше фактъ, что бельгійскій рабочій вынужденъ продавать свою силу ниже ея стоимости. Приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ, характеризующихъ положеніе французскаго пролетарія.

Въ періодъ 1833—1843 гг. бѣлый хлѣбъ продавался во Франціи по 34½ сантима за килограммъ. Въ 1894 г. килограммъ хлѣба стоилъ въ Парижѣ отъ 37½ до 40 сантимовъ [2]). Въ 1831—1840 гг. килограммъ говядины стоилъ (въ оптовой продажѣ) 1 франкъ и 5 сантимовъ, а килограммъ свинины 78 сантимовъ; въ 1894 г. говядина продавалась уже по 1 фр. 64 сант. за килограммъ, а свинина по 1 фр. 54 сант. [3]). Въ 1854 г. тысяча яицъ стоила 52 фр., а въ настоящее время 82 фр. [4]). Въ 1849 г. гектолитръ картофеля (низшаго сорта) стоилъ отъ трехъ съ половиной до четырехъ съ половиной франковъ; теперь же онъ стоитъ отъ 7 до 12½ франковъ. За килограммъ масла платили въ 1849 г. отъ 1 фр. 28 сант. до 1 фр. 90 сант.; въ настоящее время за него платятъ отъ 2 фр. 5 сант. до 4 фр. 26 сант. Наконецъ, бобы удвоились въ цѣнѣ въ промежутокъ времени отъ 1849 до 1892 года [5])

По разсчету Пеллутье, цѣна жизненныхъ припасовъ поднялась во Франціи за послѣднія 30 лѣтъ на 22—23 процента, а уровень заработной платы повысился въ среднемъ не болѣе, какъ на 17 процентовъ [6]). Если вы прибавите къ этому огромное увеличеніе квартирныхъ цѣнъ въ большихъ городахъ, то вы неизбѣжно придете къ тому заключенію, что матеріальное положеніе французскаго пролетарія ухудшилось за это тридцатилѣтіе не только относительно, но и абсолютно. И это заключеніе вполнѣ подтверждается статистикой, которая показываетъ,

---

[1]) Гобсонъ, op. cit., стр. 21.
[2]) M. Pelloutier, La vie ouvrière en France, Paris 1900, p. 183.
[3]) Ibid., p. 186.
[4]) Ibid., p. 189.
[5]) Ibid., p. 191.
[6]) Ibid., p. 194.

что французскій рабочій питается теперь хуже, чѣмъ питался полвѣка тому назадъ [1]).

Абсолютное ухудшеніе экономическаго положенія французскаго пролетаріата естественно ведетъ за собою ростъ пауперизма: «работникъ становится нищимъ, а нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство». Въ пятилѣтіе 1886—1891 гг. населеніе французской столицы возросло на 4,01 процента, а число нищихъ въ этой ville-lumière увеличилось за то же время на 23,1 процента. И это отнюдь не исключительное пятилѣтіе. Слѣдующая таблица показываетъ, что ростъ нищеты давно уже принялъ въ Парижѣ поистинѣ потрясающіе размѣры.

Годы.	Сумма, расходуемая Парижемъ на нищихъ.	Населеніе.
1850	5.000.000	1.532.622
1870	10.000.000	
1892	18.000.000	2.386.232 [2])
1895	20.000.000	

И не думайте, что такъ дѣло идетъ въ одномъ Парижѣ. Приблизительно такъ же идетъ оно во всей Франціи. Въ 1837 г. во Франціи было 6.715 «благотворительныхъ бюро», которыя оказали помощь 806.000 бѣднымъ; въ 1860 г. 11.351 благотворительное бюро поддерживало 1.115.900 человѣкъ; въ 1880 г. число благотворительныхъ бюро достигало уже до 15.138, а число поддерживаемыхъ ими бѣдныхъ до 1.647.000 [3]). За 28 лѣтъ (1860—1888) число нищихъ возросло на 42 процента, населеніе же увеличилось только на 5,4 процента. «Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство»...

XIII.

Буржуазные экономисты, гордо поднимающіе голову при видѣ уменьшенія оффиціальнаго числа пауперовъ въ Англіи, скромно опускаютъ глаза передъ статистикой французскаго пауперизма, очень кстати вспоминая при этомъ, что цифры оффиціальной нищеты сами по себѣ еще ничего не доказываютъ. Мы тоже думаемъ, что, взятыя въ отдѣльности, цифры эти не могутъ служить безошибочнымъ показателемъ экономическаго положенія пролетаріата. Поэтому мы считаемъ необходимымъ провѣрить свидѣ-

[1]) Ср. Пелутье, op. cit., p. 187, 190, 194.

[2]) Pelloutier, op. cit., p. 289.

[3]) Leroy-Beaulieu, traité théorique et pratique d'Economie politique, Paris 1896, t. IV, p. 468.

тельство этихъ цифръ съ помощью статистическихъ данныхъ другого рода.

За пятидесятилѣтіе 1838—1888 гг. преступность во Франціи выросла такъ:

Число осужденныхъ за 50 лѣтъ:	Увеличилось на:
Насилія	51 проц.
Преступленія противъ собственности . .	69 »
» » нравственности . .	240 »
Бродяжество и нищенство	430 » [1]).

Поразительный ростъ числа лицъ, осужденныхъ за нищенство и бродяжество, самымъ рѣшительнымъ образомъ подтверждаетъ оставшееся для насъ сомнительнымъ свидѣтельство оффиціальной статистики французскаго пауперизма. Намъ приходится, стало быть, признать, что статистика эта говоритъ правду.

И пусть говорятъ намъ, что Франція—страна, клонящаяся къ упадку: эта «клонящаяся къ упадку» страна до сихъ поръ остается одной изъ самыхъ богатыхъ странъ въ Европѣ. А кромѣ того, быстрый ростъ пауперизма наблюдается не только во Франціи. Вотъ таблица, показывающая увеличеніе числа призрѣваемыхъ бѣдныхъ въ Брюсселѣ и въ плотно прилегающихъ къ нему большихъ городскихъ общинахъ въ періодъ 1875—1895 гг. [2]).

ОБЩИНЫ.	Одинъ призрѣваемый на столько-то человѣкъ. 1875 г.	1894 г.
Брюссель	9	4
Шарбеекъ	16	12
Моленбекъ	11	10
Лакенъ	16	25
Андерлехтъ.	35	8
Сенъ-Жоссъ	24	15
Сенъ-Жилль	25	20
Иксель	20	17

За исключеніемъ Лакена, мы видимъ во всѣхъ общинахъ чрезвычайно быстрый ростъ нищеты. Въ Андерлехтѣ въ 1875 г. одинъ призрѣваемый приходился на 35 человѣкъ, а теперь одинъ призрѣваемый при-

[1]) H. Joly, la France criminelle, p. 20. Другой источникъ такъ выражаетъ ростъ числа осужденныхъ за бродяжество и нищенство: въ 1838 г. во Франціи на 100.000 жителей приходилось 16 человѣкъ, осужденныхъ за эти преступленія, а въ 1887 г. ихъ было уже 85 (см. интересный докладъ Кавальери: „Criminalité et vagabondage", представленный на женевскій конгрессъ криминалистовъ и напечатанный въ Compte-Rendu конгресса).

[2]) См. L'organisation de la Bienfaisance publique. Par L. Bertrand, Bruxelles 1900, p. 16.

ходится уже на 8 человѣкъ. Брюссель пошелъ еще дальше: тамъ четвертая часть населенія протягиваетъ руку за милостыней. Въ провинціи: въ Брюггѣ, въ Ипрѣ, въ Энгіенѣ, въ Нивеллѣ, въ Турнэ, дѣло обстоитъ не лучше, а мѣстами и еще хуже: въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ одинъ призрѣваемый нищій приходится на двухъ-трехъ жителей [1]). Выходитъ, что и въ Бельгіи «работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство»...

Авторъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, спѣшитъ сдѣлать оговорку, уже не разъ сдѣланную нами въ этой статьѣ: число призрѣваемыхъ бѣдняковъ еще не показываетъ истинныхъ размѣровъ нищеты [2]). И этого, разумѣется, никто не станетъ оспаривать. Но несомнѣнно, что чрезвычайно быстрый ростъ этого числа не показываетъ также и роста благосостоянія рабочаго класса: какой рабочій пойдетъ обивать пороги благотворительныхъ учрежденій, если только бѣдность не побѣдитъ въ немъ чувство человѣческаго достоинства и классовой гордости?

Въ Германіи, гдѣ размѣры оффиціальной нищеты гораздо меньше, чѣмъ въ Бельгіи, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ интереснымъ явленіемъ. Въ городахъ, имѣющихъ менѣе 20.000 жителей, процентъ призрѣваемыхъ бѣдняковъ доходитъ до 4,75; въ городахъ съ 50.000 — 100.000 жителей онъ повышается до 6,39, и, наконецъ, въ городахъ съ населеніемъ болѣе 100.000 жителей онъ составляетъ уже 6,51 общей цифры населенія [3]).

Тутъ опять оказывается, стало быть, что нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе, если не быстрѣе, чѣмъ богатство. Что скажетъ объ этомъ г. П. Струве?

Онъ скажетъ, можетъ быть, что въ послѣдніе годы въ Германіи число призрѣваемыхъ бѣдныхъ значительно уменьшилось. Это будетъ правда. Но почему уменьшилось? Просто потому, что измѣнена система призрѣнія. Отъ такого измѣненія еще далеко до улучшенія быта рабочихъ.

Прюсимъ также нашего «критика» замѣтить, что преступность растетъ не только во Франціи, но во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, изученныхъ въ этомъ отношеніи [4]). Въ Германіи въ 1882 году на 100.000 человѣкъ старше 12 лѣтъ и не служащихъ въ военной службѣ приходилось 1043 осужденныхъ, а въ 1895 г. уже 1251 [5]). Чѣмъ обусловливается этотъ ростъ преступности? Французскіе соціалисты (напримѣръ, Луи Бланъ въ своей «Organisation du travail») давно уже

---

[1]) Ibid., p. 17.

[2]) Ibid., p. 16.

[3]) Leroy-Beaulieu, op. cit., t. IV, p. 471.

[4]) См. H. Ferri La sociologie criminelle, Paris 1863, p. 163 и слѣд.

[5]) Dr. Franz von List, Das Verbechen als sozial-patologische Erscheinung, Dresden 1899, S. 13—14.

указывали на нее, какъ на слѣдствіе возрастающей трудности борьбы за существованіе и, въ частности, обѣднѣнія рабочаго класса. Опытъ вполнѣ подтвердилъ это указаніе. Только что цитированный нами профессоръ Листъ говоритъ, что зависимость преступности отъ экономическаго положенія всѣмъ извѣстна и никѣмъ уже не оспаривается [1]). И онъ же замѣчаетъ, что подъ экономическимъ положеніемъ надо прежде всего понимать общее положеніе рабочаго класса (die Gesammtlage der arbeitenden Klassen) т. е. положеніе его не только въ «финансовомъ» смыслѣ, но и во всѣхъ другихъ. Мы уже знаемъ, что повышеніе уровня заработной платы,—которымъ буржуазные экономисты прожужжали намъ всѣ уши,—еще не ведетъ за собою общаго улучшенія быта пролетаріевъ. Преступность, растущая гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе, лишній разъ напоминаетъ намъ объ этой неоспоримой истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтьте, что преступность дѣтей растетъ гораздо быстрѣе преступности взрослыхъ. Съ 1826 по 1880 гг. общая цифра преступленій, совершенныхъ во Франціи взрослыми, утроилась, а число преступленій, совершенныхъ дѣтьми учетверилось [2]). Послѣ 1880 г. дѣтская преступность росла еще быстрѣе. Въ настоящее время, по словамъ Фулье, болѣе половины всѣхъ лицъ, арестуемыхъ въ Парижѣ по обвиненіямъ разнаго рода, принадлежитъ къ числу малолѣтнихъ.

А параллельно съ дѣтскою преступностью растутъ дѣтская проституція и дѣтскія самоубійства, прежде представлявшія собою до послѣдней степени рѣдкое явленіе. И это происходитъ не только

> Въ Парижѣ, гдѣ средь стогновъ шумныхъ
> Кипятъ распутство и порокъ,—

это происходитъ во всей Франціи и это же происходитъ за предѣлами Франціи. Въ благочестивой Германіи, въ періодъ 1882—1895 гг. число молодыхъ преступниковъ увеличилось почти на 50 процентовъ [3]). Не стояла на мѣстѣ эта благочестивая страна и по части проституціи: въ 1875—1890 гг. населеніе Берлина расло ежегодно на 3—4 процента, а число проститутокъ увеличивалось на 6—7 процентовъ [4]).

Нужно ли распространяться о причинахъ, вызывающихъ ростъ пре-

---

[1]) Ibid., S. 19.

[2]) A. Fouillé, „Les jeunes criminels, Revue de deux Mondes, 1897, 15 Janvier, p. 418.

[3]) Von List, op. cit., S. 17.

[4]) Paul Hirsch, Verbrechen und Prostitution, Berlin 1897, S. 7. Ср. интересную книгу д'Оссонвиля: „Salaires et misères des femmes", Paris 1900; эта книга ясно показываетъ, какъ тѣсно связана проституція съ нищетою.

ступности и разврата въ дѣтской средѣ? Для уясненія этихъ причинъ достаточно вспомнить, что, напримѣръ, во Франціи, 60 процентовъ «преступныхъ» дѣтей состоитъ изъ нищихъ и бродягъ, а 25 процентовъ попадаетъ подъ удары буржуазной Ѳемиды за кражу [1]). Вслѣдствіе плохого ухода, который самъ обусловливается ростомъ женскаго наемнаго труда, ребенокъ пріобрѣтаетъ привычки бродяги, а потомъ оказывается вынужденнымъ побираться и воровать, чтобы не умереть съ голоду. Увеличеніе преступности вообще, а особенно дѣтской преступности, неотразимо свидѣтельствуетъ объ ухудшеніи общественнаго положенія пролетарія.

Замѣтимъ мимоходомъ, что признаніе этого неоспоримаго факта еще не обязываетъ Каутскаго поддерживать требованія христіанскихъ соціалистовъ относительно запрещенія женскаго труда на фабрикахъ. Каутскій убѣжденъ, что такое запрещеніе не только не улучшило бы общественнаго положенія рабочаго, но, напротивъ, еще болѣе ухудшило бы его, давши новый и чрезвычайно сильный толчокъ возникновенію и упроченію самыхъ грубыхъ и жестокихъ формъ эксплуатаціи женщинъ капиталомъ. Возникновеніе и упроченіе такихъ формъ эксплуатаціи еще никогда не способствовало улучшенію положенія трудящейся массы. Вотъ почему Каутскій и его единомышленники рѣшительно возстаютъ противъ реакціоннаго предложенія христіанскихъ соціалистовъ. Это какъ нельзя болѣе логично, и если здѣсь есть мѣсто для насмѣшки, то развѣ для насмѣшки надъ г. П. Струве, вздумавшимъ иронизировать по поводу мнимой непослѣдовательности Каутскаго, который въ развитіи женскаго труда видитъ доказательство обѣднѣнія рабочаго класса, но въ то же время не одобряетъ практическихъ предложеній какого-нибудь Декуртинса.

XIV.

Говоря о преступности, не слѣдуетъ забывать, что при ея быстромъ ростѣ особенно быстро растетъ число рецидивистовъ [2]). «Наши наказанія,—замѣчаетъ по этому поводу Ф. Листъ,—не оказываютъ улуч-

[1]) Ferdinand Dreyfus, Misères Sociales, Paris 1901, p. 8.

[2]) Исключеніе изъ общаго правила составляютъ лишь нѣкоторые кантоны Швейцаріи, гдѣ уменьшается какъ общая цифра, такъ и процентъ рецидивистовъ. Но эти кантоны не идутъ въ счетъ, въ виду ихъ исключительнаго положенія, о которомъ см., напримѣръ, у John Cuénod: „la criminalité à Genève an XIX siècle. Genève 1891, p. 116 — 117. Ср. Zuercher: Die Selbstmorde im Kanton Zürich in Uergleichung mit der Zahl der Verbrechen въ Zeitschrift für schweizerische Statistik за 1898, Lieferung, VI. Цюрхеръ доказываетъ, что уменьшеніе преступности въ Цюрихѣ сопровождалось ростомъ числа самоубійцъ.

шающаго или устрашающаго вліянія; они вообще не предупреждаютъ преступленія, т. е. не удерживаютъ отъ него; они скорѣе усиливаютъ склонность къ нему [1]).

Это вѣрно. Но не менѣе вѣрно и то, что рецидивисты представляютъ собою среду, въ нравственномъ отношеніи совершенно различную отъ такъ называемыхъ случайныхъ преступниковъ. Это именно та среда, гдѣ, къ сожалѣнію, почти полновластно царствуетъ если не невѣжество, то нравственное паденіе и огрубѣніе. И не только нравственное паденіе и огрубѣніе. Между рецидивистами много людей, отличающихся несомнѣнными признаками вырожденія. Къ нимъ въ особенности могутъ быть примѣнимы слова Маудсли: «Между преступниками есть классъ, отмѣченный несовершенствомъ физической и умственной организаціи... значительная пропорція слабоумныхъ или эпилептиковъ, страдающихъ умопомѣшательствомъ или принадлежащихъ къ такимъ семьямъ, гдѣ есть помѣшанные» [2]). Кто захочетъ убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, того мы отошлемъ къ чрезвычайно интересной книгѣ доктора Э. Лорана: Les habitués des prisons de Paris, вышедшей въ прошломъ году въ Парижѣ съ не менѣе интереснымъ предисловіемъ Лакассаня [3]). Лоранъ такъ же далекъ отъ смѣшныхъ преувеличеній школы Ломброзо, какъ и Лакассань. Но кто внимательно прочтетъ его книгу, тотъ вынесетъ изъ нея непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ лицѣ рецидивистовъ общество очень часто караетъ выродившихся людей, представляющихъ собою пассивный, патологическій продуктъ общественно-историческаго процесса. А если число такихъ людей растетъ вмѣстѣ съ ростомъ числа нищихъ, бродягъ, проститутокъ, «макро» и прочихъ представителей Lumpenproletariat'a, то не ясно ли, что мы до сихъ поръ имѣемъ право сказать, вмѣстѣ съ Марксомъ: «Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ производитъ въ то же время на другомъ—накопленіе нищеты, тяготъ труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго униженія. Это фактъ, отъ котораго не удается отболтать прочь (wegschwatzen) нынѣшнимъ брентанистамъ и «критикамъ» Маркса, какъ не удавалось отболтаться отъ него Бастіа и его ближайшимъ послѣдователямъ. И въ виду этого неоспоримаго факта насъ очень удивляютъ тѣ люди, которые считаютъ крайнимъ преувеличеніемъ ту мысль Маркса и Энгельса, что въ средніе вѣка общественное положеніе рабочаго было лучше, чѣмъ въ капиталистическомъ обществѣ. Эта мысль можетъ быть неудобна для тѣхъ, которымъ хотѣлось бы притупить противорѣчія, свойственныя

---

[1]) Op. cit., S. 16.
[2]) Le crime et Folie, Paris 1880, p. 30.
[3]) Писано въ 1901 году.

нынѣшнему обществу. Но что она справедлива, это признаютъ не одни «эпигоны» Маркса [1]).

Здѣсь г. П. Струве останавливаетъ насъ, чтобы напомнить о томъ своемъ аргументѣ, который онъ считаетъ неотразимымъ: если накопленіе богатства на одномъ полюсѣ сопровождается накопленіемъ нищеты, физическаго вырожденія и нравственнаго вырожденія, на другомъ, то какъ можетъ произойти коренное переустройство общества. Развѣ выродившійся рабочій классъ способенъ совершить величайшій изъ всѣхъ переворотовъ, какіе только знала исторія? [2])

На это мы отвѣтимъ, что Марксъ и Энгельсъ никогда не расчитывали на выродившіеся элементы пролетаріата, какъ на общественную силу. Объ этомъ категорически говорится какъ въ «Манифестѣ Коммунистической Партіи» такъ и въ предисловіи къ книгѣ «Der deutsche Bauern Krieg» Энгельса [3]). Но развитіе капитализма ведетъ за собою не только относительное (а мѣстами и абсолютное) ухудшеніе положенія пролетаріата и создаетъ не одни только «пассивные продукты общественнаго разложенія». Оно, кромѣ того, будитъ мысль тѣхъ пролетаріевъ, которые не попадаютъ въ разрядъ этихъ пассивныхъ продуктовъ, и образуетъ изъ нихъ все болѣе и болѣе растущую армію общественнаго переустройства. Указывая на ростъ нищеты и т. д., Марксъ указывалъ также и на «возмущеніе рабочаго класса, который постоянно растетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства» (курсивъ нашъ). Взгляните на Францію или на Германію. Не смотря на быстрый ростъ преступности, проституціи и другихъ признаковъ духовнаго паденія нѣкоторыхъ элементовъ трудящейся

---

[1]) „La condition de l'ouvrier était donc alors (въ средніе вѣка) tres supportable, et j'ajouterai, avec les enseignements que la critique moderne nous fournit, qu'elle devait, être supérieure à celle de nos ouvriers... Ce serf prétendu... avait un situation que sollicitent comme très enviable les ouvriers de notre temps". P. Hubert-Valleroux, „Les Corporations d'Arts et Métiers" etc, Paris 1885, p. 44—45. Ср. также Alfred Franklin, „La vie privée d'autrefois. Arts, Moeurs, usages des Parisiens du XII au XVIII siècle. Comment on devenait patron". Paris 1889, p. 65: „La vérité qui se dégage d'une étupe approfondie et impartiale du régime des corporations, c'est que la condition de l'ouvrier au treizieme et quatorzième siècle était supérieure à la condition actuelle.

[2]) Этотъ доводъ, какъ и огромнѣйшее большинство всѣхъ остальныхъ, заимствованъ нашимъ „критикомъ" у буржуазныхъ противниковъ Маркса. См. напримѣръ, Кэркопа: History of Socialism, p. 160. (Мы цитируемъ второе изданіе, но указанный намъ доводъ содержится также и въ первомъ).

[3]) Интересно, что Бакунинъ обвинялъ Маркса и Энгельса именно въ томъ, что они не хотѣли возлагать никакихъ надеждъ на „нищенскій пролетаріатъ", см. „Государственность и Анархію", стр. 8.

массы, рабочій классъ, взятый въ его цѣломъ, становится все болѣе сознательнымъ и все болѣе проникается новаторскимъ духомъ. Ухудшеніе общественнаго положенія пролетаріата вовсе не равносильно созданію условій, затрудняющихъ развитіе его классоваго самосознанія. Конечно, только анархисты à la Бакунинъ могли воображать, что бѣдность уже сама по себѣ есть лучшій изъ всѣхъ возможныхъ соціалистическихъ агитаторовъ. Но вѣдь и зажиточность сама по себѣ далеко не всегда является «внушителемъ» революціоннаго духа. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста.

«Критики», считающіе ухудшеніе общественнаго положенія рабочаго класса несовмѣстимымъ съ развитіемъ классового самосознанія, просто на просто не понимаютъ матеріалистическаго объясненія исторіи, на которое они, однако, любятъ ссылаться. И это ихъ непониманіе сказывается также и въ разсужденіяхъ объ экономическихъ условіяхъ, необходимыхъ для политической побѣды пролетаріата надъ буржуазіей. Политическая сила всякаго даннаго класса, говорятъ эти господа, опредѣляется его экономической и соціальной силой. Поэтому ростъ политической силы пролетаріата необходимо предполагаетъ ростъ его экономической силы и, наоборотъ, ослабленіе этой послѣдней необходимо ведетъ за собою ослабленіе политическаго значенія пролетаріата. Такъ смотрятъ въ Германіи Давидъ, Вольтманнъ, Т. Кампфмейеръ и многіе другіе представители «новой методы» [1]). Г. П. Струве врядъ ли раздѣляетъ, во всей его полнотѣ, этотъ взглядъ, являющійся чѣмъ то въ родѣ консервативной разновидности бакунизма [2]). Но онъ не согласенъ и съ Каутскимъ, который въ своемъ отвѣтѣ Бернштейну, указывалъ на его теоретическую несостоятельность. По мнѣнію г. П. Струве, для побѣды пролетаріата необходима «организаціонная сила», которая можетъ быть пріобрѣтена лишь постепенно, на почвѣ экономической организаціи и экономическихъ учрежденій [3]). Въ этомъ мнѣніи истина тѣсно сплелась съ заблужденіемъ. Что организаціонная сила необходима пролетаріату, какъ была она необходима всякому другому общественному классу, стремившемуся къ новымъ производственнымъ отношеніямъ, это неоспоримо и этого никогда не оспаривали «ортодоксальные» марксисты. Но почему г. П. Струве думаетъ, что эта сила можетъ быть пріобрѣтена только на почвѣ «экономической организаціи», т. е.—если мы правильно его по-

---

[1]) Ср. Кампфмейера, Wochin steuert die ökonomische und staatliche Entwicklung? Berlin 1901, S. 32, 33, 35 и другія.

[2]) Характеристику взгляда Бакунина на отношеніе политики къ экономикѣ см. въ брошюрѣ: Anarchismus und Socialismus".

[3]) Archiv, I, 735.

няли,—на почвѣ кооперативныхъ товариществъ и тому подобныхъ «экономическихъ учрежденій?» Если бы организаціонная сила пролетаріата могла развиваться лишь въ той мѣрѣ, въ какой развиваются его «экономическія учрежденія», то она никогда не развилась бы до степени, необходимой и достаточной для созданія новыхъ отношеній производства, потому что въ капиталистическомъ обществѣ названныя учрежденія рабочихъ всегда будутъ совершенно ничтожны въ сравненіи съ «учрежденіями», находящимися въ рукахъ буржуазіи.

Далѣе, въ словахъ нашего «критика» справедливо то, что организаціонная сила пролетаріата,—какъ и всякая другая сила,—можетъ быть пріобрѣтена лишь постепенно. Но почему эта справедливая мысль должна исключать понятіе коренного общественнаго переустройства. Вѣдь французская буржуазія тоже лишь постепенно пріобрѣла свою организаціонную силу, а между тѣмъ добилась же она своего именно благодаря Zusammenbruch'у.

Впрочемъ, соображеніе о неизбѣжности постепеннаго пріобрѣтенія организаціонной силы есть лишь одна изъ небольшихъ пушекъ, выставленныхъ г. П. Струве рядомъ со многими очень большими осадными орудіями, на теоретической баттареѣ, обстрѣливающей въ его статьѣ ненавистное ему понятіе Zusammenbruch'а. Согласно нашему первоначальному плану, мы должны были атаковать эту баттарею въ статьѣ, лежащей теперь передъ читателемъ. Но потомъ мы увидѣли себя въ необходимости подробно разобрать теорію притупленія общественныхъ противорѣчій на экономической почвѣ. Поэтому аттаку баттареи, возведенной противъ понятія о Zusammenbruch'ѣ намъ пришлось отложить до слѣдующей статьи. Тамъ сведемъ мы свои послѣдніе счеты съ нашимъ «критикомъ». Тамъ мы еще яснѣе увидимъ, какого рода «марксизмъ» проповѣдуетъ онъ въ настоящее время.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

I.

Г. П. Струве очень любитъ, какъ извѣстно, потолковать о «гносеологіи». Правда до сихъ поръ онъ не нашелъ нужнымъ (или возможнымъ) сколько нибудь стройно и послѣдовательно изложить свои «гносеологическія» воззрѣнія. Сомнительно даже, есть-ли у него стройныя воззрѣнія такого рода. Но это не мѣшаетъ ему ссылаться на «гносеологію» при всѣхъ удобныхъ и,—что гораздо хуже,—при всѣхъ неудобныхъ случаяхъ. Въ виду этого нельзя удивляться тому, что «гносеологическія»

соображенія составляютъ у него главное оружіе въ его борьбѣ съ «соціальнымъ переворотомъ».

Чтобы показать намъ, до чего несостоятельно это «теоретическое псевдо-понятіе», нашъ «критикъ» объясняетъ, какъ долженъ понимать «эволюціонизмъ» всякій тотъ, кто не хочетъ грѣшить противъ теоріи познанія. Вотъ что мы узнали отъ него на этотъ счетъ.

Принципъ эволюціи, ничего не говоря о томъ, почему совершаются измѣненія, очень опредѣленно указываетъ намъ, однако, на то, какъ они совершаются. Онъ знакомитъ насъ съ ихъ формой. А форма ихъ можетъ быть опредѣлена однимъ словомъ: непрерывность (Die stetigkeit). Намъ можетъ быть понятно только непрерывное измѣненіе. Поэтому старое положеніе: natura non facit saltus (природа не дѣлаетъ скачковъ) должно быть дополнена другимъ положеніемъ: intellectus non patitur saltus (интеллектъ не терпитъ скачковъ). Гегель говоритъ, что количественныя измѣненія, перейдя извѣстный предѣлъ, превращаются въ качественныя. И на эту формулу любятъ ссылаться правовѣрные марксисты, наивно воображающіе, что она даетъ реальное объясненіе хода соціальной революціи. На самомъ же дѣлѣ она не объясняетъ явленій, а только описываетъ ихъ съ помощью логическихъ категорій [1]) И при томъ она указываетъ именно на непрерывный характеръ измѣненія. Вотъ почему ссылки на нее совсѣмъ неубѣдительны. Мы неизбѣжно приходимъ къ тому выводу, что понятіе: общественный переворотъ не выдерживаетъ критики и что его приходится поставить на одну доску съ понятіемъ о свободѣ волѣ (въ смыслѣ безпричиннаго дѣйствія), о субстанціальности души и т. п.: со времени Канта мы знаемъ, что эти понятія очень важны въ практическомъ отношеніи, но совершенно несостоятельны въ теоріи.

Такъ разсуждаетъ г. П. Струве, старательно подкрѣпляя свои разсужденія цитатами изъ сочиненій Шуппе, Канта, Зигварта, Цигена и даже... г. Ѳ. Кистяковскаго. Но хотя Гейне и справедливо говаривалъ, что цитаты очень украшаютъ писателей, мы, слѣдя за доводами г. «критика», къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе убѣждаемся въ томъ, что далеко не всѣ писатели, «украшающіе» себя цитатами, отличаются ясностью и послѣдовательностью мысли.

Если понятіе: общественный переворотъ не выдерживаетъ критики, то спрашивается, какъ же быть съ тѣми общественными переворотами, которые уже совершились въ исторіи? Считать ли ихъ несовершившимися, или признать, что они не были переворотами въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову правовѣрные марксисты? Но если мы даже и скажемъ, что, напримѣръ, великая французская революція

[1]) Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. Bd. XIV, Heft 5/6, S. 679.

на самомъ дѣлѣ вовсе не имѣла мѣста, то вѣдь этому врядъ ли кто повѣритъ. А если мы вздумаемъ утверждать, что эта великая революція совсѣмъ не похожа на ту, о которой толкуютъ правовѣрные марксисты, то эти упрямые люди немедленно прервутъ насъ, замѣтивъ, что мы неправильно изображаемъ дѣло. По мнѣнію правовѣрныхъ марксистовъ великая французская революція была общественнымъ переворотомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Правда, это была революція буржуазіи. На это не измѣняетъ дѣла. Если понятіе: общественный переворотъ несостоятельно потому, что природа скачковъ не дѣлаетъ, а интеллектъ ихъ не терпитъ, то, очевидно, что эти рѣшительные доводы должны въ одинаковой мѣрѣ относиться ко всѣмъ переворотамъ. А если революція буржуазіи давно уже совершилась, несмотря на то, что скачки «невозможны», а измѣненія «непрерывны», то у насъ есть всѣ основанія думать, что въ свое время совершатся и другіе перевороты, если только, разумѣется, они не встрѣтятъ на своемъ пути другихъ препятствій, болѣе серьезныхъ, чѣмъ тѣ, на которыя указываетъ намъ г. П. Струве въ своихъ «гносеологическихъ» разсужденіяхъ.

Но приглядимся поближе къ этимъ разсужденіямъ.

Гегелева «формула» не объясняетъ явленій, а только описываетъ ихъ. Это такъ. Но вѣдь вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, вѣрно или ошибочно описаніе, даваемое «формулой». Если оно вѣрно, то ясно, что вѣрна и «формула»; а если вѣрна «формула», то не менѣе ясно, что Гегель правъ; а если ясно, что Гегель правъ, то опять столь же ясно, что непрерывный характеръ измѣненій—на который, къ тому же, «формула» Гегеля указываетъ, по признанію самого г. П. Струве,—совсѣмъ не исключаетъ возможности тѣхъ самыхъ «скачковъ», которыхъ будто бы не дѣлаетъ природа и которыхъ будто бы не терпитъ интеллектъ.

II.

Надо замѣтить, что вообще «скачки» довольно зло подсмѣиваются надъ нашимъ «критикомъ», неудержимо проникая даже въ область его собственной аргументаціи. Лучше всего это подтверждается цитатой, сдѣланной имъ изъ Зигварта.

Зигвартъ говоритъ, что если на нашихъ глазахъ измѣняется какая нибудь вещь, напримѣръ, если краснѣетъ синяя бумага или таетъ кусокъ воску, положенный въ печку,—то мы имѣемъ дѣло съ непрерывнымъ процессомъ, не дающимъ намъ никакого повода предполагать, что данная субстанція замѣняется какой нибудь другою. Напротивъ, непрерывность измѣненій, совершающихся въ данномъ мѣстѣ, убѣ-

ждаетъ насъ, что вещь осталась той же самой, даже въ томъ случаѣ, когда измѣнились всѣ ея непосредственно воспринимаемыя нами свойства: температура, цвѣтъ, внѣшній видъ и т. д..

Эти соображенія Зигварта приводятся нашимъ «критикомъ», какъ одинъ изъ доводовъ, раскрывающихъ несостоятельность понятія: общественный переворотъ. Но на самомъ дѣлѣ они не разрушаютъ этого понятія, а скорѣе подкрѣпляютъ его. Они отвѣчаютъ,—поскольку отвѣчаютъ,—на вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ и почему данный предметъ продолжаетъ оставаться для насъ тѣмъ же самымъ предметомъ, несмотря на претерпѣваемыя имъ измѣненія. Но въ нихъ нѣтъ ни тѣни доказательства той мысли, что въ окружающихъ насъ предметахъ невозможны такія быстрыя и коренныя перемѣны, которыя мы имѣли бы право называть скачками. Какъ разъ наоборотъ: одинъ изъ взятыхъ Зигвартомъ примѣровъ очень выразительно напоминаетъ намъ о томъ, что такія перемѣны вполнѣ возможны, совершенно естественны и ни мало не удивительны. Когда таетъ воскъ, положенный въ печку, то въ его состояніи происходитъ цѣлая революція: онъ былъ твердымъ, онъ сталъ жидкимъ. И хотя эта коренная перемѣна, конечно, предполагаетъ болѣе или менѣе „непрерывный“ процессъ болѣе или менѣе „постепеннаго“ нагрѣванія воска [1]), но сама то она совершается не „постепенно“, а именно вдругъ, какъ только достигнута необходимая для таянія высота температуры. Тутъ происходитъ самый несомнѣнный «saltus» (скачокъ). А г. П. Струве взялся показать намъ, что природа скачковъ не дѣлаетъ, и что интеллектъ ихъ не терпитъ. Какъ же это такъ? Или, можетъ быть, онъ имѣетъ въ виду только свой собственный интеллектъ, который, дѣйствительно, не терпитъ скачковъ по той простой причинѣ, что онъ,—какъ говорится,—«терпѣть не можетъ» нѣкоей диктатуры.

Если мы, давъ себѣ трудъ правильно понять разсужденія Зигварта, захотимъ приложить ихъ къ человѣческимъ обществамъ, то мы должны будемъ сказать, напримѣръ, такъ: мы убѣждены, что въ началѣ XIX-го столѣтія Франція оставалась Франціей («той же самой» страной), хотя въ ней и совершился въ концѣ XVIII-го столѣтія общественный переворотъ, извѣстный подъ именемъ великой революціи; и мы убѣждены въ этомъ, во-первыхъ, потому, что всѣ измѣненія въ этой странѣ, во

[1]) Читатель понимаетъ, что непрерывность нагрѣванія необязательна. Если я, доведя температуру воска до a градусовъ, прекращу его нагрѣваніе и дамъ ему остыть до $\frac{a}{2}$, а затѣмъ опять стану нагрѣвать, пока онъ не растаетъ, то результатъ будетъ такой же, какъ и въ случаѣ непрерывнаго нагрѣванія, но только онъ потребуетъ больше времени и большаго числа калорій.

*

время революціи и послѣ нея, непрерывно совершались на опредѣленной территоріи («въ данномъ мѣстѣ»); во-вторыхъ, потому, что населеніе этой страны во многихъ отношеніяхъ (напримѣръ, въ отношеніи расы и языка) было въ XIX-мъ вѣкѣ такимъ же, какимъ оно было и до революціи; въ-третьихъ, потому... но намъ нѣтъ надобности перечислять всѣ эти «потому»; намъ нужно только показать, что иное дѣло вопросъ о томъ, почему и когда данная вещь (или страна) продолжаетъ оставаться для насъ «той же самой», а иное дѣло вопросъ о томъ, возможны ли и мыслимы ли въ организаціи человѣческихъ обществъ (или въ свойствахъ вещей) быстрыя и коренныя перемѣны, называемыя революціями (или подобныя имъ). Если бы авторы, цитируемые г. П. Струве, представили даже вполнѣ исчерпывающій отвѣтъ на первый изъ этихъ вопросовъ, то это отрадное обстоятельство все-таки не дало бы намъ никакого права и даже никакого подобія, никакой тѣни права на рѣшеніе въ отрицательномъ смыслѣ второго вопроса.

Г. П. Струве возразитъ намъ, можетъ быть, что какъ бы тамъ ни обстояло дѣло съ цитатой Зигварта и съ нѣкоторыми другими его цитатами, но цитата изъ Канта отвѣчаетъ именно на второй вопросъ. Прочтемъ же эту цитату. Вотъ она цѣликомъ.

«Всякое измѣненіе.... возможно только въ силу непрерывнаго дѣйствія причинности.... Въ явленіи нѣтъ различія реальнаго такъ же, какъ ни одно различіе въ величинѣ временъ не есть самое меньшее; такимъ образомъ возникаетъ новое состояніе реальности изъ перваго, гдѣ его не было, черезъ всѣ безконечныя степени его, всѣ различія которыхъ другъ отъ друга всегда бываютъ меньше, чѣмъ различіе между O и A“ [1]).

Тутъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что „скачки“ невозможны и передъ нами опять возникаетъ весьма мучительный вопросъ о томъ, какъ же намъ быть съ тѣми «скачками», которые уже произошли въ исторіи. Но по нѣкоторомъ размышленіи оказывается, что и эта страшная цитата совсѣмъ не такъ страшна, какъ вообразилъ нашъ «критикъ».

У Канта рѣчь идетъ о состояніяхъ, различающихся одно отъ другого только по величинѣ [2]). Что представляетъ собою рядъ послѣдовательныхъ состояній, отличающихся другъ отъ друга только величиной? Онъ представляетъ собою рядъ количественныхъ измѣ-

---

[1]) „Критика чистаго разума“, переводъ Н. М. Соколова, С.-Петербургъ, стр. 184. Г. П. Струве цитируетъ по второму нѣмецкому изданію К. Кербаха, въ которомъ приведенныя имъ строки находятся на стр. 194—195.

[2]) „Если состояніе *B* отличается отъ состоянія *A* только по величинѣ, то“ и т. д. Тамъ же, стр. 183 русскаго перевода Соколова. (Курсивъ нашъ).

неній. Кантъ говоритъ, что этотъ рядъ непрерывенъ въ томъ смыслѣ что скачки въ немъ немыслимы. Допустимъ, что это правда. Но какое отношеніе имѣетъ это къ вопросу о томъ, возможны ли скачки при переходѣ количественныхъ измѣненій въ качественныя? Ровно никакого: этотъ вопросъ вовсе не рѣшается тѣмъ, что мы узнали отъ Канта на счетъ невозможности скачковъ въ непрерывномъ процессѣ измѣненій количества. Выше мы отмѣтили, что, по словамъ самого г. П. Струве, «формула» Гегеля тоже указываетъ на непрерывный характеръ измѣненій. Теперь мы можемъ прибавить, что она признаетъ измѣненія непрерывными именно постольку, поскольку они остаются количественными. Но она объявляетъ скачки неизбѣжными при переходѣ количества въ качество. Если г. П. Струве хотѣлъ опровергнуть Гегеля,—а съ нимъ и правовѣрныхъ марксистовъ,—то ему надо было направлять свои критическіе удары какъ разъ въ это самое мѣсто. Ему надо было показать, что количество не переходитъ въ качество или,—если и переходитъ,—то никакого скачка при этомъ не бываетъ и быть не можетъ. А г. П. Струве ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ изъ «Критики чистаго разума» цитату, гласящую, что невозможны скачки при измѣненіяхъ количества. Странная логика! Удивительный »критикъ»!

Далѣе, Кантъ говоритъ, что данная величина реальности возникаетъ, проходя черезъ всѣ меньшія степени, лежащія между предѣльными моментами измѣненія. Но какое возникновеніе, возникновеніе чего имѣетъ онъ въ виду? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ категорически: возникаетъ не субстанція, количество которой въ природѣ всегда остается неизмѣннымъ, а только новое состояніе субстанціи. [1]) Хорошо. Примемъ это къ свѣдѣнію и спросимъ себя,—развѣ возникновеніе новаго состоянія (субстанціи) есть единственно мыслимое возникновеніе? Развѣ не можетъ возникнуть новое отношеніе (между частями субстанціи)? Не только можетъ возникнуть, но и безпрестанно возникаетъ. И не только безпрестанно возникаетъ, но и должно безпрестанно возникать вслѣдствіе тѣхъ самыхъ измѣненій состоянія субстанціи, о которыхъ Кантъ собственно и говоритъ, т. е. вслѣдствіе ея движенія. Именно это возникновеніе новыхъ отношеній и есть та область, въ которой количество переходитъ въ качество, а «непрерывное измѣненіе» приводитъ къ «скачкамъ».

III.

Когда кислородъ соединяется съ водородомъ, то проходитъ ли вновь возникшая молекула воды черезъ «всѣ безчисленныя степени», которыя

[1]) Тамъ же, стр. 182—183, того же перевода. Курсивъ опять нашъ.

отдѣляютъ ее отъ молекулы водорода (или кислорода)? Мы не думаемъ. И не думаемъ по той простой причинѣ, что промежуточныхъ «степеней» между водой и составляющими ее элементами невозможно себѣ и представить. Такого рода непрерывность немыслима; ея «не терпитъ интеллектъ».

Еще примѣръ. Положимъ, что въ данной странѣ существуетъ законъ, ограничивающій рабочій день девятью часами въ сутки. Но рабочіе находятъ, что ихъ трудъ все-таки слишкомъ продолжителенъ, и требуютъ сокращенія рабочаго дня до восьми часовъ. Законодатель исполняетъ, наконецъ, ихъ требованіе, и вотъ съ такого-то числа, скажемъ хоть съ перваго января слѣдующаго года, восьми-часовый рабочій день становится законнымъ рабочимъ днемъ. Спрашивается, можно ли здѣсь говорить о какихъ-то «безчисленныхъ степеняхъ», которыя отдѣляютъ новый законъ отъ стараго? Ясно, что нельзя: такихъ степеней и не было; законодатель сразу передвинулъ предѣлъ рабочаго дня на одинъ часъ. Тутъ былъ saltus,—хотя разумѣется, и не такой большой, какъ общественный переворотъ,—и если мы, «не терпя скачковъ», заговоримъ о «непрерывности», то скоро вынуждены будемъ сознаться, что здѣсь ея не было и что, поэтому, здѣсь интеллектъ ея «не терпитъ». Выходитъ, что безъ скачковъ не обойдешься даже и въ «соціальной реформѣ».

А вотъ еще примѣръ, нѣсколько болѣе «революціонный». Двадцать четвертаго февраля 1848 года въ парижской ратушѣ была провозглашена республика. Пусть намъ скажетъ г. П. Струве, въ чемъ заключались, въ чемъ могли заключаться «безчисленныя степени» между іюльской монархіей и второй республикой. Ужъ не въ томъ ли революціонномъ движеніи возставшаго парижскаго народа, которое, постепенно подрывая силу сопротивленія войска, тѣмъ самымъ постепенно уменьшало шансы сохраненія монархіи? Но слишкомъ ужъ было бы странно ссылаться на побѣдоносное народное возстаніе, какъ на доказательство невозможности скачковъ. Съ помощью такихъ ссылокъ г. П. Струве доказалъ бы какъ разъ обратное тому, что требуется доказать.

Кантъ самъ замѣчаетъ, что измѣняются только тѣ предметы, которые «остаются», т. е. продолжаютъ существовать. Возникновеніе — равно какъ и исчезновеніе — вовсе не есть измѣненіе того, что возникаетъ или исчезаетъ [1]). Но если это такъ,—а это въ самомъ дѣлѣ совершенно такъ,—то очевидно, что измѣненіе вообще, а

[1]) „Veränderung ist eine Art zu existeren, welche auf eine andere Art zu existiren eben desselben gegenstandes erfolgt. Daher ist alles, was sich verändert, bleibend und nur sein Zustand wechselt". Kritik der reinen Vernunft, herausgegeben von Kehrbach, 2 Auflage, S. 179.

слѣдовательно и постепенное, непрерывное измѣненіе не объясняетъ ни возникновенія, ни исчезновенія. А если мы не можемъ объяснить ни возникновенія, ни исчезновенія предметовъ, то мы вообще не понимаемъ ихъ, и о нашемъ научномъ къ нимъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи.

Непрерывность, о которой говоритъ Кантъ, есть та самая непрерывность, которую Лейбницъ еще раньше его возвелъ въ законъ подъ именемъ loi de continuité. Но тотъ же Лейбницъ признавалъ, что, имѣя дѣло съ «choses composées», мы находимъ, что иногда небольшое измѣненіе вызываетъ очень большое дѣйствіе, т. е., другими словами причиняетъ перерывъ постепенности, скачекъ. Такіе скачки невозможны, по словамъ Лейбница, только въ «простыхъ вещахъ» («à l'égard des principes ou des choses simples»), потому что они противорѣчили бы божественной мудрости [1]). Оставляя въ сторонѣ божественную мудрость, мы замѣтимъ, что всѣ примѣры, приведенные нами выше, взяты именно изъ области des choses composées. Значитъ, самъ Лейбницъ не сталъ бы возражать противъ нихъ съ точки зрѣнія «закона непрерывности». Да, что мы говоримъ: «не сталъ бы возражать»! Намъ сдается, что если бы онъ предвидѣлъ, какое употребленіе сдѣлаютъ изъ его «закона» нѣкоторые любомудры нѣкотораго послѣдующаго времени, то онъ прибавилъ бы на ихъ счетъ какую нибудь ядовитую оговорку, если бы только не побоялся раздразнить тѣхъ, всегда многочисленныхъ, консервативныхъ гусей, «интелектъ» которыхъ издавна не терпѣлъ «скачковъ», особенно тамъ, гдѣ дѣло касалось «сложной вещи», называемой общественными отношеніями.

Замѣтимъ мимоходомъ, что и въ «простыхъ вещахъ» вопросъ о скачкахъ рѣшается совсѣмъ не такъ просто, какъ это казалось Лейбницу и Канту. Возьмемъ, напримѣръ, уже знакомыя намъ разсужденія автора «Критики чистаго разума».

Онъ говоритъ, что новая величина реальности (A—B) возникаетъ посредствомъ всѣхъ меньшихъ степеней, заключающихся между моментами A и B. Положимъ, что это такъ, и возьмемъ двѣ, непосредственно слѣдующія одна за другой степени изъ тѣхъ, которыя находятся между указанными моментами. Спрашивается, какъ возникаетъ та величина реальности, которая равняется разности между этими двумя степенями? Тутъ можно сдѣлать только два предположенія: 1) она возникаетъ сразу или 2) она возникаетъ постепенно. Если она возникаетъ постепенно, то значитъ она сама проходитъ многія промежуточныя степени. Но это противорѣчитъ условіямъ нашей задачи, такъ какъ мы взяли двѣ

[1]) Не имѣя подъ рукой сочиненіе Лейбница, укажемъ хоть на „Grundriss der geschichte. der Philosophie“ Ибервега, Berlin 1880, III Theil, S. 130.

такія степени, которыя непосредственно идутъ одна за другою. Стало быть, остается только второе предположеніе, согласно которому разность между взятыми нами степенями возникаетъ сразу. А это возникновеніе сразу и есть одинъ изъ тѣхъ скачковъ, которые будто бы невозможны. А это значитъ, что не скачковъ не терпитъ интеллектъ, а именно непрерывности.

Тезису, гласящему, что скачковъ не бываетъ, а есть только непрерывность, съ полнымъ правомъ можно противопоставить антитезисъ, по смыслу котораго въ дѣйствительности измѣненіе всегда совершается скачками, но только рядъ мелкихъ и быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ скачковъ сливается для насъ въ одинъ «непрерывный» процессъ.

Правильная теорія познанія, конечно, должна примирить этотъ тезисъ и этотъ антитезисъ въ одномъ синтезѣ. Мы не можемъ разсматривать здѣсь, какъ можно примирить ихъ въ области «простыхъ вещей». Это завело бы насъ слишкомъ далеко [1]). Здѣсь для насъ достаточно знать и помнить, что въ «сложныхъ вещахъ», съ которыми намъ такъ часто приходится имѣть дѣло при изученіи природы и исторіи, скачки предполагаютъ непрерывное измѣненіе, а непрерывное измѣненіе неизбѣжно приводитъ къ скачкамъ. Это—два необходимыхъ момента одного и того же процесса. Устраните мысленно одинъ изъ нихъ, и весь процессъ станетъ невозможнымъ и немыслимымъ [2]).

IV.

Все течетъ, все измѣняется, говорилъ «темный» эфесскій мыслитель. Все течетъ, все измѣняется, повторяли и повторяютъ сторонники діалектическаго метода. Но если все течетъ и все измѣняется, если явленія по-

---

[1]) Замѣтимъ однако, что здѣсь прежде всего пришлось бы считаться съ діалектической природой движенія.

[2]) Гегель давно уже показалъ, какъ несостоятельны ходячія разсужденія на ту тему, что природа скачковъ не дѣлаетъ. „Es hat sich gezeigt,—говоритъ онъ,—dass die Veränderungen des seins überhaupt nicht nur das Uebergehen einer Grösse in eine andere Grösse, sondern Uebergang vom Qualitativen in das Quantitative und umgekehrt sind, ein Anderswerden, des ein Abbrechen des Allmähligen und ein qualitativ Anderes gegen das vorhergeheende Dasein ist". Wissenschaft der Logik, Hegels Werke, III Band, Zweite Auflage, s. 434. Г. П. Струве вообразилъ, что цитаты, такъ неудачно натасканныя имъ изъ различныхъ авторовъ, опровергаютъ эту мысль Гегеля. На самомъ дѣлѣ въ нихъ нѣтъ даже и намека на ея опроверженіе.

стоянно переходятъ одно въ другое, то не всегда легко бываетъ обезпечить границы, отдѣляющія одно явленіе отъ другого. «Мы, напримѣръ,—говоритъ Энгельсъ,—въ обыденной жизни можемъ съ увѣренностью сказать, существуетъ данное животное, или нѣтъ, но при болѣе точномъ изслѣдованіи мы убѣждаемся, что это иногда въ высшей степени запутанный вопросъ, трудности котораго прекрасно извѣстны юристамъ, тщетно пытавшимся открыть раціональную границу, за которой умерщвленіе ребенка во чревѣ матери можно считать убійствомъ. Невозможно тоже точно опредѣлить и моментъ смерти, такъ какъ физіологія показываетъ, что смерть не есть внезапный, мгновенный актъ, а очень медленно совершающійся процессъ. Всякое органическое существо въ каждое данное мгновеніе есть то же, какимъ оно было въ предыдущемъ, и вмѣстѣ не то же. Въ каждое данное мгновеніе оно перерабатываетъ извнѣ получаемую матерію и выдѣляетъ изъ себя другую, однѣ клѣточки его организма вымираютъ, другія вновь нараждаются, такъ что спустя извѣстный періодъ времени матерія даннаго организма вполнѣ обновляется, замѣняется другимъ составомъ атомовъ; вотъ почему каждое органическое существо всегда тоже и, однако, не тоже.»

Г. П. Струве, которому, разумѣется, хорошо знакомы эти соображенія, хочетъ поймать правовѣрныхъ марксистовъ на словѣ. Онъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они ожидаютъ найти пропасть тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ можетъ быть лишь ровный и почти не замѣтный переходъ. Онъ объявляетъ лишенными разумной теоретической основы ихъ толки объ общественномъ переворотѣ, который означалъ бы собою именно рѣзкое—въ дѣйствительности невозможное—разграниченіе двухъ общественныхъ формацій, двухъ способовъ производства.

Но подобными доводами можно сбить съ толку развѣ лишь такого марксиста, который еще не успѣлъ свести въ своемъ міросозерцаніи концы съ концами. Марксистъ, продумавшій основныя положенія своей теоріи, знаетъ, что на самомъ дѣлѣ развитіе совершается вовсе не такъ, какъ хотѣли бы гг. «критики». Если я вижу, что нагрѣваніе превращаетъ ледъ въ воду, а воду въ паръ, то мнѣ нужно сдѣлать много усилій надъ собою, чтобы не замѣтить скачковъ, подготовляемыхъ здѣсь постепеннымъ измѣненіемъ. Конечно, такіе скачки имѣютъ мѣсто не повсюду. Но даже и тамъ, гдѣ ихъ не бываетъ, или тамъ, гдѣ то, что представляется намъ скачкомъ, на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ ряда постепенныхъ, но незамѣтныхъ для насъ переходовъ, даже и въ этихъ случаяхъ мы не рѣдко имѣемъ полную возможность разграничить явленія съ точностью, достаточной для преслѣдуемой нами опредѣленной цѣли. Такъ, хотя смерть и есть болѣе или менѣе медленно совершающійся процессъ, а не внезапный актъ, мы все таки въ огромномъ большинствѣ случаевъ умѣемъ отличать живыхъ отъ мертвыхъ, и если мы видимъ, что Иванъ ударомъ

топора отсѣкаетъ голову Семену, то мы можемъ, не опасаясь ошибки, сказать, что онъ совершаетъ убійство, и что отсѣченіе Ивановой головы топоромъ и есть то дѣйствіе, которое лишаетъ его жизни. То же и въ области соціально-политическихъ явленій. Общественное развитіе совсѣмъ не исключаетъ общественныхъ переворотовъ, которые являются его моментами. Новое общество развивается «въ нѣдрахъ стараго»; но когда наступаетъ время «родовъ», тогда медленный ходъ развитія обрывается и тогда «старый порядокъ» перестаетъ заключать новый въ своихъ «нѣдрахъ» по той простой причинѣ, что онъ исчезаетъ вмѣстѣ со своими «нѣдрами». Это и есть то, что мы называемъ общественнымъ переворотомъ. Если г. П. Струве хочетъ имѣть наглядное представленіе объ общественномъ переворотѣ, то мы еще разъ отсылаемъ его къ великому соціальному перевороту, положившему во Франціи конецъ существованію того самаго «ancien régime», внутри котораго такъ долго развивалось третье сословіе. Г. Струве думаетъ, что капиталистическому порядку не суждено умереть такою быстрою и такою насильственною смертью. Мы не препятствуемъ ему думать, какъ ему угодно. Но мы попросимъ его привести въ защиту своего мнѣнія что нибудь болѣе убѣдительное, нежели его нескладныя и неладныя соображенія о «непрерывности».

Но если эти доводы нашего «критика» несостоятельны въ смыслѣ логики, то они интересны въ психологическомъ отношеніи. И съ этой стороны ихъ интересно сопоставить съ нѣкоторыми доводами г. Э. Бернштейна.

Энгельсъ сказалъ въ своемъ сочиненіи «Людвигъ Фейербахъ», что міръ представляетъ собою совокупность процессовъ, въ которой вещи и ихъ умственные образы, т. е. понятія, находятся въ безпрерывномъ измѣненіи. Г. Э. Бернштейнъ счелъ нужнымъ подвергнуть это положеніе Энгельса своей «критикѣ». Онъ заявилъ, что «въ принципѣ» (prinzipielle) онъ, «конечно», признаетъ это положеніе правильнымъ (sicherlich richtig), но сомнѣвается насчетъ того, въ какой мѣрѣ вѣрна мысль, лежащая въ его основѣ (welche Tragweite dürfen wir dem ihm zu Grunde liegenden Gedanken beilegen) и какъ надо понимать слова: постоянное измѣненіе. Чтобы пояснить, что именно показалось ему сомнительнымъ, г. Бернштейнъ привелъ такой примѣръ: по ученію физіологовъ, составныя части человѣческаго организма постоянно перемѣняются. Въ промежутокъ времени, не превышающій десяти лѣтъ, въ этомъ организмѣ происходитъ полное обновленіе всего вещества. Поэтому можно сказать, что въ каждую данную минуту каждый данный человѣкъ не совсѣмъ тотъ, какимъ онъ былъ въ предыдущую минуту, а по истеченіи нѣкотораго времени онъ въ матеріальномъ отношеніи совершенно перемѣняется. Но, не смотря на это, онъ остается той же самой личностью, какою

былъ и прежде. Правда, онъ старѣетъ и измѣняется. Онъ развивается, но его развитіе опредѣляется свойствами его организма и хотя оно могло бы быть замедлено или ускорено, но оно ни въ какомъ случаѣ не могло бы привести къ тому, чтобы изъ даннаго человѣка получилось существо совсѣмъ другого рода. На этомъ основаніи г. Э. Бернштейнъ думалъ, что, вышеприведенное положеніе Энгельса надо измѣнить такъ: міръ представляетъ собою совокупность готовыхъ вещей и процессовъ. Мы видимъ въ немъ такіе процессы, для завершенія которыхъ нужно менѣе одной секунды, но видимъ также и такіе, для которыхъ необходимы цѣлыя столѣтія или даже тысячелѣтія, и которые съ практической точки зрѣнія могутъ быть названы в ѣ ч н ы м и. Ради нѣкоторыхъ опредѣленныхъ цѣлей изслѣдованія и изложенія не только можно, но и нужно бываетъ иногда отвлеченныя отъ нѣкоторыхъ специфическихъ признаковъ вещей. Но діалектическія формулы,—думаетъ г. Бернштейнъ,—побуждаютъ къ такому отвлеченію даже тамъ, гдѣ оно совсѣмъ недопустимо или же допустимо только въ извѣстныхъ предѣлахъ. И въ этомъ заключается опасность діалектическихъ формулъ.

Мы не хотимъ касаться здѣсь вопроса о томъ, насколько п о п р а в к а, сдѣланная г. Бернштейномъ, п о п р а в л я е т ъ Энгельса. Не будемъ мы также распространяться и о поразительной, чисто институтской наивности «критическихъ» соображеній г. Бернштейна. Главная отличительная черта его, какъ «критика» философскихъ и соціологическихъ основъ марксизма, вообще состоитъ въ непониманіи имъ критикуемаго предмета [1]). Но здѣсь намъ нѣтъ до нея никакого дѣла. Намъ нужно только выяснить себѣ смыслъ упрека, дѣлаемаго г. Бернштейномъ діалектикамъ вообще и марксистамъ въ частности. А этотъ упрекъ сводится къ тому, что они недостаточно считаются со специфическими признаками вещей. Замѣтивъ это, вспомнимъ, въ чемъ упрекаетъ правовѣрныхъ марксистовъ г. П. Струве.

У него выходитъ, что эти люди слишкомъ сосредоточиваютъ свое вниманіе на специфическихъ признакахъ противоположныхъ понятій и измѣняютъ діалектикѣ, забывая о постепенномъ и непрерывномъ развитіи формъ общественной жизни [2]).

Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собою д в а п р я м о п р о т и в о п о л о ж н ы х ъ у п р е к а. По г. Бернштейну, правовѣрные марксисты изъ-за р а з в и т і я не видятъ готовыхъ в е щ е й; по г. П. Струве, они изъ-за рѣзко-очерченныхъ п о н я т і й не видятъ р а з в и т і я. По г. Берн-

---

[1]) Объ его „критическихъ“ подвигахъ см. нашу статью: „Cant противъ Канта или духовное завѣщаніе г. Бернштейна“.

[2]) Archiv, S. 688.

штейну, они слишкомъ вѣрны діалектикѣ; по г. П. Струве, они не достаточно вѣрны ей.

Оба эти упрека вышли изъ одного и того же источника: изъ неправильнаго представленія о діалектикѣ.

Г. Бернштейнъ почему-то думаетъ, что діалектика не считается съ тѣмъ, что Гегель называлъ правами разсудка, т. е. не заботится о точномъ опредѣленіи понятій. Г. П. Струве почему-то вообразилъ, что считаться съ «правами разсудка» значитъ измѣнять діалектикѣ.

На самомъ дѣлѣ, отличительная черта людей, умѣющихъ мыслить діалектически, состоитъ въ томъ, что они свободны какъ отъ того, такъ и отъ другого недостатка: они знаютъ, что развитіе каждой данной «вещи» ведетъ къ ея отрицанію и къ переходу ея въ другую «вещь». Но они также хорошо знаютъ, что этотъ процессъ перехода одной вещи въ другую можетъ быть для насъ понятенъ только тогда, когда мы научимся отличать ихъ одну отъ другой и не давать нашимъ понятіямъ о нихъ сливаться въ одно безразличное цѣлое: вѣдь на самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ именно о возникновеніи различныхъ вещей, а не о постоянномъ измѣненіи одной и той же вещи. Выражаясь словами Гегеля, можно сказать, что остается вѣрнымъ діалектическому методу только тотъ, кто умѣетъ отдавать должное и разуму, и разсудку. Кто забываетъ о правахъ «разума», тотъ становится метафизикомъ; кто упускаетъ изъ виду права «разсудка», тотъ впадаетъ въ скептицизмъ [1])

Кто воображаетъ, что сторонники діалектическаго метода пренебрегаютъ правами «разсудка», тотъ такъ же мало понимаетъ истинную природу этого метода, какъ и тотъ, кто во внимательномъ отношеніи къ названнымъ правамъ видитъ измѣну діалектикѣ. Первый случай есть случай г. Бернштейна, второй—случай г. П. Струве.

А впрочемъ, какое дѣло до всего этого г. Струве и г. Бернштейну? Крайне ошибочно было бы воображать, что такъ называемая критика марксизма стремится удовлетворить какой нибудь серьезной теоретической потребности. До теоріи гг. «критикамъ» въ сущности очень мало дѣла. Имъ нужно побороть или хотя бы только ослабить извѣстную практическую тенденцію. Ихъ «критика» служитъ имъ оружіемъ въ «духовной борьбѣ» съ этой тенденціей, и ихъ аргументы имѣютъ въ ихъ глазахъ цѣну лишь постольку, поскольку они помогаютъ выставлять въ неблагопріятномъ освѣщеніи ненавистное имъ понятіе: переворотъ, скачекъ. Эта прак-

[1]) См. объ этомъ „большую“ энциклопедію Гегеля, параграфъ 81-й и дополненіе къ нему. Ср. также Die Phenomenologie des Geistes, Bamberg und Würzburg 1807, стр. 134 и слѣд. Гегель очень хорошо замѣчаетъ, что „das Etwas ist die erste Negation der Negation» (Werke, III, s. 114).

тическая цѣль оправдываетъ всѣ теоретическія средства. И если одинъ «критикъ» выдвигаетъ противъ правовѣрныхъ марксистовъ такое обвиненіе, которое совершенно несовмѣстимо съ обвиненіемъ, въ то же самое время выдвигаемымъ противъ нихъ другимъ «критикомъ», то тутъ нѣтъ *противорѣчія*, а есть только *разнообразіе въ единствѣ*. Оба «критика» вполнѣ согласны между собою въ томъ, что надобно разрушить Карѳагенъ, т. е. все тотъ же «*скачекъ*». И это обстоятельство дѣлаетъ ихъ *единомышленниками*, создаетъ взаимное сочувствіе между ними. А какой *предлогъ* слѣдуетъ выбрать для разрушенія Карѳагена,—это каждый изъ нихъ рѣшаетъ по своему, ни крошечки не смущаясь тѣмъ, что предлогъ, выбираемый имъ самимъ, лишаетъ всякаго смысла предлоги, выбираемые его союзниками. Не даромъ гг. «критики» возстаютъ противъ «шаблоновъ»!

Въ теоретическомъ отношеніи защищаемая г. П. Струве теорія эволюціи имѣетъ, какъ мы видѣли, тотъ коренной недостатокъ, что въ ней *есть мѣсто только для измѣненія уже возникшихъ вещей, а не для возникновенія новыхъ*. Но на этотъ недостатокъ охотно закрываетъ глаза и самъ г. П. Струве, и вся та ученая и полуученая, крупная и мелкая буржуазія, которая стремится побороть «духовнымъ оружіемъ» стремленія пролетаріата. Консервативный классовой инстинктъ, всегда очень зло подшучивавшій надъ идеологами высшихъ классовъ, подшучиваетъ теперь надъ буржуазными «гносеологами». Онъ заставляетъ ихъ гордиться своими многочисленными и вопіющими теоретическими ошибками, распускать ихъ, какъ павлинъ распускаетъ свой пышный хвостъ, и свысока посматривать на людей, избѣгающихъ такихъ ошибокъ.

V.

Читатель замѣтитъ намъ, пожалуй, что говорить о *консервативномъ инстинктѣ* гг. П. Струве и Э. Бернштейна нельзя потому, что они все-таки выступаютъ рѣшительными сторонниками *соціальной реформы*. Но въ томъ то и дѣло, что рѣшительное отстаиваніе соціальной реформы какъ нельзя лучше уживается въ настоящее время съ *консервативнымъ инстинктомъ буржуазіи*.

Вотъ, напримѣръ, послушайте г. Вернера Зомбарта.

«Мысль, занимавшая въ половинѣ нынѣшняго вѣка самыя свѣтлыя головы, — говоритъ онъ, — мысль о возможности въ близкомъ будущемъ общественнаго производства безъ капиталистическаго предпринимателя, эта мысль въ наши дни живетъ только въ представленіяхъ вымирающей генераціи соціальныхъ фантазеровъ.—Теперь мы знаемъ, что предприниматели могутъ стать излишними только путемъ медленнаго органическаго процесса... Еще на цѣлыя столѣтія хватитъ интенсивной и экстенсивной

работы капитализма... И мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ перспективу еще долго видѣть во главѣ нашего экономическаго прогресса тѣхъ людей, которые и теперь руководятъ общественною жизнью: геніальныхъ предпринимателей, имперскихъ купцовъ, директоровъ крупныхъ акціонерныхъ обществъ, имѣющихъ почти столь же важное значеніе, далѣе— руководителей нашего государственнаго, городского и коммунальнаго хозяйства [1]).

Перспектива видѣть во главѣ экономическаго прогресса имперскихъ купцовъ, директоровъ акціонерныхъ компаній, геніальныхъ предпринимателей и т. п. совершенно неотдѣлима отъ перспективы видѣть всю эту почтенную братію «во главѣ» эксплуататоровъ наемнаго труда. Человѣкъ «съ удовольствіемъ привѣтствующій» одну перспективу, съ удовольствіемъ привѣтствуетъ и другую. Такой человѣкъ, несомнѣнно, стоитъ на точкѣ зрѣнія буржуазіи. Ему дороги ея интересы. Ея инстинктъ самосохраненія говоритъ его устами. И тѣмъ не менѣе онъ горячо защищаетъ... «соціализмъ».

«Но это вовсе не значитъ,—увѣряетъ онъ,—что передъ колоссальной сферой дѣятельности современнаго капитализма должны капитулировать соціалистическіе идеалы: скорѣе наоборотъ, именно на капиталистическомъ пути они получаютъ возможность реализаціи. Это справедливо, какъ въ томъ случаѣ, если мы соціалистическимъ идеаломъ считаемъ планомѣрное управленіе производствомъ и дикими стихійными силами рыночнаго обращенія при помощи союза картелей, такъ и въ томъ случаѣ, когда мы на первый планъ выдвигаемъ защиту интересовъ труда противъ интересовъ собственности. Послѣдній идеалъ достигается путемъ медленнаго преобразованія господствующаго хозяйственнаго порядка; сюда относится фабричное законодательство, государственное страхованіе рабочихъ и вообще всѣ реформы въ законодательствѣ и управленіи, которыя на мѣсто первоначальнаго частно-правового договора о наймѣ ставятъ публично-правовое отношеніе» [2]).

Что такое «интересы собственности», т. е. интересы капиталистической собственности, собственности тѣхъ купцовъ, акціонеровъ и предпринимателей, которымъ г. Вернеръ Зомбартъ съ такимъ удовольствіемъ пророчитъ такое долгое господство? Это интересы эксплуатаціи наемнаго труда. Оградить интересы наемнаго труда противъ интересовъ этой собственности значитъ понизить уровень эксплуатаціи работника капиталистомъ. Спрашивается, понизился ли этотъ уровень, благодаря тѣмъ ре-

---

[1]) „Во что бы то ни стало! Изъ теоріи и исторіи профессіональнаго движенія". Переводъ съ нѣмецкаго, напечатанный въ приложеніи къ русскому переводу книги В. Кулемана: „Профессіональное движеніе", С.-Петербургъ, 1901, стр. 95—96.

[2]) Тамъ же, стр. 96. Курсивъ г. В. Зомбарта.

формамъ въ отношеніяхъ труда къ капиталу, о которыхъ намъ всѣ уши протрубили сторонники теоріи постепеннаго «опорожненія» капитализма? Нѣтъ, до сихъ поръ этого не было! Намъ очень хорошо извѣстно, что,— наоборотъ,—несмотря на всѣ эти реформы, относительная доля рабочаго класса въ общественномъ доходѣ уменьшается во всѣхъ передовыхъ капиталистическихъ странахъ. Но это означаетъ повышеніе уровня эксплуатаціи рабочаго класса и увеличеніе его зависимости отъ капиталистовъ. Стало быть, указанныя реформы не вносятъ ровно никакихъ существенныхъ измѣненій въ капиталистическія отношенія производства и ни мало не ограничиваютъ существенныхъ правъ капиталистической собственности. И если весь возможный теперь «соціализмъ» сводится къ такимъ реформамъ, то ни мало не удивительно, что «соціалистическіе идеалы» лучше всего реализуются на капиталистической основѣ. Передовая промышленная буржуазія капиталистическихъ странъ давно уже поняла, что осуществленіе такихъ «идеаловъ» не только не вредитъ ей, но приноситъ значительную пользу. Вотъ почему она, такъ рѣшительно возставшая прежде противъ государственнаго вмѣшательства въ отношенія труда къ капиталу и противъ профессіональныхъ союзовъ рабочихъ, теперь сама готова требовать такого вмѣшательства и содѣйствовать возникновенію такихъ союзовъ. Она поняла, что, — какъ выражается одинъ изъ буржуазныхъ Пиндаровъ трэдъ-юніонизма, — «въ большой механической мастерской розничная покупка рабочей силы есть безсмыслица и нелѣпость» [1]). И вотъ ея публицисты и ея ученые выступаютъ убѣдительными проповѣдниками «соціализма» этого разбора [2]).

Въ качествѣ ученаго буржуа, очень хорошо знающаго, «гдѣ раки зимуютъ», г. Вернеръ Зомбартъ весьма краснорѣчиво разсуждаетъ о соціализмѣ на капиталистической основѣ. Но замѣтьте читатель, что этотъ соціализмъ и есть та пресловутая «соціальная реформа», которую намъ такъ настойчиво рекомендуютъ и такъ старательно расписываютъ гг. Э. Бернштейнъ, П. Струве e tutti frutti. Мы не

---

[1]) Paul Bureau, le Contrat de Travail, le Rôle des syndicats professionnels, Paris 1902, p. 257.

[2]) Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ самое послѣднее время въ Англіи отношеніе общественнаго мнѣнія буржуазіи къ трэдъ-юніонамъ начинаетъ рѣзко измѣняться. Теперь почти каждый номеръ „Justice“ приноситъ намъ нѣсколько новыхъ извѣстій о ходѣ „войны“ съ трэдъ-юніонами (The war on Trade Unions). Англійская буржуазія какъ будто возвращается къ той мысли, что трэдъ-юніоны мѣшаютъ ей успѣшно конкуррировать съ другими странами на всемірномъ рынкѣ. Если эта „война съ трэдъ-юніонами“ не прекратится въ скоромъ времени, то „соціализмъ“ англійской буржуазіи отойдетъ въ область преданія, показавъ, что даже и онъ, при всей своей безобидности, могъ уживаться съ капитализмомъ лишь до поры до времени, лишь до извѣстнаго предѣла.

скажемъ, что «соціалистическіе идеалы» г. В. Зомбарта вполнѣ покрываютъ собою соціаль-реформаторскіе планы нашихъ «критиковъ». Возможно, что кое въ чемъ они и разойдутся между собою. Но мы съ увѣренностью утверждаемъ, что «соціализмъ» г. В. Зомбарта отличается отъ «соціальной реформы» г. П. Струве никакъ не больше, чѣмъ отличается одна отъ другой двѣ разновидности одного и того же вида. Это варіація на одну и ту же тему. И именно поэтому г. П. Струве такъ превозноситъ г. В. Зомбарта, а г. В. Зомбартъ возлагаетъ такія большія надежды на «неомарксизмъ» г. П. Струве[1]). Рыбакъ рыбака видитъ издалека. И оба рыбака руководствуются однимъ и тѣмъ же классовымъ инстинктомъ.

Въ своей извѣстной книгѣ г. Бердяевъ прекрасно выражаетъ то представленіе о постепенномъ реформированіи капиталистическаго общества, которое свойственно гг. «критикамъ» à la П. Струве. «Поправки, создаваемыя самимъ капиталистическимъ развитіемъ,—говоритъ онъ,—до тѣхъ поръ будутъ штопать дыры существующаго общества, пока вся общественная ткань не сдѣлается сплошь новой» [2]). Лучше выразиться невозможно. Бѣда только въ томъ, что удачно выразить данное представленіе еще не значитъ устранить изъ него элементы ошибки. Возникновеніе новой «общественной ткани», какъ слѣдствіе усиленнаго штопанья старой, есть единственный, признаваемый гг. «критиками» случай перехода количества въ качество. Но это сомнительный случай. Если я штопаю чулки, то они останутся чулками и не превратятся въ перчатки даже въ томъ крайнемъ случаѣ, когда вся ихъ «ткань» подвергнется сплошному обновленію. Тоже и со штопаньемъ дыръ капиталистическаго общества. Капиталистическій способъ производства утвердился благодаря устраненію феодально-цехового строя, а не благодаря его заштопыванью. И совершенно непонятно, какимъ образомъ и почему штопанье капиталистической «ткани» можетъ и должно привести (хотя бы и путемъ самого медленнаго измѣненія) къ устраненію капиталистическихъ отношеній производства и къ замѣнѣ ихъ совершенно другими отношеніями. Употребляемое г. Бердяевымъ образное выраженіе лишь съ большею яркостью оттѣнило несостоятельность защищаемой гг. «критиками» теоріи эволюціи. Мы уже видѣли, что она можетъ объяснять только измѣненіе уже существующихъ «вещей», а не возникновеніе новыхъ. Теперь мы съ ясностью видимъ, что она способна служить теоретическимъ руководствомъ только для тѣхъ,

---

[1]) См. третье изданіе его сочиненія: „Sozialismus und soziale Bewegung im 19 Jharhundert“, Jena 1900, s. 126—127.

[2]) Субъективизмъ и индивидуализмъ, стр. 266.

чьи «идеалы» не идутъ дальше «непрерывнаго» штопанья дыръ капиталистическаго общества. Тѣмъ же, которые стремятся къ изданію новаго общественнаго порядка, она, какъ говорится, совсѣмъ никъ чему. Это именно теорія буржуазной соціальной реформы, выставленная противъ теоріи, приводящей къ совершенно инымъ выводамъ, «идеаламъ» и,—это самое главное,—практическимъ задачамъ.

«Непрерывно» штопать старье и столь же «непрерывно» воображать при этомъ, что заштопываемое старье «непрерывно превращается въ нѣчто совсѣмъ новое, это значить «непрерывно» вѣрить въ такое чудо, которое открыто и «непрерывно» насмѣхается надъ всѣми законами человѣческаго мышленія. И такую то вѣру, являющуюся въ теоретическомъ отношеніи настоящимъ противо-естественнымъ порокомъ, превозносятъ теперь на счетъ якобы утопизма правовѣрныхъ марксистовъ! О, «критики»!

На самомъ дѣлѣ утопистами являются не правовѣрные марксисты, а именно теоретики «штопанья». Но утопія этихъ теоретиковъ есть утопія совсѣмъ особаго, новаго свойства. Въ исторіи соціальныхъ ученій такой еще никогда не бывало. Вѣра въ чудодѣйственную силу «штопанья» мирно уживается въ головахъ гг. «критиковъ» съ той несокрушимой и непреоборимой «трезвенностью», которая благоразумно довольствуется отраднымъ сознаніемъ того, что—какъ выражается гдѣ-то Г. И. Успенскій,—въ будущемъ историческомъ періодѣ почтовыя марки станутъ дешевле на цѣлую копѣйку. Мало того. Эта утопія такъ же немыслима безъ этой трезвенности, какъ «низъ» немыслимъ безъ «верха», а положительный полюсъ безъ отрицательнаго. Мѣщанскій трезвенный «интеллектъ» теоретиковъ штопанья «не терпитъ» другихъ «скачковъ», кромѣ удешевленія почтовыхъ марокъ во всемъ отдаленномъ будущемъ. И они безусловно повинуются голосу своего интеллекта во всемъ, что касается практической дѣятельности. На приктикѣ ими начата эпоха того сознательнаго оппортюнизма, который тѣмъ болѣе доволенъ собою, чѣмъ полнѣе и удобнѣе его требованія укладываются въ схему «штопанья». Но чѣмъ болѣе ими овладѣваетъ гордое сознаніе своей трезвенности, тѣмъ непоколебимѣе становится ихъ убѣжденіе въ томъ, что имъ позволительно побаловать себя мечтою. И вотъ они благодушно разрѣшаютъ себѣ повѣрить, что заплата, помноженная на заплату, даетъ новую «общественную ткань», а удешевленіе почтовыхъ марокъ будетъ знаменовать собою наступленіе золотого вѣка. Но и вѣра у гг. «критиковъ» не похожа на вульгарную, слѣпую вѣру обыкновенныхъ смертныхъ. Она насквозь проникнута невѣріемъ, такъ какъ гг. «критики» вѣрятъ въ то, что они же сами объявляютъ теоретически—несостоятельнымъ. Это—вѣра, на которую

способны только кантіанцы. Психологія такихъ «вѣрующихъ» людей нѣсколько напоминаетъ психологію гоголевскаго Подколесина. Этотъ персонажъ въ глубинѣ души прекрасно знаетъ, что у него нѣтъ ни малѣйшей охоты жениться и что онъ никогда не женится. Его нерасположенія къ брачнымъ узамъ не пересилятъ никакіе Кочкаревы. Но это не мѣшаетъ ему говорить: «Вотъ какъ начнешь этакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно надо жениться! Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится... Право самому какъ-то становится совѣстно»... Разница только въ томъ, что Подколесинъ не имѣетъ того «критическаго» образованія, какимъ отличаются гг. реформаторы новой школы. Подъ вліяніемъ собственныхъ рѣчей Подколесинъ хоть иногда, хоть на короткое время становится «женихомъ». А гг. «критики» рѣшительно не идутъ дальше «штопанья», такъ какъ ихъ рѣшительно никогда не покидаетъ та мысль, что обновленіе общественной ткани есть утопія. Если гг. «критики» не насмѣхаются надъ своими читателями, не осѣненнымъ «критической» благодатью; если они дѣйствительно вѣрятъ въ то, во что, по ихъ же словамъ, вѣрить невозможно, то мы имѣемъ передъ собой чрезвычайно интересный случай «двойного сознанія».

«Каждый соціалистъ,—пишетъ г. П. Струве,—исходитъ изъ соціализма, какъ изъ нравственно-политическаго идеала, соціализмъ есть для него регулятивная идея, съ помощью которой онъ подвергаетъ нравственно-политической оцѣнкѣ и измѣренію отдѣльныя событія и дѣйствія. И не иначе обстоитъ дѣло съ цѣлымъ классомъ, который, будучи организованъ въ партію, выступаетъ... какъ единый нравственно-политическій субъектъ. Соціаль-демократическое движеніе должно подчиниться въ идеалѣ конечной цѣли—иначе оно разложится. Вѣра въ конечную цѣль есть религія соціалъ-демократіи, и эта религія—вовсе не «частное дѣло», а важнѣйшій общественный интересъ партіи» [1])

И это при томъ теоретическомъ сознаніи, что «конечная цѣль»—утопія! Нѣтъ, что ни говорите, а такая «религія», невозможна безъ «двойного сознанія». Но мы находимся въ здравомъ умѣ и въ твердой памяти; мы «двойнымъ сознаніемъ» не страдаемъ, и намъ нѣтъ ни малѣйшей нужды въ «религіи» г. П. Струве. Мы очень благодарны ему за его «регулятивную идею», но и ея намъ не требуется. Мы говоримъ о своей конечной цѣли не потому, что мы считаемъ ее «насъ возвышающимъ обманомъ», а потому что мы твердо убѣждены въ ея осуществленія. Завѣдомо несбыточный идеалъ для насъ не идеалъ, а просто безнравственные пустяки. Нашъ идеалъ, это—дѣйствительность будущаго. За его

[1]) Archiv, S. 698—699.

осуществленіе ручается намъ весь ходъ современнаго общественнаго развитія и вотъ почему наша увѣренность въ его будущемъ осуществленіи имѣетъ въ нашихъ глазахъ такъ же мало родственнаго съ «религіей», какъ и общая намъ съ «критиками» увѣренность въ томъ, что солнце, «сѣвшее» сегодня, не полѣнится «взойти» завтра. Это вопросъ болѣе или менѣе безошибочнаго знанія, а вовсе не болѣе или менѣе твердой вѣры.

VI.

Но почему нашъ «критикъ» такъ сильно убѣжденъ въ томъ, что наша «конечная цѣль» можетъ быть для насъ только предметомъ «вѣры»? Почему онъ намъ разрѣшаетъ говорить о ней только въ виду нашего «божественнаго права» на порядочный кусокъ утопіи? Потому что, говоря о ней, мы покидаемъ почву реализма.

А что такое реализмъ? Это марксизмъ, пересмотрѣнный, исправленный, очищенный и дополненный г. П. Струве.

«Изложенное въ этой статьѣ реалистическое воззрѣніе также основывается на идеяхъ Маркса и особенно на коренномъ положеніи историческаго матеріализма о постоянно совершающемся приспособленіи права къ экономіи, какъ и нереалистическое воззрѣніе, оперирующее съ теоретическимъ псевдо-понятіемъ: общественный переворотъ. Марксъ противъ Маркса» [1]).

Въ первой изъ статей, посвященныхъ нами критикѣ нашихъ «критиковъ», мы показали, какъ уродливо-плохо понялъ г. П. Струве «коренное положеніе» историческаго матеріализма о причинной зависимости между экономіей и правомъ. Кто внимательно прочиталъ эту статью, тотъ знаетъ, что «реалистическое воззрѣніе» г. «критика» основывается на «коренномъ» недоразумѣніи. А кто знаетъ это, тотъ понимаетъ, чего можно ожидать отъ «реалистической» критики нашей «конечной цѣли». Но не мѣшаетъ подвергнуть и эту критику подробной и внимательной критикѣ.

Г. П. Струве неправильно называетъ ученіе Маркса объ отношеніи экономіи къ праву кореннымъ положеніемъ историческаго матеріализма. На самомъ дѣлѣ оно является лишь однимъ изъ коренныхъ положеній этой теоріи. Рядомъ съ нимъ надо поставить ученіе Маркса объ отношеніи экономіи ко взглядамъ и чувствамъ людей и къ тѣмъ цѣлямъ, которыми задаются люди въ своемъ историческомъ движеніи.

Почему нѣкоторыя изъ этихъ цѣлей представляются намъ утопи-

[1]) Archiw, S. 690,

ческими? Въ чемъ, вообще, заключается критерій «реальности»? Послушаемъ г. П. Струве.

«Движеніе есть историческій Prius, — говоритъ онъ. — Соціализмъ всегда обладаетъ реальностью въ той мѣрѣ, въ какой онъ заключается въ движеніи, порождаемомъ «современнымъ хозяйственнымъ порядкомъ,—не болѣе и не менѣе» [1]).

Соціализмъ заключается въ движеніи, порождаемомъ современнымъ хозяйственнымъ порядкомъ. И поскольку онъ заключается въ немъ, постольку онъ «реаленъ». Хорошо. Но какимъ же образомъ соціализмъ заключается въ указанномъ движеніи? Это можно понимать двоякимъ образомъ: 1) или соціализмъ заключается въ немъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ заключается во взглядахъ и въ чувствахъ участниковъ движенія; 2) или онъ заключается въ немъ въ той мѣрѣ, въ какой участникамъ движенія удается въ данное время передѣлать окружающую ихъ дѣйствительность сообразно ихъ взглядамъ и ихъ чувствамъ. Если мы примемъ первое толкованіе, то мы придемъ къ тому выводу, что соціализмъ «реаленъ» постольку, поскольку къ нему стремятся участники движенія, порождаемаго нынѣшнимъ историческимъ порядкомъ, т. е. именно въ той мѣрѣ, въ какой онъ является ихъ «конечной цѣлью». Это совершенно логичный выводъ. Но онъ лишаетъ нашихъ «критиковъ» всякаго подобія права называть утопіей нашу конечную цѣль: вѣдь стремленіе къ этой цѣли несомнѣнно окрашиваетъ собою взгляды и чувства огромной части людей, примыкающихъ теперь къ «движенію, порождаемому» и т. д.

А къ какому выводу приводитъ насъ второе толкованіе? Къ тому, что соціализмъ реаленъ настолько, насколько онъ можетъ быть осуществленъ въ настоящій моментъ, т. е. именно въ то время, когда мы съ вами, читатель, разсуждаемъ объ его реальности: «не болѣе и не менѣе». Все, что не можетъ быть осуществлено за это время, оказывается утопіей. Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ къ области утопіи приходится отнести не только нашу конечную цѣль, но и всѣ тѣ ея цѣли, которыя не могутъ быть осуществлены ея нынѣшними силами. Такимъ образомъ, область утопіи расширяется чрезвычайно сильно, а область «реалистической» дѣятельности, наоборотъ, чрезвычайно сильно съуживается. Болѣе того, утопистомъ выходитъ у насъ всякій общественный дѣятель, ставящій себѣ какую бы то ни было другую цѣль, кромѣ цѣли быть беззаботнымъ на счетъ какихъ бы то ни было другихъ цѣлей. Всякая другая цѣль непремѣнно пріурочивается къ будущему; всякая другая цѣль неизбѣжно предполагаетъ недовольство настоящимъ и,

[1]) Archiw, S, 698.

слѣдовательно, уже тотъ фактъ, что ее ставитъ себѣ данный индивидуумъ, ясно показываетъ, что этотъ индивидуумъ не удовлетворяется тѣмъ, что происходитъ въ настоящее время, благодаря существующему теперь соотношенію общественныхъ силъ; всякая другая цѣль означаетъ желаніе измѣнить это соотношеніе въ ту или другую сторону; всякая другая цѣль выходитъ, такимъ образомъ, изъ границъ «реальности». Это тоже вполнѣ логичный выводъ. Но его не дѣлаютъ г. П. Струве и его «критическіе» единомышленники. Хотя они придерживаются именно того взгляда на «коренное» условіе «реальности», изъ котораго этотъ выводъ неизбѣжно вытекаетъ, но они не додумываютъ своей мысли до конца; они останавливаются на полъ-дорогѣ и признаютъ «реальнымъ» тотъ «идеалъ», который, хотя и не довольствуется существующимъ порядкомъ вещей, но въ своихъ «реформаторскихъ» стремленіяхъ не отваживается идти дальше «штопанья дыръ». При этомъ, утопическими естественно оказываются всѣ тѣ задачи, для рѣшенія которыхъ необходимо устранить капиталистическія отношенія производства.

Теперь, когда мы узнали, въ чемъ состоитъ искомый нами критерій «реальности», у насъ возникаетъ другой и еще болѣе «проклятый» вопросъ о томъ, можно ли согласить этотъ критерій съ подлиннымъ— не искаженнымъ «критикой»—ученіемъ Маркса о цѣляхъ въ историческомъ движеніи человѣчества.

На этотъ вопросъ мы принуждены отвѣтить отрицательно. Г. П. Струве преподноситъ намъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, ту мнимореалистическую путаницу понятій, которая наиболѣе яркимъ образомъ выразилась въ печальной памяти «Credo» и которая сводится къ повторенію на разные лады (но всегда «съ ученымъ видомъ знатока») той мысли, что наша конечная цѣль перестанетъ быть утопіей только тогда, точнѣе только въ томъ случаѣ, если—весь рабочій классъ, процессомъ самобытнаго развитія, безъ всякаго участія въ этомъ процессѣ интеллигентной «бациллы», будетъ приведенъ къ тому убѣжденію, что его интересы требуютъ немедленнаго осуществленія этой цѣли.

Эта путаница понятій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сбившая у насъ довольно многихъ, могла бы быть принята за злѣйшую пародію на знаменитое предисловіе къ «Zur Kritik der politischen Oekonomie», если бы люди, ей предающіеся, не сохраняли самой невозмутимой и самой неподдѣльной серьезности.

VII.

Источникомъ ихъ заблужденія послужило слѣдующее мѣсто изъ упомянутаго предисловія: «Ни одна общественная формація не погибаетъ

раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія производительныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія въ нѣдрахъ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуютъ уже матеріальныя условія, необходимыя для ея разрѣшенія или когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія».

Человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно можетъ разрѣшить. Слѣдовательно, если оно еще не поставило себѣ той или другой задачи,—скажемъ задачи полнаго устраненія капиталистическихъ отношеній производства,—то значитъ эта задача еще не можетъ быть разрѣшена. Ну, а стремиться къ разрѣшенію задачъ, неразрѣшимыхъ для настоящаго времени, можетъ только тотъ, кто покидаетъ р е а л ь н у ю почву и пускается въ область у т о п і и.

Такъ разсуждаютъ многіе «критики», а разъ утвердившись на этой точкѣ зрѣнія, они ужъ безъ большого труда отдѣляютъ въ данныхъ «идеалахъ» «реалистическій» элементъ отъ «утопическаго». Представителемъ передовыхъ стремленій современнаго человѣчества въ дѣлѣ преобразованія экономическихъ отношеній является теперь, какъ извѣстно, рабочій классъ. Въ чемъ же состоятъ тѣ практическія задачи, рѣшеніемъ которыхъ занятъ онъ въ настоящее время? Онѣ состоятъ въ сокращеніи рабочаго дня, въ улучшеніи санитарныхъ условій труда, въ организаціи профессіональныхъ союзовъ, кооперативныхъ товариществъ и т. д. и т. д. Устраненіе капиталистическихъ производственныхъ отношеній еще не занесено пролетаріатомъ въ число п р а к т и ч е с к и х ъ вопросовъ дня. Это именно и показываетъ, что еще не готовы матеріальныя условія, необходимыя для рѣшенія этой задачи.

Правда, въ пролетаріатѣ есть слой, стремящійся къ обобществленію средствъ производства и обращенія продуктовъ и ставящій его во главу всей своей программы. Этотъ слой надѣется увлечь за собою в е с ь пролетаріатъ. Можетъ быть, эта надежда когда-нибудь и осуществится, но пока она не осуществилась, обобществленіе средствъ производства и обращеніе продуктовъ останется у т о п и ч е с к и м ъ элементомъ программы. Реальны только тѣ задачи, для рѣшенія которыхъ у ж е имѣются средства.

Особенность этой цѣпи силлогизмовъ составляетъ ея м е т а ф и з и ч е с к і й х а р а к т е р ъ. Люди, ее придумавшіе, мыслятъ такъ, какъ мыслятъ всѣ метафизики: «да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго». У нихъ матеріальныя условія рѣшенія данной общественной задачи, и л и существуютъ и л и н е существуютъ. Слова Маркса о томъ, что эти усло-

вія могутъ находиться въ процессѣ своего возникновенія, не производятъ на нихъ никакого впечатлѣнія или, по крайней мѣрѣ, нисколько не помогаютъ имъ опредѣлить, гдѣ кончается «реальность» и гдѣ начинается «утопія».

Процессъ возникновенія матеріальныхъ условій, необходимыхъ для рѣшенія данной общественной задачи, не можетъ быть подмѣченъ одновременно всѣмъ тѣмъ «человѣчествомъ», которому современемъ придется рѣшать эту задачу. Это «человѣчество» состоитъ изъ слоевъ и изъ отдѣльныхъ лицъ, отличающихся неодинаковой степенью развитія (слои) или даже неодинаковыми природными дарованіями (отдѣльныя лица). То, что уже понято одними, какъ историческая необходимость, часто еще даже и не подозрѣвается другими. Въ группѣ людей, идущихъ по одной дорогѣ, почти всегда найдутся дальнозоркіе, видящіе предметы на большомъ разстояніи, и близорукіе, различающіе эти самые предметы только вблизи. Значитъ ли это, что дальнозоркихъ надо отнести къ «утопистамъ», а «реалистами» можно признать только близорукихъ? Кажется, что—не значитъ. Кажется, что дальнозоркіе лучше другихъ различаютъ направленіе общаго пути, и что, поэтому, ихъ сужденіе о немъ ближе къ дѣйствительности, чѣмъ сужденіе близорукихъ. Иные захотятъ, можетъ быть, упрекнуть дальнозоркихъ въ томъ, что они слишкомъ рано поднимаютъ разговоръ о тѣхъ предметахъ, мимо которыхъ придется современемъ проходить всей компаніи. Но, во-первыхъ, слишкомъ рано заговорить о реальномъ предметѣ еще не значитъ покинуть реальную почву. А кромѣ того, какъ судить о томъ, время или не время поднимать тотъ или иной разговоръ? Представьте себѣ, что чѣмъ раньше дальнозоркіе люди заговорятъ, положимъ, о томъ домѣ, который стоитъ на пути и въ которомъ путниковъ ожидаетъ необходимый имъ отдыхъ, тѣмъ скорѣе они къ нему приблизятся, потому что тѣмъ болѣе они станутъ торопиться. Въ такомъ случаѣ, дальнозоркіе не могутъ заговорить слишкомъ рано, если только путники хоть немножко дорожатъ своимъ временемъ.

Въ этомъ смыслѣ Марксъ и Энгельсъ высказались еще въ началѣ 1848 г. въ одномъ изъ своихъ произведеній. И то, что они сказали тамъ, вполнѣ примѣнимо къ передовымъ дѣятелямъ нашего времени. Эти люди борются за ближайшія цѣли рабочаго класса, но они отстаиваютъ также и будущность движенія. Отстаивать будущность движенія—это и значитъ бороться за его «конечную цѣль» и бороться именно теперь,—сегодня, завтра, послѣзавтра, въ каждую данную минуту. Если будущность движенія понята правильно, а ее правильно понимаютъ тѣ, которые съумѣли выяснить себѣ ходъ современнаго экономическаго развитія, то въ отстаиваніи конечной цѣли нѣтъ рѣшительно ни одного атома утопіи. Говорить объ утопіи въ этомъ случаѣ, значитъ придавать словамъ совершенно про-

извольный смыслъ. «Конечная цѣль» здѣсь также «реальна», какъ реально современное экономическое развитіе.

Люди, о которыхъ мы говоримъ, на практикѣ представляютъ собою самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть пролетаріата всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Они относятся къ остальной части производителей почти такъ, какъ дальнозоркіе относятся въ нашемъ примѣрѣ къ близорукимъ [1]). Они уже видятъ то, чего еще не видятъ другіе производители, и, разъясняя имъ, куда имъ предстоитъ направиться въ будущемъ, она осмысливаетъ ихъ движеніе и ускоряетъ его. Скажите, ради Бога, гдѣ же здѣсь «утопія»? И почему это не «реально»?

Тотъ фактъ, что есть люди, разъясняющіе классу производителей будущность его собственнаго движенія, его «конечную цѣль»,—доказываетъ, что матеріальныя условія, необходимыя для достиженія этой цѣли, уже находятся въ процессѣ своего возникновенія и что этотъ процессъ уже можетъ быть замѣченъ болѣе зоркими глазами. Такъ представляется дѣло съ точки зрѣнія исторической теоріи Маркса. А наши «критики» поняли эту теорію такъ нелѣпо, что у нихъ оказывается утопіей всякая попытка людей, обладающихъ острымъ зрѣніемъ, приглядѣться къ названному процессу и опредѣлить его послѣдній результатъ. Ахъ, господа, господа, слона-то вы и не замѣтили!

VIII.

А можетъ быть гг. «критики» à la Струве все таки еще не сообразили, въ какомъ именно мѣстѣ они «даютъ ошибку»? Побесѣдуемъ еще немного съ этими догадливыми «реалистами». Будемъ держаться того элементарнаго, но иногда совершенно неизбѣжнаго педагогическаго пріема, который такъ часто и съ такимъ успѣхомъ практиковалъ великій русскій просвѣтитель Н. Г. Чернышевскій. Станемъ объяснять по складамъ: буки-азъ—ба, буки-аз—ба,—баба и т. д.

Экономическія отношенія опредѣляютъ собою взгляды людей и ихъ дѣйствія. Но люди не всегда понимаютъ характеръ своихъ собственныхъ экономическихъ отношеній, и не всегда ихъ взгляды развиваются такъ же быстро, какъ совершается развитіе ихъ экономическихъ отношеній. Чаще бываетъ такъ, что взгляды болѣе или менѣе значительно отстаютъ въ своемъ развитіи отъ экономики. Новыя экономическія отношенія лишь съ теченіемъ времени, лишь мало по малу расшатываютъ старые взгляды и порождаютъ новые. Причина

[1]) Съ тою разницей, что между тѣмъ какъ дальнозоркіе на близкомъ разстояніи видятъ хуже близорукихъ, а люди, о которыхъ мы говоримъ, даже и ближайшіе интересы рабочихъ понимаютъ обыкновенно лучше, чѣмъ люди, не признающіе «конечной цѣли».

возникаетъ раньше своего слѣдствія. Благодаря этому безпорному обстоятельству, лица или группы лицъ, одаренныя проницательностью, получаютъ возможность принимать дѣятельное участіе въ поступательномъ движеніи человѣчества. Понявъ смыслъ существующихъ экономическихъ отношеній, они выясняютъ его другимъ, менѣе проницательнымъ, и тѣмъ вліяютъ на ихъ взгляды, а черезъ посредство ихъ взглядовъ и на ихъ дѣйствія, которыя въ свою очередь способствуютъ дальнѣйшему развитію даннаго экономическаго порядка [1]). Но все течетъ, все измѣняется. Понять то, что измѣняется, значитъ выяснить себѣ, къ чему придетъ оно на послѣдней ступени своего развитія. Иначе нѣтъ полнаго пониманія, какъ это извѣстно еще со временъ Аристотеля. Стремленіе опредѣлить послѣднюю стадію, окончательный исходъ даннаго процесса развитія не только вполнѣ законно, но прямо обязательно для всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ придти къ его пониманію. Поэтому люди, желающіе понять экономическія отношенія современныхъ цивилизованныхъ обществъ, должны употребить всѣ силы своего разума на то, чтобы узнать, куда идетъ развитіе этихъ отношеній и чѣмъ закончится процессъ ихъ развитія. Если эти люди убѣдились въ томъ, что онъ закончится устраненіемъ капиталистическихъ отношеній производства, и если они, по своимъ симпатіямъ или по своему классовому положенію, имѣютъ основаніе радоваться такому исходу, то они станутъ указывать на него другимъ и будутъ побуждать ихъ содѣйствовать ему всѣми средствами. Онъ сдѣлается конечной цѣлью всѣхъ ихъ усилій, онъ ляжетъ въ основу всей ихъ программы. И если они не заблуждаются на его счетъ, если «ходъ вещей» въ самомъ дѣлѣ направляется въ сторону ихъ конечной цѣли, то они могутъ смѣло сказать, что подъ ними есть твердая реальная почва, и что утописты не они, а всѣ тѣ, которые считаютъ утопіей ихъ конечную цѣль.

Конечная цѣль передовыхъ общественныхъ дѣятелей нашего времени представляетъ собою не болѣе, какъ сознательное выраженіе безсознательной тенденціи, свойственной развитію нынѣшняго общества. Ихъ «идеалъ» только потому имѣетъ право называться научнымъ, что они рѣшили, наконецъ, ту въ высшей степени важную теоретическую задачу, которую еще Шеллингъ ставилъ общественной наукѣ въ своемъ,—столь богатомъ содержаніемъ,—сочиненіи «System des transcendentalen Idealismus»: объяснить, какимъ образомъ сознательная («свободная») дѣятельность людей въ исторіи не только не исключаетъ того, что называется исторической необходимостью, но предполагаетъ ее, какъ свое не-

[1]) Въ дѣйствительности, историческій процессъ выясненія и измѣненія взглядовъ людей не ограничивается выясненіемъ и измѣненіемъ однихъ только экономическихъ взглядовъ. Но мы упростили ходъ дѣла для болѣе нагляднаго его изображенія.

обходимое условіе. Утописты исходили изъ того или другого отвлеченнаго принципа и опирались на его силу. Передовые общественные дѣятели нашего времени исходятъ изъ сознанія исторической необходимости и опираются на ея силу. «Конечная цѣль» есть у однихъ, какъ была она и у другихъ; но «конечная цѣль» утопистовъ относилась къ дѣйствительности совсѣмъ иначе, чѣмъ относится къ ней «конечная цѣль» указанныхъ дѣятелей. Вотъ почему между тѣми и другими лежитъ цѣлая пропасть. И вотъ почему названнымъ дѣятелямъ такъ трудно помириться съ утопическими элементами, нерѣдко и теперь еще встрѣчающимися въ программахъ дѣятелей «широкаго» образа мыслей. Они не выносятъ утопіи, а ихъ величаютъ за это сектантами, догматиками и прочими ласкательными прозвищами.

Чтобы вліять на историческое движеніе, надо понять существующій экономическій порядокъ. Понять существующій экономическій порядокъ значитъ выяснить себѣ процессъ его развитія, вплоть до его окончательнаго исхода включительно. Будучи выясненъ, этотъ исходъ неизбѣжно становится нашей «конечной цѣлью» при первой же нашей попыткѣ положительнаго участія въ историческомъ движеніи. Выталкивайте «конечную цѣль» въ дверь, она ворвется въ окно, если только вы не закроете окна ставнями, преграждающими доступъ всякому поползновенію понять данный процессъ общественнаго развитія и всякому искушенію дѣйствовать сообразно съ достигнутымъ вами пониманіемъ.

Для того, чтобы «конечная цѣль» стала для меня болѣе или менѣе благочестивой утопіей, неосуществимость которой ясна для меня при свѣтѣ сознанія, необходимо, чтобы я предварительно убѣдилъ себя въ томъ, что никакого окончательнаго исхода развитіе нынѣшняго экономическаго порядка имѣть не будетъ и не можетъ по самому своему существу. Разъ такой исходъ признанъ невозможнымъ, то тѣмъ самымъ признано теоретически несостоятельнымъ и стремленіе расположить всю свою дѣятельность такъ, чтобы она ускоряла его приближеніе. Невозможность окончательнаго исхода лишаетъ «конечную цѣль» реальной основы. Но что же означаетъ собою это признаніе невозможности окончательнаго исхода? Оно означаетъ убѣжденіе въ томъ, что процессъ развитія капитализма будетъ продолжаться постоянно, т. е., другими словами, что капитализмъ будетъ существовать всегда, или, по крайней мѣрѣ, такъ необозримо долго, что незачѣмъ и задумываться объ его устраненіи. Это, какъ видите, есть уже извѣстное намъ убѣжденіе г. В. Зомбарта, сообщившаго намъ ту великую и отрадную новость, что соціализмъ не исключаетъ капитализма, т. е., что даже развитіе соціализма не положитъ конца капиталистическому способу производства. Это

есть также убѣжденіе г. П. Струве и другихъ «критиковъ» [1]). Разъ у человѣка возникло такое убѣжденіе, ему въ самомъ дѣлѣ не остается ничего другого, какъ положить «конечную цѣль» на божницу благочестивыхъ утопій и признать штопанье дыръ единственной общественной дѣятельностью, имѣющей подъ собою реальную почву. Но вѣдь это значитъ, что «конечная цѣль» дѣлается утопіей только тогда, когда человѣкъ добровольно поворачивается къ ней спиной.

IX.

Г. П. Струве самъ чувствуетъ, что убѣжденіе въ практически безконечной прочности и «приспособляемости» капиталистическаго способа производства является необходимымъ предварительнымъ условіемъ того отношенія къ «конечной цѣли», которое онъ рекомендовалъ, какъ единственное достойное мыслящаго человѣка. Именно для того, чтобы вселить въ насъ это убѣжденіе, онъ и принялся «критиковать» понятіе: общественный переворотъ съ помощью тѣхъ глубокихъ «гносеологическихъ» соображеній, которыя должны были обнаружить предъ нами полную несостоятельность этого «псевдопонятія», и которыя превосходно резюмируются въ знаменитомъ вопросѣ Козьмы Пруткова: «Гдѣ начало того конца, которымъ оканчивается начало?» А для того, чтобы подготовить насъ къ принятію указаннаго убѣжденія, онъ сталъ увѣрять насъ въ томъ, что общественныя противорѣчія постепенно «притупляются» и что если мы взглянемъ на дѣло безъ предразсудковъ, привитыхъ намъ правовѣрнымъ марксизмомъ, то сами увидимъ, что прибавочная стоимость, воплощенная въ прибавочномъ продуктѣ есть функція всего общественнаго капитала [2]). При столь «реалистическомъ воззрѣніи» понятіе объ эксплуатаціи капиталистомъ работника облекается такимъ густымъ туманомъ «критики», что мы совсѣмъ перестаемъ понимать, зачѣмъ же и кому же,—кромѣ «утопистовъ», «эпигоновъ», «догматиковъ» и т. д.,—нужно устраненіе капиталистическихъ отношеній производства, и тогда вопросъ о «конечной цѣли» рѣшается самъ собою: въ лучшемъ случаѣ мы третируемъ эту цѣль какъ «насъ возвышающій обманъ». «Критика» г. П. Струве полна ошибокъ и недоразумѣній. Но она имѣетъ то несом-

---

[1]) «Единственное, что позволяютъ намъ утверждать данныя науки,—увѣряетъ г. С. Булгаковъ,—это то, что настоящее экономическое развитіе ведетъ къ постепенному отмиранію самыхъ тяжелыхъ и грубыхъ формъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ». «Капитализмъ и земледѣліе», т. II, стр. 456.

[2]) Эта послѣдняя мысль высказана была въ статьѣ «Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности», Жизнь, февраль 1900 г.

нѣнное достоинство, что она отъ начала до конца остается вѣрной своей собственной «конечной цѣли».

Господа, придерживающіеся «реалистическаго воззрѣнія» г. П. Струве,—а имъ у насъ имя легіонъ,—безпрестанно говорятъ о «критикѣ». Безъ «критики» они не дѣлаютъ ни одного шагу, «критическій» демонъ искушаетъ ихъ денно и нощно. Но очень страннымъ представляется на первый, невнимательный взглядъ, что та критика, которой предаются наши «критики», чрезвычайно предрасполагаетъ ихъ къ совершенно некритическому усвоенію ученій новѣйшихъ представителей буржуазной экономіи до какого-нибудь Бемъ-Баверка,—этого Бастіа нашихъ дней,—включительно. И чѣмъ усерднѣе работаетъ оружіе «критики», тѣмъ полнѣе и прочнѣе становится единомысліе между нашими «критиками» съ одной стороны и профессіональными защитниками буржуазіи съ другой. Искушающій господъ «критиковъ» демонъ «критики» оказывается «домовымъ» современной буржуазіи.

Это странно именно только на первый, невнимательный взглядъ. При ближайшемъ же разсмотрѣніи все дѣло оказывается какъ нельзя болѣе простымъ и понятнымъ.

Историческая миссія нашихъ «критиковъ» заключается въ «пересмотрѣ» Маркса для устраненія изъ его теоріи всего ея истинно-новаторскаго содержанія. Марксъ, имя котораго съ увлеченіемъ повторяется теперь производителями всѣхъ цивилизованныхъ странъ; Марксъ, который призывалъ производителей къ устраненію капиталистическихъ производственныхъ отношеній,—этотъ Марксъ очень несимпатиченъ нашей образованной мелкой буржуазіи, идеологами которой являются гг. «критики». Ее отталкиваютъ его крайніе выводы; ее пугаетъ его страсть. Но «по нынѣшнимъ временамъ» трудно обойтись и совсѣмъ безъ Маркса: его критическое оружіе необходимо въ борьбѣ съ охранителями всѣхъ реакціонныхъ цвѣтовъ и съ утопистами разныхъ народническихъ оттѣнковъ. Поэтому надо очистить теорію Маркса отъ ея плевелъ; надо противопоставить настоящему Марксу Маркса-реформатора, Маркса-«реалиста». «Марксъ противъ Маркса!» И вотъ закипаетъ работа «критики». Изъ теоріи Маркса выбрасываются одно за другимъ всѣ тѣ положенія, которыя могутъ служить пролетаріату духовнымъ оружіемъ въ его борьбѣ съ буржуазіей. Діалектика; матеріализмъ; ученіе объ общественныхъ противорѣчіяхъ, какъ о стимулѣ общественнаго прогресса; теорія стоимости вообще и теорія прибавочной стоимости въ частности; устраненіе капиталистическихъ отношеній производства; диктатура пролетаріата,—всѣ эти необходимыя составныя части Марксова ученія, безъ которыхъ оно утрачиваетъ все свое существенное содержаніе, объявляются второстепенными частностями, несоотвѣтствующими ны-

нѣшнему состоянію науки, тенденціознымп, утопичными и потому подлежащими ампутаціи въ интересахъ безпрепятственнаго развитія основныхъ положеній того же мыслителя. «Марксъ противъ Маркса!» «Критическая» работа «непрерывно» продолжается. И мало по малу изъ горнила «критики» выходитъ такой Марксъ, который, мастерски доказывая намъ историческую необходимость возникновенія капиталистическаго способа производства, обнаруживаетъ очень большой скептицизмъ во всемъ томъ, что касается его устраненія. «Критика» ухитряется сдѣлать изъ Маркса почти консерватора. И все это будто бы съ помощью его же собственныхъ положеній. По истинѣ можно сказать, что подобныя этому превращенія пришлось пережить только Аристотелю, котораго средне-вѣковые схоластики изъ языческаго философа сдѣлали чѣмъ то въ родѣ отца христіанской церкви...

«Въ своемъ мистифицированномъ видѣ діалектика сдѣлалась нѣмецкой модой, — говоритъ Марксъ, — такъ какъ казалось, что она служила для прославленія существующаго порядка. Въ своемъ раціональномъ видѣ она огорчаетъ и раздражаетъ буржуазію и ея теоретическихъ выразителей, потому что давая положительное объясненіе существующему, она въ то же время объясняетъ его отрицаніе, его неизбѣжное паденіе; потому что она разсматриваетъ каждую возникшую форму въ потокѣ ея движенія, а слѣдовательно и съ ея преходящей стороны[1]).

Настоящій Марксъ до конца своихъ дней оставался вѣренъ этому духу діалектики. Но именно это обстоятельство и не нравилось гг. «критикамъ». Они «пересмотрѣли» теорію Маркса съ точки зрѣнія «реализма», и въ результатѣ ихъ «пересмотра» получилась такая доктрина, которая, давая «положительное объясненіе» капитализму, въ то же время отказывается констатировать «неизбѣжность его паденія», анализировать его съ его «преходящей стороны». Съ этой стороны «пересмотрѣнный» нашими «критиками» Марксъ анализируетъ только старые, до-капиталистическіе способы производства и вырастающія на ихъ основѣ политическія формы. Такимъ образомъ нашъ «неомарксизмъ» является самымъ надежнымъ оружіемъ русской буржуазіи въ борьбѣ ея за духовное господство въ нашей странѣ[2]).

---

[1]) См. предисловіе ко второму нѣмецкому изданію перваго тома „Капитала“ стр. XIX.

[2]) Психологія западно-европейскихъ „критиковъ“ Маркса отличается отъ русскихъ „критиковъ“ лишь въ той мѣрѣ, въ какой западная буржуазія старше русской. Но существеннаго различія здѣсь нѣтъ, не было и быть не можетъ: та же погудка, хотя немного и на другой ладъ.

Г. П. Струве стоитъ за «соціальную реформу». Мы уже знаемъ, что эта пресловутая реформа не идетъ дальше штопанья буржуазной общественной «ткани». Въ томъ видѣ, какой придается ей въ теоріи г. П. Струве, она не только не угрожаетъ господству буржуазіи, но, напротивъ, обѣщаетъ поддерживать его, содѣйствуя упроченію «соціальнаго мира». И если наша крупная буржуазія до сихъ поръ и слышать не хочетъ объ этой «реформѣ», [1]) то это не мѣшаетъ нашему «неомарксизму» быть лучшимъ и самымъ передовымъ выраженіемъ общихъ спеціально-политическихъ интересовъ буржуазнаго класса, какъ цѣлаго. Теоретики нашей мелкой буржуазіи видятъ дальше и судятъ лучше, чѣмъ дѣльцы — вожаки крупной. Поэтому ясно, что именно теоретикамъ нашей мелкой буржуазіи будетъ принадлежать руководящая роль въ освободительномъ движеніи нашего «средняго» класса. Мы нисколько не удивимся, если тотъ или другой изъ нашихъ критиковъ дойдетъ въ этомъ смыслѣ до степеней весьма «извѣстныхъ» и станетъ, напримѣръ, во главѣ нашихъ либераловъ.

---

[1]) Письмо въ 1901 году.

Саш противъ Канта или Духовное завѣщаніе г. Бернштейна.

(Э. Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Переводъ Л. Канцель. Второе изданіе. С.-Петербургъ, 1901 г.).

Умеръ, Касьяновна, умеръ, болѣзная...
Некрасовъ.

Die Todten reiten schnell...
G. A. Bürger.

Г. Бернштейнъ умеръ для школы Маркса, къ которой онъ когда-то принадлежалъ. Теперь уже невозможно раздражаться противъ него: противъ мертвыхъ не раздражаются. Теперь безполезно и сожалѣть о немъ: сожалѣніями не поможешь дѣлу. Но мы все-таки должны отдать послѣдній долгъ нашему покойнику, мы должны посвятить нѣсколько страницъ его книгѣ, надѣлавшей много шума въ политическихъ кругахъ всего цивилизованнаго міра, переведенной на русскій языкъ и вышедшей теперь вторымъ изданіемъ въ Петербургѣ.

Извѣстно, что въ этой книгѣ г. Бернштейнъ подвергаетъ «критическому пересмотру» теорію Маркса-Энгельса. Мы со своей стороны сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько критическихъ указаній насчетъ результатовъ этого «пересмотра».

I.

Г. Бернштейнъ замѣчаетъ, что «важнѣйшій элементъ основанія марксизма (т. е. важнѣйшій элементъ въ основѣ марксизма: г. Л. Канцель очень плохо перевела книгу г. Берштейна. Н. Б.), такъ сказать основной законъ его, проходящій черезъ всю систему, есть его специфическая историческая теорія, носящая названіе историческаго матеріализма». Это невѣрно. Матеріалистическое объясненіе исторіи, дѣйствительно, является однимъ изъ самыхъ главныхъ отличительныхъ признаковъ марксизма. Но это объясненіе все-таки составляетъ лишь часть матеріалистическаго міросозерцанія Маркса-Энгельса. Критическое изслѣдованіе ихъ системы должно, поэтому, начинаться съ критики общихъ философскихъ основъ этого міросозерцанія. А такъ какъ методъ не-

сомнѣнно составляетъ душу всякой философской системы, то критика діалектическаго метода Маркса и Энгельса, естественно должна предшествовать «пересмотру» ихъ исторической теоріи.

Вѣрный своему невѣрному взгляду на «основной законъ» марксизма, г. Бернштейнъ начинаетъ съ критики матеріалистическаго пониманія исторіи и лишь во второй главѣ своей книги переходитъ къ оцѣнкѣ діалектическаго метода. Мы, въ свою очередь, останемся вѣрны своему взгляду на рѣшающее значеніе метода въ каждой серьезной системѣ и начнемъ съ діалектики.

Что говоритъ о ней г. Бернштейнъ?

Онъ не отказывается признать за нею нѣкоторыя достоинства. Болѣе того. Онъ признаетъ, что она имѣла полезное вліяніе на историческую науку. По его словамъ, Ф. А. Ланге былъ совершенно правъ, сказавъ въ своемъ «Рабочемъ вопросѣ», что Гегелевскую историческую философію съ ея основнымъ положеніемъ,—развитіемъ путемъ противоположностей и ихъ примиреніемъ,—можно назвать почти антропологическимъ открытіемъ (стр. 39). Но онъ думаетъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ же Ланге,—что «какъ въ жизни индивидуума, такъ и въ исторіи, развитіе путемъ противоположностей совершается не такъ легко и радикально, не такъ точно и симметрично, какъ въ спекулятивныхъ построеніяхъ» (та же страница). Марксъ и Энгельсъ не догадывались бы объ этомъ, и потому діалектика имѣла вредное вліяніе на ихъ соціально-политическіе взгляды. Правда, основатели научнаго соціализма не любили умозрительныхъ построеній. Убѣжденные матеріалисты, они стремились «поставить на ноги діалектику», стоявшую у Гегеля «на головѣ», т. е. вверхъ ногами. Но г. Бернштейнъ думаетъ, что не такъ то легко рѣшить такую задачу: «какъ всегда бываетъ въ дѣйствительности, лишь только мы покидаемъ почву эмпирически установленныхъ фактовъ и начинаемъ мыслить помимо нихъ, мы попадаемъ въ міръ производныхъ понятій; если мы въ такомъ случаѣ станемъ слѣдовать законамъ діалектики, какъ ихъ установилъ Гегель, то мы очутимся, прежде чѣмъ это замѣтимъ, снова въ тискахъ «саморазвитія понятій». Въ этомъ крупная научная опасность для гегелевской логики противорѣчій» (т. е. въ этомъ—опасность логики противорѣчій, повторяемъ, г. Канцель плохо перевела г. Бернштейна) (стр. 37). Не замѣтивъ этой опасности, Марксъ и Энгельсъ не убереглись отъ нея и потому не одинъ разъ были введены въ заблужденіе своимъ собственнымъ методомъ. Вотъ, напримѣръ, въ «Манифестѣ Коммунистической Партіи» они высказали ту мысль, что въ Германіи буржуазная революція можетъ послужить непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи. Это предположеніе («можетъ послужить») оказалось ошибочнымъ: буржуазная революція 1848 г. не послужила непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи. Почему же ошиблись

Марксъ и Энгельсъ? Потому что придерживались діалектики. По крайней мѣрѣ, такъ говоритъ г. Бернштейнъ. Еще примѣръ: если въ 1885 г., по случаю новаго изданія брошюры Маркса «Enthüllungen über den Kommunistenprozess», и въ 1887 г., въ предисловіи къ своей брошюрѣ «Zur Wohnungsfrage», Энгельсъ высказалъ мысли, которыя, по мнѣнію Бернштейна, трудно согласить съ его рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ извѣстному бунту «молодыхъ» въ нѣмецкой соціалъ-демократіи, происшедшему нѣсколько лѣтъ спустя, то и въ этомъ виновата діалектика. Вы не вѣрите, читатель? Смотрите сами: «Эта двусмысленность, столь мало свойственная характеру Энгельса, въ концѣ концовъ коренилась въ заимствованной у Гегеля діалектикѣ» (стр. 44). Въ этой фразѣ нѣтъ, къ сожалѣнію, и слѣда «двусмысленности». И если, убѣдившись въ этомъ, вы спросите г. Бернштейна: почему же, однако, діалектика располагаетъ къ двусмысленности, то получите отъ него такое объясненіе: «ея да —нѣтъ и нѣтъ—да» вмѣсто «да—да и нѣтъ—нѣтъ», ея взаимные переходы противоположностей и превращенія количества въ качество, и другія діалектическія красоты всегда стояли препятствіемъ ясному представленію о значеніи признанныхъ измѣненій» (та же стр.).

Если «діалектическія красоты» всегда препятствовали ясному представленію объ измѣненіяхъ, совершавшихся въ дѣйствительности, то очевидно, что діалектическій методъ ошибоченъ по самому своему существу, и что, отъ него должны рѣшительно отказаться всѣ тѣ, которые, дорожа истиной, стремятся къ правильному пониманію природы и общественной жизни. При этомъ остается нерѣшеннымъ только одинъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ далеко не прекрасныя діалектическія «красоты» могли привести Гегеля въ его философіи исторіи къ тому, что г. Бернштейнъ, вслѣдъ за Ланге, признаетъ «почти антропологическимъ открытіемъ». Словечко «почти», на которое напираетъ г. Бернштейнъ, ничего не объясняетъ въ этомъ случаѣ и можетъ служить развѣ лишь новымъ подтвержденіемъ той старой истины, что слова являются кстати тамъ, гдѣ отсутствуютъ понятія. Впрочемъ, эту «двусмысленность» можно было бы, пожалуй, подарить г. Бернштейну, если бы онъ постарался хоть какъ нибудь доказать справедливость своего мнѣнія о вредѣ «діалектическихъ красотъ». Но о доказательствахъ у него нѣтъ и помину. Да и неоткуда ему взять ихъ: вѣдь онъ и самъ не рѣшится утверждать, что онъ когда нибудь изучалъ Гегеля. А если бы онъ и вздумалъ утверждать это, то очень легко было бы показать, что онъ.... заблуждается. Вотъ почему г. Бернштейнъ даже и не пытается доказывать свое мнѣніе. Онъ просто высказываетъ его, очень основательно разсчитывая на то, что всегда найдутся наивные читатели, которые не только повѣрятъ ему на слово, но еще подивятся его глубокомыслію.

II.

Habent sua fata libelli, говорили римляне. Писатели тоже имѣютъ свою судьбу, подчасъ чрезвычайно странную. Возьмите хоть Гегеля. Какъ мало теперь людей, давшихъ себѣ трудъ изученія его философіи, и какъ много въ то же время «критиковъ», позволяющихъ себѣ судить о ней вкривь и вкось! И тѣ же легкомысленные люди возмутились бы до глубины души, если бы кто нибудь вздумалъ осудить книгу г. Бернштейна, не прочитавши ея. Откуда тутъ берутся двѣ мѣрки? Почему въ отношеніи къ великому Гегелю позволительно такое легкомысліе, какое всякій назоветъ непозволительнымъ въ отношеніе къ маленькому г. Бернштейну? That is the question.

Если бы г. Бернштейнъ зналъ предметъ, о которомъ онъ такъ наивно и такъ неуклюже судитъ, то онъ, конечно, самъ устыдился бы своего отзыва о діалектикѣ. Онъ думаетъ, что діалектическое «да—нѣтъ и нѣтъ—да», препятствуя трезвому отношенію къ дѣйствительности, отдаетъ насъ во власть «саморазвитія понятій». Но этимъ грѣхомъ грѣшитъ именно то метафизическое мышленіе, пріемы котораго характеризуются у г. Бернштейна формулой: «да—да и нѣтъ—нѣтъ».

Гегель говоритъ: «юности свойственно бросаться въ абстракціи, между тѣмъ какъ человѣкъ, имѣющій опытъ, не увлекается отвлеченнымъ «или—или», а держится конкректной почвы». Этими простыми словами можно очень удовлетворительно характеризовать разницу между діалектикой съ одной стороны и мышленіемъ по любезной г. Бернштейну формулѣ: «да—да и нѣтъ—нѣтъ»— съ другой.

Вѣдь эта послѣдняя формула и есть то «отвлеченное или—или», пристрастіе къ которому свойственно, по замѣчанію Гегеля, молодости. А что «отвлеченное или—или» долго препятствовало правильной постановкѣ вопросовъ въ общественной жизни и даже въ естествознаніи, это извѣстно теперь, всѣмъ и каждому. У насъ въ Россіи покойный Н. Г. Чернышевскій очень популярно и очень хорошо выяснилъ отличительный характеръ діалектическаго отношенія къ изучаемому предмету. Съ точки зрѣнія діалектики, «опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ... Напримѣръ, благо или зло дождь? Это вопросъ отвлеченный, опредѣлительно отвѣтить на него нельзя: иногда дождь приноситъ пользу, иногда, хотя рѣже, приноситъ вредъ; надобно спрашивать опредѣлительно: послѣ того, какъ посѣвъ хлѣба оконченъ, въ продолженіе пяти часовъ шелъ сильный дождь,—полезенъ ли былъ онъ для хлѣба? Тутъ только можно отвѣчать опредѣлительно: да, онъ былъ полезенъ». Съ такой же точки зрѣнія смотрѣла,—по совершенно вѣрному объ-

ясненію Чернышевскаго,—діалектическая философія Гегеля и на общественныя явленія. Пагубна, или плодотворна война? «Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло... Мараѳонская битва была благодѣтельнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества». Но смотрѣть на явленія съ такой точки зрѣнія, значитъ именно поставить ихъ изслѣдованіе на конкретную почву. Вотъ почему діалектическая философія признала, по словамъ Чернышевскаго, что «прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не разсматривая причинъ, по которымъ возникло данное явленіе, что эти общія, отвлеченныя изреченія не удовлетворительны. Отвлеченной истины нѣтъ, истина всегда конкретна».

На первый взглядъ кажется, что это ясно само собою; но это ясно только тому, кто,—сознательно или безсознательно,—сталъ на діалектическую точку зрѣнія и не считаетъ «отвлеченнаго или—или» (иначе—формулы: «да, да и нѣтъ, нѣтъ») важнѣйшимъ пріемомъ мышленія. Спросите, напримѣръ, графа Л. Н. Толстого, правильно ли приведенное нами разсужденіе Чернышевскаго о войнѣ; онъ отвѣтитъ вамъ, что оно совсѣмъ неправильно, такъ какъ война есть зло, а зло никогда не можетъ быть добромъ. Графъ Толстой обо всѣхъ вопросахъ судитъ съ точки зрѣнія «отвлеченнаго или—или», что и лишаетъ его выгоды сколько-нибудь серьезнаго значенія. Какъ мыслитель, онъ совершенно чуждъ діалектики, и этимъ объясняется, между прочимъ, его инстинктивное отвращеніе отъ марксизма. Къ сожалѣнію, и самъ Чернышевскій часто забывалъ, что «истина всегда конкретна». Въ своей политической экономіи онъ самъ нерѣдко склонялся къ «отвлеченному или—или». Но этотъ неоспоримый фактъ не интересенъ для насъ въ настоящее время. Здѣсь намъ важно напомнить читателямъ, какъ хорошо понялъ и какъ просто и наглядно объяснялъ Чернышевскій (въ своихъ «Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы») несовмѣстимость діалектическаго взгляда съ отвлеченными сужденіями.

Анархисты спрашиваютъ марксистовъ: признаите ли вы свободу личности?—Признаемъ, отвѣчаютъ марксисты, но признаемъ условно, потому что безусловная свобода одного лица означаетъ безусловное рабство всѣхъ его окружающихъ, т. е. превращаетъ свободу въ ея собственную противоположность. Такой отвѣтъ не нравится анархистамъ, которые, кажется, искренно считаютъ марксистовъ врагами свободы и, съ своей стороны, провозглашаютъ неограниченную, т. е. безусловную свободу личности. Превращеніе свободы въ ея собственную противоположность является въ ихъ глазахъ простымъ софизмомъ или,—какъ выразится, пожалуй, кто-нибудь изъ нихъ теперь, ознакомившись съ терминологіей г. Бернштейна—одной изъ красотъ Гегелевской діалектики. Анархическое ученіе о свободѣ насквозь про-

питано духомъ «отвлеченнаго или—или» (или свобода, или деспотизмъ), оно цѣликомъ построено по любезной г. Бернштейну формулѣ: «да, да и нѣтъ, нѣтъ», между тѣмъ какъ марксисты смотрятъ на вопросъ о свободѣ съ конкретной точки зрѣнія. Они помнятъ, что отвлеченной истины нѣтъ, что истина конкретна. Въ этомъ отношеніи они проникнуты духомъ діалектики.

Конечно, самъ г. Бернштейнъ охотно осудитъ анархическое ученіе о свободѣ и согласится съ тѣмъ, что отвлеченной истины быть не можетъ. И по скольку онъ выскажется въ этомъ смыслѣ, постольку онъ самъ перейдетъ на точку зрѣнія діалектики. Но онъ сдѣлаетъ это безсознательно, вслѣдствіе чего и не избавится отъ одолѣвающей его путаницы понятій. Мольеровскій г. Журдэнъ могъ говорить сносной прозой, даже и не подозрѣвая существованія прозаической рѣчи. Но когда о діалектикѣ пускаются разсуждать люди, способные лишь къ безсознательному употребленію діалектическаго метода, то они не скажутъ о ней ничего, кромѣ вздора.

Исканіе конкретной истины составляетъ отличительный признакъ діалектическаго мышленія. Чернышевскій выразилъ ту же мысль, сказавъ, что со времени Гегеля «объяснить дѣйствительность стало существенной обязанностью философскаго мышленія» и что «отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствятельности, надъ которой прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ одностороннимъ предубѣжденіямъ».

Если это такъ,—а это въ самомъ дѣлѣ такъ,—то не трудно понять роль діалектики въ развитіи соціализма отъ утопіи до науки.

Французскіе просвѣтители XVIII вѣка смотрѣли на общественную жизнь съ точки зрѣнія отвлеченной противоположности между добромъ и зломъ, между разумомъ и глупостью. Они постоянно «бросались въ абстракціи». Достаточно напомнить ихъ отношеніе къ феодализму, въ которомъ они видѣли величайшую нелѣпость и ни за что не соглашались признать, что было время, когда онъ могъ быть по своему разумной системой общественныхъ отношеній. У соціалистовъ-утопистовъ замѣчается подчасъ сильное недовольство отвлеченнымъ мышленіемъ восемнадцатаго вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ, въ своихъ сужденіяхъ объ исторіи, иногда покидаютъ отвлеченную формулу «да, да и нѣтъ, нѣтъ», чтобы стать на діалектическую точку зрѣнія. Но это бывало съ ними только иногда. Огромное большинство ихъ и въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ продолжало, въ своихъ разсужденіяхъ объ общественной жизни, довольствоваться «отвлеченнымъ или—или». Духомъ этого «или—или» пропитаны всѣ ихъ системы, и именно это «или—или» придаетъ ихъ системамъ утопическій характеръ. Чтобы изъ утопіи сдѣлаться наукой, соціализмъ необходимо долженъ былъ перерасти

этотъ пріемъ мышленія и доразвиться до діалектическаго метода. Марксъ и Энгельсъ сдѣлали эту необходимую реформу въ соціализмѣ. Но они могли сдѣлать ее только потому, что они предварительно прошли школу Гегелевой философіи. Они и сами охотно признавали, что они очень многимъ обязаны діалектическому методу. Но г. Бернштейну угодно, чтобы это было иначе. Онъ объявляетъ намъ, что превращеніе соціализма изъ утопіи въ науку совершилось вопреки діалектикѣ, а не благодаря ей. Это, конечно, очень рѣшительно, но очень мало доказательно.

Г. Бернштейнъ твердо увѣренъ въ томъ, что Гегель и его ученики пренебрежительно относились къ точно опредѣленнымъ понятіямъ, считая ихъ метафизикой. Читатель уже знаетъ со словъ Чернышевскаго, какого внимательнаго отношенія къ дѣйствительности требовала діалектическая философія Гегеля. Но внимательное отношеніе къ дѣйствительности невозможно безъ точно опредѣленныхъ понятій. Поэтому приходится предположить, что г. Бернштейнъ и въ этомъ случаѣ не понялъ великаго мыслителя. Такъ оно и есть. И чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать (и, разумѣется, понять) восьмидесятый параграфъ большой «Энциклопедіи» Гегеля, который гласитъ такъ:

Параграфъ.

«Мышленіе, какъ дѣятельность разсудка, держится твердыхъ опредѣленій, исключающихъ другъ друга. Эти ограниченныя отвлеченности кажутся ему прочно существующими».

Прибавленіе къ параграфу.

«Разсудочному мышленію слѣдуетъ прежде всего воздать должное и точно также надо признать его заслугу, состоящую въ томъ, что безъ разсудочнаго мышленія нельзя придти ни къ чему прочному и опредѣленному ни въ области теоріи, ни на практикѣ. Познаніе начинается съ того, что предметы берутся въ ихъ опредѣленныхъ различіяхъ. Такъ, напримѣръ, при изученіи природы различаются отдѣльныя вещества, силы, роды и т. д. и фиксируются въ этой своей изолированности. Дальнѣйшій успѣхъ науки состоитъ въ переходѣ съ точки зрѣнія разсудка на точку зрѣнія разума, изслѣдующаго каждое изъ этихъ явленій,—которое разсудокъ фиксируетъ, какъ отдѣленное цѣлою пропастью ото всѣхъ остальныхъ,—въ процессѣ его перехода въ другое явленіе, въ процессѣ его возникновенія и его уничтоженія.

Кто за словами способенъ видѣть связанныя съ ними понятія, тотъ, не смущаясь странной теперь терминологіей Гегеля, согласится, что указанный имъ путь изслѣдованія есть именно тотъ путь, слѣдуя которому, наука нашего времени,—напримѣръ, естествознаніе,—сдѣлала самыя блестящія свои теоретическія пріобрѣтенія.

Гегель не только не игнорируетъ правъ разсудка (а слѣдовательно и точно опредѣленныхъ понятій), но энергично отстаиваетъ его права даже въ такихъ областяхъ, которыя, казалось бы, очень далеки отъ «разсудочности»: въ философіи, въ религіи и въ искусствѣ. Онъ дѣлаетъ тонкое замѣчаніе о томъ, что всякое удачное драматическое произведеніе предполагаетъ рядъ точно опредѣленныхъ характеровъ. А что касается философіи, то она, по его словамъ, требуетъ прежде всего, точности (Präzision) мысли! [1]).

Но какое дѣло г. Бернштейну до истиннаго характера Гегелевой философіи? Какое ему дѣло до «Энциклопедіи» вообще и до того или другого ея параграфа въ частности? Онъ хорошо знаетъ, что у него всегда найдутся такіе читатели, которые станутъ рукоплескать ему даже въ томъ случаѣ, если замѣтятъ его ошибки. Онъ «критикуетъ» Маркса! Онъ старается разрушить Марксистскую «догму». Этого совершенно достаточно теперь для того, чтобы пріобрѣсти громкую славу. Не мѣшаетъ, конечно, и изучить то, что берешься критиковать. Но можно обойтись и безъ этого...

Г. Бернштейнъ уповаетъ на свой здравый смыслъ, но здравый смыслъ остается надежнымъ спутникомъ лишь до тѣхъ поръ, пока не выходитъ изъ предѣловъ своей компетенціи. До чего договорился г. Бернштейнъ показываетъ слѣдующее его соображеніе, содержащееся, впрочемъ, не въ разбираемой нами теперь книгѣ, а въ одной изъ его статей, напечатанныхъ въ «Neue Zeit» уже послѣ выхода книги.

Въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Л. Фейербахѣ Энгельсъ говоритъ, что въ глазахъ діалектики міръ представляетъ собою совокупность процессовъ, въ которой вещи и ихъ умственные образы, т. е. понятія, не остаются неподвижными, а находятся въ постоянномъ измѣненіи. Въ принципѣ («prinzpiell») г. Бернштейнъ «конечно», находитъ это положеніе правильнымъ. Но онъ не знаетъ, въ какихъ предѣлахъ оно сохраняетъ свою правильность, и какъ понимать слова: постоянное измѣненіе. По его замѣчанію, измѣненія, которымъ подвергается организмъ всякаго даннаго человѣка, все таки не могутъ сдѣлать изъ него существа совершенно другого рода. Такому глубокомыслію могъ бы позавидовать самъ Санчо Панса. Но неужели г. Бернштейнъ думаетъ, что Гегель и гегельянцы могли хоть на минуту упустить изъ виду эту глубокую, старую и почтенную истину? Какъ будто предвидя появленіе «критиковъ» a la г. Бернштейнъ, Гегель обращалъ вниманіе своихъ слушателей на то, что развитіе всякаго даннаго явленія можетъ сдѣлать дѣйствительнымъ лишь то, что заключено въ немъ какъ возможность (an sich). Для при-

[1]) G. W. Fe. Hegels Werke, B-d. IV, S. 150—151.

мѣра онъ указывалъ на растеніе, говоря, что хотя растеніе и измѣняется, но измѣняется сообразно природѣ своего зародыша, а «не теряется въ простомъ и ни съ чѣмъ не сообразномъ измѣненіи». [1]) Судите послѣ этого, была ли нужда въ глубокомысленномъ замѣчаніи г. Бернштейна!

III.

Г. Бернштейнъ утверждаетъ, что Марксъ преувеличивалъ быстроту хода историческаго движенія. Это справедливо въ примѣненіи ко взгляду Маркса на развитіе капиталистическаго общества. Но почему же Марксъ склоненъ былъ къ такому преувеличенію? Г. Бернштейнъ и тутъ винитъ діалектику. И эта сторона вліянія діалектики кажется ему самой вредной и самой опасной. Именно она то и отпугиваетъ и Бернштейна отъ «діалектическихъ красотъ». Но, къ сожалѣнію, и она существуетъ только въ его воображеніи.

По Гегелю, логическій процессъ отрицанія совершается внѣ времени. Реальные же процессы отрицанія одного явленія природы другимъ или одной общественной системы другой опредѣляются, въ быстротѣ своего хода, своей собственной природой, и тѣми конкретными условіями, среди которыхъ они совершаются. Въ своей полемикѣ съ Дюрингомъ и въ книгѣ «Л. Фейербахъ» Энгельсъ указываетъ на развитіе вселенной, какъ на діалектическій процессъ. Преувеличилъ-ли онъ быстроту этаго процесса, требовавшаго, по его собственнымъ словамъ, чрезвычайно продолжительныхъ періодовъ времени? Мы не думаемъ. Но если бы даже и случился съ нимъ такой грѣхъ, то винить въ немъ можно было бы совсѣмъ не діалектику, а какія нибудь другія обстоятельства: или недостатокъ естественно-научныхъ свѣдѣній, или невнимательное отношеніе къ предмету, или еще что нибудь подобное. Вліяніе діалектики на его сужденіе о быстротѣ этихъ процессовъ было бы въ этомъ случаѣ такъ же ничтожно, какъ и вліяніе на него, напримѣръ, цвѣта лица китайской императрицы.

Возьмемъ другой примѣръ, на этотъ разъ изъ исторической области. Въ своей «Misère de la Philosophie» Марксъ, противополагая свой діалектическій методъ отвлеченному мышленію Прудона, говоритъ: «въ Германіи понадобилось три столѣтія для того, чтобы установилось первое раздѣленіе труда,—отдѣленіе города отъ деревни». Преувеличена ли здѣсь быстрота хода историческаго развитія? Кажется, что и тутъ нѣтъ никакого преувеличенія, а если и есть оно, то діалектика здѣсь совершенно, ровнехонько не при чемъ.

---

[1]) Vorlesungen über die Gechichte der Philosophie Erster Theil, Hegels. Werke. B-d. III, S. 34—45.

Третій примѣръ, касающійся современной намъ общественной жизни. Лассаль былъ, какъ извѣстно, рѣшительнымъ сторонникомъ діалектическаго метода. Но этотъ рѣшительный сторонникъ діалектическаго метода думалъ, что для постепеннаго устраненія «поземельной и капиталистической собственности« (des Grund-und Kapitaleigenthums) понадобится отъ 100 до 200 лѣтъ. Судя по теперешнему настроенію г. Бернштейна можно ожидать, что и этотъ срокъ покажется ему слишкомъ короткимъ. Вѣроятно, г. Бернштейнъ думаетъ теперь, подобно Родбертусу, что для названнаго устраненія понадобится не менѣе 500 лѣтъ. Это его дѣло. Но Марксъ, навѣрное, сказалъ бы, что Лассаль требуетъ больше времени, чѣмъ нужно для коренного переустройства общества. Изъ этого слѣдуетъ, что гегельянцы, совершенно сходившіеся между собой въ признаніи важности діалектическаго метода, могли очень различно оцѣнивать быстроту современнаго имъ общественнаго развитія. А отсюда выходитъ, что если какой нибудь сторонникъ діалектики въ самомъ дѣлѣ преувеличиваетъ эту быстроту, то объяснять это надо чѣмъ нибудь другимъ, а вовсе не вліяніемъ діалектики.

Г. Бернштейнъ говоритъ: «Мы знаемъ, что мы думаемъ и мы также достаточно знаемъ, какимъ образомъ мы думаемъ. Но мы никогда не узнаемъ, какъ это происходитъ, что мы думаемъ; какимъ образомъ изъ внѣшнихъ впечатлѣній, изъ возбужденія нервовъ или изъ измѣненія положенія и взаимодѣйствія клѣточекъ нашего мозга возникаетъ сознаніе».

Справедливо то, что мы никогда не узнаемъ, какъ возникаетъ наше сознаніе. Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, можетъ ли это наше незнаніе служить возраженіемъ противъ матеріализма. «Критическіе» мыслители, вродѣ Ф. А. Ланге, и даже физіологи, вродѣ Дюбуа-Реймонда, думали, что—да. Пишущій эти строки думаетъ, что—нѣтъ. Мы доказали это выписками изъ сочиненій Ламеттри въ статьѣ, направленной противъ г. Бернштейна. Г. Бернштейнъ очень сердитъ на насъ за эту статью, но—какъ въ этомъ сейчасъ убѣдится читатель,—онъ ровно ничего не понялъ изъ нашихъ возраженій.

«Пытались объяснить это,—продолжаетъ г. Бернштейнъ,—приписывая атому извѣстную долю сознательной способности, долю одушевленности въ смыслѣ ученія о монадахъ».

Дѣйствительно,—пытались. Въ числѣ пытавшихся былъ, какъ мы указали въ своей статьѣ, и матеріалистъ Ламеттри, хотя сравнивать его ученіе съ ученіемъ Лейбница о монадахъ все-таки очень рискованно. Г. Бернштейнъ ничего не говоритъ собственно о Ламеттри, но онъ вообще думаетъ, что «это» (вышеуказанная имъ попытка объясненія)—мысленный образъ, предположеніе, къ которому вынуждаетъ насъ нашъ способъ мышленія и наша потребность цѣльнаго міровоззрѣнія».

Вы понимаете, читатель? Если—да, то мы поздравляемъ васъ отъ всей души, потому что вы счастливѣе какъ пишущаго эти строки, такъ и самаго г. Бернштейна, который очевидно не понимаетъ того, что говоритъ. Это не болѣе, какъ предположеніе! Ну, разумѣется! Г. Бернштейнъ догадался объ этомъ только тогда, когда вздумалъ отрекаться отъ матеріализма, между тѣмъ какъ никто изъ людей, понимавшихъ дѣло, не выдавалъ «этого» за что нибудь другое.

Но что же слѣдуетъ изъ того, что «это»—простое предположеніе? То-ли, что матеріализмъ несостоятеленъ? Въ этомъ весь вопросъ. А на этотъ вопросъ ни въ прежнихъ «критическихъ» упражненіяхъ г. Бернштейна, ни въ разбираемой нами книгѣ нѣтъ даже ни одного «атома» отвѣта.

Дальше. «Статья, въ которой я указывалъ на это обстоятельство и замѣчалъ, что чистый матеріализмъ въ концѣ концовъ сводится къ идеализму, дала г. N, желанный поводъ напасть на меня въ «Neue Zeit» (вып. 44, годъ 16, II), упрекая меня въ невѣжествѣ вообще и въ особенности въ полномъ отсутствіи пониманія философскихъ воззрѣній Энгельса. Я уже не говорю о томъ, какъ г. N. произвольно отнесъ мои слова къ предметамъ, которыхъ я вовсе не касался,—я констатирую лишь то, что его статья оканчивается заявленіемъ, будто Энгельсъ однажды отвѣтилъ на вопросъ г. N.: «Такъ вы думаете, что старикъ Спиноза былъ правъ, говоря, что мысль и протяженіе не что иное, какъ два аттрибута одной и той же субстанціи?—словами: «Конечно, старикъ Спиноза былъ вполнѣ правъ».

Пишущій эти строки дѣйствительно очень удивился, увидѣвъ, какъ плохо понялъ философію Энгельса (а слѣдовательно, и Маркса) г. Бернштейнъ, проживавшій нѣсколько лѣтъ въ самыхъ тѣсныхъ съ нимъ отношеніяхъ. Въ отвѣтъ на призывъ г. Бернштейна: «Назадъ къ Канту» мы пригласили его вернуться назадъ къ изученію философіи (Zurück ins studirzimmer). Мы не искали повода напасть на г. Бернштейна. Если наше удивленіе выражено было съ нѣкоторой рѣзкостью, то эта рѣзкость объясняется нашими предыдущими отношеніями къ г. Бернштейну. Хотя онъ всегда казался намъ ограниченнымъ человѣкомъ (это могутъ засвидѣтельствовать многіе изъ нашихъ ближайшихъ единомышленниковъ, но мы все таки считали его принадлежащимъ къ школѣ Маркса и были очень поражены тѣми, по истинѣ ребяческими пустяками, которые онъ написалъ тогда о матеріализмѣ. Въ то время нашъ рѣзкій отзывъ о немъ могъ показаться несправедливымъ нѣкоторымъ читателямъ. Теперь врядъ ли найдется хоть кто нибудь изъ людей, не совершенно опшенныхъ знаній, кто рѣшился бы упрекнуть насъ въ преувеличеніи Теперь философское невѣжество г. Бернштейна выступило во всемъ своемъ блескѣ, и теперь мы даже не станемъ

приглашать его вернуться къ учебникамъ: мы видимъ, что учебники не для него написаны.

Чистый матеріализмъ въ концѣ концовъ сводится къ идеализму! Но въ такомъ случаѣ философія Фихте и Гегеля «въ концѣ концовъ» сводится къ философіи Ламеттри или Гольбаха?! Это можетъ утверждать только тотъ, кто не понимаетъ ни матеріализма, ни идеализма, ни Гольбаха, Ламеттри, ни Гегеля, ни Фихте. Идеализмъ несомнѣнно имѣетъ одинъ общій признакъ съ матеріализмомъ: стремленіе къ монистическому объясненію явленій. Но способъ, которымъ осуществляется это стремленіе въ матеріализмѣ, діаметрально противоположенъ способу осуществленія его въ идеализмѣ, и потому «въ концѣ концовъ» матеріализмъ радикально расходится съ идеализмомъ.

Призывая «назадъ къ Канту», г. Бернштейнъ долженъ былъ показать, что путь, по которому идетъ матеріализмъ, неправиленъ въ томъ или въ другомъ отношеніи. Вмѣсто этого онъ ограничился «сведеніемъ» (и какимъ неловкимъ наивнымъ, сведеніемъ!) матеріализма къ идеализму. Удивительная сила и глубина критики!

Теперь о Спинозѣ. Г. Л. Канцель плохо перевела относящееся сюда мѣсто въ книгѣ г. Бернштейна. Г. Бернштейнъ говоритъ, что наша статья, написанная по поводу его «возвращенія къ Канту» (котораго онъ никогда не зналъ и не знаетъ,—что признаетъ даже его единомышленникъ г. Струве) сводится къ цитированному имъ нашему разговору съ Энгельсомъ. Это неправда.

Одинъ изъ нѣмецкихъ товарищей, гораздо болѣе компетентный въ философіи, чѣмъ г. Бернштейнъ, высказалъ въ «Neue Zeit» ту мысль, что естественно-научный матеріализмъ не выдерживаетъ критики и что напрасно связываютъ съ нимъ теорію Маркса-Энгельса, которую очень легко связать съ гораздо болѣе состоятельнымъ философскимъ ученіемъ Спинозы. Такъ какъ г. Бернштейнъ сослался, между прочимъ, на статью этого товарища, то мы сочли нужнымъ отвѣтить и на нее. Мы показали, что Марксъ и Энгельсъ никогда не придерживались того матеріализма, который у товарища-спинозиста названъ естественно-научнымъ, т. е. матеріализма Фихте и Молешотта. Далѣе, на основаніи сочиненій Ламеттри и Дидро мы показали, что французскій матеріализмъ XVIII в. былъ въ сущности не болѣе, какъ видоизмѣненнымъ спинозизмомъ. То же самое показали мы и относительно Фейербаха. Только послѣ этого, перейдя къ Марксу и Энгельсу основателямъ научнаго соціализма, мы,—отмѣтивъ близкое родство ихъ философскихъ взглядовъ со взглядами Фейербаха,—высказали свое убѣжденіе въ томъ, что и ихъ матеріализмъ былъ разновидностью спинозизма. И наконецъ,—какъ на одно изъ основаній для этого убѣжденія,—мы сослались на одну изъ своихъ бесѣдъ съ Энгельсомъ. У г. Бернштейна выходитъ, что

къ передачѣ этой бесѣды сводится в с я наша статья. Чему приписать эти его слова: недостатку правдивости, или слабости пониманія?

«Субстанція, которой Спиноза приписываетъ эти два аттрибута— продолжаетъ г. Бернштейнъ,—есть Богъ. Во всякомъ случаѣ Спиноза отождествляетъ Бога съ природой, почему еще очень давно Спиноза считался за отрицателя Бога, а его философію упрекали въ атеизмѣ, между тѣмъ какъ формально она является пантеизмомъ... Спиноза дошелъ до понятія безконечной субстанціи Богъ съ упомянутыми и другими аттрибутами чисто спекулятивнымъ путемъ; для него законосообразное мышленіе и бытіе идентичны. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на нѣкоторыхъ матеріалистовъ; но было бы произвольнымъ пониманіемъ слова назвать его представителемъ философскаго матеріализма... Если подъ словомъ матеріализмъ надо понимать вообще нѣчто опредѣленное, то онъ можетъ быть только ученіемъ о матеріи, какъ послѣднемъ и единственномъ основаніи вещей. Но Спиноза ясно называетъ свою субстанцію Богъ невещественной... Каждый, конечно, воленъ быть послѣдователемъ Спинозы, только тогда онъ уже не будетъ матеріалистомъ».

Вотъ все, что г. Бернштейнъ отвѣтилъ намъ на нашу историческую справку. Это немного. Однако, къ этому немногому можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ примѣнено латинское выраженіе: non multa, sed multum.

Спиноза похожъ на нѣкоторыхъ матеріалистовъ въ томъ отношеніи, что для него законосообразное мышленіе и бытіе идентичны. Хорошо. Стало быть, существуютъ матеріалисты, признающіе идентичность бытія и мышленія? Выходитъ, что такъ. Но это совершенный вздоръ, и если бы г. Бернштейнъ п о н я л ъ, что собственно означаютъ слова: и д е н т и ч н о с т ь б ы т і я и м ы ш л е н і я, онъ, разумѣется, никогда не открылъ бы этой идентичности ни у одного матеріалиста. Онъ увидѣлъ бы тогда, что п р и з н а н і е и д е н т и ч н о с т и б ы т і я и м ы ш л е н і я в о з м о ж н о т о л ь к о в ъ и д е а л и з м ѣ. И тогда,—новая и тоже очень не малая выгода пониманія предмета,—онъ не сказалъ бы, что чистый матеріализмъ въ концѣ концовъ сводится къ идеализму. Но онъ не понимаетъ, о чемъ говоритъ, и потому онъ такъ же неловокъ и безпомощенъ въ употребленіи философской терминологіи, какъ неловокъ и безпомощенъ былъ въ употребленіи литературнаго языка «магъ» (въ разсказѣ Г. И. Успенскаго «Нужда пѣсенки поетъ»), обѣщавшій изобразить передъ почтеннѣйшей публикой «обезглавеніе головы, носа и прочихъ частей тѣла».

Если бы Спиноза признавалъ идентичность бытія и мышленія, то онъ былъ бы «ч и с т ы м ъ» и д е а л и с т о м ъ, т. е. именно тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ. Его единая субстанція—о д н о в р е м е н н о и в е щ е-

ственна, и духовна [1]). По словамъ же Бернштейна, Спиноза «ясно называетъ» ее невещественной. Очень хорошо понялъ онъ Спинозу! Почти такъ же хорошо, какъ Гегеля!

Всѣ эти промахи г. Бернштейна до такой степени очевидны и до такой степени непростительны; они свидѣтельствуютъ о такой полной и рѣшительной некомпетентности г. Бернштейна въ области философіи, что у читателя можетъ возникнуть вопросъ: да стоитъ ли на нихъ останавливаться? Но тотъ, кто хоть на минуту склонился бы къ отрицательному отвѣту на такой вопросъ, сдѣлалъ бы ошибку.

IV.

Обрадованная отступничествомъ г. Бернштейна, буржуазія такъ носится теперь съ этимъ «критикомъ»; она такъ громко трубитъ объ его «критическихъ» подвигахъ, что внимательный разборъ его аргументаціи можетъ дать много интереснѣйшихъ психологическихъ «документовъ» для характеристики нашей эпохи. А кромѣ того, отреченіе г. Бернштейна отъ матеріализма и его стремленіе «вернуться къ Канту» [2]) является вовсе не простыми ошибками философскаго ума (если только можно говорить о философскомъ умѣ г. Бернштейна); нѣтъ, они явились естественнымъ, неизбѣжнымъ и яркимъ выраженіемъ его нынѣшнихъ соціально-политическихъ тенденцій. Тенденціи эти могутъ быть выражены въ словахъ: сближеніе съ передовыми слоями буржуазіи. «То, что называютъ буржуазіей,—говоритъ онъ, — есть сложный классъ, состоящій изъ разныхъ слоевъ съ очень различными интересами. Эти слои держатся вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока они одинаково притѣснены или, пока имъ одинаково угрожаютъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти, конечно, только о послѣднемъ, т. е. о томъ, что буржуазія образуетъ однородную реакціонную массу потому, что всѣмъ ея элементамъ одинаково угрожаетъ соціалъ-демократія — однимъ ихъ матеріальнымъ, другимъ ихъ идеалогическимъ интересамъ: ихъ религіи, патріотизму, ихъ желанію уберечь страну отъ ужасовъ насильственной революціи (стр. 248—49). Эта небольшая выписка даетъ ключъ къ пониманію психологіи, предпринятаго г. Бернштейномъ, пересмотра марксизма. Чтобы не «угрожать» идеалогическимъ интересамъ буржуазіи,—и прежде всего ея религіи,— г. Бернштейнъ «вернулся» на точку зрѣнія «критической» фило-

[1]) Ср. Die Ethik von Spinoza, neu übersetzt von J. Stern, II. Th., S. 77 und 80.

[2]) Въ своей книгѣ онъ говоритъ, впрочемъ, что выраженіе: «вернемся къ Канту" онъ замѣнилъ теперь выраженіемъ: „вернемся къ Ланге". Но это не мѣняетъ дѣла.

софіи, [1]). Чтобы не «угрожать» буржуазному «патріотизму», онъ сталъ опровергать то положеніе Маркса, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества, и разсуждать объ иностранной политикѣ Германіи тономъ настоящаго «государственнаго мужа» изъ школы реальныхъ политиковъ; наконецъ, чтобы не затрагивать другихъ предразсудковъ буржуязіи, онъ ополчился противъ «ZusammenBruchstheorie» (которую, кстати сказать, онъ самъ же и смастерилъ изъ нѣкоторыхъ, частью плохо имъ понятыхъ, частью искаженныхъ словъ Маркса и Энгельса) и пустился доказывать, что «классовая диктатура есть признакъ болѣе низкой культуры... является шагомъ назадъ, политическимъ атавизмомъ». Кто хочетъ понять г. Бернштейна, тому надо выяснить себѣ не столько его теоретическіе доводы, въ которыхъ нѣтъ ничего кромѣ невѣжества и путаницы понятій, сколько его практическія стремленія, которыми объясняются всѣ его теоретическія заключенія и грѣхопаденія. Каковъ человѣкъ, такова его и философія, справедливо говоритъ Фихте.

Въ интересной брошюрѣ «Reform oder Revolution»! К. фонъ-Массовъ, Geheimer Regirungsrath, Mitglied der Internationalen Kommission für Schutzpflege u. s. w., словомъ, человѣкъ вполнѣ «почтенный» — высказываетъ свое твердое убѣжденіе въ томъ, что «если наше развитіе пойдетъ такъ же, какъ оно шло до сихъ поръ, то въ будущемъ нашему отечеству угрожаютъ потрясенія» (Vorwort, S. 1). Для избѣжанія этихъ потрясеній необходима, по его мнѣнію, всесторонняя реформа (eine Gesammtreform auf staatlichem und sozialem Gebiet), требованію которой и посвящена его книга. Но всесторонняя соціальная реформа не исключаетъ въ его программѣ и борьбы противъ «революціонныхъ силъ» (die Mächte des Umsturzes). Пока еще не произошло революціоннаго взрыва, надо бороться съ ними духовнымъ оружіемъ (mit geistigen Waffen) а въ этой борьбѣ необходимо направить свои силы прежде всего противъ матеріализма. Но г. фонъ-Массовъ думаетъ, что удачнѣе другихъ будутъ бороться съ матеріализмомъ тѣ противники новаторскихъ стремленій, которые сами очистятъ себя отъ матеріалистической скверны. «Врагъ, съ которымъ мы должны вступить въ борьбу прежде всего, есть матеріализмъ въ нашей собственной средѣ, проповѣдуетъ онъ. Соціалъ-демократія совершенно матеріалистична, она отрицаетъ Бога и вѣч-

[1]) Еще древніе понимали, въ чемъ заключается одна изъ великихъ культурныхъ заслугъ матеріализма. Лукрецій краснорѣчиво выразилъ это сознаніе въ своей похвалѣ Эпикуру: „Когда на землѣ человѣческая жизнь была презрительно подавлена подъ тяжестью суевѣрія, которое съ неба показывала свою главу и страшнымъ видомъ грозила смертнымъ:—тогда впервые греческій мужъ, смертный осмѣлился направить туда свой взглядъ и противостать; онъ котораго не укротили ни храмы боговъ, ни молніи, ни угрожающій трескъ неба“ и т. д.

ность (sic). Но отъ кого заимствовано это ученіе? Не спустилось-ли оно сверху внизъ? Огромнѣйшее большинство образованныхъ людей нашего времени отвернулось отъ вѣры своихъ отцовъ»... «Часть образованнаго міра совершенно атеистична» [1]). А соціальныя послѣдствія атеизма ужасны. «Если нѣтъ ни Бога, ни загробной жизни, ни вѣчности; если со смертью прекращается также и существованіе души, то въ двѣсти, въ триста разъ болѣе несправедливымъ становится всякое бѣдствіе, всякая нищета одной части человѣчества, страдающей въ то время, когда другая его часть наслаждается избыткомъ. На какомъ основаніи девять десятыхъ народа должны нести на себѣ тяжелое бремя жизни, между тѣмъ какъ меньшинство остается свободнымъ отъ всякой тяжести?» [2]). На этотъ вопросъ атеистъ не можетъ отвѣтить сколько нибудь удовлетворительно. Но именно здѣсь-то и лежитъ соціальная опасность атеизма: онъ воспитываетъ и возбуждаетъ революціонныя чувства въ рабочей массѣ. И именно потому нашъ тайный совѣтникъ правленія и проч., и проч., и проч. проповѣдуетъ образованной буржуазіи покаяніе и борьбу съ матеріализмомъ. Г. фонъ-Массовъ толковый человѣкъ. Онъ гораздо толковѣе всѣхъ тѣхъ «марксистовъ», которые, искренно сочувствуя рабочему классу, въ то же время не менѣе искренно увлекаются «критической» философіей. Эти люди придерживаются матеріалистическаго пониманія исторіи. Но они приходятъ въ большое удивленіе, когда имъ указываютъ на соціальныя,—т. е. въ послѣднемъ счетѣ, на экономическія—причины того отрицательнаго отношенія къ матеріализму и того распространенія неокантіанства, которыя замѣчаются въ средѣ образованной буржуазіи нашей эпохи.

V.

Но вернемся къ г. Бернштейну. Заключительная глава его книги украшена эпиграфомъ: Cant wider Kant (Кантъ противъ Канта). Разъясняя смыслъ этого эпиграфа, г. Бернштейнъ говоритъ, что духъ кенигсбергскаго философа призывается имъ для борьбы съ условностью устарѣлыхъ взглядовъ, стремящихся утвердиться въ марксизмѣ и составляющихъ для нея большую опасность. «Припадки бѣшенства, — замѣчаетъ онъ,—которые я вызвалъ этимъ у г-на N. укрѣпили меня въ убѣжденіи, что марксистамъ нуженъ новый Кантъ, который направилъ бы оружіе своей критики, который доказалъ бы, въ чемъ кажущійся матеріализмъ есть величайшая и потому наиболѣе легко сбивающаяся съ пути идеологія,—доказалъ бы, что презрѣніе къ идеалу, признаніе матерьяльныхъ факторовъ всемогущими силами развитія есть само-

[1]) Op. cit., S. 222.
[2]) Ibid., S. 222–223.

обманъ, всегда на дѣлѣ признававшій и признаваемый таковымъ тѣми, кто его проповѣдуетъ (стр. 330). Читатель недоумѣваетъ причемъ же здѣсь кажущійся матеріализмъ, причемъ же здѣсь самообманъ, да еще самообманъ «на дѣлѣ» совершенно сознательный? Дѣло объясняется очень просто: по мнѣнію г. Бернштейна, самообманъ неизбѣженъ тамъ, гдѣ люди, признающіе экономическіе факторы «всемогущими» въ то же время «на дѣлѣ» не чужды идеаловъ. Уже изъ одного этого видно, какъ близокъ теперь г. Бернштейнъ къ г. Карѣеву и какъ далекъ онъ, стало быть, отъ серьезной критики марксизма. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, надо прочитать страницы, посвященныя г. Бернштейномъ оцѣнкѣ историческихъ взглядовъ Маркса и Энгельса. При чтеніи этихъ страницъ поистинѣ волосы становятся дыбомъ. Но по недостатку мѣста мы не будемъ разбирать ихъ здѣсь [1]). Здѣсь мы отмѣтимъ только слѣдующій курьезъ, относящійся, впрочемъ, не къ философско-исторической, а къ философской «критикѣ» марксизма. Г. Бернштейнъ говоритъ: «Въ выраженіи «матеріалистическое пониманіе исторіи» заранѣе заключены всѣ недоразумѣнія, которые вообще связаны съ понятіемъ матеріализма. Философскій или естественно-историческій матеріализмъ вполнѣ детерминистиченъ, чего нельзя сказать о марксистскомъ пониманіи исторіи; оно не признаетъ за экономическимъ основаніемъ жизни народовъ никакого безусловно опредѣляющаго вліянія на ея формы» (стр. 23—24). Выходитъ, что детерминистъ — только тотъ, кто признаетъ за экономическимъ основаніемъ жизни безусловно опредѣляющее вліяніе на формы жизни (?!). Это—Геркулесовы столбы невѣжества и непониманія. Но это не все. Впослѣдствіи, когда Каутскій замѣтилъ въ «Neue Zeit», что безъ детерминизма нѣтъ научнаго объясненія явленій, нашъ «критикъ» поспѣшилъ заявить, что возстаетъ, собственно, только противъ матеріалистическаго детерминизма, который состоитъ въ объясненіи психологическихъ явленій дѣйствіемъ матеріи, между тѣмъ какъ онъ, г. Бернштейнъ признаетъ также дѣйствіе другого начала. Та-

[1]) Одно мимоходное замѣчаніе. Г. Бернштейнъ не одобряетъ нашего выраженія: монистическое объясненіе исторіи. У него слово monistisch оказывается равносильнымъ съ simplistisch. Чтобы не входить въ длинныя объясненія на счетъ того, почему нужно именно „монистическое“ объясненіе исторіи, мы скажемъ словами Ньютона: causas rerum naturalium non plures admitti debere, quam quae et verae sint et earum Phenomenis explicandis sufficiant. Г. Бернштейнъ не понимаетъ, что если развитіе общественныхъ—и въ послѣднемъ счетѣ экономическихъ—отношеній не представляетъ собою коренной причины развитія такъ называемаго духовнаго фактора, то этотъ послѣдній развивается самъ изъ себя а это саморазвитіе духовнаго фактора есть не болѣе, какъ одна изъ разновидностей того „саморазвитія понятій“, противъ котораго нашъ „критикъ“ предупреждаетъ своихъ читателей, какъ противъ одной изъ опасныхъ приманокъ гелельянской діалектики.

кимъ образомъ г. Бернштейнъ благополучно пришелъ въ ту мирную гавань дуализма, входъ въ которую украшенъ надписью: «Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла». Это—опять хорошо знакомая русскому читателю Карѣевщина. Но эта Карѣевщина плохо вяжется даже съ тѣмъ кантіанствомъ, къ которому хочетъ «вернуться» г. Бернштейнъ. Кантъ категорически утверждаетъ, что alle Handlungen der vernünftigen Wesen, sofern sie Erscheinungen sind, in irgend einer Erfahrung angetroffen werden, stehen unter der Naturnothwendigkeit (всѣ дѣйствія разумныхъ существъ, поскольку они представляютъ собою явленія и такъ или иначе встрѣчаются намъ въ опытѣ, подчинены естественной необходимости («Prolegomena», параграфъ 53). Что же это значитъ, что явленія подчинены естественной необходимости? Это значитъ именно то, что они объясняются матеріалистически (ср. «Kritik der Urtheilskraft», параграфъ 78). Оказывается, стало быть, что г. Бернштейнъ возстаетъ не только противъ матеріалистовъ, но также и противъ Канта. И все это затѣмъ, чтобы не угрожать идеологическимъ интересамъ буржуазіи, т. е. чтобы не идти противъ буржуазнаго Cant'a. Cant wider Kant—вотъ какой девизъ слѣдовало бы избрать г. Бернштейну.

Если г. Бернштейнъ отказался отъ матеріализма для того, чтобы не «угрожать» одному изъ «идеологическихъ интересовъ» буржуазіи, который называется религіей, то его отказъ отъ діалектики вызванъ былъ его не желаніемъ пугать ту же буржуазію «потрясеніями». Выше мы сказали, что, онъ, навѣрное, и самъ не прочь осудить «отвлеченное или—или», не считающееся съ условіями мѣста и времени, и что, поэтому, онъ самъ безсознательно пользуется діалектическимъ методомъ. Это вполнѣ вѣрно, но теперь надо прибавить, что онъ безсознательно становится на конкретную почву діалектики только въ тѣхъ случаяхъ и только въ такой мѣрѣ, въ какой діалектика представляетъ собой удобное оружіе въ борьбѣ съ мнимымъ радикализмомъ «революціонеровъ», мыслящихъ по формулѣ: «да—да и нѣтъ—нѣтъ». Это именно тѣ случаи, когда всякій филистеръ дѣлается діалектикомъ. Но тотъ же самый г. Бернштейнъ,—вмѣстѣ со всѣми филистерами всего земного шара,—готовъ городить противъ діалектики всякій вздоръ и взводить на нее самыя нелѣпыя обвиненія всякій разъ, когда ему кажется, что она можетъ содѣйствовать укрѣпленію и развитію тѣхъ стремленій, которыя кажутся имъ разрушительными. Марксъ говоритъ, что нѣмецкіе филистеры увлекались діалектикой въ то доброе старое время, когда они знали ее лишь въ ея мистифицированномъ видѣ и воображали, что она можетъ служить для оправданія ихъ консервативныхъ стремленій, но тотчасъ же и рѣшительно отвернулись отъ нея, когда узнали ея настоящій характеръ и поняли, что она, разсматриваетъ все существующее съ

его преходящей стороны, что она ни передъ чѣмъ не останавливается и ничего не боится, словомъ, что она критична по самому своему существу. Это же самое отношеніе къ діалектикѣ видимъ мы у г. Бернштейна, который во всей своей психологіи является роднымъ дѣтищемъ нѣмецкаго филистерства. Оттого то нѣмецкіе филистеры и привѣтствовали его «критику» громкими и продолжительными воплями радости, оттого то они и произвели его въ великіе люди. Рыбакъ рыбака видитъ издалека.

Чтобы не «угрожать» буржуазіи, г. Бернштейнъ возсталъ противъ діалектики и ополчился противъ имъ же самимъ сфабрикованной «Zusammenbruchstheorie». Въ то же самое время, и все съ тою же цѣлью, онъ выступилъ Пиндаромъ демократіи. «Демократія—говоритъ онъ—является въ принципѣ уничтоженіемъ классового господства, если не фактическимъ уничтоженіемъ самихъ классовъ. (стр. 225) Мы прекрасно понимаемъ всѣ преимущества демократіи и всѣ тѣ выгоды, которыя она даетъ рабочему классу. Но мы не хотимъ искажать истину даже ради демократіи точно также, какъ мы не станемъ ломать стулья даже ради Александра Македонскаго. Что демократія уничтожаетъ классовое господство, это есть не болѣе, какъ выдумка г. Бернштейна. Она оставляетъ его существовать въ той области, къ какой собственно и относится понятіе о классѣ, т. е. къ области экономической. Она уничтожаетъ только политическія привилегіи высшихъ классовъ. И именно потому что она не уничтожаетъ экономическаго господства одного класса надъ другимъ,—буржуазіи надъ пролетаріатомъ—она не устраняетъ также ни взаимной борьбы пролетаріата съ буржуазіей, ни необходимости для пролетаріата бороться всѣми тѣми средствами, какія только могутъ въ данное время оказаться цѣлесообразными. Разсуждая «по человѣчеству», всякій не поврежденный человѣкъ согласится съ тѣмъ, что «потрясенія» взятыя сами по себѣ, ничего желательнаго въ себѣ не заключаютъ. Но всякій, не ослѣпленный предразсудками человѣкъ долженъ также признать, что демократическая конституція совсѣмъ не обезпечиваетъ отъ такого обостренія классовой борьбы, которое можетъ сдѣлать неизбѣжными такія потрясенія и перевороты. И напрасно г. Бернштейнъ пугаетъ насъ тѣмъ соображеніемъ, что классовая диктатура явилась бы признакомъ болѣе низкой культуры. Великій общественный вопросъ нашего времени, вопросъ объ уничтоженіи экономической эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, рѣшается не такъ просто и не такъ легко, какъ это кажется г. Бернштейну. Физическая борьба является, если хотите, зоологическимъ «атавизмомъ» всюду, гдѣ она ни происходитъ: вѣдь два борющихся человѣка напоминаютъ собою двухъ борющихся звѣрей. Но кто кромѣ «толстовцевъ» принципіально осудитъ всякое сопротивленіе злу посредствомъ насилія? И развѣ хоть

одинъ серьезный человѣкъ можетъ взять въ серьезъ тѣ доводы, съ помощью которыхъ толстовцы принципіально осуждаютъ насиліе? Для всякаго мыслящаго человѣка очевидно, что эти доводы представляютъ собою неумышленную каррикатуру на мышленіе по любезной г. Бернштейну формулѣ: «да, да и нѣтъ, нѣтъ», совершенно тождественной, какъ мы уже знаемъ, съ гегелевскимъ» «отвлеченнымъ» или—или (насиліе есть или зло, или добро). «Ужасы» всегда болѣе или менѣе «ужасны». Это такъ. Этого никто не оспариваетъ, но г. Бернштейнъ избралъ очень плохой путь для ихъ избѣжанія: ему слѣдовало бы обратиться къ буржуазіи и показать тѣмъ ея элементамъ, которые еще не погрязли въ классовомъ эгоизмѣ, что стараться замедлять современное рабочее движеніе значитъ совершать самый тяжкій грѣхъ противъ гуманности и культуры. Въ той мѣрѣ, въ какой его проповѣдь выходила бы удачной, она ослабляла бы сопротивленіе, оказываемое буржуазіей движенію пролетаріата и тѣмъ ослабляла бы возможность «никому непріятныхъ потрясеній». Г. Бернштейнъ предпочелъ дѣйствовать иначе. Онъ сталъ затемнять классовое сознаніе рабочихъ, выступивъ съ проповѣдью марксизма «пересмотрѣннаго» имъ со спеціальной цѣлью успокоенія буржуазіи. Этотъ пріемъ оказался удачнымъ въ томъ смыслѣ, что значительная часть образованной буржуазіи хорошо поняла, до какой степени выгодно для нея распространеніе марксизма «пересмотрѣннаго» г. Бернштейномъ, на счетъ стараго нефальсифицированнаго ученія Маркса. Эта часть буржуазіи привѣтствовала г. Бернштейна, какъ своего рода Мессію. Но для теоріи онъ умеръ и, конечно, никогда уже не воскреснетъ, какъ бы громко ни кричалъ онъ о томъ, что бывшіе единомышленники его не поняли и что, въ сущности, онъ мало измѣнился сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ былъ. Вотъ оно, усердіе не по разуму.

VI.

Г. Бернштейнъ на каждомъ шагу теряется въ неясности своихъ собственныхъ понятій и путается въ своихъ собственныхъ противорѣчіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ его аргументаціи есть логическій центръ, вокругъ котораго группируются его мысли. Этимъ центромъ является ученіе о доходахъ.

«Совершенно не вѣрно думать,—говоритъ онъ, что современное развитіе свидѣтельствуетъ объ относительномъ или даже абсолютномъ уменьшеніи числа собственниковъ. Число собственниковъ растетъ не «болѣе или менѣе» но просто болѣе, т. е. растетъ абсолютно и относительно. Если бы дѣятельность и надежды соціалъ-демократіи зависѣли отъ того, что число собственниковъ уменьшается, то она могла бы въ дѣйствительности спокойно уснуть, но это совершенно невѣрно. Не съ уменьшеніемъ, а съ

увеличеніемъ общественнаго богатства связаны надежды соціалъ-демократіи. (стр. 90).

Ни Марксъ, ни Энгельсъ и никто изъ ихъ учениковъ не связывалъ своихъ надеждъ съ уменьшеніемъ общественнаго богатства. Стараясь разорвать такую «связь», г. Бернштейнъ просто на просто сражается съ вѣтряными мельницами. Но всѣ марксисты были убѣждены, что ростъ общественнаго богатства сопровождается въ капиталистическомъ обществѣ ростомъ общественнаго неравенства и уменьшеніемъ числа собственниковъ. Если бы г. Бернштейну удалось доказать противное, то надо было бы признать, что онъ нанесъ марксизму смертельный ударъ. Но бѣда въ томъ, что г. Бернштейнъ ровно ничего не доказалъ, кромѣ своего собственнаго непониманія. Договоры, которые онъ приводитъ въ защиту своего смѣлаго утвержденія, сводятся почти всецѣло къ тому, что умѣренные доходы растутъ быстрѣе, чѣмъ населеніе. Это безспорный фактъ. Но этотъ безспорный фактъ ничего не доказываетъ. Если общественный доходъ растетъ еще быстрѣе, чѣмъ число умѣренныхъ доходовъ, то ростъ этого числа вполнѣ совмѣстимъ съ ростомъ общественнаго неравенства. Мы доказали это въ статьѣ противъ г. П. Струве, спеціально посвященной вопросу о «притупленіи» общественно-экономическаго неравенства. Къ ней мы и отсылаемъ читателя, ограничиваясь здѣсь нѣсколькими частными замѣчаніями.

Во-первыхъ, ростъ числа умѣренныхъ доходовъ, вполнѣ совмѣстимый съ ростомъ общественно-экономическаго неравенства, ни въ какомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ ни объ абсолютномъ, ни,—еще менѣе,—объ относительномъ увеличеніи числа собственниковъ. Собственность и доходъ —два совершенно различныхъ понятія.

Во-вторыхъ, ссылки г. Бернштейна на распредѣленіе поземельной собственности такъ же неточны, какъ неубѣдительно его указаніе на ростъ числа умѣренныхъ доходовъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ.

Онъ говоритъ, что въ Германіи группа среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ увеличилась въ періодъ 1882—1895 г. почти на 8 проц., а занимаемая ими площадь на 9 проц. (стр. 110). Но какой смыслъ имѣютъ данныя объ увеличеніи абсолютнаго числа хозяйствъ или размѣра площади одной категоріи хозяйствъ, если не сообщается все число хозяйствъ и вся культурная площадь въ странѣ? А если принять во вниманіе это обстоятельство, т. е. разсмотрѣть размѣръ доли среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ общемъ числѣ хозяйствъ и въ общемъ итоги площади, то окажется, что площадь, занимаемая въ Германіи хозяйствами этой категоріи, испытала лишь совершенно ничтожное увеличеніе. Въ 1882 г. она составляла 11,90 проц. всей поземельной площади, а въ 1895—12,37 проц. увеличеніе составляетъ, стало быть, менѣе половины процента

*

Но это мы говоримъ о всей поземельной площади Германіи. А что касается собственно сельско-хозяйственной площади, то хозяйства указанной категоріи составляли въ 1882 г. 12,26 проц., а въ 1895 г.—13,02 проц.: увеличеніе не превышаетъ 0,75 проц. [1]). Это такъ мало, что странно и употреблять здѣсь слово: увеличеніе.

Положеніе дѣлъ въ германскомъ земледѣліи такъ сложно, что въ сужденіяхъ о немъ никакъ нельзя довольствоваться голыми статистическими цифрами, а необходимо принимать въ соображеніе географическія особенности каждой данной мѣстности, равно какъ техническія и экономическія особенности каждой отдѣльной категоріи хозяйства, а также и измѣненія этихъ особенностей, совершающіяся въ разсматриваемые періоды.

Что касается Англіи, то г. Бернштейнъ позабылъ прибавить и не знаетъ, что мелкіе хозяева, число которыхъ мѣстами дѣйствительно увеличивается тамъ подъ вліяніемъ заокеанской конкурренціи, называются тамъ «британскими рабами» (british slaves), [2])—до такой степени плохо ихъ экономическое положеніе.

Теорія Маркса такъ же мало опровергается увеличеніемъ числа этихъ «рабовъ», какъ опровергалась бы она ростомъ sweating system въ той или другой отрасли обрабатывающей промышленности.

Г. Бернштейнъ говоритъ также, что въ восточной части Американскихъ Штатовъ растетъ число мелкихъ и среднихъ хозяйствъ. Это опять невѣрно. Въ восточныхъ штатахъ число мелкихъ фермъ уменьшается, и вообще въ Сѣверной Америкѣ замѣтна, по словамъ Левассёра, нѣкоторая тенденція къ концентраціи [3]).

Въ Бельгіи новѣйшія статистическія данныя также указываютъ на концентрацію поземельной собственности [4]). Относительное уменьшеніе числа землевладѣльцевъ является въ ней твердо установленнымъ фактомъ.

VII.

«Односторонности въ изложеніи г. Шульце-Геверницe въ исторіи развитія современной Англіи, противъ которыхъ я очень рѣзко возставалъ въ свое время, не мѣшали ему какъ въ его сочиненіи «Zum sozialen Frieden»,

[1]) См. Die Landwirthschaft im Deutschen Reich. Nach der landwirthschaftlichen Betriebszählung vom. 14. Juni 1895. (Statistik des Deutschen Reiches, Neue Folge, Band 112, S. 11).

[2]) См. Final Report of H. M. Commissioners appointed to inquire into the subject of agricultural depression. London 1879, p. 36.

[3]) L'agriculture aux Etas-Unis, Paris et Nancy 1894, p. 61—62. приложеніе къ настоящему изданію. Послѣдній Сѣв.-Американскій цензъ показалъ, что концентрація даетъ себя знать тамъ и въ области сельскаго хозяйства.

[4]) См. книгу Вандервельда «La propriété foncière en Belgique» и нашу замѣтку о ней въ первой книжкѣ «Зари».

такъ и въ монографіи «Grossbetrieb ein Wirthschaflicher Fortschritt», установить факты, имѣющіе важное значеніе для познаванія экономическаго значенія современности,—говоритъ г. Бернштейнъ. Я не вижу въ омъ ничего дурного и охотно призн аю, что я обратилъ вниманіе на многіе факты, приведенные Шульце-Геверницемъ, а также и другими, вышедшими изъ школы Брентано, экономистами (Геркнеромъ, Зинцхеймеромъ) факты, которыхъ я раньше не замѣчалъ вовсе или недостаточно оцѣнивая. Я даже не стыжусь признаться, что кое-чему научился изъ книги Ю. Вольфа «Sozialismus und sozialistische Nesellschaftsordnung». Г. N называетъ это эклектическимъ соединеніемъ (научнаго соціализма) съ ученіемъ буржуазныхъ экономистовъ. Какъ будто $^3/_{10}$ элементовъ научнаго соціализма не взяты изъ сочиненія «буржуазныхъ экономистовъ», какъ будто вообще существуетъ партійная наука (стр. 306 и 307).

«Партійная наука», строго говоря, невозможна. Но, къ сожалѣнію очень возможно существованіе «ученыхъ», проникнутыхъ духомъ партій и классовымъ эгоизмомъ. Когда марксисты презрительно отзываются о буржуазной наукѣ, они имѣютъ въ виду именно «ученыхъ» этого рода. Къ числу этихъ «ученыхъ» принадлежатъ и тѣ господа, у которыхъ г. Бернштейнъ столь многому «научился»: Ю. Вольфъ, Шульце-Геверницъ и многіе другіе. Если $^9/_{10}$ научнаго соціализма и взяты изъ сочиненій буржуазныхъ экономистовъ, то онѣ взяты не такъ какъ беретъ г. Бернштейнъ у брентанистовъ и другихъ апологетовъ капитализма свои матеріалы для «пересмотра» марксизма. Марксъ и Энгельсъ умѣли относиться къ буржуазнымъ ученымъ критически, а г. Бернштейнъ не сумѣлъ или не захотѣлъ отнестись къ нимъ такимъ образомъ. «Учась» у нихъ, онъ просто на просто подчинился ихъ вліянію и незамѣтно для себя усвоилъ ихъ апологетическую аргументацію. Онъ вообразилъ, что ученіе о ростѣ умѣренныхъ доходовъ, какъ о доказательствѣ абсолютнаго и относительнаго увеличенія числа собственниковъ, представляетъ собою серьезное пріобрѣтеніе объективной науки, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно оказывается одной изъ апологетическихъ выдумокъ. Если бы г. Бернштейнъ способенъ былъ къ научному мышленію, то онъ не попалъ бы въ такой просакъ, въ какомъ мы видимъ его въ настоящее время, но тогда онъ и не написалъ бы своей книги.

Уже осенью 1898 г. мы высказали ту мысль, что г. Бернштейнъ сталъ «критиковать» Маркса единственно потому, что не въ состояніи былъ критически отнестись къ буржуазной апологетикѣ [1]). Тогда же мы

[1]) Въ статьѣ „Wofür sollen wir ihm dankbar sein", Sächsische Arbeiter-Zeitung № 253—255. Кстати, мы и до сихъ поръ не можемъ понять, за что собственно благодарилъ Бернштейна Каутскій на штутгартскомъ партейтагѣ. Книга Каутскаго „Bernstein und das sozialdemokratische Programm" вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль о томъ, что благодарить было не за что.

отмѣтили и тотъ любопытный фактъ, что даже надѣлавшая много шума фраза г-на Бернштейна: «движеніе—все, а конечная цѣль—ничто», заимствована г. Бернштейномъ у Шульце - Геверница. Не будучи въ состояніи возразить намъ по существу, г. Бернштейнъ отвѣтилъ намъ грубой бранью, отвѣчать на которую мы не видимъ надобности [1]). Мы очень дорожимъ теперь непріязнью г. Бернштейна и гордимся тѣмъ, что мы были одни изъ первыхъ, указавшихъ на отступничество г. Бернштейна и заклеймившихъ его. «Дѣло идетъ о томъ, кто кого похоронитъ, — писали мы въ названной статьѣ: Бернштейнъ и марксизмъ или марксизмъ Бернштейна». Въ 1898 г. такая постановка вопроса показалась слишкомъ рѣзкой многимъ нашимъ читателямъ. Теперь въ рядахъ нефальсифицированныхъ марксистовъ этотъ вопросъ всѣми ставится именно такъ, а не иначе. Дальнѣйшій ходъ дѣла вполнѣ подтвердилъ справедливость нашихъ словъ. Вдаваться въ личныя препирательства съ г. Бернштейномъ мы не имѣли охоты прежде: не имѣемъ ея и теперь. Но мы не можемъ устоять передъ искушеніемъ отмѣтить слѣдующую интересную частность

Г. Бернштейнъ понялъ направленныя противъ него замѣчанія наши въ томъ смыслѣ, что мы считаемъ положеніе рабочаго въ капиталистическомъ обществѣ «безнадежнымъ», и заявилъ, что не желаетъ спорить «съ человѣкомъ, по понятіямъ котораго наука требуетъ, чтобы положеніе рабочаго считалось безнадежнымъ при всѣхъ условіяхъ вплоть до великаго переворота» (стр. 309—310). Видите, какъ строго! Но въ книгѣ строгаго Бернштейна мы находимъ такое мѣсто:

Въ ученіи Маркса и Энгельса «неопровергнутымъ остается лишь слѣдующее: что производительная способность въ современномъ обществѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ дѣйствительный, опредѣляемой покупательной способностью спросъ на продукты; что милліоны живутъ въ дурныхъ жили-

[1]) Брань сопровождалась у нашего противника недобросовѣстными пріемами спора. Такъ напримѣръ, г. Бернштейну, хочется доказать, что теперь еще невозможно уничтожить классы. Съ этой цѣлью онъ цитируетъ Энгельса, который будто бы говоритъ, что уничтоженіе классовъ станетъ возможнымъ «лишь на извѣстной, относительно нашего времени очень высокой степени развитія производительныхъ силъ» (стр. 325—326). Выходитъ, что, по Энгельсу, достигнутая нами ступень развитія производительныхъ силъ еще недостаточна для устраненія капитализма. На самомъ же дѣлѣ, Энгельсъ говоритъ совершенно противное. „Sie (die Abschaffung der Klassen) hat also zur Voraussetzung einen Hölgerad der Entwicklung der Produktion, auf dem Aneignung der Produktionsmittel und Produkte... durch eine besondere Gesellschaftsklasse nicht nur ülerflüssig, sondern auch ökonomisch, politisch und intellektuell ein Hinderniss der Entwicklung geworden ist. Dieser Punkt ist erreicht“ (курсивъ нашъ). Dührings Umwälzung der Wissenschaft; dritte Auflage, S. 304. Слишкомъ уже усердствуетъ г. Бернштейнъ въ своемъ стремленіи не испугать буржуазію.

щахъ, плохо одѣваются и недостаточно питаются, несмотря на то, что въ изобиліи имѣются средства, чтобы создать для нихъ достаточно жилищъ, пищи и одежи; что слѣдствіемъ этого несоотвѣтствія въ различныхъ отрасляхъ промышленности является перепроизводство... Что поэтому существуютъ значительныя неправильности въ полученіи рабочимъ занятій, вслѣдствіе чего положеніе ихъ становится въ высшей степени необезпеченнымъ, все больше повергая ихъ въ недостойную зависимость, создавая въ одномъ мѣстѣ чрезмѣрную работу, а въ другомъ безработицу» (стр. 145—146).

Г. Л. Канцель, по своему обыкновенію, плохо перевела г. Бернштейна. Этотъ послѣдній говоритъ, что рабочіе п о д д е р ж и в а ю т с я въ недостойной зависимости, а не попадаютъ в с е в ъ б о л ь ш у ю з а в и с и м о с т ь, какъ заставляетъ его говорить его переводчикъ. Но даже и въ правильномъ переводѣ мысль г. Бернштейна побиваетъ его самого. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ же не б е з н а д е ж н о положеніе того класса капиталистическаго общества, который, несмотря на поразительный ростъ производительности труда, о с т а е т с я въ томъ экономическомъ положеніи и въ той унизительной зависимости, о которыхъ мы читаемъ у г. Бернштейна! Ясно, что—б е з н а д е ж н о, и что вывести пролетаріатъ изъ этого безнадежнаго положенія можетъ только у с т р а н е н і е к а п и т а л и с т и ч е с к а г о с п о с о б а п р о и з в о д с т в а [1]). Г. Бернштейнъ плохо свелъ концы съ концами въ своемъ новомъ міросозерцаніи. [2])

Г. Бернштейнъ глубокомысленно вопрошаетъ: «Не усиливаетъ ли крупное расширеніе пространства мірового рынка (т. е. размѣровъ; мы вынуждены еще разъ повторить, что Г. Канцель очень плохо перевела разбираемую нами книгу. Н. Б.) въ связи съ громаднымъ сокращеніемъ времени, необходимаго для передачи извѣстій и транспорта; не усиливаетъ ли оно возможности смягченія застоевъ; а затѣмъ колоссально возросшее богатство европейскихъ промышленныхъ государствъ, въ связи съ эластичностью современнаго кредита и возникновеніемъ промышленныхъ картелей,—не уменьшило ли оно, по крайней мѣрѣ, на долгое время,

---

[1]) Марксъ призналъ бы положеніе рабочаго въ капиталистическомъ обществѣ «б е з н а д е ж н ы м ъ» даже въ томъ случаѣ, если бы возможно было значительное его улучшеніе. «Лучшая одежда, пища, обращеніе и большой запасъ денегъ, — говорилъ онъ,—столь же мало уничтожаютъ состояніе зависимости и эксплоатацію наемнаго рабочаго, какъ и рабовъ.» (Капиталъ, I, С.-Петербургъ, стр. 534.) Г. Бернштейнъ и самъ пойметъ, что положеніе раба остается «безнадежнымъ» въ марксовомъ смыслѣ, в п л о т ь д о о т м ѣ н ы р а б с т в а. Замѣтимъ, впрочемъ, что слово «безнадежно» принадлежитъ не намъ, а только п р и п и с а н о намъ г. Бернштейномъ. Нашъ взглядъ на положеніе работника въ капиталистическомъ обществѣ высказанъ и обоснованъ нами во второй статьѣ противъ г. П. Струве.

вліяніе мѣстныхъ или частныхъ застоевъ на общее положеніе дѣла настолько, что общіе дѣловые (т. е. промышленные. Н. Б.) кризисы, подобные прежнимъ, должны считаться невѣроятными» (стр. 126).

Жизнь отвѣтила на этотъ вопросъ: съ половины прошлаго года [1]) цивилизованный міръ переживаетъ общій промышленный кризисъ, приближеніе котораго предвидѣли нѣкоторые буржуазные дѣльцы уже въ то время, когда г. Бернштейнъ писалъ свою книгу.

VIII.

У Шекспира одинъ придворный говоритъ о помѣшавшейся Офеліи:

Въ ея словахъ нѣтъ половины смысла;
Все дико въ нихъ,—они пустые звуки,
Но ихъ безобразность на размышленья
Наводитъ того, кто имъ внимаетъ..

То же приходится сказать и о книгѣ г. Берштейна: все дико въ ней и нѣтъ ничего, кромѣ пустыхъ звуковъ; но именно эта самая пустота звуковъ и наводитъ на грустныя размышленія внимательнаго читателя. Во всѣхъ теоретическихъ вопросахъ г. Бернштейнъ оказался слабѣе слабаго. Какимъ же образомъ могъ онъ втеченіе многихъ лѣтъ играть роль одного изъ самыхъ выдающихся теоретиковъ своей партіи? Надъ этимъ вопросомъ стоитъ подумать. И не легко найти сколько-нибудь утѣшительный отвѣтъ на него...

Другой вопросъ не менѣе важный: во взглядахъ г. Бернштейна остались теперь лишь слабые слѣды марксизма. Въ дѣйствительности онъ гораздо ближе къ мелко-буржуазнымъ сторонникамъ «соціальной реформы». А между тѣмъ онъ остается «товарищемъ», и его не просятъ удалиться изъ партіи. Говорятъ: «какъ же исключить человѣка изъ партіи за его взглядъ? Это значило бы преслѣдовать его за ересь». Люди, разсуждающіе такимъ образомъ, забываютъ, что свобода мнѣній необходимо должна дополняться свободой взаимнаго сближенія и расхожденія и что эта послѣдняя свобода не существуетъ тамъ, гдѣ тотъ или другой предразсудокъ заставляетъ идти вслѣдъ такихъ людей, которымъ лучше разойтись, въ виду различія ихъ взглядовъ. Но этимъ неправильнымъ разсужденіемъ только отчасти объясняется интересующій насъ фактъ. По причинамъ, о которыхъ мы не можемъ распространяться въ этой статьѣ, оппортюнизмъ пріобрѣлъ много сторонниковъ, во всѣхъ странахъ. И въ этомъ распространеніи оппортюнизма заключается самая главная опасность. Г. Бернштейнъ, взятый самъ по себѣ, не только не страшенъ, но прямо смѣшонъ, отличаясь уморительнымъ сход-

[1]) Писано въ 1901 году.

ствомъ съ философствующимъ Санчо Пансой. Но «бернштейніада» очень страшна, какъ признакъ возможнаго упадка.

Дрянной русскій переводъ дрянной книжонки г. Бернштейна уже выдержалъ два «легальныхъ» изданія. Вѣроятно, скоро появится и третье. Удивляться этому нельзя. Всякая «критика» марксизма и всякая его пародія,—если только она проникнута буржуазнымъ духомъ,—непремѣнно понравится той части нашихъ легальныхъ марксистовъ, которая сама представляетъ собою буржуазную пародію на марксизмъ.

Августъ, 1901 г.

Бернштейнъ и матеріализмъ.

Въ № 34 «Neue Zeit» г. Бернштейнъ продолжаетъ вторую серію своихъ «Проблемъ соціализма». Онъ разбираетъ тамъ «насколько современный соціализмъ реалистиченъ и насколько онъ является идеологіей». Методъ, примѣняемый авторомъ при этомъ изслѣдованіи, кажется мнѣ совершенно несостоятельнымъ для рѣшенія поднятаго вопроса. Поэтому я подвергну этотъ методъ критикѣ въ слѣдующей статьѣ. Здѣсь же меня интересуетъ призывъ г. Бернштейна «до извѣстной степени» вернуться къ Канту. «Профанъ въ области теоріи познанія, говоритъ г. Бернштейнъ,—я не претендую на то, чтобы внести по данному вопросу нѣчто большее, чѣмъ мысли профана. Напротивъ, я обязанъ своимъ непосредственнымъ увлеченіемъ Кантомъ одной статьѣ Конрада Шмидта въ научномъ приложеніи къ «Vorwärts'у».

Получивъ толчокъ отъ нѣсколькихъ столбцовъ философской прозы г. Конрада Шмидта, г. Бернштейнъ разсказываетъ другимъ профанамъ, что: «Чистый или абсолютный матеріализмъ точно такъ же спиритуалистиченъ, какъ и чистый или абсолютный идеализмъ. Оба просто предполагаютъ, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣній, что мышленіе и бытіе идентичны. Въ концѣ концовъ они отличаются лишь способами выраженія. Напротивъ, новые матеріалисты становятся принципіально также рѣшительно на точку зрѣнія Канта, какъ это сдѣлало большинство величайшихъ современныхъ естествоиспытателей».

Эти выводы очень интересны. Но что такое «чистый или абсолютный матеріализмъ?» Г. Бернштейнъ на этотъ вопросъ не отвѣчаетъ, вмѣсто этого онъ цитируетъ въ примѣчаніи опредѣленіе одного изъ «новѣйшихъ» матеріалистовъ, говорящаго совсѣмъ «въ смыслѣ Канта»: «Мы только вѣримъ въ атомъ».

Очевидно, что, по мнѣнію г. Берштейна, «чистые или абсолютные» матеріалисты никакъ не могли бы допустить характеризованный въ вышеприведенномъ опредѣленіи способъ мышленія и выраженія. Насколько подтверждается это пониманіе Бернштейна исторіей философіи?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Куда намъ причислить Гольбаха? Къ «чистымъ»-ли, или же къ «но-

вымъ» матеріалистамъ? Очевидно къ первымъ. Но какъ думалъ Гольбахъ о матеріи?

Слѣдующія мѣста объясняютъ намъ это.

«Мы не знаемъ сущности никакого предмета, если подъ словомъ сущность понимаютъ то, что составляетъ его собственную природу; мы знаемъ матерію лишь на основаніи ощущеній и идей, которыя она даетъ намъ; затѣмъ мы судимъ о ней, хорошо или плохо, соотвѣтственно устройству нашихъ органовъ». [1]).

И дальше:

«Для насъ матерія есть то, что возбуждаетъ какимъ—либо образомъ наши внѣшнія чувства,—и свойства, которыя мы приписываемъ различнымъ матеріямъ, основаны на различныхъ впечатлѣніяхъ или измѣненіяхъ, которыя они въ насъ производятъ». [2]).

Еще одно краткое и характерное мѣсто:

«Мы не знаемъ ни сущности, ни истинной природы матеріи, хотя мы въ состояніи опредѣлить нѣкоторыя ея свойства и качества сообразно тому, какъ она на насъ вліяетъ». [3]).

Обратимся теперь къ другому матеріалисту, къ Гельвецію. Обладаетъ ли матерія способностью чувствовать? Гельвецій отвѣчаетъ на этотъ вопросъ,—который занимаетъ очень многихъ французскихъ философовъ XVIII столѣтія и къ которому мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ,—слѣдующимъ образомъ: «Объ этомъ спорили очень долго. Лишь очень поздно пришли къ тому, чтобы спросить себя, о чемъ собственно идетъ споръ, и связать съ словомъ матерія болѣе точное понятіе. Если бы въ этомъ спорѣ съ самаго начала точно опредѣлили значеніе слово матерія, то узнали бы, что люди, такъ сказать, творцы матеріи». [4]). Мнѣ это кажется нѣсколько болѣе яснымъ, чѣмъ выраженіе: «Мы только вѣримъ въ атомъ»

Я изложилъ философскія идеи Гольбаха и Гельвеція въ моемъ соч. «Beiträge zur Geschichte des Materialismus». Поэтому я не буду заниматься здѣсь болѣе подробнымъ ихъ разсмотрѣніемъ. Замѣчу только вотъ что: Гельвецію существованіе тѣлъ внѣ насъ представляется только вѣроятнымъ. Онъ смѣется надъ «философскими фантазіями»; по его мнѣнію, мы должны «идти вмѣстѣ съ наблюденіемъ, остановиться въ тотъ моментъ, когда оно насъ оставляетъ, и имѣть смѣлость не знать того, чего знать еще невозможно. [5]).

---

[1]) «Systeme de la Nature». II, S. 1.

[2]) Ibid. I, S. 28.

[3]) Ibid., II, S. 116, изданіе 1871 г.

[4]) «De l'Esprit», Discours I, chap. IV.

[5]) Ср. «Beiträge zur geschichte des Materialismus», S. 77 u. ff.

Робинэ, авторъ книги «De la Nature», замѣчаетъ: «Мы, по нашей природѣ, неспособны познать то, что составляетъ сущность предмета, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ никакого средства познать ее. Познаніе сущностей (des essences)—внѣ нашихъ силъ» [1]).

Въ другомъ мѣстѣ названнаго сочиненія онъ говоритъ: «Душа знаетъ насчетъ своей собственной сущности не болѣе, чѣмъ насчетъ другихъ сущностей. Она такъ же мало проникаетъ въ самое себя, какъ и въ массу связаннаго съ ней тѣла, растительныхъ силъ котораго она не чувствуетъ и не видитъ». [2]).

Развѣ это не сказано «совсѣмъ въ смыслѣ Канта?»

Послушаемъ теперь Ламеттри, этого «enfant perdu» матеріалистическойи философіи, человѣка, пугавшаго своей смѣлостью даже самыхъ смѣлыхъ. Онъ говоритъ:

«Сущность души человѣка и животныхъ намъ неизвѣстна и останется всегда неизвѣстной, равно какъ и сущность матеріи и тѣла. Но хотя мы не имѣемъ никакого представленія о сущности матеріи, однако мы все-таки принуждены признать свойства, которыя открываются въ матеріи нашими внѣшними чувствами». [3]).

Въ своей «Abrégé des Systemes» Ламеттри пишетъ, критикуя философію Спинозы:

«Наша душа не познаетъ внѣшнихъ предметовъ; она знаетъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя свойства этихъ предметовъ, совершенно относительныя и отвлеченныя. И, наконецъ, большинство нашихъ чувствъ или идей такъ зависятъ отъ нашихъ органовъ, что онѣ тотчасъ же измѣняются, если послѣднія подверглись измѣненію».

Здѣсь одинъ изъ самыхъ «абсолютныхъ» матеріалистовъ говоритъ, какъ мы видимъ, тоже «совсѣмъ въ смыслѣ Канта». И въ высшей степени комичнымъ является, рядомъ съ подобными заявленіями, положеніе: «мы только вѣримъ въ атомъ», которое г. Бернштейнъ цитируетъ какъ нѣчто совершенно «новое».

Быть можетъ, г. Бернштейнъ воображаетъ, что Фридрихъ Энгельсъ не зналъ, что мы только в ѣ р и м ъ въ атомъ? Надо полагать, что Энгельсъ зналъ это очень хорошо. Но это не помѣшало ему бороться съ Кантіанской философіей и написать слѣдующія строки въ книгѣ «Людвигъ Фейербахъ»: «И если нѣмецкіе неокантіанцы стараются воскресить взгляды Канта, а англійскіе агностики—взгляды Юма (никогда не вымиравшіе окончательно въ Англіи),—несмотря на то, что и теорія, и практика давно уже опровергли и тѣ, и другіе,—то въ научномъ смыслѣ это

[1]) «De la Nature», Amsterdam MDCCLXIII, Tome premier, p. 265.

[2]) Ibib., p. 259.

[3]) «Ouvores philosophiques de Monsieur de la Mettrie», Amsterdam MDCCLXIV Tome premier, Traité de l'âme, pp. 83 и 87.

представляетъ собою понятное движеніе, а на практикѣ даетъ этимъ стыдливымъ людямъ возможность впустить черезъ заднюю дверь тотъ самый матеріализмъ, который изгоняется на глазахъ публики».

Можетъ быть, г. Бернштейнъ возразитъ противъ этого, что Энгельсъ самъ не ясно понималъ—въ чемъ тутъ дѣло?

Г. Бернштейнъ много лѣтъ жилъ въ ближайшемъ общеніи съ Фр. Энгельсомъ и не понялъ его философіи. Онъ, который могъ обѣими руками черпать изъ богатой сокровищницы великаго мыслителя, онъ долженъ былъ прочесть quasi—философскую статейку г. Конрада Шмидта, чтобы заинтересоваться философскими вопросами и спросить себя: но въ чемъ же собственно заключается философія моего учителя? А что еще хуже, ему достаточно было познакомиться съ парой паралогизмовъ г. К. Шмидта, чтобы выкинуть за бортъ всю эту философію! Это невѣроятно, но это такъ. Это очень печально для школы Маркса-Энгельса! И очень печально прежде всего для г. Бернштейна!

Но какъ бы тамъ ни было, у насъ нѣтъ ни малѣйшей охоты слѣдовать совѣту этого «критика», когда онъ насъ зоветъ: «назадъ къ Канту». Напротивъ, мы призываемъ его: назадъ... къ изученію философіи.

Совѣтуя намъ «вернуться къ Канту», г. Бернштейнъ пытается опереться на статью г. Штерна: «Экономическій и естественно-научный матеріализмъ», напечатанную въ «Neue Zeit» XV г. Г. Штернъ несравненно компетентнѣе въ области философіи, чѣмъ г. Бернштейнъ, и его статья заслуживаетъ полнаго вниманія нашихъ читателей.

Между тѣмъ какъ г. Бернштейнъ «до извѣстной степени» возвращается назадъ къ Канту, г. Штернъ говоритъ намъ о старомъ Спинозѣ и предлагаетъ намъ вернуться къ философіи этого благороднаго и геніальнаго еврейскаго мыслителя. Это нѣчто иное и гораздо болѣе разумное,—чѣмъ призывъ г. Бернштейна. Въ самомъ дѣлѣ, важно и интересно изслѣдовать вопросъ о томъ, есть-ли что нибудь общее между философскими идеями Маркса—Энгельса съ одной стороны и Спинозы—съ другой.

Чтобы имѣть возможность правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, мы прежде всего должны выяснить себѣ, какъ понимаетъ г. Штернъ истинную сущность философскаго ученія. Онъ говоритъ:

«Естественно-научный матеріализмъ, представленный въ древней Греціи Демокритомъ и его школой, въ прошломъ столѣтіи энциклопедистами, въ новое время Карломъ Фогтомъ, Людвигомъ Бюхнеромъ и т. д., и экономическій матеріализмъ Маркса и Энгельса, несмотря на ихъ общее имя, суть двѣ различныя теоріи, относящіяся къ различнымъ областямъ мысли. Первая заключаетъ въ себѣ объясненіе природы, въ частности отношенія между матеріей и духомъ; вторая предлагаетъ объ-

ясненіе исторіи, ея хода и ея событій, и такимъ образомъ является соціологической теоріей».

Это не совсѣмъ такъ.

Во первыхъ, философія «энциклопедистовъ» не ограничивалась однимъ изслѣдованіемъ отношенія между матеріей и духомъ; напротивъ, она пыталась одновременно объяснить исторію помощью матеріалистическаго пониманія [1]). Во-вторыхъ, Марксъ и Энгельсъ были матеріалистами не только въ области историческаго изслѣдованія, они были таковыми и въ области пониманія отношенія между духомъ и матеріей. Въ третьихъ, совершенно ошибочно сбрасывать въ одну кучу матеріализмъ «энциклопедистовъ» и матеріализмъ Фогта и Бюхнера. Это тоже, можно сказать, «двѣ совершенно различныя теоріи».

«Основная мысль натурфилософскаго матеріализма, — продолжаетъ г. Штернъ,—состоитъ въ томъ, что матерія есть нѣчто абсолютное, вѣчно существующее; все духовное (психическое: чувства, ощущенія, воля, мышленіе)—продуктъ матеріи. Матерія обладаетъ безконечными силами («Stoff und Kraft»), которыя вообще можно приравнять къ движенію, тоже вѣчному. Благодаря взаимодѣйствію различныхъ силъ въ сложныхъ животныхъ организмахъ, въ нихъ возникаетъ духъ, исчезающій опять вмѣстѣ съ уничтоженіемъ организма. Все происходящее,—а также человѣческія желанія и дѣйствія—управляется по закону причинности и находится въ зависимости отъ матеріальныхъ причинъ».

Такимъ представляется г. Штерну матеріалистическое ученіе. Правъ ли онъ? И можно ли данную имъ харктеристику примѣнить, напримѣръ, къ матеріализму энциклопедистовъ?

Отвѣту на этотъ вопросъ слѣдуетъ предпослать то замѣчаніе, что въ данномъ случаѣ обозначеніе «энциклопедисты» съ своей стороны совершенно неточно и ведетъ къ заблужденіямъ. Далеко не всѣ энциклопедисты были матеріалистами. Съ другой стороны, въ XVIII столѣтіи во Франціи были матеріалисты, не написавшіе ни одной строки въ „Энциклопедіи.“ Для доказательства достаточно назвать того же Ламеттри.

Это между прочимъ. Существенное состоитъ здѣсь въ томъ, что ни матеріалисты изъ «энциклопедистовъ», ни Ламеттри вовсе не признавали, что всѣ силы матеріи можно свести къ движенію. Г. Штернъ былъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе словами тѣхъ людей, которые, несмотря на свое незнакомство съ исторіей матеріализма, не могутъ себѣ отказать въ удовольствіи поговорить о немъ. Это можно немедленно доказать самымъ неопровержимымъ образомъ.

---

[1]) Я это показалъ въ моемъ очеркѣ о Гельвеціи.

На этотъ разъ я предоставлю слово сначала Ламеттри.

Читатель уже знаетъ, что взглядъ на матерію у Ламеттри, какъ небо отъ земли, далекъ отъ какого бы то ни было «догматизма». Но все таки мы должны подольше остановиться на его философіи.

Ламеттри былъ просто-на-просто картезіанцемъ, послѣдовательно мыслившимъ и обогатившимъ свой умъ всѣми біологическими знаніями своего времени. Дэкартъ утверждалъ, что животныя суть не болѣе какъ машины, т. е. что у нихъ совсѣмъ нѣтъ того, что называется психической жизнью. Ламеттри ловитъ Дэкарта на словѣ. Онъ говоритъ, что если Дэкартъ правъ, то и человѣкъ тоже не болѣе, какъ машина, потому что нѣтъ никакой существенной разницы между человѣкомъ и животными. Отсюда—названіе его знаменитаго сочиненія «L'Homme machine» (Человѣкъ-машина). Однако, такъ какъ человѣкъ ни въ коемъ случаѣ не лишенъ психической жизни, то Ламеттри заключаетъ далѣе, что и животныя тоже одарены психической жизнью. Отсюда названіе другого сочиненія: «Les animaux plus que machines» (Животныя болѣе чѣмъ машины). Впрочемъ, Ламеттри думалъ, что втайнѣ Дэкартъ самъ держался того же взгляда. «Потому что въ общемъ и цѣломъ, хотя онъ и утверждаетъ, что между человѣкомъ и животными есть существенная разница, но видно, что это у него простая увертка, стилистическое упражненіе» etc [1]). И хотя Ламеттри опредѣляетъ человѣка, какъ машину, но этимъ онъ отнюдь не хочетъ сказать, что «всѣ силы матеріи можно свести къ движенію». Напротивъ, онъ этимъ хочетъ выразить нѣчто совсѣмъ иное. Онъ считалъ мышленіе однимъ изъ свойствъ матеріи. «Я признаю,—говоритъ онъ—мышленіе такъ малоотдѣлимымъ отъ организованной матеріи, что мнѣ оно кажется такимъ же свойствомъ этой послѣдней, какъ электричество, сила движенія, непроницаемость, расширяемость etc [2]).

Г. Штернъ, безъ сомнѣнія, возразитъ на основаніи этого, что для Ламеттри мышленіе есть свойство лишь организованной матеріи и что именно въ этомъ заключается Ахиллесова пята всякаго матеріализма. «Совершенно необъяснимо,—говоритъ онъ въ приведенной статьѣ,—какимъ образомъ въ животной клѣточкѣ ощущеніе (основной элементъ психической жизни) является вдругъ, подобно револьверному выстрѣлу; необходимо заключить, что и неорганическимъ тѣламъ свойственна, конечно, только минимальная и простая психика, которая растетъ и усложняется по мѣрѣ того, какъ мы подымаемся по лѣстницѣ живыхъ существъ». Это такъ. Но Ламеттри и не утверждалъ ничего противоположнаго. Здѣсь онъ просто ставитъ вопросъ, не рѣшаясь дать на него опредѣленный

---

[1]) «Oeuvres philosophiques de Monsieur de la Mettrie, T. I, p. 72.
[2])Ibid., p. 73.

отвѣтъ. «Надо согласиться,—говоритъ онъ,—что мы не знаемъ, обладаетъ ли матерія непосредственной способностью ощущенія или лишь способностью пріобрѣтать его подъ вліяніемъ тѣхъ измѣненій, которыя свойственны лишь органическимъ тѣламъ» [1]).

Въ своемъ «L'Homme plante» (человѣкъ-растеніе) онъ выражаетъ свою мысль въ нѣсколько иной формѣ, которая дѣлаетъ ее болѣе опредѣленною. «Изо всѣхъ живыхъ существъ, — говоритъ онъ,—человѣкъ есть то, которое болѣе всѣхъ обладаетъ душой, какъ это по необходимости и должно было быть, а растеніе является тѣмъ изъ нихъ, которое обладаетъ душой въ наименьшей степени». Въ этой мысли заключается цѣликомъ вся теорія «одушевленности матеріи». Но Ламеттри покидаетъ эту теорію, потому что «душа» растеній и минераловъ есть нѣчто совершенно зачаточное. «Хороша душа,—восклицаетъ онъ, — не имѣющая никакихъ стремленій, никакихъ желаній, никакихъ страстей, никакихъ пороковъ и добродѣтелей, и не смущаемая никакой заботой о нуждахъ тѣла»!

Г. Штернъ приводитъ комментарій къ тринадцатой теоремѣ второй части „Этики» Спинозы, гдѣ сказано, что всѣ индивидуумы (individua) въ различной степени одушевлены (quamvis diveris gradibus).

Читатель видитъ теперь, что для Ламеттри с т е п е н ь одушевленности имѣетъ рѣшающее значеніе. Неодушевленнымъ существомъ было для него такое, у котораго способность къ ощущенію не превышала извѣстнаго минимума. И если онъ заявляетъ, что «м ы с л ь» есть плодъ о р г а н и з а ц і и, то этимъ онъ хочетъ сказать, что только у органическихъ «индивидуумовъ» встрѣчаются сравнительно-высшія формы «о д у ш е в л е н н о с т и».

Вотъ почему я не вижу рѣшительно никакой существенной разницы между с п и н о з и з м о м ъ и м а т е р і а л и з м о м ъ Л а м е т т р и.

Какъ обстоитъ дѣло у «энциклопедистовъ»?

«Первая способность, которую мы встрѣчаемъ у живого человѣка и которую надо отдѣлить ото всѣхъ остальныхъ, — говоритъ Гольбахъ, — э т о ч у в с т в и т е л ь н о с т ь» (т. е. о щ у щ е н і е, Н. Б.).

„Какъ бы непонятной ни казалась намъ на первый взглядъ эта способность, мы все-таки находимъ при болѣе близкомъ изслѣдованіи, что она есть плодъ природы и свойствъ организованнаго тѣла, подобно тому, какъ сила тяжести, магнетизмъ, упругость и т. д. являются плодомъ природы или свойствъ нѣкоторыхъ другихъ тѣлъ... Нѣкоторые философы держатся того взгляда, что ощущеніе есть общее свойство матеріи; въ данномъ случаѣ было бы безполезнымъ изслѣдовать, откуда берется у нея это свойство, знакомое намъ по его проявленіямъ. Если допустить

---

1) «Traité de l'âme etc.», chap IV. Въ этомъ соч. Ламеттри придерживается еще старой терминологіи, которую онъ впослѣдствіи оставилъ.

такую гипотезу, то можно было бы различить два рода воспріятій, подобно тому, какъ въ природѣ различаются два рода движенія, — одно, извѣстное подъ именемъ живой силы, другое, называемое силой инерціи [1]),—родъ активнаго или живого воспріятія и пассивнаго или инертнаго. Въ послѣднемъ случаѣ одушевленность субстанціи состояла бы лишь въ отсутствіи препятствій, которыя ей мѣшаютъ быть активной и воспріимчивой. Однимъ словомъ: воспріятіе представляетъ собою или такое свойство, которое можетъ быть сообщено, какъ движеніе, и можетъ быть пріобрѣтено благодаря организаціи, или же воспріятіе есть свойство, присущее всякой матеріи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ носителемъ его не можетъ быть безтѣлесная субстанція, какою воображаютъ себѣ человѣческую душу" [2]).

Г. Штернъ самъ видитъ теперь, что матеріалистическая философія Гольбаха не имѣетъ ничего общаго съ доктриной, приписываемой имъ «энциклопедистамъ».

Гольбахъ зналъ очень хорошо, что не всѣ силы матеріи можно свести къ движенію. Онъ ничего не возражаетъ противъ гипотезы объ «одушевленности матеріи»; но онъ не останавливается на этой гипотезѣ, потому что его вниманіе приковываетъ къ себѣ другая задача. Онъ старается прежде всего привести доказательства въ пользу того, что для объясненія явленій психической жизни намъ нѣтъ необходимой надобности предполагать существованіе безтѣлесной субстанціи...

Пойдемъ дальше. Гольбахъ былъ не единственнымъ творцомъ «Systeme de la Nature». Дидро былъ выдающимся сотрудникомъ въ этомъ сочиненіи. Дидро былъ матеріалистомъ. Каковъ былъ матеріализмъ этого человѣка, который съ большимъ правомъ, чѣмъ кто бы то ни было, можетъ быть названъ «энциклопедистомъ»?

Дидро показалъ свое отношеніе къ Спинозѣ въ небольшой статьѣ «Spinosiste», напечатанной въ пятнадцатомъ томѣ «Энциклопедіи».

«Не слѣдуетъ»,—говоритъ онъ здѣсь,—«смѣшивать однимъ съ другими старыхъ и новыхъ спинозистовъ. Послѣдніе исходятъ изъ того основного принципа, что матерія способна ощущать; они подтверждаютъ эту мысль, указывая на яйцо, безжизненное тѣло, постепенно превращающееся, единственно подъ вліяніемъ возрастающей теплоты, въ одаренное ощущеніемъ живое существо; они ссылаются также на ростъ каждаго животнаго, которое въ началѣ является простой точкой и только благодаря ассимиляціи растительныхъ веществъ и всѣхъ другихъ субстанцій, служащихъ ему пищей, становится большимъ, чувствующимъ и живымъ тѣломъ. Отсюда они заключаютъ, что существуетъ одна только матерія и что ея существованіе служитъ достаточнымъ объясненіемъ всѣхъ явленій. Въ остальномъ они твердо держатся всѣхъ выводовъ стараго спинозизма».

[1]) Терминологія Гольбаха въ наше время больше не употребительна.

[2]) Système de la Nature, T. I, pp. 88—89 и 90—91.

Изъ этого еще не совсѣмъ ясно видно, въ чемъ состоитъ, по мнѣнію Дидро, превосходство новаго спинозизма сравнительно со старымъ, но совершенно несомнѣнно то, что Дидро признавалъ спинозизмъ правильнымъ ученіемъ и боялся не вытекающихъ изъ него выводовъ. Въ общемъ и цѣломъ можно сказать, что Карлъ Розенкранцъ былъ совершенно правъ, когда онъ писалъ въ своей извѣстной книгѣ «Сочиненія Дидро и его жизнь» (т. I, S. 149): «Втайнѣ спинозизмъ, — особенно начиная съ Буллэнвилье, — былъ признаваемъ всѣми французами, перешедшими черезъ сенсуализмъ къ матеріализму»... [1]).

А какъ относятся матеріалисты XIX столѣтія къ интересующему насъ вопросу?

Людвигъ Фейербахъ довольно пренебрежительно смотрѣлъ на французскихъ матеріалистовъ XVIII столѣтія. «Нѣтъ ничего болѣе ложнаго,—говоритъ онъ,—какъ вести происхожденіе нѣмецкаго матеріализма отъ «Système de la Nature» или даже отъ трюфельнаго паштета Ламеттри» [2]). Тѣмъ не менѣе, онъ самъ стоялъ обѣими ногами на почвѣ французскаго матеріализма.

Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи «О спиритуализмѣ и матеріализмѣ»: «Для абстрактнаго мыслителя... мысль, это —внѣмозговой актъ, но для врача—это дѣятельность мозга». Именно это и хотѣлъ доказать Ламеттри въ своемъ «L'Homme machine». «Медицина, всеобщая патологія, есть родина и источникъ матеріализма», говоритъ Фейербахъ немного далѣе [3]). И опять то же самое утверждаетъ и Ламметри [4]). Всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что его собственная болѣзнь послужила исходной точкой его размышленій объ отношеніи между душой и тѣломъ.

«Но медицина служитъ источникомъ не безразсуднаго и отвлеченнаго матеріализма, а... имманентнаго матеріализма, держащагося за человѣка —говоритъ Фейербахъ.—Именно въ этомъ и состоитъ Архимедова точка зрѣнія въ спорѣ матеріализма со спиритуализмомъ, такъ какъ рѣчь идетъ

---

[1]) Въ то же время весьма вѣроятно, пожалуй даже вполнѣ вѣрно, что Дидро отрицалъ только то, что называютъ пантеизмомъ Спинозы.

[2]) Соч. 10 т., S. 123.

[3]) Соч. 10 томъ, S. 128.

[4]) Спиритуалисты знаютъ это очень хорошо. Авторъ біографіи Ламеттри въ «Biographie Universelle ancience et moderne» изображаетъ сочиненіе «L'homme machine», какъ «мерзкое сочиненіе, въ которомъ безъ обиняковъ развито неутѣшительное ученіе матеріализма». Но въ чемъ состоитъ это ученіе? Вотъ въ чемъ, слушайте. «Такъ какъ во время своей болѣзни онъ сдѣлалъ наблюденіе, что ослабленіе его духовныхъ силъ послѣдовало за ослабленіемъ его органовъ, то онъ заключилъ изъ этого, что мышленіе есть лишь продуктъ тѣлесной организаціи и имѣлъ смѣлость опубликовать свой взглядъ». Какой ужасъ! Какое нелѣпое лжеученіе!!

въ немъ, въ концѣ концовъ, не о дѣлимости или недѣлимости матеріи, но о дѣлимости и недѣлимости человѣка... не о матеріи, находящейся внѣ человѣка, а о матеріи, находящейся въ человѣческомъ черепѣ. Словомъ, въ этомъ спорѣ рѣчь идетъ,—когда онъ ведется не безъ участія головы,—лишь о головѣ человѣка» [1]).

Такъ же смотрятъ на этотъ споръ Ламеттри, Гольбахъ и многіе другіе матеріалисты изъ «энциклопедистовъ». И именно потому, что таково было ихъ мнѣніе, они, за весьма небольшими исключеніями, относились довольно равнодушно къ теоріи одушевленности той матеріи, которая не «находится въ человѣческомъ черепѣ». Точка зрѣнія Фейербаха и въ этомъ отношеніи была также точкой зрѣнія французскихъ матеріалистовъ.

Но въ то же время неоспоримо, что Фейербахъ хотѣлъ только до опредѣленной точки, но не далѣе, идти съ матеріалистами. Онъ неоднократно заявлялъ, что истина для него «ни въ матеріализмѣ, ни въ идеализмѣ, ни въ философіи, ни въ психологіи!»—Откуда это отклоненіе отъ теоріи, которая въ сущности заключала въ себѣ его собственный взглядъ?

Энгельсъ объяснилъ это: Фейербахъ отождествлялъ матеріализмъ съ особой формой, въ которую вылилось это міросозерцаніе на извѣстной исторической ступени, а именно въ XVIII столѣтіи. А что касается собственно французскаго матеріализма, то Фейербахъ смѣшивалъ его съ той опошленной, вульгарной формой, въ которой продолжаетъ существовать въ головахъ естествоиспытателей и врачей матеріализмъ XVIII столѣтія и которую онъ имѣлъ въ пятидесятыхъ годахъ у Бюхнера, Фогта и Молешотта. Я иду дальше Энгельса и говорю: Фейербахъ не зналъ, что онъ въ XIX столѣтіи былъ настоящимъ реставраторомъ матеріализма XVIII вѣка и что онъ является представителемъ этого матеріализма со всѣми его преимуществами и со всѣми его недостатками.

Фейербахъ держался того взгляда,—раздѣляемаго теперь г. Штерномъ,—что французскіе матеріалисты сводили всѣ силы матеріи къ движенію. Я уже показалъ, что этотъ взглядъ совершенно невѣренъ и что въ этомъ отношеніи французскіе матеріалисты были не болѣе «матеріалистичны», чѣмъ самъ Фейербахъ. Но отклоненіе Фейербаха отъ французскаго матеріализма заслуживаетъ очень большого вниманія, потому что оно такъ же рѣзко характеризуетъ его собственное міросозерцаніе, какъ и міросозерцаніе Маркса и Энгельса. По Фейербаху, источникъ познанія въ психологіи совершенно иной, чѣмъ въ физіологіи. Но въ чемъ состоитъ различіе этихъ двухъ источниковъ познанія? Фейербахъ даетъ очень характерный отвѣтъ. «Что для меня, или субъективно, есть духовный актъ, то само въ себѣ, т. е.

---

[1]) Feuerbach. Werke, т. 10, стр. 128—129.

объективно, есть актъ матеріальный, чувственный» [1]). Это, какъ видимъ, то же, что говоритъ г. Штернъ: «Такъ, напримѣръ, голодъ, разсматриваемый матеріально, есть недостатокъ извѣстныхъ тѣлесныхъ соковъ; разсматриваемый же психически, онъ есть чувство неудовлетворенности; сытость матеріально есть пополненіе недочета организма, психически—чувство удовлетворенія». Но вѣдь г. Штернъ спинозистъ. Ergo... ergo, Фейербахъ тоже стоитъ на точкѣ зрѣнія Спинозы.

И, въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Фейербахъ былъ такимъ же спинозистомъ, какимъ былъ, въ свое время, Дидро.

Достаточно прочесть его сочиненія съ нѣкоторымъ вниманіемъ, достаточно обладать хоть сколько-нибудь яснымъ понятіемъ о развитіи современной философіи,—начиная Спинозой и кончая Гегелемъ,—чтобы не сомнѣваться въ этомъ ни на одну минуту. «Спиноза есть настоящій виновникъ современной спекулятивной философіи, Шеллингъ ея реставраторъ, Гегель ея завершитель»,—говоритъ онъ въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ сочиненій. «Тайна» истинный смыслъ спинозизма,—по Фейербаху,—есть природа. «Что представляетъ собою при тщательномъ разсмотрѣніи то, что Спиноза логически или метафизически называетъ субстанціей, теологически—богомъ? Не что иное, какъ природу». [2]). Это сильная сторона Спинозы, въ этомъ «его историческое значеніе и достоинство». (Природа есть также «тайна» Фейербаха.—Н. Б.). Но Спиноза не былъ въ состояніи порвать съ теологіей. «Природа для него не природа; чувственная, антитеологическая сущность природы для него лишь отвлеченная метафизическая, теологическая сущность... Спиноза дѣлаетъ изъ природы божество» [3]), И въ этомъ заключается его «основной недостатокъ». Фейербахъ исправляетъ этотъ недостатокъ спинозизма вставляя aut-aut вмѣсто sive. Не «Deus sive Natura», а «aut Deus, aut Natura» есть пароль истины; тамъ, гдѣ богъ отождествляется съ природой... тамъ нѣтъ ни бога, ни природы, а есть лишь мистическій земноводный гермафродитъ» [4]).

Мы уже видѣли, что именно такой упрекъ дѣлалъ Дидро спинозизму въ цитированной выше статьѣ «Spinosiste», напечатанной въ «Энциклопедіи». Г. Штернъ возразитъ, пожалуй, что Спиноза не заслуживалъ такого упрека, но здѣсь это насъ не касается. Здѣсь идетъ рѣчь объ отвѣтѣ на вопросъ, въ какомъ отношеніи находится философія Фейербаха къ философіи Спинозы. А что касается этого отвѣта, то онъ гласитъ такъ:

---

[1]) Примѣчаніе для марксистовъ, идущихъ «назадъ къ Канту»: «въ себѣ» Фейербаха не имѣетъ ничего общаго съ «an sich» автора «Критики чистаго разума».

[2]) Соч., II т.; S. 244; IV т., S. 380.

[3]) Соч., IV т., S. 391.

[4]) Соч., IV т., S. 392.

Матеріалистическая философія Фейербаха была, какъ и философія Дидро, лишь родомъ спинозизма.

А теперь перейдемъ къ Марксу и Энгельсу.

Эти писатели были въ теченіе нѣкотораго времени восторженными приверженцами Фейербаха. Энгельсъ пишетъ: «мы всѣ были въ восторгѣ (послѣ выхода «сущности христіанства».—Н. Б.) и всѣ стали на время послѣдователями Фейербаха. Съ какимъ воодушевленіемъ привѣтствовалъ Марксъ новое воззрѣніе и какъ сильно повліяло оно на него, — несмотря на всѣ его критическія оговорки,—можно видѣть изъ книги «Die heilige Familie».

Однако, уже въ февралѣ 1845 г. Марксъ съ проницательностью генія увидѣлъ «главный недостатокъ» Фейербаховскаго матеріализма. Этотъ главный недостатокъ состоялъ въ томъ, что у него «дѣйствительный, воспринимаемый чувствами, предметный міръ разсматривается лишь въ формѣ объекта или формѣ созерцанія, а не формѣ практики, не субъективно. «Эта критика становится исходнымъ пунктомъ новой фазы въ развитіи матеріализма, которая ведетъ къ матеріалистическому объясненію исторіи. Предисловіе сочиненія. «Къ критикѣ политической экономіи» заключаетъ въ себѣ то, что можно было бы назвать «Пролегоменами ко всякой будущей соціологіи, которая могла бы выступить, какъ наука».

Но замѣтьте, что критика Маркса-Энгельса не касается основной точки зрѣнія Фейербаховскаго матеріализма. Совсѣмъ напротивъ!

Когда Энгельсъ пишетъ, что «къ лагерю мотерсалистовъ надо отнести всѣхъ тѣхъ, которые основнымъ началомъ считаютъ природу» (см. его сочиненіе «Людвигъ Фейербахъ»), то онъ только повторяетъ слова Фейербаха: «Истинное отношеніе мышленія къ бытію состоитъ лишь въ томъ, что бытіе это—субъектъ; мышленіе,—предикатъ; мышленіе происходитъ изъ бытія, а небытіе изъ мышленія» [1]). А такъ какъ точка зрѣнія Фейербаха была точкой зрѣнія спинозиста, то ясно, что и тождественная съ нею философская точка зрѣнія Энгельса не могла быть иною.

Строго говоря, то положеніе, что «мышленіе происходитъ изъ бытія, а не бытіе изъ мышленія», несогласно съ ученіемъ Спинозы. Но то «мышленіе», о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть человѣческое сознаніе, т. е. высшая форма «мышленія», и предпосылка бытія этому мышленію ни въ коемъ случаѣ не исключаетъ «одушевленности матеріи». Чтобы въ этомъ убѣдиться, надо только прочесть 236 стр. II т. сочин. Фейербаха и 21 и 22 стр. книги Энгельса: «Ludwig Feuerbach». Всѣмъ извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ Энгельсъ говорилъ о матеріализмѣ Карла Фогта, Молешота и т. п. Но это именно тотъ матеріализмъ, который можно было

[1]) Werke, II, S. 263.

съ извѣстнымъ правомъ упрекнуть въ томъ, что онъ хотѣлъ всѣ силы матеріи свести къ движенію. Я убѣжденъ, что опубликованіе рукописей, находящихся среди литературнаго наслѣдства Маркса и Энгельса, внесетъ новый свѣтъ въ этотъ вопросъ [1]). А пока что, я съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ утверждаю, что Марксъ и Энгельсъ въ матеріалистическій періодъ своего развитія никогда не покидали точки зрѣнія Спинозы. И это мое убѣжденіе основывается, между прочимъ на личномъ свидѣтельствѣ Энгельса.

Въ 1889 г. я, побывавъ на международной выставкѣ въ Парижѣ, отправился въ Лондонъ, чтобы лично познакомиться съ Энгельсомъ. Я имѣлъ удовольствіе въ продолженіе почти цѣлой недѣли вести съ нимъ продолжительные разговоры на разныя практическія и теоретическія темы. Однажды зашелъ у насъ разговоръ о философіи. Энгельсъ рѣзко осуждалъ то, что Штернъ весьма неточнымъ образомъ называетъ «натурфилософскимъ матеріализмомъ». «Такъ, по вашему,—спросилъ я,– старикъ Спиноза былъ правъ, говоря, что мысль и протяженіе не что иное, какъ два аттрибута одной и той же субстанціи»? «Конечно», отвѣтилъ Энгельсъ «старикъ Спиноза былъ вполнѣ правъ».

Если мои воспоминанія меня не обманываютъ, при нашемъ разговорѣ присутствовалъ извѣстный химикъ Шорлеммеръ; былъ при этомъ и еще П. Б. Аксельродъ. Шорлеммера уже нѣтъ въ живыхъ, но другой изъ нашихъ собесѣдниковъ еще здравствуетъ и въ случаѣ нужды, конечно, не откажется подтвердить точность моего сообщенія.

Еще два слова. Въ своемъ предисловіи къ «Людвигу Фейербаху» Энгельсъ говоритъ, между прочимъ, объ «эклектической похлебкѣ», которою угощаютъ теперь слушателей въ нѣмецкихъ университетахъ подъ названіемъ философіи. При его жизни этой великолѣпной похлебки еще не преподносили нѣмецкимъ рабочимъ. Теперь Конрадъ Шмидтъ разноситъ ее среди нихъ. Это, именно, та похлебка, вкушеніе которой такъ счастливо «возбудило» г. Бернштейна. Конрадъ Шмидтъ создаетъ школу. Не излишне, поэтому, анализировать его эклектическую похлебку посредствомъ чувствительнаго реактива: философіи Маркса-Энгельса. Я сдѣлаю это въ слѣдующей статьѣ.

---

[1]) Когда я писалъ эти строки (1898 г.), я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, диссертацію Маркса объ Эпикурѣ, которая тогда еще не была напечатана и о существованіи которой я зналъ отъ Энгельса еще съ 1889 года. Впослѣдствіи эта диссертація напечатана была въ изданномъ Фр. Мерингомъ собраніи раннихъ сочиненій Маркса и Энгельса. Но она не оправдала моихъ ожиданій, такъ какъ въ ней Марксъ еще цѣликомъ стоитъ на идеалистической точкѣ зрѣнія.

Конрадъ Шмидтъ противъ Карла Маркса и Фридриха Энгельса [1]).

Читателю извѣстно, что Эдуардъ Бернштейнъ «до извѣстной степени» возвращается къ Канту и что его возвращеніе вызвано было «до извѣстной степени» вліяніемъ Конрада Шмидта. Каковы же философскіе взгляды этого послѣдняго?

Г. Конрадъ Шмидтъ изложилъ эти свои взгляды: 1) въ статьѣ, озаглавленной: «Ein neues Buch über die materialistische Geschichtsauffassung», и появившейся въ берлинскомъ «Akademiker» 1896 г. (іюль и августъ); 2) въ статьѣ, посвященной книгѣ Кроненберга: «Kant, sein Leben und seine Lehre». Эта вторая статья была напечатана въ третьемъ приложеніи къ берлинской же газетѣ «Vorwärts» отъ 17 октября 1897 г.

Эти двѣ статьи мы и будемъ имѣть здѣсь въ виду.

Если вѣрить Конраду Шмидту, то Марксъ и Энгельсъ объявили «теоретико-познавательный идеализмъ» опровергнутымъ въ такое время, когда онъ вовсе еще не былъ опровергнутъ. Подъ теоретико-познавательнымъ идеализмомъ надо понимать идеализмъ Канта; это разумѣется само собою, впрочемъ, г. Конрадъ Шмидтъ категорически заявляетъ это. Онъ говоритъ: «не діалектически-эволюціонистическая... метафизика Гегеля, а «Критика чистаго разума Канта» является представительницей идеализма».

Марксъ и Энгельсъ въ самомъ дѣлѣ были противниками Кантова ученія и были таковыми вотъ на какомъ основаніи.

Въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Ludwig Feuerbach» Энгельсъ говоритъ, что ученіе Канта о непознаваемости вещей въ себѣ было опровергнуто уже Гегелемъ, а послѣ него, хотя и не съ такой глубиной, Фейербахомъ. Къ этому онъ прибавляетъ: «А лучше всего разбиваются эти философскія измышленія самой практикой, т. е. опытомъ и промышленностью. Мы можемъ доказать правильность нашего пониманія даннаго явленія природы тѣмъ, что мы сами его вызываемъ, порождаемъ его изъ его условій и заставляемъ служить нашимъ цѣлямъ. Такимъ образомъ Кантовской вещи «самой по себѣ» приходитъ конецъ».

---

[1]) Эта статья была напечатана, въ октябрѣ 1898 г., въ одномъ нѣмецкомъ періодическомъ изданіи.

Въ предисловіи къ англійскому переводу своего сочиненія «Отъ утопіи до науки» Энгельсъ аргументируетъ такимъ же образомъ, критикуя агностицизмъ.

«Нашъ агностикъ признаетъ,—говоритъ онъ тамъ,—что все наше знаніе основывается на тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы получаемъ черезъ посредство нашихъ чувствъ. Но,—спрашиваетъ агностикъ,—откуда знаемъ мы, что наши чувства доставляютъ намъ правильное изображеніе воспринимаемыхъ ими вещей? И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ сообщаетъ намъ, что когда онъ говоритъ о вещахъ или объ ихъ свойствахъ, то на самомъ дѣлѣ онъ понимаетъ подъ этимъ не самыя эти вещи и ихъ свойства: онъ ничего не можетъ знать о нихъ съ точностью, онъ знаетъ только тѣ впечатлѣнія, которыя они производятъ на наши внѣшнія чувства. Это, конечно, такой взглядъ, съ которымъ трудно справиться съ помощью простой аргументаціи. Но прежде, чѣмъ люди стали аргументировать, они дѣйствовали. «Вначалѣ было дѣло». И человѣческая дѣятельность устранила эту трудность прежде, чѣмъ ее придумало человѣческое мудрствованіе. The proof of the pudding is in the eating. Разъ мы употребляемъ эти вещи сообразно тѣмъ свойствамъ, которыя открываютъ въ нихъ наши внѣшнія чувства, то мы тѣмъ самымъ подвергаемъ непогрѣшимой провѣркѣ правильность нашихъ чувственныхъ воспріятій. Если эти воспріятія неправильны, то должны быть ошибочны и наши сужденія о годности данной вещи для даннаго употребленія, и потому наша попытка воспользоваться этой вещью для нашихъ цѣлей должна окончиться неудачей. Если же мы достигаемъ нашей цѣли; если мы находимъ, что вещь соотвѣтствуетъ нашему представленію о ней; если она оказывается годной для того употребленія, къ которому мы ее предназначаемъ, то это служитъ положительнымъ доказательствомъ того, что въ этихъ границахъ наши представленія о вещи и объ ея свойствахъ совпадаютъ съ существующей внѣ насъ дѣйствительностью».

Итакъ, the proof of the pudding is in the eating. Таковъ главный доводъ, воздвигаемый Энгельсомъ противъ ученія Канта и противъ агностицизма.

Марксъ придерживался въ сущности той же самой аргументаціи, когда писалъ въ 1845 году во второй тезѣ о Фейербахѣ: «Вопросъ о томъ, способно ли человѣческое мышленіе познать предметы въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ дѣйствительности, вовсе не теоретическій, а практическій вопросъ. Практикой долженъ доказать человѣкъ истину своего мышленія, т. е. доказать, что оно имѣетъ дѣйствительную силу и не останавливается по сю сторону явленій!»

Но г. Конрадъ Шмидтъ считаетъ эту аргументацію до послѣдней степени слабой.

«Это то же самое,—пишетъ онъ,—какъ если бы мы сказали: тотъ

фактъ, что во внѣшней природѣ мы находимъ связь и законосообразность, и благодаря этому можемъ цѣлесообразно воздѣйствовать на природу, этотъ фактъ съ совершенной ясностью доказываетъ, что наше познаніе природы есть познаніе того, что существуетъ въ дѣйствительности; намъ нѣтъ никакой надобности научно анализировать и опровергать сомнѣнія, выдвигаемыя на этотъ счетъ идеализмомъ, мы можемъ просто оставить его въ сторонѣ, какъ пустое измышленіе».

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Ни Фейербахъ, ни Марксъ и Энгельсъ, испытавшіе на себѣ его вліяніе, не вошли въ разсмотрѣніе основного вопроса, не схватили быка за рога».

Докторъ Конрадъ Шмидтъ могъ сказать это единственно потому, что онъ самъ не понялъ, въ чемъ заключается основной вопросъ Кантовскаго идеализма, т. е. единственно потому, что онъ самъ не сумѣлъ схватить быка за рога.

Я постараюсь ему объяснить это дѣло съ возможно большей простотою

Что такое явленіе? Это состояніе нашего сознанія, вызываемое дѣйствіемъ на насъ вещей самихъ по себѣ. Такъ говоритъ Кантъ. Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что предусмотрѣть данное явленіе значитъ предусмотрѣть то дѣйствіе, которое окажетъ на наше сознаніе вещь сама по себѣ. Теперь спрашивается: можемъ ли мы предусматривать нѣкоторыя явленія? Отвѣтъ: конечно, можемъ. Намъ ручается за это наша наука и наша технологія. Но вѣдь это именно означаетъ, что мы можемъ предусмотрѣть дѣйствія, которыя будутъ произведены на насъ названными вещами. Если же мы предусматриваемъ нѣкоторыя дѣйствія на насъ вещей самихъ по себѣ, то это значитъ, что намъ извѣстны нѣкоторыя ихъ свойства. А если намъ извѣстны нѣкоторыя свойства вещей самихъ по себѣ, то мы не имѣемъ права называть эти вещи непознаваемыми. Это «измышленіе» Канта падаетъ, разбиваемое логикой его собственнаго ученія. Вотъ что хотѣлъ сказать Энгельсъ своимъ пуддингомъ.

Его доказательство такъ же ясно и неопровержимо, какъ доказательство математической теоремы. Теоретическая позиція Маркса и Энгельса неприступна [1]). Да докторъ Шмидтъ вовсе и не пытается взять ее. Онъ довольствуется тѣмъ замѣчаніемъ, что воздвигнуть такую позицію—значитъ не опровергнуть идеализмъ, а уклониться отъ его разсмотрѣнія. Я предоставляю читателю судить о томъ, кто «уклоняется» отъ разсмотрѣнія спорнаго предмета, Марксъ и Энгельсъ, или же г. Конрадъ Шмидтъ.

[1]) Этимъ я вовсе не хочу сказать, что Марксъ и Энгельсъ были первыми, выдвинувшими противъ Канта это доказательство. Въ сущности его можно найти уже у Якоби. Но это для меня здѣсь не важно. Мнѣ только нужно показать, что Марксъ и Энгельсъ критиковали кантіанизмъ, а не «уклонялись отъ его разсмотрѣнія», какъ это утверждаетъ докторъ К. Шмидтъ.

Меня спросятъ, пожалуй: но гдѣ же Кантъ сказалъ, что явленіе есть продуктъ дѣйствія на насъ вещей самихъ по себѣ? Отвѣтъ даетъ слѣдующее мѣсто изъ «Пролегоменъ».

«Идеализмъ состоитъ въ томъ утвержденіи, что нѣтъ никакихъ другихъ существъ, кромѣ мыслящихъ; согласно этому, прочія вещи, воспринимаемыя нами, были бы только представленіями мыслящихъ существъ, представленіями, которымъ не соотвѣтствовали бы никакіе предметы внѣ этихъ существъ. Напротивъ, я утверждаю: вещи даны намъ, какъ внѣ насъ находящіеся предметы нашихъ внѣшнихъ чувствъ; однако, о томъ, каковы эти вещи могутъ быть сами по себѣ, мы ничего не знаемъ; намъ извѣстны только явленія, т. е. тѣ представленія, которыя онѣ вызываютъ въ насъ, дѣйствуя на наши внѣшнія чувства. Значитъ, я во всякомъ случаѣ признаю, что внѣ насъ существуютъ тѣла, т. е. вещи, совершенно неизвѣстныя намъ сами по себѣ, но которыя мы знаемъ по представленіямъ, вызываемымъ въ насъ ихъ дѣйствіями на наши внѣшнія чувства, и которыя мы обозначаемъ словомъ «тѣло»—словомъ относящимся, стало быть, къ явленію этого неизвѣстнаго намъ, но тѣмъ не менѣе существующаго предмета. Можно ли назвать это идеализмомъ? Это прямая противоположность ему» [1]).

Никакое сомнѣніе невозможно относительно, сказаннаго здѣсь Кантомъ, а пока оно останется невозможнымъ, останутся неопровержимыми и тѣ возраженія, которыя сдѣланы были Марксомъ и Энгельсомъ противъ мнимой непознаваемости вещей самихъ по себѣ. Познать эти вещи черезъ посредство тѣхъ представленій, которыя онѣ въ насъ вызываютъ, вѣдь это и значитъ познать ихъ! «Догматики»—матеріалисты никогда не утверждали, что для названія вещей самихъ по себѣ у насъ есть какія нибудь другія средства, кромѣ дѣйствія, производимаго ими на наши внѣшнія чувства. Мы достаточно показали это въ нашей статьѣ: «Бернштейнъ и матеріализмъ». Безполезно повторять здѣсь приведенныя тамъ цитаты, но не мѣшаетъ привести здѣсь еще два краткихъ заявленія двухъ извѣстныхъ матеріалистовъ.

Гольбахъ говоритъ «какъ бы ни дѣйствовало на насъ данное тѣло, мы приходимъ къ его познанію только благодаря тѣмъ измѣненіямъ, которыя оно въ насъ вызываетъ».

Въ «Abrégé des systemes» Ламеттри мы встрѣчаемъ интересныя замѣчанія о томъ, что мы можемъ познать только нѣкоторыя, «совершенно относительныя» свойства «внѣшнихъ» вещей и что большая часть нашихъ ощущеній и представленій до такой степени зависитъ отъ нашихъ органовъ, что немедленно измѣняется вслѣдъ за измѣненіями, совершающимися въ этихъ послѣднихъ.

[1]) «Prolegomena», herausgegeben von J. H. von Kirchmann. Heidelberg 1882. S. $^{39}/_{40}$.

Надо помнить, что слово «познать», вообще, не имѣетъ никакого другого смысла. Узнать данную вещь именно и значитъ узнать ея свойства. А что такое свойство вещи? Это именно тотъ способъ, которымъ она дѣйствуетъ на насъ посредственно или непосредственно [1]).

Сказать, что вещи сами по себѣ для насъ непознаваемы, а что мы знаемъ только впечатлѣнія, ими на насъ производимыя, это тоже, что сказать если мы отвлечемся отъ дѣйствія на насъ вещей самихъ по себѣ, то мы не въ состояніи будемъ представить себѣ, какимъ образомъ онѣ могли бы на насъ дѣйствовать. Если матеріалисты восемнадцатаго вѣка говорили, что мы знаемъ только внѣшность, «скорлупу» вещей, то они говорили въ сущности именно то, что сказано мной въ предыдущей фразѣ. А это неправильная мысль, и матеріалисты, ее высказывавшіе, въ сущности, хотя и не сознавая этого, измѣняли своей собственной теоріи познанія. Несравненно лучше выразился Гете, сказавшій:

Nichts ist innen, Nichts ist draussen.

Denn was innen, dass ist aussen.

Это истинно матеріалистическій взглядъ на интересующій насъ предметъ.

Далѣе. Вещи въ себѣ дѣйствуютъ на насъ; Кантъ признаетъ это. Дѣйствовать на предметъ — значитъ имѣть нѣкоторое отношеніе къ нему. Стало быть, если мы знаемъ — по крайней мѣрѣ отчасти — дѣйствіе на насъ вещей, то мы знаемъ — по крайней мѣрѣ отчасти — и тѣ отношенія, которыя существуютъ между нами и ими. Но если мы знаемъ эти отношенія, то намъ извѣстны также — черезъ посредство нашихъ воспріятій — и отношенія, существующія между вещами самими по себѣ. Это, конечно, не «непосредственное» познаніе, но это все-таки познаніе, и если оно у насъ есть, то мы не имѣемъ ни малѣйшаго права утверждать, что тѣ отношенія, которыя существуютъ между вещами самими по себѣ, недоступны для нашего познанія.

Вещи дѣйствуютъ на наши внѣшнія чувства и вызываютъ въ насъ извѣстныя ощущенія: Кантъ признаетъ это. А вѣдь это значитъ, что вещи причиняютъ намъ ощущенія. Но тотъ же самый Кантъ говоритъ, что категорія причинности — равно, какъ и всѣ прочія категоріи — не примѣнима къ вещамъ самимъ по себѣ. Тутъ онъ противорѣчитъ себѣ самымъ очевиднымъ образомъ.

---

[1]) «Невозможно узнать о вещи больше того, къ чему можетъ быть умозаключено на основаніи тѣхъ явленій, въ которыхъ она участвуетъ». Pristley «A free discussion on the principles of materialism», London, 1778, P. 20. «Опредѣленіе вещи, субстанціи или сущности (называйте, какъ хотите) можетъ состоять только въ перечисленіи ея извѣстныхъ намъ свойствъ... Если мы отнимемъ всѣ извѣстныя намъ свойства, то не останется ничего, о чемъ можно было бы имѣть представленіе». Тамъ же, стр. 46.

Такъ же сильно противорѣчитъ онъ себѣ и въ вопросѣ о времени. Вещи въ себѣ могутъ дѣйствовать на насъ, очевидно, только во времени; а между тѣмъ Кантъ считаетъ время лишь субъективной формой нашего созерцанія.

Въ ученіи Канта есть еще и другія противорѣчія; мы не коснемся ихъ здѣсь. Сказанное нами выше достаточно показываетъ, что названное ученіе останется противорѣчивымъ до тѣхъ поръ, пока мы будемъ признавать,—въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что говоритъ самъ Кантъ въ своихъ «Пролегоменахъ»—что вещи въ себѣ служатъ причиной нашихъ ощущеній.

Нѣкоторые сторонники кантіанизма замѣтили это противорѣчіе и пытались устранить его. Такъ, напримѣръ, докторъ Лассвицъ, въ своей книгѣ: «Die Lehre Kants von der Idealität des Raumes und der Zeit», Berlin, 1883, говоритъ: «Вполнѣ справедливо, что для вещей самихъ по себѣ нѣтъ ни времени, ни причинности, и именно это показалъ Кантъ. Но кто же утверждалъ, что вещи въ себѣ служатъ причиной нашихъ ощущеній? (Мы видѣли, что утверждалъ это самъ Кантъ. Н. Б.). Это ошибочное истолкованіе ученія Канта часто встрѣчается даже у философовъ. Постоянно повторяютъ, что вещи въ себѣ, аффицируя наше сознаніе, вызываютъ наши ощущенія, а между тѣмъ ясно, что простой Noumenone, какъ нѣчто противоположное реально существующему, не можетъ оказывать никакого дѣйствія. Вещи въ себѣ могутъ быть чѣмъ имъ угодно; для нашего опыта, это совершенно безразлично. Опытъ возникаетъ благодаря взаимодѣйствію между разсудкомъ и чувственностью, и вещь въ себѣ всегда есть не болѣе, какъ неясное представленіе нашего разсудка о своихъ собственныхъ границахъ; на характеръ нашего опыта эта вещь также мало вліяетъ, какъ мое отраженіе въ зеркалѣ на движеніе моего тѣла».

Чтобы спасти кантіанизмъ г. Лассвицъ вступаетъ въ рѣшительное противорѣчіе съ самимъ Кантомъ, объявляя не существующимъ и невозможнымъ совершенно недвумысленное заявленіе этого послѣдняго. Странный пріемъ! Какъ могъ прибѣгнуть къ нему г. Лассвицъ?

Онъ могъ прибѣгнуть къ нему только потому, что, противорѣча Канту, онъ могъ въ тоже самое время опереться на самого Канта.

Мы уже сказали, что Кантъ нерѣдко противорѣчитъ самъ себѣ. Вотъ, напримѣръ, что читаемъ мы въ его «Критикѣ чистаго разума».

«Разсудокъ ограничиваетъ... чувственность, не расширяя при этомъ своего собственнаго поля; онъ предостерегаетъ ее отъ претензій считать себя простирающейся до вещей самихъ въ себѣ, между тѣмъ какъ она простирается только до явленій; такимъ образомъ онъ мыслитъ предметъ въ себѣ, но только какъ трансцендентальный объектъ, который служитъ причиною явленія (стало быть, самъ не есть явленіе) и не можетъ быть

мыслимъ ни какъ величина, ни какъ реальность, ни какъ субстанція и т. д. (потому что эти понятія всегда требуютъ чувственныхъ формъ, въ которыхъ они опредѣляютъ предметъ). Слѣдовательно, объ этомъ объектѣ совершенно неизвѣстно, находится ли онъ въ насъ или внѣ насъ... Если мы захотимъ назвать этотъ объектъ Noumenon потому что въ представленіи о немъ нѣтъ чувственныхъ элементовъ, то мы будемъ имѣть на это полное право. Но такъ какъ мы не можемъ примѣнить къ нему ни одно изъ понятій разсудка, то это представленіе остается для насъ совершенно пустымъ и служитъ только для того, чтобы обозначать границы нашего познанія» [1]).

Трансцендентальный объектъ есть причина явленій; но мы не можемъ примѣнить къ нему ни одно изъ нашихъ понятій разсудка, т. е., стало быть, къ нему непримѣнима также и категорія причинности. Тутъ очевидное противорѣчіе; но мы не будемъ пока заниматься этимъ противорѣчіемъ. Неоспоримо то, что Кантъ говоритъ здѣсь нѣчто почти совершенно противоположное тому, что говорится у него въ сдѣланной нами выше длинной выпискѣ изъ «Пролегоменъ». Что же это значитъ? Развѣ въ «Пролегоменахъ» Кантъ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, чѣмъ въ «Критикѣ чистаго разума»?

И да, и нѣтъ. Точка зрѣнія «Критики чистаго разума» не всегда оставалась одинаковой. Въ первомъ изданіи этого сочиненія Кантъ склонялся ко взгляду на вещь въ себѣ, какъ на предѣльное понятіе, которому ничто не соотвѣтствуетъ внѣ нашего сознанія, или,—чтобы выразиться точнѣе,—Кантъ очень скептично относился къ существованію вещей внѣ нашего сознанія. Его точка зрѣнія была точкой зрѣнія скептическаго идеализма. Такъ какъ его противники упрекнули его въ этомъ, то онъ написалъ въ своихъ «Пролегоменахъ» вышеприведенное мною мѣсто и попытался переработать въ «реалистическомъ» смыслѣ второе изданіе своей «Критики». Въ подтвержденіе этого достаточно сослаться на его предисловіе къ этому изданію и на его «опроверженіе идеализма». Однако, ему плохо удалась эта переработка. Точка зрѣнія перваго изданія сквозитъ во многихъ мѣстахъ второго, и даже самое опроверженіе идеализма могло бы быть истолковано въ смыслѣ, противоположномъ тому, что сказано въ «Пролегоменахъ». Благодаря этому обстоятельству, докторъ Лассвицъ и могъ противорѣчить Канту, опираясь на самого Канта.

Это неоспоримо. Но также неоспоримо и то, что, несмотря на свои многочисленныя противорѣчія, Кантъ со времени опубликованія своихъ «Пролегоменъ», т. е. съ 1783-го года, возставалъ противъ идеалисти-

---

[1]) «Kritik der reinen Vernunft» herausgegeben von Dr. K. Kehrbach. Reclam, Zweite Auflage. S. 255.

ческаго истолкованія своего ученія. Мы просимъ читателя запомнить этотъ фактъ онъ очень важенъ.

Посмотримъ теперь, каковы тѣ окончательные результаты, къ которымъ пришелъ докторъ Лассвицъ въ своемъ изложеніи Кантовой философіи.

Онъ говоритъ: «Все бытіе группируется въ два рода бытія, субъективное и объективное. Оба они находятся въ нашемъ сознаніи и оба обладаютъ одинаковой степенью реальности и достовѣрности. Такого бытія, которое существовало бы внѣ нашего сознанія, вовсе нѣтъ. А есть такое бытіе, которое не есть наше я, и его-то мы называемъ вещами внѣ насъ. Эти вещи всегда расположены въ нашемъ сознаніи въ извѣстномъ порядкѣ, чѣмъ обусловливается то, что въ сознаніи нашему я противостоитъ міръ внѣшнихъ объектовъ» [1]).

Чтобы читатель могъ лучше усвоить себѣ точку зрѣнія доктора Лассвица, мы попросимъ его обратить вниманіе еще на слѣдующія строки:

«Значитъ, бытіе, дѣйствительное и истинное бытіе, имѣетъ духовный характеръ; и нѣтъ никакого другого бытія»...

«Всякое бытіе, бытіе я и не-я, есть опредѣленное измѣненіе сознанія; и безъ сознанія нѣтъ бытія»...

Читатель думаетъ, конечно, что мы продолжаемъ цитировать Лассвица. Онъ ошибается. Двѣ послѣднія цитаты сдѣланы нами изъ Фихте [2]). Чтобы спасти кантіанизмъ, т. е. чтобы устранить его внутреннія противорѣчія, докторъ Лассвицъ вынужденъ былъ покинуть колеблющуюся точку зрѣнія Канта и перейти на точку зрѣнія *субъективнаго идеализма*. Его *нео-кантіанизмъ* есть лишь болѣе или менѣе сознательное *нео-фихтеанство*.

Стало быть, докторъ Лассвицъ не могъ бы сказать вмѣстѣ съ докторомъ К. Шмидтомъ: «представительницей идеализма служитъ «Критика чистаго разума». Онъ долженъ былъ бы признать, что идеализмъ лучше всего представленъ въ «*Наукословіи*» Фихте. Говорю условно: онъ *долженъ былъ бы*, такъ какъ сомнѣваюсь въ томъ, что у него хватило бы на то мужества. Кантъ протестовалъ, какъ извѣстно, противъ истолкованія его ученія въ смыслѣ «Наукословія» [3]). Слѣдовательно, онъ протестовалъ бы также и противъ цитированнаго нами здѣсь сочиненія доктора Лассвица.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Рейнгольду Фихте называетъ Канта «ein Dreiviertels Kopf» (три четверти головы) и говоритъ, что святой духъ въ Кантѣ ближе къ истинѣ, чѣмъ личность Канта. Нео-кантіанцы въ родѣ Лассвица могутъ, въ свою очередь, наградить Канта такой ха-

[1]) «Die Lehre Kants», стр. 138.

[2]) Fichtes Werke, 11 Band, S. 32, 3 Band, S. 2.

[3]) Въ своей «Erklärung» отъ 7-го августа 1799 года.

рактеристикой, и они должны были бы характеризовать его такъ, если бы были послѣдовательны. И что бы ни говорили они, имъ никогда не удастся скрыть отъ людей, хоть немного понимающихъ дѣло, что они покинули ученіе Канта и склонились къ субъективному идеализму.

Конечно, существуютъ и такіе нео-кантіанцы, которые,—подобно профессору Рилю,—совсѣмъ не одобряютъ этого перехода [1]). Нео-кантіанцы этого послѣдняго разряда болѣе вѣрны своему учителю, чѣмъ докторъ Лассвицъ. Но зато они съ большей вѣрностью сохраняютъ и всѣ противорѣчія своего учителя.

Incidit in Scyllam qui vult vitare Charybdim!

Какое изданіе «Критики чистаго разума» нужно считать истиннымъ выраженіемъ идеализма? Г. Конрадъ Шмидтъ не сказалъ намъ на этотъ счетъ ни одного слова. Онъ, повидимому, даже и не подозрѣваетъ, что точка зрѣнія «критики» перваго изданія отличается отъ точки зрѣнія второго. И въ добавокъ онъ, кажется, не понимаетъ ни перваго, ни второго. Это сочтетъ какъ нельзя болѣе вѣроятнымъ всякій тотъ, кто дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ философской прозой почтеннѣйшаго доктора. Онъ пишетъ, напримѣръ:

«Та теорія познанія, опираясь на которую Кантъ разоблачаетъ заблужденія всякой философіи, метафизически стремящейся, помощью понятій, выйти за предѣлы опыта, сама отмѣчена печатью полнаго феноменализма, т. е. она считаетъ простымъ явленіемъ тотъ міръ, который мы видимъ и который служитъ предметомъ нашего опыта».

Кантъ очень удивился бы, если бы ему пришлось прочитать эти строки, написанныя человѣкомъ, который взялся защищать его отъ Маркса и Энгельса.

Что такое о п ы т ъ? Вотъ вопросъ, на который Канту надо было отвѣтить, какъ долженъ отвѣтить, на него всякій тотъ, кто возьмется за рѣшеніе основной задачи философіи: опредѣлить отношеніе субъекта къ объекту, мышленія къ бытію. Теорія познанія Канта есть не что иное, какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Отвѣчая на него, онъ объяснилъ, между прочимъ, какая разница существуетъ, по его мнѣнію, между ноуменомъ и феноменомъ, между вещью въ себѣ и явленіемъ. Съ Кантомъ можно несоглашаться,—и мы совсѣмъ несогласны съ нимъ,—но совершенно невозможно считать его такимъ плоскимъ и поверхностнымъ мыслителемъ, какимъ, очевидно, считаетъ его Конрадъ Шмидтъ. Если бы Кантъ просто-на-просто объявилъ, что мы в и д и м ъ я в л е н і я и что нашъ о п ы т ъ относится къ я в л е н і я м ъ, то это значило бы, что въ основѣ его философіи лежитъ нелѣпое petitio principii, т. е. признаніе рѣшеннымъ какъ разъ того вопроса, который еще только надлежитъ рѣшить.

[1]) См. его сочиненіе «Der philosophische Kritizismus», т. I, Leipzig 1876, стр. 423—439 и т. II, часть вторую, стр. 128—176.

«Тутъ естественно возникалъ вопросъ,—продолжаетъ нашъ докторъ,—можемъ ли мы вообще имѣть непосредственное знаніе объ этомъ внѣшнемъ мірѣ, который мы извѣстнымъ образомъ населяемъ впечатлѣніями нашихъ внѣшнихъ чувствъ и который мы дѣлаемъ себѣ понятнымъ съ помощью категоріи причины и дѣйствія; не имѣетъ ли субъективнаго характера общее представленіе о движущемся во времени и пространствѣ тѣлесномъ мірѣ».

Въ философіи Канта слова: внѣшній міръ означаютъ всѣ явленія, относящіяся къ нашему «внѣшнему опыту» или,—какъ выразился бы Фихте,—составляющія наше не-я. Достаточно даже самаго поверхностнаго знакомства съ этой философіей, чтобы понять, что наше знаніе этой группы явленій такъ же непосредственно, какъ и наше знаніе тѣхъ явленій, которыя относятся къ нашему я. Въ этомъ направленіи не могло «возникнуть» никакого «вопроса». Точно также не могъ спросить себя Кантъ, не имѣетъ ли субъективнаго характера наше представленіе о внѣшнемъ мірѣ. Само собою разумѣется, что другого характера такое представленіе и имѣть не могло. Спрашивать объ этомъ значитъ не имѣть никакого «представленія» о предметѣ. Но слова: «внѣшній міръ» могли также относиться къ вещамъ въ себѣ, составляющимъ основу міра явленій. Кантъ никогда не задавался вопросомъ о томъ, возможно ли для насъ непосредственное знаніе вещей самихъ по себѣ. Для него непосредственное познаніе было то, которое не зависитъ отъ дѣйствія на насъ вещей, и онъ очень хорошо зналъ, что такое знаніе невозможно. «Ибо,—говоритъ онъ во второмъ изданіи своей «Критики чистаго разума»,—ощущать можно только въ себѣ, а не внѣ себя» [1]). Но Кантъ имѣлъ право спросить себя,—и въ самомъ дѣлѣ спросилъ,—можемъ ли мы быть увѣрены въ существованіи вещей внѣ нашего сознанія. Читателю уже извѣстно, какъ отвѣчалъ онъ на этотъ вопросъ въ различныя эпохи своей жизни. Послушаемъ теперь, что разсказываетъ объ этомъ докторъ Шмидтъ.

«Но такъ какъ Канту и здѣсь казалось, что есть очень сильныя основанія для сомнѣнія, то онъ не побоялся сдѣлать этотъ послѣдній шагъ. Пространство и время, матерія и тѣ понятія, съ помощью которыхъ мы расшифровываемъ міръ, представляютъ собою для него нѣчто существующее лишь въ человѣческомъ представленіи и мышленіи; а родникомъ, изъ котораго вытекаетъ это ощущеніе, это представленіе и мышленіе, онъ считаетъ непознаваемое, вещь въ себѣ. Глубочайшее основаніе всего сущаго—есть нѣчто непостижимое; все совершающееся—есть постоянное чудо, потому что вытекаетъ изъ непостижимаго. Безпочвенность (die Bodenlosigkeit) этой мысли создала Фихте, Шеллингу и Гегелю предвари-

[1]) Изданіе Кербаха, стр. 320.

тельныя посылки для выработки новой метафизики, гораздо болѣе глубокой и богатой мыслями, но еще болѣе висящей въ воздухѣ, еще болѣе лишенной существеннаго содержанія».

Краткій смыслъ всей этой длинной тирады тотъ, что Кантъ отрицалъ существованіе вещей внѣ нашего сознанія. Намъ нѣтъ надобности разоблачать «безпочвенность» столь категорическаго утвержденія: оно противорѣчитъ факту, совершившемуся во времени и въ пространствѣ.

Докторъ Шмидтъ твердо увѣренъ въ томъ, что вещи существуютъ не только въ нашемъ сознаніи. Съ этой стороны онъ довольно строго осуждаетъ Канта (того Канта, который существуетъ въ его «сознаніи»). «Разсудокъ, начинающій сомнѣваться даже въ существованіи внѣшняго міра, совершенно независимомъ отъ человѣческаго сознанія, теряетъ твердую почву подъ ногами».

Здѣсь мы видимъ себя вынужденными выступить на защиту «кенигсбергскаго мудреца».

Мы уже знаемъ, что ко времени выхода «Пролегоменъ» (1783 г.) Кантъ рѣшительно призналъ существованіе вещей въ себѣ независимо отъ нашего сознанія. Но это не помѣшало ему и не могло помѣшать,—разсматривать матеріальный міръ, какъ міръ феноменовъ. «Только въ эмпирическомъ разсудкѣ,—говоритъ онъ,—т. е. только въ опытной связи, матерія дѣйствительно дается нашимъ внѣшнимъ чувствамъ... какъ субстанція въ явленіи». Приписывать этой матеріи, а слѣдовательно и образуемому ею матеріальному міру существованіе, независимое отъ нашего сознанія, значило бы, съ точки зрѣнія Канта, совершить огромную, непростительную для мыслителя ошибку.

Но какъ бы тамъ ни было, нашъ докторъ отказывается перейти на точку зрѣнія Фихте. Поэтому мы приглашаемъ его сказать намъ, какъ разрѣшаетъ онъ противорѣчія кантовой философіи, тѣ противорѣчія, на которыя указано нами выше и которыя очевидны даже для нѣкоторой части неокантіанцевъ. Вѣдь именно на эти противорѣчія опирались Марксъ и Энгельсъ въ своей критикѣ Кантовой философіи.

Признаетъ ли докторъ Шмидтъ существованіе этихъ противорѣчій? Мы требуемъ категорическаго отвѣта: да, или нѣтъ? Конрадъ Шмидтъ какъ будто признаетъ, что они въ самомъ дѣлѣ существуютъ. Но вмѣсто того, чтобы принять ихъ во вниманіе и попытаться разрѣшить ихъ, онъ предпочитаетъ увеселять насъ «словесностью» въ такомъ родѣ.

«Но пустая бездна,—съ правомъ или безъ права на то,—открываемая Кантовой философіей передъ... мышленіемъ, есть только отрицательный ея результатъ; ея истинно плодотворная сторона состоитъ въ положительной части работы, въ геніальномъ изслѣдованіи совокупнаго дѣйствія нашей душевно-духовной организаціи (seelischgeistigen organisation), имѣющаго мѣсто въ явленіи... Но въ этомъ, въ обнаруженіи структуры

нашей способности представленія и состоитъ истинная задача «критики чистаго разума», задача, за разрѣшеніе которой никто ни до Канта, ни послѣ него не брался съ такой достойной удивленія принципательностью. И хотя даже Кантовъ анализъ не далъ вполнѣ удовлетворительнаго, свободнаго отъ противорѣчій, окончательнаго рѣшенія этой задачи, пожалуй самой трудной изъ всѣхъ тѣхъ, которыя можетъ поставить передъ собою научное изслѣдованіе, тѣмъ не менѣе вполнѣ вѣрно то, что никакая попытка болѣе глубокаго проникновенія въ таинственный рудникъ внутренняго міра не можетъ пройти мимо того, что сдѣлано Кантомъ... Возвращеніе къ Канту вовсе не означаетъ собою поэтому попятнаго движенія въ реакціонномъ смыслѣ» [1]).

Съ помощью такой «словесности» можно, конечно, «уклоняться отъ разсмотрѣнія» выдвигаемыхъ противъ Кантовой философіи возраженій, но совершенно невозможно опровергнуть эти возраженія.

Въ своей «Критикѣ чистаго разума», Кантъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать нашу способность познанія, а не нашу способность представленія, какъ утверждаетъ докторъ Шмидтъ. Зачѣмъ искажать то, что должно быть изложено съ возможно большею точностью? Но это мимоходомъ.

За точку отправленія Кантъ беретъ уже готовое сознаніе; онъ разсматриваетъ это сознаніе не въ процессѣ его возникновенія. Въ этомъ состоитъ величайшій недостатокъ его «анализа сознанія», и надо удивляться тому, что г. К. Шмидтъ не замѣтилъ этого въ наше время, когда теорія развитія торжествуетъ во всѣхъ отрасляхъ науки [2]),

Г. Конрадъ Шмидтъ твердо убѣжденъ въ томъ, что «матеріальный» міръ существуетъ не только въ нашемъ сознаніи, но и внѣ его. Намъ желательно было бы услышать отъ него, думаетъ ли онъ, что этотъ, внѣ его сознанія существующій, матеріальный міръ дѣйствуетъ на его познавательную способность. Если онъ скажетъ намъ: нѣтъ, то онъ тѣмъ

---

[1]) Vorwärts, вышеназванная статья.

[2]) Примѣч. къ настоящему изданію: «Я не знаю,—говоритъ Ф. Бекъ,—какъ справляются съ ученіемъ о развитіи тѣ философы, которые придерживаются Кантовой теоріи познанія. Для Канта человѣческая душа была данной, въ своихъ элементахъ неизмѣнной величиной. Для него рѣчь шла только о томъ, чтобы опредѣлить ея апріорное имущество и вывести изъ него все остальное, а не о томъ, чтобы показать происхожденіе этого имущества. Но если мы исходимъ изъ той аксіомы, что человѣкъ постепенно развился изъ комочка протоплазмы, то нужно будетъ изъ элементарныхъ жизненныхъ проявленій клѣточки вывести какъ разъ то, что для Канта было основой «всего міра явленій» (Die Nachahmung und ihre Bedeutung für Psychologie und Völkerkunde, Leipzig, 1904, s. 33). Но кантіанцы не задумываются надъ тѣмъ, согласна ли ихъ теорія съ ученіемъ о развитіи. Только въ самое послѣднее время у нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, у Виндельбанда, стали возникать нѣкоторыя сомнѣнія на этотъ счетъ.

самымъ встанетъ на точку зрѣнія субъективнаго идеализма, и намъ будетъ непонятно, что же убѣждаетъ его въ существованіи матеріальнаго міра независимо отъ сознанія. Если же онъ скажетъ: да, то онъ вынужденъ будетъ признать, вмѣстѣ съ Энгельсомъ и Марксомъ, что Кантово «Непознаваемое» полно противорѣчій. Логика тоже «обязываетъ» (oblige), и обязываетъ еще несравненно больше чѣмъ «благородное происхожденіе» (noblesse).

«Матеріалистъ, твердо держащійся за объективный міръ, —т. е. за міръ, существующій самъ по себѣ, независимо отъ его отношенія къ сознанію, какъ за основу и источникъ всѣхъ жизненныхъ процессовъ, такъ же мало, какъ и идеалистъ, можетъ уклониться отъ изслѣдованія нашей духовной организаціи»,—продолжаетъ почтенный докторъ.

Матеріалистъ твердо держится за объективное существованіе матеріальнаго міра. Г. Конрадъ Шмидтъ столь же твердо держится за него. Онъ убѣжденъ, что «разсудокъ, начинающій сомнѣваться даже въ существованіи внѣшняго міра, совершенно независимаго отъ человѣческаго сознанія, теряетъ твердую почву подъ ногами» (см. выше). Въ чемъ же состоитъ различіе во взглядѣ «матеріалиста» съ одной стороны и доктора К. Шмидта—съ другой? Я никакого различія не вижу.

Впрочемъ, извините, читатель! Различіе есть. Выводы «матеріалиста» соотвѣтствуютъ его посылкамъ, а докторъ К. Шмидтъ предпочитаетъ «нищенскую похлебку эклектиковъ». Это, какъ видимъ, очень большое и очень серьезное различіе. Кого вы предпочтете, читатель: «матеріалиста», или доктора К. Шмидта? Правда, de gustibus non est disputandum.

«Матеріалистъ» не можетъ уклониться отъ изслѣдованія нашей духовной организаціи. Нѣтъ, разумѣется,—нѣтъ! Но для того, чтобы изслѣдовать нашу духовную организацію, «матеріалистъ» обращается къ экспериментальной психологіи, которая имѣетъ дѣло только съ явленіями и которая употребляетъ пріемы, заимствуемые ею у біологіи. Это болѣе вѣрный путь.

Но это уже не матеріализмъ, восклицаетъ нашъ ученый докторъ: «Кто видитъ главное отличіе матеріализма отъ идеализма въ признаніи законосообразности, повсюду наблюдаемой въ мірѣ явленій, тотъ затушевываетъ истинный характеръ отъ разногласія и тѣмъ самымъ лишаетъ понятіе матеріализма свойственнаго ему характера. Самъ Энгельсъ можетъ служить этому характернымъ примѣромъ».

Почему же? Что именно сказалъ Энгельсъ объ отличіи матеріализма отъ идеализма?

Г. Конрадъ Шмидтъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ книги «Людвигъ Фейербахъ»:

«Разрывъ съ философіей Гегеля и здѣсь (у Маркса. Н. Б.) произошелъ путемъ возврата къ матеріалистической точкѣ зрѣнія. Это значитъ, что

*

люди этого направленія рѣшились смотрѣть на дѣйствительный міръ,—на природу и на исторію,—безъ идеалистическихъ очковъ и видѣть въ немъ только то, что онъ собою представляетъ. Они рѣшились безъ всякаго сожалѣнія отказаться ото всѣхъ идеалистическихъ взглядовъ, не согласныхъ съ явленіями дѣйствительнаго міра, взятыми въ ихъ истинной, нефантастической связи. А въ этомъ и состоитъ весь матеріализмъ».

Это мѣсто, очевидно, не заключаетъ въ себѣ полнаго опредѣленія матеріализма. Но почему г. К. Шмидтъ приводитъ именно это мѣсто, а не какое нибудь другое? Отчего онъ позабылъ слѣдующее разсужденіе Энгельса?

«Уже въ средневѣковой философіи игравшій большую роль вопросъ о томъ, какъ относится бытіе къ мышленію, что чему предшествуетъ: духъ природѣ, или природа духу, этотъ вопросъ... принялъ болѣе рѣзкій видъ вопроса о сотвореніи міра... Философы раздѣлились на два большихъ лагеря сообразно тому, какъ отвѣчали они на этотъ вопросъ. Тѣ, которые утверждали, что духъ существовалъ прежде природы... составили идеалистическій лагерь. Тѣ же, которые основнымъ началомъ считали природу, примкнули къ различнымъ школамъ матеріализма».

По Энгельсу, матеріализмъ есть, слѣдовательно, такое ученіе, которое смотритъ на природу, какъ на нѣчто первоначальное сравнительно съ духомъ. Правильно ли это его опредѣленіе?

Вспомнимъ французскихъ матеріалистовъ XVIII-го вѣка. Въ чемъ состояло основное положеніе ихъ теоріи?

«Приписывать различнымъ сочетаніямъ матеріи и движеніямъ, имъ свойственнымъ, тѣ дѣйствія, которыя мы наблюдаемъ въ природѣ, значитъ приписывать этимъ дѣйствіямъ общую и извѣстную причину; выходить же за предѣлы такого объясненія значитъ теряться въ фантастической дали, въ которой мы нигдѣ не находимъ ничего, кромѣ бездны незнанія и темноты. Поэтому не будемъ искать движущаго принципа внѣ природы, которая всегда существовала и которой всегда было свойственно движеніе,—говоритъ авторъ «Системы природы»...—Зачѣмъ искать внѣ природы движущаго принципа, приведшаго ее въ движеніе? [1]).

Прикажете сдѣлать для васъ еще одну выписочку, ученый докторъ? Съ удовольствіемъ! Мы приведемъ для васъ еще два весьма убѣдительныхъ мѣста:

«Въ природѣ могутъ быть только естественныя причины и дѣйствія. Всѣ совершающіяся въ ней движенія подчиняются постояннымъ и необходимымъ законамъ; тѣхъ явленій природы, которыя мы имѣемъ возможность изучить и понять, достаточно для того, чтобы мы могли судить о тѣхъ, которыя скрыты отъ нашего взора. Мы можемъ составить себѣ

[1]) „Système de la Nature“, изданіе 1781 г. т, II, стр. 146.

о нихъ понятіе, по крайней мѣрѣ, по аналогіи. И когда мы со вниманіемъ смотримъ на природу, тогда тѣ ея явленія, которыя она открываетъ намъ, научаютъ насъ не смущаться тѣми явленіями ея, которыя она отъ насъ скрываетъ. Тѣ причины, которыя наиболѣе удалены отъ своихъ слѣдствій, дѣйствуютъ, безъ сомнѣнія, черезъ промежуточныя причины... Если мы, изслѣдуя цѣпь ея причинъ, наталкиваемся на препятствія, не поддающіяся нашимъ усиліямъ, то мы все-таки должны стараться преодолѣть ихъ; а если это намъ не удается, то это еще не даетъ намъ права заключить отсюда, что цѣпь естественныхъ причинъ прерывается, и приписать интересующее насъ дѣйствіе сверхъ-естественной причинѣ. Въ этомъ случаѣ мы должны удовольствоваться признаніемъ того, что въ природѣ существуютъ неизвѣстныя намъ силы; но мы никогда не должны ставить на мѣсто неподдающихся нашему изслѣдованію причинъ фантомы, фикціи (измышленія, какъ сказалъ бы Энгельсъ Н. Б.). Такой пріемъ только увеличилъ бы наше незнаніе, затруднилъ бы наше изслѣдованіе и умножилъ бы наши заблужденія» [1]).

И далѣе:

«Скажемъ, что природа заключаетъ въ себѣ все то, что мы можемъ узнать. Скажемъ, что все сдѣлано природой и что то, чего не сдѣлала она, невозможно, что внѣ ея не существуетъ и не можетъ существовать ничего. Если мы не стремимся открыть послѣднія причины, то мы должны довольствоваться (слушайте, докторъ, слушайте!) тѣми ближе лежащими причинами и дѣйствіями, на которыя указываетъ намъ опытъ; мы должны наблюдать доступные и извѣстные намъ факты; ихъ будетъ достаточно для того, чтобы позволить намъ судить о томъ, чего мы не знаемъ; мы должны удовлетвориться слабымъ мерцаніемъ истины, доходящимъ до насъ черезъ посредство нашихъ внѣшнихъ чувствъ (это значитъ, г. Шмидтъ, что мы никогда не должны покидать почву опыта Н. Б.) [2]).

Вся «Система природы» представляетъ собою лишь развитіе этой мысли, и эта мысль лежитъ въ основѣ всего матеріалистическаго ученія автора или,—вѣрнѣе, авторовъ этого знаменитаго произведенія.

Нашъ ученый докторъ можетъ съ большой пользой для себя выслушать еще другого французскаго матеріалиста:

«Человѣкъ есть созданіе природы; онъ живетъ въ природѣ; онъ подчиненъ ея законамъ; онъ не можетъ освободиться отъ нихъ; онъ даже въ мысляхъ своихъ не можетъ выйти за ихъ предѣлы... Для существа, созданнаго природой, не существуетъ ничего за предѣлами того великаго цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ... Тѣ существа, о которыхъ гово-

---

[1]) „Système de la Nature“, т. I, стр. 38.

[2]) „Lystéme de la Natue,“ т. II, тр. 161 и 162.

рятъ, что они выше природы, суть не болѣе, какъ химеры, и мы не можемъ имѣть о нихъ какое нибудь представленіе» [1]).

«Такъ какъ человѣкъ, къ своему несчастію, захотѣлъ выйти за предѣлы своей сферы, то онъ сдѣлалъ попытку подняться выше видимаго міра (міра явленій, г. докторъ Н. Б.). Онъ покинулъ почву опыта для того, чтобы жить догадками» [1]).

Что думаете вы обо всемъ этомъ, г. Конрадъ Шмидтъ? Намъ сдается, что правъ нашъ старый учитель Энгельсъ! Намъ сдается, что матеріализмъ въ самомъ дѣлѣ есть ученіе, которое хочетъ объяснять природу ея собственными силами и которое смотритъ на природу, какъ на нѣчто первоначальное сравнительно съ «духомъ». Намъ сдается, наконецъ, что данное Энгельсомъ опредѣленіе матеріализма можетъ быть признано наиболѣе общимъ и наиболѣе удовлетворительнымъ.

Я говорю: наиболѣе общимъ. Но я знаю, что есть и исключенія изъ общаго правила. Такъ, напримѣръ, англійскіе матеріалисты признавали что есть существа, стоящія в ы ш е природы. Достаточно указать на Джозефа Пристлея. Его ученіе украшено множествомъ совершенно не матеріалистическихъ привѣсокъ. Но все это у нихъ именно только привѣски, и поскольку англійскіе матеріалисты придаютъ серьезное значеніе этимъ привѣскамъ, они п е р е с т а ю т ъ б ы т ь м а т е р і а л и с т а м и. Ихъ матеріализмъ,—к а к ъ т а к о в о й,—ограничивается разсмотрѣніемъ вопроса объ отношеніи души къ тѣлу. Но что касается э т о г о вопроса, то ихъ взгляды совершенно ясны и опредѣленны.

«То, что я называю моимъ *я* (my self),—говоритъ тотъ же Пристлей,—есть не болѣе, какъ организованная матерія». И онъ прибавляетъ далѣе, что совершенно не можетъ признать существованіе въ человѣкѣ нематеріальнаго начала: «На томъ же самомъ основаніи, въ силу котораго признано было существованіе невещественнаго начала въ ч е л о в ѣ к ѣ, слѣдовало бы признать присутствіе такого начала во всякомъ о т д ѣ л ь н о м ъ с у щ е с т в ѣ (субстанціи, говоритъ Пристлей), обладающемъ извѣстными силами или свойствами» [2]).

«Цитированная мною выше книга «Le vrai sens du système de la nature» приписывается Г е л ь в е ц і ю. Имѣетъ ли докторъ Шмидтъ сколько нибудь ясное представленіе о матеріализмѣ этого интереснаго и такъ сильно оклеветаннаго филистерами писателя? Я постараюсь хоть немного ознакомить его съ нимъ.

Между тѣмъ какъ г. докторъ Шмидтъ не сомнѣвается въ существованіи независимаго отъ нашего сознанія внѣшняго міра, для Гельвеція это

---

[1]) „Le vrai sens du Système de la Nature“ гл. II и предисловіе въ сборникѣ „Recueil nécessaire, Лейпцигъ, 1765.

[2]) Free discussion, стр. 123.

существованіе было только вѣроятнымъ. Вѣроятность (его существованія) эта, безъ сомнѣнія, очень велика и выводы, изъ нея вытекающіе, равняются достовѣрности; но все-таки это не болѣе, какъ вѣроятность» [1]).

Это такъ удивительно, что этого даже и ожидать было невозможно: докторъ К. Шмидтъ оказывается въ роли «догматика» въ сравненіи съ однимъ изъ матеріалистовъ восемнадцатаго столѣтія. Говорите послѣ этого о «прогрессѣ»!

Г. Шмидтъ, можетъ быть, согласится теперь признать, что ошибался именно онъ, ученый докторъ, а не Фридрихъ Энгельсъ, котораго онъ вздумалъ поправлять.

Знаменитый англійскій біологъ Гекслей сказалъ въ одной изъ своихъ статей, что современная физіологія ведетъ прямымъ путемъ къ матеріализму, поскольку можно примѣнить это названіе къ ученію, утверждающему, что помимо субстанціи, обладающей протяженіемъ, нѣтъ никакой другой мыслящей субстанціи и что сознаніе, подобно движенію, есть функція матеріи. Гекслей ошибся только въ одномъ отношеніи, именно въ томъ, что вообразилъ, будто матеріализмъ означалъ когда нибудь что либо другое. Всѣ матеріалисты смотрѣли на матерію именно такъ, какъ учитъ насъ, по словамъ Гекслея, смотрѣть на нее современная физіологія. Изъ этого основного взгляда французскіе матеріалисты умѣли, со свойственной имъ послѣдовательностью и неустрашимостью, сдѣлать всевозможные для того времени выводы, между тѣмъ какъ англійскіе матеріалисты боялись идти до конца. Но и тѣ, и другіе раздѣляли и отстаивали эту коренную основу матеріалистической теоріи.

Въ заключеніе резюмируемъ сказанное нами.

1) Г. докторъ Конрадъ Шмидтъ очень плохо понялъ Канта, котораго онъ хотѣлъ защитить противъ Маркса и Энгельса.

2) Также плохо понялъ Маркса и Энгельса, которыхъ онъ пустился критиковать во имя Канта.

3) Обнаружилъ совершенно ошибочное представленіе о матеріализмѣ.

Этихъ трехъ грѣховъ нашего ученаго доктора вполнѣ достаточно для того, чтобы у читателя возникъ вопросъ: какой же злой духъ надоумилъ его пуститься въ разсужденія о такихъ предметахъ, которые, конечно, не могли быть «непознаваемы» для него, но, которые, очевидно, остались имъ непознанными. Это очень интересный вопросъ. Чтобы отвѣтить за него, надо вспомнить о томъ, что называется у Тарда законами подражанія.

Въ наше время теоретическіе представители буржуазіи твердо держатся за философію Канта и осуждаютъ матеріализмъ, даже не давая себѣ труда ознакомиться съ нимъ.

---

[1]) Oeuvres complétes d'Helvetius, Paris 1828, т. I, стр. 5—6, примѣчаніе.

Г. Шмидтъ послѣдовалъ ихъ примѣру и осудилъ матеріализмъ Маркса и Энгельса.

Онъ позабылъ при этомъ, что теоретики рабочаго класса измѣняютъ самимъ себѣ, пускаясь подражать теоретикамъ буржуазіи.

Отвращеніе буржуазіи отъ матеріализма и ея пристрастіе къ философіи Канта очень хорошо объясняются современнымъ состояніемъ общества. Буржуазія видитъ въ ученіи Канта сильное «духовное оружіе» въ борьбѣ съ крайними стремленіями рабочаго класса. Поэтому-то—кантіанизмъ и сдѣлался модньмъ ученіемъ въ средѣ образованныхъ буржуа.

Извѣстно, что низшіе классы часто подражаютъ высшимъ. Но когда они дѣлаютъ это? Тогда, когда они еще не достигли самосознанія. Подражаніе низшаго класса высшему есть вѣрный признакъ того, что низшій классъ еще не созрѣлъ для борьбы за свою эмансипацію. И кто хочетъ содѣйствовать созрѣванію его въ этомъ отношеніи, тотъ обязанъ бороться и съ подражаніемъ. Развитіе самосознанія въ угнетенныхъ есть величайшій «факторъ прогресса».

Хотѣли мы было поговорить съ докторомъ Шмидтомъ еще о діалектикѣ, но мѣсто не позволяетъ намъ этого. Стало быть надо отложить это до другого раза. Теперь мы говоримъ ему: до свиданья,

Jch salutire den gelehrten Herr!

Матеріализмъ или кантіанизмъ?

Was für eine Philosophie man wählt, hängt davon ab, was man für ein Mensch ist
I. G. Fichte.

Читатели помнятъ, можетъ быть, что Эдуардъ Бернштейнъ представилъ доктору Конраду Шмидту легкую, «хотя и не совсѣмъ пріятную задачу»—обнаружить мои противорѣчія и опровергнуть мои философскіе ложные выводы. Конрадъ Шмидтъ попытался рѣшить эту задачу въ 11 № «Neue Zeit» (1899 г.). Посмотримъ увѣнчались ли успѣхомъ его усилія.

Статья Конрада Шмидта распадается на три отдѣла: довольно ироническое введеніе, весьма гнѣвное заключеніе и главная часть. Я начинаю сначала, т. е. съ ироническаго введенія.

Мой противникъ принимаетъ удивленный видъ. Онъ говоритъ, что не понимаетъ, почему я занимаюсь его статьями, изъ которыхъ послѣдняя напечатана уже болѣе года тому назадъ. Между тѣмъ, это очень понятно.

Я прочиталъ его статьи тотчасъ послѣ ихъ появленія. Онѣ показались мнѣ чрезвычайно слабыми, и я рѣшилъ, что онѣ не могутъ имѣть никакого вліянія.—Поэтому у меня не было тогда ни малѣйшаго намѣренія вступать въ полемику съ ихъ авторомъ. Мало ли появляется дурныхъ статей, опровергать которыя не стоитъ труда! Но вотъ весной прошлаго года г. Эдуардъ Бернштейнъ возвѣстилъ urbi et orbi, что ему дали «непосредственный толчокъ» слабенькія статейки Конрада Шмидта. Тогда я убѣдился въ ошибочности моего прежняго мнѣнія насчетъ возможнаго вліянія этихъ статей и увидѣлъ, что ихъ опроверженіе не будетъ напраснымъ трудомъ. Подвергнуть критикѣ Конрада Шмидта значитъ въ то же время дать мѣру духовной силы г. Эдуарда Бернштейна, который взялся, какъ извѣстно, за пересмотръ ученія Маркса. Руководимый этимъ соображеніемъ, я написалъ статью «Конрадъ Шмидтъ противъ Карла Маркса и Фридриха Энгельса». Значитъ эта статья вовсе не до такой степени лишена интереса современности, какъ утверждаетъ мой противникъ.

Теперь я обращаюсь къ главной части статьи почтеннаго доктора.

Энгельсъ сказалъ, что лучшее опроверженіе кантіанизма дается намъ ежедневно нашей практической дѣятельностью, а особенно промышленностью. И что,—какъ выразился онъ, the proof of the pudding is in the eating. Конрадъ Шмидтъ нашелъ, что Энгельсъ не только плохо разсуждаетъ, но,—что еще гораздо хуже,—уклоняется отъ разсмотрѣнія вопроса. Въ моей статьѣ я выступилъ противъ этого мнѣнія и показалъ, что Конрадъ Шмидтъ не съумѣлъ переварить Энгельсовъ пудингъ. Въ мои намѣренія вовсе не входило понравиться моему противнику; неудивительно поэтому, что моя статья не встрѣтила его одобренія, ни со стороны своей формы, ни со стороны своего содержанія. Что касается формы, то я поговорю о ней въ концѣ настоящей статьи; а что касается содержанія, то я остановлюсь на немъ теперь же.

Когда Марксъ и Энгельсъ утверждали, что практическая дѣятельность людей каждодневно даетъ самое лучшее опроверженіе кантіанизма, то они оттѣняли этимъ странное противорѣчіе, лежащее въ основѣ Кантова ученія. Это противорѣчіе состоитъ въ слѣдующемъ: по Канту съ одной стороны вещь въ себѣ есть причина нашихъ представленій, а съ другой стороны къ ней неприменима категорія причины. Обнаруживая это противорѣчіе, я писалъ, между прочимъ:

«Что такое явленіе»? Это состояніе нашего сознанія, вызываемое дѣйствіемъ на насъ вещей въ себѣ. Такъ говоритъ Кантъ. Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что предвидѣть какое нибудь явленіе значитъ предвидѣть то дѣйствіе, которое окажетъ на насъ вещь въ себѣ. Теперь спрашивается: можемъ ли мы предвидѣть какія нибудь явленія? Отвѣтъ: конечно можно. Намъ ручается за это наука и технологія. А это значитъ, что мы можемъ предвидѣть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя дѣйствія на насъ вещей въ себѣ. А если мы предвидимъ нѣкоторыя дѣйствія названныхъ вещей, то стало быть мы знаемъ нѣкоторыя ихъ свойства. А если мы знаемъ нѣкоторыя ихъ свойства, то мы не имѣемъ никакого права называть ихъ непознаваемыми. Это «измышленіе» Канта падаетъ, разбиваясь о логику его собственнаго ученія. Вотъ что хотѣлъ сказать Энгельсъ своимъ пуддингомъ. Его доказательство также ясно и неопровержимо, какъ доказательство математической теоремы».

Докторъ Конрадъ Шмидтъ прежде всего пытается опровергнуть это мѣсто моей статьи.

«Если бы это было вѣрно,—заявляетъ онъ съ той тонкой ироніей, которою пропитана его статья, то плохо обстояло бы дѣло съ неопровержимостью математическихъ доказательствъ». И онъ упрекаетъ меня въ непозволительномъ смѣшеніи понятій. «Какія же вещи дѣйствуютъ на насъ и благодаря этому позволяютъ намъ узнать нѣкоторыя ихъ свойства?—спрашиваетъ онъ. Это вещи матеріально опредѣленныя во времени и пространствѣ, т. е. основныя свойства этихъ вещей имѣютъ чисто фено-

меналистическій характеръ». Разъ это такъ, то совершенно естественно, что нашъ ученый докторъ съ презрѣніемъ смотритъ какъ на Энгельсовъ пуддингъ, такъ и на тѣ выводы, которые я на этомъ пуддингѣ основывалъ.

«Стало быть, если измышленіе Канта разбивается логикой его собственнаго ученія, то это происходитъ съ нимъ,—мы такъ будемъ думать, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока намъ не приведутъ другихъ доказательствъ,—повидимому оттого, что посредствомъ игры словами («вещь» и «вещь въ себѣ») въ эту логику привносится чужая нелогичность».

Какое презрѣніе и какой уничтожающій выводъ! Матеріалисты (Марксъ, Энгельсъ и скромный смертный, пишущій эти строки) играютъ словами и вносятъ свою собственную нелогичность въ логику кантіанизма. Это объясняется очевидно тѣмъ, что матеріалисты,—въ своемъ качествѣ догматиковъ и «метафизиковъ»,—не обладаютъ способностями, необходимыми для того, чтобъ понять ученіе Канта. «Критическій мыслитель» никогда, ни во вѣки вѣковъ не сказалъ бы того, что рѣшаемся утверждать мы, бѣдные «догматики»—матеріалисты.

Однако... однако... Вполнѣ-ли вы увѣрены въ томъ, что утверждаете, г. мой противникъ? Разсмотримъ интересующій насъ вопросъ при свѣтѣ исторіи философіи.

Уже въ 1787 г. Фр. Гейн. Якоби,—въ приложеніи къ своему діалогу: Idealismus und realismus—упрекалъ Канта въ томъ противорѣчіи, о которомъ идетъ рѣчь у меня. Вотъ что именно писалъ онъ на этотъ счетъ.

«Я спрашиваю, какимъ образомъ можно соединить вмѣстѣ, во-первыхъ, то предположеніе, согласно которому вещи производятъ впечатлѣніе на наши чувства и причиняютъ, такимъ путемъ, наши представленія, а во-вторыхъ, то понятіе, которое уничтожаетъ всякую основу подобнаго предположенія? Если принять во вниманіе... что пространство и вещи въ пространствѣ, согласно кантовой системѣ, нигдѣ не существуютъ, кромѣ какъ въ насъ самихъ; что всѣ измѣненія и даже измѣненія нашего собственнаго внутренняго состоянія... суть не что иное, какъ наше представленіе, а не объективные дѣйствительные процессы; что эти измѣненія не указываютъ ни на внѣшнюю, ни на внутреннюю послѣдовательность явленій; если принять во вниманіе, что всѣ основные законы разсудка представляютъ собою субъективныя условія, которыя являются законами нашего мышленія, но не природы, какъ таковой; если основательно взвѣсить всѣ эти положенія и серьезно вникнуть въ ихъ содержаніе, то неизбѣжно возникнетъ вопросъ: возможно ли рядомъ съ этими положеніями предположить существованіе вещей, которыя должны производить впечатлѣнія на наши чувства и вызывать наши представленія». [1]).

[1]) Iakobis Werke, II Band, I. 308.

Здѣсь вы видите, г. докторъ Шмидтъ, ту самую «нелогичность», которая вамъ такъ сильно не понравилась въ произведеніяхъ матеріалистовъ. Это васъ удивляетъ? Потерпите немножко: вы услышите еще болѣе удивительныя вещи.

Какъ я уже замѣтилъ, діалогъ «Идеализмъ и реализмъ» появился въ свѣтъ еще въ 1787 году. Въ 1790 году Готлибъ Эрнестъ Шульце, состоявшій въ то время профессоромъ въ Гельмштедтѣ, доказалъ въ своей книгѣ «Эпезидемусъ», что Кантъ и его ученикъ Рейнгольдъ сами не понимали, какіе выводы логически вытекали изъ ихъ ученія.

«Вещь въ себѣ»,—говорилъ онъ,—является необходимымъ условіемъ опыта; но въ то же время она должна оставаться совершенно неизвѣстной. Но если вещи въ себѣ намъ неизвѣстны, то мы также не можемъ знать существуютъ ли онѣ въ дѣйствительности и могутъ ли онѣ быть причиною чего бы то ни было. У насъ, поэтому, нѣтъ никакого основанія считать ихъ условіями опыта. Дальше, если вмѣстѣ съ Кантомъ признать, что категорія причины и дѣйствія примѣнима только къ предметамъ опыта, то нельзя утверждать, что вещи, существующія внѣ нашихъ представленій, могутъ быть содержаніемъ этихъ послѣднихъ [1]) и т. д.

Опять та же самая «нелогичность»! Авторъ «Эпезидемуса» думаетъ,—какъ думаю я въ настоящее время,—что по Канту вещь въ себѣ есть причина нашихъ представленій. У него и у меня одна и та же точка отправленія, но разница въ томъ, что Г. Э. Шульце пользуется кантовскою непослѣдовательностью для того, чтобы придти къ скептическимъ выводамъ, между тѣмъ, какъ мои выводы имѣютъ матеріалистическій характеръ. Это различіе, безъ сомнѣнія, очень велико; но оно не интересуетъ насъ здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ только о пониманіи ученія Канта о вещи въ себѣ.

Въ то время Канта понимали такъ не только Шульце и Якоби.

Пять лѣтъ спустя послѣ появленія «Эпезидемуса» Фихте писалъ, что Кенигсбергскаго философа понимали въ этомъ смыслѣ всѣ кантіанцы... за исключеніемъ Бека». И Фихте упрекалъ популяризаторовъ Канта въ томъ самомъ противорѣчіи, на которомъ Энгельсъ основалъ свое опроверженіе критической философіи. «Вашъ земной шаръ держится на слонѣ, а слонъ, съ своей стороны, держится на земномъ шарѣ. Ваша вещь въ себѣ, которая есть чистая мысль, должна дѣйствовать на субъекта» [2]). Фихте былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что «Кантіанизмъ кантіанцевъ», который, по его мнѣнію, былъ не чѣмъ инымъ, какъ авантюристскимъ

[1]) Такъ какъ я не могъ достать произведеній Шульце, то я цитирую по Целлеру: „Geschichte der Philosophie“, München 1873, s. 583 u. 584.

[2]) „Zweite Einleitung in die Wissenschaftslehre“, появившуюся сначала въ „Philosophischen Journal“, 1797 г., а впослѣдствіи вошедшую въ первый томъ сочиненій Фихте.

соединеніемъ самаго грубаго догматизма съ рѣшительнымъ идеализмомъ, не могъ быть кантіанизмомъ самого Канта. Онъ утверждалъ, что истинный смыслъ кантіанизма Канта выраженъ въ «Wissenschaftslehre». Но знаете ли вы, г. докторъ, что произошло потомъ?

Въ своемъ извѣстномъ «Объясненіи по поводу наукословія Фихте (Er. Klärung in Beziehung auf Fichtes Wissenschaftslehre»), Кантъ совершенно не оправдалъ ожиданій великаго идеалиста. Онъ писалъ (въ 1799 г.), что считаетъ «Наукословіе» Фихте совершенно не состоятельной системой, и отказывался отъ какого бы то ни было единомыслія съ этой философіей. Въ томъ же «Объясненіи» Кантъ говоритъ, что его «Критику чистаго разума» надо понимать буквально» (nach dem Buchstalen zu verstehen) и приводитъ итальянскую пословицу: «Сохрани насъ Богъ отъ нашихъ друзей, а съ нашими врагами мы сами справимся». Въ письмѣ къ Тифтрунку, написанномъ въ это же время, Кантъ выражаетъ свою мысль еще яснѣе. По недостатку времени онъ не могъ прочесть «Wissenschaftslehre» Фихте, но ему удалось прочитать рецензію на эту книгу, — «написанную,—прибавляетъ Кантъ, съ большой симпатіей къ г. Фихте»,—и онъ находитъ, что философія этого послѣдняго похожа на привидѣніе. Когда вы думаете, что вамъ удалось схватить его, у васъ не оказывается ничего, кромѣ самого себя, причемъ и у этого себя нѣтъ ничего, кромѣ руки, протянутой для схватыванія [1]).

Такимъ образомъ, вопросъ былъ рѣшенъ разъ навсегда и совсѣмъ недвусмысленно: Кантъ показалъ, что «кантіанизмъ кантіанцевъ» совпадаетъ съ его собственнымъ «кантіанизмомъ». Это было ясно, но это не избавило кантіанизма отъ того противорѣчія, на которое выдвинули Якоби, Шульце и Фихте и которое они подвергали своей критикѣ. Напротивъ, объясненіе, данное Кантомъ въ 1799 году, какъ разъ подтвердило фактъ существованія этого противорѣчія.

Конрадъ Шмидтъ думаетъ, что мое пониманіе ученія Канта не похоже на то, какъ его понимаютъ всѣ историки философіи. Если бы это и было такъ, то это не могло бы смутить меня. Вышеприведенные мною неоспоримые историческіе факты вполнѣ подтверждаютъ правильность моего пониманія Канта. И если бы гг. историки философіи не одобрили этого пониманія, то я имѣлъ бы полное право сказать: тѣмъ хуже для гг. историковъ философіи. Но докторъ Шмидтъ ошибается въ этомъ отношеніи такъ же сильно, какъ ошибается онъ во всемъ, отъ одного конца своей статьи до другого.

Въ самомъ дѣлѣ, послушайте, что говоритъ на этотъ счетъ, напримѣръ, Фридрихъ Ибервегъ. По мнѣнію этого историка философіи, одно изъ противорѣчій Канта состоитъ въ томъ, что «вещи въ себѣ, съ одной

---

[1]) Kants Werke, Aufgabe von Hartenstein, X Band, s. 577—578.

стороны, должны дѣйствовать на насъ, что можетъ совершаться только во времени и по закону причинности; но съ другой стороны время и причинность являются апріорными формами и имѣютъ значеніе только въ области явленій, а не по ту сторону этой области» [1]).

Развѣ не то же самое сказалъ я?

Теперь дадимъ слово Эд. Целлеру. Онъ пишетъ: «Мы должны признать, что нашимъ ощущеніямъ соотвѣтствуетъ отличная отъ нашего субъекта реальность. Кантъ старается показать это во второмъ изданіи «Критики чистаго разума», борясь съ идеализмомъ Берклея». Эд. Целлера не удовлетворяютъ доводы Канта противъ Берклея; но это не мѣшаетъ ему понимать истинный смыслъ кантовскаго ученія и говорить: «Кантъ всегда утверждалъ, что наши ощущенія представляютъ собою не только продуктъ мыслящаго субъекта, но обусловливаются также вещами, существующими независимо отъ нашего представленія [2]). Въ своей критикѣ кантовской философіи Целлеръ говоритъ, между прочимъ: «Если онъ (Кантъ) призналъ понятіе причинности категоріей нашего разсудка, которая, какъ таковая, примѣнима только къ явленіямъ, то ему не слѣдовало примѣнять ее къ вещи въ себѣ; иными словами, онъ не долженъ былъ считать вещь въ себѣ причиной нашихъ представленій» [3]).

Здѣсь мы опять видимъ то же самое пониманіе Канта, котораго держался Энгельсъ и котораго держусь я. Если бы докторъ Конрадъ Шмидтъ усвоилъ его себѣ, то онъ, конечно, не сталъ бы утверждать, что ему противорѣчатъ всѣ историки философіи.

П. Эрдманъ, для котораго вещь въ себѣ есть только предѣльное понятіе, все таки вынужденъ признать, что Кантова вещь въ себѣ есть «независящее отъ насъ условіе» явленій. Но если эта вещь въ себѣ составляетъ условіе явленія, то явленіе обусловливается ею, и тутъ опять выступаетъ противорѣчіе, которымъ такъ много занимались понимающіе люди въ теченіе всего девятнадцатаго столѣтія и не замѣтить которое могъ только нашъ глубокопроницательный doctor irrefragobilis.

Мнѣ, разумѣется, очень хорошо извѣстно, что нѣкоторые историки философіи превращаютъ кантіанизмъ въ простой и чистый идеализмъ. Но, во-первыхъ, нѣкоторые еще не значитъ всѣ, а во-вторыхъ — если докторъ Шмидтъ согласенъ съ этими историками, то онъ долженъ былъ постараться доказать намъ, что они правы. Онъ выбралъ болѣе легкій путь: онъ ограничился тѣмъ, что толкованіе кантіанизма, котораго держались Шаросъ и Энгельсъ, нелѣпой выдумкой невѣждъ.

Мы видѣли, что, по мнѣнію Конрада Шмидта, на насъ дѣйствуютъ не вещи въ себѣ, а вещи, опредѣленныя во времени и пространствѣ. Я

[1]) Grundriss der Geschichte der Philosophie, III Theil, Berlin 1880, s. 215.

[2]) „Geschichte der Philosophie“, s. 436.

[3]) Ibid., s. 514.

не сталъ бы оспаривать это, если бы мой противникъ сказалъ, что таковъ истинный смыслъ его собственной философіи. Но онъ утверждаетъ, что таковъ смыслъ философіи Канта, а противъ этого я долженъ претендовать самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Я попрошу Конрада Шмидта открыть «Metaphysischen Anfangsgründe der Naturwissenschaft» и прочитать тамъ во второмъ главномъ отдѣлѣ, второе примѣчаніе къ четвертой теоремѣ. Кантъ излагаетъ тамъ взглядъ одного геометра, который совершенно раздѣляется имъ и который состоитъ въ слѣдующемъ: пространство вовсе не есть свойство, принадлежащее какой-нибудь вещи внѣ насъ, а составляетъ субъективную форму нашего чувственнаго воспріятія, форму, подъ которой мы воспринимаемъ предметы, которые находятся внѣ нашей внутренней природы, которыхъ мы не знаемъ, но явленіе которыхъ мы называемъ матеріей» [1]).

О какихъ вещахъ идетъ здѣсь рѣчь, о вещахъ въ себѣ, или же о вещахъ, опредѣленныхъ въ пространствѣ и во времени?—Очевидно, что о вещахъ въ себѣ. Что же говоритъ нашъ Кантъ объ этихъ вещахъ? Онъ говоритъ, что намъ не извѣстно, каковы онѣ въ себѣ и что онѣ являются намъ только подъ субъективной формой пространства. А что нужно для того, чтобы онѣ явились? Нужно, чтобы онѣ подѣйствовали на наши чувства. «Способность получать представленія сообразно способу дѣйствія на насъ предметовъ называется чувственностью» [2]). Конрадъ Шмидтъ, можетъ быть, еще разъ попытается спасти занятую имъ позицію и станетъ увѣрять насъ, что Кантъ говоритъ здѣсь о вещахъ, опредѣленныхъ въ пространствѣ и во времени, т. е. значитъ объ явленіяхъ, которыя,— какъ это сказано въ «Критикѣ чистаго разума, — «существуютъ не сами по себѣ, а только въ насъ». Чтобы предупредить всѣ попытки подобнаго рода, я приведу еще одно мѣсто изъ «Критики чистаго разума». Оно гласитъ: «Ибо мы имѣемъ дѣло только съ нашими представленіями, а каковы вещи въ себѣ (независимо отъ тѣхъ представленій, посредствомъ которыхъ онѣ дѣйствуютъ на насъ), это совершенно внѣ области нашего познанія» [3]).

Это, кажется, достаточно ясно,—вещи въ себѣ дѣйствуютъ на насъ посредствомъ представленій, которыя вызываются ими.

Конрадъ Шмидтъ говоритъ въ своей статьѣ о «комическихъ недоразумѣніяхъ»; онъ совершенно правъ. Но только онъ забылъ прибавить, что всѣ эти недоразумѣнія должны быть записаны на его счетъ.

---

[1]) Kants Werke, VIII. Band, s. 432.

[2]) „Kritik der reinen Vernunft", der transzendentalen Elementarlehre erster Theil, der transzendentalen Aesthetiec. § 1.

[3]) Elementarlehre, II Theil, I Abtheilung, II Buch, II Hauptstück, zweite Analogie, Beweis.

Конрадъ Шмидтъ увѣряетъ, что приведенное мною мѣсто изъ «Пролегоменъ» подтверждаетъ мое положеніе только на первый взглядъ и и только потому, что оно «вырвано изъ общаго контекста». Это не вѣрно. Судите читатель, сами: «Намъ даны вещи, какъ существующія внѣ насъ, но каковы онѣ сами въ себѣ, мы не знаемъ»... О какихъ же вещахъ идетъ здѣсь рѣчь? О вещахъ въ себѣ. Это ясно; послушаемъ дальше: «Но мы знаемъ только ихъ явленія». Явленія чего? Вещей уже опредѣленныхъ въ пространствѣ, во времени и т. д., или же вещей въ себѣ? Странный вопросъ! Кто же не видитъ, что Кантъ говоритъ здѣсь о вещахъ въ себѣ. Еще дальше: «Это—представленія, которыя вызваны дѣйствіемъ вещей на насъ». Какія вещи вызываютъ въ насъ представленія? Вещи въ себѣ, о которыхъ мы ничего знать не можемъ. Какимъ же образомъ эти вещи вызываютъ въ насъ представленія? «Посредствомъ дѣйствія на наше чувственное воспріятіе». Выводъ: Вещи въ себѣ дѣйствуютъ на наше чувственное воспріятіе. Сколько докторскихъ колпаковъ нужно было износить для того, чтобы стать неспособнымъ понимать «вещи» (простите за каламбуръ!), которыя такъ ясны сами «въ себѣ?»

А что касается «связи», въ которой находится приведенное мною мѣсто къ общему контексту, то пусть читатель самъ судитъ о ней, прочитавъ первый параграфъ «Пролегоменъ» и особенно второе примѣчаніе къ этому параграфу. Кромѣ того, я обращаю вниманіе читателя на 36 параграфъ той же книги. Тамъ мы читаемъ: «Во-первыхъ, какимъ образомъ природа въ матеріальномъ смыслѣ т. е. въ созерцаніи, какъ совокупность явленій; какимъ образомъ пространство, время и все, что ихъ наполняетъ, можетъ вообще быть предметомъ нашего чувственнаго воспріятія? Отвѣтъ: благодаря нашей чувственности, получающей, сообразно своей особой природѣ, впечатлѣнія отъ предметовъ, которые сами по себѣ неизвѣстны и совершенно отличны отъ этихъ явленій». Скажите же теперь, докторъ Шмидтъ, какіе предметы дѣйствуютъ на наши чувства?

Мой противникъ утверждаетъ, что я въ своихъ статьяхъ третирую его почти какъ школьника; лично я не имѣю ни малѣйшаго желанія играть по отношенію къ нему роль школьнаго наставника; но, тѣмъ не менѣе, я не могу не дать ему хорошій совѣтъ, Mein theurer Freund, ich rath'euch drum Zuerst Collegium logicum.

Но вернемся къ Канту. «Предположеніе о существованіи вещи въ себѣ Кантъ основываетъ—хотя это скрыто у него разными оговорками, — на выводѣ изъ закона причинности, т. е. на томъ, что эмпирическое созерцаніе, точнѣе то ощущеніе въ органахъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, изъ котораго оно исходитъ, должно имѣть свою внѣшнюю причину. Но по его же собственному и вполнѣ вѣрному открытію законъ причинности извѣстенъ намъ a priori, т. е. стало быть онъ—функція нашего интеллекта и слѣдовательно имѣетъ субъективное происхожденіе». «Нелогичность», за-

ключающаяся въ этихъ строкахъ, принадлежитъ Артуру Шопенгауэру [1]). И эта «нелогичность» такъ крѣпка, что скудная «логика» нашего доктора разбивается объ нее, какъ стекло о камень. Чтобы тамъ ни говорилъ Г. докторъ Конрадъ Шмидтъ и ему подобные, въ основѣ Кантовой системы несомнѣнно лежитъ странное противорѣчіе. Но противорѣчіе не можетъ служить основой; оно лишь указываетъ на неосновательность. Слѣдовательно противорѣчіе должно быть уничтожено. Какъ же это сдѣлать?

Для этого есть два пути: одинъ изъ нихъ состоитъ въ развитіи къ субъективному идеализму, другой въ развитіи къ матеріализму. Какой изъ этихъ путей вѣрный? Въ этомъ состоитъ весь вопросъ.

Согласно субъективному идеализму,—напримѣръ, субъективному идеализму Фихте,—вещь въ себѣ находится въ «Я» (das im Ich gesetzte»). Значитъ мы имѣемъ дѣло только съ сознаніемъ. Фихте говоритъ, это часто и недвусмысленно: «Всякое сознаніе, сознаніе *я*, равно какъ и сознаніе *не-я*, есть лишь извѣстное видоизмѣненіе сознанія». Но если это такъ; если «истинное и дѣйствительное бытіе духовно»,—какъ это утверждаетъ тотъ же Фихте,—то мы приходимъ къ страннымъ и неожиданнымъ заключеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ я вынужденъ признать, что всѣ люди, которые кажутся мнѣ существующими внѣ моего «Я», представляютъ собою только видоизмѣненіе моего сознанія. Гейне разсказываетъ, что берлинскія дамы съ негодованіемъ спрашивали, признаетъ ли авторъ «Wissenschaft Heliге», по крайней мѣрѣ, существованіе своей собственной жены? Эта шутка, подъ которой скрывается вѣрная мысль, обнаруживаетъ передъ нами ахиллесову пяту субъективнаго идеализма. Во всякомъ случаѣ Фихте самъ почувствовалъ это и старался устранить слабую сторону своей системы, поскольку это было въ его силахъ. Онъ объяснилъ, что его «Я» не индивидуальное, а міровое, абсолютное «Я.» «Ясно, что мое абсолютное Я не индивидуумъ»,—писалъ онъ Якоби,—«какъ меня поняли обиженныя куртизаны и назойливые философы, желающіе навязать мнѣ позорное ученіе эгоизма. Но индивидуумъ долженъ быть выведенъ изъ абсолютнаго «Я». Мое наукословіе сдѣлаетъ это ученіе объ естественномъ правѣ». Однако, въ естественномъ правѣ мы встрѣчаемъ лишь такого рода разсужденія: «Разумное существо не можетъ полагать себя съ самосознаніемъ, какъ таковое, не полагая себя индивидуумомъ между другими разумными существами, которыя существуютъ внѣ его». Это очень слабая «дедукція». Вся сила доказательствъ основана въ ней на томъ, что подчерк-

[1]) «Die Welt als Wille und Vorsselung», Leipzig 1873, Band I, G. 516. излишне прибавлять, что Кантовскія «открытія» представляются мнѣ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ чѣмъ Шопенгауэръ.

нуто слово индивидуумъ. Разумное существо не можетъ полагать себя, какъ таковое, не полагая въ то же время не-я вообще, т. е. людей, и вещей. Доказываетъ ли это существованіе вещей внѣ сознанія этого разумнаго существа? Нѣтъ? стало быть это не доказываетъ и существованія другихъ индивидуумовъ.

Вмѣсто того чтобы «вывести» (deduzieren) существованіе людей, Фихте дѣлаетъ ихъ бытіе моральнымъ постулатомъ. Но это значитъ не преодолѣть препятствіе, а обойти его. А пока мы не преодолѣли препятствія, мы не избавлены отъ нелѣпостей, къ которымъ неминуемо ведетъ всякая философская система, отрицающая существованіе вещей внѣ насъ и ихъ дѣйствіе на наши внѣшнія чувства. Если существованіе другихъ индивидуумовъ только духовно, то моя мать—только явленіе и, какъ явленіе, она существуетъ только во мнѣ [1]). Стало быть, нелѣпо утверждать, что меня родила женщина. Также мало я могу съ увѣренностью сказать, что я рано или поздно умру. Я знаю только то, что другіе люди умираютъ; но такъ какъ эти люди суть только представленія, то я не имѣю права утверждать, что я также смертенъ, какъ и они; логическое заключеніе на основаніи аналогіи не имѣетъ въ данномъ случаѣ силы.

Не трудно понять въ какой непроходимый лабиринтъ нелѣпостей заберемся мы, если станемъ разсматривать и изучать исторію человѣчества и всего нашего мірозданія съ точки зрѣнія идеализма.

Такимъ образомъ, развитіе отъ кантіанизма къ идеализму, хотя и уничтожаетъ противорѣчіе, составляющее основу Кантовой системы, но ведетъ къ самимъ очевиднымъ и смѣшнымъ нелѣпостямъ.

II.

Посмотримъ теперь, къ чему приводитъ насъ развитіе отъ кантіанизма къ матеріализму. Но прежде условимся въ терминахъ. О какомъ матеріализмѣ идетъ здѣсь рѣчь? Не о томъ ли матеріализмѣ, который существовалъ и еще до сихъ поръ существуетъ въ головахъ филистеровъ, отличающихся гораздо больше богобоязненностью, чѣмъ философскимъ талантомъ? или о настоящемъ матеріализмѣ, т. е. о томъ матеріализмѣ, основныя положенія котораго заключаются въ сочиненіяхъ важнѣйшихъ матеріалистовъ? На матеріализмъ клеветали нисколько не менѣе чѣмъ на соціализмъ. Поэтому, когда мы слышимъ разсужденія о матеріализмѣ, должны подчасъ спросить себя, не искажаютъ ли этого ученія?

Мой почтеннѣйшій противникъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые

---

[1]) ... Но, какъ явленія, онѣ не могутъ существовать сами въ себѣ, а только въ насъ. (Кантъ).

принимаются опровергать матеріализмъ, не давъ себѣ труда хорошенько изучить и понять его. Онъ говоритъ, напримѣръ: «матеріалисты должны утверждать, что эта сущность (т. е. сущность, которая соотвѣтствуетъ явленіямъ Н. Б.) тождественна съ явленіями». Это не только ошибочно, но ошибка имѣетъ здѣсь по истинѣ восхитительную форму.

Мы, матеріалисты, должны утверждать, что сущность вещей тождественна съ явленіями! Почему же мы должны утверждать нѣчто столь же дикое по своей формѣ, какъ и по своей «сущности»? Можетъ мы должны были сдѣлать это съ цѣлью облегчить г. Конраду Шмидту «легкую задачу» опровергнуть насъ? Матеріалисты, безъ сомнѣнія, любезные люди, но требовать отъ нихъ такой преувеличенной любезности значитъ идти слишкомъ уже далеко.

Г. докторъ продолжаетъ: Матеріалисты принимаютъ за совершенно независимую отъ человѣческаго сознанія, въ себѣ и для себя (?) сущую реальность—тѣ наиболѣе общія опредѣленія, которыя по необходимости разсматриваются нашими чувствами или, вѣрнѣе разсудкомъ, обрабатывающимъ впечатлѣнія, получаемыя чувствами, какъ основа окружающихъ насъ явленій, и къ числу которыхъ прежде всего принадлежитъ. «Матеріализмъ является, слѣдовательно, философіей тождества, потому что даже тамъ, гдѣ онъ отмѣчаетъ различіе между нашими представленіями и существующимъ въ себѣ бытіемъ, переходя такимъ образомъ за предѣлы наивнаго реализма, онъ все таки считаетъ возможнымъ познать вещь въ себѣ посредствомъ анализа явленій.

Такъ ли это? Нѣтъ это ни въ какомъ случаѣ не такъ. И чтобы убѣдиться въ этомъ, послушаемъ Гольбаха. «Если изо всего, что относится къ субстанціямъ производящимъ впечатлѣнія на наши чувства, намъ извѣстны только ихъ дѣйствія на насъ, тѣ дѣйствія, на основаніи которыхъ мы приписываемъ имъ извѣстныя свойства, то эти свойства представляютъ собою, по крайней мѣрѣ, нѣчто опредѣленное и порождаютъ въ насъ ясныя идеи. Какъ бы ни было поверхностно то познаніе, которое дается намъ посредствомъ чувственнаго воспріятія, оно есть единственное возможное для насъ познаніе; и разъ мы обладаемъ данной организаціей, мы должны довольствоваться этимъ познаніемъ» [1]).

Я прошу читателя, прочесть эти строки съ особеннымъ вниманіемъ и хорошо уяснить себѣ ихъ содержаніе. Это стоитъ труда, потому что это мѣсто даетъ необыкновенно ясное представленіе о томъ, чѣмъ былъ французскій матеріализмъ восемнадцатаго столѣтія, представляющій собою высшую точку въ развитіи матеріалистической философіи до Маркса [2]).

---

[1]) Systeme de la Nature Londres 1781, 2 часть, стр. 127.

[2]) Кстати. Въ моихъ предыдущихъ статьяхъ я цитировалъ многихъ матеріалистовъ, указывая на то, что Конрадъ Шмидтъ имѣетъ совершенно ошибоч-

Согласно Гольбаху т. е. авторамъ произведенія «Sisteme de la Nature», которое Гольбахъ писалъ не одинъ, есть вещи внѣ насъ и не зависимо отъ насъ, вещи, имѣющія дѣйствительное, а не только «духовное» существованіе. Эти вещи, природа которыхъ намъ извѣстна, дѣйствуетъ на насъ, производя впечатлѣнія на наши чувства, и сообразно впечатлѣніямъ, которыя вызываются въ насъ ихъ дѣйствіемъ, мы приписываемъ вещамъ тѣ или иныя свойства. Эти впечатлѣнія представляютъ собою единственныя знанія (поверхностныя и очень ограниченныя значенія), которыя мы можемъ имѣть о вещахъ въ себѣ. «Мы не знаемъ сущности ни одной вещи, если подъ словомъ сущность понимать то, что составляетъ природу этой вещи. Мы знаемъ матерію только по впечатлѣніямъ, представленіямъ и идеямъ, которыя она вызываетъ въ насъ. И мы составляемъ свои вѣрныя или ошибочныя сужденія сообразно природѣ нашихъ органовъ.» [1])

Значитъ ли это утверждать, что сущность вещей и явленій «тождественны»? Очевидно нѣтъ. Почему же нашъ doctor irrefragabilis приписываетъ матеріалистамъ такое утвержденіе? Почему онъ думаетъ, что непремѣнно «должны» отстаивать такой взглядъ.

Поскольку—читаемъ мы у него дальше—подъ матеріализмомъ понимаютъ лишь стремленіе вездѣ найти причинную связь явленій природы и установить зависимость духовныхъ процессовъ отъ матеріальныхъ, то такой «матеріализмъ» нисколько не противорѣчитъ теоретической философіи Канта; напротивъ, онъ ставитъ себѣ цѣль, которая вполнѣ понятна и даже необходима съ точки зрѣнія Кантовой философіи. Противоположность между ними обнаруживается только тогда, когда этотъ такъ

ное представленіе о „сущности“ матеріалистической философіи. Въ своемъ отвѣтѣ Кондрадъ Шмидтъ опредѣляетъ, приведенныхъ мною матеріалистовъ, какъ «просвѣтителей». Это очень ловко,—если это не педантично, потому что читатели, не знакомые съ исторіей философіи, могутъ подумать: съ какой стати вздумалъ Н. Бельтовъ ссылаться на «просвѣтителей», когда рѣчь идетъ о матеріалистахъ! Чтобы успокоить такихъ читателей, я вынужденъ прибавить, что я цитировалъ Гольбаха или вѣрнѣе авторовъ произведенія «Systeme de la Nature», между которыми былъ и Дидро и Гельвеція. Что касается Гольбаха, то «Systeme de la Nature» часто называли кодексомъ матеріализма (см. Ланге, «Исрію матеріализма» 2 изданіе, I томъ, стр. 361). А что касается Гельвеція, то этотъ «просвѣтитель» былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ матеріалистовъ, которые когда либо существовали. Кто не знаетъ этихъ двухъ «просвѣтителей» тотъ не знаетъ самой высокой и замѣчательной ступени въ развитіи матеріализма восемнадцатаго вѣка.

[1]) «Systeme de la Nature», 2 часть, стр. 91 — 92. Интересно сравнить съ этимъ мѣстомъ то, что говоритъ Спенсеръ: «Явленія, которыя представляются намъ свойствами матеріи, вплоть до ея тяжести и инертности, составляютъ въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ субъективныя измѣненія, порождаемыя объективными силами, которыя остаются неизвѣстными и непознаваемыми для насъ («Principes de Psychologie, 2 Theil, 3. Kapital, § 86).

называемый «матеріализмъ», становится послѣдовательнымъ метафизическимъ или вѣрнѣе, метафеноменалистическимъ матеріализмомъ; когда онъ объявляетъ элементы міра явленій «вещами въ себѣ».

Слѣдовательно, матеріализмъ или феноменалистиченъ, — и тогда онъ нисколько не расходится съ теоретической философіей Канта; или же онъ метафеноменалистиченъ,—и въ этомъ случаѣ онъ ведетъ насъ къ метафизикѣ, такъ какъ объявляетъ элементы вещами въ себѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, хорошо ли выражается Конрадъ Шмидтъ мы можемъ сказать, что это его или—или соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества, за исключеніемъ одного соотвѣтствія съ дѣйствительностью.

Кантіанизмъ то же метафеноменалистиченъ въ томъ смыслѣ, что онъ признаетъ дѣйствіе на насъ вещей въ себѣ. Феноменолистической философіей въ настоящемъ и чистомъ видѣ является фихтеанизмъ. Но Кантъ боролся противъ философіи Фихте. Само собою разумѣется, что матеріализмъ представляетъ собою ученіе метафеноменалистическое, потому что онъ не подвергаетъ сомнѣнію ни существованія вещей внѣ сознанія, ни ихъ дѣйствія на насъ. Но такъ какъ онъ въ то же время признаетъ, что мы познаемъ вещи въ себѣ только благодаря тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя вызываются ихъ дѣйствіемъ на насъ, то у него нѣтъ ни надобности, ни логической возможности считать явленія вещами въ себѣ. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не расходится съ кантіанизмомъ, не смотря на свой метафеноменолистическій характеръ. Разница между матеріализмомъ и Кантіанизмомъ обнаруживается лишь дальше. Признавъ вещи въ себѣ причинами феноменовъ, Кантъ хочетъ увѣрить насъ, что категорія причинности не имѣетъ никакого примѣненія къ вещамъ въ себѣ. Матеріализмъ же, который тоже считаетъ вещи въ себѣ причиной феноменовъ, не впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Вотъ и все. Если мы, опираясь на это различіе стали утверждать, что матеріализмъ есть метафизическое ученіе, то мы должны были бы сначала признать, что сущность «критической» философіи состоитъ въ ея внутреннемъ противорѣчіи.

Да и что такое метафизика? Каковъ предметъ ея изслѣдованія? Предметомъ метафизики является абсолютное. Она хочетъ быть наукой объ абсолютномъ, о безусловномъ. А развѣ матеріализмъ занимается абсолютнымъ?—Нѣтъ, предметомъ его изслѣдованія является природа и человѣческая исторія. «Люди всегда заблуждаются, когда жертвуютъ опытомъ ради философскихъ системъ, создаваемыхъ фантазіей», говоритъ Гольбахъ. «Человѣкъ есть созданіе природы; онъ существуетъ въ ней; онъ подчиненъ ея законамъ; онъ не можетъ выйти изъ нея даже въ мысляхъ. Напрасно стремится его духъ выдти за предѣлы видимаго міра;

онъ всегда вынужденъ вернуться назадъ въ этотъ міръ». Эти строки, которыми начинается уже столько разъ цитированная мною «Systeme de la Nature», составляетъ «канонъ» матеріализма, и совершенно непонятно, какимъ образомъ можно называть метафизическимъ то ученіе, которое никогда не разставалось съ этимъ «канономъ».

Но что понимаетъ матеріалистъ подъ словомъ: природа? Не является-ли у него природа метафизическимъ понятіемъ? Мы сейчасъ увидимъ это.

Матеріалистъ называетъ природой совокупность вещей, составляющихъ предметъ нашего чувственнаго воспріятія. Природа, это—чувственный міръ во всемъ своемъ объемѣ. Объ этомъ чувственномъ мірѣ и говорили французскіе матеріалисты восемнадцатаго столѣтія. Это понятіе о природѣ безпрестанно противоставлялось ими «фантомамъ», т. е. мнимымъ, сверхъестественнымъ существамъ. Въ «Système de la Nature» мы читаемъ: «намъ безпрестанно повторяютъ, что наши чувства способны воспринимать только внѣшнюю сторону вещей. Допустимъ, что это такъ. Но наши чувства не показываютъ намъ даже и внѣшней стороны тѣхъ воображаемыхъ существъ, которыми занимаются суевѣрные люди, приписывая имъ такія свойства, о которыхъ ведутся безконечные споры, между тѣмъ какъ самое бытіе ихъ остается до сихъ поръ недоказаннымъ». [1]) Человѣческій разумъ теряется въ потемкахъ, какъ только онъ выходитъ за предѣлы чувственнаго міра или что одно и то-же, за предѣлы опыта. Въ этомъ матеріалисты совершенно согласны съ Кантомъ. Но только матеріалисты понимаютъ опытъ нѣсколько иначе, чѣмъ авторъ «Критики чистаго разума».

По Канту, природа есть «наличное бытіе (Dasein) вещей, поскольку оно опредѣляется общими законами». Эти общіе законы (или чистые законы природы) суть законы нашего разсудка. «Разсудокъ не почерпаетъ своихъ законовъ (a priori) изъ природы, а наоборотъ диктуетъ природѣ свои собственные законы», объясняетъ намъ Кантъ. Эти законы не имѣютъ стало быть, объективнаго значенія. Иначе сказать, они примѣнимы только къ явленіямъ, но не къ вещамъ въ себѣ. Но такъ какъ явленія существуютъ только въ насъ, то очевидно, что Кантова теорія опыта имѣетъ въ послѣднемъ счетѣ вполнѣ субъективный характеръ и ничѣмъ не отличается отъ идеалистической теоріи Фихте [2]). Мы уже видѣли, въ какой лабиринтъ нелѣпостей неизбѣжно попадаетъ тотъ, кто беретъ эту

---

[1]) Часть вторая, страница 109.

[2]) «Система опыта есть не что иное, какъ мышленіе, сопровождающееся чувствомъ необходимости». Fichtes Werke, Band I S. 428. Само собою понятно, что Кантова теорія опыта субъективна лишь въ той мѣрѣ, въ какой она оспариваетъ примѣнимость категорій къ вещамъ въ себѣ. Но поскольку вещь въ себѣ служитъ у Канта причиной нашихъ ощущеній, постольку эта теорія представляетъ собою,—какъ я не разъ уже повторялъ это,—вопіющее противорѣчіе.

теорію въ-серьезъ и не боится сдѣлать всѣвытекающіе изъ нея конечные выводы. Теперь взглянемъ поближе на матеріалистическую теорію опыта.

Согласно этой теоріи, природа есть прежде всего совокупность явленій. Но такъ какъ вещи въ себѣ составляютъ необходимое условіе явленій, иными словами, такъ какъ явленія вызываются дѣйствіемъ объекта на субъектъ, то мы вынуждены признать, что законы природы имѣютъ не только субъективное, но и объективное значеніе, т. е. что взаимное отношеніе идей въ субъектѣ соотвѣтствуетъ, когда человѣкъ не ошибается,—взаимному отношенію вещей внѣ его. Конрадъ Шмидтъ скажетъ, конечно, что это «философія тождества» и что она считаетъ «элементы явленій вещами въ себѣ». Онъ ошибется. Чтобъ предостеречь его отъ заблужденія, я попрошу моего оппонента вспомнить ту геометрическую фигуру, съ помощью которой Спенсеръ старался облегчить своимъ читателямъ пониманіе «трансформированнаго реализма». Представимъ себѣ цилиндръ и кубъ. Цилиндръ есть субъектъ; кубъ—объектъ. Тѣнь, падающая отъ куба на цилиндръ, есть представленіе. Эта тѣнь совсѣмъ не похожа на кубъ: прямыя линіи куба являются въ ней ломаными; его плоскія поверхности выгнутыми. И, несмотря на это, каждому измѣненію куба будетъ соотвѣтствовать измѣненіе его тѣни. Мы можемъ предположить что нѣчто подобное происходитъ въ процессѣ образованія представленій. Ощущенія, вызванныя въ субъектѣ, дѣйствіемъ на него объекта, совсѣмъ не похожи на этотъ послѣдній, какъ не похожи они и на субъекта,—но тѣмъ не менѣе каждому измѣненію въ объектѣ соотвѣтствуетъ измѣненіе его дѣйствія на субъекта. Это совсѣмъ не та грубая и вульгарная философія тождества, которую приписываетъ намъ Конрадъ Шмидтъ. Эта теорія опыта, имѣющая своей точкой отправленія природу, даетъ намъ возможность избѣжать какъ не послѣдовательности кантіанизма, такъ и нелѣпости субъективнаго идеализма.

Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что одно дѣло «трансформированный реализмъ» Герберта Спенсера, а другое дѣло матеріализмъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ разсмотрѣть здѣсь въ чемъ состоитъ главное различіе этихъ двухъ ученій. Все, что я могу сказать въ этой статьѣ,—впрочемъ, этого достаточно для моей цѣли,—состоитъ вотъ въ чемъ. Теорія познанія Спенсера,—въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ я пользуюсь ею здѣсь,—составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе идей французскихъ матеріалистовъ восемнадцатаго столѣтія.

«Безъ ты нѣтъ я», (hone du keiп Ich) говорилъ старый Ф. Г. Якоби. Я, съ своей стороны, скажу: безъ ты нѣтъ я, свободнаго отъ нѣкоторыхъ, очень сильныхъ угрызеній совѣсти. Вотъ убѣдительный примѣръ. Еслибы не существовало г. Конрада Шмидта, какъ вещи въ себѣ; еслибы онъ былъ только явленіемъ, т. е. представленіемъ, существующимъ лишь

въ моемъ сознаніи, то я никогда не простилъ бы себѣ, что это мое сознаніе породило доктора, столь неловкаго въ дѣлѣ философскаго мышленія. Но если моему представленію соотвѣтствуетъ дѣйствительный г. Конрадъ Шмидтъ, то я не отвѣчаю за его логическіе промахи, моя совѣсть спокойна, а это очень значитъ въ нашей юдоли плача.

Нашъ неопровержимый докторъ увѣряетъ, что онъ не кантіанецъ и что онъ скорѣе скептически относится къ Канту. Но я никогда и не утверждалъ, что онъ можетъ стать настоящимъ послѣдователемъ какой бы то ни было философской системы. Я всегда говорилъ, что онъ предпочитаетъ эклектическую похлебку. Но его эклектизмъ все-таки не помѣшалъ ему бороться съ матеріализмомъ, употребляя доводы, заимствованные у кантіанцевъ. Впрочемъ, эклектики всегда поступаютъ такъ: они борются съ однимъ ученіемъ посредствомъ доводовъ, заимствуемыхъ ими у другого, а этому другому противопоставляютъ доводы, заимствуемые у перваго. Но г. Бернштейнъ, которому статейка доктора Шмидта дала «непосредственный толчокъ» (бѣдный г. Бернштейнъ!) дошелъ все-таки въ своемъ движеніи назадъ, до Канта. Правда, онъ дошелъ до него только «до нѣкоторой степени». Но каковъ попъ, таковъ и приходъ, говоритъ русская пословица. Эклектику-учителю «соотвѣтствуетъ» эклектикъ-ученикъ. Во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что статьи Конрада Шмидта вызываютъ въ нѣкоторыхъ читателяхъ склонность вернуться назадъ именно къ Канту, а не къ какому-нибудь другому философу.

Подхожу, наконецъ, къ весьма сердитому заключенію статьи г. Конрада Шмидта.

Я утверждалъ, что буржуазія заинтересована въ возрожденіи философіи Канта, потому что она надѣется, что эта философія поможетъ ей усыпить пролетаріатъ. Конрадъ Шмидтъ отвѣчаетъ мнѣ свойственнымъ ему элегантнымъ языкомъ: «Какого бы мнѣнія мы ни были объ умѣ буржуазіи, но она все-таки не такъ безнадежно глупа, чтобы питать такія нелѣпыя «надежды». Какой безграничный схематизмъ, какой, лишенный всякой критики, всякаго оригинально-живого отношенія къ дѣйствительности взглядъ скрывается за такими пріемами конструированія» etc. etc.

Да будетъ мнѣ позволено прервать сердитаго доктора и поставить ему нѣсколько вопросовъ.

I. Заинтересована ли буржуазія въ томъ, чтобы «морализовать» пролетаріатъ и бороться съ тѣмъ отрицательнымъ отношеніемъ къ суевѣрію, которое все болѣе и болѣе распространяется въ этомъ классѣ.

II. Нуждается ли она въ сильномъ духовномъ оружіи для этой «моралізаціи» и для этой борьбы?

III. Не считался ли кантіанизмъ оружіемъ, наиболѣе подходящимъ для этой цѣли, и не считается ли онъ таковымъ до сихъ поръ [1])?

Конрадъ Шмидтъ, повидимому, очень плохо знаетъ исторію философіи. Но если бы онъ ее зналъ, то ему было бы извѣстно, что кантіанизмъ привѣтствовали при первомъ уже его появленіи, какъ самое лучшее оружіе для борьбы противъ матеріализма и другихъ «возмутительныхъ» ученій. Уже Карлъ Леонгардъ Рейнгольдъ — первый вульгаризаторъ кантіанизма—считалъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ этой системы то, что она «вынуждаетъ естествоиспытателей отказаться отъ своихъ неосновательныхъ претензій на знаніе [2]). Онъ писалъ, что та основная мысль, которая такъ распространена въ настоящее время «подъ видомъ фатализма, матеріализма и спинозизма, представлена Кантомъ, какъ фантомъ, обманывающій нашъ разумъ, съ наглядностью, на которую не могутъ претендовать наши новѣйшіе теологи, занимающіеся развинчиваніемъ дьявола; если теперь останутся фаталисты или если таковые явятся современемъ, то это будутъ люди, либо совсѣмъ не изучавшіе, либо не понявшіе «Критики чистаго разума» [3]).

Безнадежно глупа! Нѣтъ, повѣрьте, глупостью-то отличается здѣсь совсѣмъ не буржуазія.

«Если я, какъ и всѣ тѣ, на которыхъ косвенно нападаетъ Н. Бельтовъ, склонились къ философіи Канта изъ подражанія буржуазіи, — говоритъ г. Шмидтъ,—то удивительно, что мы интересуемся именно теоріей познанія, т. е. какъ разъ тою частью этой философіи Канта, которая во всякомъ случаѣ, не имѣетъ ничего общаго съ практическими интересами буржуазіи».

На это я отвѣчу ему только что приведенными мною словами Рейнгольда: вы или не изучали «Критики чистаго разума», или не поняли ея.

Кантъ, который, надо надѣяться, лучше понимаетъ свою теорію познанія, чѣмъ понимаетъ ее Конрадъ Шмидтъ, говоритъ въ предисловіи ко второму изданію «Критики чистаго разума». Такимъ образомъ, я не могу даже предположить Бога, свободу и безсмертіе, которые необходимы для практическихъ цѣлей моего разума, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ не лишить спекулятивный разумъ его чрезмѣрнаго притязанія на проницательность... Я долженъ былъ, стало быть, уничтожить знаніе для того, чтобы очистить мѣсто вѣрѣ».

---

[1]) Само собою понятно, что буржуазіи нѣтъ надобности непосредственно обращаться съ кантіанизмомъ къ рабочимъ. Достаточно, чтобы эта философія вошла въ моду, для того, чтобы она подала поводъ нѣкоторымъ людямъ, распространять въ рабочемъ классѣ вытекающіе изъ нея конечные выводы.

[2]) „Briefe“ über die Kantische Philosophie, Leipzig 1790, I Band, s. 114.

[3]) Ibid., s. 116.

Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ [1]). Буржуазія то далеко не глупа!

Еще нѣсколько словъ и я кончу.

Конрадъ Шмидтъ обвиняетъ меня въ томъ, что я прибѣгаю къ «самымъ произвольнымъ сочетаніямъ идей для того, чтобы подорвать политическій кредитъ тѣхъ людей, которые въ области философіи позволяютъ себѣ думать не такъ, какъ Бельтовъ».

Это трижды невѣрно.

1. Все вышесказанное достаточно показываетъ, что то, «сочетаніе идей», къ которому «прибѣгалъ» я, отнюдь не «произвольно».

2. Въ моей полемикѣ я всегда имѣю въ виду истину и весьма мало забочусь о политическомъ кредитѣ тѣхъ или иныхъ господъ. Конрадъ Шмидтъ очень «произвольно» истолковываетъ то, что читаетъ въ моемъ сердцѣ.

3. Въ своихъ статьяхъ, такъ возмутившихъ г. доктора, я защищалъ не «взглядъ Н. Бельтова», а взглядъ Энгельса и Маркса. Все, на что можетъ претендовать и претендуетъ Н. Бельтовъ по отношенію къ этому взгляду, сводится къ его правильному пониманію. Я защищаю и всегда буду защищать этотъ взглядъ съ горячностью и съ убѣжденіемъ. И если нѣкоторые читатели «пожимаютъ плечами» по тому поводу, что я горячусь въ такой полемикѣ, которая касается важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ затрогиваетъ самые насущные интересы рабочаго класса, — такъ какъ очень вредно этому классу питаться тѣмъ, что Энгельсъ назвалъ нищенской похлебкой эклектиковъ, — то я скажу, пожимая плечами въ свою очередь: тѣмъ хуже для этихъ читателей!

---

[1]) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Надо имѣть въ виду, что въ настоящее время, въ кругахъ интересующихся Кантовой философіей, интересъ къ практической „части“ этой философіи все болѣе и болѣе беретъ верхъ надъ интересомъ къ ея теоретической части.

Къ шестидесятой годовщинѣ смерти Гегеля.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 14 ноября 1831 года, скончался человѣкъ, которому безспорно и всегда будетъ принадлежать одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ исторіи мысли. Между тѣми науками, которыя у французовъ называются «sciences morales et politiques», нѣтъ ни одной, которая не испытала на себѣ могучаго и въ высшей степени плодотворнаго вліянія Гегелевскаго генія. Діалектика, логика, исторія, право, эстетика, исторія философіи и исторія религіи—приняли новый видъ, благодаря толчку, полученному ими отъ Гегеля.

Гегелевская философія воспитала и закалила мысль такихъ людей, какъ Штрауссъ, Бруно Бауеръ, Фейербахъ, Фишеръ, Гансъ, Лассаль, и, наконецъ, Энгельсъ и Марксъ. Еще при жизни своей Гегель пользовался огромной, всемірной славой; послѣ его смерти, въ промежутокъ времени отъ тридцатыхъ до сороковыхъ годовъ, почти всеобщее увлеченіе его философіей приняло еще болѣе острый характеръ; но затѣмъ началась быстрая реакція: Гегеля стали третировать, по выраженію Маркса, такъ же какъ честный Мендельсонъ третировалъ во время Лессинга Спинозу, т. е., какъ «дохлую собаку». Интересъ къ его философіи совсѣмъ исчезъ въ «образованныхъ» слояхъ; въ ученомъ же мірѣ онъ ослабѣлъ настолько, что до сихъ поръ никто изъ спеціалистовъ по исторіи философіи даже не подумалъ о томъ, чтобы опредѣлить и указать «остающуюся стоимость» гегелевой философіи въ тѣхъ многоразличныхъ отрасляхъ знанія, которыя затрагивались ею. Чѣмъ объясняется такое отношеніе къ Гегелю, мы отчасти увидимъ ниже; теперь же замѣтимъ только, что въ недалекомъ будущемъ можно ожидать новаго оживленія интереса къ его философіи и особенно къ его философіи исторіи. Огромные успѣхи рабочаго движенія, вынуждающіе такъ называемые образованные классы интересоваться той теоріей, подъ знаменемъ которой оно совершается, заставятъ эти классы заинтересоваться также и историческимъ происхожденіемъ этой теоріи.

А разъ они заинтересуются этимъ, они скоро придутъ къ Гегелю,

который превратится такимъ образомъ въ ихъ глазахъ изъ «философа реставраціи» въ родоначальника самыхъ передовыхъ теперь идей.

И вотъ почему можно напередъ предсказать, что хотя интересъ къ Гегелю и оживится въ образованныхъ классахъ, но что они уже никогда не будутъ относиться къ нему съ той глубокой симпатіей, какую они питали къ нему лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ въ странахъ нѣмецкой культуры. Напротивъ, буржуазные ученые съ жаромъ примутся за «критическій пересмотръ» философіи Гегеля, и много докторскихъ дипломовъ пріобрѣтено будетъ въ борьбѣ съ «крайностями» и съ «логическимъ произволомъ» покойнаго профессора.

Конечно, отъ подобнаго «критическаго пересмотра» наука выиграетъ только то, что снова и снова обнаружатъ свою теоретическую несостоятельность ученые защитники капиталистическаго порядка, подобно тому, какъ уже обнаружили они ее въ области политической. Но не даромъ говорятъ, что всегда полезно «рыться вокругъ корней истины». Возрожденіе интереса къ Гегелевской философіи послужитъ для безпристрастныхъ людей поводомъ къ самостоятельному изученію его сочиненій, а это будетъ хотя и не легкой, но чрезвычайно плодотворной умственной работой. У Гегеля очень многому научатся тѣ, которые дѣйствительно стремятся къ знанію.

Въ предлагаемой статьѣ мы хотимъ сдѣлать попытку оцѣнить философско-историческіе взгляды великаго нѣмецкаго мыслителя. Въ общихъ чертахъ это уже сдѣлано рукою мастера въ превосходныхъ статьяхъ Энгельса «Ludiwig Feilrbach und der Ausgang der klaisscihen deutschen-Philosophie» напечатанныхъ въ «Neue Zeit» и потомъ появившихся въ видѣ отдѣльной брошюры. Но мы думаемъ, что названные взгляды Гегеля вполнѣ заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Значеніе Гегеля въ общественной наукѣ опредѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ смотрѣлъ на всѣ ея явленія съ точки зрѣнія процесса des Werdens (становленія), т. е. съ точки зрѣнія ихъ возникновенія и уничтоженія. Многимъ можетъ показаться, что это очень небольшая заслуга, такъ какъ иначе, кажется, и нельзя смотрѣть на общественныя явленія. Но, во-первыхъ, и до сихъ поръ еще эта точка зрѣнія, какъ мы увидимъ ниже, далеко не понята многими изъ тѣхъ, которые считаютъ себя «эволюціонистами»; во-вторыхъ, во времена Гегеля отъ нея еще дальше были люди, занимавшіеся общественными науками. Достаточно припомнить тогдашнихъ соціалистовъ и экономистовъ. Соціалисты смотрѣли тогда на буржуазный порядокъ, какъ на очень вредный, правда, но тѣмъ не менѣе совершенно *случайный* продуктъ человѣческихъ *заблужденій*. Экономисты восхищались имъ и не находили достаточно словъ для его восхваленія, но и имъ представлялся онъ не болѣе, какъ плодомъ *случайнаго открытія истины*. Дальше этого *абстрактнаго* про-

тивопоставленія истины заблужденію не шли ни тѣ, ни другіе, хотя въ ученіяхъ соціалистовъ были уже зачатки болѣе правильнаго взгляда на вещи.

Для Гегеля подобное абстрактное противопоставленіе истины заблужденію было одною изъ тѣхъ нелѣпостей, въ которыя такъ часто попадаетъ «разсудочное» мышленіе. Ж. Б. Сэй считалъ безполезнымъ изученіе исторіи политической экономіи, потому что до Адама Смита всѣ экономисты проповѣдывали ошибочныя теоріи. Для Гегеля, философія была лишь умственнымъ выраженіемъ своего времени.

Каждая, въ данное время «превзойденная» философія была истиной для своего времени, и уже по одному этому Гегель не могъ отбрасывать прежнія философскія системы, какъ старый и никуда негодный хламъ. Напротивъ, по его словамъ «послѣдняя по времени философія есть результатъ всѣхъ предшествовавшихъ философій и потому должна заключать въ себѣ принципы ихъ всѣхъ». (Encyklopedie, § 13). Въ основаніи такого взгляда на исторію философіи лежало конечно, чисто идеалистическое соображеніе о томъ, что «руководитель всей духовной работы (т. е. работы философской мысли) есть единый живой духъ, мыслящая природа котораго заключается въ томъ, чтобы приходить къ самосознанію и, разъ достигнувъ его, немедленно возвышаться надъ достигнутою ступенью и идти далѣе». (Ibid).

Но самый послѣдовательный матеріалистъ не откажется признать, что каждая данная философская система есть лишь умственное выраженіе своего времени [1]). И если, возвращаясь къ исторіи политической экономіи, мы спросимъ себя, съ какой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на нее въ настоящее время, то немедленно увидимъ, на сколько мы ближе къ Гегелю, чѣмъ къ Ж. Б. Сэю. Вотъ, напримѣръ, съ точки зрѣнія Сэя, т. е. съ точки зрѣнія абстрактной противоположности между истиной и заблужденіемъ, меркантильная система, или даже система физіократовъ должна была представляться, и дѣйствительно представлялась, не болѣе, какъ случайно попавшею въ человѣческія головы нелѣпостью. Но мы знаемъ теперь, до какой степени каждая изъ названныхъ системъ являлась необходимымъ продуктомъ своего времени.

«Если монетарная и меркантильная системы разсматриваютъ всемірную торговлю и непосредственно въ нее впадающія вѣтви національнаго труда, какъ единственные истинные источники богатства или денегъ, то надо принять въ соображеніе, что въ ту эпоху величайшая часть національнаго производства двигалась еще въ феодальныхъ формахъ и служила своимъ производителямъ, непосредственнымъ источникомъ существо-

[1]) Конечно, она можетъ быть, и всегда бываетъ, отраженіемъ только извѣстной стороны своего времени. Но это не измѣняетъ дѣла по существу.

ванія. Продукты по большей части не превращались въ товары, а потомъ не превращались и въ деньги, не вступали въ матеріальный круговоротъ общественной жизни, не представлялись, поэтому, воплощеніемъ абстрактнаго общественнаго труда и на самомъ дѣлѣ вовсе не составляли буржуазнаго богатства. Сообразно подготовительной стадіи буржуазнаго производства, эти непризнанные пророки крѣпко держались за осязаемую и блестящую форму мѣновой стоимости, за ея форму всеобщаго товара въ противоположность всѣмъ особеннымъ товарамъ». (Karl Marx, Zur «Kritik der politischen Oekonomie», Berlin 1859, SS. 138—139). Споръ физіократовъ съ ихъ противниками Марксъ объясняетъ, какъ споръ о томъ, какой родъ труда создаетъ прибавочную стоимость (Ibid S. 35). Не правда ли, это былъ вопросъ весьма «своевременный» для буржуазіи, которая готовилась тогда стать всѣмъ?

Но не одна философія представляется Гегелю естественнымъ и необходимымъ продуктомъ своего времени; такъ же смотритъ онъ и на религію, и на право. И при томъ нужно замѣтить, что и философія, и право, и религія, и искусство, и даже техника («technische Geschiklichkeit») находятся, по Гегелю, въ тѣснѣйшей взаимной связи: «только при данной религіи можетъ существовать данная форма государственнаго устройства, и только при данномъ государственномъ устройствѣ можетъ существовать данная философія и данное искусство». [1]) Это опять можетъ показаться чѣмъ-то совершенно тривіальнымъ: кто же не знаетъ, какъ тѣсно связана одна съ другой всѣ стороны и всѣ проявленія народной жизни? Теперь это извѣстно каждому школьнику. Но Гегель не такъ понималъ эту взаимную связь различныхъ сторонъ и проявленій народной жизни, какъ понимаютъ ее до сихъ поръ многіе «образованные» люди и школьники. Связь эта представляется имъ въ видѣ простого взаимодѣйствія названныхъ сторонъ и проявленій, причемъ, во-первыхъ, самое взаимодѣйствіе это остается совершенно невыясненнымъ, а во вторыхъ,—и это главное—совершенно забывается о томъ, что долженъ же быть одинъ общій источникъ, изъ котораго берутъ начало всѣ эти, находящіяся во взаимодѣйствіи, стороны и проявленія. Такимъ образомъ, эта система взаимодѣйствій оказывается ни на чемъ не основанной, висящей въ воздухѣ: право вліяетъ на религію, религія вліяетъ на право, а каждая изъ нихъ и обѣ онѣ вмѣстѣ вліяютъ на философію и на искусство, которыя въ свою очередь, дѣйствуя другъ на друга, дѣйствуютъ также и на право, и на религію, и т. д. Такъ гласитъ, дѣйствительно, общеизвѣстная мудрость. Положимъ, что мы можемъ удовольствоваться такимъ изложеніемъ дѣла для каждаго даннаго времени. Но вѣдь у насъ остается еще вопросъ о

---

[1]) «Philosophie der Geschichte», dritte Auflage, Berlin 1848, Einleitung, S. 66.

томъ, чѣмъ обусловливалось историческое развитіе религіи, философіи, искусства, права и т. д. вплоть до данной исторической эпохи.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ указываютъ обыкновенно все на то же взаимодѣйствіе, которое, такимъ образомъ, перестаетъ, наконецъ, объяснять что бы то ни было; или указываютъ какія нибудь случайныя причины, вліяющія на ту или другую сторону народной жизни и не имѣющія между собою ничего общаго; или, наконецъ, все дѣло сводится къ субъективной логикѣ людей; говорится, напримѣръ, что философская система Фихте логически вытекла изъ философской системы Канта, философія Шеллинга логически вытекла изъ философіи Фихте, а философія Гегеля изъ философіи Шеллинга. Такъ же «логически» объясняется смѣна различныхъ школъ въ искусствѣ. Здѣсь есть, несомнѣнно, своя доля истины. Жаль только, что она ровно ничего не объясняетъ. Мы знаемъ, что иногда переходъ отъ одной философской системы, или отъ одной школы въ искусствѣ къ другой, совершается очень быстро, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, иногда же для него требуются цѣлыя столѣтія. Откуда происходитъ это различіе? Логическая филіація идей совершенно его не объясняетъ. Не объясняютъ ничего и указанія общеизвѣстной школьной мудрости на взаимодѣйствіе и на случайныя причины. Но «образованные» люди этимъ не смущаются. Наговоривъ глубокомысленныхъ вещей по поводу взаимодѣйствія различныхъ сторонъ народной жизни, они довольствуются этимъ «проявленіемъ» ихъ собственнаго глубокомыслія и перестаютъ думать какъ разъ тамъ, гдѣ строгое научное мышленіе впервые входитъ всецѣло въ свои права. Гегель былъ, какъ небо отъ земли, далекъ отъ подобнаго глубокомыслія. «Когда довольствуются тѣмъ, что разсматриваютъ данное содержаніе съ точки зрѣнія взаимодѣйствія,—говоритъ онъ,—то это... представляетъ собою пріемъ крайне бѣдный, въ смыслѣ пониманія; тогда имѣютъ дѣло просто съ сухимъ фактомъ и требованіе посредствованія, сказывающееся тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о нахожденіи причинной связи, остается неудовлетвореннымъ. Недостаточность пріема, заключающагося въ разсмотрѣніи явленія съ точки зрѣнія взаимодѣйствія, состоитъ въ томъ, что отношеніе взаимодѣйствія, вмѣсто того, чтобы служить эквивалентомъ понятія, само еще должно быть понято, и это достигается тѣмъ, что обѣ взаимодѣйствующія стороны признаются моментомъ чего-то третьяго, высшаго, а не принимаются за непосредственно данныя» [1]). Это значитъ, что говоря, напримѣръ, о различныхъ сторонахъ народной жизни, мы должны, —не довольствуясь указаніемъ на ихъ взаимодѣйствіе,—искать ихъ объясненія въ чемъ-то но-

---

[1]) „Encyclopadie“, стр. 156, Zusatz.

вомъ, «высшемъ», т. е. въ томъ, чѣмъ обусловливается какъ самое ихъ существованіе, такъ и возможность ихъ взаимодѣйствія.

Гдѣ же искать этого новаго, «высшаго?»

Гегель отвѣчаетъ, что его надо искать въ свойствахъ народнаго духа. И это вполнѣ логично съ его точки зрѣнія. Для него вся исторія есть лишь «изложеніе и осуществленіе всеобщаго духа». Движеніе всеобщаго духа совершается ступенями. Каждая ступень, какъ отличная отъ другихъ, имѣетъ свой собственный опредѣленный принципъ. Такимъ принципомъ является въ исторіи... особый народный духъ. Въ свойствахъ народнаго духа конкретно выражаются всѣ стороны народнаго сознанія и народной воли, всей его дѣйствительности; они налагаютъ свою печать на его религію, на его политическій строй, на его нравственность, на его право, на его обычаи, а также на его науку, на его искусство и на его технику. Всѣ эти частныя свойства объясняются общими свойствами народнаго духа, равно какъ и наоборотъ, эти общія свойства могутъ быть выведены изъ изучаемыхъ исторіей фактическихъ частностей народнаго быта» [1]).

Нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать здѣсь то блестящее открытіе, что приведенный взглядъ Гегеля на всемірную исторію пропитанъ идеализмомъ чистѣйшей воды. Это бросается въ глаза, какъ выразился бы Гоголь, всякому, даже не обучавшемуся въ семинаріи. Точно также нѣтъ ничего легче, какъ ограничить «критику» гегелевской философіи исторіи презрительнымъ пожатіемъ плечами по поводу ея крайняго идеализма. Такъ и поступаютъ нерѣдко люди, которые сами неспособны ни къ какому послѣдовательному мышленію,—люди, которые недовольны матеріалистами за то, что тѣ матеріалисты, недовольны идеалистами за то, что тѣ идеалисты, и чрезвычайно довольны собою, потому что ихъ собственное міросозерцаніе будто бы свободно отъ всякихъ крайностей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно есть просто на просто совершенно непереваренный и совершенно неперевариный винигретъ изъ идеализма и матеріализма. Философія Гегеля имѣетъ во всякомъ случаѣ то неоспоримое достоинство, что въ ней нѣтъ ни атома эклектизма. И если ея ошибочная идеалистическая основа дѣйствительно даетъ себя чувствовать слишкомъ часто; если она ставитъ слишкомъ тѣсные предѣлы движенію геніальной мысли великаго человѣка, то именно это обстоятельство и должно заставить насъ отнестись къ философіи Гегеля съ величайшимъ вниманіемъ; именно оно-то и дѣлаетъ ее въ высшей степени поучительной. Идеалистическая философія Гегеля сама въ себѣ заключаетъ самое лучшее, самое неопровержимое доказательство несостоятельности идеализма. Но въ то же время она учитъ насъ по-

[1]) Philosophie der Geschichte, Einleitung, S. 79.

слѣдовательности въ мышленіи, и кто съ любовью и со вниманіемъ пройдетъ ея суровую школу, тотъ навсегда получитъ спасительное отвращеніе отъ эклектическаго винигрета...

Если мы знаемъ теперь, что всемірная исторія вовсе не есть «изложеніе и осуществленіе всемірнаго духа», то еще не значитъ, что мы можемъ удовольствоваться ходячими разсужденіями на ту тему, что политическій строй всякаго даннаго народа вліяетъ на его нравы, а нравы его вліяютъ на его конституцію и т. п. Мы должны согласиться съ Гегелемъ, что и нравы, и политическое устройство происходятъ изъ одного общаго источника. Каковъ именно этотъ источникъ, на это указываетъ намъ современное матеріалистическое объясненіе исторіи, о которомъ мы замѣтимъ пока только то, что гг. эклектики понимаютъ его съ такимъ же трудомъ, съ какимъ они проникаютъ въ тайны діаметрально-противоположныхъ ему идеалистическихъ взглядовъ Гегеля.

Каждый разъ, когда Гегель принимается за характеристику какого нибудь великаго историческаго народа, онъ обнаруживаетъ всесторонніе знанія и огромную проницательность, онъ даетъ поистинѣ блестящія и въ то же время глубоко поучительныя характеристики, разсыпая мимоходомъ цѣлый рядъ самыхъ цѣнныхъ замѣчаній о различныхъ сторонахъ исторіи даннаго народа. Онъ увлекаетъ васъ, и вы готовы забыть, что имѣете дѣло съ идеалистомъ, вы готовы признать, что онъ дѣйствительно «die Geschichte nimmt, wie sie ist», что Гегель строго слѣдуетъ своему правилу: «держаться исторической, эмпирической почвы». Но зачѣмъ нужна Гегелю эта историческая, эмпирическая почва? Затѣмъ, чтобы опредѣлить свойства духа даннаго народа. Духъ даннаго народа есть, какъ мы уже знаемъ, не больше, какъ ступень въ развитіи всеобщаго духа; свойства же этого послѣдняго выводятся вовсе не изъ изученія всемірной исторіи; понятіе о немъ вносится въ ея изученіе какъ совершенно готовое, со всѣхъ сторонъ законченное понятіе. Отсюда происходитъ вотъ что: пока исторія не противорѣчитъ понятію о всеобщемъ духѣ и «законамъ» развитія этого духа, она берется «какъ она есть»; Гегель «держится исторической, эмпирической почвы». Но когда исторія не то что противорѣчитъ «законамъ» развитія всеобщаго духа, а просто выходитъ изъ колеи этого предполагаемаго развитія, является чѣмъ-то непредусмотрѣннымъ Гегелевской логикой, она оставляется безъ вниманія. Такое отношеніе къ исторіи, повидимому, должно было бы, по крайней мѣрѣ, спасать Гегеля отъ противорѣчій съ самимъ собою. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Гегель далеко не свободенъ отъ противорѣчій. Вотъ довольно яркій примѣръ. Гегель въ слѣдующихъ выраженіяхъ говоритъ о религіозныхъ представленіяхъ индѣйцевъ.

«Любовь, небо, словомъ все духовное съ одной стороны проходитъ черезъ фантазію индійца, а съ другой стороны все мыслимое имъ пред-

ставляется ему въ столь же чувственномъ видѣ, и онъ... погружается въ это чувственное. Предметы религіознаго поклоненія представляютъ собою, поэтому, или созданные искусствомъ чудовищные образы, или же естественныя вещи. Каждая птица, каждая обезьяна есть богъ, совершенно общее существо. Индійцы неспособны смотрѣть на предметъ съ точки зрѣнія разсудочныхъ опредѣленій, потому что для этого нужна уже рефлексія» [1].

На основаніи этой характеристики, Гегель считаетъ поклоненіе животнымъ за естественное слѣдствіе того обстоятельства, что духъ индійскаго народа представляетъ собою одну изъ низшихъ ступеней въ развитіи всеобщаго духа. Древніе персы, обоготворявшіе свѣтъ, а также «солнце, луну и пять другихъ свѣтилъ», признававшихся ими за «почтенные образы Ормузда», ставятся Гегелемъ выше индійцевъ. Но вотъ посмотрите, что говоритъ тотъ же Гегель о поклоненіи животнымъ у древнихъ египтянъ.

«Культъ (египтянъ) состоитъ преимущественно изъ поклоненія животнымъ... Для насъ поклоненіе животнымъ отвратительно; мы можемъ привыкнуть къ обоготворенію неба, но намъ чуждо почитаніе животныхъ. И однако, несомнѣнно, что народы, поклоняющіеся солнцу и другимъ свѣтиламъ, нисколько не выше тѣхъ, которые обоготворили животныхъ; наоборотъ, потому что въ животномъ мірѣ египтяне созерцали внутреннее, непостижимое» [2].

То же самое поклоненіе животнымъ получаетъ, въ глазахъ Гегеля, совершенно различное значеніе, смотря потому, идетъ-ли рѣчь объ индѣйцахъ, или объ египтянахъ. Почему же это такъ? Неужели индѣйцы обоготворяли животныхъ дѣйствительно совсѣмъ на другой ладъ, чѣмъ египтяне? Нѣтъ, тутъ просто дѣло въ томъ, что египетскій народный духъ» представляетъ собою «переходъ» (Uebergang) къ греческому, занимаетъ сравнительно высокую ступень въ гегелевской классификаціи, и потому Гегель не хочетъ уличать его въ тѣхъ же слабостяхъ, въ которыхъ былъ уличенъ низко-поставленный индѣйскій народный духъ. Точно такъ же совсѣмъ иначе относится Гегель къ кастамъ, смотря по тому, встрѣчается-ли онъ съ ними въ Индіи, или въ Египтѣ. Индѣйскія касты «становятся естественными различіями», а потому личность въ Индіи еще меньше умѣетъ цѣнить себя, чѣмъ въ Китаѣ, гдѣ существуетъ незавидное равенство всѣхъ передъ деспотомъ. Объ египетскихъ кастахъ мы узнаемъ, что онѣ «не окаменѣли, а находятся во взаимной борьбѣ и во взаимномъ соприкосновеніи: онѣ часто разлагаются и опять возникаютъ». Но уже изъ того, что самъ Гегель говоритъ о кастахъ въ

---

[1]) Philosophie der Geschichte, S. S. 192, 193.
[2]) Ibid., S 258.

Индіи видно, что и тамъ не совсѣмъ отсутствовали ихъ взаимная борьба и ихъ взаимное соприкосновеніе. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о поклоненіи животнымъ, Гегелю приходится въ интересахъ довольно произвольной логической конструкціи, придавать совершенно различное значеніе совершенно аналогическимъ явленіямъ общественной жизни. Но это еще не все, Ахиллесова пята идеализма обнажается передъ нами въ особенности тамъ, гдѣ Гегелю приходится имѣть дѣло съ переходомъ центра тяжести историческаго движенія отъ одного народа къ другому, или съ измѣненіемъ внутренняго состоянія даннаго народа. Въ такихъ случаяхъ естественно возникаетъ вопросъ о причинѣ такихъ переходовъ и измѣненій, и Гегель, какъ идеалистъ, ищетъ отвѣта въ свойствахъ того самаго духа, осуществленіе котораго и составляетъ, по его мнѣнію, исторію онъ. Онъ спрашиваетъ себя, напримѣръ, почему древняя Персія склонилась къ упадку, между тѣмъ какъ Китай и Индія продолжаютъ существовать. Отвѣту предшествуетъ у него слѣдующее замѣчаніе.

«Прежде всего надо устранить тотъ предразсудокъ, что продолжительность существованія указываетъ на какое либо превосходство: неразрушимыя горы вовсе не лучше быстро отцвѣтающей розы».

Этого предварительнаго замѣчанія, разумѣется, ни въ коемъ случаѣ нельзя считать отвѣтомъ. Далѣе идутъ такія разсужденія.

«Въ Персіи начинается (begginnt) принципъ свободнаго духа въ его противоположности съ естественностью (Natürlichkeit), это естественное существованіе, поэтому, отцвѣтаетъ, склоняется къ упадку; въ персидскомъ царствѣ дѣйствуетъ принципъ отдѣленія отъ природы, а потому оно стоитъ выше, чѣмъ міры, подчиненные природѣ [1]). Въ этомъ оказалась естественная необходимость прогресса; духъ открылъ себя и долженъ себя исполнить. Китаецъ имѣетъ значеніе только какъ мертвецъ; индѣецъ умерщвляетъ самъ себя, погружается въ браму, умираетъ заживо въ состояніи полной безсознательности или является богомъ въ силу своего рожденія [2]), тамъ нѣтъ никакого измѣненія, никакого прогресса, потому что движеніе впередъ возможно только тогда, когда духъ достигаетъ самостоятельности. Со свѣтомъ персовъ [3]) начинается духовное созерцаніе, въ которомъ духъ разстается съ природой, поэтому (Sic.) мы находимъ здѣсь впервые... что предметность остается свободной, то есть, что различные народы [4]) не угнетаются, а сохраняютъ свое

---

[1]) Т. е. китайскій и индѣйскій „міръ".
[2]) Въ качествѣ брамина.
[3]) Которому поклонялись древніе персы.
[4]) Входившіе въ составъ персидскаго царства.

*

богатство, свои учрежденія, свою религію. И именно это было слабою стороной Персіи въ сравненіи съ Греціей [1]).

Во всемъ этомъ длинномъ разсужденіи только самыя послѣднія строки,— касающіяся внутренней организаціи персидскаго царства, какъ причины слабости, обнаруженной Персіей въ ея столкновеніи съ Греціей,—только эти послѣднія строки и могутъ быть названы попыткой объясненія историческаго факта паденія Персіи. Но эта попытка объясненія имѣетъ очень мало общаго съ идеалистическимъ объясненіемъ исторіи, котораго держался Гегель: слабость внутренней организаціи Персіи стоитъ въ очень сомнительной связи со «свѣтомъ персовъ». Тамъ же, гдѣ Гегель остается вѣренъ идеализму, онъ въ лучшемъ случаѣ дѣлаетъ только то, что закутываетъ въ идеалистическое покрывало тотъ самый фактъ, который требуетъ объясненія. Совершенно такое же крушеніе терпитъ у него идеализмъ повсюду. Возьмемъ еще вопросъ о внутреннемъ разложеніи Греціи. Греческій міръ былъ, по Гегелю, міромъ красоты и «прекрасной моральной нравственности» [2]). Греки были превосходными, глубоко преданными своему отечеству и способными на всякое самоотверженіе людьми. Но они совершали великіе подвиги «безъ рефлексіи».

Для грека отечество было необходимостью, безъ которой онъ не могъ бы жить. Только позже софисты ввели принципы; явилась субъективная рефлексія, моральное самосознаніе, ученіе о томъ, что каждый долженъ поступать согласно своему убѣжденію. Съ этихъ поръ и началось разложеніе вышеупомянутой «прекрасной, моральной нравственности» грековъ; «самоосвобожденіе внутренняго міра» привело къ упадку Греціи. Одной изъ сторонъ этого внутренняго міра было мышленіе. Слѣдовательно, мы сталкиваемся здѣсь съ тѣмъ интереснымъ историческимъ явленіемъ, что сила мышленія дѣйствуетъ, между прочимъ, какъ «принципъ развращенія». Таковъ взглядъ заслуживаетъ вниманія уже по одному тому, что онъ гораздо глубже прямолинейнаго взгляда просвѣтителей, для которыхъ успѣхи мысли всякаго даннаго народа непремѣнно и непосредственно должны вести къ «прогрессу». Но тѣмъ не менѣе, остается открытымъ вопросъ о томъ, откуда же взялось это «самоосвобожденіе внутренняго міра»? Идеалистическая философія Гегеля отвѣчаетъ, что «духъ могъ только на короткое время остановиться на точкѣ зрѣнія прекрасной моральной нравственности». Но это, разумѣется, опять вовсе не отвѣтъ, а лишь переводъ вопроса на философскій языкъ Гегелева идеализма. Гегель и самъ какъ будто чувствуетъ это и потому спѣшитъ прибавить, что «принципъ развращенія открылъ себя прежде всего во внѣшнемъ политическомъ развитіи—какъ войнахъ греческихъ государствъ между собою, такъ и въ борьбѣ различныхъ факцій въ городахъ». Тутъ

[1]) Philosophie der Geschichte, S.S. 270 - 271.

[2]) Извѣстно, что Гегель отличалъ мораль отъ нравственности.

мы становимся уже на конкретную историческую почву. Борьба «факцій» внутри городовъ, по словамъ самого Гегеля, была продуктомъ экономическаго развитія Греціи, т. е. иными словами борьба политическихъ партій была лишь выраженіемъ возникшихъ въ греческихъ городахъ экономическихъ противорѣчій. А если мы припомнимъ, что и пелопонезская война была, какъ это видно изъ Θукидида,— лишь распространившеюся на всю Грецію борьбой классовъ, то мы безъ труда придемъ къ тому заключенію, что причинъ разложенія Греціи нужно искать въ ея экономической исторіи [1]). Такимъ образомъ, Гегель подсказываетъ намъ матеріалистическое пониманіе исторіи, хотя для него самого борьба классовъ въ Греціи является лишь какъ проявленіе «принципа разложенія». Выражаясь терминами Гегеля можно сказать, что матеріализмъ оказывается истиной идеализма. И съ такими неожиданностями мы сплошь и рядомъ встрѣчаемся въ Гегелевской философіи исторіи. Величайшій изъ идеалистовъ какъ будто задался цѣлью расчистить поле для матеріализма. Говоритъ-ли онъ о средневѣковыхъ городахъ, онъ, отдавши должную дань идеализму, разсматриваетъ ихъ исторію, съ одной стороны какъ борьбу горожанъ съ духовенствомъ и дворянствомъ, а съ другой,—какъ борьбу различныхъ слоевъ гражданъ между собою, «богатыхъ горожанъ съ простымъ народомъ [2]). Говоритъ-ли онъ о реформаціи, онъ опять сперва открываетъ намъ тайны «всеобщаго духа», а потомъ дѣлаетъ слѣдующее, совершенно неожиданное въ устахъ идеалиста, замѣчаніе насчетъ распространенія протестантства.

«Въ Австріи, въ Баваріи, въ Богеміи реформація сдѣлала большіе успѣхи, и хотя говорятъ: когда истина разъ проникла въ сердца людей, то ея уже нельзя вырвать оттуда, но реформація была побѣждена здѣсь силой оружія хитрости или убѣжденія. Славянскіе народы были земледѣльческими народами (курсивъ Гегеля); а земледѣліе ведетъ къ появленію господъ и подчиненныхъ. Въ земледѣліи главная роль принадлежитъ природѣ; человѣческая сноровка и субъективная дѣятельность находятъ себѣ при этой работѣ, вообще говоря, меньше мѣста. Поэтому славяне медленнѣе и съ большимъ трудомъ приходятъ къ субъективному

---

[1]) Philos. der Gesch., S. 323.

[2]) Lacedemon „besonders wegen der Ungleichheit des Besitzes herunterkam“— прямо говоритъ самъ Гегель.

[3]) Гегель замѣчаетъ: „присматриваясь къ этой безпокойной и измѣнчивой внутренней жизни городовъ, къ постоянной взаимной борьбѣ факцій, мы съ удивленіемъ видимъ, что съ другой стороны тамъ высоко процвѣтала промышленность, равно какъ и сухопутная и морская торговля. Тотъ же самый принципъ жизненности, который питался этой внутренней возбужденностью, вызывалъ это процвѣтаніе“.

самосознанію и къ сознанію общаго, и они не могли принять участія въ начавшемся освобожденіи» [1]).

Этими словами Гегель прямо говоритъ намъ, что въ экономической дѣятельности даннаго народа нужно искать объясненія его религіозныхъ взглядовъ и всѣхъ тѣхъ освободительныхъ движеній, которыя возникаютъ въ его средѣ. Но этого еще мало. Государство, которое, и по деалистическому объясненію Гегеля, есть «осуществленіе нравственной идеи, нравственнаго духа, обнаруживающаго себя, какъ себѣ самой ясную субстанціанальную волю, мыслящую и знающую себя и исполняющую то, что она мыслитъ и знаетъ» [2]),—государство у Гегеля само оказывается не чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ экономическаго развитія.

«Дѣйствительное государство,—говоритъ онъ,—и дѣйствительное правительство возникаютъ только тогда, когда уже есть на лицо различіе сословій, когда очень большими становятся богатство и бѣдность и когда появляется такое положеніе, что большинство уже не въ состояніи удовлетворять свои потребности привычнымъ для него способомъ» [3]).

Точно также историческое возникновеніе брака стоитъ у Гегеля въ тѣсной связи съ экономической исторіей человѣчества.

«Истинное начало и первое основаніе государствъ вполнѣ основательно отнесено было, вмѣстѣ съ установленіемъ брака, къ возникновенію земледѣлія, такъ какъ земледѣліе ведетъ за собою... частную собственность, и въ непостоянномъ ищущая себѣ поддержки, непостоянная жизнь дикаря приходитъ къ спокойствію частнаго права и къ обезпеченному удовлетворенію потребностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе половой любви бракомъ превращаетъ половыя отношенія въ продолжительный союзъ; удовлетвореніе нуждъ становится заботой о семьѣ, а владѣніе семейнымъ имуществомъ» [4]).

Мы могли бы привести еще очень много примѣровъ подобнаго рода. Но такъ какъ мѣсто не позволяетъ намъ этого, то мы ограничимся указаніемъ на значеніе, придаваемое Гегелемъ «географической основѣ всемірной исторіи».

О значеніи географической среды для историческаго развитія человѣчества писано было много и до, и послѣ Гегеля. Но какъ до Гегеля, такъ и послѣ него изслѣдователи часто грѣшили тѣмъ, что имѣли въ виду исключительно только психологическое или даже физіоло-

---

[1]) Philosophie der Geschichte, S. 506.

[2]) Philosophie des Rechts, § 257.

[3]) Philosophie der Geschichte, Einleitung, S. 106.

[4]) Philosophie des Rechts, § 203, Amerbund Нечего и говорить о томъ, что, при тогдашнемъ состояніи науки, взглядъ Гегеля на первоначальную исторію семьи и собственности не могъ отличаться большою опредѣленностью, но важно то, что онъ уже чувствуетъ, гдѣ надо искать ключа къ ней.

гическое вліяніе окружающей природы на человѣка, совершенно забывая объ ея вліяніи на состояніе общественныхъ производительныхъ силъ и,—черезъ нихъ,—на всѣ вообще соціальныя отношенія людей, со всѣми ихъ идеологическими надстройками [1]). Если не въ частностяхъ, то въ общей постановкѣ вопроса, Гегель совершенно избѣжалъ этой огромной ошибки. По Гегелю, есть три характерныя различія географической среды: 1) безводная плоская возвышенность съ ея большими степями и равнинами; 2) низменныя долины, прорѣзанныя большими рѣками; 3) прибрежныя земли, находящіяся въ непосредственной связи съ моремъ».

Въ первыхъ преобладаетъ скотоводство; во вторыхъ земледѣліе; въ третьихъ—торговля и ремесла. Сообразно этимъ основнымъ различіямъ различно складываются и общественныя отношенія людей, населяющихъ эти мѣстности. Обитатели плоскихъ возвышенностей,—напримѣръ, монголы,—ведутъ патріархальную кочевую жизнь и не имѣютъ исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Только время отъ времени, собираясь большими массами, обрушиваются они, какъ буря, на культурныя страны, повсюду оставляя за собою опустошеніе и разрушеніе [2]). Культурная жизнь начинается въ долинахъ, обязанныхъ рѣкамъ своимъ плодородіемъ. «Такой долиной является Китай, Индія и Вавилонія, Египетъ. Въ этихъ странахъ возникаютъ великія имперіи, образуются большія государства. Это потому, что земледѣліе, господствующее здѣсь, какъ основной принципъ существованія индивидуумовъ, пріурочено къ правильной смѣнѣ временъ года и къ соотвѣтствующимъ этому правильнымъ занятіямъ; тамъ являются поземельная собственность и связанныя съ нею правовыя отношенія». Но населяющіе низменныя долины земледѣльческіе народы отличаются большою косностью, неподвижностью, замкнутостью; они не умѣютъ пользоваться для взаимныхъ сношеній всѣми тѣми средствами, которыя предоставляетъ въ ихъ распоряженіе природа. Этотъ недостатокъ чуждъ народамъ, населяющимъ прибрежныя страны. Море не раздѣляетъ людей, а соединяетъ ихъ. И вотъ почему именно въ прибрежныхъ странахъ культура, а съ нею и развитіе человѣческаго сознанія, достигаетъ наивысшей степени развитія. За примѣрами ходить недалеко: достаточно указать на древнюю Грецію [3]).

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Монтескье въ своемъ „Esprit des Lois“ нерѣдко пускался въ разсужденіе о вліяніи природы на физіологію человѣка. Такого рода вліяніемъ пытается онъ объяснить многія историческія явленія.

[2]) «Плоскія возвышенности ведутъ къ узкимъ горнымъ долинамъ, обитаемымъ спокойными горными народами, пастухами, занимающимися отчасти и земледѣліемъ. Таковы швейцарцы,—говоритъ Гегель.—Такіе же народы встрѣчаются и въ Азіи, но въ общемъ они не имѣютъ значенія».

[3]) Philosophie der Geschichte, Einleitung.

Читателю извѣстна, можетъ быть, вышедшая въ 1889 г. книга Л. Мечникова «La civilisation et les grands fleuves historiques». У Мечникова (встрѣчаются) несомнѣнныя уклоненія въ сторону идеализма, но въ общемъ онъ все таки стоитъ на матеріалистической точкѣ зрѣнія. И что же? Взглядъ этого матеріалиста на историческое значеніе географической среды, почти совершенно сходится со взглядомъ идеалиста Гегеля, хотя Мечниковъ, вѣроятно, очень удивился бы, если бы услышалъ о существованіи подобнаго средства.

Вліяніемъ географической среды Гегель объясняетъ отчасти и возникновеніе неравенства въ средѣ болѣе или менѣе первобытныхъ обществъ. Такъ, онъ указываетъ, что въ досолоновской Аттикѣ различіе сословій, подъ сословіями онъ понимаетъ различные болѣе или менѣе зажиточные слои населенія: жителей равнинъ Πεδιαοί, обитателей холмовъ Διάκριοι и обитатели береговъ Παραλοί, покоится на различіи мѣстностей. И несомнѣнно, что различіе мѣстностей и связанное съ нимъ различіе занятій должны были оказать большое вліяніе на экономическое развитіе первобытныхъ обществъ. Къ сожалѣнію, эта сторона дѣла далеко не всегда принимается въ соображеніе современными изслѣдователями.

Гегель едва-ли много занимался политической экономіей; но его геніальный умъ и здѣсь,—какъ и во многихъ другихъ областяхъ,—помогъ ему схватить самую характерную и самую существенную сторону явленій. Гегель яснѣе всѣхъ современныхъ ему экономистовъ, не исключая даже Рикардо понималъ, что въ обществѣ, основанномъ на частной собственности, ростъ богатства на одной сторонѣ непремѣнно долженъ сопровождаться ростомъ бѣдности на другой. Онъ категорически говоритъ это какъ въ своей Philosophie der Geschichte, такъ, и въ особенности въ Philosophie des Rechts. По его словамъ, эта діалектика, означающая такое пониженіе уровня жизни большинства населенія, благодаря которому оно уже не можетъ удовлетворять правильнымъ образомъ свои потребности, и концентрирующая богатства въ сравнительно немногихъ рукахъ, необходимо должна вести къ такому состоянію, при которомъ «гражданское общество, несмотря на избытокъ богатства, недостаточно богато, т. е. не имѣетъ средствъ достаточныхъ для того, чтобы устранить избытокъ бѣдности и подонковъ населенія (des Pöbels)[1]. Вслѣдствіе этого гражданское[2] общество видитъ себя вынужденнымъ выйти изъ своихъ собственныхъ предѣловъ и искать новыхъ рынковъ, обращаться ко всемірной торговлѣ и колонизаціи. Изо всѣхъ современниковъ Гегеля только Фурье отличался такою же ясностью взгляда и такъ хорошо понималъ діалектику буржуазныхъ экономическихъ отношеній.

---

[1]) Phil. der Geschichte, s. 285, Philosophie des Rechts, §§ 243 и слѣдующіе.

[2]) Тутъ онъ имѣетъ въ виду преимущественно Англію.

Читатель обратилъ, вѣроятно, вниманіе на то, что пролетаріатъ для Гегеля есть не болѣе, какъ «Pöbel», неспособный пользоваться «духовными преимуществами (geistige vortheile)» гражданскаго общества. Гегель не подозрѣвалъ, до какой степени современный пролетаріатъ отличался отъ пролетаріата античнаго міра, положимъ хоть отъ римскаго пролетаріата; онъ не зналъ, что въ новѣйшемъ обществѣ лежащій на рабочемъ классѣ гнетъ непремѣнно вызываетъ противодѣйствіе этого класса и что въ этомъ обществѣ пролетаріату суждено въ умственномъ отношеніи далеко опередить буржуазію. Но вѣдь всего этого не знали и соціалисты—утописты, для которыхъ пролетаріатъ тоже былъ не болѣе какъ «Pöbel», достойный всякаго сострадания и участія, но неспособный ни къ какой иниціативѣ. Только научный соціализмъ съумѣлъ понять великое историческое значеніе современнаго пролетаріата.

Резюмируемъ сказанное. Въ качествѣ идеалиста, Гегель не могъ смотрѣть на исторію, иначе какъ съ идеалистической точки зрѣнія; онъ употребилъ всѣ силы своего геніальнаго ума, всѣ колоссальныя средства своей діалектики для того, чтобы придать сколько нибудь научный характеръ идеалистическому пониманію исторіи. Его попытка оказалась неудачной. Его самого какъ будто не удовлетворяли добытые имъ результаты, и онъ часто вынужденъ былъ съ туманныхъ высотъ идеализма спускаться на конкретную почву экономическихъ отношеній. Всякій разъ, когда онъ обращался къ ней, экономія снимала его съ тѣхъ мелей, на которыя заводилъ его идеализмъ. Экономическое развитіе оказывалось тѣмъ pruis'омъ, который обусловливаетъ собою весь ходъ исторіи.

Этимъ самымъ дано было дальнѣйшее направленіе науки. Совершившійся послѣ смерти Гегеля переходъ къ матеріализму не могъ быть простымъ возвратомъ къ наивному метафизическому матеріализму XVIII вѣка. Въ интересующей насъ здѣсь области т. е. въ области объясненія исторіи, матеріализмъ долженъ былъ прежде всего обратиться къ экономіи. Поступить иначе, значило бы пойти не впередъ, а назадъ сравнительно съ философіей исторіи Гегеля.

Матеріалистическое пониманіе природы еще не означаетъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Матеріалисты прошлаго столѣтія смотрѣли на исторію глазами идеалистовъ, и притомъ очень наивныхъ идеалистовъ. Поскольку они занимались исторіей человѣческихъ обществъ, они старались объяснить ее исторіей мысли. Для нихъ знаменитое положеніе Анаксагора «разумъ (Nus) правитъ міромъ» сводилось къ тому положенію, что человѣческій разсудокъ правитъ исторіей. Печальныя страницы человѣческой исторіи относились имъ именно на счетъ ошибокъ разсудка. Если населеніе данной страны терпѣливо несетъ

бремя деспотизма, то это происходитъ единственно потому, что оно еще не поняло преимуществъ свободы. Если оно суевѣрно, что это происходитъ потому, что оно обмануто жрецами, которые придумали религію для своей собственной выгоды. Если человѣчество страдаетъ отъ войнъ, то потому, что оно не умѣло понять ихъ убыточности. И такъ во всемъ. «Ходъ идей опредѣляется ходомъ вещей» говорилъ еще въ началѣ прошлаго вѣка замѣчательный мыслитель Ж. Б. Вико. Матеріалисты думали какъ разъ наоборотъ: ходъ вещей въ обществѣ опредѣляется ходомъ идей, а этотъ послѣдній опредѣляется... ну хотя бы правилами формальной логики и накопленіемъ знаній.

Абсолютный идеализмъ Гегеля былъ очень далекъ отъ этого наивнаго идеализма просвѣтителей. Когда Гегель повторилъ съ Анаксагоромъ, что разумъ правитъ міромъ, то въ его устахъ это вовсе не значило, что міромъ правитъ мысль человѣка. Природа есть система разума, но это не значитъ, что природа одарена сознаніемъ. «Движеніе солнечной системы совершается по неизмѣннымъ законамъ; эти законы представляютъ собою разумъ этой системы, но ни солнце, ни планеты, обращающіяся вокругъ него сообразно этимъ законамъ, не сознаютъ этого» [1]).

Человѣкъ одаренъ сознаніемъ, онъ ставитъ опредѣленныя цѣли для своихъ дѣйствій; но отсюда еще не слѣдуетъ, что исторія идетъ такъ, какъ того хотятъ люди. Въ результатѣ каждаго человѣческаго дѣйствія всегда есть непредвидѣнная сторона, и именно эта сторона часто—вѣрнѣе почти всегда,—составляетъ самое существенное пріобрѣтеніе исторіи, именно она-то и ведетъ къ осуществленію всеобщаго духа.

«Во всемірной исторіи изъ человѣческихъ дѣйствій выходитъ еще иное, чѣмъ то, къ чему они стремились». Они поступаютъ такъ, какъ этого требуютъ ихъ интересы, а въ результатѣ этого получается нѣчто новое, нѣчто такое, что заключалось, правда, въ ихъ дѣйствіяхъ, но чего не было въ ихъ сознаніи и въ ихъ намѣреніяхъ [2]). Государства, народы и отдѣльныя личности преслѣдуютъ свои частные интересы, свои особыя цѣли.

Съ этой стороны они являются безспорно сознательными, мыслящими дѣятелями. Но сознательно преслѣдуя свои частныя цѣли (которыя тоже обыкновенно бываютъ проникнуты извѣстными общими стремленіями къ добру и праву), они безсознательно осуществляютъ цѣли всеобщаго духа.

Цезарь стремился къ единовластію въ Римѣ, это была его личная цѣль; но единовластіе было въ то время исторической необходимостью; поэтому, осуществляя свою личную цѣль, Цезарь сослужилъ службу все-

---

[1]) Philosophie der Geschichte, S. S. 15—16.
[2]) Philos. der Geschichte, S. 35.

мірному духу. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что историческіе дѣятели, какъ и цѣлые народы, являются слѣпыми орудіями духа. Онъ заставляетъ ихъ работать на себя, выставляя передъ ними приманки въ видѣ ихъ частныхъ цѣлей и подгоняя ихъ шпорою страсти, безъ которой не дѣлается ничего великаго въ исторіи.

По отношенію къ людямъ здѣсь нѣтъ никакого мистицизма «Безсознательнаго». Дѣятельность людей непремѣнно отражается въ ихъ головахъ, но не этимъ отраженіемъ обусловливается историческое движеніе. Ходъ вещей опредѣляется не ходомъ идей, а чѣмъ-то постороннимъ, независимымъ отъ человѣческой воли, скрытымъ отъ человѣческаго сознанія.

Случайность человѣческаго произвола и человѣческаго усмотрѣнія уступаетъ мѣсто законосообразности, т. е. слѣдовательно и необходимости. Въ этомъ заключается несомнѣнное преимущество «абсолютнаго идеализма», сравнительно съ наивнымъ идеализмомъ французскихъ просвѣтителей. Абсолютный идеализмъ относится къ этому послѣднему идеализму, какъ монотеизмъ относится къ фетишизму и волшебству. Волшебство не оставляетъ никакого мѣста законосообразности въ природѣ: оно предполагаетъ, что «ходъ вещей» ежеминутно можетъ быть нарушенъ вмѣшательствомъ волшебника. Монотеизмъ приписываетъ богу установленіе законовъ природы, но онъ признаетъ (по крайней мѣрѣ на высшей степени своего развитія, когда онъ перестаетъ мириться съ чудесами), что ходъ вещей опредѣляется этими разъ навсегда установленными законами. Этимъ онъ отводитъ широкое мѣсто наукѣ. Точно также и абсолютный идеализмъ, ища объясненія историческаго движенія въ чемъ-то независимомъ отъ человѣческаго произвола, поставилъ передъ наукой задачу законосообразнаго объясненія историческихъ явленій, а разрѣшеніе этой задачи устраняетъ всякую надобность въ гипотезѣ духа, которая оказалась совершенно несостоятельной въ дѣлѣ этого объясненія.

Если взглядъ французскихъ матеріалистовъ прошлаго столѣтія на ходъ исторіи сводился къ тому положенію, что человѣческій разсудокъ правитъ исторіей, то ихъ ожиданія отъ будущаго могли быть выражены словами: отнынѣ все будетъ устроено и приведено въ порядокъ просвѣщеннымъ разсудкомъ, философіей. Замѣчательно, что абсолютный идеалистъ Гегель отводилъ философіи гораздо болѣе скромную роль.

«Что касается поученія насчетъ того, какимъ долженъ быть міръ,—читаемъ мы въ предисловіи къ «Philosophie des Rechts»,—то философія всегда приходитъ слишкомъ поздно. Какъ міровая мысль, она является лишь послѣ того, какъ дѣйствительность закончила процессъ своего образованія и приняла уже законченный видъ (sich fertig Gemacht hat)... Когда философія начинаетъ писать сѣрыми красками на сѣромъ

фонѣ, дѣйствительности нельзя уже вернуть молодость, ее можно только познать; сова Минервы вылетаетъ лишь въ сумерки» [1]).

Здѣсь Гегель, несомнѣнно, идетъ слишкомъ далеко. Совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что «философія» не можетъ оживить одряхлѣвшій, отжившій общественный порядокъ, можно спросить Гегеля, что же, однако, мѣшаетъ ей указать намъ,—разумѣется лишь въ общихъ чертахъ («im Grossen und Ganzen»),—характеръ *новаго* общественнаго порядка, идущаго на смѣну старому? «Философія» разсматриваетъ явленія въ процессѣ ихъ становленія. А въ процессѣ становленія есть двѣ стороны: возникновеніе и уничтоженіе. Эти двѣ стороны можно разсматривать какъ раздѣленныя во времени. Но какъ въ природѣ, такъ и, въ особенности, въ исторіи процесса, становленіе есть, въ каждое данное время, *двойной процессъ*: уничтожается *старое* и *въ то же время* возникаетъ изъ его развалинъ *новое*. Неужели для «философіи» навсегда долженъ остаться закрытымъ этотъ процессъ возникновенія новаго? «Философія» познаетъ (erkennt) то, что *есть*, а не то, что должно было бы быть, по мнѣнію того или другого. Но что же есть въ каждое данное время? Есть именно *отживаніе стараго* и зарожденіе новаго. Если философія познаетъ только отживающее старое, то познаніе *односторонне*, она неспособна выполнить свою задачу познанія сущаго. Но это противорѣчитъ увѣренности Гегеля во всемогуществѣ познающаго разума.

Новѣйшій матеріализмъ чуждъ подобной крайности. На основаніи того, что *есть* и что *отживаетъ свой вѣкъ*, онъ умѣетъ судить о томъ, что *становится*. Но не слѣдуетъ забывать, что наше понятіе о томъ, что *становится*, существенно отлично отъ того понятія о *быть долженствующемъ* (sein sollenden), противъ котораго направлены приведенныя слова Гегеля о совѣ Минервы. Для насъ то, что *становится*, есть необходимый результатъ того, что *отживаетъ свой вѣкъ*. Если мы знаемъ, что становится именно *то*, а не *другое*, то и этимъ мы обязаны объективному процессу общественнаго развитія, которое подготовляетъ насъ къ познанію *становящагося*. Мы не противопоставляемъ своего *мышленія* окружающему насъ *бытію*.

Не такъ смотрѣли на дѣло тѣ люди, съ которыми полемизировалъ Гегель. Они воображали, что мышленіе можетъ какъ угодно видоизмѣнять естественный ходъ развитія бытія. Потому они не находили нужнымъ изучать его ходъ и считаться съ нимъ. Ихъ представленіе о томъ, что *должно быть*, составлялось не на основаніи изученія окружающей ихъ дѣйствительности, а на основаніи тѣхъ сужденій о справедливомъ и нормальномъ общественномъ порядкѣ, которыя были у нихъ въ данное

[1]) Phil. der Geschichte, SS. XXIII—XXIV.

время. Но эти сужденія подсказывались имъ не чѣмъ инымъ, какъ тою же окружающею дѣйствительностью (преимущественно ея отрицательною стороною). Опираться на нихъ—значило, въ сущности, руководствоваться указаніями той же дѣйствительности, но указаніями, взятыми безъ всякой критики, безъ всякой попытки провѣрить ихъ изученіемъ подсказавшей ихъ дѣйствительности. Это было то же самое, какъ стараться ознакомиться съ предметомъ, смотря не прямо на этотъ предметъ, а на отраженіе его въ выпукломъ зеркалѣ. Ошибки и разочарованія были неизбѣжны. И чѣмъ болѣе забывали люди о происхожденіи своихъ представленій о «долженствующемъ быть» изъ окружающей ихъ дѣйствительности; чѣмъ болѣе вѣрили они, что, вооружившись этими представленіями, они могутъ поступать съ дѣйствительностью какъ имъ вздумается, тѣмъ значительнѣе оказывалось разстояніе между тѣмъ, къ чему они стремились и тѣмъ, къ чему они приходили. Какъ далеко современное буржуазное общество отъ того царства разума, о которомъ мечтали французскіе просвѣтители! Игнорируя дѣйствительность, люди не освобождались отъ вліянія ея законовъ: они только лишили себя возможности предусмотрѣть дѣйствіе этихъ законовъ и воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Но именно поэтому цѣли ихъ оказывались недостижимыми. Стоять на точкѣ зрѣнія просвѣтителей—значило не идти дальше абстрактной противоположности между свободой и необходимостью.

На первый взглядъ кажется, что если въ исторіи господствуетъ необходимость, въ ней нѣтъ уже мѣста для свободной дѣятельности человѣка. Эта огромная ошибка была исправлена нѣмецкой идеалистической философіей. Уже Шеллингъ показалъ, что, при правильномъ взглядѣ на дѣло, свобода сказывается необходимостью, необходимость—свободою [1]). Гегель окончательно разрѣшилъ антиномію между сво-

[1]) Шеллингъ замѣчаетъ, что свобода немыслима безъ необходимости: «Denn wenn Keine Aufopferung möglich ist, ohne die Ueberzeugung, dass die Gattung, zu der man gehört, nie aufhören konne fortzuschreiten, wie ist denn diese Ueberzeugung möglich, wenn sie einzig und allein auf die Freiheit gebaut ist? Es muss hier etwas sein, das höher ist denn menschliche Freiheit, und auf welches allein im Wirken und Handeln sicher gerechnet werden kann; ohne welches nie ein Mensch wagen könnte, eine Handlung von grossen Folgen zu unternehmen, da selbst die vollkommenste Berechnung derselben durch den Eingriff fremder Freiheit so durchaus gestörf werden kann, dass aus seiner Handlung etwas ganz anderes resultiren kann, als er beabsichtigte. Die Pflicht selbst kann mir nicht gebieten, in Ansehung der Folgen meiner Handlungen ganz ruhig zu sein, sobald sie entschieden hat, wenn nicht mein Handeln zwar von mir, d. h. von meiner Freiheit, die Folgen meiner Handlungen aber, oder das, was sich aus ihnen für mein ganzes Geschlecht entwickeln wird, gar nicht von meiner Freiheit, sondern von etwas ganz anderem und Höherem abhängig sind». System des transcendentalen Idealismus, Schelling's Werke, dritter Band, Stuttgart und Augsburg 1858, S. 595

бодой и необходимостью. Онъ показалъ, что мы свободны лишь постольку, поскольку познаемъ законы природы и общественно-историческаго развитія и поскольку мы, подчиняясь имъ, опираемся на нихъ. Это было величайшее пріобрѣтеніе какъ въ области философіи, такъ и въ области общественной науки,—пріобрѣтеніе, которымъ въ полномъ его объемѣ воспользовался, однако, только современный діалектическій матеріализмъ.

* * *

Матеріалистическое объясненіе исторіи предполагаетъ діалектическій методъ мышленія. Діалектика была извѣстна и до Гегеля. Но Гегель сумѣлъ воспользоваться ею такъ, какъ никто изъ его предшественниковъ. Въ рукахъ геніальнаго идеалиста она становится могучимъ орудіемъ познанія всего существующаго. «Діалектика,—говоритъ Гегель,—составляетъ... душу научнаго изслѣдованія и является единственнымъ принципомъ, съ помощью котораго содержаніе науки получаетъ имманентную связь и необходимость... Уклоненіе отъ абстрактно-разсудочныхъ опредѣленій кажется нашему обычному сознанію заповѣдью простого благоразумія,—по правилу: живи и жить давай другимъ, при чемъ все представляется одинаково хорошимъ. Но суть дѣла заключается въ томъ, что конечное ограничивается не только извнѣ, а должно быть уничтожено и перейти въ свою противоположность въ силу своей собственной, внутренней природы» [1]). До тѣхъ поръ, пока Гегель остается вѣренъ діалектическому методу, онъ является въ высшей степени прогрессивнымъ мыслителемъ. «Мы говоримъ, что всѣ вещи (т. е. все конечное, какъ таковое) должны предстать передъ судомъ діалектики и этимъ самымъ мы опредѣляемъ ее какъ всеобщую, непреоборимую силу, которая должна разрушить все, какъ бы оно ни казалось устойчивымъ». Поэтому Гегель совершенно правъ, когда говоритъ, что серьезное усвоеніе и ясное пониманіе діалектики есть дѣло чрезвычайной важности. Діалектическій методъ—это самое главное научное орудіе, которое досталось въ наслѣдство отъ нѣмецкаго идеализма его преемнику, современному матеріализму.

Однако, матеріализмъ не могъ воспользоваться діалектикой въ ея идеалистическомъ видѣ. Необходимо было прежде всего освободить ее отъ мистическаго покрова.

Величайшій изо всѣхъ матеріалистовъ, человѣкъ, который ничуть не уступалъ Гегелю въ геніальной силѣ ума, настоящій послѣдователь великаго философа, Карлъ Марксъ сказалъ о себѣ съ полнымъ правомъ, что его методъ представляетъ собою полную противоположность методу Гегеля. «Для Гегеля логическій процессъ, который превращается у него, подъ именемъ идеи, въ самостоятельнаго субъекта, есть Деміургъ дѣйствительности, которая составляетъ только его внѣшнее проявленіе.

---

[1]) Encyklopädie, § 81 und zusatz.

Для меня же, какъ разъ наоборотъ: идеальное есть переведенное и переработанное въ человѣческой головѣ матеріальное [1]).

Благодаря Марксу, матеріалистическая философія воззысилась до цѣльнаго, гармоническаго и послѣдовательнаго міросозерцанія. Мы уже знаемъ, что матеріалисты прошлаго столѣтія оставались весьма наивными идеалистами въ области исторіи. Марксъ же изгналъ идеализмъ и изъ этого послѣдняго его убѣжища. Точно также какъ Гегель, онъ видѣлъ въ исторіи человѣчества законосообразный процессъ, независимый отъ человѣческаго произвола; точно также какъ Гегель, онъ разсматривалъ всѣ явленія въ процессѣ ихъ возникновенія и исчезновенія; точно также какъ Гегель, онъ не удовлетворялся метафизическимъ, безплоднымъ объясненіемъ историческихъ явленій, и наконецъ, точно также какъ Гегель, онъ старался свести къ общему и единому источнику всѣ дѣйствующія и взаимодѣйствующія силы въ общественной жизни. Но онъ нашелъ этотъ источникъ не въ абсолютномъ духѣ, а въ томъ самомъ экономическомъ развитіи, къ которому,—какъ мы видѣли выше,—вынужденъ былъ прибѣгать и Гегель въ тѣхъ случаяхъ, когда идеализмъ даже въ его сильныхъ и искусныхъ рукахъ оказывался безсильнымъ и негоднымъ оружіемъ. Но то, что у Гегеля является случайной, болѣе или менѣе геніальной догадкой, становится у Маркса строго-научнымъ изслѣдованіемъ.

Современный діалектическій матеріализмъ несравненно лучше идеализма уяснилъ себѣ ту истину, что люди дѣлаютъ исторію безсознательно: съ его точки зрѣнія историческій ходъ опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ не человѣческой волей, а развитіемъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Матеріализмъ знаетъ также, когда начинаетъ летать «Сова Минервы», но въ полетѣ этой птицы, какъ и во многомъ другомъ, онъ не видитъ ничего таинственнаго. Онъ сумѣлъ примѣнить къ исторіи найденное идеализмомъ отношеніе между свободой и необходимостью. Люди дѣлали и должны были дѣлать свою исторію безсознательно до тѣхъ поръ, пока двигательныя силы историческаго развитія дѣйствовали за ихъ спиной, помимо ихъ сознанія. Разъ открыты эти силы, разъ изучены законы ихъ дѣйствій—люди будутъ въ состояніи взять ихъ въ свои собственныя руки, подчинить ихъ своему собственному разуму. Заслуга Маркса заключается именно въ томъ, что онъ открылъ эти силы и подвергъ тщательному научному изученію ихъ дѣйствія. Современный діалектическій матеріализмъ, который, по мнѣнію филистеровъ, долженъ превратить человѣка въ автоматъ, открываетъ на самомъ дѣлѣ въ первый разъ въ исторіи путь къ царству свободы и сознательной дѣятельности. Но войти въ это царство возможно только путемъ коренного измѣненія нынѣшней общественной дѣятельности. Филистеры сознаютъ или, по

[1]) Das Kapital, Vorwort 2 Auflage, S. X. IX.

крайней мѣрѣ, предчувствуютъ это. Именно потому матеріалистическое объясненіе исторіи причиняетъ имъ столько досады и столько огорченія; и потому же ни одинъ филистеръ не можетъ и не хочетъ ни понять, ни усвоить Марксову теорію во всей ея полнотѣ. Гегель смотрѣлъ на пролетаріатъ, какъ на *толпу*. Для Маркса и для марксистовъ пролетаріатъ— великая сила, носитель будущаго. Только одинъ пролетаріатъ способенъ усвоить ученіе Маркса (объ исключеніяхъ мы не говоримъ) и мы видимъ, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ все больше и больше проникается его содержаніемъ.

Филистеры всѣхъ странъ сильно шумятъ о томъ, что въ литературѣ, марксизма, кромѣ «Капитала», нѣтъ ни одного значительнаго произведенія. Но это, во-первыхъ, невѣрно; во-вторыхъ, если бы даже это и было вѣрно, то это ничего не доказывало бы. Развѣ возможно говорить о застоѣ мысли въ то время, когда мысль каждый день подчиняетъ себѣ цѣлыя массы послѣдователей? Когда она открываетъ передъ цѣлымъ общественнымъ классомъ новыя и широкія перспективы?

Гегель съ энтузіазмомъ говоритъ объ аѳинскомъ народѣ, передъ которымъ игрались трагедіи Эсхила и Софокла, къ которому Периклъ обращалъ свои рѣчи и изъ среды котораго «вышли личности, ставшія классическими образцами для всѣхъ столѣтій». Мы понимаемъ энтузіазмъ Гегеля. И тѣмъ не менѣе надо замѣтить, что аѳинскій народъ былъ *народомъ рабовладѣльцевъ*. Не къ рабамъ обращался Периклъ, и не для нихъ предназначались великія творенія искусства. Въ наше же время наука обращается къ работникамъ и мы имѣемъ полное право съ восторгомъ смотрѣть на современный рабочій классъ, къ которому обращаются самые глубокіе мыслители и передъ которымъ выступаютъ самые талантливые ораторы. Только теперь, наконецъ, заключенъ тѣсный и неразрывный союзъ между наукой и работниками,—союзъ, который положитъ начало великой и плодотворной эпохи во всемірной исторіи.

Иногда говорятъ, что точка зрѣнія діалектики тождественна съ точкой зрѣнія эволюціи. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти два метода имѣютъ точки взаимнаго соприкосновенія. Тѣмъ не менѣе, между ними существуетъ весьма глубокое и значительное различіе, которое, надо признаться, далеко не въ пользу ученія объ эволюціи. Современные эволюціонисты снабжаютъ свое ученіе значительною примѣсью консерватизма. Имъ хочется доказать, что какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи скачковъ не бываетъ. Съ своей стороны, діалектика очень хорошо знаетъ, что какъ въ природѣ, такъ и въ человѣческой мысли и исторіи скачки *неизбѣжны*. Но она не упускаетъ изъ виду и того неоспоримаго факта, что во всѣхъ моментахъ измѣненія дѣйствуетъ одинъ и тотъ же *непрерывный процессъ*. Она лишь старается уяснить себѣ тотъ

рядъ условій, при которыхъ постепенное измѣненіе должно необходимымъ образомъ привести къ скачку, [1]).

Съ точки зрѣнія Гегеля, утопіи имѣютъ симптоматическое значеніе въ исторіи: онѣ обнаруживаютъ противорѣчія, свойственныя данной эпохѣ. Такую же оцѣнку даетъ утопіямъ діалектическій матеріализмъ. Не утопическими планами различныхъ реформаторовъ обусловливается все растущее теперь рабочее движеніе, а законами производства и обмѣна. И именно потому, въ противоположность ко всѣмъ прошлымъ столѣтіямъ, въ настоящее время выступаютъ въ качествѣ утопистовъ не реформаторы, а всѣ тѣ общественные дѣятели, которые стремятся остановить колесо исторіи. И наиболѣе характерной особенностью нашей эпохи является то обстоятельство, что не реформаторы, а ихъ противники прибѣгаютъ къ утопіямъ. Утопическіе защитники существующей некрасивой дѣйствительности хотятъ убѣдить себя и другихъ въ томъ, что она обладаетъ сама по себѣ всѣми совершенствами и что, поэтому, слѣдуетъ лишь устранить изъ нея тѣ или другія накопившіяся злоупотребленія. По этому поводу намъ невольно приходятъ въ голову тѣ соображенія, которыя были высказаны Гегелемъ по поводу реформаціи. «Реформація явилась,—говоритъ онъ,—слѣдствіемъ деморализаціи церкви. Но деморализація церкви была не случайнымъ явленіемъ, она была не только результатомъ злоупотребленія властью и господствомъ. Обыкновенно считаютъ злоупотребленіе причиной деморализаціи. При этомъ предполагается, что основа хороша, вещь сама по себѣ совершенна, и только страсти, субъективные интересы, вообще случайная воля людей пользуется благомъ, какъ средствомъ для удовлетворенія личныхъ стремленій, а поэтому остается только устранить случайности... Такая точка зрѣнія спасаетъ вещь и

---

[1]) Гегель съ поразительной ясностью показалъ, до какой степени нелѣпо объяснять явленія только съ точки зрѣнія ихъ постепеннаго измѣненія. Онъ говоритъ: «Bei der Allmäligkeit des Entstehens» «liegt die Vorstellung zu Grunde, dass das Entstehende schon sinnlich oder überhaupt wirklich nochanden, nur wegen seiner Kleinheit noch nicht wahrnehmbar, so wie bei der Allmäligkeit des Vershwindens, dass das Nicht sein oder das Andere an seine Stelle tretende gleichfalls vorhanden, nur noch nicht bemerkbar sei,--und zwar vorhanden nicht in dem Sinne, dass das Andere in dem Vorhandenen Anderen an sich enthalten, sondern dass es als dasein nur unbemerkbar Vorhanden sei; es wird damit das Entstehen und Vergehen überhaupt aufgehoben... und der wensentliche, oder der Begriffsunterschied in einem äusserlichen, blossen Grössenunterschied verwandelt. Das Begreiflich machen eines Entstehens oder Vergehens aus der Allmäligkeit der Veränderung hat die der Tautologie eigene Langmeiligkeit, weil es das Entstehende oder Vergehende schon vorter ganz fertig hat, und die Veränderung zu einer blossen Aenderung eines äusserlichen Unterschieds macht, wodurch sie in der That nur eine Tautologie ist». «Wissenschaft der Logik» Nürenberg 1812. I Bd S. 313—314.

объявляетъ зло чѣмъ-то постороннимъ. Но, если вещью злоупотребляютъ случайнымъ образомъ, то это—частность; но совсѣмъ другое дѣло, когда рѣчь заходитъ о такомъ всеобщемъ и великомъ злѣ въ такой великой и всеобщей вещи, какъ церковь». [1]) Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Гегель пользуется незначительной долей симпатіи у всѣхъ тѣхъ, кто любитъ апеллировать къ «случайнымъ» прорѣхамъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о коренномъ измѣненіи самой «вещи». Ихъ въ ужасъ приводитъ смѣлый, радикальный духъ, которымъ проникнута философія Гегеля.

Было время, когда противъ Гегеля возставали тѣ, кто болѣе или менѣе принадлежалъ къ новаторскому лагерю. Ихъ отталкивало отъ философа его филистерское отношеніе къ прусской дѣйствительности того періода. Эти противники Гегеля сильно ошибались; изъ-за реакціонной о б о л о ч к и они не замѣтили въ этой системѣ ея новаторскаго я д р а. Но какъ бы тамъ ни было, антипатія этихъ людей къ великому мыслителю исходила изъ благородныхъ мотивовъ, заслуживающихъ всякаго уваженія. Въ наше время осуждаютъ Гегеля ученые представители буржуазіи и осуждаютъ потому, что понимаютъ или по крайней мѣрѣ инстинктивно чувствуютъ новаторскій духъ его философіи. По этой же причинѣ теперь любятъ умалчивать о заслугахъ Гегеля; ему съ большой охотой противопоставляютъ Канта, и почти всякій приватъ-доцентъ считаетъ себя призваннымъ превознести систему «кенигсбергскаго мыслителя». Мы охотно отдаемъ должное Канту и не оспариваемъ его заслугъ. Но намъ кажется весьма подозрительнымъ то обстоятельство, что склонность буржуазныхъ ученыхъ къ критицизму вызвана не его сильными, а его слабыми сторонами. Свойственный этой системѣ д у а л и з м ъ больше всего привлекаетъ современныхъ буржуазныхъ идеологовъ. А дуализмъ особенно удобная вещь въ области «нравственности». Съ его помощью можно строить самые заманчивые идеалы, можно предпринимать самыя смѣлыя путешествія въ «лучшій міръ», нисколько не помышляя о томъ, чтобы воплотить эти «и д е а л ы» въ д ѣ й с т в и т е л ь н о с т ь. Чего же лучше? Въ идеалѣ можно, напримѣръ, всецѣло уничтожить существованіе классовъ, устранить эксплуатацію одного класса другимъ, а въ дѣйствительности выступить въ качествѣ защитника классового государства и т. п. На ходячее утвержденіе, будто идеалъ не можетъ быть осуществленъ въ дѣйствительности, Гегель смотрѣлъ, какъ на величайшее оскорбленіе человѣческому разуму. «Что разумно, то дѣйствительно, что дѣйствительно, то разумно». Это положеніе, какъ извѣстно, подало поводъ къ многимъ и многимъ недоразумѣніямъ не только въ Германіи, но и за предѣлами ея, въ особенности же въ Россіи. Причины этихъ недоразумѣній слѣдуетъ искать въ неясномъ пониманіи того значенія, которое Гегель придавалъ словамъ: «р а з у м ъ»

[1]) Philosophie der Geschichte. S. 437—498.

и «дѣйствительность». Казалось бы, что если бы даже этимъ словамъ дать обычное, вульгарное толкованіе, то и въ этомъ случаѣ должно бросаться въ глаза новаторское содержаніе первой половины этого положенія, «что разумно, то дѣйствительно». Въ примѣненіи къ исторіи эти слова не могутъ означать ничего другого, кромѣ непоколебимаго убѣжденія въ томъ, что все разумное не остается чѣмъ-то «потусторонннмъ», а должно перейти въ дѣйствительность. Безъ такого многообѣщающаго убѣжденія новаторская мысль потеряла бы всякое практическое значеніе. По Гегелю, исторія представляетъ собою проявленіе и осуществленіе всемірнаго духа (г. е. разума) во времени. Какимъ же образомъ объяснить съ этой точки зрѣнія постоянную смѣну общественныхъ формъ? Эту смѣну возможно объяснить лишь въ томъ случаѣ, если принять въ соображеніе, что въ процессѣ историческаго развитія «безумствомъ становится разумъ и злымъ благое». Съ разумомъ, который перешелъ въ свою противоположность, т. е. сталъ безуміемъ, не слѣдуетъ, по мнѣнію Гегеля, церемониться. Когда Цезарь захватилъ государственную власть, онъ нарушилъ римскую конституцію. Подобное нарушеніе было, повидимому, тяжкимъ преступленіемъ. Противники Цезаря имѣли, повидимому, всѣ основанія смотрѣть на себя, какъ на защитниковъ права, потому что стояли на законной почвѣ. Но то право, которое они брали подъ свою защиту, «было формальное право, лишенное живого духа и оставленное богомъ». Нарушеніе этого права являлось, такимъ образомъ, преступленіемъ лишь съ формальной стороны, и поэтому нѣтъ на самомъ дѣлѣ ничего легче, какъ оправдать нарушителя римской конституціи, Юлія Цезаря.

О судьбѣ Сократа, который былъ осужденъ, какъ врагъ господствующей морали, Гегель высказывается такимъ образомъ: «Сократъ—герой, такъ какъ онъ сознательно позналъ и высказалъ высшій принципъ. Высшій принципъ имѣетъ абсолютное право... Таково вообще положеніе героевъ во всемірной исторіи; черезъ нихъ восходитъ новый міръ. Новый принципъ стоитъ въ противорѣчіи къ существующему принципу, вслѣдствіе чего онъ кажется разрушительнымъ. По этой же причинѣ кажется также, что герои насильственно нарушаютъ законы. Индивидуально они обречены на гибель, но ихъ принципъ, хотя бы и въ другомъ видѣ, продолжаетъ свое дѣйствіе и подкапываетъ существующее» [1]). Сказанное здѣсь въ достаточной степени ясно само по себѣ. Дѣло, однако, станетъ еще яснѣе, если принять во вниманіе, что, по Гегелю, выступаютъ на сцену всемірной исторіи не только герои, не только единичныя личности, но также и цѣлые народы, коль скоро они являются носителями новаго всемірно-историческаго принципа. Въ такихъ случаяхъ поле дѣятельности,

[1]) Geschihte der Philosophie. 2 B. S. 120

на которое простирается право народовъ, чрезвычайно обширное: «Противъ этого его абсолютнаго права—быть носителемъ данной ступени развитія всемірнаго духа, духъ другихъ народовъ безправенъ. Время этихъ народовъ прошло. Поэтому они больше не принадлежатъ ко всемірной исторіи» [1]).

Мы знаемъ, что носителемъ новаго всемірно-историческаго принципа выступаетъ въ настоящее время не какой либо отдѣльный народъ, а опредѣленный общественный классъ. Но мы останемся вѣрны духу философіи Гегеля, если скажемъ, что по отношенію къ этому классу всѣ остальные общественные классы постольку войдутъ во всемірную исторію, поскольку сумѣютъ оказать ему поддержку.

Неудержимое, ни передъ чѣмъ неостанавливающееся стремленіе къ великой исторической цѣли, таковъ завѣтъ великой германской идеалистической философіи!

---

[1]) Philosophie des Rechts S. 347.

Еще разъ матеріализмъ.

Прудонъ говоритъ гдѣ-то: il faut qu'un professeur parle, parle, parle non pas pour dire quelquechose, mais pour ne pas rester muet. Господинъ докторъ Конрадъ Шмидтъ твердо держится этого правила, хотя, сколько я знаю, онъ былъ не профессоромъ, а только доцентомъ, да и то въ теченіи очень непродолжительнаго времени. Въ № 22 «Neue Zeit» онъ въ замѣткѣ озаглавленной: Was ist Materialismus?—задаетъ мнѣ вопросы, на которые я уже далъ отвѣты въ своей статьѣ: «Матеріализмъ или кантіанизмъ». Не имѣя ни малѣйшей охоты тратить слова попусту, я сначала не хотѣлъ было повторять то, что уже было мною сказано въ категорической формѣ. Но нѣкоторые мои друзья обратили вниманіе на то, что сама редакція «Neue Zeit.», въ примѣчаніи сдѣланномъ отъ себя къ его замѣткѣ, говоритъ, что заключительныя замѣчанія Шмидта выдвигаютъ «новые, важные вопросы», и что это ея мнѣніе могутъ, пожалуй, раздѣлить нѣкоторые читатели. Въ виду этого, я послѣ довольно продолжительнаго колебанія, рѣшаюсь еще разъ отвѣтить на выдвинутые господиномъ докторомъ Конрадомъ Шмидтомъ «новые, важные вопросы».

Мой противникъ говоритъ, что я долженъ былъ спросить себя, можно ли считать истинными матеріалистами такихъ писателей, какъ Ламеттри, Гольбахъ, Дидеро и Гельвецій. Господинъ докторъ Шмидтъ не считаетъ ихъ таковыми; онъ причисляетъ ихъ къ эклектикамъ. Надо сознаться, что это дѣйствительно ново, такъ какъ до сихъ поръ рѣшительно никому еще не приходило въ голову назвать эклектическимъ произведеніемъ «L'homme machine», «Le Rêve d'Alembert» или, наконецъ, «Le système de la Nature», которую, по справедливому замѣчанію Ф. А. Ланге «часто называли кодексомъ или библіей матеріализма» [1]).

Но если этотъ взглядъ господина доктора и «новъ», то онъ совсѣмъ не «важенъ», потому что лишенъ всякаго серьезнаго основанія. И если

[1]) Geschichte des Materialismus, Iserlohn, 1873, I, 361.

господинъ докторъ и выдвигаетъ его, то единственно по той причинѣ, что чувствуетъ себя въ очень затруднительномъ положеніи.

Если господинъ Шмидтъ увѣряетъ насъ теперь, что Ламеттри и Гольбахъ не матеріалисты, то это происходитъ единственно потому, что ученіе этихъ философовъ не подходитъ подъ то понятіе о матеріализмѣ, которое онъ составилъ себѣ по наслышкѣ.

Я потому говорю, по наслышкѣ, что онъ, очевидно, не далъ себѣ труда проштудировать сочиненія тѣхъ писателей, надъ которыми онъ произнесъ свой удивительный приговоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему г. Шмидтъ считаетъ эклектиками французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка? Потому, что они находились подъ вліяніемъ англійской философіи вообще и Локка въ особенности. Но, во-первыхъ, въ ученіи Ламеттри, всецѣло и прямымъ путемъ вышедшемъ изъ матеріалистической половины ученія Декарта, вліяніе Локка совершенно незамѣтно. А, во-вторыхъ, сенсуализмъ Локка по природѣ своей не только не исключаетъ тѣхъ матеріалистическихъ выводовъ, которые были сдѣланы изъ него Гольбахомъ и «Гольбахіанцами», но прямо напрашивается на эти выводы. Господинъ Шмидтъ называетъ Локка феноменалистомъ. Почему? Неужели на основаніи его извѣстнаго «изслѣдованія» о первичныхъ и вторичныхъ свойствахъ окружающихъ насъ вещей? Но вѣдь это различіе мы находимъ еще у матеріалиста Демокрита, какъ въ этомъ можетъ убѣдить господина Шмидта, напримѣръ, извѣстный историкъ греческой философіи Целлеръ [1]). У матеріалиста Томаса Гоббса, это различіе играетъ уже очень важную роль, какъ это ясно покажетъ Шмидту четвертый параграфъ второй главы его сочиненія «О человѣческой природѣ», или даже хотя бы «Geschichte des Materialismus» Ланге, который совершенно вѣрно говоритъ, что, по ученію Гоббса, «всѣ, такъ называемыя чувственныя свойства, какъ таковыя, принадлежатъ не вещамъ, а возникаютъ въ насъ самихъ». Правда, Ланге приписываетъ при этомъ Гоббсу ту будто бы «чисто матеріалистическую» мысль, что «человѣческія ощущенія представляютъ собою не болѣе, какъ движенія тѣлесныхъ частей, вызываемыя внѣшнимъ движеніемъ вещей»? Это совсѣмъ невѣрно. Уже тотъ коренной вопросъ, которымъ Гоббсъ задался еще въ 1631 году «какимъ родомъ движенія могутъ вызываться ощущенія и дѣятельность фантазіи у живыхъ существъ»,— ясно показываетъ, что у Гоббса ощущеніе есть не движеніе, а внутреннее состояніе движущагося тѣла. А это какъ разъ то самое, что мы находимъ у Ламеттри и у Гольбаха, который, кстати сказать, перевелъ на французскій языкъ выше упомянутое мною сочи-

[1]) См. его Philosophie der Griechen, Erstes Theil, 3 Auflage, s. 705, первое примѣчаніе.

неніе Гоббса о человѣческой природѣ. Но можетъ быть Гоббсъ тоже «эклектикъ»? Если такъ, то мнѣ очень интересно было бы узнать, кого же считаетъ г. Шмидтъ истиннымъ и честнымъ матеріалистомъ? Я очень боюсь, что такихъ окажется только Карлъ Фогтъ и его единомышленники, да можетъ быть еще (и то съ натяжками) нѣкоторые представители античнаго матеріализма.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что матеріализмъ Маркса и Энгельса, подвергшійся «критикѣ» г. Шмидта, вовсе не подходитъ подъ опредѣленіе матеріализма, даваемое намъ этимъ господиномъ.

Марксъ говоритъ, что «идеальное есть не что иное, какъ матеріальное, отраженное и переведенное въ человѣческой головѣ». На этомъ основаніи г. Шмидтъ отнесъ Маркса къ числу тѣхъ, по мнѣнію которыхъ духовная природа человѣка можетъ быть объяснена только матеріальными свойствами, только «матеріей и силой». Уже одно это показываетъ, какъ плохо понялъ Маркса этотъ почтенный докторъ. Если я перевожу (übersetze) что нибудь, напримѣръ, съ русскаго языка на французскій, то означаетъ ли это мое дѣйствіе, что языкъ Вольтэра не можетъ быть объясненъ только свойствами языка Пушкина и что вообще языкъ Пушкина «реальнѣе» языка Вольтэра? Вовсе нѣтъ! Это значитъ, что существуетъ два языка, каждый изъ которыхъ имѣетъ свое особое строеніе, и что если я буду игнорировать французскую грамматику, то у меня получится не переводъ, а просто-на-просто галиматья, которой нельзя будетъ ни понять, ни прочесть. Если, по словамъ Маркса, «идеальное есть и переводъ и передѣлка матеріальнаго въ человѣческой головѣ», то ясно, что, согласно тому же мнѣнію,—«матеріальное не тождественно «идеальному», потому что, въ противномъ случаѣ, не было бы никакой надобности передѣлывать и переводить его. Вотъ почему совершенно лишена смысла та нелѣпая тождественность, которую Шмидтъ пытается навязать Марксу.

Но если данная французская фраза не похожа на ту русскую фразу, переводъ которой она собою представляетъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что смыслъ первой фразы долженъ разойтись со смысломъ второй. Напротивъ, если переводъ сдѣланъ хорошо, то въ обѣихъ фразахъ, несмотря на ихъ несходство, смыслъ будетъ одинъ и тотъ же.

Точно также, хотя существующее въ моей головѣ «идеальное» не похоже на то «матеріальное», съ котораго оно «переведено», но онъ имѣетъ тотъ же самый смыслъ, если только переводъ сдѣланъ правильно. Критеріемъ же правильности перевода служитъ опытъ. Если бы смыслъ существующаго въ моей головѣ «идеальнаго» не соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ свойствамъ «матеріальнаго», т. е. существующихъ внѣ моей головы и независимо отъ нея вещей,—то я получилъ бы отъ этихъ вещей болѣе или менѣе тяжелый урокъ при первомъ же столк-

новеніи съ ними,—урокъ, благодаря которому болѣе или менѣе быстро устранилось бы несоотвѣтствіе между идеальнымъ и матеріальнымъ, разумѣется, еслибъ я не погибъ раньше жертвой этого несоотвѣтствія. Въ этомъ смыслѣ (и только въ этомъ смыслѣ) можно и должно говорить о тождественности (Identität) идеальнаго съ матеріальнымъ, но противъ этой тождественности совершенно безсильно оружіе Шмидтовской «критики».

Нашъ doctor irrefragabilis упрекаетъ меня въ эклектизмѣ. Послѣ всего сказаннаго видно, что попавъ въ число эклектиковъ, я нахожусь въ очень хорошемъ обществѣ. Поэтому упрекъ, дѣлаемый мнѣ г. Шмидтомъ, очень мало меня огорчаетъ. Но не мѣшаетъ все-таки разсмотрѣть нѣсколько поближе тѣ доводы, которыми поддерживается этотъ упрекъ.

«Потому что,—говоритъ г. докторъ,—если дѣйствіе закона причинности признается въ серьезъ по отношенію къ вещамъ въ себѣ, то ясно, что тогда и условія, при которыхъ только и мыслима причинность, именно, пространство, время и матерія (или центры силъ), должны считаться условіями, относящимися также къ вещамъ въ себѣ. А этимъ самымъ Плехановскій матеріализмъ снова превращается въ старый извѣстный матеріализмъ философіи тождества».

Прежде всего я замѣчу вотъ что. Въ моей статьѣ «Матеріализмъ или кантіанизмъ» я сказалъ и доказалъ, что если мы не признаемъ дѣйствія на насъ (по закону причинности) вещей въ себѣ, то мы необходимо приходимъ къ субъективному идеализму; а если мы признаемъ это дѣйствіе, то мы столь же необходимо приходимъ къ матеріализму. Господинъ Конрадъ Шмидтъ не признаетъ себя ни субъективнымъ идеалистомъ, ни матеріалистомъ. Какъ же выходитъ онъ изъ указанной мною дилеммы? Онъ ничего не говоритъ объ этомъ, но, кажется, вотъ какъ. Онъ признаетъ дѣйствіе на насъ вещей въ себѣ, но признаетъ его не въ «серьезъ». Это очень остроумный пріемъ, который показываетъ, до какой степени слѣдуетъ принимать «въ серьезъ» философскія упражненія ученаго доктора.

Что касается до меня, то я, разумѣется, совершенно «въ серьезъ» признаю дѣйствіе на насъ вещей въ себѣ, благодаря которому мы узнаемъ нѣкоторыя ихъ свойства. Но къ какому «старому» извѣстному матеріализму ведетъ меня мое признаніе? Это неизвѣстно, потому что матеріализмъ вообще, — какъ старый, такъ и новый, — остался неизвѣстнымъ г. Шмидту.

Неопровержимому доктору кажется, что признавая дѣйствіе на насъ вещей въ себѣ, я долженъ мыслить матерію, какъ условіе, сохраняющее свою силу въ примѣненіи къ міру вещей самихъ по себѣ. Пусть пойметъ это, кто можетъ: я не понимаю и подозрѣваю, что не понимаетъ и самъ г.

докторъ. Но я, съ своей стороны, постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить, какое понятіе связывается у меня со словомъ: матерія.

Въ противоположность «духу», «матеріей» называютъ то, что, дѣйствуя на наши органы чувствъ, вызываетъ въ насъ тѣ или другія ощущенія. Что же именно дѣйствуетъ на наши органы чувствъ? На этотъ вопросъ я, вмѣстѣ съ Кантомъ, отвѣчаю: вещи въ себѣ. Стало быть, матерія есть ни что иное, какъ совокупность вещей въ себѣ, поскольку эти вещи являются источникомъ нашихъ ощущеній.

Такъ какъ я совершенно «въ серьезъ» признаю независимое отъ моего сознанія существованіе внѣ меня господина доктора Шмидта, то я вынужденъ отнести его къ числу тѣхъ вещей въ себѣ, которыя составляютъ, окружающій меня, внѣшній міръ. Вещь въ себѣ, называемая докторомъ Шмидтомъ, способна дѣйствовать на мои внѣшнія чувства: она есть матерія, но она способна также написать плохую статью о философіи. Это есть чувствующая и мыслящая матерія. Такимъ образомъ сознаніе (въ болѣе или менѣе высокой степени) есть аттрибутъ той субстанціи, которая дѣйствуетъ на мои внѣшнія чувства и которую я называю матеріей. Что эта субстанція «сама по себѣ» не похожа на мое представленіе о матеріи, это зналъ еще Томасъ Гоббсъ, но изъ этого никакого опроверженія матеріализма вывести невозможно. Наоборотъ, было бы очень странно, если бы ощущеніе и выросшее на его почвѣ представленіе походило на ту вещь, которая его вызвала и которая сама не есть, конечно, ни ощущеніе, ни представленіе. Кто же не знаетъ, что бытіе въ себѣ не есть еще ни бытіе для себя, ни бытіе для другихъ?

Господинъ Шмидтъ говоритъ также, что если я «въ серьезъ» признаю дѣйствіе на меня вещей въ себѣ, то я долженъ признать также, что время и пространство суть условія (можетъ быть, онъ хочетъ сказать—опредѣленія?), имѣющія силу въ примѣненіи къ вещамъ въ себѣ съ неменьшимъ и не съ большимъ правомъ.

Онъ могъ бы сказать, что если я «въ серьезъ» признаю существованіе вещей въ себѣ, то я долженъ допустить, что онѣ существуютъ въ пространствѣ и во времени. Прежде, чѣмъ вдаваться въ какія нибудь объясненія по этому поводу, я попрошу читателя обратить вниманіе на слѣдующее:

Такъ какъ г. Шмидту указанное допущеніе кажется невозможнымъ, то ему остается лишь не признавать существованія вещей независимо отъ нашего сознанія, т. е. стать на точку зрѣнія Фихте или Берклея. А мы уже знаемъ, къ какимъ абсурдамъ она приводитъ.

Что пространство и время суть формы сознанія и что поэтому первое отличительное свойство ихъ есть субъективность, это было извѣстно

еще Томасу Гоббсу, и этого не станетъ отрицать теперь ни одинъ матеріалистъ. Весь вопросъ въ томъ, не соотвѣтствуютъ ли этимъ формамъ сознанія нѣкоторыя формы или отношенія в е щ е й. Матеріалисты, разумѣется, не могутъ отвѣчать на этотъ вопросъ иначе, какъ утвердительно. Это не значитъ, конечно, что они признаютъ ту плохую (вѣрнѣе—нелѣпую) тождественность, которую имъ съ услужливой наивностью навязываютъ кантіанцы и въ ихъ числѣ господинъ Шмидтъ. Нѣтъ, формы и отношенія вещей въ себѣ не могутъ быть таковы, какими они намъ к а ж у т с я, т. е. какими они являются намъ будучи «переведены» въ нашей головѣ. Наши представленія о формахъ и отношеніяхъ вещей не болѣе, какъ і е р о г л и ф ы; но эти іероглифы точно обозначаютъ эти формы и отношенія, и этого достаточно, чтобы мы могли изучить дѣйствія на насъ вещей въ себѣ и въ свою очередь воздѣйствовать на нихъ. Повторяю—если бы между объективными отношеніями и ихъ субъективными изображеніями («переводами») въ нашей головѣ не было правильнаго соотвѣтствія, то с а м о е с у щ е с т в о в а н і е н а ш е с т а л о б ы н е в о з м о ж н ы м ъ.

Признаніе правильности этихъ соображеній обязательно для всякаго, кто не мирится съ абсурдами субъективнаго идеализма. Само собою понятно, что подъ словомъ «в с я к і й» я разумѣю всѣхъ тѣхъ, кто философствуетъ «въ серьезъ», а не говоритъ лишь въ силу дурной академической привычки, т. е. для того, чтобъ не остаться нѣмымъ.

Кто внимательно вдумается во все вышеизложенное, тому, разумѣется, не придетъ въ голову «въ серьезъ» сравнивать мои взгляды со взглядами Гербарта или Лотца. Но мнѣ могутъ справедливо замѣтить, что «мой» м а т е р і а л и з м ъ очень похожъ на а г н о с т и ц и з м ъ, напримѣръ, Герберта Спенсера. На это я отвѣчу словами Энгельса: англійскій агностицизмъ есть лишь с т ы д л и в ы й м а т е р і а л и з м ъ.

Но довольно. Мои взгляды не ясны для г. Шмидта. Можетъ быть, я плохо и з л а г а ю ихъ. Но почему же мой противникъ о п р о в е р г а е т ъ ихъ до такой степени неудачно? Не потому ли, что онъ плохо п о н и м а е т ъ ихъ? Не потому ли, что онъ не имѣетъ о матеріализмѣ иного представленія, кромѣ того, которое свойственно нѣмецкимъ филистерамъ? Мнѣ кажется, что д а. А если это такъ, то въ недоразумѣніяхъ, возникшихъ между нами, надо винить не меня, а ту вещь въ себѣ, которая называется ученымъ докторомъ Конрадомъ Шмидтомъ.

О книгѣ Масарика.

Философскія и соціологическія основанія марксизма. Этюды по соціальному вопросу Масарика, профессора чешскаго университета въ Прагѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Москва, 1900.

Вотъ книга, которую непремѣнно должны прочитать всѣ, интересующіеся «критикой марксизма». Правда, книга эта переведена ужаснымъ языкомъ и переводчикъ нерѣдко совсѣмъ не понималъ автора, а потому лучше ознакомиться съ ней въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Но даже и въ ужасномъ русскомъ переводѣ она все-таки будетъ очень полезна читателямъ: она имъ откроетъ психологію гг. «критиковъ», скрывающуюся за избитыми фразами о вредѣ ортодоксіи, о необходимости идти впередъ... pardon—вернуться назадъ и т. п. и т. п.

Г. Масарикъ—критикъ ученый, внимательный, безпощадный, хотя и не лишенный при этомъ нѣкоего снисходительнаго добродушія. Онъ по косточкамъ разобралъ марксизмъ и—горе, горе намъ, «ортодоксальнымъ» марксистамъ!—окончательно повалилъ все это теченіе. Онъ доказалъ, что Марксъ и Энгельсъ... но такъ нельзя, надо по порядку.

«Такимъ образомъ, матеріализмъ Маркса есть построеніе довольно сложное. Совершенно очевидно, что Марксъ пытался дать синтезъ различныхъ созрѣвшихъ въ его время воззрѣній. Объективный критикъ врядъ ли можетъ признать этотъ синтезъ удачнымъ. Философія Маркса и Энгельса имѣетъ всѣ признаки эклектизма. Несмотря на всю ихъ охоту къ критикѣ, у нихъ обоихъ недостаетъ ни критицизма, ни творческой силы, чтобы слить разнородные элементы современныхъ направленій въ одно гармоническое цѣлое», стр. 82.

Марксъ и Энгельсъ оказываются эклектиками. Когда мы ознакомились съ этимъ строгимъ приговоромъ г. «объективнаго критика», мы вспомнили товарища *предсѣдателя уголовной палаты*, который фигурируетъ въ отрывкѣ Герцена «Мимоѣздомъ» и который говоритъ: «да что я, батюшка, въ вашихъ глазахъ турка или якобинецъ какой, что изъ лѣни стану усугублять участь несчастнаго» и т. д. Герценъ говоритъ по этому поводу: «Замѣтьте, якобинцевъ во всемъ обвиняли прежде, но исключительно Владиміру Яковлевичу принадлежитъ честь обвиненія ихъ въ лѣни». Совершенно также и г Масарику исключительно принадлежитъ

честь обвиненія Маркса и Энгельса въ философскомъ эклектизмѣ. Поздравляемъ г. профессора чешскаго университета: онъ во всякомъ случаѣ не лишенъ оригинальности.

Но на чемъ же основывается выдвинутое г. Масарикомъ оригинальное обвиненіе? Оно основывается на многихъ уликахъ, иногда столь же оригинальныхъ, какъ и самое обвиненіе. Марксъ былъ сначала гегельянцемъ, а потомъ перешелъ на точку зрѣнія Фейербаха. Отъ Гегеля онъ заимствовалъ діалектическій методъ, а отъ Фейербаха—матеріализмъ. Но діалектика и матеріализмъ несовмѣстимы: «матеріалистическая діалектика есть contradictio in adjecto»,—говоритъ г. объективный критикъ (стр. 45). И если онъ правъ, то мы скрѣпя сердце, должны сознаться, что философія Маркса (и Энгельса), дѣйствительно, насквозь пропитана эклектизмомъ. Но правъ ли онъ? That is the question. Что именно говоритъ онъ?

Онъ говоритъ вотъ что: «по теоріи познанія Маркса и Энгельса понятіе есть отраженіе вещей въ мозгу; что такое это отраженіе и какъ вообще оно возможно, это мы пока оставимъ въ сторонѣ, но очевидно, что при подобной точкѣ зрѣнія діалектика понятій невозможна» (стр. 45—46). Мы тоже оставляемъ «пока въ сторонѣ» вопросъ объ отраженіи вещей въ мозгу, но зато хотимъ немедленно узнать,—почему же діалектика понятій невозможна «при подобной точкѣ зрѣнія»? Тутъ весь вопросъ, очевидно, въ томъ, какъ происходитъ дѣло въ природѣ: если въ ней все совершается,—какъ говоритъ Энгельсъ, — діалектически, то само собою ясно, что и понятія, представляющія собой «отраженіе вещей въ мозгу» должны имѣть діалектическую природу. Странно, что г. Масарику не пришло въ голову такое простое и, можно сказать, неизбѣжное соображеніе; очевидно, онъ былъ разсѣянъ.

«Марксъ вѣдь не признаетъ, подобно Гегелю, двойного познанія,—продолжаетъ г. Масарикъ:—высшаго, діалектическаго, и просто познанія разумомъ (въ нѣмецкомъ подлинникѣ сказано: verstandesmassige, а это значитъ—познаніе съ помощью разсудка, а не разума, какъ перевелъ г. П. Николаевъ. Н. Б.) разумомъ, не преодолѣвающимъ противорѣчій (стр. 46).

C'est selon, г. объективный критикъ! Если бы вы внимательно прочитали «Herrn Eugen Dührings Ummälsung der Wissenschaft» Энгельса или хотя бы только его «Развитіе научнаго соціализма», то вы не забыли бы, что говорится тамъ объ отношеніи діалектическаго мышленія къ метафизическому. Энгельсъ ставитъ діалектическое мышленіе выше метафизическаго, но ему и въ голову не приходитъ отрицать относительную правомѣрность этого послѣдняго. Въ извѣстныхъ предѣлахъ метафизическое (иначе разсу-

дочное) мышленіе совершенно необходимо. Но оно далеко не достаточно для правильнаго пониманія процессовъ природы и общественной жизни. Его надо дополнить діалектическимъ мышленіемъ. Такова мысль Энгельса, разумѣется, говорившаго въ этомъ случаѣ не только отъ своего лица, но и отъ имени Маркса. А г. объективный критикъ приравнивалъ эту мысль къ полному отрицанію метафизическаго (разсудочнаго) мышленія, и это, выдуманное имъ, отрицаніе, онъ приводитъ какъ доводъ противъ діалектическаго матеріализма. Что же это за критика?

«Марксъ не признаетъ никакого апріорнаго познанія,—читаемъ мы далѣе.—Для него не существуетъ никакихъ апріорныхъ понятій о времени и пространствѣ... Вообще Марксъ не субъективистъ, т. е. не идеалистъ, а потому онъ совершенно послѣдовательно отвергаетъ діалектику Гегеля. Энгельсъ и Марксъ хвалятъ Фейербаха, какъ преодолѣвшаго діалектику Гегеля и вдругъ потомъ они принимаютъ эту діалектику въ полномъ ея объемѣ» стр. 46.

Тутъ необходимо разобраться. Когда и Марксъ Энгельсъ хвалили Фейербаха за то, что онъ «преодолѣлъ» діалектику Гегеля, они имѣли въ виду идеалистическую діалектику, къ которой они съ тѣхъ поръ не переставали относиться отрицательно. А когда они защищали и рекомендовали діалектическій методъ, они имѣли въ виду (и всегда ставили на видъ читателямъ) матеріалистическую діалектику, оказавшую имъ такія огромныя услуги въ дѣлѣ научнаго обоснованія соціализма. Въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакого противорѣчія.

Что они признавали діалектику Гегеля не въ «полномъ объемѣ» (какъ утверждаетъ г. «объективный критикъ»), это видно уже изъ того, что они критиковали ее именно, какъ идеалистическую. Зачѣмъ же говорить то, чего не было?

Г. Масарикъ взялся доказать намъ, что матеріалистическая діалектика есть contradictio in adjecto. А теперь онъ уже не отличаетъ этой діалектики отъ идеалистической и утверждаетъ, что Марксъ и Энгельсъ, сначала отказавшись отъ этой послѣдней «вдругъ потомъ» ее приняли во всемъ объемѣ. Чтобы дѣлать такіе неожиданные и ничѣмъ не оправдываемые логическіе скачки, нужно очень запутаться въ доводахъ.

Но послушаемъ опять г. «объективнаго критика». «Во всякомъ случаѣ Марксъ и Энгельсъ искали обоснованія діалектики только въ природѣ... Но вѣдь изъ природы діалектика попадаетъ въ мозгъ (мозгъ вѣдь тоже природа) и въ концѣ-концовъ у матеріализма оказывается такой же методъ, какъ и у идеализма (стр. 46. Въ русскомъ переводѣ здѣсь стоитъ: «діалектика такой же методъ, какъ и идеализмъ». Это безсмыслица Н. Б.). То, что говоритъ теперь нашъ критикъ, показываетъ, какъ легкомысленно и

преждевременно сталъ онъ утверждать, что діалектика понятій невозможна: въ самомъ дѣлѣ, если процессы природы—«діалектическіе процессы, и если изъ природы діалектика попадаетъ въ мозгъ» (удивительный стиль!), то ясно, что діалектика понятій и возможна и необходима. Мы уже указывали на это обстоятельство. Теперь его признаетъ и г. «объективный критикъ», ранѣе не обратившій на него вниманія. Мы очень рады и за себя, и за Маркса, и за діалектику, и за г. критика.

Матеріализмъ Маркса имѣетъ для своей діалектики тотъ же источникъ, какъ и Гегель (еще разъ: удивительный стиль!); онъ также отвергаетъ логическій законъ противорѣчія (въ русскомъ переводѣ г. П. Николаева: положеніе о противорѣчіи); Энгельсъ настолько же сильно восхваляетъ Гераклита, какъ и Гегель. Марксъ видитъ въ движеніи источникъ всякой жизни; мы живемъ среди постояннаго движенія; неподвижна только наша абстракція движенія mors immortalis».

Тутъ опять непостижимая путаница понятій.

Мы уже знаемъ, что Энгельсъ признавалъ относительную правомѣрность метафизическаго мышленія. А признавать относительную правомѣрность метафизическаго мышленія значитъ то же самое, что признавать относительное (хотя, конечно, не абсолютное) значеніе логическаго закона противорѣчія. А признавать относительное значеніе этого закона вовсе не значитъ отрицать его. Гегель также мало отрицалъ его относительное значеніе, какъ и Энгельсъ съ Марксомъ. Если бы ученый критикъ далъ себѣ трудъ проштудировать «Логику» Гегеля, то онъ и самъ понялъ бы какіе пустяки навязываетъ онъ этимъ мыслителямъ. Но по всему видно, что ученый критикъ совсѣмъ не знакомъ съ Гегелемъ и, говоря о немъ, довольствуется повтореніемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ, лишенныхъ всякаго истинно-критическаго содержанія.

Далѣе. Что же изъ того, что Марксъ видитъ источникъ всякой жизни въ движеніи? Развѣ это доказываетъ, что «источникъ діалектики» въ его матеріализмѣ тотъ же, что и въ идеализмѣ Гегеля? Въ системѣ Гегеля «источникомъ діалектики» является движеніе идеи, а вовсе не то движеніе матеріи, которое,—по Марксу, да и не только по Марксу,—есть источникъ всякой жизни. Какъ же можно сваливать въ одну кучу эти два совершенно различные «источника»?

О сильномъ восхваленіи Гераклита мы говорить много не станемъ. Само собою ясно, что оно вовсе не доказываетъ того, что хотѣлось бы доказать г. Масарику.

«Потому насъ не должно удивлять, что Энгельсъ иногда (по нѣмецки: unter der Hand, тайкомъ, незамѣтно) совершенно ясно принимаетъ субъективную діалектику» (стр. 46).

Мы думаемъ, что Энгельсъ признавалъ субъективную діалектику не

только unter der Hand, а совершенно прямо и открыто. «Удивлять» это можетъ только тѣхъ, которые ничего не понимаютъ въ міросозерцаніи Энгельса. Къ ихъ числу несомнѣнно принадлежитъ г. Масарикъ. Если онъ приписываетъ Энгельсу лишь скрытное (unter der Hand) признаніе субъективной діалектики, то именно потому, что онъ самъ находитъ всякое ея признаніе удивительнымъ. А между тѣмъ, что можетъ быть проще и естественнѣе? Если наши понятія представляютъ собой отраженія процессовъ, совершающихся въ природѣ, то они не могутъ быть лишены діалектическаго элемента [1]). Кто признаетъ существованіе въ природѣ діалектическихъ процессовъ, тотъ вынужденъ признавать «субъективную діалектику». Кому это можетъ быть «удивительно»?

«Марксъ и Энгельсъ не поняли, что діалектика Гегеля для нихъ непригодна», упрямо твердитъ г. Масарикъ. «Это очень важное обстоятельство; въ подробностяхъ мы встрѣчаемъ у нихъ множество противорѣчій—и это объясняется противорѣчіемъ въ теоретико-познавательномъ обоснованіи всей системы» (стр. 46).

Какъ же не поняли, строгій г. критикъ? Вѣдь Марксъ и Энгельсъ отказались отъ идеалистической діалектики Гегеля. Зачѣмъ вы дѣлаете видъ, будто позабыли объ этомъ «очень важномъ обстоятельствѣ»? Мы знаемъ, зачѣмъ. Вамъ извѣстно, что противъ идеалистической діалектики сдѣлано было много серьезныхъ возраженій; а противъ матеріалистической діалектики вы ни одного серьезнаго возраженія придумать не въ состояніи! Чтобы выпутаться изъ затрудненія, вы и сваливаете съ больной головы на здоровую, приписавъ Марксу и Энгельсу идеалистическую діалектику Гегеля. Это, конечно, очень удобный пріемъ. Но насколько онъ убѣдителенъ?

На слѣдующей страницѣ г. Масарикъ опять измѣняетъ себѣ, говоря: «Вѣрно то, что Марксъ и Энгельсъ возстаютъ противъ Гегеля и осуждаютъ его методъ». Спрашивается, какъ же быть съ тѣмъ «очень важнымъ обстоятельствомъ», что они не поняли непригодности для нихъ гегелевской діалектики? Вѣдь, по вашимъ словамъ, это «обстоятельство» лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ ошибокъ. Г. Масарикъ самъ сознаетъ «непригодность» для него подобнаго противорѣчія и старается смягчить («притупить» какъ сказали бы мы съ г. П. Струве) его такими Redensarten: «Но можно говорить противъ Гегеля еще болѣе и горячѣе, какъ говоритъ, напримѣръ, Шопенгауеръ, и однако тотъ же Шопенгауеръ, сознававшій

[1]) Мы не можемъ говорить здѣсь о томъ, какъ надо понимать терминъ „отраженіе“. Но мы подробно объяснимъ его въ другомъ мѣстѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что гг. критики очень напирают на него, изображая его, какъ чистую нелѣпость. Впрочемъ, отчасти это объяснено нами въ статьѣ: «Еще разъ матеріализмъ».

ошибки Гегеля, пользовался методомъ не менѣе фантастическимъ и субъективнымъ. Точно Марксъ и Энгельсъ тщетно боролись съ давленіемъ, которое производилъ на нихъ Гегель (стр. 47).

Тщетно боролись съ давленіемъ! Согласитесь, г. профессоръ, что это очень неопредѣленно. И если это все, что вы можете сказать о методѣ Маркса, то ваши «критическія претензіи» далеко превосходятъ Вашу критическую силу».

Впрочемъ, нашъ г. профессоръ еще не закончилъ своего изслѣдованія о методѣ Маркса. Выслушаемъ его до конца.

«Объективной діалектики просто таки не существуетъ» Это мы слышали, но просимъ васъ доказать намъ это, г. профессоръ. «Въ самой природѣ не существуетъ никакого діалектическаго противорѣчія». Это опять не доказательство, а новое повтореніе того, о доказательствѣ чего мы и ходатайствовали передъ г. критикомъ. «Мы можемъ говорить о притяженіи и отталкиваніи въ естественно-научномъ смыслѣ слова, о любви и ненависти, о войнѣ и мирѣ въ человѣческомъ обществѣ, но все это не есть ни діалектика Гегеля, ни діалектика Маркса». Стало быть, есть двѣ діалектики: Гегеля и Маркса. А. г. профессоръ не только не объяснилъ намъ ихъ различія, но изобразилъ дѣло такъ, какъ будто Марксова діалектика совсѣмъ не отличается отъ Гегелевой. И это онъ назвалъ критикой. Странная терминологія! Непонятный критикъ! Вся остальная часть выписанной нами фразы представляетъ собой опять не доказательство, а повтореніе того, что требуется доказать. Удивительная острота критической мысли!

Далѣе г. профессоръ дѣлаетъ видъ, что хочетъ «внимательно анализировать» одинъ изъ приводимыхъ Энгельсомъ примѣровъ діалектики природы и утверждаетъ, что примѣръ этотъ заключаетъ въ себѣ «нѣчто отличное отъ того, что хочетъ доказать Энгельсъ» (стр. 47—48). Рѣчь идетъ у него объ извѣстномъ примѣрѣ овсянаго зерна. «Я не буду особенно распространяться объ этомъ примѣрѣ: сразу очевидно, что онъ не годится; во всякомъ случаѣ, оплодотвореніе, ростъ, развитіе и увеличеніе (по нѣмецки: Vermehrung—размноженіе) есть нѣчто иное, а не гегелевская теза—антитеза—синтезъ. Это дѣйствительно процессъ развитія и своею непрерывностью и безконечно малыми измѣненіями онъ отличается существенно отъ трехъ членной діалектики» (стр. 47). Вотъ и все. Дальше г. профессоръ прибавляетъ лишь слѣдующее лаконическое замѣчаніе. «Остальные примѣры изъ различныхъ сферъ знанія тоже представляютъ картину недіалектическаго развитія».

Что оплодотвореніе, ростъ, развитіе и размноженіе представляютъ собою нѣчто иное, чѣмъ тезисъ, антитезисъ и синтезисъ, это въ самомъ дѣлѣ «сразу очевидно», но сразу же очевидно, что

это ровно ничего не доказываетъ. Вѣдь паденіе тѣла и его отраженіе есть тоже нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ иное, чѣмъ теорема механики, гласящая, что уголъ паденія равняется углу отраженія. Но развѣ это «очень важное обстоятельство» доказываетъ ошибочность теоремы? И развѣ кому нибудь придетъ въ голову мысль оспаривать эту двухъ-членную теорему указаніемъ на то, что движеніе есть непрерывный процессъ, сопровождающійся безконечно-малыми измѣненіями? Побойтесь же Бога, г. критикъ! Вѣдь не даромъ же вы, по собственному вашему заявленію, представляете себѣ міръ «теистически»!

Теперь мы измѣрили всю глубину «критики», направленной г. профессоромъ противъ Марксовой діалетики. Далѣе у г. Масарика идетъ такое разсужденіе о Гегелѣ:

«Уже у Гегеля есть понятіе о развитіи и прогрессѣ, но это понятіе совсѣмъ не соотвѣтствуетъ современнымъ взглядамъ... Онъ представляетъ себѣ развитіе посредствомъ катастрофъ, посредствомъ крупныхъ переворотовъ и противорѣчій. Въ этомъ ему слѣдуетъ Фейербахъ, а послѣдователемъ ихъ обоихъ былъ и Марксъ (стр. 48).

Здѣсь г. профессоръ опять разсказываетъ то, «чего не было». Гегель никогда не говорилъ, что развитіе совершается только «посредствомъ катастрофъ, крупныхъ переворотовъ и противорѣчій». Онъ прекрасно зналъ, что процессъ развитія состоитъ также изъ безконечно малыхъ измѣненій и противорѣчій. Но онъ прибавлялъ, что эти безконечно-малыя измѣненія и противорѣчія не только не исключаютъ «крупныхъ переворотовъ и противорѣчій», но иногда неизбѣжно ведутъ къ нимъ.

Онъ оспаривалъ правильность извѣстнаго положенія: природа скачковъ не дѣлаетъ. Если г. профессоръ чешскаго университета находитъ, что доводы Гегеля неосновательны, то пусть онъ опровергнетъ ихъ. Но онъ даже не пытается сдѣлать это. Онъ ограничивается искаженіемъ мысли Гегеля. Вотъ такъ «критикъ»!

Но это искаженіе чрезвычайно характерно само по себѣ. Оно обнаруживаетъ психологическую подкладку всѣхъ нынѣшнихъ нападокъ на гегелеву діалектику. Эта діалектика не нравится филистерамъ тѣмъ, что она оправдываетъ «крупные перевороты». Das ist des Pudels Kern. И, разумѣется, тотъ же самый мотивъ обусловливаетъ собою еще болѣе отрицательное отношеніе тѣхъ же филистеровъ къ матеріалистической діалектикѣ Маркса. Это «важное обстоятельство» есть одно изъ самыхъ поразительныхъ доказательствъ глубокаго упадка философской мысли въ средѣ образованной буржуазіи нашего времени.

Теперь вы поняли, читатель, почему философія Маркса и Энгельса страдаетъ «эклектизмомъ». Потому что эта философія умѣетъ найти въ системѣ своихъ идей мѣсто также и для «крупныхъ переворотовъ». Если

бы можно было удалить изъ нея это ея содержаніе, то «критики» въ родѣ г. Масарика сразу же прекратили бы свои нападки на нее, и она нашла бы себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ средѣ тѣхъ образованныхъ элементовъ мелкой буржуазіи, которые готовы отстаивать *соціальныя реформы*, но приходятъ въ ужасъ при одной мысли о «Zusammenbruch'ѣ».

«Reformation, nicht Revolution»! восклицаетъ г. Масарикъ въ 147-мъ параграфѣ своей книги, почему то совершенно выпущенномъ русскимъ переводчикомъ. Это многозначительное восклицаніе сопровождается у него высоконравственной проповѣдью на тему о томъ, что «безъ дѣйствительной реформы нашего мышленія и нашихъ нравовъ мы посредствомъ революціи прогонимъ чорта лишь за тѣмъ, чтобы замѣнить его Вельзевуломъ» и т. д. (стр. 551—552 нѣмецкаго подлинника). И эта проповѣдь тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на чувство читателя, что проповѣдникъ благочестиво поднимаетъ глаза къ небу.

«У Маркса,—говоритъ онъ по поводу роста числа самоубійствъ въ цивилизованныхъ странахъ,—мы особенно ясно видимъ, откуда у него явилось такое настроеніе, и самъ онъ говоритъ объ этомъ: съ тѣхъ поръ, какъ Фейербахъ уничтожилъ небо, философіи ничего другого не оставалось, какъ революціонизировать землю. Фаустъ, Каинъ, Манфредъ, Ролла, Иванъ (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Н. Б.)—всѣ эти современные титаны начинаютъ борьбой съ Высшимъ и кончаютъ революціей или смертью (какія страсти! Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Н. Б.) Шопенгауэръ тоже устранилъ Бога и объявилъ міровой субстанціей слѣпую, ни къ чему не стремящуюся волю. Марксъ и Энгельсъ тоже на мѣсто Бога поставили матерію (рѣче безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ! Н. Б.) и отдались во власть слѣпого случая. Энгельсъ вполнѣ послѣдовательно видитъ въ слѣпомъ злѣ движущую міровую силу, исторія дѣлается слѣпыми страстями хищности и жажды власти. Въ слѣпомъ и ничтожномъ мірѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени для радости и для любви. Когда Христосъ испустилъ духъ свой, разсказываетъ евангелистъ, стало темно на землѣ, и солнце потускнѣло,—такъ же затемняется и внутренній міръ (das Innere;г. П. Николаевъ переводитъ: «*внутреннее*»),человѣка, когда въ немъ умираетъ божество, или когда человѣкъ убиваетъ его Гегелевская лѣвая убила Бога такъ же, какъ Шопенгауэръ. Дѣло Гегеля докончили Фейербахъ, Штраусъ, Штирнеръ и Марксъ. И стало темно, и солнце потускнѣло» (стр. 505).

Надо прямо говорить: хорошо пишетъ г. Масарикъ! У насъ гг. Струве и Бердяевъ тоже недурно пишутъ теперь о высшей «субстанціи», но до г. Масарика имъ далеко: у нихъ нѣтъ той возвышенности и той чувствительности, которыя отличаютъ нравоучительныя проповѣди г. профессора чешскаго университета. Правда, гг. Струве и Бердяевъ только не-

давно начали писать на эту тему. У нихъ еще нѣтъ надлежащаго навыка; современемъ, вѣроятно, усовершенствуются и они.

Нужно ли прибавлять, что г. Масарикъ на всѣ лады эксплуатируетъ извѣстное предисловіе Энгельса къ сочиненію Маркса о борьбѣ классовъ во Франціи? Онъ увидѣлъ въ немъ полное «отреченіе» отъ идеи «крупныхъ переворотовъ». Мы показали въ другомъ мѣстѣ, что Энгельсъ въ этомъ предисловіи имѣлъ въ виду собственно только современную Германію и вовсе не придавалъ своимъ доводамъ и выводамъ того общаго значенія, какое приписали имъ «критики». Не знаемъ, насколько убѣдительны были наши разсужденія; но что они были вѣрны—это показали недавно опубликованныя въ парижскомъ «Socialiste» письма Энгельса къ П. Лафаргу. Послѣ опубликованія этихъ писемъ всѣ разглагольствованія о томъ, что самъ Энгельсъ подъ конецъ своей жизни «поумнѣлъ», лишаются всякаго смысла, и остается лишь вопросъ о томъ, зачѣмъ Энгельсъ, умѣвшій такъ ярко и ясно выражать свои мысли, выразился на этотъ разъ довольно темно и сбивчиво. А на этотъ вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ: Энгельсъ уступилъ настояніямъ «практическихъ политиковъ» своей партіи. Принявъ въ соображеніе ту путаницу понятій, которую вызвала уступчивость Энгельса, приходится признать, что она была неумѣстна, и что вообще не слѣдуетъ приносить интересы теоріи въ жертву практическимъ интересамъ минуты. Это прежде всего очень непрактично.

Но довольно объ этой сторонѣ вопроса. Кромѣ указаннаго элемента «эклектизма», г. Масарикъ открылъ въ теоріи Маркса и Энгельса еще другіе. Такъ, напримѣръ, онъ указываетъ на дарвинизмъ, на который эти мыслители смотрѣли, какъ на торжество діалектики въ біологической наукѣ. По мнѣнію г. Масарика, дарвинизмъ совершенно не согласуется съ марксизмомъ. Это обосновывается вотъ чѣмъ. «Марксъ и Энгельсъ цѣнятъ въ дарвинизмѣ прежде всего идею эволюціи, но они не замѣчаютъ того, что эта идея противорѣчитъ ихъ діалектикѣ и ихъ историческому матеріализму». Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ самымъ пріемомъ аргументаціи, съ которымъ мы очень хорошо ознакомились выше: г. Масарикъ повторяетъ то положеніе, которое ему нужно доказать, весьма наивно считая повтореніе доказательствомъ. Впрочемъ, будемъ справедливы. За повтореніемъ у него плетется нѣчто издали похожее на доказательство. «Не говоря уже о томъ, что Дарвинъ признаетъ совершенно иныя силы развитія, чѣмъ Марксъ, въ дарвинизмѣ дѣло идетъ не просто о фактѣ развитія міра и общества, а главнымъ образомъ о томъ, чѣмъ и какъ они развиваются» (стр. 49).

Дарвинъ признавалъ извѣстныя силы развитія животныхъ и растительныхъ видовъ. Это такъ, но въ чемъ его взглядъ на эти силы отличается отъ взгляда Маркса? Г. Масарикъ ничего не говоритъ на этотъ

*

счетъ, а мы почти ничего не знаемъ, ибо Марксъ совсѣмъ ничего не писалъ объ этомъ, а Энгельсъ въ общемъ соглашался со взглядами Дарвина. Г. Масарикъ хочетъ сказать, можетъ быть, что Дарвинъ даже въ соціологическихъ своихъ отступленіяхъ отъ біологической темы продолжаетъ стоять на точкѣ зрѣнія, не имѣющей ничего общаго съ историческимъ матеріализмомъ? Въ такомъ случаѣ его заявленіе пріобрѣтаетъ смыслъ и не противорѣчитъ истинѣ: Дарвинъ, дѣйствительно, не додумался до историческаго матеріализма. Онъ, дѣйствительно, склоненъ былъ примѣнять свою біологическую теорію къ объясненію соціальныхъ явленій. Но это ошибка его, Дарвина, а не Маркса. Если Дарвинъ смѣшалъ двѣ категоріи явленій, смѣшиванію вовсе не подлежащихъ, то можно ли на этомъ основаніи упрекать въ эклектизмѣ Маркса и Энгельса, стоявшихъ въ біологіи на точкѣ зрѣнія дарвинизма, а въ соціологіи на точкѣ зрѣнія историческаго матеріализма? Такой упрекъ только тогда могъ бы быть оправданъ, когда мы признали бы, что нельзя быть одновременно дарвинистомъ въ біологіи и марксистомъ (сторонникомъ историческаго матеріализма) въ соціологіи. Но вѣдь это еще не доказано; это именно нужно доказать. А нашъ критикъ вовсе не доказываетъ этого. Онъ постоянно попадаетъ въ ту же логическую ошибку. Petitio principii есть главное оружіе его «критики».

«Эклектизмъ» Маркса состоитъ еще и въ томъ, что Марксъ (равно какъ и Энгельсъ) былъ не только матеріалистомъ, но также и позитивистомъ, самъ того не подозрѣвая (стр. 59).

Что же такое позитивизмъ? Г. Масарикъ не опредѣляетъ этого философскаго понятія, такъ что намъ остается лишь строить на этотъ счетъ догадки. Вотъ, напримѣръ, Энгельсъ оказывается у него позитивистомъ, когда говоритъ: «Понимать дѣйствительный міръ,—природу и исторію,—такъ, какъ онъ представляется каждому приступающему къ нему безъ предвзятыхъ идеалистическихъ бредней... безъ всякаго милосердія жертвовать всякими предвзятыми идеалистическими бреднями, несогласующимися съ фактами, понимаемыми въ ихъ дѣйствительной, а не фиктивной связи. Матеріализмъ ничего болѣе этого и не представляетъ». Очевидно, г. профессоръ думаетъ, что матеріалистъ такъ говорить не можетъ. Онъ думаетъ такъ только потому, что незнакомъ съ матеріализмомъ. У французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка можно найти сколько угодно такого «позитивизма» (ср., напримѣръ, конецъ шестой главы во второй части «Système de la nature»). Но какое дѣло до этого г. профессору? Онъ знать не хочетъ матеріализма. И онъ, дѣйствительно, его не знаетъ. Онъ говоритъ: «Фейербахъ мыслилъ настолько критически, что не могъ принять матеріализма цѣликомъ со всѣми его послѣдствіями», (стр. 55). Это г. профессоръ слышалъ отъ Энгельса, но

Энгельсъ знал, что значатъ эти слова, когда писалъ ихъ, а г. Масарикъ незналъ, что они значатъ, когда онъ ихъ списывалъ Вслѣдствіе этого онъ подтверждаетъ ихъ такими соображеніями: «Потому-то мы и встрѣчаемъ у него (у Фейербаха. Н. Б.) такія оригинальныя оговорки, когда онъ на вопросъ, откуда происходитъ духъ, отвѣчаетъ, что онъ происходитъ оттуда, откуда происходитъ и тѣло, что онъ развивается съ тѣломъ и т. д.» (стр. 55). Что же тутъ «оригинальнаго»? Вѣдь такъ говорилъ, напримѣръ, и Ламеттри, который ужъ, конечно, принималъ матеріализмъ «со всѣми его послѣдствіями». И почему это «отговорка»? Развѣ факты показываютъ противное тому, что говорилъ Фейербахъ о взаимномъ отношеніи «духа» и «матеріи»?

Кстати о матеріализмѣ. Г. «объективный критикъ» вѣщаетъ: «Понятно, что тутъ весь вопросъ въ томъ, можетъ ли современная наука и спеціально біологія рѣшиться предложить ученіе, будто духъ есть высшій продуктъ матеріи, какъ выражается Энгельсъ. Я думаю, что мнѣ незачѣмъ говорить о томъ, что уже давно ни одинъ серьезный изслѣдователь не рѣшается утверждать этого. Но Энгельсъ не допускаетъ никакого сомнѣнія въ своей матеріалистической догматикѣ» (стр. 56). Очень хорошо! Но вотъ мы открываемъ французскій переводъ книги Гекели объ Юмѣ и тамъ, на страницѣ 108, находимъ такое мѣсто: «Въ настоящее время никто изъ стоящихъ на высотѣ современной науки и знающихъ факты не усомнится въ томъ, что основы психологіи надо искать въ физіологіи нервной системы. То, что называется дѣятельностью духа, есть совокупность мозговыхъ функцій, и матеріалы нашего сознанія являются продуктомъ дѣятельности мозга» (курсивъ нашъ). Ну, развѣ же это не то самое, что говорилъ въ указанномъ мѣстѣ Фридрихъ Энгельсъ? Вѣдь Энгельсъ называетъ тамъ духомъ какъ разъ то, что Гекели назвалъ элементами нашего сознанія. Или, быть можетъ, знаменитый англійскій натуралистъ не былъ серьезнымъ изслѣдователемъ природы?

Г. Масарикъ ехидно спрашиваетъ Энгельса: «Откуда происходитъ все, и матеріальное, и человѣческая голова?» (стр. 55). Этотъ трогательный, по своей институтской наивности, вопросъ показываетъ снова, что г. профессоръ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о матеріализмѣ. Матеріалисты никогда не утверждали, что ихъ ученіе можетъ отвѣтить на такіе вопросы. Они всегда говорили, что эти вопросы лежатъ за предѣлами знанія. На этотъ счетъ ученый профессоръ могъ найти очень поучительныя страницы въ сочиненіяхъ совершенно неизвѣстнаго ему матеріалиста («со всѣми послѣдствіями») Ламеттри. Но если матеріалисты всегда отказывались отвѣчать, откуда происходитъ «матеріальное и все», то это не мѣшаетъ имъ думать,

что ихъ ученіе гораздо лучше отвѣчаетъ на доступные намъ вопросы, чѣмъ всѣ другія философскія системы. Съ этимъ, разумѣется, можно не соглашаться (мало ли съ чѣмъ можно не соглашаться!), но кто не согласенъ съ этимъ, тому надо опровергать матеріалистовъ, а не надоѣдать имъ съ вопросами, одна постановка которыхъ указываетъ на то, что надоѣдающій лишенъ всякаго истинно-критическаго развитія.

Въ нашей краткой (и кроткой) замѣткѣ мы рѣшительно не въ состояніи исчерпать всѣ перлы философскаго мышленія, разсыпанные въ книгѣ г. Масарика, а философіи посвящена только одна часть его книги. За этой частью слѣдуютъ другія, столь же богатыя перлами. Пусть читатель самъ собираетъ ихъ. Мы съ своей стороны отмѣтимъ, по недостатку мѣста, только одинъ перлъ, относящійся къ матеріалистическому пониманію исторіи.

«Вопросъ остается такимъ: составляютъ ли отношенія производства, животныя потребности, или, какъ бы тамъ ни формулировали эти отношенія, конечныя, движущія силы исторіи? Главныя ли они силы? Настоящія ли они творческія силы?» (стр. 116).

Вы слышите, читатель! Г. Масарикъ считаетъ возможнымъ «формулировать» производственныя отношенія, какъ «животныя потребности». Это ужъ изъ перловъ перлъ! Съ человѣкомъ, способнымъ къ такимъ «формулировкамъ», спорить далѣе и невозможно, и ненужно.

Когда мы читали отдѣлъ, посвященный г. Масарикомъ историческому матеріализму, мы часто вспоминали нашего добраго, стараго г. Карѣева. Г. Масарикъ, знающій по-русски и часто ссылающійся на русскихъ писателей, очевидно, многимъ обязанъ г. Карѣеву. Онъ заимствовалъ у него многія изъ его замѣчательныхъ «формулировокъ». Только онъ исправилъ и дополнилъ ихъ, сдѣлавъ ихъ тяжеловѣсными и педантичными. Кое что заимствовалъ онъ также изъ «формулировокъ» г. Ник. Михайловскаго и другихъ русскихъ «критиковъ» историческаго матеріализма. Но, разумѣется, и ко всѣмъ этимъ заимствованіямъ онъ прибавилъ очень значительный элементъ многословія и педантизма.

Со всѣми этими заимствованіями, многословіемъ и педантизмомъ г. Масарикъ въ своей «критикѣ» историческихъ взглядовъ Маркса оказался очень похожимъ на.... г. Эдуарда Бернштейна. Les deaux esprits se rencontrent.

Послѣ всего сказаннаго читатель понимаетъ, что г. Масарику очень не нравится ученіе Маркса о стоимости и особенно о прибавочной стоимости. Иначе, конечно, и быть не могло.

Въ заключеніе мы еще разъ скажемъ всѣмъ, интересующимся «критикой» марксизма: прочтите, непремѣнно прочтите скверно переведенную

на русскій языкъ книгу г. Масарика. Она обнаружитъ передъ вами психологическую подкладку этой модной теперь будто бы критики. Въ этомъ смыслѣ г. Масарикъ-писатель на рѣдкость, и мы, марксисты, должны радоваться появленію такого «критика».

О книгѣ С. Франка.

С. Франкъ, Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. С.-Петербургъ 1900.

Г. С. Франкъ такъ опредѣляетъ цѣль своего «этюда»: «Мы старались въ немъ показать, въ какомъ отношеніи теорія цѣнности Маркса должна быть признана неправильной и при какомъ значеніи она сохраняетъ научную цѣнность. Мы старались далѣе показать, что это послѣднее, единственно истинное значеніе трудовой теоріи цѣнности можетъ быть обнаружено только путемъ органическаго ея соединенія съ другой теоріей цѣнности, такъ называемой теоріей субъективной цѣнности или предѣльной полезности, и что такое соединеніе двухъ повидимому противорѣчащихъ другъ другу теорій служитъ на пользу ихъ обѣихъ и открываетъ нѣкоторыя новыя плодотворныя точки зрѣнія въ теоріи цѣнности и распредѣленія». (Предисловіе, стр. V).

Другими словами: г. Франкъ задался цѣлью показать, что Марксъ еще бы болѣе навострился, когда бы у Бемъ-Баверка немного поучился! Это, безъ сомнѣнія, очень интересная тема. Весь вопросъ въ томъ, достигъ ли нашъ авторъ своей цѣли. На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить рѣшительнымъ отрицаніемъ: нѣтъ, цѣль г. Франка осталась недостигнутой.

Чтобы критиковать Маркса, — какъ и всякаго другого писателя, — необходимо дать себѣ трудъ понять его. Весьма трудолюбивый г. Франкъ не далъ себѣ этого необходимаго труда. Неудивительно поэтому, что изъ его попытки не вышло ничего, кромѣ огромной путаницы понятій.

Основное положеніе предпринятой г. Франкомъ критики Марксовой теоріи цѣнности состоитъ въ томъ, что третій томъ «Капитала» противорѣчитъ первому, такъ какъ въ третьемъ томѣ Марксъ не разрѣшилъ того затрудненія, которое онъ обѣщалъ разрѣшить, и въ сущности отказался отъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности (стр. 263 и 271). Это положеніе тѣсно переплетается со всѣми разсужденіями г. Франка объ экономической системѣ Маркса, и надо признать, что оно придало бы имъ значительный вѣсъ, если бы оно было справедливо. Но, къ сожалѣнію, оно совершенно ошибочно.

Доводы, приводимые г. Франкомъ въ защиту этого положенія, сводятся къ слѣдующему:

«Задача трудовой теоріи мѣновой цѣнности заключается въ опредѣленіи того общаго свойства всѣхъ товаровъ, которое имѣется въ одинаковомъ количествѣ въ обмѣнивающихся другъ на друга единицахъ ихъ; поэтому тотъ фактъ, что при обмѣнѣ по «среднимъ» или «нормальнымъ» цѣнамъ обмѣниваются другъ на друга товары, заключающіе въ себѣ разное количество рабочаго времени, служитъ самъ по себѣ опроверженіемъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности, и никакое объясненіе этого явленія не можетъ измѣнить его». Вотъ почему большинство приверженцевъ названной теоріи ожидало, что въ третьемъ томѣ своего главнаго труда Марксъ докажетъ, что въ дѣйствительности среднія цѣны совсѣмъ не отклоняются отъ трудовой цѣнности товаровъ. «Ожидали, — говоритъ г. Франкъ, — что онъ покажетъ мнимость этого отклоненія, столь очевиднаго съ перваго взгляда, и, такимъ образомъ, нѣкоторымъ таинственнымъ кунстштюкомъ разрѣшитъ знаменитую «сфинксову» загадку». Но третій томъ «Капитала» обманулъ эти ожиданія. «Какъ бы кто ни смотрѣлъ на то разрѣшеніе задачи, которое предложилъ Марксъ, — продолжаетъ г. Франкъ, — одно несомнѣнно: оно... прямо признавало, что обмѣнъ товаровъ «по среднимъ цѣнамъ» не совпадаетъ съ обмѣномъ пропорціонально сравнительной затратѣ труда на производство товаровъ. Такой отвѣтъ былъ, разумѣется, необходимъ; нельзя было думать, что Марксъ будетъ отвергать это несовпаденіе, составляющее одно изъ наименѣе оспариваемыхъ положеній экономической науки. Съ другой стороны, однако, отвѣтъ этотъ... уничтожалъ всякое значеніе трудовой теоріи мѣновой цѣнности, и Зомбартъ правъ, говоря, что рѣшеніе Маркса встрѣтило одно «всеобщее покачиваніе головой, — «ein allgemeines Kopfschütteln», — у многихъ, можетъ быть, непроизвольное» (стр. 63—64).

Итакъ, «ожидали», что Марксъ покажетъ «мнимость» отклоненія среднихъ цѣнъ отъ трудовой цѣнности. Это, пожалуй, и вѣрно. Г. Франкъ справедливо говоритъ, что именно на этомъ ожиданіи основывались работы Конрада Шмидта и Штиблинга на Западѣ и профессора А. И. Скворцова — у насъ (стр. 62). Но это обстоятельство еще ни мало не доказываетъ того, что указанное «ожиданіе» соотвѣтствовало мысли Маркса. Въ дѣйствительности онъ рѣшительно и явно противорѣчило ей.

Вотъ, напримѣръ, потрудитесь прочитать эти строки:

«Если бы безпристрастное мышленіе было въ интересахъ капиталиста, онъ долженъ былъ бы поставить себѣ задачу происхожденія капитала слѣдующимъ образомъ: какимъ образомъ можетъ образоваться капиталъ въ томъ случаѣ, когда цѣны регулируются среднею цѣною, т. е. въ послѣдней инстанціи стоимостью (цѣнностью) товара? Я говорю «въ послѣдней инстанціи», потому что среднія цѣны не совпадаютъ прямо съ

величинами стоимости (цѣнности) товаровъ, какъ «это думаютъ А. Смитъ, Рикардо и другіе» [1]).

Простой и ясный смыслъ этихъ словъ врядъ ли нуждается въ комментаріяхъ: Марксъ отрицаетъ прямое (въ нѣмецкомъ подлинникѣ: direkt) совпаденіе среднихъ цѣнъ товаровъ съ ихъ цѣнностями. Люди, думавшіе, что Марксъ признаетъ его и даже собирается «доказать» его въ третьемъ томѣ, просто-на-просто плохо поняли Маркса. Г. Франку слѣдовало показать неосновательность ихъ ожиданій. Онъ поступилъ не такъ. Изъ того, что третій томъ «Капитала» не оправдалъ ожиданій нѣкоторыхъ читателей его перваго тома, онъ заключилъ, что третій томъ противорѣчитъ первому и что въ третьемъ томѣ Марксъ «отказался» отъ своей собственной теоріи цѣнности. Странная логика у г. Франка!

Правда, въ цитированныхъ нами строкахъ говорится, что въ послѣдней инстанціи цѣны все-таки регулируются трудовою цѣнностію товаровъ. До выхода третьяго тома могло оставаться не совсѣмъ яснымъ, что именно разумѣетъ Марксъ подъ этимъ регулированіемъ въ послѣдней инстанціи. На этотъ счетъ можно было строить тѣ или другія догадки. Но что это регулированіе совсѣмъ не означало того прямого совпаденія, о которомъ говоритъ г. Франкъ и о которомъ дѣйствительно думали нѣкоторые читатели «Капитала» (гг. К. Шмидтъ и А. И. Скворцовъ въ томъ числѣ), это совершенно очевидно и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

Впрочемъ, каши масломъ не портятъ. Въ наше «критическое» время не мѣшаетъ доказывать даже совершенно очевидныя истины. Приведемъ и мы нѣкоторые лишніе доводы въ пользу защищаемой нами мысли.

Во второмъ томѣ «Капитала» Марксъ, разбирая указанные Рикардо признаки различія между основнымъ капиталомъ, съ одной стороны, и оборотнымъ, съ другой, между прочимъ замѣчаетъ:

«При распредѣленіи общественной прибавочной стоимости (цѣнности) между капиталами, помѣщенными въ различныхъ предпріятіяхъ, различіе сроковъ, на которые затрачивается капиталъ (слѣдовательно, продолжительность существованія основного капитала, напримѣръ) и различный органическій составъ капитала (слѣдовательно, также различное обращеніе постояннаго и перемѣннаго капитала) оказываютъ соразмѣрное (имѣютъ

---

[1]) „Капиталъ“, С.-Петербургъ 1872, стр. 109 примѣчаніе. Въ цитируемомъ нами изданіи слово „Werth“ переведено словомъ стоимость. Теперь для обозначенія того понятія у насъ употребляютъ слово: цѣнность. Мы считаемъ старый терминъ болѣе удачнымъ, но во избѣжаніе терминологической путаницы мы тоже отказываемся отъ него.

одинаковое) вліяніе при приведеніи прибыли къ общей нормѣ и при превращеніи стоимости (цѣнности) въ цѣну производства» [1]).

Изъ этихъ словъ съ полной ясностью слѣдовало:

1. Что цѣнность товаровъ превращается въ цѣну производства;

2. что цѣна производства даннаго товара не равна или, по крайней мѣрѣ, не всегда равна его цѣнности; если бы была равна, то время обращенія и органическій составъ капитала не имѣли бы вліянія;

3. что общественная прибавочная цѣнность распредѣляется между отдѣльными предпріятіями сообразно закону (пока еще намъ неизвѣстному) превращенія цѣнности въ цѣну производства.

Эти три вывода съ одной стороны поясняютъ смыслъ замѣчанія, заимствованнаго нами изъ перваго тома, а съ другой—представляютъ резюмэ (правда, очень краткое и не совсѣмъ полное) того самаго рѣшенія «сфинксовой загадки», которое заключается въ третьемъ томѣ и которое, по мнѣнію г. Франка, рѣшительно противорѣчитъ теоріи цѣнности, изложенной въ первомъ.

Но это не все. Въ томъ же второмъ томѣ «Капитала» Марксъ говоритъ, что при всеобщемъ повышеніи заработной платы «цѣна товаровъ возвышается въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ главное значеніе имѣетъ перемѣнный капиталъ, и падаетъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ главную роль играетъ капиталъ постоянный» [2]).

Марксъ не могъ бы держаться такого взгляда, если бы полагалъ, что «средняя цѣна» товара равняется его цѣнности. Съ этимъ согласится всякій, кто знакомъ хотя бы только съ азбукой занимающей насъ теоріи. А при внимательномъ отношеніи къ вопросу всякій понимающій дѣло человѣкъ согласится также съ тѣмъ, что и этотъ взглядъ Маркса былъ довольно яснымъ указаніемъ на счетъ того, въ какомъ смыслѣ рѣшалъ Марксъ свою «загадку»: зная этотъ взглядъ мы имѣли бы полное право удивиться, если бы третій томъ далъ намъ не то ея рѣшеніе, какое мы находимъ въ немъ теперь. Тогда мы дѣйствительно могли бы заговорить о «противорѣчіи» между различными томами «Капитала». А теперь у насъ нѣтъ даже и тѣни подобнаго права.

То правда, что многіе «приверженцы теоріи цѣнности Маркса» не замѣчали указываемыхъ нами мѣстъ второго тома и продолжали понимать эту теорію совершенно такъ, какъ до нынѣ понимаетъ ее г. Франкъ,

[1]) Стр. 152 русскій переводъ и 186 второго изданія нѣмецкаго подлинника.

[2]) Стр. 315 второго изданія нѣмецкаго подлинника и 253 русскаго перевода (изд. 1885 г.).

т. е. въ смыслѣ совпаденія «среднихъ цѣнъ» товаровъ съ ихъ цѣнностями. И этого, разумѣется, похвалить нельзя. Но Марксъ тутъ совсѣмъ не при чемъ, и его «отказъ» отъ своей собственной теоріи все-таки остается выдумкой г. Франка.

Впрочемъ, г. Франкъ только повторяетъ чужую выдумку. По всему видно, что его ввелъ въ заблужденіе Бёмъ-Баверкъ, который, въ своей извѣстной работѣ: «Zum Abschluss vom Marxschen System», выдвигаетъ мнимое противорѣчіе третьяго тома съ первымъ какъ неподлежащую сомнѣнію истину и какъ одно изъ самымъ яркихъ доказательствъ несостоятельности экономической системы Маркса. Г. Франкъ считаетъ эту работу австрійскаго профессора серьезной, продуманной и основательной. По его мнѣнію, причины того пренебрежительнаго отношенія, которое она встрѣтила въ русской литературѣ, могутъ лежать въ чемъ угодно, но никакъ не въ качествахъ самой работы» (стр. 18, примѣчаніе). «Систематической и обстоятельной критикѣ—прибавляетъ онъ—эта работа до сихъ поръ подвергнута не была, несмотря на то, что по поводу нея написано было довольно много» (стр. 19, продолженіе того же примѣчанія). Мы не знаемъ, почему никто изъ русскихъ писателей до сихъ поръ не захотѣлъ «систематически и обстоятельно» разобрать это произведеніе Бёмъ-Баверка. Но мы съ увѣренностью говоримъ, что причины этого заключались, конечно, не въ силѣ занятой Бёмъ-Баверкомъ теоретической позиціи. Что позиція эта какъ нельзя болѣе слаба, видно уже изъ одного того, что ключемъ ея служитъ все то же несуществующее «противорѣчіе» между третьимъ и первымъ томами «Капитала». Мы искренно сожалѣемъ о томъ, что «критически»—мыслящій г. Франкъ не сумѣлъ критически отнестись къ Бёмъ-Баверку и не замѣтилъ безпредѣльной безполезности того критическаго похода противъ Маркса, который былъ предпринятъ этимъ теоретикомъ предѣльной полезности. Критическое отношеніе къ Бёмъ-Баверку предохранило бы нашего критика отъ многихъ важныхъ заблужденій. Конечно, при такомъ отношеніи къ Бёмъ-Баверку, книга г. Франка, можетъ быть, совсѣмъ не была бы написана или не приняла бы тѣхъ, довольно почтенныхъ размѣровъ, какіе она имѣетъ въ настоящее время (VI и 370 стр.). Но въ этомъ не было бы большой бѣды. Еще Козьма Прутковъ далъ прекрасный совѣтъ: лучше скажи мало, но хорошо.

Приписавъ Марксу (т. е. Марксу первой манеры, какъ говорятъ живописцы) ту мысль, что среднія цѣны товаровъ равняются ихъ цѣнностямъ, г. Франкъ разсуждаетъ совершенно логично, приписывая ему «схему распредѣленія», сводящуюся къ тому, что «процесъ распредѣленія всей суммы произведенныхъ въ обществѣ цѣнностей совершается въ каждой отрасли производства отдѣльно и независимо отъ другихъ отраслей производства, и что поэтому капиталисты каждой произво-

дительной группы получаютъ «прибавочную цѣнность», созданную рабочими той же самой производительной группы. Все общество оказывается раздѣленнымъ на цѣлый рядъ общественныхъ группъ, внутри которыхъ совершается процессъ распредѣленія общественнаго дохода, но которыя между собой только обмѣниваютъ одинъ видъ продуктовъ на другой, а не распредѣляютъ общественнаго дохода» (стр. 268—269).

По поводу этой «схемы Маркса» г. Франкъ глубокомысленно замѣчаетъ, что она «неправильно или, по крайней мѣрѣ, односторонне изображаетъ дѣйствительный процессъ распредѣленія въ капиталистическомъ обществѣ» (стр. 269) и что въ третьемъ томѣ «Капитала» Марксъ отказался также и отъ этой схемы (стр. 271). «Картина распредѣленія получаетъ въ третьемъ томѣ слѣдующій видъ». «Прибавочную цѣнность», при обмѣнѣ труда на продуктъ извлекаетъ не каждый отдѣльный капиталистъ, а весь классъ капиталистовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вторичный обмѣнъ между отдѣльными членами этого класса означаетъ не только перемѣну потребительной формы прибавочной цѣнности между капиталистами, такъ что каждый изъ нихъ въ отдѣльности извлекаетъ свой доходъ не только изъ перваго обмѣна, но и изъ второго. Точнѣе изъ перваго обмѣна извлекаетъ прибавочную цѣнность весь классъ капиталистовъ, а каждый членъ его въ отдѣльности присваиваетъ себѣ долю этой цѣнности во второмъ обмѣнѣ: такъ какъ этотъ послѣдній обмѣнъ не есть обмѣнъ равной цѣнности на равную, то онъ и означаетъ распредѣленіе прибавочной цѣнности между капиталистами» (стр. 272).

Г. Франкъ считаетъ эту «вторую схему» Маркса болѣе правильной, чѣмъ «первая», но и она не ясно формулируетъ, по его мнѣнію, тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ посылокъ, лежащихъ въ ея основаніи». Въ числѣ этихъ посылокъ г. Франкъ прежде всего указываетъ на «признаніе (курсивъ г. Франка) общественнаго труда мѣриломъ субъективной цѣнности» (стр. 272—273).

Какъ замѣтилъ, конечно, читатель покупка—продажа рабочей силы называется у нашего критика обмѣномъ труда на продуктъ. Съ его точки зрѣнія это измѣненіе терминовъ не лишено цѣлесообразности. Но что оно совершенно неосновательно по существу и неспособно произвести ничего, кромѣ путаницы понятій, это понятно само собою. Поэтому мы, ограничиваясь простымъ указаніемъ на нее, переходимъ къ «признанію труда мѣриломъ общественной субъективной цѣнности».

Что такое общественная субъективная цѣнность?

«Если мы имѣемъ передъ собою соціальную группу въ роли единаго субъекта хозяйственной дѣятельности,—говоритъ г. Франкъ,—то это предполагаетъ также единство воли и потребностей, а, слѣдовательно, и единство оцѣнки благъ во всѣхъ ея членахъ. Въ этомъ смыслѣ общество можно

назвать субъектомъ оцѣнки, а соотвѣтствующую цѣнность—субъективной общественной цѣнностью» (стр. 248).

Итакъ, общественная субъективная цѣнность блага, это та его цѣнность, которую оно имѣетъ въ глазахъ общества. Замѣтимъ, кстати, что по мнѣнію г. Франка, — условіемъ возникновенія чувства этой цѣнности является польза извѣстнаго блага для самосохраненія всего общественнаго хозяйства, всей группы, вмѣстѣ взятой (стр. 246).

Какимъ же образомъ общественный трудъ можетъ стать мѣриломъ общественной субъективной цѣнности?

Г. Франкъ различаетъ два вида хозяйствъ: 1) изолированное хозяйство и 2) хозяйство мѣновое. Изолированнымъ у него называется такое хозяйство, «при которомъ потребности его субъекта удовлетворяются путемъ собственной дѣятельности этого субъекта» (стр. 244). При этомъ все равно, — кто является субъектомъ хозяйства: индивидуумъ, семья, группа семей или большое общество. Что касается мѣнового хозяйства, то его характеръ достаточно опредѣляется въ разсматриваемомъ отношеніи его названіемъ. Г. Франкъ беретъ сначала изолированное хозяйство и старается показать, что въ немъ «трудовая цѣнность есть ничто иное, какъ субъективная цѣнность дохода» (стр. 244). Затѣмъ онъ разсматриваетъ значеніе этой теоремы въ примѣненіи къ мѣновому хозяйству. При разборѣ его доводовъ намъ естественно держаться того же порядка.

Г. Франкъ разсуждаетъ такъ. «Цѣнность всякаго блага опредѣляется интенсивностью той потребности, удовлетвореніе которой находится въ зависимости отъ обладанія даннымъ благомъ. Если при помощи извѣстнаго средства производства можно создать въ извѣстномъ количествѣ всѣ блага, то обладаніе каждымъ изъ нихъ отнюдь не составляетъ условія удовлетворенія соотвѣтственной ему потребности: при отсутствіи блага, оно можетъ быть вновь создано. При этомъ придется пожертвовать лишь опредѣленнымъ количествомъ этого средства производства, т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе полезнымъ продуктомъ его. Такимъ образомъ, эта жертва одинакова при созданіи всѣхъ родственныхъ по производству благъ: она равна цѣнности наименѣе полезнаго продукта даннаго средства производства. Если мы поставимъ теперь вмѣсто понятія «средства производства» понятіе труда, который и служитъ такимъ общимъ средствомъ производства для всѣхъ воспроизводимыхъ благъ, то мы придемъ къ выводу, что субъективная цѣнность этихъ благъ опредѣляется цѣнностью наименѣе полезнаго продукта труда. Такъ какъ обладаніе каждымъ изъ этихъ благъ зависитъ для человѣка отъ затраты опредѣленнаго количества труда, то при потерѣ каждаго изъ нихъ онъ можетъ обезпечить себѣ удовлетвореніе соотвѣтственной потребности, затрачивая на производство даннаго блага требуемое количество труда, т. е. теряя

при этомъ наименѣе полезный продуктъ труда. Пожертвованіе опредѣленнымъ количествомъ труда, необходимое для созданія блага, равносильно поэтому для человѣка пожертвованію предѣльной полезностью наименѣе полезнаго продукта этого труда... Трудъ, какъ общее условіе созданія благъ, становится общимъ мѣриломъ ихъ субъективной цѣнности. Субъективная цѣнность продуктовъ труда совпадаетъ такимъ образомъ съ ихъ трудовой цѣнностью, т. е. является результатомъ оцѣнки благъ пропорціонально затраченному на ихъ производство труду» (стр. 233—234).

Субъективная цѣнность сдѣланной нами выписки опредѣляется для насъ тѣмъ, что это длинное благо ясно показываетъ, въ какія логическія противорѣчія попадаетъ г. Франкъ подъ вліяніемъ своей интенсивной потребности поправить Маркса посредствомъ Бёмъ-Баверка. Въ самомъ дѣлѣ, мѣриломъ субъективной цѣнности продуктовъ оказывается у него трудъ, а субъективная цѣнность этого «средства производства» опредѣляется субъективной цѣнностью его наименѣе полезнаго продукта. Это называется посылать отъ Понтія къ Пилату или—выражаясь менѣе литературнымъ языкомъ,—топтаться на одномъ мѣстѣ. Если, не довольствуясь столь «критическимъ» топтаніемъ, мы спросимъ себя, существуетъ ли какая нибудь іерархія человѣческихъ потребностей, то г. Франкъ, не колеблясь, отвѣтитъ намъ, что существуетъ. «Субъективная цѣнность хлѣба»—пишетъ онъ курсивомъ,—выше цѣнности предметовъ украшенія» (стр. 302). Наряду съ «предметами украшенія» здѣсь, очевидно, можно поставить всѣ вообще предметы роскоши: ихъ субъективная цѣнность ниже цѣнности предметовъ необходимости. Вотъ это ясно, и это поможетъ намъ выйти изъ логическаго тупика, въ который мы попали благодаря нашему «критику».

Вообразимъ, что субъектъ изолированнаго хозяйства, — скажемъ, хоть Робинзонъ на своемъ островѣ,—затрачиваетъ опредѣленное число часовъ на производство предметовъ необходимости («хлѣбъ» г. Франка) и столь же точно опредѣленное число—на приготовленіе предметовъ роскоши («предметовъ украшенія»). Если для производства даннаго предмета роскоши Робинзону нужно употребить столько же времени, сколько требуется его для изготовленія даннаго предмета необходимости, то трудовая цѣнность этихъ предметовъ будетъ одинакова, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ есть «хлѣбъ», а другой—«украшеніе», и что «субъективная цѣнность хлѣба выше цѣнности предметовъ украшенія». Это значитъ, что трудовая цѣнность продуктовъ не совпадаетъ съ ихъ субъективной цѣнностью, а потому и не можетъ служить ея мѣриломъ. А въ виду этого и все разсужденіе г. Франка оказывается построеннымъ «на пескѣ» и потому обладающимъ совершенно ничтожной предѣльной полезностью.

Если г. Франкъ откажется отъ своей—высказанной курсивомъ—мысли о томъ, что «субъективная цѣнность хлѣба выше цѣнности предметовъ украшенія, и, подобно нѣкоторымъ другимъ питомцамъ австрійской школы, напримѣръ, Смарту въ его «Introductory to the theory of value», начнетъ увѣрять насъ въ томъ, что субъективная цѣнность украшенія можетъ быть гораздо выше таковой же цѣнности хлѣба, то мы замѣтимъ нашему автору, во-первыхъ, что такой «отказъ» дѣлаетъ цѣлый «переворотъ» въ его «системѣ», а во-вторыхъ, что его положеніе ни мало не улучшится даже благодаря «отказу»: пока изготовленіе двухъ данныхъ предметовъ будетъ стоить субъекту изолированнаго хозяйства одинаковой затраты труда, до тѣхъ поръ они не перестанутъ имѣть для него одинаковую трудовую цѣнность, какъ бы ни различались между собой, по своей интенсивности, тѣ потребности, которыя удовлетворяются ими [1]).

Само собою разумѣется, что если данный предметъ не удовлетворяетъ никакой потребности, то трудъ, затраченный на его производство, окажется безцѣльнымъ и потому не создающимъ никакой цѣнности. Но вѣдь это очень хорошо было извѣстно Марксу, и для того, чтобы обосновать это положеніе, нѣтъ ни малѣйшей надобности апеллировать къ Бемъ-Баверку.

А какъ обстоитъ дѣло съ общественной субъективной цѣнностью въ мѣновомъ хозяйствѣ? На этотъ счетъ господинъ Франкъ говоритъ намъ вотъ что:

«Въ обществѣ, гдѣ реальное единство субъекта хозяйства отсутствуетъ, или гдѣ дѣятельность этого субъекта играетъ по крайней мѣрѣ незначительную роль въ совокупности общественно-хозяйственныхъ процессовъ, категорія общественной цѣнности имѣетъ мѣсто постольку, поскольку въ обществѣ распространено представленіе объ общественномъ хозяйствѣ, какъ единомъ цѣломъ. Условіемъ возникновенія представленія объ общественной цѣнности является, такимъ образомъ, извѣстное культурно-правовое или этическое міросозерцаніе, основанное на признаніи всѣхъ (?) людей членами общества и сознаніи интересовъ общества, какъ такового... Гдѣ такое міросозерцаніе отсутствуетъ, тамъ не можетъ имѣть мѣста и представленіе объ общественной цѣнности продукта» (стр. 255).

Довольно! Кто внимательно прочиталъ эти строки, тотъ и самъ видитъ, что ни одна изъ «схемъ распредѣленія» Маркса не была и не могла быть основана на признаніи общественнаго труда мѣриломъ общественной субъективной цѣнности. Такое «признаніе» есть не болѣе какъ очень неудачное «сочиненіе» г. Франка.

[1]) Именно этотъ случай показываетъ, что терминъ „стоимость“ удачнѣе термина „цѣнность“: цѣнность предмета опредѣляется здѣсь именно тѣми усиліями, которыхъ стоитъ его изготовленіе.

Цѣль, которую поставилъ себѣ г. Франкъ, осталась недостигнутой. Его «критическій этюдъ» представляетъ собою почти сплошную путаницу понятій. И тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ для насъ нѣкоторую «субъективную цѣнность»: онъ показываетъ намъ, что кому нибудь изъ послѣдователей Маркса слѣдовало бы сдѣлать новое изложеніе теоріи трудовой цѣнности,—такое изложеніе, которое сообразовалось бы съ вопіющей путаницей, внесенной въ этотъ предметъ «критиками» въ родѣ г. П. Струве, Туганъ-Барановскаго, Франка и проч., и устраняло бы эту путаницу.

Г. Франкъ съ большой похвалой отзывается (стр. 140—141, примѣчаніе) о статьяхъ г. П. Струве, посвященныхъ критикѣ Марксовой теоріи цѣнности и появившихся въ «Жизни». Съ своей стороны г. П. Струве расхвалилъ «этюдъ» г. Франка въ чрезвычайно поверхностной рецензіи, напечатанной въ августовской книжкѣ «Міра Божьяго».

За что же не боясь грѣха
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

О книгѣ Кроче.

Бенедетто Кроче. Экономическій матеріализмъ и марксистская экономія. Критическіе очерки. Переводъ П. Шутякова. Изданіе Б. Н. Звонарева. С.-Петербургъ. 1902.

Г. Бенедетто Кроче считаетъ себя марксистомъ. Но марксисты бываютъ всякіе. Есть, по словамъ г. Кроче, марксисты, «покорно и безропотно» принимающіе взгляды Маркса, «съ тѣмъ отсутствіемъ свободы и оригинальности, которое замѣчается во всей ихъ литературѣ» (стр. 243). Такихъ марксистовъ г. Кроче называетъ вульгарными (стр. 244). Но есть марксисты другого закала. Эти критикуютъ своего учителя и отличаются «умственной оригинальностью». Къ нимъ «принадлежитъ г. Б. Кроче, который думаетъ, что его «критическіе» очерки представляютъ въ своей совокупности довольно законченное изслѣдованіе почти всѣхъ основныхъ проблемъ марксизма» (стр. 3). Къ этому онъ прибавляетъ, правда, скромную оговорку: «если не ошибаюсь», но его развязный тонъ ясно показываетъ, что,—по его убѣжденію,—ошибки тутъ никакой нѣтъ и что основныя положенія марксизма въ самомъ дѣлѣ серьезно и всесторонне (и ужъ, разумѣется, «критически») изслѣдованы въ его очеркахъ. Претензія, какъ видите, не маленькая. Насколько она основательна? Это мы сейчасъ увидимъ.

Г. Б. Кроче «изслѣдуетъ» Марксовъ законъ паденія нормы прибыли. «Вульгарные» марксисты «безропотно» принимаютъ его въ томъ видѣ, какъ его формулировалъ и основалъ ихъ учитель. Г. Б. Кроче, со свойственной ему свободой и умственной оригинальностью, не могъ оставить этого закона не «изслѣдованнымъ». Онъ употребилъ въ дѣло «логическіе доводы», «ариѳметическіе расчеты» и даже «свѣтлую интуицію здраваго смысла» (стр. 256; въ русскомъ переводѣ стоитъ: «индукцію здраваго смысла», но это—опечатка, описка или ошибка); въ результатѣ у него получилось прочное убѣжденіе въ томъ, что Марксъ ошибся въ этомъ случаѣ очень сильно,—такъ сильно, что даже его методъ «разбился у него въ рукахъ» (стр. 259). Въ другомъ мѣстѣ того же очерка результатъ критическаго изслѣдованія г. Кроче выходитъ еще болѣе печальнымъ для автора «Капитала»: тамъ оказывается, что Марксъ «придумалъ» свой законъ паденія нормы прибыли «изъ ненависти къ той политической экономіи, которую онъ презрительно называлъ вульгарной» (стр. 256). Дѣло выходитъ совсѣмъ дрянь, а мы, вульгарные марксисты, ровно ничего и не подозрѣвали. Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Выслушаемъ внимательно нашего критически мыслящаго марксиста: можетъ быть, мы найдемъ, что онъ просто путаетъ, слѣдуя всѣмъ извѣстному обычаю другихъ критиковъ Маркса.

«Интуиція здраваго смысла» гласитъ такъ: передъ нами согласно строгой схематической гипотезѣ Маркса—съ одной стороны капиталистическій классъ, а съ другой—классъ пролетаріевъ. Къ чему приводитъ техническій прогрессъ? Онъ увеличиваетъ богатство въ рукахъ капиталистическаго класса. Не представляется ли само собою разумѣющимся, что въ результатѣ техническаго прогресса капиталисты, затрачивая блага, цѣнность которыхъ все болѣе падаетъ (курсивъ въ текстѣ), будутъ получать тѣ же услуги (курсивъ въ текстѣ) отъ пролетаріевъ, какъ и раньше, и что, вслѣдствіе этого, соотношеніе между цѣнностью услугъ и цѣнностью капитала измѣнится въ пользу первой цѣнности, т. е. что норма прибыли возрастетъ. Съ затратой благъ (капитала), которыя первоначально воспроизводились за 5 часовъ труда, а теперь воспроизводятся въ теченіе 4 часовъ, рабочій трудится по-прежнему 10 часовъ. Прежде отношеніе было 5 къ 10, теперь же 4 къ 10. Губка стоитъ меньше, но она впитываетъ то же самое количество воды» (стр. 257).

Вообразимъ, что мы имѣемъ дѣло съ фабрикантомъ, въ предпріятіи котораго ежегодно обращается въ пряжу извѣстное количество хлопчатой бумаги. Предположимъ далѣе, что въ техникѣ пряденія совершается переворотъ, благодаря которому удваивается производительность труда прядильщика. Какъ повліяетъ такой переворотъ на величину постояннаго капитала, т. е. той губки, которая, по выраженію г. Кроче, впитываетъ въ себя живой трудъ рабочаго? Если производительность труда

прядильщика удвоилась, то ясно, что въ данное время онъ будетъ обращать въ пряжу вдвое большее количество хлопчатой бумаги. Это вдвое большее количество бумаги долженъ доставить рабочему фабрикантъ, вслѣдствіе чего затраты этого послѣдняго на сырой матеріалъ при прочихъ равныхъ условіяхъ тоже удвоятся (мы уже не считаемъ разныхъ добавочныхъ расходовъ). Отсюда видно, что г. Кроче очень плохо понималъ значеніе техническаго прогресса, когда спрашивалъ себя: «И какъ только могъ Марксъ вообразить, что съ техническимъ прогрессомъ всегда возрастаетъ затрата капиталиста?» (та же страница). На дѣлѣ выходитъ, что Марксъ не только могъ, но долженъ былъ вообразить это.

Но это не все. Техническій прогрессъ, удвоившій производительность труда прядильщика, состоялъ въ улучшеніи машины. Улучшенныя машины стоятъ обыкновенно дороже—вотъ вамъ новый факторъ увеличенія затратъ капиталиста и новое доказательство того, что г. Кроче былъ очень наивенъ, когда спрашивалъ себя: «Какъ только могъ Марксъ» и проч.

Но г. Кроче возражаетъ: «Капиталъ вычисляется не по своему физическому объему, а по своей экономической цѣнности. И экономически этотъ капиталъ (предполагая, что всѣ другія условія неизмѣнны) долженъ имѣть меньшую цѣнность, иначе не было бы техническаго прогресса» (стр. 258).

Тутъ опять нашъ критикъ обнаруживаетъ очень большую,—почти трогательную,—наивность. Техническій прогрессъ «долженъ» уменьшить цѣнность постояннаго капитала, иначе не было бы техническаго прогресса,—это все, что можетъ сказать г. Кроче для опроверженія закона Маркса. Но этого—увы!—слишкомъ мало. Техническій прогрессъ состоитъ въ томъ, что увеличивается производительность труда, т. е. что въ каждой данной единицѣ продукта воплощается меньшее, чѣмъ прежде, количество труда. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что производство продуктовъ совершается съ помощью болѣе дешевыхъ машинъ. Какъ разъ наоборотъ! Техническій прогрессъ означаетъ обыкновенно примѣненіе болѣе сложныхъ и потому болѣе дорогихъ машинъ. И это не только въ области производства, но также и въ области обращенія продуктовъ. Океаническій пароходъ-гигантъ стоитъ гораздо дороже паруснаго судна, хотя развитіе океаническаго пароходства чрезвычайно понизило издержки перевозки. Правда, нельзя отрицать здѣсь и существованія противодѣйствующихъ причинъ. Марксъ подробно перечислилъ ихъ въ своемъ «Капиталѣ» (т. III, ч. I, стр. 213 и слѣд. нѣмецкаго изданія). Къ числу ихъ онъ относитъ, между прочимъ, удешевленіе сырья, машинъ и другихъ составныхъ частей постояннаго капитала. «Такъ, напримѣръ,—говоритъ онъ,—масса хлопчатой бумаги, которую можетъ переработать евро-

пейскій прядильщикъ на современной фабрикѣ, возрасла въ колоссальномъ отношеніи къ тому, что въ прежнее время могъ переработать европейскій ткачъ съ помощью прялки. Но стоимость перерабатываемой хлопчатой бумаги возрасла не въ томъ отношеніи, въ какомъ увеличилась ея масса. То же—съ машинами и съ другимъ постояннымъ капиталомъ» (ibid., стр. 217). «Въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣло доходитъ,—по словамъ Маркса,—до того, что масса элементовъ постояннаго капитала можетъ расти, между тѣмъ какъ цѣнность ея остается неизмѣнной или даже падаетъ» (тамъ же, та же страница). Но такъ бываетъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ, а въ общемъ цѣнность постояннаго капитала увеличивается, хотя и не такъ быстро, какъ масса его составныхъ элементовъ. Что это въ самомъ дѣлѣ такъ, знаетъ каждый смышленый школьникъ. Вотъ интересныя новыя данныя. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки въ десятилѣтіе 1889/1890—1899/1900 число промышленныхъ предпріятій (не считая горнозаводскихъ) съ годовымъ производствомъ не ниже 500 долларовъ возросло на 44%; число занятыхъ въ нихъ рабочихъ увеличилось на 25%; общая сумма заработной платы этихъ рабочихъ поднялась на 23%; капиталъ, вложенный въ предпріятія (очевидно, что тутъ указывается такъ называемый основной капиталъ), выросъ на 51% и, наконецъ, смѣшанныя издержки стали больше на 63% (см. ст. Франца: «Aus der Vereinigten Staaten» въ «Neue Zeit» отъ 17 мая 1902 года). Эти цифры показываютъ, что постоянный капиталъ растетъ въ Соединенныхъ Штатахъ гораздо быстрѣе, чѣмъ перемѣнный. То, что здѣсь наблюдается во времени, можно наблюдать у насъ въ Россіи въ пространствѣ. Южнорусская металлургическая промышленность оборудована гораздо лучше, чѣмъ уральская, и именно потому на каждаго рабочаго, занятаго въ металлургическомъ предпріятіи, на югѣ приходится значительно больше постояннаго капитала, чѣмъ на Уралѣ. Повторяемъ, это извѣстно каждому школьнику. Но г. Кроче продолжаетъ вопрошать: какой же смыслъ имѣетъ въ такомъ случаѣ усовершенствованіе способовъ производства? Въ своей «критической» наивности онъ даже и не подозрѣваетъ, что болѣе совершенная и потому,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ,—болѣе дорогая машина переноситъ на каждую отдѣльную единицу продукта меньшую стоимость, чѣмъ менѣе дорогая. Знай онъ это—онъ и самъ понялъ бы, до какой степени смѣшна его «свѣтлая интуиція здраваго смысла» и какъ неловокъ и безпомощенъ онъ въ своей «критикѣ» закона паденія уровня прибыли. Но онъ этого не знаетъ и потому онъ очень доволенъ своей «критикой».

Мы потому остановились именно на этомъ очеркѣ г. Кроче, что имъ подтверждается справедливость фнанцузской пословицы: les beaux esprits se rencontrent. Извѣстно, что въ русской литературѣ тотъ же законъ Маркса очень сходными доводами опровергалъ г. Туганъ-Барановскій.

*

Аргументацію этого критика весьма успѣшно опровергалъ у насъ г. Карелинъ (въ «Научномъ обозрѣніи»), а недавно за ея оцѣнку взялся Каутскій въ «Neue Zeit», по случаю выхода нѣмецкаго перевода книги г. Тугана о кризисахъ, куда вошло и его мнимое опроверженіе Маркса. Мы не станемъ, разумѣется, повторять здѣсь доводы Карелина и Каутскаго [1]).

Мы только замѣтимъ, что когда два великихъ ума дѣлаютъ какое нибудь великое открытіе, то интересно бываетъ рѣшить вопросъ о томъ, что ученые нѣмцы называютъ пріоритетомъ. Кому же принадлежитъ «пріоритетъ» опроверженія Марксова закона паденія уровня прибыли, г. Кроче, или г. Туганъ-Барановскому? Что говоритъ хронологія? Разобранный нами «критическій» очеркъ г. Кроче впервые появился въ одномъ ученомъ итальянскомъ изданіи за май 1899 г. (см. предисловіе къ его книгѣ стр. 4, примѣчаніе), и въ томъ же мѣсяцѣ того-же года г. Туганъ-Барановскій «опровергъ» Маркса въ «Научномъ обозрѣніи». Ясно, что пріоритетъ не принадлежитъ никому изъ нихъ: les beaux esprits (critiques) se sont rencontrés. Но если вы, читатель, скажете, что оба эти критическіе ума могли заимствовать свою «критическую» мысль у какого нибудь третьяго, еще болѣе «критическаго» экономиста, то мы отвѣтимъ: вы правы. Разверните «Verhandlungen der am 28 und 29 September 1894 in Wien abgehaltenen Generalversammlung des Vereins für Sozialpolitik über kartelle und über das ländliche Erbrecht», Leipzig, 1895; тамъ, на страницѣ 218, вы найдете слѣдующія слова извѣстнаго Sozialistenfresser'а проф. Юл. Вольфа:

«Тотъ взглядъ г. профессора Брентано, что основной капиталъ увеличивается сравнительно съ оборотнымъ, раздѣляется, пожалуй, во многихъ кругахъ. Въ нѣсколько иной формулировкѣ взглядъ этотъ составляетъ часть соціалистической доктрины. Я не могу согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, не могу согласиться безусловно. Нѣсколько недѣль тому назадъ одинъ цюрихскій промышленникъ, находящійся со мною въ дружественныхъ отношеніяхъ, сдѣлалъ по этому поводу расчетъ. Самъ онъ прядильщикъ, хорошо знакомый съ исторіей прядильнаго дѣла, особенно въ Англіи, т. е. въ той самой странѣ, изъ которой г. Брентано и соціалисты, по

---

[1]) Каутскій, показавшій, что критика г. Тугана-Барановскаго есть просто-напросто возвращеніе на точку зрѣнія вульгарной экономіи, дѣлаетъ ему, однако, не мало комплиментовъ. Г. Туганъ оказывается у него чуть ли не самымъ выдающимся изъ „критиковъ“. На самомъ дѣлѣ этотъ писатель обладаетъ большимъ прилежаніемъ и нѣкоторой способностью къ описательнымъ трудамъ. Но для экономической теоріи онъ мертвъ или еще не родился. Комплименты, полученные имъ отъ Каутскаго, кажутся намъ совершенно незаслуженными. Мы полагаемъ, что они объясняются просто тѣмъ, что Каутскому слишкомъ уже надоѣли нѣмецкіе „критики“.

весьма понятнымъ причинамъ, охотно берутъ матеріалы для своихъ доказательствъ. И этотъ промышленникъ вычислилъ, что въ прядильной отрасли основной капиталъ теперь меньше, чѣмъ былъ прежде. Строенія, веретена, машины всякаго рода теперь стали относительно дешевле; наоборотъ, заработная плата поднялась... Если это такъ, то естественный законъ (Naturgesetz) народно-хозяйственнаго развитія, на который ссылается г. Брентано... не существуетъ».

Упоминаемый г. Ю. Вольфомъ цюрихскій промышленникъ былъ, очевидно, не кто иной, какъ Фридрихъ Берто (Bertheau), который выпустилъ въ началѣ 1895 года брошюру: «Fünf Briefe über Marx an Herrn Dr. Julius Wolf, Professor der Nationalökonomie in Zürich», снабженную предисловіемъ того же профессора Вольфа. Въ этой брошюрѣ, на страницахъ 47—49, приведены нѣкоторыя цифры, съ помощью которыхъ ея авторъ усиливается показать, что въ дѣйствительности относительное увеличеніе испытываетъ не постоянный, а именно перемѣнный капиталъ (замѣтьте, что г. Берто употребляетъ здѣсь терминологію Маркса: постоянный капиталъ; перемѣнный капиталъ). По поводу приведенныхъ г. Берто цифръ, мы скажемъ, что если бы даже онѣ дѣйствительно подтверждали то, что ему хочется подтвердить, то и тогда онѣ далеко еще не опровергли бы закона Маркса, доказываемаго цифровыми данными, имѣющими несравненно болѣе широкое значеніе, чѣмъ цифры цюрихскаго промышленника: даже въ этомъ, лучшемъ случаѣ онѣ говорили бы только о томъ, что прядильное производство Англіи нужно отнести теперь къ числу тѣхъ исключеній изъ общаго правила, на существованіе которыхъ указываетъ самъ Марксъ. Но цифры г. Берто не представляютъ собою даже и самомалѣйшей тѣни доказательства того, что онъ стремится доказать съ теоретическимъ легкомысліемъ, свойственнымъ столь многимъ «практикамъ». Въ этомъ легко убѣдится каждый, кто прочтетъ указанное нами мѣсто «Пяти писемъ о Марксѣ». А кто захочетъ узнать, въ какомъ направленіи измѣняется въ англійской хлопчато-бумажной промышленности отношеніе постояннаго капитала къ перемѣнному, того мы отсылаемъ къ книгѣ г. Шульце-Геверница: «Крупное производство» и т. д., С.-Петербургъ, 1897 г. Книга эта, въ свою очередь, полна недоразумѣній, недомолвокъ, паралогизмовъ и софизмовъ. Но по интересующему насъ теперь вопросу она содержитъ очень поучительныя данныя.

Но какъ бы тамъ ни было, а наши beaux esprits, повидимому, встрѣтились... на плагіатѣ. Ай да критика!

Вышеприведенныя разсужденія «умственно оригинальнаго» марксиста даютъ очень ясное понятіе объ его экономической невинности. Но на всякій случай укажемъ еще одинъ экономическій перлъ: каши масломъ не портятъ.

Въ очеркѣ: «Новыя истолкованія марксистской теоріи цѣнности» мы читаемъ:

«Марксъ установилъ свое понятіе цѣнности, изложилъ процессъ превращенія цѣнности въ цѣну, признавъ источникомъ прибыли прибавочную цѣнность. Вся проблема марксистской критики, по-моему, сводится къ слѣдующему: представляется ли ошибочнымъ по существу понятіе Маркса (вполнѣ—вслѣдствіе ошибочности предпосылокъ или отчасти—вслѣдствіе ошибочности дедукціи)? Или же если понятіе Маркса по существу вѣрно, то неподведено ли оно подъ категорію, къ которой оно не принадлежитъ, не ищутъ ли въ немъ того, чего въ немъ не имѣется, и не упускаютъ ли изъ виду то, что оно дѣйствительно даетъ? Придя къ этому второму заключенію, я спросилъ себя: съ какими условіями и съ какими предпосылками мыслима теорія Маркса?» (стр. 216—217).

На этотъ ясно формулированный вопросъ г. Кроче отвѣтилъ себѣ слѣдующимъ образомъ: «Понятіе трудовой цѣнности истинно для идеальнаго общества, въ которомъ единственными благами являются продукты труда и въ которомъ не существуетъ классовыхъ различій» (стр. 231)... «Такимъ образомъ у насъ имѣются: 1. Хозяйственное трудовое общество безъ классовыхъ подраздѣленій. Законъ трудовой цѣнности. 2. Соціальное раздѣленіе классовъ. Возникновеніе прибыли, которая только по сравненію съ предшествующимъ типомъ и поскольку понятія перваго переносятся на второй (курсивъ г. Кроче), можетъ быть названа прибавочной цѣнностью. 3. Техническое различіе между различными видами производства, требующими разнаго состава капитала... Возникновеніе средней нормы прибыли, которая по сравненію съ предшествующимъ типомъ можетъ быть разсматриваема, какъ превращенная и уравненная прибавочная цѣнность» (стр. 213, курсивъ нашъ).

Въ очеркѣ «Къ вопросу объ истолкованіи и критикѣ нѣкоторыхъ понятій марксизма», гдѣ разбирается тотъ же самый вопросъ, мысль г. Кроче поясняется такъ:

«Трудовая цѣнность Маркса не логическое обобщеніе, а фактъ, мыслимый какъ типъ и принимаемый за типъ, т. е. нѣчто совершенно отличное отъ логическаго понятія. Она не страдаетъ худосочіемъ абстракціи, а обладаетъ полнокровіемъ конкретнаго факта [1]). Этотъ конкретный фактъ исполняетъ вслѣдъ затѣмъ въ изслѣдованіи Маркса функцію масштаба для сравненія, мѣрила, типа» (стр. 106).

---

[1]) Въ примѣчаніи г. Кроче прибавляетъ: „Слѣдуетъ замѣтить, что конкретный фактъ можетъ и не быть эмпирическимъ фактомъ, а фактомъ, конструированнымъ чисто-гипотетически, т. е. существующимъ лишь отчасти въ эмпирической дѣйствительности“.

Кажется, ясно: трудовая цѣнность это—просто-на-просто «фактъ, мыслимый, какъ типъ», и только съ точки зрѣнія такого «факта - типа» названіе прибавочной цѣнности можетъ быть примѣнено къ прибыли. Нечего сказать, хорошо понялъ автора «Капитала» нашъ необыкновенный марксистъ! Развѣ же у Маркса прибыль «называется прибавочной цѣнностью»? Примѣнить къ ней такое «названіе» значило бы перепутать тѣ самыя понятія, которыя надо выяснить. По Марксу, прибыль, подобно проценту на капиталъ и поземельной рентѣ, составляетъ часть цѣнности, создаваемой неоплаченнымъ трудомъ рабочихъ. Но если мы на этомъ основаніи вздумаемъ окрестить ее прибавочной стоимостью, то намъ придется приложить то же самое «названіе» и къ проценту на капиталъ, и къ поземельной рентѣ. Само собою, разумѣется, что отъ такой терминологіи ровно ничего хорошаго ждать невозможно. Но это мы замѣчаемъ мимоходомъ. Главное для насъ заключается здѣсь въ томъ, что, по Марксу, прибыль составляетъ часть прибавочной цѣнности вовсе не въ воображаемомъ «хозяйственномъ обществѣ безъ классовыхъ подраздѣленій» а, именно въ нынѣшнемъ капиталистическомъ обществѣ, которое представляетъ собою неоспоримый «эмпирическій фактъ». Вотъ этого-то и не понимаетъ нашъ «критически» мыслящій марксистъ. Онъ такъ пропитанъ духомъ вульгарной политической экономіи, что у него вырывается вопросъ: зачѣмъ называть превращеніемъ прибавочной стоимости то, что представляется естественнымъ экономическимъ результатомъ капитала, который (вслѣдствіе того, что онъ капиталъ) долженъ имѣть прибыль?» (стр. 230). Это поистинѣ безподобно! Толкуйте послѣ этого съ г. Кроче; объясняйте ему, что научная задача Маркса, между прочимъ, въ томъ и заключалась, чтобы объяснить, почему возможенъ и откуда берется тотъ «естественный результатъ капитала», который называется прибылью; изображайте ему прибавочную цѣнность, какъ источникъ «естественнаго результата»,—все это будетъ напрасно,—вы только даромъ потратите время: умственно оригинальный марксистъ съ несокрушимымъ убѣжденіемъ отвѣтитъ вамъ, что существованіе прибавочной цѣнности возможно только въ воображаемомъ обществѣ безъ классовыхъ подраздѣленій и что, поэтому, связывать съ нею происхожденіе прибыли, этого естественнаго результата капитала, значитъ обнаруживать то самое отсутствіе оригинальности мысли, которымъ, къ величайшему ихъ стыду, отличаются вульгарные марксисты. Г. Бенедетто Кроче, очевидно, по прямой линіи происходитъ отъ Крыловскаго человѣка, слона-то и не замѣтившаго.

Извѣстно, что потомство этого замѣчательнаго экземпляра человѣческой породы чрезвычайно многочисленно. Къ нему принадлежатъ всѣ тѣ «критики» Маркса, которые убѣждены въ существованіи противорѣчія

между первымъ и третьимъ томомъ «Капитала». Въ рецензіи на книгу г. Франка: «Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе» мы показали, что на самомъ дѣлѣ между названными томами совсѣмъ нѣтъ противорѣчія и что уже второй томъ,—о которомъ почему-то совершенно забываютъ въ этомъ случаѣ,—заключалъ въ себѣ самыя недвусмысленныя указанія насчетъ того, какъ разрѣшалъ Марксъ антиномію между закономъ цѣнности съ одной стороны и закономъ равнаго уровня прибылей съ другой. Въ своей рецензіи мы сослались на 152 и 253 страницы второго тома (въ русскомъ пореводѣ; эти страницы соотвѣтствуютъ 185 и 315 стр. второго изданія нѣмецкаго подлинника). Теперь мы укажемъ въ томъ же томѣ еще нѣкоторыя мѣста. На страницѣ 79 Марксъ говоритъ, что при капиталистическомъ способѣ вычисленія прибыли... для капиталовъ въ различныхъ сферахъ приложенія, гдѣ только различно время обращенія, удлиненіе времени обращенія служитъ поводомъ для повышенія цѣны, короче—служитъ однимъ изъ основаній для уравненія прибыли (курсивъ нашъ; во второмъ изданіи нѣмецкаго подлинника это мѣсто находится на стр. 97). Это совершенно въ духѣ третьяго тома. Далѣе, на стр. 88 сказано, что всякій трудъ, прибавляющій стоимость (цѣнность), можетъ также прибавить сверхстоимость (прибавочную цѣнность) и при капиталистическомъ строѣ всегда прибавляетъ сверхстоимость, такъ какъ стоимость, которую онъ создаетъ, зависитъ отъ его величины, а сверхстоимость отъ размѣровъ, въ которыхъ онъ оплачивается капиталистомъ. Слѣдовательно, издержки, которыя увеличиваютъ стоимость товара, не прибавляя ничего къ его потребительной стоимости, съ общественной точки зрѣнія должны быть отнесены къ faux frais производства, а для единичнаго капиталиста могутъ составить источникъ богатства» (стр. 107 нѣмецкаго подлин.). Читатель понимаетъ, что эти faux frais производства не могли бы служить источникомъ богатства для отдѣльныхъ капиталистовъ, если бы прибавочная цѣнность, выжатая изъ рабочаго класса, не распредѣлялась между предпринимателями пропорціонально капиталу каждаго изъ нихъ. Наконецъ, на стр. 296, ставя вопросъ о томъ, какимъ образомъ возмѣщается изъ годичнаго продукта цѣнность капитала, потребленнаго въ производствѣ, и какимъ образомъ движеніе этого возмѣщенія поглощается потребленіемъ прибавочной цѣнности капиталистами и заработной платы рабочими, Марксъ замѣчаетъ, что тутъ у него предполагается обмѣнъ продуктовъ по ихъ цѣнностямъ, но при этомъ дѣлаетъ многознаменательную оговорку, которая очень плохо переведена на русскій языкъ и которую мы, поэтому, приводимъ сначала въ подлинникѣ: «So weit die Preise von den Werthen abweichen kann dieser Umstand... auf die Bewegung des gesellschaftlichen Kapitals keinen Einfluss ausüben. Es tauschen sich nach wie vor im ganzen dieselben Massen Produkten aus, obgleich einzelnen Kapi-

talisten dabei in Werthverhältnissen betheiligt sind, die nicht mehr proporzionell wären ihren respektiven Vorschüssen und den von jedem von ihnen einzeln produzirten Mehrwerthmassen (стр. 368 второго изданія). Это значитъ: «поскольку цѣны отклоняются отъ цѣнностей, это обстоятельство не можетъ повліять на движеніе общественнаго капитала. Въ цѣломъ попрежнему будутъ обмѣниваться тѣ же самыя массы продуктовъ, хотя отдѣльные капиталисты будутъ получать при томъ такія цѣнности, которыя не пропорціональны ихъ затратамъ и массѣ прибавочной цѣнности, произведенной каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности». Если, при отклоненіи цѣнъ отъ цѣнностей, масса обмѣнивающихся товаровъ остается неизмѣнной, то съ одной стороны ясно, что не измѣняется при этомъ и общая сумма обмѣнивающихся цѣнностей. И если указанное отклоненіе не вліяетъ на движеніе общественнаго капитала, то съ другой стороны имъ не можетъ быть измѣнена и природа процесса созданія той массы прибавочной цѣнности, которая всасывается общественнымъ капиталомъ и распредѣляется между отдѣльными капиталистами. А это значитъ, что какъ бы мы ни отвѣчали на вопросъ объ отклоненіи среднихъ цѣнъ отъ цѣнностей—положительно или отрицательно—нашъ отвѣтъ не можетъ измѣнить рѣшенія вопроса о томъ, откуда берется общественная прибавочная стоимость. А изъ этого слѣдуетъ, что третій томъ «Капитала» и не могъ противорѣчить первому, или что гг. «критики» искали противорѣчія тамъ, гдѣ его не могло быть, т. е. совсѣмъ не поняли Маркса.

А понять его было не трудно. Если гг. «критики» держались того мнѣнія, что по смыслу перваго тома среднія цѣны товара совпадаютъ съ ихъ цѣнностями, то на это была ихъ добрая воля. Что же касается Маркса, то онъ уже въ названномъ томѣ замѣтилъ, что, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ такого совпаденія. Фр. Энгельсъ, въ свою очередь, объявилъ мысль о такомъ совпаденіи ровно ни на чемъ неосновательной. Возражая Дюрингу, онъ замѣчаетъ, что Марксъ никогда не говорилъ, будто отдѣльный промышленный предприниматель при всякихъ обстоятельствахъ продаетъ достающійся ему прибавочной продуктъ по его полной цѣнности. «Марксъ прямо утверждаетъ, что торговая прибыль тоже оставляетъ часть прибавочной цѣнности, а это при предположенныхъ имъ условіяхъ возможно только тогда, когда фабрикантъ уступаетъ купцу свой продуктъ ниже его цѣнности» (Herrn Eugen Durings, Umwälzung der Wissenschaft 3 Auflage, S. 226). Затѣмъ, ссылаясь на одно мѣсто перваго тома, Энгельсъ говоритъ: «Г. Дюрингъ могъ уже отсюда видѣть, что при распредѣленіи прибавочной цѣнности конкурренція играетъ главную роль, а при нѣкоторомъ размышленіи эти, содержащіяся въ первомъ томѣ указанія могли бы дѣйствительно выяснить ему, по крайней

мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, превращеніе прибавочной цѣнности въ ея производныя формы Unterformen (ibid, S. 228). Подчеркнутыя нами слова Энгельса сами представляютъ собою ясныя указанія насчетъ того, въ какомъ направленіи нужно было искать рѣшенія знаменитой «загадки». И когда, въ предисловіи ко второму тому, тотъ же Энгельсъ предложилъ разгадать эту загадку ученымъ, считающимъ взгляды Родбертуса скрытымъ источникомъ экономической теоріи Маркса, тогда для всякаго понимающаго человѣка должно было стать совершенно ясно, въ чемъ тутъ дѣло. Замѣтьте, читатель, что Энгельсъ обращался именно къ людямъ, превозносившимъ Родбертуса на счетъ Маркса, и только къ нимъ. Онъ приглашалъ ихъ показать, что съ помощью экономическаго ученія Родбертуса можно разгадать загадку, не только не отклоняясь отъ закона цѣнности, но скорѣй именно на его основаніи. И онъ дѣлалъ имъ это предложеніе просто и единственно потому, что они не могли принять его, не отказываясь отъ экономическаго ученія Родбертуса. Всякій, кто знакомъ съ сочиненіями этого послѣдняго, знаетъ, что, по его мнѣнію, законъ цѣнности далеко не вполнѣ господствуетъ въ капиталистическомъ обществѣ. Вотъ эту-то особенность взгляда Родбертуса на цѣнность и имѣлъ въ виду Энгельсъ, дѣлая свое коварное предложеніе его послѣдователямъ, а гг. «критики» поняли это предложеніе какъ ручательство за то, что въ третьемъ томѣ «Капитала» будетъ доказано совпаденіе цѣнъ съ цѣнностями. Это былъ большой промахъ, но виноваты въ немъ были гг. «критики», а вовсе не третій томъ, не Марксъ, и не Энгельсъ.

Стало быть, ученіе Родбертуса о цѣнности очень отличается отъ ученія Маркса о томъ же предметѣ? Да, оно отличается отъ него чрезвычайно сильно, хотя гг. «критики», конечно, и не подозрѣваютъ этого. У Родбертуса выходитъ такъ: если товары обмѣниваются другъ на друга сообразно количеству труда, затраченнаго на ихъ производство, то законъ цѣнности примѣняется во всей своей силѣ; если нѣтъ, то дѣйствіе этого закона какъ бы отмѣняется. Марксъ же понимаетъ этотъ вопросъ несравненно шире, что хорошо видно уже изъ перваго тома «Капитала» и что еще лучше обнаруживается въ одномъ изъ его писемъ къ Кулеманну, недавно опубликованныхъ въ «Neue Zeit». Мы имѣемъ въ виду письмо отъ 11-го іюля 1868 года, въ которомъ Марксъ говоритъ: «Что касается «Centralleblatt», то онъ дѣлаетъ величайшую уступку, признавая, что если вообще подъ словомъ цѣнность понимается что нибудь, то приходится принять мои выводы. Несчастный не видитъ, что если бы въ моей книгѣ совсѣмъ не было главы о цѣнности, то и тогда даваемый мною анализъ дѣйствительныхъ отношеній показалъ бы и доказалъ бы дѣйствительныя отношенія цѣнности. Болтовня о томъ, что необходимо доказать понятіе о цѣнности, основывается только на полномъ

невѣжествѣ какъ насчетъ того, о чемъ идетъ рѣчь, такъ и насчетъ метода науки. Каждый ребенокъ знаетъ, что всякая нація, переставшая работать, не скажу, на годъ, но хотя бы на нѣсколько недѣль, пропадетъ съ голоду. Каждый ребенокъ знаетъ также, что массы продуктовъ, соотвѣтствующія различнымъ массамъ потребностей, требуютъ различныхъ и количественно опредѣленныхъ массъ общественнаго труда (der gesellschaftlichen Gesammtarbeit). Il self evident (само по себѣ очевидно), что опредѣленная форма общественнаго производства ни мало не устраняетъ этой необходимости распредѣленія общественнаго труда въ извѣстныхъ пропорціяхъ, а можетъ измѣнить только форму ея проявленія. Законы природы вообще не могутъ быть устранены. Въ различныхъ историческихъ состояніяхъ можетъ мѣняться только форма, которую принимаетъ дѣйствіе этихъ законовъ. А мѣновая цѣнность этихъ продуктовъ и есть та форма, которую принимаетъ дѣйствіе этой пропорціональности распредѣленія труда въ обществѣ, гдѣ началомъ, связующимъ общественный трудъ, является обмѣнъ индивидуальныхъ продуктовъ труда частныхъ лицъ. Задача науки въ томъ и заключается, чтобы обнаружить (въ подлинникѣ: zu entwickeln — развить), какимъ образомъ дѣйствуетъ законъ цѣнности. Поэтому, если бы захотѣли съ самаго начала «объяснить» всѣ явленія, повидимо му, противорѣчащія закону то мы должны были бы дать науку раньше науки. Ошибка Рикардо въ томъ и заключается, что онъ въ своей главѣ о цѣнности предполагаетъ всевозможныя категоріи уже данными, чтобы показать, какъ согласуются онѣ съ закономъ цѣнности, между тѣмъ какъ онѣ еще должны быть развиты... Вульгарный экономистъ чуждъ всякой догадки о томъ, что между дѣйствительными повседневными отношеніями обмѣна и величинами цѣнности не можетъ быть непосредственнаго тождества. Иронія (острота, der Witz) буржуазнаго общества состоитъ какъ разъ въ томъ, что отсутствуетъ сознательное общественное регулированіе производства. Разумное и общественно-необходимое пролагаетъ себѣ дорогу лишь, какъ слѣпо дѣйствующее среднее. А въ виду этого вульгарный экономистъ воображаетъ, что дѣлаетъ большое открытіе, когда показываетъ, что въ явленіи вещи выглядятъ иначе. Въ дѣйствительности онъ показываетъ только то, что онъ держится за внѣшность и не можетъ проникать глубже. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ вообще наука?»

Мѣновая цѣнность есть форма, которую принимаетъ дѣйствіе закона цѣнности, способъ дѣйствія этого закона. Она—не болѣе, какъ историческая категорія. Но если способъ дѣйствія названнаго закона измѣняется въ зависимости отъ измѣняющихся общественныхъ отношеній, то дѣйствіе его неустранимо, какъ неустранимо дѣйствіе вѣчныхъ законовъ природы. Поэтому, если мы видимъ, что способъ дѣйствія измѣняется или осложняется

по той или другой причинѣ, напримѣръ, вслѣдствіе конкурренціи между капиталистами, то это отнюдь не значитъ, что само это дѣйствіе прекращается или устраняется хотя бы только отчасти. Нѣтъ, проявляясь иначе или переплетаясь съ дѣйствіемъ другого закона, оно все-таки остается во всей своей силѣ, и задача изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы прослѣдить его черезъ все разнообразіе новыхъ формъ и сплетеній. Эту задачу и рѣшаетъ Марксъ въ своемъ «Капиталѣ». А Родбертусъ не только не рѣшилъ этой задачи, но считалъ ея рѣшеніе невозможнымъ. По его словамъ, одна изъ ошибокъ Маркса заключается какъ разъ въ томъ, что «er nimmt den «Arbeitswerth» aller Güter schon in dem heutigen Zustande als realisirt an, während dies nur durch Gesetze geschehen kann» (см. его письмо къ Р. Мейеру отъ 8 сентября 1871 г., напечатанное въ его «Briefe und sozialpolitische Aufsätze» т. I, стр. 99—100. Курсивъ нашъ). Для Родбертуса весь законъ цѣнности состоитъ въ томъ, что мѣновыя отношенія товаровъ опредѣляются количествомъ труда, затрачиваемымъ на производство каждаго изъ нихъ. Иначе сказать: Родбертусъ смѣшиваетъ дѣйствіе закона съ однимъ изъ способовъ («формъ») его дѣйствія, опредѣляемыхъ въ каждое данное время экономической структурой общества. И ту же самую ошибку повторяютъ всѣ тѣ, которые думаютъ, что въ третьемъ томѣ «Капитала» Марксъ отказался отъ своего ученія о цѣнности.

Но довольно объ этомъ. Читатель самъ видитъ, какъ далека идея Маркса отъ того, что приписываетъ ему г. Кроче со своимъ «фактомъ, мыслимымъ какъ типъ и принимаемымъ за типъ».

Чтобы критиковать Маркса, — какъ и всякаго другого мыслителя, — надо его понять. Ось де заковыка, какъ заставляетъ говорить Гамлета одинъ малороссійскій переводчикъ знаменитой англійской драмы. И эта непріятная «заковыка» напоминаетъ о себѣ чуть не на каждой страницѣ «критическихъ» очерковъ г. Кроче. Не понялъ онъ экономическаго ученія Маркса; не понялъ и его исторической теоріи. Мѣсто не позволяетъ намъ дѣлать пространныя выписки. Ограничимся однимъ указаніемъ. Похваливъ Антоніо Лабріолу, между прочимъ, за то, что онъ въ своей книгѣ о матеріалистическомъ объясненіи исторіи «допускаетъ» существованіе идеологій и даже «часто встрѣчающееся отсутствіе сознанія и пониманія своего положенія», г. Кроче прибавляетъ: «И такъ какъ человѣкъ живетъ не только въ обществѣ, но и въ природѣ, то Лабріола признаетъ значеніе расы, темперамента и (!) воздѣйствіе природы. Онъ не закрываетъ, наконецъ, глазъ и на значеніе человѣческой личности, другими словами—на дѣла тѣхъ людей, которыхъ называютъ великими,—людей, являющихся если не созидателями, то несомнѣнно сотрудниками

исторіи» (стр. 29—30). Все это г. Кроче называетъ уступками (стр. 30). Такое названіе будетъ навѣрное одобрено знаменитымъ профессоромъ Карѣевымъ, но «вульгарные» марксисты отвѣтятъ на него презрительнымъ смѣхомъ. Пусть г. Кроче сначала хорошенько вдумается въ историческую теорію Маркса, — тогда онъ увидитъ, что она не только не исключаетъ «воздѣйствія природы», но прямо предполагаетъ его (какъ это видно, напр., изъ перваго тома «Капитала»). Точно также никому изъ серьезныхъ марксистовъ никогда не приходило въ голову отрицать «дѣла великихъ людей». Но врядъ ли хоть одинъ изъ нихъ смотритъ на такихъ людей, какъ на «сотрудниковъ» исторіи. Представленіе, соотвѣтствующее такому названію, состоитъ въ томъ, что великіе люди работаютъ вмѣстѣ или рядомъ съ исторіей, а это нелѣпость, очевидная, по крайней мѣрѣ, для нашего брата, «вульгарнаго» марксиста [1]). Столь же очевидна для насъ и та старая истина, что люди не всегда сознаютъ свое положеніе. Вѣдь цѣль всей нашей дѣятельности прежде всего заключается въ развитіи сознанія пролетаріата. Видѣть здѣсь какую нибудь «уступку» значитъ паки и паки уподобляться человѣку, слона-то и не замѣтившему.

Послѣ всего сказаннаго «вульгарные» марксисты не удивятся, узнавъ, что нашъ умственно-оригинальный марксистъ принадлежитъ къ числу рѣшительныхъ противниковъ діалектическаго метода и матеріализма. Ни о томъ, ни о другомъ, онъ, разумѣется, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Онъ, ни мало сумняхуся, повторяетъ мнѣніе, по которому философскій матеріализмъ состоитъ въ признаніи, что духовныя явленія представляютъ лишь нереальную видимость, подъ которой скрываются физическія явленія (стр. 190). Такіе сугубые абсурды не заслуживаютъ опроверженія. Вотъ почему мы оставимъ безъ отвѣта упрекъ, который онъ дѣлаетъ лично намъ за то, что мы въ одномъ изъ своихъ сочиненій, вышедшихъ на нѣмецкомъ языкѣ, высказали «потребность вернуться къ Гольбаху и къ Гельвецію» (стр. 19—20). Къ Гольбаху и къ Гельвецію мы вернулись въ томъ смыслѣ, что сочли нужнымъ сравнить матеріализмъ Маркса съ французскимъ матеріализмомъ XVIII вѣка и обнаружить родственныя черты и генетическую связь этихъ двухъ фазисовъ исторіи матеріалистическаго міросозерцанія. Если бы г. Кроче не былъ ослѣпленъ обычными филистерскими предразсудками противъ матеріализма и если бы онъ понялъ взгляды Маркса, то ему показалось бы страннымъ не то, что у насъ явилась потребность подобнаго сравненія, а то, что такая потребность не высказалась въ философской литературѣ гораздо раньше.

---

[1]) По вопросу о роли такъ называемыхъ великихъ и высокопоставленныхъ людей въ исторіи см. нашу статью въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ“.

Г. Кроче говоритъ о себѣ, что онъ въ этическихъ вопросахъ не «высвободился изъ-подъ власти кантовской критики» (стр. 175). Мы прибавимъ, что кантовская критика наложила глубокую, неизгладимую печать на все его міросозерцаніе. Въ этомъ и заключается тайна его собственныхъ «критическихъ» упражненій. Онъ чувствуетъ, что кантіанство несовмѣстимо съ историческими и соціально-политическими взглядами Маркса, насквозь проникнутыми духомъ матеріализма. Но вмѣсто того, чтобы рѣшительно отказаться отъ кантіанства или окончательно отвернуться отъ марксизма, онъ пытается сѣсть между двухъ стульевъ, стараясь видоизмѣнить марксизмъ такъ, чтобы онъ пересталъ, наконецъ, противорѣчить тому, чему онъ не можетъ не противорѣчить. И этотъ усердный, но совершенно непроизводительный трудъ украшается у него,—какъ и у многихъ другихъ,—этикеткой критики. Едва ли когда нибудь въ исторіи человѣческой мысли названіе меньше соотвѣтствовало тому предмету, который оно должно обозначать.

Итакъ, книга г. Кроче представляетъ собой плохой подарокъ русскому читателю. Тѣмъ болѣе плохой, что г. П. Шутяковъ перевелъ ее очень плохо. Вотъ, напр., на стр. 132 его перевода мы читаемъ, что историческая теорія Маркса есть не болѣе, какъ канонъ, руководство исторической интерпретаціи, и что «это руководство совѣтуетъ сосредоточивать вниманіе на экономической сущности общества для того, чтобы лучше понимать его конфигурацію и измѣненія». Что это за экономическая сущность общества? Обращаемся къ подлиннику и тамъ, вмѣсто этой «сущности» находимъ (стр. 115): Sostrato economico della societa, т. е. экономическій субстратъ общества. Это тоже не точно передаетъ взглядъ Маркса, но это все же имѣетъ хоть какой нибудь смыслъ, а «экономическая сущность»—просто пустяки. На стр. 61-ой, въ примѣчаніи, сказано: «Въ цѣломъ преслѣдуемая Марксомъ форма цѣнности есть уравненіе между двумя конкретными цѣнностями». Что значитъ «преслѣдовать» форму цѣнности? И что означаетъ «уравненіе» между цѣнностями? Въ итальянскомъ подлинникѣ (стр. 53) стоитъ «La consezione del valore nel Capital del Marx... e insomma il paradone fra due valori concreti», т. е.—«словомъ, понятіе цѣнности въ «Капиталѣ» Маркса есть сравненіе между двумя конкретными цѣнностями». Теоретически это, какъ мы уже знаемъ, совсѣмъ невѣрно, но тутъ нѣтъ ни «преслѣдованія», ни «уравненія», которыя возводятъ въ квадратъ ошибочность мысли г. Кроче. И такихъ грубыхъ промаховъ у г. П. Шутякова не мало.

О книгѣ Вандервельде.

La propriété foncière en Belgique, par Emile Vandervelde. Paris. 1900.

Эта книга талантливаго и ученаго бельгійскаго общественнаго дѣятеля состоитъ изъ трехъ частей. Первыя двѣ знакомятъ насъ съ самостоятельными изслѣдованіями, которыя онъ сдѣлалъ съ помощью нѣкоторыхъ своихъ друзей въ области бельгійскихъ поземельныхъ отношеній, а въ третьей части Э. Вандервельдъ излагаетъ выводы, добытые въ той же области офиціальной бельгійской статистикой. Всѣ три части какъ нельзя болѣе интересны, и книга представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу аграрнаго вопроса. Мы настоятельно рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ.

Первая часть, посвященная описанію деревень La Hulpe, Rixensart и Genval, лежащихъ недалеко отъ Брюсселя и совершенно подчинившихся его вліянію, даетъ новый матеріалъ для подтвержденія и поясненія той, впрочемъ, уже не новой мысли, что дробленіе поземельной собственности и увеличеніе числа мелкихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій далеко не означаетъ торжества крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія. Въ изслѣдованныхъ Вандервельдомъ деревняхъ промежутокъ времени между 1831 и 1898 гг. ознаменовался значительнымъ ростомъ числа мелкихъ участковъ ниже двухъ гектаровъ. Но кому принадлежатъ и кѣмъ воздѣлываются эти мелкіе участки? Принадлежатъ они рабочимъ, ежедневно отправляющимся на работу въ Брюссель, а воздѣлываются женами и дочерьми этихъ рабочихъ. «Такъ какъ легкость сообщеній привлекаетъ въ городъ большую часть лицъ мужского пола,—говоритъ Вандервельдъ,—то полевыя работы падаютъ почти исключительно на женщинъ, ведя за собой всѣ тѣ дурныя послѣдствія, которыя могутъ происходить отсюда для домашняго хозяйства и воспитанія дѣтей» (стр. 67). Эти полевыя работы болѣе или менѣе облегчаютъ рабочей семьѣ трудное дѣло сведенія концовъ съ концами, но о хозяйственной самостоятельности такой семьи не можетъ быть и рѣчи. Господство капитализма такъ же безгранично въ этихъ деревняхъ, какъ и въ самыхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ. Разница лишь въ томъ, что,—по мѣткому замѣчанію Вандервельда,—капитализмъ завладѣлъ здѣсь не земледѣліемъ, а земледѣльцами, превративъ ихъ въ промы-

шленныхъ рабочихъ (стр. 33). Эта разница не измѣняетъ, конечно, сущности отношеній наемнаго труда къ капиталу; однако, она не остается безъ вліянія на развитіе рабочаго движенія. «Земледѣльцы, превращенные въ промышленныхъ рабочихъ», все еще связаны съ деревней многими нитями и все еще не раздѣлались съ деревенской отсталостью. Они мало читаютъ и плохо разбираются въ окружающемъ. Ихъ сознаніе развивается лишь въ той мѣрѣ, въ какой они испытываютъ на себѣ просвѣтительное дѣйствіе города. Къ счастью, это просвѣтительное дѣйствіе постоянно возрастаетъ. «Отвязанные отъ земли деревенскіе жители,—говоритъ Вандервельдъ,—ежедневно приносятъ къ себѣ домой новыя идеи и новыя чувства; развивается организація рабочихъ; въ каждой деревнѣ возникаетъ своя вѣтвь профессіональнаго союза и непосредственно вслѣдъ за капитализмомъ туда проникаетъ соціализмъ» (стр. 73).

Во второй части, изслѣдующей движеніе поземельной собственности по провинціямъ, Вандервельдъ спрашиваетъ себя, въ какой мѣрѣ предсказанія марксистовъ насчетъ концентраціи поземельной собственности подтверждаются опытомъ его страны. Данныя, терпѣливо собранныя имъ и его друзьями въ 22.609 бельгійскихъ общинахъ и охватывающія промежутокъ времени отъ 1834 г. (въ Лимбургской и Люксембургской провинціяхъ отъ 1845 г.) до 1898 г., привели его къ тому заключенію, что «крупное землевладѣніе прогрессировало въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя испытали на себѣ непосредственное вліяніе главныхъ городовъ, и, наоборотъ, регрессировало въ тѣхъ, которыя остались внѣ сферы этого вліянія, благодаря большимъ разстояніямъ или трудности сообщенія» (стр. 78). Но пріобрѣтенія, сдѣланныя крупнымъ землевладѣніемъ, были во всякомъ случаѣ значительнѣе его потерь, такъ что «принадлежащіе частнымъ лицамъ поземельные участки въ 100 гектаровъ занимаютъ теперь большее пространство, чѣмъ въ 1834—45 годахъ» (стр. 77—78).

Но даже и въ отсталыхъ провинціяхъ, гдѣ поземельная собственность, въ общемъ, не концентрируется, а раздробляется, крупное землевладѣніе прогрессируетъ во всѣхъ тѣхъ дистриктахъ, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ подчиняются вліянію большихъ городовъ съ ихъ капиталистическими отношеніями. Это мы видимъ, напримѣръ, въ провинціяхъ Намюрской и Лимбургской. Къ тому же, само дробленіе поземельной собственности знаменуетъ побѣду капитализма, потому что по большей части его вызываетъ совершающійся подъ вліяніемъ промышленнаго развитія переходъ отъ экстенсивныхъ формъ хозяйства къ болѣе или менѣе интенсивнымъ.

Если принять въ соображеніе, что ростъ крупнаго землевладѣнія въ Бельгіи сопровождался быстрымъ увеличеніемъ тѣхъ микроскопическихъ участковъ («носовыхъ платковъ»), которые, какъ мы уже

знаемъ, обрабатываются женами и дочерьми промышленныхъ рабочихъ, то станетъ ясно, что собственно крестьянское хозяйство Бельгіи быстро клонится къ упадку.

А къ этому нужно прибавить еще и то, заботливо отмѣченное Вандервельдомъ, обстоятельство, что число участковъ, сдаваемыхъ въ аренду, быстро растетъ, между тѣмъ какъ участки, воздѣлываемые своими собственниками, уменьшаются въ числѣ. Это во всякомъ случаѣ показываетъ, что эксплуатація земледѣльца принимаетъ болѣе широкіе размѣры.

Всѣ эти выводы какъ нельзя лучше подтверждаются новѣйшими данными оффиціальной земледѣльческой статистики Бельгіи, анализируемыми въ третьей части книги Вандервельда. Мы находимъ въ этой части, между прочимъ, слѣдующія интересныя свѣдѣнія.

Въ 1834 году приходилось 23 поземельныхъ участка (cote) на 100 жителей, въ 1897 году ихъ приходится на то же число жителей только 18 (стр. 271).

Эти цифры указываютъ—по справедливому замѣчанію Вандервельда,—на то, что во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка значительно увеличилось число лицъ, не имѣющихъ ровно никакой поземельной собственности. Но, взятыя сами по себѣ, цифры эти далеко не даютъ надлежащаго понятія объ истинномъ положеніи дѣлъ. Ихъ необходимо дополнить нѣкоторыми другими.

Вандервельдъ полагаетъ, что для Бельгіи можно признать въ среднемъ такую классификацію хозяйствъ, допускающую однако довольно значительныя колебанія въ противоположныя стороны:

	Гектары:
Крупныя хозяйства отъ . . .	50 и выше
Среднія » » . . .	10 до 50
Мелкія » » . . .	2 » 10
Парцеллярныя хозяйства отъ . .	0 » 2

Запомнивъ эту классификацію, обратите вниманіе на тотъ поразительный фактъ, что по переписи 1895 года въ Бельгіи на 829.625 земледѣльческихъ хозяйствъ приходилось 634.353 парцеллярныхъ, т. е. такихъ, которыя занимаютъ менѣе двухъ гектаровъ.

Изъ 634.353 парцеллярныхъ хозяйствъ 469.480 обрабатывается арендаторами и только остальныя 164,867 составляютъ собственность семей, ихъ обрабатывающихъ.

За исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ преобладаетъ огородная культура, всѣ эти хозяйства служатъ лишь подспорьемъ для своихъ обладателей и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть

разсматриваемы, какъ самостоятельныя крестьянскія хозяйства.

Интересно, что въ промежутокъ времени отъ 1846 г. до 1880 г. число парцеллярныхъ, — т. е. не-крестьянскихъ—хозяйствъ возросло съ 400.514 до 710.563. Но съ 1880 года начинается обратное движеніе: по переписи 1895 года число хозяйствъ этого рода, какъ мы видѣли, доходило уже только до 634.353. По словамъ бельгійскаго министра земледѣлія, это — чисто-фиктивное уменьшеніе, объясняемое неточностью пріемовъ переписи 1880 года. Но Вандервельдъ допускаетъ, что число парцеллярныхъ хозяйствъ въ самомъ дѣлѣ уменьшилось, и объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ (въ промышленныхъ—число парцеллярныхъ хозяйствъ не перестаетъ расти) по различнымъ причинамъ уменьшилось число сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, за время отъ 1880 до 1895 года число это понизилось:

Годы.	Мужчинъ	Женщинъ	Всего.
1880	141.762	75433	217.195
1895	128.277	58829	187.106

Этотъ параллелизмъ между сокращеніемъ числа земледѣльческихъ рабочихъ и уменьшеніемъ числа парцеллярныхъ хозяйствъ лишній разъ показываетъ намъ, какъ несамостоятельны хозяйства этой, самой многочисленной въ Бельгіи, категоріи.

Мелкія крестьянскія хозяйства, т. е. хозяйства, воздѣлывающія отъ 2 до 10 гектаровъ, увеличивались въ числѣ въ періодъ времени отъ 1846 года,—когда ихъ было 126.120,—до 1880 года,—когда ихъ число поднялось до 158.261. Но съ 1880 года и здѣсь замѣчается обратное явленіе: число хозяйствъ этого рода упало до 150.586.

Уменьшеніе числа мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ сопровождается еще болѣе быстрымъ уменьшеніемъ числа крестьянъ, воздѣлывающихъ свою собственную землю.

Въ 1880 году ихъ было 60.298 (не очень много, какъ видитъ читатель), а въ 1895 году ихъ осталось только 51.298.

Среднія хозяйства (отъ 10 до 50 гектаровъ) наоборотъ, стали многочисленнѣе:

	Собств.	Аренд.	Всего
1880	13.767	24.402	38.619
1895	14.237	26.865	41.102

«Но ошибочно было бы заключить изъ этого,—говоритъ Вандервельдъ,—что средняя крестьянская собственность или среднія хозяйства прогрессируютъ во всѣхъ мѣстностяхъ. Напротивъ, вездѣ, гдѣ развивается круп-

ная промышленность, они, повидимому, идутъ назадъ вслѣдствіе вздорожанія наемнаго труда». (стр. 288).

Промышленные центры привлекаютъ къ себѣ рабочихъ изъ деревень и тѣмъ вызываютъ въ этихъ послѣднихъ повышеніе заработной платы. Это обстоятельство, уменьшая доходы среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ,—эксплуатирующихъ наемный трудъ, задерживаетъ развитіе или даже причиняетъ упадокъ этихъ хозяйствъ. Тутъ мы видимъ передъ собой конкуренцію промышленнаго капитала съ сельскохозяйственнымъ. Сельскохозяйственный капиталъ уступаетъ промышленному въ борьбѣ за объектъ эксплуатаціи, т. е. за рабочую силу. Это можетъ быть дурно; это можетъ быть хорошо съ извѣстной точки зрѣнія. Но что этотъ упадокъ среднихъ хозяйствъ не знаменуетъ собою побѣды самостоятельнаго крестьянства, доказывается цифрами, приведенными нѣсколько выше.

«Успѣхи капитализма—говоритъ Вандервельдъ—не непремѣнно ведутъ къ концентраціи хозяйствъ. Довольно часто случается, напротивъ, что тѣ же самыя причины, которыя уменьшаютъ число хозяйствъ, воздѣлываемыхъ ихъ собственниками, вызываютъ въ то же время раздробленіе крупныхъ имѣній, развитіе огородничества, воздѣлываніе промышленныхъ растеній и умноженіе арендуемыхъ рабочими крошечныхъ участковъ, приносящихъ своимъ собственникамъ большій | доходъ, чѣмъ крупныя фермы. Для того, чтобы дѣло приняло другой оборотъ, крупная интенсивная культура должна пріобрѣсти рѣшительное превосходство надъ мелкими хозяйствами» (стр. 290).

Это безспорно. Но въ современной Бельгіи превосходство крупной интенсивной культуры надъ мелкой не можетъ уже подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Съ 1880 года начинается увеличеніе числа крупныхъ хозяйствъ (обрабатывающихъ болѣе 50 гектаровъ), ясно обнаруженное оффиціальной статистикой. «Уменьшились въ числѣ именно мелкія хозяйства, занимающія менѣе 5 гектаровъ—говоритъ цитируемый Вандервельдомъ «Annuaire statistique de la Belgique» за 1899 годъ. Напротивъ, число хозяйствъ, занимающихъ больше 10 гектаровъ, увеличилось на 3.789. Концентрація поземельной собственности, соотвѣтствующая развитію крупнаго земледѣльческаго и скотоводческаго хозяйства, обнаруживается здѣсь самымъ яснымъ образомъ. Начиная съ 1880 года происходитъ движеніе, обратное движенію, замѣченному въ періодъ 1866—1880, въ продолженіе котораго мелкія хозяйства значительно возросли въ числѣ, между тѣмъ какъ крупныя уменьшились. Въ настоящее время исчезаетъ мелкая поземельная собственность передъ крупной» [1]).

[1]) Это мѣсто цитировано на страницѣ 291 книги Вандервельда. Но тамъ сказано, что оно взято съ 44 страницы бельгійскаго статистическаго Ежегодника.

Мы очень рекомендуемъ это свидѣтельство оффиціальной бельгійской статистики вниманію той разновидности «критиковъ» Маркса, которые любятъ отвести душу въ бесѣдахъ о торжествѣ мелкаго земледѣлія и землевладѣнія на Западѣ.

Вниманію той же разновидности «критиковъ» рекомендуемъ мы и соображенія Вандервельда о «соціализаціи земли» (socialisation du sol).

Вандервельдъ принадлежитъ къ числу писателей, думающихъ, что уже въ современномъ (капиталистическомъ) обществѣ до извѣстной степени возможно сдѣлать землю общественной собственностью. Поэтому на него не разъ съ любовью обращали свои взоры русскіе сторонники общиннаго землевладѣнія. Но какъ же именно представляетъ себѣ Вандервельдъ соціализацію земли въ капиталистическомъ обществѣ?

Онъ очень пессимистично смотритъ на будущую судьбу тѣхъ общинныхъ земель («communaux»), которыя мѣстами до сихъ поръ существуютъ въ Бельгіи. Въ своемъ нынѣшнемъ видѣ общинное землевладѣніе несовмѣстно съ интенсивнымъ земледѣліемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно должно, если не исчезнуть окончательно, то видоизмѣниться самымъ существеннымъ образомъ (de fond en comble, стр. 318). Но въ дѣлѣ такого видоизмѣненія совсѣмъ нельзя разсчитывать на починъ сельскихъ общинъ, проникнутыхъ духомъ рутины и враждебныхъ всему новому (та же страница). Починъ соціализаціи земли долженъ исходить, по мнѣнію Вандервельда, изъ городовъ: «прямо или косвенно города повліяютъ на деревню въ смыслѣ обобществленія, распространяя духъ ассоціаціи, развивая кооперативныя товарищества и порождая высшія формы производства и присвоенія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь именно города всегда были дѣятельнымъ элементомъ въ переворотахъ, пережитыхъ собственностью и культурой» (стр. 319).

Это, конечно, неопредѣленно. Но въ данномъ случаѣ эта неопредѣленность не имѣетъ для насъ значенія. Рѣчь идетъ у насъ не о томъ, въ какой мѣрѣ опредѣленны взгляды Вандервельда на соціализацію земли въ капиталистическомъ обществѣ, а о томъ, похожи ли они на взгляды русскихъ людей, доказывающихъ возможность перехода нашей сельской общины «въ высшую форму общежитія». На этотъ же вопросъ приходится отвѣтить совершенно отрицательно; взгляды Вандервельда не похожи на взгляды нашихъ сторонниковъ общиннаго землевладѣнія уже по одной той причинѣ, что у него соціализація земли пріурочивается къ соціализирующему вліянію города, т. е. значитъ и капитализма.

Это описка. На самомъ дѣлѣ оно находится на страницѣ LI перваго отдѣла «Resumé comparatif des principales données de l'annuaire». Отмѣчаемъ это для тѣхъ читателей, которые захотѣли бы обратиться къ первому источнику.

А есть еще и другая причина, по которой разсматриваемые здѣсь взгляды Вандервельда не могутъ быть признаны похожими на взгляды нашихъ защитниковъ общины. Причина эта сдѣлается совершенно ясной для нашихъ читателей, когда они прочтутъ слѣдующія строки:

«Конечно, мы совершенно согласны съ Каутскимъ въ томъ, что въ бюрократическихъ и военныхъ монархіяхъ у соціальной демократіи нѣтъ никакого разумнаго основанія для того, чтобы увеличивать число фермеровъ капиталистическаго государства и дѣлать центральную власть болѣе независимой въ своихъ финансовыхъ средствахъ отъ представителей націи» (стр. 319).

Видите, какъ обстоитъ дѣло: въ военныхъ и бюрократическихъ монархіяхъ увеличеніе числа зависящихъ отъ государства фермеровъ сдѣлало бы центральную власть болѣе независимой отъ народныхъ представителей. Ну а какъ же обстоитъ дѣло въ тѣхъ, еще болѣе бюрократическихъ и военныхъ монархіяхъ, гдѣ совсѣмъ уже нѣтъ никакого народнаго представительства?

Ясно, что такое увеличеніе числа фермеровъ еще болѣе укрѣпило бы центральную власть, поставивъ производителей въ крѣпостную отъ нея зависимость. А это значитъ, что въ такихъ монархіяхъ новаторы поступали бы совсѣмъ уже неразумно и нецѣлесообразно, если бы они стремились расширять или хотя бы только поддерживать общинное землевладѣніе, которое означаетъ тамъ не то, что земля принадлежитъ земледѣльцу, а то, что земледѣлецъ составляетъ вмѣстѣ съ землею собственность полицейскаго государства.

„Литературное наслѣдство“

Карла Маркса, Фридриха Энгельса.

Aus dem litterarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. Herausgegeben von Franz Mehring.—1. Gesamm. Schriften von Karl Marx und Friedriech Engels. Von März 1841 bis März 1844. Stuttgardt, Verlag von 1. H. W. Dietz. Nachf 1902. (Изъ литературнаго наслѣдства Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля. Томъ первый: Собраніе сочиненій Карла Маркса и Фридриха Энгельса, вышедшихъ отъ марта 1841 г. до марта 1844 г. Изданіе Дица преемн., подъ редакціей Франца Меринга. Штуттгардтъ ½1902).

Многія изъ сочиненій Маркса и Энгельса, вышедшихъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, сдѣлались совершенно недоступны читающей

публикѣ. А между тѣмъ они чрезвычайно важны, какъ матеріалъ для исторіи возникновенія и развитія марксизма. Поэтому предпринятое фирмой Дица изданіе этихъ сочиненій, сопровождаемыхъ пояснительными примѣчаніями Фр. Меринга, будетъ радостно встрѣчено всѣми мыслящими читателями. Теперь вышелъ первый томъ этого изданія, который заключаетъ въ себѣ сочиненія, относящіяся къ періоду 1841—1844 г. [4]). Интересъ, возбуждаемый этимъ томомъ, усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ него вошла оставшаяся до сихъ поръ ненапечатанной докторская диссертація Маркса «Differenz der demokritischen und epikureischen Naturphilosophie» (о различіи между демокритовой и эпикуровой философіей природы).

Когда мы читали этотъ томъ, намъ не разъ вспоминалось замѣчаніе, которое дѣлаетъ врачъ-французъ въ одной изъ повѣстей Герцена: «Должно быть на людей бываетъ урожай, какъ на виноградъ. Кажется условія тѣ же, а одинъ годъ изъ десяти вино лучше, говорятъ отъ кометы. Въ Англіи комета на людей была во время Кромвелля, а у насъ въ концѣ XVIII вѣка». Въ Германіи «комета на людей», была, повидимому, въ ту эпоху, когда складывались характеръ и міросозерцаніе Маркса, Энгельса и Лассаля. Какъ усердно работала мысль тѣхъ—правда, не очень многочисленныхъ—людей, которые пробуждались тогда къ сознательной жизни! И какимъ благороднымъ огнемъ горѣло ихъ сердце! Г. Вернеръ Зомбартъ говоритъ въ своихъ чтеніяхъ о соціальномъ движеніи XIX вѣка, что боевое настроеніе Маркса, не покидавшее его до самой смерти, объясняется его скитальческой жизнью изгнанника. Это объясненіе, отъ котораго такъ сильно несетъ филистерскимъ духомъ, сдѣлается совершенно несостоятельнымъ въ глазахъ всякаго безпристрастнаго читателя, если только онъ дастъ себѣ трудъ внимательно прочитать рецензируемый нами томъ. Вошедшія въ него сочиненія Маркса написаны были въ то время, когда онъ совсѣмъ еще не отвѣдалъ горечи изгнаннической жизни. А между тѣмъ боевая страсть бьетъ въ нихъ ключемъ всюду, гдѣ только заходитъ рѣчь объ общественныхъ вопросахъ. Ясно, что эта страсть порождена не эмигрантской жизнью; ясно, что она создана была той самой «кометой», которая вызвала «урожай на людей» въ Англіи семнадцатаго и во Франціи восемнадцатаго вѣка. А если мы вспомнимъ, каковы были соціально-политическія условія каждаго изъ этихъ «урожайныхъ» періодовъ, то мы безъ труда увидимъ также и ошибку герценовскаго врача-француза: въ самомъ дѣлѣ, у него выходитъ, что общественныя условія остаются «тѣ же» какъ въ «урожай-

[4]) На дняхъ вышелъ также 4-й томъ, содержащій письма Ф. Лассаля къ Марксу и Энгельсу за 1849—1862 годы. Въ февралѣ выйдетъ второй и въ апрѣлѣ третій томы (писано въ 1902 г.).

ные», такъ и въ неурожайные годы, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, оказывается, что именно условія-то и измѣняются, и что въ ихъ измѣненіи все дѣло: урожай на бойцовъ бываетъ тогда, когда новыя общественныя нужды приходятъ въ противорѣчіе со старымъ соціально-политическимъ порядкомъ и когда общество вступаетъ, вслѣдствіе этого, въ критическую эпоху своего развитія. Такое противорѣчіе существовало въ Англіи временъ Кромвелля и во Франціи второй половины восемнадцатаго вѣка. Въ Германіи оно характеризуетъ собой все то время, къ которому относится юность и первая молодость Маркса, Энгельса и Лассаля. Эти люди стали борцами по той причинѣ, что воспитались въ критическую эпоху. А вотъ г. Вернеръ Зомбартъ воспитывался въ такое время, когда классъ, къ которому онъ принадлежитъ,—нѣмецкая буржуазія,—во всѣхъ своихъ слояхъ сдѣлался болѣе или менѣе консервативнымъ. Поэтому ученый профессоръ просто-на-просто неспособенъ понять боевое настроеніе Маркса, до сихъ поръ, однако, очень понятное многимъ и многимъ рабочимъ. Теперь въ Германіи полный неурожай на борцовъ изъ средняго класса. А когда люди неурожайной эпохи берутся судить о лучшихъ представителяхъ урожайныхъ годовъ, ихъ сужденія по необходимости выходятъ узкими, а иногда и просто пошлыми.

Извѣстно, что Марксъ, Энгельсъ и Лассаль, сдѣлавшіеся борцами въ періодъ борьбы нѣмецкой буржуазіи со «старымъ порядкомъ», рано покинули точку зрѣнія буржуазіи и перешли на точку зрѣнія пролетаріата. Этотъ переходъ совершенно закончился,—по крайней мѣрѣ у Маркса и Энгельса,—уже ко времени изданія «Deutsch-Französische Jahrbücher», т. е. къ началу 1844 года: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать, напримѣръ, статью Маркса «Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie» или статью Энгельса «Die Zage Englands». (Объ эти статьи появились первоначально въ названныхъ «Jahrbücher», а теперь вошли въ разбираемый томъ). Но въ самомъ началѣ своей публицистической дѣятельности Марксъ былъ только радикаломъ, разящимъ старый порядокъ съ помощью философской критики. Къ этому первоначальному періоду его дѣятельности относится его сотрудничество въ «Rheinische Zeitung», и въ теченіи этого же періода написана имъ статья «Bemerkungen über die neueste preussische Zensurinstruktion», напечатанная въ первомъ томѣ вышедшихъ въ Цюрихѣ, въ началѣ 1843 года, «Anekdotis zur neuesten deutschen Philosophie und Publizistik». Радикалъ Марксъ и тогда уже является такимъ же горячимъ бойцомъ и такимъ же могучимъ и безпощаднымъ полемистомъ, какимъ видимъ его въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Написанныя имъ тогда статьи представляютъ собою поистинѣ образцовыя публицистическія произведенія, не смотря на свой,—странный теперь,—философскій языкъ. Названная нами выше статья о цензурной

инструкціи до сихъ поръ сохранила для русскаго читателя весь интересъ современности. Впрочемъ, и нѣмецкій читатель извлечетъ изъ знакомства съ нею значительную пользу. Правда, современный нѣмецкій читатель уже не знаетъ тѣхъ прелестей цензуры, которыя пришлось извѣдать Марксу. Но въ современной Германіи выростаетъ теперь цензура другого рода: цензура общественнаго мнѣнія, осуждающаго рѣзкій полемическій и насмѣшливый тонъ. Такого тона терпѣть не могутъ теперь даже многіе марксисты и именно объ этомъ тонѣ Марксу пришлось говорить, разбирая то мѣсто цензурной инструкціи, которое рекомендуетъ тонъ «скромный и серьезный». Какъ и слѣдовало ожидать, онъ выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ того, что можно назвать свободой тона. «Вы восхищаетесь очаровательнымъ разнообразіемъ, неисчерпаемымъ богатствомъ природы. Вы не требуете, чтобы роза имѣла запахъ фіалки, а то, что выше всего на свѣтѣ, духъ, долженъ, по вашему, существовать лишь въ одномъ видѣ?—спрашиваетъ онъ.—Я склоненъ къ юмору, а законъ требуетъ отъ меня серьезности. Я рѣзокъ, а законъ повелѣваетъ мнѣ писать скромнымъ стилемъ. Сѣрый цвѣтъ оказывается единственнымъ законнымъ цвѣтомъ свободы. Каждая капля, отражающая въ себѣ солнце, горитъ неисчерпаемымъ разнообразіемъ цвѣтовъ, а духовное солнце должно всегда вызывать только одинъ, только оффиціальный цвѣтъ, въ какомъ бы множествѣ лицъ и въ какихъ бы предметахъ оно ни отражалось! Существенная форма духа есть веселость, свѣтъ, а вы хотите, чтобы тѣнь была единственной закономѣрной формой его проявленія! Онъ можетъ носить только черный костюмъ, между тѣмъ какъ ни одинъ цвѣтокъ не окрашивается природой въ черный цвѣтъ...»

«Если серьезность не состоитъ, по вашему, въ томъ, въ чемъ она должна состоять согласно опредѣленію Тристрама Шэнди, если она не сводится къ лицемѣрнымъ движеніямъ тѣла, скрывающимъ недостатки души, то все ваше предписаніе превращается въ ничто. Ибо я серьезно отношусь къ смѣшному только тогда, когда я смѣюсь надъ нимъ, и серьезная нескромность духа заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ скромномъ отношеніи къ нескромности. Серьезно и скромно! какъ неопредѣленны и относительны эти понятія!» и т. д. и т. д. Намъ сдается, что если бы Мерингъ выпустилъ первый томъ задуманнаго имъ изданія мѣсяца за полтора до Любекскаго съѣзда, и если бы члены германской рабочей партіи получили, такимъ образомъ, возможность ознакомиться съ блестящими и довольно справедливыми соображеніями Маркса о томъ, въ чемъ состоитъ истинная серьезность тона, то въ Любекѣ не были бы сдѣланы нѣкоторыя замѣчанія о тонѣ нѣкоторыхъ статей, направленныхъ противъ г. Бернштейна и ѣдко осмѣивавшихъ смѣшное. Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. Пусть сторонники «серьезнаго тона»,—а ихъ, какъ извѣстно, много не въ одной только Германіи,—дадутъ себѣ трудъ

серьезно обдумать замѣчанія Маркса о серьезномъ отношеніи къ смѣшному: это чтеніе окажетъ весьма полезное вліяніе на ихъ литературныя понятія.

Читатель, вѣроятно, удивляется тому, что мы до сихъ поръ ничего не сказали о диссертаціи Маркса, посвященной выясненію различія между философіей природы у Эпикура съ одной стороны и у Демокрита съ другой. Но объ этой диссертаціи и не приходится много распространяться въ настоящее время. Она была написана Марксомъ еще тогда, когда онъ обѣими ногами стоялъ на почвѣ философскаго идеализма, самой слабой стороной котораго всегда была именно философія природы. Поэтому диссертація Маркса не можетъ имѣть научнаго значенія въ глазахъ нынѣшняго читателя. Она важна только, какъ матеріалъ, для сужденія о ходѣ умственнаго развитія ея автора. Но за то въ этомъ отношеніи значеніе ея очень велико. Она наглядно показываетъ, до какой степени настоятельно необходимъ былъ разрывъ будущаго автора «Капитала» съ философскимъ идеализмомъ: не разорвавши съ нимъ, Марксъ, несмотря на всѣ свои блестящія способности, далеко не сдѣлалъ бы въ области теоріи всего того, что онъ получилъ возможность сдѣлать, благодаря своему переходу въ матеріалистическій лагерь.

Мы уже сказали, что перепечатывая статьи Маркса и Энгельса, Ф. Мерингъ прибавилъ къ нимъ свои пояснительныя примѣчанія. При чтеніи этихъ примѣчаній намъ иногда казалось, что ихъ авторъ несправедливъ къ Гегелю (см. напримѣръ, на стр. 342 его замѣчаніе объ отношеніи Гегеля къ «гражданскому обществу»). Но это—частность, толковать о которой здѣсь неумѣстно. Въ общемъ, мы должны отозваться съ большой похвалой объ этихъ замѣчаніяхъ, написанныхъ со знаніемъ предмета и съ тѣмъ остроуміемъ, которое такъ свойственно Рингу.

О книгѣ Л. И. Мечникова

La civilisation et les grands fleuves historiques. Paris. 1889.

Нисколько не преувеличивая дѣла, можно сказать, что книга Л. И. Мечникова затрогиваетъ самые основные вопросы философіи исторіи и для нѣкоторыхъ изъ нихъ даетъ вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе. Кромѣ того, она положительно изобилуетъ чрезвычайно мѣткими замѣчаніями по частнымъ, второстепеннымъ вопросамъ науки, и нужно было бы только изложить эти замѣчанія въ болѣе систематической формѣ, чтобы

еще болѣе обогатить содержаніе книги. Вѣроятно авторъ и сдѣлалъ бы это, если бы смерть не унесла его такъ преждевременно въ могилу. Постараемся же передать его мысли въ немногихъ, но, по возможности, точныхъ словахъ.

Подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершается внутреннее развитіе человѣческихъ обществъ? Почему одни племена остаются совершенно неподвижными, другія же соединяются въ обширныя государственныя тѣла, гдѣ начинается политическая жизнь, возникаютъ науки, литература, прикладныя и изящныя искусства, большія производительныя силы, словомъ, все то, что мы называемъ цивилизаціей? И почему носителями цивилизаціи въ разныя времена бываютъ разные народы? Почему въ данную историческую эпоху главныя силы цивилизаціи сосредоточиваются въ данномъ мѣстѣ или въ данныхъ мѣстахъ, чтобы впослѣдствіи занять новую территорію, первенство которой оспаривается затѣмъ новыми соперницами? Почему центръ тяжести цивилизаціи перенесся съ береговъ Нила, Тигра и Евфрата въ Грецію и Римъ, а потомъ въ среднюю Европу, откуда онъ, того и гляди, перейдетъ въ сѣверную Америку? Есть ли какая-нибудь законосообразность въ этомъ, повидимому, чрезвычайно капризномъ ея ходѣ? Наконецъ, и это можетъ быть самое интересное, вѣдь не все хорошо и въ цивилизованныхъ странахъ. Историческое развитіе покупается очень дорогой цѣной. Оно ведетъ, по крайней мѣрѣ на время—и, нужно сознаться, на очень продолжительное время,—къ раздѣленію общества на классы и сословія, къ господству незначительныхъ кучекъ привилегированныхъ, къ угнетенію народной массы, къ приниженію человѣческой личности, а часто и къ самымъ гнуснымъ, самымъ отвратительнымъ проявленіямъ деспотизма. Что же гонитъ человѣчество въ суровую школу цивилизаціи? Какая сила заставляетъ нѣкоторыя человѣческія племена покидать свои первобытныя отношенія, складываться въ новыя политическія группы и выходить на тяжелую «барщину исторіи?»

Разумѣется, нѣтъ ничего легче, какъ разрѣшить подобные вопросы ссылкою на случайность. Но въ наукѣ такая ссылка не можетъ имѣть никакого значенія. Пока мы ссылаемся на случайность, мы не имѣемъ права говорить о законосообразности явленій. Открытіе же этой законосообразности и составляетъ задачу науки. Вотъ почему серьезная наука никогда не могла ужиться въ мирѣ съ религіей. Мало-по-малу наука сбила религію со всѣхъ ея позицій, и въ настоящее время уже никто изъ людей, имѣющихъ хоть нѣкоторое понятіе о научномъ мышленіи, не станетъ ссылаться на божью волю, какъ на причину явленій природы или общественнаго развитія. Но недостаточно отказаться отъ ссылокъ на случайность, чтобы усвоить себѣ всѣ пріемы строгой научной мысли. Въ общественной наукѣ мы часто и до сихъ поръ встрѣ-

чаемся съ совершенно произвольными толкованіями событій, съ совершенно ненаучными объясненіями явленій. Справляться съ логикой въ дѣлѣ подобныхъ объясненій не всегда считается обязательнымъ. Когда поднимается вопросъ о причинѣ того или другого историческаго явленія, то часто бываетъ, что неглупые и серьезные люди довольствуются такими отвѣтами, которые не рѣшаютъ ровно ничего, представляя собою лишь повтореніе вопроса въ новыхъ выраженіяхъ. Положимъ, вы задаете «ученому» одинъ изъ поставленныхъ выше вопросовъ. Вы спрашиваете,—почему одни народы развиваются съ такою поразительною медленностью, между тѣмъ какъ другіе быстро идутъ по пути цивилизаціи? «Ученый» безъ запинки отвѣчаетъ вамъ, что это объясняется свойствами расы. Понимаете ли вы смыслъ такого отвѣта? Нѣкоторые народы развиваются медленно потому, что таково уже свойство ихъ расы, чтобы имъ развиваться медленно; другіе же цивилизуются очень быстро, потому что главное свойство ихъ расы заключается въ томъ, что они могутъ развиваться быстро. Если вы станете сравнивать одинъ съ другимъ различные цивилизованные народы, то и здѣсь вы увидите—съ какою удивительною легкостью объясняются свойствами расы всѣ особенности ихъ исторіи. Въ рукахъ умѣлыхъ людей «раса» оказывается ключемъ къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ общественной науки. Въ виду удивительной силы этого магическаго слова, можно, казалось бы, ожидать, что связанное съ нимъ понятіе отличается полною ясностью и опредѣленностью. Однако, на дѣлѣ оказывается, что это вовсе не такъ.

Въ книгѣ «Цивилизація и великія историческія рѣки» есть превосходная глава, въ которой авторъ подвергаетъ строгому разбору современное ученіе о расѣ. Онъ указываетъ прежде всего на тотъ странный фактъ, что при объясненіи общественныхъ явленій любятъ ссылаться на свойства расы въ особенности дарвинисты, т. е. сторонники принципа эволюціи, вполнѣ признающіе въ теоріи, что свойства даннаго вида или данной разновидности являются плодомъ приспособленія его къ средѣ въ борьбѣ за существованіе. Потомъ Л. И. Мечниковъ мастерски показываетъ всю неопредѣленность и всю сбивчивость понятія о расѣ, причемъ приводитъ свидѣтельство такого выдающагося антрополога, какъ Топинаръ, который утверждаетъ, что въ виду продолжительнаго смѣшенія и скрещиванія различныхъ племенъ нельзя и толковать теперь о чистыхъ расахъ, и что «когда мы говоримъ объ индо-германской, латинской, нѣмецкой, англійской, славянской расѣ, то слово раса можетъ имѣть смыслъ лишь политическаго термина, обозначаетъ только случайное скопленіе различныхъ антропологическихъ элементовъ». Л. И. Мечниковъ прибавляетъ къ этому, что всѣ великія цивилизаціи были плодомъ очень сложной смѣси различныхъ этническихъ элементовъ, смѣси, въ которой иногда нельзя даже приблизительно опредѣлить относительное значеніе ея

составныхъ частей. Трудно сказать, напримѣръ, какая раса: черная, желтая или бѣлая сдѣлала наибольшій взносъ въ цивилизацію древняго Египта. Исторія Халдеи показываетъ даже, что въ дѣлѣ цивилизаціи черная, «кушитская», опередила всѣ другія. Чернокожіе ученые того времени могли бы, такимъ образомъ, считать свою расу самой способной къ прогрессу и съ сожалѣніемъ посматривать на племена бѣлыя и желтокожія, коснѣвшія тогда въ застоѣ и невѣжествѣ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось, теперь бѣлая раса стоитъ во главѣ двухъ другихъ, между тѣмъ какъ черная поражаетъ своею отсталостью. Но если бы даже и допустить, что бѣлая раса дѣйствительно способнѣе всѣхъ другихъ къ развитію, то это мало объясняло бы намъ различіе въ исторической судьбѣ народовъ. Мы все таки не знали бы, «почему столь родственныя между собою этническія группы, какъ курды и нѣмцы, англичане и афганцы, одинаково принадлежащія къ арійской вѣтви бѣлой расы, играли въ исторіи такія различныя роли» (стр. 98). Очевидно, что различіе ихъ ролей опредѣлялось не свойствами расы, а какими-то другими причинами, о которыхъ слишкомъ мало задумывались люди, привыкшіе все сваливать на расу.

Но гдѣ же искать этихъ причинъ? Л. И. Мечниковъ отвѣчаетъ, что искать ихъ нужно во вліяніи географической среды, окружающей человѣческія общества. Всѣмъ извѣстно, что свойства географической среды въ различныхъ мѣстахъ очень различны, а потому различны и судьбы племенъ, испытывающихъ на себѣ ея могучее дѣйствіе. Мысль о вліяніи географической среды на историческую судьбу человѣчества далеко не нова въ наукѣ. Ее не разъ высказывали еще греческіе и римскіе писатели, въ новѣйшее время ее развивали Монтескье, Гегель, Бокль, Риттеръ и многіе другіе. Но нерѣдко вліяніе географической среды на историческія судьбы человѣческихъ обществъ понималось очень неяснымъ и даже прямо ошибочнымъ образомъ. Главная ошибка нѣкоторыхъ изслѣдователей сводилась въ этомъ случаѣ къ тому, что слѣдовъ вліянія этой среды они искали больше въ психологіи или даже въ физіологіи различныхъ племенъ, чѣмъ въ ихъ соціальномъ бытѣ. Подъ вліяніемъ географической среды, говорили они, сложился такой-то и такой-то характеръ даннаго племени, а характеръ его, въ свою очередь, опредѣлилъ собою его исторію. Но нетрудно видѣть, что такое разсужденіе опять приводитъ насъ къ тѣмъ же свойствамъ расы. Разница лишь въ томъ, что въ этомъ случаѣ происхожденіе мнимыхъ свойствъ расы выясняется нѣсколько подробнѣе. Изслѣдователи этого направленія забывали, что человѣкъ живетъ въ обществѣ, вліяніе котораго на его характеръ и привычки безконечно сильнѣе непосредственнаго вліянія природы. Поэтому, чтобы правильно оцѣнить вліяніе среды на историческую судьбу человѣчества, нужно прослѣдить, какъ эта природная среда вліяетъ на

складъ и свойства той общественной среды, которая ближайшимъ образомъ опредѣляетъ характеръ и наклонности человѣка. Л. И. Мечниковъ довольно подробно разсмотрѣлъ вліяніе «великихъ историческихъ рѣкъ»: Нила, Тигра и Евфрата, Кіанга и Гоанъ-го, на развитіе древнихъ восточныхъ цивилизацій. Эти цивилизаціи были не только древними, но и древнѣйшими. Поэтому понятно, что правильно поставленное изученіе ихъ должно выяснить намъ, какая именно географическая среда наиболѣе способствовала рѣшительному выступленію человѣчества на путь цивилизаціи. Важныя особенности «великихъ историческихъ рѣкъ» сводятся, по замѣчанію Л. И. Мечникова, къ слѣдующему: «орошаемыя ими страны могутъ стать, смотря по обстоятельствамъ, или житницами, изъ которыхъ люди трудомъ нѣсколькихъ дней могутъ почерпать средства къ существованію въ теченіе цѣлаго года, или—кладбищами, усѣянными безчисленными трупами, жертвами наводненій, голода и заразы. Чтобы эксплуатировать исключительную среду, создаваемую этими рѣками, необходимы совокупныя усилія строго дисциплинированныхъ рабочихъ, вербуемыхъ между побережнымъ населеніемъ, обыкновенно очень разнообразнымъ по своему составу, различнымъ по языку, расѣ, внѣшнему виду и обычаямъ. Каналы Кіанга и плотины Гоанъ-го, по всей вѣроятности, представляютъ искусно организованный совокупный трудъ болѣе многочисленныхъ поколѣній, чѣмъ храмы и пирамиды Египта. Малѣйшая небрежность въ рытьѣ того или другого рва или въ поддержаніи какой нибудь насыпи, малѣйшая лѣность, эгоизмъ, проявляемый однимъ человѣкомъ или одной группой людей въ дѣлѣ охраненія общаго воднаго богатства становится въ подобной исключительной средѣ источникомъ общественнаго бѣдствія, непоправимаго народнаго несчастія. Такимъ образомъ кормилица—рѣка подъ страхомъ смерти вынуждаетъ къ тѣсной и постоянной солидарности всѣ эти массы населенія, часто незнакомыя или даже враждебныя между собой; она осуждаетъ каждаго на такія работы, общеполезность которыхъ обнаруживается лишь современемъ и планъ которыхъ чаще всего непонятенъ среднему человѣку. Вотъ истинная причина боязливаго и благоговѣйнаго обожанія рѣки, этого бога, который питаетъ и повелѣваетъ, убиваетъ и даетъ жизнь, повѣряетъ свои тайны немногимъ избраннымъ, но требуетъ слѣпого повиновенія отъ простого смертнаго» (стр. 189). И въ самомъ дѣлѣ, переведенный г. Масперо и цитируемый Л. И. Мечниковымъ гимнъ Нилу не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ источника этого обожанія: «Привѣтъ тебѣ, о Нилъ, ты, который проявляешься на землѣ и мирно приходишь, чтобы дать жизнь Египту. Создатель хлѣба, творецъ ячменя, онъ увѣковѣчиваетъ теченіе времени... Его трудъ даетъ отдыхъ милліонамъ несчастныхъ. Когда онъ убываетъ, боги на небесахъ падаютъ ницъ, люди гибнутъ... Когда онъ поднимается, земля преисполняется радости, всякое брюхо веселится, всякое существо получаетъ свою пищу,

всѣ зубы принимаются за работу... самыя жертвоприношенія существуютъ лишь благодаря ему» и проч. (стр. 215—216). Но тотъ же самый могучій и таинственный богъ, создатель «всѣхъ хорошихъ вещей», создавалъ также и деспотизмъ, свойственный древнему Египту. «Никакой народъ—говоритъ Ленорманъ объ египтянахъ—не заходилъ такъ далеко въ своемъ почтеніи къ власти государя, не ставилъ такъ высоко понятія о власти, не обоготворялъ ее до такой степени. И это происходило оттого, что нигдѣ задача и необходимость этой власти не выяснились до такой степени народу условіями матеріальной жизни, производствомъ предметовъ самой первой потребности». При внимательномъ отношеніи къ дѣлу оказывается, впрочемъ, что и власть халдейскихъ царей основывалась на матеріальныхъ условіяхъ жизни, на производствѣ предметовъ первой необходимости. Это сознавали, повидимому, и сами цари. «Я изучилъ тайны рѣкъ для блага людей...—говоритъ о себѣ одинъ изъ нихъ.—Я провелъ рѣчную воду въ пустыни; я наполнилъ ею изсохшіе рвы... я оросилъ пустынныя равнины; я далъ имъ плодородіе и изобиліе; я сдѣлалъ изъ нихъ обитель счастья», и т. д. (стр. 258 разб. книги). Говоря вообще, таково же было экономическое значеніе деспотической власти и въ Китаѣ, по крайней мѣрѣ, въ области Янъ-тсе-Кіанга и нижняго Гоанго. «Тамъ мы опять встрѣчаемся съ такой средой, которая, щедрою рукою вознаграждая трудъ человѣка, вынуждаетъ его, подъ страхомъ истребленія, къ полной солидарности, къ строгой и постоянной дисциплинѣ, распространяющейся даже на самыя мелкія частности жизни» (стр. 353—354). Наконецъ, хотя въ Индіи свойства географической среды и помѣшали возникновенію государственнаго единства, но и тамъ они сдѣлали деспотизмъ неизбѣжной и для извѣстнаго времени полезной политической формой. У насъ есть достаточно данныхъ для того, чтобы представить себѣ тѣ соціально-политическія отношенія, которыя существовали у индійскихъ арійцевъ до возникновенія у нихъ деспотическихъ государствъ. Эти отношенія характеризуются въ особенности независимостью общины, во главѣ которой стоялъ выборный начальникъ. По географическимъ условіямъ страны, общины могли оставаться независимыми лишь до тѣхъ поръ, пока индійскіе арійцы жили въ роскошныхъ долинахъ Кашимира, «гдѣ сложились древнѣйшіе гимны Ригъ-Веды и въ сосѣдствѣ Гинду-Куша. Изобиліе дождей въ соединеніи съ плодородіемъ почвы благопріятствовало пастушеской жизни и обработкѣ почвы свободнымъ трудомъ небольшихъ независимыхъ группъ». Еслибы арійцы не пошли дальше въ своемъ заселеніи Индіи, они могли бы навсегда сохранить свои первобытныя свободныя учрежденія, за то и не играли бы никакой роли въ исторіи. Но они неудержимо подвигались внутрь страны, гдѣ ихъ ожидали уже иныя географическія условія. «Обширная мѣстность, которая въ сводѣ Ману называется «серединною страною», Мадья-деза, имѣетъ всѣ отличительные

признаки среды, благопріятной для историческаго развитія» (стр. 303). Тамъ земледѣліе, продолжая щедро вознаграждать усилія человѣка, становится однако немыслимымъ безъ той планомѣрной организаціи и дисциплины труда, которыя, создавъ древнія цивилизаціи, создали также и древнее деспотическое государство. Тоже и во всемъ бассейнѣ Ганга. Обширная система орошенія тамъ совершенно необходима; малѣйшая неисправность въ поддержаніи этой системы грозитъ странѣ болѣе страшными бѣдствіями, чѣмъ самое опустошительное нашествіе непріятеля. Центральная власть, завѣдывающая этой системой, пріобрѣтаетъ огромную силу и становится деспотической.

Но древнія восточныя цивилизаціи представляютъ собою только первые большіе шаги человѣчества на пути историческаго развитія. Для слѣдующихъ шаговъ требуется уже иная географическая среда, благопріятствующая развитію иныхъ соціально-политическихъ отношеній. Развитіе техническихъ искусствъ и возрастаніе богатствъ создаютъ надобность въ международныхъ сношеніяхъ, въ обмѣнѣ. Центръ тяжести цивилизаціи переносится на берега средиземныхъ морей. На историческую сцену выступаютъ новые дѣятели: финикійцы, греки, римляне и т. д. Тѣ народы, которые подобно египтянамъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могутъ приспособиться къ новымъ условіямъ цивилизованнаго существованія, отступаютъ на задній планъ, приходятъ въ упадокъ. Для народовъ же, съумѣвшихъ приспособиться къ этимъ условіямъ, начинается новый періодъ процвѣтанія. Такова была судьба Халдеи, которая въ первомъ періодѣ является исключительно земледѣльческою страною, но затѣмъ играетъ огромную роль въ торговлѣ Персидскаго залива, этого ближайшаго къ Европѣ средиземнаго моря Востока. Но постепенно международныя сношенія развиваются до такой степени, что средиземныя моря становятся тѣсны для нихъ, и тогда образованное человѣчество входитъ въ періодъ океаническихъ цивилизацій, выдвигающій на первый планъ страны, наиболѣе удобныя для развитія океанической торговли.

Въ соціально-политическомъ отношеніи древнія рѣчныя цивилизаціи характеризуются, какъ мы знаемъ, преобладаніемъ обширныхъ деспотій; въ періодъ цивилизаціи средиземныхъ морей, къ которой нашъ авторъ относитъ и средневѣковую Европу, выступаетъ новый принципъ. Господствующей формой является федеративная республика, основанная, впрочемъ, на рабствѣ, и потому всегда болѣе или менѣе олигархическая (стр. 44—45). Наконецъ, новѣйшій океаническій періодъ цивилизаціи по направленію своему одинаково враждебенъ и деспотизму, и олигархіи; онъ стремится воплотить въ жизни провозглашенныя Великой Революціей права человѣка, устранить господство однихъ классовъ надъ другими, осуществить принципы свободы, равенства и братства (стр. 51—52).

Итакъ, при данныхъ природой условіяхъ человѣческаго существованія,

деспотизмъ, раздѣленіе общества на классы, угнетеніе одного класса другимъ и всѣ подобныя этому черныя стороны цивилизаціи были необходимы для ея развитія. Но успѣхи этого развитія постепенно ведутъ къ ихъ отрицанію, и уже недалеко то время, когда начнется новый періодъ свободныхъ и разумныхъ общественныхъ отношеній. Къ такому выводу приходитъ Л. И. Мечниковъ. Намъ кажется, однако, что этотъ выводъ выраженъ неточно. Въ концѣ первой своей главы авторъ выставляетъ, между прочимъ, такое положеніе: «соціологическій прогрессъ,—говоритъ онъ,—обратно пропорціоналенъ насилію, принужденію, власти и прямо пропорціоналенъ отсутствію стѣсненій воли, свободѣ, анархіи» (стр. 28). Это доказалъ, по его мнѣнію, еще Прудонъ. Съ такой постановкой вопроса мы согласиться не можемъ. Во-первыхъ, выставленное авторомъ положеніе опровергается содержаніемъ его собственной книги. Сравните общественный строй, выработавшійся въ періодъ «рѣчныхъ цивилизацій», со строемъ первобытныхъ человѣческихъ обществъ, и вы увидите, что «принужденіе» и «власть» играютъ гораздо большую роль въ первомъ, чѣмъ во второмъ. Но можно ли сказать, что «рѣчныя цивилизаціи» въ смыслѣ «соціологическаго прогресса» ушли назадъ въ сравненіи съ первобытными обществами? Можно больше симпатизировать свободному быту дикарей, чѣмъ цивилизованной деспотіи, но зачѣмъ же придавать слову прогрессъ такое произвольное и парадоксальное значеніе, благодаря которому оказывается, что первобытныя племена, почти не двигаясь съ мѣста, ушли по пути прогресса дальше, чѣмъ народы, оставившіе за собою длинный историческій путь? Вообще мы думаемъ, что въ общественной наукѣ вредны всякія отвлеченныя формулы. Уже вслѣдствіе своей отвлеченности онѣ всегда крайне односторонни и никогда не охватываютъ богатаго содержанія дѣйствительной жизни и исторіи. Распредѣлять различныя общества по степенямъ «прогресса» и принимать при этомъ въ соображеніе только одну сторону ихъ отношеній,—это то же, что распредѣлять растительные виды, роды и семейства по количеству тычинокъ, или человѣческія расы по разрѣзу волосъ: ошибки и противорѣчія немедленно явятся въ огромномъ числѣ. Въ первобытныхъ обществахъ больше свободы, чѣмъ въ восточныхъ деспотіяхъ; но восточныя деспотіи все-таки гораздо дальше ушли по пути прогресса, потому что населенія ихъ имѣютъ гораздо большую власть надъ природой, чѣмъ свободные дикари. Вѣдь нельзя же разсуждать о прогрессѣ человѣка, не принимая во вниманіе степени власти его надъ природой. Способность къ пріобрѣтенію такой власти составляетъ главнѣйшее отличіе человѣка отъ животнаго. Если бы онъ не обладалъ ею, и если бы мѣра власти его надъ природой не измѣнялась при благопріятныхъ условіяхъ, то не было бы исторіи, не было бы и человѣческаго прогресса ни въ какомъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того, мы замѣтимъ еще вотъ что. Для насъ, какъ мы уже сказали, не подлежитъ сомнѣнію

тотъ выводъ, что исторія ведетъ человѣчество къ свободѣ и равенству. Но ведетъ ли она къ анархіи? Можно ли сказать, что общественное развитіе идетъ по тому направленію, на которое указывалъ Прудонъ? Далеко нѣтъ. «Анархія» Прудона до такой степени пропитана духомъ мелкобуржуазнаго индивидуализма, что если бы человѣчество когда-нибудь прониклось прудоновскими идеями, то совершенно невозможна стала бы планомѣрная организація общественнаго производства на какихъ бы то ни было началахъ свободы и равенства. Конечно, въ тѣхъ общественныхъ формахъ, къ которымъ, видимо, идетъ теперь цивилизованное человѣчество, не можетъ имѣть мѣста ни деспотизмъ, ни политическая власть одного класса надъ другимъ, ни, наконецъ, та, по внѣшности, демократическая, власть, которая поддерживаетъ теперь въ нѣкоторыхъ странахъ экономическое господство буржуазіи надъ пролетаріатомъ. Но сохранитъ вѣдь общество власть надъ своими собственными производительными силами? Сохранитъ оно власть надъ организаціей этихъ силъ? Конечно—да, потому что отказъ отъ этой власти былъ бы для него равносиленъ самоубійству. Но въ такомъ случаѣ общество это не будетъ анархическимъ, потому что анархія означаетъ полное безвластіе, оставляющее неограниченный просторъ, — не свободѣ, немыслимой безъ организаціи,—а произволу отдѣльныхъ лицъ, исключающему всякую организацію. Вообще, мы позволимъ себѣ замѣтить, что соображенія объ анархіи довольно сильно повредили достоинству книги Л. И. Мечникова,—повредили тѣмъ, что помѣшали систематическому развитію лежащихъ въ ея основѣ совершенно вѣрныхъ и плодотворныхъ мыслей. Иногда онъ какъ бы опасается своихъ выводовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ анархическими воззрѣніями, и тогда онъ начинаетъ смягчать ихъ различными оговорками, противорѣчащими его ученію. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Показавъ, какъ нельзя болѣе ясно что въ древнемъ Египтѣ производство не могло устроиться иначе, какъ при помощи деспотической власти, онъ считаетъ нужнымъ смягчить свои слова и ссылается на Элизэ Реклю, по мнѣнію котораго географическія условія представляли жителямъ долины Нила выборъ между деспотизмомъ и ассоціаціей, основанной на равенствѣ всѣхъ и каждаго (стр. 227). Правда, онътотчасъ же замѣчаетъ, что слова: прогрессъ и эволюція не имѣли бы смысла, если-бы древніе египтяне могли начать со свободной ассоціаціи. Но если это такъ, то для древнихъ египтянъ выходъ былъ только въ сторону деспотизма, а потому нельзя сказать, какъ это говоритъ Л. И. Мечниковъ, что «даже съ самаго начала, среда, представляемая долиной Нила, не навязывала жителямъ деспотизма, а только совѣтовала быть солидарными». Повторяемъ, подобными оговорками Л. И. Мечниковъ только подрывалъ значеніе своихъ собственныхъ выводовъ.

Другой недостатокъ книги нашего автора состоитъ въ слѣдующемъ.

Главнѣйшія положенія его философіи исторіи совершенно матеріалистичны. Но въ частностяхъ онъ нерѣдко уклоняется въ сторону идеализма. Такія частности встрѣчаются почти въ каждой главѣ его книги. Въ главѣ «Индъ и Гангъ», онъ говоритъ, что Индія имѣла особенную задачу въ исторіи человѣчества, и что «возмутительнымъ учрежденіемъ кастъ она начала исторію права» (стр. 281). Такое большое значеніе приписываетъ онъ кастамъ потому, что по его мнѣнію касты ставили предѣлы неограниченной въ другихъ центрахъ «рѣчныхъ цивилизацій» деспотической власти. «Въ древности одна только Индія сумѣла осуществить такой общественный порядокъ, который регулировался своимъ внутреннимъ механизмомъ независимо отъ принужденій личной и произвольной власти. Чтобы разрѣшить эту задачу всемірной исторіи Индія преувеличила до абсурда, до возмутительности, тѣ классовыя различія, которыя возникаютъ повсюду. «Все это тѣмъ сильнѣе отзывается идеализмомъ, что мы вовсе не видимъ, какъ же собственно возникли индійскія касты и какимъ образомъ авторъ связываетъ возникновеніе ихъ со свойствами географической среды. Въ настоящее время самое существованіе этихъ кастъ въ томъ видѣ, въ какомъ представлялъ ихъ себѣ Л. И. Мечниковъ, подвергается сильному сомнѣнію. Вотъ какъ высказывается по этому поводу Г. С. Мэнъ, писатель, компетентности котораго никто не станетъ отрицатъ. «Мнѣ извѣстно ходячее народное мнѣніе, будто-бы индійское общество раздѣлено такъ сказать на много горизонтальныхъ слоевъ, изъ которыхъ каждый составляетъ особую касту. Это—совершенное заблужденіе. Крайне сомнительно была ли когда нибудь справедлива браминская теорія о кастахъ, стоящихъ одна надъ другой... вѣроятно даже, что наибольшая важность приписывалась такой теоріи въ новѣйшее время, чѣмъ когда-либо въ древнѣйшія времена. Въ дѣйствительности въ Индіи существуетъ только одна каста—жрецовъ, которая въ извѣстномъ, хотя очень ограниченномъ смыслѣ считается стоящей выше всѣхъ... Каста есть просто названіе ремесла или занятія»... (Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ. С.-Петербургъ 1874, стр. 32—33). Мы не хотимъ спорить о томъ, правъ или неправъ Г. С. Мэнъ, хотя и думаемъ, что онъ правъ. Но читатель согласится, что Л. И. Мечникову во всякомъ случаѣ не слѣдовало говорить объ особенной исторической задачѣ Индіи, не показавъ предварительно, что взглядъ Мэна ошибоченъ. Нашъ авторъ пренебрегъ требованіями критики въ интересахъ предвзятаго идеалистическаго взгляда, совсѣмъ не вяжущагося съ главными положеніями его исторической теоріи.

Прежде чѣмъ указать другія, подобныя же, уклоненія его въ сторону идеализма, мы замѣтимъ, что вообще въ разбираемомъ нами сочиненіи географъ слишкомъ мало оставляетъ мѣста историку. Это можетъ быть происходитъ оттого, что авторъ не имѣлъ времени придать своему изло-

женію надлежащую соразмѣрность. Но какъ бы то ни было, недостатокъ этотъ присущъ его книгѣ. Географическія особенности территорій рѣчныхъ цивилизацій указаны въ ней съ такими подробностями, которыя не оставляютъ ничего желать. Но какъ только рѣчь заходитъ о характерѣ общественныхъ отношеній, создаваемыхъ этими особенностями, изложеніе становится очень краткимъ. Оно становится слишкомъ краткимъ, когда авторъ касается внутренняго развитія выросшаго на берегахъ географическихъ рѣкъ общественнаго порядка. Отъ этого ученіе Л. И. Мечникова страдаетъ, сказали-бы мы, нѣкотораго рода географическимъ схематизмомъ. Намъ могутъ замѣтить, что современная наука даетъ пока еще слишкомъ мало данныхъ для всесторонняго изученія характера и развитія общественныхъ отношеній древняго Востока. Это справедливо; но все таки слѣдовало воспользоваться всѣми тѣми данными, которыя есть, а Л. И. Мечниковъ этого не сдѣлалъ. Отсюда выходитъ вотъ что: хотя книга его вообще не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что географическая среда вліяетъ на человѣка главнѣйшимъ образомъ черезъ посредство возникающихъ подъ ея дѣйствіемъ экономическихъ отношеній, но экономическая сторона дѣла выяснена имъ въ этой книгѣ все таки очень мало. Если бы онъ побольше обратилъ на нее вниманія, то можетъ быть нашелъ бы въ ней разгадку такихъ явленій, которыя ему приходилось объяснять простымъ «истощеніемъ» даннаго историческаго народа, убылью въ немъ жизненнаго «сока» и т. п. Необходимость перехода человѣчества изъ одного періода цивилизаціи въ другой стала бы еще болѣе очевидною. Характеристическіе признаки различныхъ періодовъ обозначились бы яснѣе, а происхожденіе этихъ признаковъ стало бы понятнѣе. Намъ кажется, что разъ Л. И. Мечниковъ заговорилъ объ особенностяхъ, напримѣръ, цивилизаціи средиземныхъ морей, то ему слѣдовало сдѣлать хотя бы намекъ на происхожденіе этихъ особенностей изъ свойствъ географической среды и черезъ посредство экономіи. Теперь же остается неясно, почему эти цивизаціи были, какъ онъ ихъ называетъ, олигархическими, т. е. почему онѣ основывались на рабствѣ. Точно также слѣдовало бы подробнѣе объяснить и то, на какомъ основаніи и въ какой мѣрѣ авторъ уподобляетъ бытъ средневѣковой континентальной Европы быту такихъ республикъ, какъ финикійская, карѳагенская, аѳинская и т. д. Одного порабощенія массъ еще недостаточно для такого уподобленія. При томъ же порабощеніе массъ въ средиземно-морскихъ цивилизаціяхъ имѣетъ свою исторію, для объясненія которой недостаточно сдѣлать общее указаніе на роль средиземныхъ морей, а нужно прослѣдить внутреннюю экономическую исторію возникшихъ на ихъ берегахъ обществъ. Л. И. Мечниковъ говоритъ, что средневѣковый феодализмъ со своимъ крѣпостнымъ правомъ представляетъ собою лишь сельское дополненіе къ

городскимъ республикамъ въ родѣ Карѳагена, Аѳинъ или Рима (стр. 50). Но вѣдь сельское значитъ по преимуществу земледѣльческое, а для земледѣльческихъ народовъ, по собственной теоріи Л. И. Мечникова, море не имѣетъ значенія; земледѣльческіе народы часто даже удаляются отъ моря, «поворачиваются къ нему спиною», вмѣсто того, чтобы искать его. Какимъ же образомъ Средиземное море могло имѣть рѣшительное вліяніе на складъ общественныхъ отношеній средневѣковой земледѣльческой Европы? Ясно, что вліяніемъ географической среды нельзя выяснить всего хода исторіи. Среда дѣлаетъ, конечно, свое дѣло, но создавшіяся подъ ея вліяніемъ общественныя отношенія также имѣютъ свою внутреннюю логику, которая часто можетъ стать даже въ противорѣчіе съ требованіями среды. Въ новѣйшей исторіи Европы, какъ и во всякой другой, можно указать нѣсколько примѣровъ подобнаго противорѣчія. Изученіе внутренней логики общественныхъ и, главнымъ образомъ, экономическихъ отношеній обязательно никакъ не меньше, чѣмъ изученіе географической подкладки всемірной исторіи. Эти два рода изученія дополняютъ одно другое, и подъ ихъ соединеннымъ напоромъ мало-по-малу откроются интимнѣйшія тайны исторіи. Для изученія внутренней логики общественныхъ отношеній много сдѣлано въ послѣднія сорокъ лѣтъ, въ особенности, школой Маркса, и нельзя не пожалѣть, что Л. И. Мечниковъ оставилъ безъ вниманія почти всѣ ея выводы. Въ концѣ концовъ, и говоря вообще, его работа приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ пришли марксисты. Но заключенія его много выиграли бы въ стройности и послѣдовательности, если бы онъ воспользовался историческими взглядами Маркса и Энгельса для ихъ провѣрки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взять хотя бы уже приведенное мнѣніе Л. И. Мечникова о томъ, что историческое развитіе ведетъ къ переустройству общественныхъ отношеній въ смыслѣ свободы и равенства. На чемъ основывается это мнѣніе? На общемъ соображеніи о томъ, что люди должны научиться современемъ организовать свой трудъ и безъ корыстнаго надзора предпринимателя. Это соображеніе имѣетъ за себя большую вѣроятность; такую большую, что нашему автору въ сущности не было никакой надобности подкрѣплять его аналогіями, заимствованными изъ области явленій природы, такъ какъ всѣ такого рода аналогіи обыкновенно очень натянуты и произвольны. Но все-таки, какъ ни вѣроятно соображеніе Л. И. Мечникова, оно остается только вѣроятнымъ. Характеръ несомнѣнности оно могло бы пріобрѣсть только въ томъ случаѣ, если бы онъ хоть въ немногихъ словахъ показалъ, какимъ образомъ логика внутреннихъ отношеній современныхъ цивилизованныхъ странъ ведетъ къ указанной имъ цѣли. Школа Маркса сдѣлала это, обративъ надлежащее вниманіе на размѣры и свойства современныхъ производительныхъ силъ и на противорѣчіе этихъ силъ съ современными отношеніями производства.

Марксъ показалъ, что устраненіе капиталистическихъ производственныхъ отношеній представляетъ собою историческую необходимость. Жаль, что Л. И. Мечниковъ не нашелъ нужнымъ считаться съ ученіемъ Маркса. Это ученіе придало бы его теоріи прогресса характеръ большей стройности и достовѣрности. Школа Маркса и у насъ имѣла своихъ послѣдователей. Книга Н. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры» очень пригодилась бы Л. И. Мечникову въ его изслѣдованіяхъ.

Говоря все это, мы ни на минуту не забываемъ, однако, что la critique est aisée, l'art est difficile. и что слишкомъ рѣдко появляются сочиненія, на которыя не могли бы сдѣлать нѣкоторыхъ возраженій и замѣчаній даже наиболѣе расположенные къ автору и наиболѣе согласные съ нимъ критики. Мы помнимъ также, что на книгу Л. И. Мечникова нельзя смотрѣть, какъ на вполнѣ законченное произведеніе, что смерть помѣшала ему придать ей надлежащую отдѣлку. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ книга эта остается замѣчательной работой, и мы настойчиво совѣтуемъ познакомиться съ ней, а лучше сказать изучить ее тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые достаточно владѣютъ французскимъ языкомъ [1]).

О книгѣ Д. Гатти.

Le socialisme et l'agriculture, par G. Gatti député an parlement italien Avec une introduction de G. Sorel. Paris. V. Giare E. Briere. 1902. (Соціализмъ и земледѣліе, соч. Дж. Гатти, депутата въ итальянскомъ парламентѣ. Со введеніемъ Г. Сореля. Парижъ, В. Жіаръ и Э. Брізръ. 1902).

Въ 1897 году Джероламо Гатти представилъ конгрессу итальянской рабочей партіи, имѣвшему мѣсто въ Болоньѣ, докладъ, въ которомъ онъ убѣждалъ своихъ товарищей въ томъ, что они должны «привить соціализмъ къ буржуазной вѣткѣ сельско-хозяйственныхъ кооперацій». Большинство делегатовъ отнеслось очень отрицательно къ его предложенію, и оно было отклонено. Но, потерпѣвъ пораженіе на Болонскомъ конгрессѣ, Гатти не оставилъ своей мысли, а постарался развить ее дальше и обосновать съ помощью новыхъ данныхъ. Плодомъ этихъ стараній явилась книга о «Соціализмѣ и земледѣліи», французскій переводъ которой вышелъ недавно въ Парижѣ у Жіара и Брізра.

---

[1]) Писано въ 1889 году.

Съ болонскаго конгресса Гатти вынесъ то впечатлѣніе, что итальянскіе товарищи, отклонившіе его предложеніе, были плохо знакомы съ фактами, касающимися нынѣшняго состоянія мелкой поземельной собственности. Неудивительно поэтому, что въ его книгѣ этимъ фактамъ отведено довольно значительное мѣсто. Мы говоримъ: «довольно значительное» потому, что, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: главное. Главное мѣсто въ книгѣ Гатти принадлежитъ разсужденіямъ общаго свойства, имѣющимъ къ аграрному вопросу лишь весьма отдаленное отношеніе. Онъ разсуждаетъ и о соціологическомъ значеніи расы, и о факторахъ историческаго развитія, и о субъективномъ методѣ въ соціологіи, и о вліяніи географической среды на общественныя отношенія, и даже о человѣческой природѣ. Всѣ эти предметы разсматриваются имъ очень бѣгло, очень поверхностно, съ неожиданными отступленіями и съ совершенно излишними повтореніями. Толку изъ всего этого выходитъ очень мало, а между тѣмъ мѣста это беретъ очень много, вслѣдствіе чего изображеніе нынѣшняго состоянія мелкой поземельной собственности тоже оказывается очень неудовлетворительнымъ. Погнавшись за многими зайцами сразу, Гатти не поймалъ ни одного.

Въ доказательство этого мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. На страницѣ 292 мы находимъ у нашего автора слѣдующую таблицу, показывающую движеніе поземельной собственности во Франціи:

Гектары	1862	1882
отъ 0 до 10	2.435.402	2.635.000
„ 10 до 40	636.309	727.222
„ 40 и выше . . .	154.167	142.088

На основаніи этой таблицы нашъ авторъ считаетъ себя въ правѣ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что во Франціи растетъ мелкая собственность и уменьшается крупная («accroissement de la petite propriété et diminution de la grande», курсивъ у автора). Но, во первыхъ, почему Гатти ограничился періодомъ 1862—1882? Вѣдь теперь есть болѣе свѣжія данныя, относящіяся къ десятилѣтію 1882—1892. А, во вторыхъ,—почему Гатти не потрудился внимательнѣе анализировать приведенныя имъ данныя? Сказать, что въ такой-то промежутокъ времени возрасло число собственниковъ, имѣющихъ до 10 гектаровъ, значитъ очень мало сказать о состояніи мелкаго землевладѣнія. До 10 гектаровъ имѣетъ и тотъ, у кого ихъ девять, и тотъ, за кѣмъ числится крошечный «носовой платокъ», не превышающій одной девятой гектара. Обладатель девяти гектаровъ можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, недурно жить независимыми «трудами рукъ своихъ», а собственникъ «носового платка» во всякомъ случаѣ вынужденъ жить

продажей своей рабочей силы. Такимъ образомъ, тутъ передъ нами—двѣ совершенно различныя соціальныя категоріи. Смѣшивать ихъ непозволительно, но Гатти не смущается этимъ; вѣрнѣе сказать, онъ какъ будто и не подозрѣваетъ этого. Основываясь на приведенной имъ таблицѣ, онъ умозаключаетъ къ росту мелкой и къ уменьшенію крупной поземельной собственности во Франціи, а затѣмъ переходитъ къ Бельгіи, торопливо прибавивъ: «это путь прямо-противоположный тому, который ведетъ къ капитализму, т. е. къ увеличенію числа пролетаріевъ, живущихъ заработной платой и къ уменьшенію числа мелкихъ землевладѣльцевъ» (та-же страница).

При ближайшемъ и при болѣе внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, данныя статистики французскаго землевладѣнія представляются въ иномъ свѣтѣ. Возьмемъ самыя свѣжія данныя. Въ десятилѣтіе 1882—1892 годы, которое почему-то совсѣмъ обходится въ таблицѣ Гатти—число крупныхъ экономій (exploitations) понизилось со 142088 до 138671, т. е. уменьшилось на 3417. Но,—какъ справедливо замѣчаетъ Флуръ-де-Сенъ-Жени,—это только одна видимость; и мы составимъ себѣ ложное понятіе о положеніи дѣлъ, если остановимся на этой цифрѣ и не потрудимся разложить ее на ея составные элементы. На самомъ дѣлѣ крупная собственность не «уменьшалась», а «увеличивалась». Ея общая площадь поднялась съ 22.296.100 гектаровъ въ 1882 году до 22.493.400 гектаровъ въ 1892: приращеніе=197.300 гектаровъ. Кромѣ того, число экономій уменьшилось лишь въ той категоріи, которую слѣдовало отнести скорѣе къ средней, чѣмъ къ крупной собственности: въ категоріи отъ 40 до 100 гектаровъ. Тутъ мы видимъ убыль, равную 4818. Наоборотъ, число экономій, охватывающихъ 100 гектаровъ и выше, возросло на 4477. И это возрастаніе совершилось, очевидно, насчетъ низшихъ категорій, потому что экономіи высшей категоріи увеличились не только въ числѣ, но и въ среднемъ размѣрѣ. Это совсѣмъ непохоже на то, что говоритъ намъ Гатти. Но это не все. Есть нѣкоторое основаніе думать, что увеличеніе крупной собственности было значительнѣе, чѣмъ это показываютъ приведенныя нами цифры. Флуръ-де-Сенъ-Жени замѣчаетъ, что по даннымъ изслѣдованія 1892 года крупная и мелкая собственность потеряли вмѣстѣ 653.800 гектаровъ, а крупная пріобрѣла, какъ мы знаемъ, только 197300 (La Propriété rurale en France, Paris 1902, p. 88, примѣчаніе). Куда же дѣвались остальные 456.500 гектаровъ? Это разнорѣчіе цифръ показываетъ, что изслѣдователями сдѣлана какая-то ариѳметическая ошибка. Не зная, въ чемъ именно она состоитъ, мы не можемъ сказать съ увѣренностью, что крупная поземельная собственность выросла во Франціи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія больше, чѣмъ на 197.300 гектаровъ; но мы имѣемъ полное право высказать это, какъ одно изъ возможныхъ въ этомъ случаѣ предположеній.

А мелкая собственность? Мы уже видѣли, что десятилѣтіе 1882—1892,—повторяемъ, послѣднее изъ тѣхъ, о которыхъ у насъ имѣются статистическія данныя,—было неблагопріятно для нея, что она потеряла часть своей площади; но не мѣшаетъ точнѣе опредѣлить характеръ понесенныхъ ею потерь. Что же говоритъ объ этомъ статистика?

Въ 1882 году число мелкихъ собственниковъ (отъ 1 до 10 гектаровъ) равнялось 2.635.030; въ 1892 году оно понизилось до 2.617.558; разность 17.471. Въ то же самое время общая площадь земель этой категоріи съ 11.366.274 гектаровъ уменьшилась до 11.244.750; разность 121524 гектара (Флуръ-де-Сенъ-Жени, L. C. p. 151). Это опять совершенно не то, что говоритъ намъ Гатти. Но пойдемъ дальше. Въ категоріи очень мелкой собственности (до гектара) мы, за указаннсе десятилѣтіе, находимъ слѣдующія измѣненія: число собственниковъ увеличилось на 67.738, а площадь принадлежащей имъ земли выросла на 233.420 (Флуръ-де-Сенъ-Жени. L. C. p. 151). Стало быть, эта категоріи дѣйствительно, стала больше въ обоихъ отношеніяхъ. Надо помнить, однако, что это некрестьянская, а пролетарская категорія. Собственность этого разряда не обезпечиваетъ независимаго существованія. Нѣсколько разъ цитированный нами Флуръ-де-Сенъ-Жени говоритъ, повторяя извѣстное выраженіе де-Фовилля, что мелкая, а въ особенности очень мелкая собственность необходима для крупной, такъ какъ доставляетъ ей рабочія руки и въ то же время обезпечиваетъ ей сбытъ нѣкоторыхъ продуктовъ (p. 335). Но если это такъ, то во французской деревнѣ ходъ развитія производственныхъ отношеній вовсе не противорѣчитъ развитію въ сторону капитализма, какъ въ этомъ хочетъ увѣрить насъ Гатти.

А что мы видимъ въ Бельгіи, на которую часто ссылается нашъ авторъ? Здѣсь, по его словамъ, замѣтно увеличеніе числа крестьянъ-собственниковъ и уменьшеніе земельной площади, сдаваемой въ аренду. А изъ этихъ фактовъ онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что бельгійское крестьянство обладаетъ большой силой сопротивленія и что вліяніе сельско-хозяйственнаго капитализма въ Бельгіи очень слабо (стр. 292—293). Этотъ выводъ самъ по себѣ не дуренъ, но бѣда въ томъ, что данныя, лежащія въ его основѣ, не вѣрны, а потому и самъ онъ не соотвѣтствуетъ истинному положенію дѣлъ. Въ 1880 г. въ девяти провинціяхъ бельгійскаго королевства 65,1% всей сельско-хозяйственной площади находилось въ рукахъ арендаторовъ; въ 1895 въ арендѣ было уже 68,9% этой площади. Но это среднія цифры. А если мы взглянемъ на цифры, относящіяся къ отдѣльнымъ провинціямъ, то увидимъ, что, напримѣръ, въ люксембургской провинціи арендаторами обрабатывалось въ 1895 году только 32,1% сельско-хозяйственной площади, въ лютихской — 68%, въ

брабантской 72%, а въ западной Фландріи даже 88,4%. Чѣмъ далѣе мы заходимъ въ область интенсивной культуры, тѣмъ болѣе понижается процентъ земель, обрабатываемыхъ ихъ собственниками (см. Вандервельда: «La propriete fonciére en Belgique». Paris 1900, pp. 274—275). Это идетъ въ разрѣзъ съ увѣреніями Гатти. И точно также идетъ въ разрѣзъ съ ними статистика бельгійскаго землевладѣнія. Если мы возьмемъ собственно крестьянскіе участки (отъ 2 до 10 гектаровъ), то мы получимъ такія данныя:

	Собственныя земли.	Арендуемыя.	Общее число.
1846	57.169	69.961	126.120
1866	68.598	94.714	163.503
1880	60.298	97.663	158.286
1895	51.298	99.288	150.586

(Вандервельдъ, L, cit., p. 286).

Эти данныя показываютъ, что въ промежутокъ времени отъ 1846 до 1866 г. крестьянская собственность не только сохраняла свою позицію, но и увеличивалась на счетъ земель другихъ категорій. А съ 1866 года замѣчается противоположное явленіе: крестьянская собственность отступаетъ. Но этого мало. Бельгія—страна не мелкой, т. е. не крестьянской,— а очень мелкой собственности; это—страна тѣхъ «носовыхъ платковъ», которые совсѣмъ не избавляютъ своихъ обладателей отъ необходимости выносить на рынокъ свою рабочую силу. Въ 1880 году изъ общаго числа 910,396 хозяйствъ въ Бельгіи было 710.563 (78%) хозяйствъ, имѣющихъ менѣе, чѣмъ два гектара (Вандервельдъ, L. c., p. 283). Какъ же обстоитъ дѣло съ этимъ разрядомъ хозяйствъ, которыя мы назвали пролетарскими? Въ противоположность тому, что мы видимъ во Франціи, они тоже уменьшаются въ числѣ. Въ 1895 году ихъ было уже только 634.353. Это значитъ, что 76210 пролетарскихъ хозяйствъ сошло съ экономической сцены. Словомъ, и здѣсь факты показываютъ какъ разъ обратное тому, что говоритъ Гатти. Читатель спроситъ, пожалуй: неужели они остались ему неизвѣстны? Нѣтъ, грѣшно было бы утверждать это. Гатти читалъ книгу Вандервельда и уже по одному этому не могъ не знать приведенныхъ нами фактовъ, но онъ отговаривается отъ нихъ тѣмъ соображеніемъ, что они относятся къ слишкомъ малому періоду времени. Это именно только отговорка, и притомъ плохая. Что касается крестьянской собственности въ точномъ смыслѣ этого слова, то тридцати-пятилѣтній періодъ, въ теченіе котораго она идетъ назадъ, вовсе уже не такъ коротокъ самъ по себѣ и притомъ онъ значительно длиннѣе того двадцатилѣтняго—періода (1846 — 1866гг.), который отличается прогрессомъ крестьянскаго землевладѣнія. А что касается пролетарскихъ

хозяйствъ, то хотя уменьшеніе ихъ числа обнаружено только за пятнадцати-лѣтній періодъ (1880—95), но ихъ судьба, вообще, — какъ мы знаемъ, — не можетъ служить показателемъ прогресса или застоя въ развитіи капиталистическихъ производственныхъ отношеній. Именно потому, что это—хозяйства пролетарскія, они нисколько не свидѣтельствовали бы о «силѣ сопротивленія» крестьянской собственности даже и въ томъ случаѣ, если бы число ихъ возрастало, какъ мы видимъ это во Франціи. Но Гатти почему-то,—его обращеніе съ цифрами вообще до крайности загадочно,—совсѣмъ обходитъ фактъ уменьшенія числа мельчайшихъ собственниковъ въ періодъ 1888—1895 годовъ; онъ не идетъ дальше цифръ 1880 года.

Эти два примѣра достаточно характеризуютъ способъ изслѣдованія, практикуемый Гатти: у него нѣтъ и слѣда истинно критическаго отношенія къ дѣлу. Литература предмета извѣстна ему очень мало. Онъ наивно увѣряетъ своихъ читателей, что въ Германіи Бебель совѣтуетъ своимъ товарищамъ «demeurer les bras croisés en face du proletariat agricole et de la petite propriete, et negliger, dans l'attente de tous les bienfaits du regime collectiviste, toute amelioration compatile avec le regime bourgeois» (стр. 266); (по русски: скрестить на груди руки передъ сельскимъ пролетаріатомъ и мелкой собственностью и, въ ожиданіи благодѣяній коллектизма, пренебрегать всѣми улучшеніями, возможными въ буржуазномъ обществѣ). Каутскій-же, — по словамъ Гатти, — напротивъ (par contre), желалъ - бы вмѣшательства въ пользу пролетаріата, но не идетъ дальше мѣръ простого покровительства: сокращенія рабочаго дня, охраненія здоровья женщинъ и дѣтей и т. д. (та же стр.). Защищая аграрную программу, представленную на бреславскій конгрессъ 1895 года, Бебель, конечно, не воображалъ, что нѣсколько лѣтъ спустя найдется иностранный товарищъ, способный приписать ему ту мысль, что не надо ничего дѣлать даже для сельскаго пролетаріата!

Гатти настойчиво твердитъ, будто Марксъ и марксисты всегда думали, что ходъ развитія производственныхъ отношеній пойдетъ въ земледѣліи такъ-же, какъ шелъ онъ въ промышленности. А между тѣмъ Марксъ еще въ 1850 году писалъ въ своемъ журналѣ «Neue Rheinische Zeitung», что, пока продолжится существованіе буржуазныхъ отношеній, поземельная собственность будетъ вращаться въ круговомъ движеніи отъ раздробленія къ концентраціи и наоборотъ. Марксъ думалъ, что если во Франціи уже начался возвратъ къ концентраціи, то въ Англіи, напротивъ, дѣло быстро идетъ къ раздробленію. Онъ ошибся въ этомъ случаѣ: у насъ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы серьезно говорить о раздробленіи англійскаго землевладѣнія. Но сама его ошибка должна была-бы пристыдить гг. «критиковъ». Похожа ли его мысль на ту непремѣнную и неизмѣнную схему, съ которой воюетъ Гатти? Нашъ

итальянскій товарищъ могъ быть незнакомъ съ «Neue Rheinische Zeitung»; мы охотно признаемъ это. Но не нужно было читать «Neue Rheinische Zeitung» для того, чтобы не оставаться въ неизвѣстности насчетъ указаннаго нами взгляда Маркса. Каутскій ссылался на него въ своей книгѣ объ аграрномъ вопросѣ, а ее Гатти читалъ, если не въ подлинникѣ, то во французскомъ переводѣ, которой онъ цитируетъ. Выходитъ, какъ будто онъ умышленно закрылъ глаза на истину. Но намъ не хочется такъ думать, поэтому мы предполагаетъ, что онъ здѣсь,—какъ и въ обращеніи со статистикой, — просто отнесся къ своему предмету безъ достаточнаго вниманія.

Изобразивъ «успѣхи» мелкой поземельной собственности, Гатти пытается опредѣлить ту новую тактику, которой должна, по его мнѣнію, держаться итальянская рабочая партія въ аграрномъ вопросѣ. Онъ выступаетъ въ качествѣ апостола сельско-хозяйственнаго «кооператизма». Онъ говоритъ, что въ промышленности экономическое развитіе цѣликомъ направляется въ сторону капитализма, а въ земледѣліи замѣчается два теченія: одно имѣетъ капиталистическій, а другое кооперативный характеръ (стр. 227 и слѣд.). Въ своей дѣятельности рабочая партія должна считаться какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ. Кооперативизмъ, подобно капитализму, приготовляетъ торжество новаго порядка. «Коллективизмъ также можетъ явиться слѣдствіемъ кооперативной ассоціаціи, какъ и капиталистической концентраціи», говоритъ Гатти, заканчивая свою книгу (стр. 336). Въ виду этого рабочая партія должна всѣми силами поддерживать сельско-хозяйственныя кооперації, а вмѣстѣ съ тѣмъ кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ мелкой поземельной собственности. Рабочая партія не можетъ взять на себя инициативу законовъ, «которые хотятъ во что-бы то ни стало прикова̀ть мелкаго землевладѣльца къ его клочку земли, которые пытаются остановить раздробленіе поземельной собственности при ея наслѣдованіи; которые облегчаютъ пріобрѣтеніе мелкихъ участковъ, т. е. созданіе новыхъ мелкихъ собственниковъ, и усиливаются задержать естественную концентрацію собственности (курсивъ Гатти). Законодательная машина представляетъ собою ненадежную опору для того населенія, которое находится въ нищетѣ вслѣдствіе экономическихъ условій среды» (стр. 332). Но, несмотря на это, рабочая партія не должна и противиться проведенію въ парламентѣ законопроектовъ, имѣющихъ цѣлью существенно улучшить положеніе мелкой собственности: «Потому, что консервативные сторонники возстановленія мелкой собственности, безъ сомнѣнія, будутъ стараться поддержать ея существованіе во что-бы то ни стало и, если нужно, то даже возставая противъ капиталистическаго теченія: они создадутъ ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и вездѣ будутъ противодѣйствовать ея крайнему раздробленію и ея отчу-

женію. Коллективисты поддержатъ эти законодательныя мѣры, косвенно благопріятныя одной изъ двухъ великихъ тенденцій современной сельскохозяйственной экономіи, (кооперативу); поддержатъ потому, что никогда не надо задерживать развитіе естественнаго экономическаго теченія (дословно такъ: «le developpement d'un courant naturel economique»); потому что кооперативъ также вѣрно ведетъ къ коллективизму, какъ и сельскохозяйственный капитализмъ и, наконецъ, потому, что ассоціированная собственность еще больше, чѣмъ собственность изолированная, облегчитъ развитіе и пропаганду идей коллективизма» (332—333).

Итакъ, съ одной стороны приковывать мелкаго землевладѣльца къ его участку не слѣдуетъ: это задерживало бы «естественную концентрацію собственности» и къ тому же было-бы безполезно для землевладѣльцевъ этого разряда. Потому коллективисты не должны брать на себя починъ законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью такое приковываніе. А съ другой стороны не надо задерживать развитіе «естественнаго экономическаго теченія», и потому рабочая партія должна поддерживать консерваторовъ, когда тѣ будутъ укрѣплять и насаждать мелкую собственность. Кто найдетъ здѣсь противорѣчіе, тотъ услышитъ отъ Гатти, что ассоціированная собственность будетъ облегчать успѣхи коллективизма «еще болѣе», чѣмъ собственность изолированная. Но когда же изолированная мелкая собственность,—рѣчь идетъ именно о ней,—«облегчала» успѣхи коллективизма? Это остается тайной добраго Джероламо Гатти.

Гатти прекрасно знаетъ, что мелкіе землевладѣльцы, ассоціируясь между собой, сохранятъ свой экономическій характеръ мелкихъ буржуа («garderont en s'associant leur caractère économique des petits bourgeois», стр. 221). Но тѣмъ не менѣе онъ убѣжденъ, что ассоціаціи мелкихъ буржуа послужатъ переходной ступенью къ коллективизму. Онъ прекрасно знаетъ, что въ этихъ ассоціаціяхъ отсутствуетъ отличительный признакъ производственныхъ отношеній, характеризующихъ коллективизмъ: общественная собственность на средства производства. Ему очень хорошо извѣстно, что онѣ оставляютъ за каждымъ изъ своихъ членовъ личное владѣніе его прежней собственностью (стр. 234). Но это не мѣшаетъ ему быть убѣжденнымъ, что федерація такихъ ассоціацій явится «послѣдней ступенью лѣстницы, ведущей отъ индивидуализма къ коллективизму» (стр. 236). И онъ, какъ видно, совсѣмъ не хочетъ сказать намъ, на чемъ основывается это его убѣжденіе. Мы внимательно прочитали его книгу, однако эта вторая его тайна такъ и осталась для насъ неразгаданной.

Въ дѣйствительности, опытъ сельскохозяйственныхъ ассоціацій показываетъ, что онѣ пролагаютъ путь прежде всего и больше всего капитализму. Сознаніе этого проникаетъ даже въ ряды сторонниковъ противоположнаго взгляда. Такъ, Вандервельдъ, еще нѣсколько лѣтъ тому

назадъ стоявшій на точкѣ зрѣнія Гатти, теперь рѣшительно разстался съ нею. Въ статьѣ: «La coopération rurale en Belgique», напечатанной въ январьской и февральской книжкахъ «Revue d'économie politique» за нынѣшній годъ, онъ высказываетъ то твердое убѣжденіе, что въ сельскомъ хозяйствѣ производительныя ассоціаціи имѣютъ еще болѣе сильную тенденцію склоняться въ сторону капитализма, чѣмъ въ промышленности. «Кооперативныя товарищества, имѣющія цѣлью производство или продажу предметовъ, — говоритъ онъ, — ведутъ насъ къ коллективизму, но тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и акціонерныя компаніи, картели, тресты, то есть путемъ капитализма». Мы надѣемся, что современемъ это станетъ ясно и для Гатти. А разъ онъ пойметъ, куда ведутъ производительныя сельско-хозяйственныя ассоціаціи, ему уже нетрудно будетъ уяснить себѣ, къ чему могутъ привести другіе роды ассоціацій, въ организацію которыхъ входитъ еще большая доза индивидуализма [1]).

«Кооператизмъ» не устранитъ капитализма изъ деревни, а ускоритъ ходъ развитія капиталистическихъ производственныхъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ. Этого, разумѣется, совершенно достаточно для того, чтобы рабочая партія поддерживала тѣ законодательныя мѣры, которыя устраняютъ юридическія препятствія съ пути кооператизма. Но, чтобы эта партія могла поддерживать такія мѣры, не противорѣча самимъ себѣ, необходимо, чтобы онѣ удовлетворяли одному коренному требованію: онѣ отнюдь не должны упрочивать ту цѣпь, которая привязываетъ мелкаго собственника къ его участку. Задача упроченія этой цѣпи должна быть цѣликомъ предоставлена консерваторамъ.

О романѣ фонъ-Поленца „Крестьянинъ“.

Романъ фонъ-Поленца «Крестьянинъ» хорошо изображаетъ тѣ самыя стороны общественной жизни, о которыхъ такъ много говорится въ соціально-политической литературѣ. Это—чрезвычайно интересная

---

[1]) Организація бельгійской рабочей партіей потребительныхъ товариществъ въ деревняхъ очень помогаетъ, правда, ихъ сближенію съ крестьянами. Но тутъ тайна успѣха заключается въ воздѣйствіи на крестьянъ организованной рабочей партіи, сила которой обусловливается господствующими въ бельгійской промышленности капиталистическими производственными отношеніями. Да и въ этомъ случаѣ кооперація, облегчая сближеніе крестьянъ съ рабочей партіей, вовсе не создаетъ какого нибудь «новаго теченія» въ производственныхъ отношеніяхъ деревни.

экскурсія въ область «аграрнаго вопроса». Намъ хочется обратить на нее вниманіе нашихъ читателей.

Зажиточный крестьянинъ Трауготъ Бютнеръ, всю жизнь работавшій, не покладаючи рукъ, со всѣмъ своимъ семействомъ и всю жизнь остававшійся вѣрнымъ религіи «сбереженія», мало по малу попадаетъ въ руки ростовщиковъ, совершенно лишается своего имущества и, наконецъ, обнищавшій и всѣми заброшенный, вѣшается на деревѣ. Такова фабула романа. Эта фабула послужила фонъ-Поленцу поводомъ для тонкаго анализа психологіи современныхъ нѣмецкихъ крестьянъ средней руки. Передъ нами, какъ живые, выступаютъ эти закаленные, неутомимые труженики, которые чувствуютъ, что изъ-подъ ихъ ногъ ускользаетъ почва, дѣлаютъ судорожныя, почти инстинктивныя, движенія для того, чтобы сохранить равновѣсіе, но въ концѣ концовъ сознаютъ свое безсиліе въ борьбѣ съ невѣдомой имъ безличной силой. «У Траугота Бютнера,—говоритъ фонъ-Поленцъ,—было только тупое чувство, смутное сознаніе, что надъ нимъ совершается большая несправедливость. Но кто-бы могъ сказать: какъ и кѣмъ? Кого долженъ былъ онъ обвинять? Это-то и было жутко, что объясненія нельзя было найти. Бѣда пришла въ потемкахъ, и онъ не зналъ даже—откуда. Люди получили право на него самого и на его собственность,—чужіе и незнакомые люди, имени которыхъ онъ не зналъ и два года тому назадъ. Онъ не сдѣлалъ никакого зла этимъ людямъ и только принялъ отъ нихъ помощь, которую они ему навязали сами. А изъ этого какими-то непонятными ему оборотами и махинаціями выросли права, которыя безпомощно отдавали его въ руки этихъ людей. И сколько-бы онъ ни ломалъ себѣ голову, ему невозможно было понять во всемъ объемѣ того, что произошло».

Въ романѣ фонъ-Поленца непосредственной причиной раззоренія Траугота Бютнера являются евреи Гаррасовицъ и Шенбергеръ. Это обстоятельство можетъ навести на мысль о томъ, что соціальная философія романиста не лишена нѣкоторой примѣси антисемитизма. Но мы не думаемъ, чтобы онъ предпочиталъ христіанскихъ капиталистовъ еврейскимъ. Христіанскій трактирщикъ Эрнстъ Кашелъ вышелъ у него еще менѣе привлекательнымъ типомъ, чѣмъ ростовщики евреи. Къ тому-же въ его романахъ ярко изображается именно безличная сила капитала, дѣйствіе которой было-бы нелѣпо относить на счетъ какой нибудь отдѣльной расы. Вотъ почему мы, не останавливаясь долѣе на этомъ вопросѣ, попросимъ читателя замѣтить, какъ хорошо обнаружена у фонъ-Поленца причинная зависимость между экономическимъ бытомъ крестьянъ съ одной стороны и ихъ психологіей—съ другой. Въ той мѣстности, гдѣ живетъ со своей семьей Трауготъ Бютнеръ,—очевидно, это одинъ изъ уголковъ такъ называемой Остэльбіи—крестьянинъ является мелкимъ самостоятельнымъ производителемъ, который хотя и

посматриваетъ на батраковъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, но все таки еще не считаетъ себя представителемъ высшаго класса. Высшій классъ представленъ тамъ крупнымъ титулованнымъ землевладѣльцемъ, котораго крестьяне называютъ бариномъ и въ которомъ они, по преданію, сохранившемуся еще отъ временъ крѣпостнаго права, видятъ самаго опаснаго своего непріятеля. Иное находимъ мы въ той части Саксоніи, куда младшій сынъ Траугота Бютнера, отставной унтеръ-офицеръ Густавъ, отправляется на лѣтнія полевыя работы. Здѣсь «немногочисленные крестьяне были настоящими господами. Они разъѣзжали верхомъ и въ экипажахъ, какъ настоящіе помѣщики, жили въ большихъ, прекрасныхъ домахъ и посылали своихъ дѣтей въ городскія школы. Когда они сходились, то говорили другъ другу «вы», и ни одинъ изъ этихъ большихъ господъ не позволилъ бы себѣ ѣсть за однимъ столомъ со своими работниками». Классовые предразсудки проникаютъ въ голову крестьянина всего сильнѣе тамъ, гдѣ его собственное сословіе, вслѣдствіе развитія противорѣчій, коренящихся въ его экономическомъ положеніи, подраздѣляется на два класса: классъ людей, живущихъ эксплуатаціей чужой рабочей силы, и классъ людей, продающихъ свою собственную рабочую силу.

Очень хорошо изображенъ фонъ-Поленцомъ консерватизмъ, свойственный современному нѣмецкому крестьянину. Отецъ Траугота Бютнера, Леберехтъ Бютнеръ, «ни за что не хватался съ поспѣшностью, даже и за хорошее. Его крестьянская смѣтливость подсказывала ему, что прежде надо еще посмотрѣть и выждать, дать другимъ вытащить каштаны изъ огня, не заводить у себя ничего, что другіе раньше не испробовали, и идти нѣсколько сзади тѣхъ, кто шелъ впереди. Только съ осторожностью и обдуманностью приступалъ онъ къ новшествамъ. Онъ довольствовался синицей въ рукѣ и представлялъ другимъ гоняться за журавлями въ небѣ». Но Леберехтъ Бютнеръ все-таки былъ человѣкомъ, выдающимся по уму, энергіи и предпріимчивости. А его сынъ, главный герой романа, уже знакомый намъ Трауготъ Бютнеръ, человѣкъ средній и потому болѣе типичный представитель своего сословія, выступаетъ передъ нами, какъ чистый консерваторъ. «Старый Бютнеръ не былъ мечтателемъ,—говоритъ авторъ.—Его интересъ всегда былъ направленъ къ самой строгой и трезвой дѣйствительности, а тяжелая работа не оставляла ему досуга для какихъ либо фантазій или пустыхъ мечтаній. Но одно только было глубоко заложено въ его душѣ: своими мыслями онъ много жилъ въ прошломъ. Прошлое для него было постояннымъ спутникомъ настоящей его жизни и говорило съ нимъ понятнымъ ему языкомъ... Прошедшее составляло для него не только любимый уголокъ его души, но даже рѣшающимъ образомъ дѣйствовало на всѣ его дѣла. Своей волей, намѣреніями и поступками онъ былъ связанъ со своими предками... При

этомъ онъ почти никогда не говорилъ о прошломъ. Всякія разсужденія, поскольку они не служили опредѣленной практической цѣли, онъ считалъ праздным занятіемъ».

Если бы человѣкъ, настроенный такимъ образомъ, взялся за общественную дѣятельность, то онъ, естественно, захотѣлъ бы «повернуть назадъ колесо исторіи». Но онъ слишкомъ погруженъ въ свои личные интересы, чтобы взяться за такую дѣятельность. Въ его глазахъ она также есть праздное мечтаніе.

Нѣмецкій крестьянинъ Трауготъ Бютнеръ очень многими чертами своего характера поразительно напоминаетъ русскаго крестьянина Ивана Ермолаевича, фигурирующаго въ одномъ изъ очерковъ покойнаго Г. И. Успенскаго и изображеннаго,—мимоходомъ сказать, — съ еще большимъ талантомъ. Въ такомъ сходствѣ нѣтъ ничего удивительнаго: сходныя соціальныя причины естественно порождаютъ сходныя психическія *послѣдствія*. Но сходство это могло бы, въ случаѣ нужды, послужить однимъ изъ ручательствъ за то, что оба эти характера вѣрны дѣйствительности.

Если бы общественныя условія, создающія типы, подобные Трауготу Бютнеру, оставались неизмѣнными въ теченіи многихъ тысячъ лѣтъ, то и психологія этихъ типовъ не измѣнилась бы ни на волосъ. Но Германія не Китай, и потому консерватизмъ Бютнера не избавилъ его отъ «новыхъ вѣяній». Эти новыя вѣянія вторглись въ его жизнь въ видѣ новыхъ пріемовъ борьбы за существованіе и, разворивъ его хозяйство, сдѣлали изъ его старшаго сына, Карла, жалкаго деревенскаго пропойцу, а его самого толкнули—какъ мы уже знаемъ — на самоубійство. Его младшій сынъ, уже упомянутый выше Густавъ, идетъ сперва на лѣтнія работы въ Саксонію, а потомъ попадаетъ въ крупный городской центръ, гдѣ его, варвара, жившаго до тѣхъ поръ внѣ великихъ духовныхъ интересовъ цивилизованной жизни, постепенно захватываетъ потокъ великаго общественнаго движенія. Его бывшій сослуживецъ и неизмѣнный пріятель, веселый, беззаботный кутила Гешке, сильно затронутый новыми идеями, ведетъ его на собраніе «безработныхъ», гдѣ передъ глазами открывается новый, невиданный имъ міръ. «Густавъ былъ совершенно озадаченъ. Вѣдь они имѣли видъ тѣхъ самыхъ нищихъ и бродягъ, которыхъ онъ не разъ отгонялъ отъ дверей отцовскаго дома. А теперь со стыдомъ онъ долженъ былъ сознаться, насколько эти скромные люди превосходили его. Какъ умѣло находили они слова, чтобы выразить свои мысли! Они описывали свое бѣдственное положеніе, сообщали то, что длинымъ опытомъ они добыли и узнали на фабрикахъ, въ шахтахъ или на большой дорогѣ. Они говорили о безсердечіи богачей, говорили и о жестокости работодателей! Потомъ они описывали страданія своихъ семей. И на мрачномъ фонѣ настоящаго тѣмъ ярче блестѣла картина будущаго: ихъ требованія, ихъ

смѣлыя надежды и ожиданія того, что должно наступить равенство—награда за ихъ страданія, счастье, тотъ земной рай, который предсказывали имъ ихъ учителя и сіяніе котораго уже свѣтилось въ ихъ глазахъ. Слова этихъ людей тронули сердце Густава. Онъ почувствовалъ, что та нужда, которую они описывали, была какъ бы его собственной. Онъ былъ весь на ихъ сторонѣ. Онъ понялъ то, что одушевляло ихъ. Это было общее дѣло. Одна общая всѣмъ надежда, одинъ духъ, одна мысль находили отраженіе во взорѣ ихъ глазъ, владѣли выраженіемъ ихъ лицъ, ихъ движеніями, ихъ языкомъ. Одна идея наполняла ихъ, укрѣпляла ихъдухъ, воспламеняла ихъ одушевленіе, ихъ надежду, поднимала ихъ выше самихъ себя и заставляла казаться каждаго въ отдѣльности выше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ... Настоящее было для нихъ какъ мрачное подземелье, отдаленное глубиною отъ всякой красоты, озаряющей поверхность. Взоры ихъ неподвижно были обращены къ тому небольшому далекому отверстію вверху, откуда къ нимъ проникали лучи солнечнаго свѣта и тепла; туда, вверхъ, стремились они».

Служа въ арміи, Густавъ не разъ слышалъ, конечно, нападки на новыя идеи, и слово «красный» сдѣлалось у него бранной кличкой. Теперь онъ увидѣлъ свое заблужденіе.

«Одно стало ему ясно въ этотъ вечеръ: это были неплохіе люди. Не злоба и подлость руководили ими,—ихъ влекло то же стремленіе, которое одушевляло и его, и всякаго другого смертнаго: это—желаніе лучшей участи».

Разъ увидѣвъ свѣтъ, Густавъ уже не могъ отъ него отвернуться. Его потянуло на другія собранія. «Онъ слышалъ рѣчь знаменитаго депутата рабочей партіи въ рейхстагѣ. Онъ узналъ о существованіи могучаго, широко распространеннаго союза, власть котораго глубоко проникала всѣ эти жизненныя отношенія. И чѣмъ больше онъ видѣлъ, тѣмъ больше притягивало его къ себѣ то, что онъ узнавалъ. Онъ какъ будто сталъ на краю самого водоворота. Онъ чувствовалъ, что водоворотъ захватитъ его, противился ему, но все болѣе и болѣе втягивался въ роковой кругъ».

Фонъ-Поленцъ ничего не говоритъ въ своемъ романѣ о своихъ собственныхъ соціально-политическихъ взглядахъ. Но по нѣкоторымъ признакамъ мы рѣшаемся съ увѣренностью сказать, что онъ далеко не сочувствуетъ новѣйшимъ общественнымъ идеямъ. Попадаются въ его описаніяхъ даже черточки, заставляющія думать, что хотя онъ и описываетъ рабочія собранія какъ школу высокаго нравственнаго идеализма, но въ глубинѣ души онъ не совсѣмъ еще отдѣлался отъ взгляда на пролетарія, какъ на существо, лишенное всякихъ нравственныхъ устоевъ. Тѣмъ дороже для насъ та дань справедливости, которую онъ заплатилъ названнымъ выше идеямъ. Сторонникъ этихъ идей несетъ въ трудящуюся массу свѣтъ сознанія и огонь великой, благородной страсти. Какая общественная роль можетъ быть выше этого?

Очень интересно отмѣтить и это психологическое наблюденіе: чтобы принять участіе въ великомъ освободительномъ движеніи нашего времени крестьянинъ долженъ покинуть свою крестьянскую точку зрѣнія и встать на точку зрѣнія рабочаго класса.

Графъ Л. Н. Толстой написалъ къ роману фонъ Поленца предисловіе, въ которомъ онъ, очень расхваливъ это, дѣйствительно достойное похвалы, художественное произведеніе, говоритъ о томъ, какова должна быть настоящая литературная критика. Онъ—большой врагъ тѣхъ критическихъ статей, которыя пишутся собственно не о художественныхъ произведеніяхъ, а только по поводу ихъ. Но его предисловіе само представляетъ собою критическую статью, въ которой очень мало говорится о романѣ фонъ-Поленца и очень много именно по поводу его.

У насъ нѣтъ подъ рукой нѣмецкаго подлинника «Крестьянина». Поэтому мы не знаемъ, вездѣ ли точно перевела его В. М. Величкина. Мы видимъ только, что она превосходно владѣетъ нашимъ могучимъ, гибкимъ и богатымъ языкомъ. А это «по нынѣшнимъ временамъ» уже большая заслуга со стороны переводчика.

О матеріалистическомъ пониманіи исторіи.

I.

(Essais sur la conception matérialiste de l'histoire par Antonio Labriola, professeur à l'université de Rome, avec une préface de G. Sorel. Paris, 1897 [1]).

Признаемся, мы съ немалымъ предубѣжденіемъ взяли въ руки эту книгу римскаго профессора: мы были напуганы нѣкоторыми сочиненіями нѣкоторыхъ его соотечественниковъ, напримѣръ, А. Лоріа (см. особенно его «La teoria economica della constituzione politica»). Но уже первыя страницы книги убѣдили насъ, что мы были неправы и что иное дѣло Акилле Лоріа, а иное дѣло Антоніо Лабріола. Когда же мы подошли къ ея концу, намъ захотѣлось поговорить о ней съ русскимъ читателемъ. Надѣемся, что онъ не посѣтуетъ на насъ за это. Вѣдь

Такъ рѣдки книги непустыя!

Сочиненіе Лабріолы вышло прежде по-итальянски. Французскій переводъ тяжелъ, а мѣстами и прямо неудаченъ. Мы съ увѣренностью говоримъ это, хотя не имѣемъ подъ руками итальянскаго подлинника. Но итальянскій авторъ не можетъ отвѣчать за французскаго переводчика. Во всякомъ случаѣ, мысли Лабріола понятны и въ тяжеловѣсномъ французскомъ переводѣ. Посмотримъ же каковы онѣ.

Г. Карѣевъ, который, какъ извѣстно, весьма усердно читаетъ и чрезвычайно удачно искажаетъ всякій «трудъ», имѣющій хоть нѣкоторое отношеніе къ матеріалистическому пониманію исторіи, навѣрное зачислитъ нашего автора по вѣдомству «экономическаго матеріализма». Это будетъ неправильно. Лабріола твердо и довольно послѣдовательно держится матеріалистическаго пониманія исторіи; но «экономическимъ матеріалистомъ»—онъ себя не считаетъ. Онъ думаетъ, что такое названіе скорѣе подходитъ къ писателямъ, вродѣ извѣстнаго Т. Роджерса, чѣмъ къ нему и его единомышленникамъ. И это, какъ нельзя болѣе вѣрно, хотя на первый взглядъ, можетъ быть, и не совсѣмъ понятно.

---

[1]) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Объ этой статьѣ см. въ предисловіи.

Спросите любого народника или субъективиста, что такое экономическій матеріалистъ? Онъ отвѣтитъ: это человѣкъ, приписывающій экономическому фактору господствующее значеніе въ общественной жизни. Такъ понимаютъ экономическій матеріализмъ наши народники и субъективисты. И надо признать, что люди, приписывающіе экономическому «фактору» господствующую роль въ жизни человѣческихъ обществъ, несомнѣнно существуютъ. Г. Михайловскій не однажды указывалъ на Луи Блана, который говорилъ о господствѣ названнаго фактора значительно раньше извѣстнаго учителя извѣстныхъ русскихъ учениковъ. Мы не понимаемъ одного: почему нашъ маститый субъективный соціологъ остановился на Луи Бланѣ. Онъ долженъ былъ бы узнать, что въ интересующемъ насъ отношеніи у Луи Блана было много предшественниковъ. И Гизо, и Минье, и Огюстэнъ Тьери, и Токвиль признавали преобладающую роль экономическаго «фактора», по крайней мѣрѣ, въ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени. Стало быть, всѣ эти историки были экономическими матеріалистами. Въ наше время упомянутый Т. Роджерсъ, въ своей книгѣ «The economie interpretation of history», тоже выказалъ себя убѣжденнымъ экономическимъ матеріалистомъ; онъ тоже призналъ преобладающее значеніе экономическаго «фактора». Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что соціально-политическіе взгляды Т. Роджерса были тождественны со взглядами, напримѣръ, хотя бы Луи Блана. Роджерсъ стоялъ на точкѣ зрѣнія буржуазной экономіи, а Луи Бланъ былъ когда-то однимъ изъ представителей утопическаго соціализма. Если бы вы спросили Роджерса, какъ онъ смотритъ на буржуазный экономическій порядокъ, онъ отвѣтилъ бы, что въ основѣ этого порядка лежатъ коренныя свойства человѣческой природы, и что, поэтому, исторія его возникновенія есть постепенное устраненіе препятствій, нѣкогда затруднявшихъ проявленія названныхъ свойствъ и даже дѣлавшихъ его невозможнымъ. Луи Бланъ же объявилъ бы, что самъ капитализмъ есть одно изъ препятствій, воздвигнутыхъ невѣжествомъ и насиліемъ на пути къ созданію такого экономическаго порядка, который будетъ, наконецъ, дѣйствительно соотвѣтствовать человѣческой природѣ. Это, какъ видите, очень существенное разногласіе. Кто оказался бы ближе къ истинѣ? Говоря откровенно, мы думаемъ, что оба эти писатели были почти одинаково далеки отъ нея, но мы не хотимъ и не можемъ останавливаться здѣсь на этомъ. Для насъ важно теперь совсѣмъ другое. Мы просимъ читателя замѣтить, что и для Луи Блана, и для Роджерса экономическій факторъ, господствующій въ общественной жизни, самъ былъ, какъ выражается математика, функціей человѣческой природы, а главнымъ образомъ, — человѣческаго ума и знаній. То же надо сказать и объ упомянутыхъ нами выше французскихъ историкахъ временъ реставраціи. Ну, а какъ назвать историческіе взгляды людей, хотя и утверждающихъ, что экономическій факторъ

господствуетъ въ общественной жизни, но въ то же время убѣжденныхъ, что факторъ этотъ,—т. е. экономика общества—въ свою очередь является плодомъ человѣческихъ знаній и понятій? Такіе взгляды нельзя назвать иначе, какъ идеалистическими. Выходитъ, что экономическій матеріализмъ еще не исключаетъ историческаго идеализма. Да и это еще не совсѣмъ точно; мы говоримъ: еще не исключаетъ идеализма, а слѣдуетъ сказать: можетъ быть, и до сихъ поръ чаще всего, бываетъ простою его разновидностью. Послѣ этого понятно, почему люди вродѣ Антоніо Лабріола не признаютъ себя экономическими матеріалистами: именно потому, что они послѣдовательные матеріалисты и именно потому, что исторически ихъ взгляды представляютъ собою прямую противоположность историческому идеализму.

II.

«Однако,—скажетъ намъ, пожалуй, г. Кудринъ,—вы, по свойственной многимъ «ученикамъ» привычкѣ, прибѣгаете къ парадоксамъ, играете словами, отводите глаза, глотаете шпаги. У васъ экономическими матеріалистами оказались идеалисты. Но въ такомъ случаѣ, какъ же прикажете понимать подлинныхъ и послѣдовательныхъ матеріалистовъ? Неужели они отвергаютъ мысль о преобладаніи экономическаго фактора? Неужели они признаютъ, что рядомъ съ этимъ факторомъ въ исторіи дѣйствуютъ еще и другіе, и что напрасно мы стали бы допытываться, какой изъ нихъ господствуетъ надъ всѣми остальными? Нельзя не порадоваться за подлинныхъ и послѣдовательныхъ матеріалистовъ, если они въ самомъ дѣлѣ не склонны всюду совать экономическій факторъ».

Мы отвѣтимъ г. Кудрину, что подлинные и послѣдовательные матеріалисты, дѣйствительно, не склонны всюду лѣзть съ экономическимъ факторомъ. Да и самый вопросъ о томъ, какой факторъ господствуетъ въ общественной жизни, кажется имъ неосновательнымъ вопросомъ. Но пусть не спѣшитъ радоваться г. Кудринъ. Подлинные и послѣдовательные матеріалисты пришли къ этому убѣжденію вовсе не подъ вліяніемъ гг. народниковъ и субъективистовъ. Надъ возраженіями, которыя дѣлаются этими господами противъ мысли о господствѣ экономическаго фактора, подлинные и послѣдовательные матеріалисты могутъ только смѣяться. Притомъ же опоздали гг. народники и субъективисты съ этими возраженіями. Неумѣстность вопроса о томъ, какой факторъ господствуетъ въ общественной жизни, стала очень замѣтной уже со времени Гегеля. Гегелевскій идеализмъ исключалъ самую возможность подобныхъ вопросовъ. Тѣмъ болѣе исключаетъ ее современный намъ діалектическій мате-

ріализмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась «Критика критической критики», и особенно со времени выхода въ свѣтъ извѣстной книги: «Zur Kritik der politischen Oekonomie», препираться объ относительномъ значеніи различныхъ соціально-историческихъ факторовъ могли только отсталые въ теоріи люди. Мы знаемъ, что наши слова удивятъ не одного только г. Кудрина, и потому спѣшимъ объясниться.

Что такое — соціально-историческіе факторы? Какъ возникаетъ представленіе о нихъ?

Возьмемъ примѣръ. Братья Гракхи стремятся остановить гибельный для Рима процессъ захвата общественныхъ земель римскими богачами Богачи сопротивляются Гракхамъ. Завязывается борьба. Каждая изъ борющихся сторонъ страстно преслѣдуетъ свои цѣли. Если бы я захотѣлъ описать эту борьбу, я могъ бы представить ее, какъ борьбу человѣческихъ страстей. Страсти явились бы, такимъ образомъ, «факторами» внутренней исторіи Рима. Но, какъ сами Гракхи, такъ и ихъ противники пользовались въ борьбѣ тѣми средствами, которыя давало имъ римское государственное право. Я, конечно, не позабуду объ этомъ въ моемъ разсказѣ и, такимъ образомъ, римское государственное право тоже окажется факторомъ внутренняго развитія римской республики. Далѣе: люди, боровшіеся противъ Гракховъ, были матеріально заинтересованы въ поддержаніи глубоко укоренившагося злоупотребленія. Люди, поддерживавшіе Гракховъ, были матеріально заинтересованы въ его устраненіи. Я укажу и на это обстоятельство, вслѣдствіе чего описываемая мною борьба явится борьбою матеріальныхъ интересовъ, борьбою классовъ, борьбою бѣдныхъ съ богатыми. Слѣдовательно, вотъ у меня уже и третій факторъ, и на этотъ разъ самый интересный: знаменитый экономическій факторъ. Если у васъ есть время и охота, вы, мой читатель, можете пространно разсуждать на тему о томъ, какой именно изъ факторовъ внутренняго развитія Рима господствовалъ надо всѣми: въ моемъ историческомъ разсказѣ вы найдете достаточно данныхъ для поддержанія любого мнѣнія на этотъ счетъ.

Что касается меня, то пока я не выйду изъ роли простого разсказчика,— я не стану очень горячиться по поводу факторовъ. Ихъ сравнительное значеніе меня не интересуетъ. Какъ разсказчику, мнѣ нужно одно: по возможности точно и живо изобразить данныя событія. Для этого я долженъ установить извѣстную, хотя бы только внѣшнюю связь между ними и расположить ихъ въ извѣстной перспективѣ. Если я упоминаю о страстяхъ, волновавшихъ боровшіяся стороны, или о тогдашнемъ устройствѣ Рима, или, наконецъ, о существовавшемъ въ немъ неравенствѣ имуществъ, то я дѣлаю это единственно въ интересахъ связнаго и живого изложенія событій. Достигнувъ этой цѣли, я почувствую себя совершенно удовлетвореннымъ, равнодушно предоставляя философамъ рѣшать—господствуютъ ли страсти надъ экономіей, или экономія надъ страстями, или, наконецъ,

ни что ни надъ чѣмъ не господствуетъ, такъ какъ каждый «факторъ» пользуется золотымъ правиломъ: живи и жить давай другимъ.

Все это будетъ въ томъ случаѣ, если я не выйду изъ роли простого разсказчика, чуждаго всякой склонности къ «лукавому мудрствованію». А что будетъ, если я не ограничусь этой ролью; если я пущусь философствовать по поводу описываемыхъ мною событій? Тогда я уже не удовольствуюсь одною внѣшнею связью событій; тогда я пожелаю открыть ихъ внутреннія причины, и тѣ самые факторы, — человѣческія страсти, государственное право, экономика,—которые я прежде оттѣнялъ и выдвигалъ, руководимый почти однимъ только художественнымъ инстинктомъ, получатъ въ моихъ глазахъ новое, огромное значеніе. Они представятся мнѣ именно этими искомыми внутренними причинами, именно тѣми «скрытыми силами», вліяніемъ которыхъ и объясняются событія. Я создамъ теорію факторовъ.

Та или другая разновидность такой теоріи, дѣйствительно, должна родиться всюду, гдѣ люди, интересующіеся общественными явленіями, переходятъ отъ простого ихъ созерцанія и описанія къ изслѣдованію существующей между ними связи.

Теорія факторовъ растетъ, кромѣ того, вмѣстѣ съ ростомъ раздѣленія труда въ общественной наукѣ. Всѣ отрасли этой науки—этика, политика, право, политическая экономія и проч.—разсматриваютъ одно и то же: дѣятельность общественнаго человѣка. Но онѣ разсматриваютъ ее каждая съ своей особой точки зрѣнія. Г. Михайловскій сказалъ бы, что каждая изъ нихъ «завѣдуетъ» особою «струною». Каждая «струна» можетъ быть разсматриваема, какъ факторъ общественнаго развитія. И въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ теперь насчитать почти столько же факторовъ, сколько существуетъ отдѣльныхъ «дисциплинъ» въ общественной наукѣ.

Послѣ сказаннаго, надѣемся, понятно, что такое соціально-историческіе факторы и какъ возникаетъ представленіе о нихъ.

Соціально-историческій факторъ есть абстракція, представленіе о немъ возникаетъ путемъ отвлеченія (абстрагированія). Благодаря процессу абстрагированія, различныя стороны общественнаго цѣлаго принимаютъ видъ обособленныхъ категорій, а различныя проявленія и выраженія дѣятельности общественнаго человѣка—мораль, право, экономическія формы и проч. — превращаются въ нашемъ умѣ въ особыя силы, будто бы вызывающія и обусловливающія эту дѣятельность, являющіяся ея послѣдними причинами.

Разъ возникла теорія факторовъ, необходимо должны начаться споры о томъ, какой факторъ нужно признать господствующимъ.

III.

Между «факторами» существуетъ взаимодѣйствіе: каждый изъ нихъ вліяетъ на всѣ остальные и, въ свою очередь, испытываетъ на себѣ вліяніе всѣхъ остальныхъ. Въ результатѣ получается такая запутанная сѣть взаимныхъ вліяній, прямыхъ дѣйствій и отраженныхъ воздѣйствій, что у человѣка, задавшагося цѣлью объяснить себѣ ходъ общественнаго развитія, начинаетъ кружиться голова, и онъ чувствуетъ непреодолимую потребность найти хоть какую нибудь нить для выхода изъ этого лабиринта. Такъ какъ горькій опытъ убѣдилъ его въ томъ, что точка зрѣнія взаимодѣйствія приводитъ лишь къ головокруженію, то онъ ищетъ другой точки зрѣнія; онъ старается упростить свою задачу. Онъ спрашиваетъ себя, не является ли какой нибудь изъ соціально-историческихъ факторовъ первой основной причиной возникновенія всѣхъ остальныхъ. Если бы ему удалось рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, то его задача, дѣйствительно, была бы несравненно проще. Положимъ, онъ убѣдился, что всѣ общественныя отношенія всякой данной страны, въ своемъ возникновеніи и развитіи, обусловливаются ходомъ ея умственнаго развитія, который, съ своей стороны, опредѣляется свойствами человѣческой природы (идеалистическая точка зрѣнія). Тогда онъ легко выходитъ изъ заколдованнаго круга взаимодѣйствія и создаетъ болѣе или менѣе стройную и послѣдовательную теорію общественнаго развитія. Впослѣдствіи, благодаря дальнѣйшему изученію предмета, онъ увидитъ, можетъ быть, что онъ ошибался, что нельзя признать умственное развитіе людей первой причиной всего общественнаго движенія. Сознаваясь въ своей ошибкѣ, онъ въ то же время замѣтитъ, вѣроятно, что ему все-таки полезно было его временное убѣжденіе въ господствѣ умственнаго фактора надъ всѣми остальными, такъ какъ безъ этого убѣжденія онъ не сошелъ бы съ мертвой точки взаимодѣйствія и ни на одинъ шагъ не подвинулся бы къ пониманію общественныхъ явленій.

Было бы несправедливо осуждать такого рода попытки установить ту или другую іерархію между факторами общественно-историческаго развитія. Онѣ были такъ же необходимы въ свое время, какъ неизбѣжно было появленіе самой теоріи факторовъ. Антоніо Лабріола, полнѣе и лучше всѣхъ другихъ матеріалистическихъ писателей разобравшій эту теорію, очень вѣрно говоритъ, что «историческіе факторы представляютъ собою нѣчто гораздо меньшее, чѣмъ наука, и гораздо большее, чѣмъ грубое заблужденіе». Теорія факторовъ принесла свою долю пользы наукѣ. «Спеціальное изученіе историко-соціальныхъ факторовъ послужило,—какъ служитъ всякое эмпирическое изученіе, не идущее дальше видимаго движенія вещей, — къ усовершенствованію нашихъ орудій наблюденія и дало воз-

можность найти въ самыхъ явленіяхъ, искусственно изолированныхъ посредствомъ отвлеченія, ту связь, которая соединяетъ ихъ съ общественнымъ цѣлымъ». Въ настоящее время знакомство со спеціальными общественными науками необходимо для всякаго, кто пожелалъ бы возстановить какую нибудь часть прошлой жизни человѣчества. Историческая наука недалеко ушла бы безъ филологіи. А мало ли услугъ оказали наукѣ односторонніе романисты, считавшіе римское право писаннымъ разумомъ?

Но какъ бы ни была законна и полезна въ свое время теорія факторовъ, она не выдерживаетъ теперь критики. Она расчленяетъ дѣятельность общественнаго человѣка, превращая различныя ея стороны и проявленія въ особыя силы, будто бы опредѣляющія собою историческое движеніе общества. Въ исторіи развитія общественной науки эта теорія играла такую же роль, какъ теорія отдѣльныхъ физическихъ силъ въ естествознаніи. Успѣхи естествознанія привели къ ученію объ единствѣ этихъ силъ, къ современному ученію объ энергіи. Точно также и успѣхи общественной науки должны были повести къ замѣнѣ теоріи факторовъ, этого плода общественнаго анализа, синтетическимъ взглядомъ на общественную жизнь.

Синтетическій взглядъ на общественную жизнь не составляетъ особенности современнаго намъ діалектическаго матеріализма. Его мы находимъ уже у Гегеля, для котораго задача состояла въ научномъ объясненіи всего общественно-историческаго процесса, взятаго во всемъ его цѣломъ, т. е., между прочимъ, со всѣми тѣми сторонами и проявленіями дѣятельности общественнаго человѣка, которыя людямъ абстрактнаго мышленія представлялись въ видѣ отдѣльныхъ факторовъ. Но Гегель, въ своемъ качествѣ «абсолютнаго идеалиста», объяснялъ дѣятельность общественнаго человѣка свойствами всемірнаго духа. Разъ даны эти свойства — дана «an sich» вся исторія человѣчества, даны и ея конечные результаты. Синтетическій взглядъ Гегеля былъ въ то же время телеологическимъ взглядомъ. Новѣйшій діалектическій матеріализмъ окончательно устранилъ телеологію изъ общественной науки.

Онъ показалъ, что люди дѣлаютъ свою исторію вовсе не затѣмъ, чтобы шествовать по заранѣе начертанному пути прогресса, и не потому, что должны повиноваться законамъ какой-то отвлеченной (по выраженію Лабріола—метафизической) эволюціи. Они дѣлаютъ ее, стремясь удовлетворить свои нужды, и наука должна объяснить намъ, какъ вліяютъ различные способы удовлетворенія этихъ нуждъ на общественныя отношенія людей и на ихъ духовную дѣятельность.

Способы удовлетворенія нуждъ общественнаго человѣка, да въ значительной степени и сами эти нужды, опредѣляются свойствами тѣхъ орудій, съ помощью которыхъ онъ въ большей или меньшей степени под-

чиняетъ себѣ природу; иначе сказать, они опредѣляются состояніемъ его производительныхъ силъ. Всякое значительное измѣненіе состоянія этихъ силъ отражается также и на общественныхъ отношеніяхъ людей, т. е., между прочимъ, и на ихъ экономическихъ отношеніяхъ. Для идеалистовъ всѣхъ видовъ и разновидностей экономическія отношенія были функціей человѣческой природы; матеріалисты-діалектики считаютъ эти отношенія функціей общественныхъ производительныхъ силъ.

Отсюда слѣдуетъ, что, если бы матеріалисты — діалектики считали позволительнымъ говорить о факторахъ общественнаго развитія иначе, какъ съ цѣлью критики этихъ устарѣлыхъ фикцій, то они прежде всего должны были поставить на видъ такъ называемымъ экономическимъ матеріалистамъ измѣнчивость ихъ «господствующаго» фактора; новѣйшіе матеріалисты не знаютъ такого экономическаго порядка, который одинъ соотвѣтствовалъ бы человѣческой природѣ, между тѣмъ, какъ всѣ другіе виды экономическаго общественнаго устройства являлись бы слѣдствіемъ большаго или меньшаго насилія надъ нею. По ученію новѣйшихъ матеріалистовъ человѣческой природѣ соотвѣтствуетъ всякій экономическій порядокъ, соотвѣтствующій состоянію производительныхъ силъ въ данное время. И наоборотъ, любой экономическій порядокъ начинаетъ противорѣчить требованіямъ этой природы, едва только онъ приходитъ въ противорѣчіе съ состояніемъ производительныхъ силъ. «Господствующій» факторъ самъ оказывается, такимъ образомъ, подчиненнымъ другому «фактору». Ну, а послѣ этого какой же онъ «господствующій?»

Если все это такъ, то ясно, что между матеріалистами—діалектиками и людьми, которыхъ не безъ основанія можно назвать экономическими матеріалистами, лежитъ цѣлая пропасть. А къ какому направленію принадлежатъ тѣ, совершенно непріятные ученики, не совершенно пріятнаго учителя, противъ которыхъ гг. Карѣевъ, Н. Михайловскій, С. Кривенко и прочіе умные и ученые люди еще недавно выступали такъ азартно, хотя и не такъ счастливо? Если мы не ошибаемся, «ученики» цѣликомъ стояли на точкѣ зрѣнія діалектическаго матеріализма. Почему же гг. Карѣевъ, Н. Михайловскій, С. Кривенко и прочіе умные и ученые люди приписывали имъ взгляды экономическихъ матеріалистовъ и громили ихъ именно за то, что они будто бы приписываютъ экономическому фактору преувеличенное значеніе. Можно предположить, что умные и ученые люди дѣлали это потому, что доводы блаженной памяти экономическихъ матеріалистовъ легче опровергать, чѣмъ доводы матеріалистовъ діалектиковъ. А можно предположить еще и то, что наши ученые противники учениковъ плохо усвоили себѣ ихъ взгляды. Это предположеніе даже вѣроятнѣе.

Намъ возразятъ, пожалуй, что сами «ученики» иногда называли себя экономическими матеріалистами и что названіе «экономическій матеріализмъ» было впервые употреблено однимъ изъ французскихъ «учениковъ». Это такъ. Но ни французскіе, ни русскіе ученики никогда не связывали со словами: «экономическій матеріализмъ» того представленія, которое связывается съ нимъ у нашихъ народниковъ и субъективистовъ. Достаточно напомнить то обстоятельство, что, по мнѣнію гг. Н. Михайловскаго, Луи Блана и г. Ю. Жуковскій были такими же «экономическими матеріалистами», какъ и нынѣшніе наши сторонники матеріалистическаго взгляда на исторію. Дальше этого смѣшеніе понятій идти не можетъ.

IV.

Устраняя изъ общественной науки всякую телеологію и объясняя дѣятельность общественнаго человѣка его нуждами и существующими въ въ данное время средствами и способами ихъ удовлетворенія, діалектическій матеріализмъ [1]) впервые придаетъ названной наукѣ ту «строгость», которою часто кичилась передъ нею ея сестра—наука о природѣ. Можно сказать, что наука объ обществѣ сама становится естественной наукой: «notre doctrine naturaliste d'histoire», справедливо говоритъ Лабріола. Но это вовсе не значитъ, что для него область біологіи сливается съ областью общественной науки. Лабріола горячій противникъ «политическаго и соціальнаго дарвинизма», который давно ужъ, «подобно эпидеміи заразилъ умы многихъ мыслителей, а особенно адвокатовъ и декламаторовъ соціологіи» и, какъ модная привычка, повліялъ даже на языкъ политическихъ практиковъ.

Безъ сомнѣнія, человѣкъ есть животное, связанное узами родства съ другими животными. Онъ вовсе не привилегированное существо по своему происхожденію; физіологія его организма есть не болѣе, какъ частный случай общей физіологіи. Первоначально онъ, подобно другимъ животнымъ, всецѣло подчинялся вліянію окружавшей его естественной среды, которая еще не испытала тогда на себѣ его видоизмѣняющаго воздѣйствія; онъ долженъ былъ приспособляться къ ней, борясь за свое существованіе. По мнѣнію Лабріолы, результатомъ такого—непосредственнаго—приспособленія къ естественной средѣ являются расы, поскольку онѣ отличаются одна отъ другой физическими признаками — напр., бѣлая, черная, желтая расы,—а не представляютъ собою вторичныхъ историко-соціальныхъ формацій, т. е. націй и народовъ. Въ качествѣ такого же результата приспособленія къ естественной средѣ въ борьбѣ за существо-

[1]) Лабріола даетъ ему заимствованное у Энгельса названіе—историческій матеріализмъ.

ваніе возникли первобытные инстинкты общественности и зачатки половаго подбора.

Но мы можемъ только догадываться о томъ, каковъ былъ «первобытный человѣкъ». Люди, населяющіе землю въ настоящее время, равно какъ и тѣ, которые прежде были наблюдаемы заслуживающими довѣрія изслѣдователями, оказываются уже довольно далекими отъ того момента, когда прекратилась для человѣчества животная жизнь въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такъ, напримѣръ, ирокезы со своей—изученной и описанной Морганомъ — genis materna, уже сравнительно очень далеко ушли по пути общественнаго развитія. Даже современные намъ австралійцы не только имѣютъ языкъ,—который можно назвать условіемъ и орудіемъ, причиной и слѣдствіемъ общественности—и не только знакомы съ употребленіемъ огня, но живутъ обществами, имѣющими опредѣленный строй, съ опредѣленными обычаями и учрежденіями. Австралійское племя имѣетъ свою территорію, свои охотничьи пріемы; оно имѣетъ извѣстныя орудія защиты и нападенія, извѣстную утварь для храненія запасовъ; извѣстные способы украшенія тѣла, словомъ, австраліецъ живетъ уже въ извѣстной, правда очень элементарной, искусственной средѣ, къ которой онъ и приспособляется съ самаго ранняго дѣтства. Эта искусственная,—общественная, — среда есть необходимое условіе всякаго дальнѣйшаго прогресса. Степенью ея развитія измѣряется степень дикости или варварства всякаго даннаго племени.

Эта первичная общественная формація соотвѣтствуетъ такъ называемому доисторическому быту человѣчества. Начало исторической жизни предполагаетъ еще большее развитіе искусственной среды и гораздо большую власть человѣка надъ природой. Сложныя внутреннія отношенія обществъ, выступающихъ на путь историческаго развитія, собственно обусловливаются вовсе не непосредственнымъ вліяніемъ естественной среды. Они предполагаютъ изобрѣтеніе извѣстныхъ орудій труда, прирученіе нѣкоторыхъ животныхъ, умѣнье добывать нѣкоторые металлы, и тому подобное. Эти средства и способы производства при различныхъ обстоятельствахъ измѣнялись очень различно; въ нихъ можно было замѣтить прогрессъ, застой или даже регрессъ, но никогда эти измѣненія не возвращали людей къ чисто животной жизни, т. е. къ жизни подъ непосредственнымъ вліяніемъ естественной среды.

«Первая и главная задача исторической науки есть опредѣленіе и изслѣдованіе этой искуственной среды—ея происхожденія и ея видоизмѣненій. Сказать, что эта среда составляетъ часть природы, значитъ высказать мысль, которая не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія именно благодаря своему слишкомъ общему и отвлеченному характеру» [1]).

[1]) Essais, p. 144.

Не менѣе отрицательно, чѣмъ къ «политическому и соціальному дарвинизму» относится Лабріола и къ усиліямъ нѣкоторыхъ «милыхъ дилеттантовъ» соединить матеріалистическое пониманіе исторіи съ общей теоріей эволюціи, которая, по его рѣзкому, но вѣрному замѣчанію, у многихъ превратилась въ простую метафизическую метафору. Онъ смѣется также надъ наивной любезностью «милыхъ диллеттантовъ», старающихся поставить матеріалистическое пониманіе исторіи подъ покровительство философіи Огюста Конта или Спенсера: «это значитъ выдать намъ за союзниковъ самыхъ рѣшительныхъ нашихъ противниковъ», говоритъ онъ.

Замѣчаніе о дилеттантахъ очевидно относится, между прочимъ, къ профессору Энрико Ферри, автору очень поверхностнаго сочиненія: «Спенсеръ, Дарвинъ и Марксъ», вышедшаго въ французскомъ переводѣ подъ названіемъ «Socialisme et science positive».

V.

Итакъ, люди дѣлаютъ свою исторію, стремясь удовлетворить свои нужды. Нужды эти даются первоначально, конечно, природой; но затѣмъ значительно измѣняются, въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, свойствами искусственной среды. Находящіяся въ распоряженіи людей производительныя силы обусловливаютъ собою всѣ ихъ общественныя отношенія. Прежде всего состояніемъ производительныхъ силъ опредѣляются тѣ отношенія, въ которыя люди становятся другъ къ другу въ общественномъ процессѣ производства, т. е. экономическія отношенія. Эти отношенія естественно создаютъ извѣстные интересы, которые находятъ свое выраженіе въ правѣ. «Каждая правовая норма защищаетъ опредѣленный интересъ», — говоритъ Лабріола. Развитіе производительныхъ силъ создаетъ раздѣленіе общества на классы, интересы которыхъ не только различны, но во многихъ,—и притомъ существенныхъ отношеніяхъ, — діаметрально противоположны. Эта противоположность интересовъ порождаетъ враждебныя столкновенія между общественными классами, ихъ борьбу. Борьба приводитъ къ замѣнѣ родовой организаціи государственной, задача которой заключается въ охраненіи господствующихъ интересовъ. Наконецъ, на почвѣ общественныхъ отношеній, обусловливаемыхъ даннымъ состояніемъ производительныхъ силъ, вырастаетъ обычная нравственность, т. е. та нравственность, которая руководитъ людьми въ ихъ обычной житейской практикѣ.

Такимъ образомъ, право, государственный строй и нравственность всякаго даннаго народа непосредственно и прямо обусловливаются свойственными ему экономическими отношеніями. Этими же отно-

шеніями обусловливаются,—но уже косвенно и посредственно,— всѣ созданія мысли и воображенія: искусство, наука и т. д.

Чтобы понять исторію научной мысли или исторію искусства въ данной странѣ, недостаточно знать ея экономію. Надо отъ экономіи умѣть перейти къ общественной психологіи, безъ внимательнаго изученія и пониманія которой невозможно матеріалистическое объясненіе исторіи идеологій. Это не значитъ конечно, что существуетъ какая то общественная душа или какой то коллективный народный «духъ,» развивающійся по своимъ особымъ законамъ и выражающійся въ общественной жизни. «Это чистѣйшій мистицизмъ,» говоритъ Лабріола. Для матеріалиста въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти только о преобладающемъ настроеніи чувствъ и умовъ въ данномъ общественномъ классѣ данной страны и даннаго времени. Такое настроеніе чувствъ и умовъ является результатомъ общественныхъ отношеній. Лабріола твердо убѣжденъ въ томъ, что не формы сознанія людей опредѣляютъ формы ихъ общественнаго бытія, а наоборотъ — формами ихъ общественнаго бытія опредѣляются формы ихъ сознанія. Но, разъ возникнувъ на почвѣ общественнаго бытія, формы человѣческаго сознанія составляютъ часть исторіи. Историческая наука не можетъ ограничиться одной анатоміей общества; она имѣетъ въ виду всю совокупность явленій, прямо или косвенно обусловленныхъ общественной экономіей, до работы воображенія включительно. Нѣтъ ни одного историческаго факта, который своимъ происхожденіемъ не былъ бы обязанъ общественной экономіи; но не менѣе вѣрно и то, что нѣтъ ни одного историческаго факта, которому не предшествовало бы, котораго не сопровождало бы и за которымъ не слѣдовало бы извѣстное состояніе сознанія. Отсюда—огромная важность общественной психологіи. Если съ нею необходимо считаться уже въ исторіи права и политическихъ учрежденій, то безъ нея нельзя сдѣлать ни шагу въ исторіи литературы, искусства, философіи и проч.

Когда мы говоримъ, что данное произведеніе вполнѣ вѣрно духу, напримѣръ, эпохи возрожденія, то это значитъ, что оно совершенно соотвѣтствуетъ преобладавшему въ то время настроенію тѣхъ классовъ, которые давали тонъ общественной жизни. Пока не измѣнились общественныя отношенія, психологія общества тоже не измѣняется. Люди привыкаютъ къ даннымъ вѣрованіямъ, даннымъ понятіямъ, даннымъ пріемамъ мысли, даннымъ способамъ удовлетворенія данныхъ эстетическихъ потребностей. Но если развитіе производительныхъ силъ приводитъ къ сколько-нибудь существеннымъ перемѣнамъ въ экономической структурѣ общества, а вслѣдствіе этого и во взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ классовъ, то измѣняется и психологія этихъ классовъ, а съ нею и «духъ времени», и «характеръ народа». Эта перемѣна выражается въ появленіи новыхъ религіозныхъ вѣрованій или новыхъ философскихъ по-

нятій, новыхъ направленій въ искусствѣ или новыхъ эстетическихъ потребностей.

По мнѣнію Лабріолы, надо также принять въ соображеніе, что въ идеологіяхъ играютъ часто очень большую роль переживанія понятій и направленій, унаслѣдованныхъ отъ предковъ и сохраняемыхъ лишь по преданію. Кромѣ того, въ идеологіяхъ сказывается также и вліяніе природы.

Искусственная среда, какъ мы уже знаемъ, чрезвычайно сильно преобразуетъ вліяніе природы на общественнаго человѣка. Изъ непосредственнаго вліяніе это дѣлается посредственнымъ. Но оно не перестаетъ существовать. Въ темпераментѣ всякаго народа сохраняются нѣкоторыя, созданныя вліяніемъ естественной среды, особенности, которыя до извѣстной степени видоизмѣняются, но никогда не уничтожаются вполнѣ приспособленіемъ къ общественной средѣ. Эти особенности народнаго темперамента составляютъ то, что называется расой. Раса оказываетъ несомнѣнное вліяніе на исторію нѣкоторыхъ идеологій, напримѣръ, искусства. И это обстоятельство еще болѣе затрудняетъ ея и безъ того уже нелегкое научное объясненіе.

VI.

Мы довольно подробно и, надѣемся, точно изложили взгляды Лабріолы на зависимость общественныхъ явленій отъ экономической структуры общества, въ свою очередь обусловливаемой состояніемъ его производительныхъ силъ. По большей части мы совершенно согласны съ нимъ. Но мѣстами его взгляды вызываютъ въ насъ нѣкоторыя сомнѣнія, по поводу которыхъ мы хотимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Укажемъ прежде всего вотъ на что. По словамъ Лабріолы, государство является организаціей господства одного общественнаго класса надъ другимъ или надъ другими. Это такъ. Но это едва ли выражаетъ полную истину. Въ такихъ государствахъ, какъ Китай или древній Египетъ, гдѣ цивилизованная жизнь была невозможна безъ очень сложныхъ и обширныхъ работъ по регулированію теченія и разлива большихъ рѣкъ и по организаціи орошенія, возникновеніе государства можетъ быть въ весьма значительной степени объяснено непосредственнымъ вліяніемъ нуждъ общественно-производительнаго процесса. Неравенство, безъ сомнѣнія, существовало тамъ уже въ доисторическое время и въ той или другой степени, какъ внутри племенъ, вошедшихъ въ составъ государства,—и часто совершенно различныхъ по своему этнографическому происхожденію,—такъ и между племенами. Но тѣ господствующіе классы, съ которыми мы встрѣчаемся въ исторіи этихъ странъ, заняли свое болѣе или

менѣе высокое общественное положеніе именно благодаря государственной организаціи, вызванной къ жизни нуждами общественно-производительнаго процесса. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что сословіе египетскихъ жрецовъ своимъ господствомъ обязано было тому огромному значенію, которое имѣли ихъ зачаточныя научныя свѣдѣнія для всей системы египетскаго земледѣлія [1]). На западѣ,—къ которому, разумѣется, надо отнести также Грецію,—мы не замѣчаемъ вліянія непосредственныхъ нуждъ общественнаго процесса производства,—не предполагающаго тамъ сколько нибудь широкой общественной организаціи,—на возникновеніе государства. Но и тамъ это возникновеніе должно быть въ значительной степени отнесено на счетъ необходимости общественнаго раздѣленія труда, вызванной развитіемъ общественныхъ производительныхъ силъ. Это обстоятельство не мѣшало, конечно, государству быть въ то же время организаціей господства привиллегированнаго меньшинства надъ болѣе или менѣе порабощеннымъ большинствомъ [2]). Но его ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду во избѣжаніе неправильныхъ и одностороннихъ понятій объ исторической роли государства.

А теперь перейдемъ ко взглядамъ Лабріола на историческое развитіе идеологій. Мы видѣли, что, по его мнѣнію, это развитіе усложняется дѣйствіемъ расовыхъ особенностей и вообще вліяніемъ на людей окружающей ихъ естественной среды. Очень жаль, что нашъ авторъ не счелъ нужнымъ подтвердить и пояснить это мнѣніе какими нибудь примѣрами; намъ легче было бы понять его. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что оно не можетъ быть принято въ томъ видѣ, въ какомъ оно высказано.

Краснокожія племена Америки, конечно, не принадлежатъ къ одной расѣ съ племенами, населявшими въ доисторическія времена греческій архипелагъ или берега Балтійскаго моря. Несомнѣнно, что въ каждой изъ этихъ мѣстностей первобытный человѣкъ испытывалъ очень своеобразныя вліянія естественной среды. Можно было бы ожидать, что различіе этихъ вліяній отразится на произведеніяхъ зачаточнаго искусства первобытныхъ обитателей названныхъ мѣстностей. И, однако, мы этого не замѣчаемъ. Во всѣхъ частяхъ земного шара, какъ бы ни отличались онѣ одна отъ другой, одинаковымъ стадіямъ развитія первобытнаго человѣка со-

[1]) Одинъ изъ халдейскихъ царей говоритъ о себѣ: «Я изучилъ тайны рѣкъ для блага людей... Я провелъ рѣчную воду въ пустыни; я наполнилъ ею изсохшіе рвы... Я оросилъ пустынныя равнины; я далъ имъ плодородіе и изобиліе. Я сдѣлалъ изъ нихъ обитель счастья». Тутъ вѣрно, хотя хвастливо, изображается роль восточнаго государства въ организаціи общественнаго процесса производства.

[2]) Какъ оно не мѣшаетъ ему быть также въ нѣкоторыхъ случаяхъ и плодомъ завоеванія одного народа съ другимъ. Роль насилія очень велика при смѣнѣ однихъ учрежденій другими. Но какъ самая возможность подобной смѣны, такъ и ея общественные результаты насиліемъ ни мало не объясняются.

отвѣтствуютъ одинаковыя ступени развитія искусства. Мы знаемъ искусство каменнаго вѣка, искусство желѣзнаго вѣка; мы не знаемъ искусства различныхъ расъ: бѣлой, желтой и т. д. Состояніе производительныхъ силъ отражается даже въ частностяхъ. Сначала мы встрѣчаемъ, напримѣръ, на гончарныхъ издѣліяхъ только прямыя и ломанныя линіи: четырехугольники, кресты, зигзаги и т. д. Этотъ родъ украшеній заимствуется первобытнымъ искусствомъ отъ еще болѣе первобытныхъ ремеслъ: ткачества и плетенія. Въ бронзовомъ вѣкѣ, вмѣстѣ съ обработкой металловъ, способныхъ принимать при обработкѣ всевозможныя геометрическія формы, появляются криволинейныя украшенія: наконецъ, съ прирученіемъ животныхъ появляются ихъ фигуры и прежде всего фигура лошади [1]).

Правда, при изображеніи человѣка уже непремѣнно должно сказаться вліяніе расовыхъ признаковъ на «идеалы красоты», свойственные первобытнымъ художникамъ. Извѣстно, что каждая раса, особенно на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія, считаетъ себя самой красивой и очень высоко цѣнитъ какъ разъ тѣ признаки, которые отличаютъ ее отъ другихъ расъ. [2]) Но, во-первыхъ, эти особенности расовой эстетики,—поскольку онѣ остаются постоянными,—не могутъ измѣнить своимъ вліяніемъ ходъ развитія искусства; а во-вторыхъ, и онѣ прочны только до поры-до времени, т. е. только при извѣстныхъ условіяхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда данное племя оказывается вынужденнымъ признать надъ собою превосходство другого, болѣе развитаго племени, его расовое самодовольство исчезаетъ и вмѣсто него является подражаніе чужимъ вкусамъ, прежде считавшимся смѣшными, а иногда и постыдными, отвратительными. Тутъ съ дикаремъ происходитъ то же, что въ цивилизованномъ обществѣ совершается съ крестьяниномъ, который сначала осмѣиваетъ нравы и костюмы горожанъ, а потомъ,—съ возникновеніемъ и ростомъ господства города надъ деревней,—старается усвоить ихъ по мѣрѣ силъ и возможности.

Переходя къ историческимъ народамъ, укажемъ прежде всего на то, что въ примѣненіи къ нимъ слово р а с а вообще не можетъ и не должно быть употреблено. Мы не знаемъ ни одного историческаго народа, который можно было бы назвать народомъ чистой расы; каждый изъ нихъ является плодомъ чрезвычайно продолжительнаго и сильнаго взаимнаго скрещиванія и смѣшенія различныхъ этническихъ элементовъ.

Извольте послѣ этого опредѣлять вліяніе «расы» на исторію идеологій у того или другого народа!

На первый взглядъ кажется, что нѣтъ ничего проще и правильнѣе мысли о вліяніи естественной среды на народный темпераментъ, а черезъ

[1]) Обо всемъ этомъ см. во введеніи къ исторіи искусства Вильгельма Любке (есть русскій переводъ).

[2]) Объ этомъ см. у Дарвина—Descent of man, London. 1883, pp. 582—585.

посредство темперамента на исторію его умственнаго и эстетическаго развитія. Но Лабріола достаточно было бы припомнить исторію своей собственной страны, чтобы убѣдиться въ ошибочности этой мысли. Современныхъ итальянцевъ окружаетъ та же естественная среда, въ которой жили древніе римляне, а между тѣмъ какъ мало похожъ «темпераментъ» современныхъ намъ данниковъ Менелика на темпераментъ суровыхъ побѣдителей Карѳагена! Если бы мы вздумали объяснять итальянскимъ темпераментомъ исторію, напримѣръ, итальянскаго искусства, то мы очень скоро въ недоумѣніи остановились бы передъ вопросомъ о тѣхъ причинахъ, благодаря которымъ темпераментъ съ своей стороны очень глубоко измѣнялся въ разныя времена и въ разныхъ частяхъ Аппенинскаго полуострова.

VII.

Авторъ «Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы» говоритъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ первой книгѣ политической экономіи Д. С. Милля:

«Мы не скажемъ, чтобы раса не имѣла ровно никакого значенія; развитіе естественныхъ и историческихъ наукъ не достигло еще такой точности анализа, чтобы можно было въ большей части случаевъ безусловно говорить: тутъ этого элемента абсолютно нѣтъ. Почему знать, быть можетъ, въ этомъ стальномъ перѣ есть частица платины: абсолютно отвергать этого нельзя. Можно сказать одно: по химическому анализу въ составѣ этого пера оказывается такое количество частицъ несомнѣнно стальныхъ, что совершенно ничтожна часть, которая можетъ принадлежать платинѣ въ его составѣ: и если бы эта часть существовала, на нее нельзя обращать вниманія съ практической точки зрѣнія... Если дѣло идетъ о практическомъ дѣйствованіи, поступайте съ этимъ перомъ какъ надо вообще поступать со стальными перьями. Точно также не обращайте въ практическихъ дѣлахъ вниманія на расу людей, поступайте съ ними просто, какъ съ людьми... Быть можетъ, раса народа имѣла нѣкоторое вліяніе на то, что извѣстный народъ находится нынѣ въ такомъ, а не въ иномъ состояніи; абсолютно нельзя отвергать этого, историческій анализъ еще не достигъ математической, безусловной точности; послѣ него, какъ и послѣ нынѣшняго химическаго анализа, еще остается небольшой, очень небольшой residuum, остатокъ, для котораго нужны болѣе тонкіе способы изслѣдованія, еще недоступные нынѣшнему состоянію науки. Но этотъ остатокъ очень малъ. Въ образованіи нынѣшняго положенія каждаго народа такая громадная часть принадлежитъ дѣйствію обстоятельствъ, не зависящихъ отъ природныхъ племенныхъ качествъ, что если эти особенныя, различныя отъ общей человѣческой натуры качества и существуютъ, то для ихъ дѣйствія оставалось очень мало мѣста, неизмѣримо, микроскопически мало мѣста».

Эти слова пришли намъ на память, когда мы читали соображенія Лабріола о вліяніи расы на исторію духовнаго развитія человѣчества. Авторъ «Очерковъ гоголевскаго періода» интересовался вопросомъ о значеніи расы, главнымъ образомъ, съ практической точки зрѣнія, но сказанное имъ должны были бы постоянно имѣть въ виду также и всѣ тѣ, которые занимаются чисто теоретическими изслѣдованіями. Общественная наука чрезвычайно много выиграетъ, если мы оставимъ, наконецъ, дурную привычку сваливать на расу все то, что кажется намъ непонятнымъ въ духовной исторіи даннаго народа. Можетъ быть, племенныя свойства и имѣли нѣкоторое вліяніе на эту исторію. Но это гипотетическое вліяніе, навѣрное, было такъ неизмѣримо мало, что въ интересахъ изслѣдованія лучше признать его равнымъ нулю и разсматривать особенности, замѣчаемыя въ развитіи того или другого народа, какъ продуктъ особыхъ историческихъ условій, въ которыхъ совершалось это развитіе, а не какъ результатъ вліянія расы. Разумѣется, намъ немало встрѣтится случаевъ, въ которыхъ мы не въ состояніи будемъ указать, каковы же именно были условія, вызвавшія заинтересовавшія насъ особенности. Но то, что сегодня не поддается средствамъ научнаго изслѣдованія, завтра можетъ уступить имъ. Ссылки же на расовыя свойства неудобны тѣмъ, что онѣ прекращаютъ изслѣдованіе какъ разъ тамъ, гдѣ оно должно было бы начаться. Отчего исторія французской поэзіи непохожа на исторію поэзіи въ Германіи? По очень простой причинѣ: темпераментъ французскаго народа былъ таковъ, что у него не могло быть ни Лессинга, ни Шиллера, ни Гете. Ну, благодаримъ за объясненіе; теперь мы все понимаемъ.

Лабріола сказалъ бы, конечно, что онъ, какъ нельзя болѣе, далекъ отъ подобныхъ, ничего не объясняющихъ объясненій. И это было бы вѣрно. Вообще говоря, онъ прекрасно понимаетъ всю ихъ негодность и очень хорошо знаетъ, съ какой стороны надо подходить къ рѣшенію задачъ вродѣ приведенной нами для примѣра. Но, признавая, что духовное развитіе народовъ усложняется ихъ расовыми свойствами, онъ тѣмъ самымъ рисковалъ ввести своихъ читателей въ большое заблужденіе и обнаружилъ готовность сдѣлать, хотя бы и въ незначительныхъ частностяхъ, нѣкоторыя вредныя для общественной науки уступки старому образу мыслей. Вотъ противъ такихъ-то уступокъ и направлены наши замѣчанія.

Мы не безъ основанія называемъ старымъ оспариваемый нами взглядъ на роль расы въ исторіи идеологій. Онъ представляетъ собою простую разновидность той, очень распространенной въ прошломъ вѣкѣ, теоріи, по которой весь ходъ исторіи объясняется свойствами человѣческой природы. Матеріалистическое пониманіе исторіи совершенно несовмѣстимо съ этой теоріей. Согласно новому взгляду, природа общественнаго человѣка измѣняется вмѣстѣ съ общественными отношеніями. Слѣдовательно, общія свойства человѣческой природы объяснить исторіи не могутъ. Го-

рячій и убѣжденный сторонникъ матеріалистическаго пониманія исторіи, Лабріола призналъ, однако, до извѣстной, хотя очень малой степени, также и правильность стараго взгляда. Но нѣмцы недаромъ говорятъ: Wenn A sagt, muss auch B sagen. Признавъ правильность стараго взгляда въ одномъ случаѣ, Лабріола долженъ былъ признать его и въ нѣкоторыхъ другихъ. Нужно ли говорить, что это соединеніе двухъ противоположныхъ взглядовъ должно было повредить стройности его міросозерцанія?

VIII.

Организація всякаго даннаго общества опредѣляется состояніемъ его производительныхъ силъ. Съ измѣненіемъ этого состоянія непремѣнно должна раньше или позже измѣниться и общественная организація. Слѣдовательно, она находится въ неустойчивомъ равновѣсіи вездѣ, гдѣ растутъ общественныя производительныя силы. Лабріола очень вѣрно замѣчаетъ, что именно эта неустойчивость, вмѣстѣ съ порождаемыми ею общественными движеніями и борьбою общественныхъ классовъ, предохраняетъ людей отъ умственнаго застоя. Антагонизмъ есть главная причина прогресса, говоритъ онъ, повторяя мысль одного очень извѣстнаго нѣмецкаго экономиста. Но онъ тутъ же оговаривается. По его мнѣнію, очень ошибочно было бы воображать, что люди всегда и во всѣхъ случаяхъ хорошо понимаютъ свое положеніе и ясно видятъ тѣ общественныя задачи, которыя оно имъ ставитъ. «Думать такъ,—говоритъ онъ,—значитъ предполагать нѣчто невѣроятное, нѣчто никогда небывалое».

Мы просимъ читателя обратить большое вниманіе на эту оговорку. Лабріола развиваетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ:

«Правовыя формы, политическія дѣйствія и попытки общественной организаціи были и бываютъ иногда удачны, а иногда ошибочны, т. е. несоотвѣтственны положенію, непропорціональны ему. Исторія полна ошибокъ. Это значитъ, что если все въ ней было необходимо при данномъ умственномъ развитіи тѣхъ, кому предстояло преодолѣть извѣстныя трудности или рѣшить извѣстныя задачи, и если все въ ней имѣетъ свою достаточную причину, то не все было разумно въ смыслѣ, придаваемомъ этому слову оптимистами. По прошествіи нѣкотораго времени, коренныя причины всѣхъ общественныхъ измѣненій, т. е. измѣнившіяся экономическія условія приводили и приводятъ, иногда очень окольными путями, къ такимъ формамъ права, къ такому политическому устройству и къ такой общественной организаціи, которыя соотвѣтствуютъ новому положенію. Но не надо думать, что инстинктивная мудрость мыслящаго животнаго проявлялась и проявляется, sic et simpliciter, въ ясномъ и полномъ пониманіи всѣхъ положеній, и что, разъ дана экономическая структура, мы можемъ очень простымъ логическимъ путемъ вывести изъ нея

все остальное. Невѣжествомъ,—которое можетъ быть объяснено въ свою очередь,—въ значительной степени объясняется, почему исторія шла такъ, а не иначе. Къ невѣжеству надо прибавить грубые инстинкты, унаслѣдованные человѣкомъ отъ своихъ предковъ—животныхъ—и еще далеко не вполнѣ побѣжденные, а также всѣ страсти, всѣ несправедливости и всѣ различные виды испорченности,—всю лживость, все лицемѣріе, всю наглость,—которые неизбѣжно должны были родиться и рождаются въ обществѣ, основанномъ на подчиненіи человѣка человѣку. Мы можемъ, не впадая въ утопіи, предвидѣть, и мы, дѣйствительно, предвидимъ, появленіе въ будущемъ такого общества, которое, развившись по законамъ историческаго движенія изъ современнаго общественнаго порядка,—и именно изъ противорѣчій этого порядка,—уже не будетъ знать антагонизма классовъ... Но это дѣло будущаго, а не настоящаго или прошлаго времени. Современемъ правильно организованное общественное производство освободитъ жизнь отъ господства слѣпой случайности, теперь же случайность является многообразной причиной всякаго рода неожиданныхъ происшествій и непредвидѣннаго сплетенія событій» [1]).

Во всемъ этомъ много справедливаго. Но, причудливо переплетаясь съ заблужденіемъ, сама истина принимаетъ здѣсь видъ не совсѣмъ удачнаго парадокса.

Лабріола безусловно правъ, говоря, что люди далеко не всегда ясно понимаютъ свое общественное положеніе и не всегда хорошо сознаютъ тѣ общественныя задачи, которыя изъ него вытекаютъ. Но, когда онъ, основываясь на этомъ, ссылается на невѣжество или на суевѣріе, какъ на историческую причину возникновенія многихъ формъ общежитія и многихъ обычаевъ, то, самъ того не замѣчая, онъ возвращается къ точкѣ зрѣнія просвѣтителей XVIII вѣка. Прежде, чѣмъ указывать на невѣжество, какъ на одну изъ важныхъ причинъ, объясняющихъ намъ «почему исторія шла такъ, а не иначе», слѣдовало бы опредѣлить, въ какомъ именно смыслѣ можетъ быть употреблено здѣсь это слово. Было бы очень большой ошибкой думать, что это понятно само собою. Нѣтъ, это вовсе не такъ понятно и не такъ просто, какъ кажется. Посмотрите на Францію XVIII вѣка. Всѣ мыслящіе представители ея третьяго сословія горячо стремятся къ свободѣ и равенству. Для достиженія этой цѣли они требуютъ отмѣны многихъ устарѣлыхъ общественныхъ учрежденій. Но отмѣна этихъ учрежденій означала торжество капитализма, который, какъ это намъ теперь очень хорошо извѣстно, трудно назвать царствомъ свободы и равенства. Поэтому, можно сказать, что благородная цѣль философовъ прошлаго вѣка оказалась недостигнутой. Можно сказать также, что философы не умѣли указать средства, необходимыя

[1]) Essais, pp. 183—185.

для ея достиженія, можно обвинить ихъ поэтому въ невѣжествѣ, какъ это и дѣлали многіе соціалисты-утописты. Самъ Лабріола поражается противорѣчіемъ между дѣйствительной экономической тенденціей тогдашней Франціи и идеалами ея мыслителей. «Странное зрѣлище, странный контрастъ!» восклицаетъ онъ. Но что же тутъ страннаго? И въ чемъ заключалось «невѣжество» французскихъ просвѣтителей? Въ томъ, что они смотрѣли на средства достиженія всеобщаго благополучія не такъ, какъ смотримъ мы въ настоящее время? Но вѣдь тогда объ этихъ средствахъ не могло быть и рѣчи: — ихъ еще не создало историческое движеніе человѣчества, т. е.,—правильнѣе,—развитіе его производительныхъ силъ. Прочтите «Doutes, proposés aux philosophes économistes» Мабли, прочтите «Code de la nature» Морелли—вы увидите, что, поскольку эти писатели расходились съ огромнымъ большинствомъ просвѣтителей во взглядахъ на условія человѣческаго благополучія, поскольку они мечтали объ уничтоженіи частной собственности, постольку они, во первыхъ, становились въ явное и вопіющее противорѣчіе съ самыми существенными, самыми насущными и общенародными нуждами своей эпохи, а во-вторыхъ, смутно сознавая это, они и сами считали свои мечты совершенно неосуществимыми. Слѣдовательно, еще разъ—въ чемъ же состояло невѣжество просвѣтителей? Въ томъ, что они, сознавая общественныя нужды своего времени и вѣрно указывая способы ихъ удовлетворенія (отмѣна старыхъ привиллегій и проч.), приписывали этимъ способамъ крайне преувеличенное значеніе, т. е. значеніе пути къ всеобщему счастью? Это еще не очень дикое невѣжество, а съ практической точки зрѣнія его надо признать даже и не безполезнымъ, такъ какъ чѣмъ болѣе вѣрили просвѣтители въ универсальное значеніе требуемыхъ ими реформъ, тѣмъ энергичнѣе они должны были ихъ добиваться.

Несомнѣнное невѣжество обнаружили просвѣтители въ томъ смыслѣ, что они не умѣли найти нить, связывающую ихъ взгляды и стремленія съ экономическимъ положеніемъ тогдашней Франціи, и даже не подозрѣвали существованія такой нити. Они смотрѣли на себя, какъ на глашатаевъ абсолютной истины. Мы знаемъ теперь, что абсолютной истины нѣтъ, что все относительно, все зависитъ отъ обстоятельствъ мѣста и времени; но именно поэтому мы должны очень осторожно судить о «невѣжествѣ» различныхъ историческихъ эпохъ. Ихъ невѣжество, поскольку оно проявляется въ свойственныхъ имъ общественныхъ движеніяхъ, стремленіяхъ и идеалахъ, тоже относительно.

IX.

Какъ возникаютъ юридическія нормы? Можно сказать, что всякая такая норма представляетъ собою отмѣну или видоизмѣненіе какой-ни-

будь старой нормы или какого-нибудь стараго обычая. Почему отмѣняются старыя нормы и старые обычаи? Потому, что они перестаютъ соотвѣтствовать новымъ «условіямъ», т. е. новымъ фактическимъ отношеніямъ, въ которыя люди становятся другъ другу въ общественномъ процессѣ производства. Первобытный коммунизмъ исчезъ вслѣдствіе роста производительныхъ силъ. Но производительныя силы растутъ лишь постепенно. Поэтому лишь постепенно растутъ и новыя фактическія отношенія людей въ общественномъ процессѣ производства. Поэтому лишь постепенно растетъ и стѣснительность старыхъ нормъ или обычаевъ, а слѣдовательно и потребность въ приданіи соотвѣтственнаго юридическаго выраженія новымъ фактическимъ (экономическимъ) отношеніямъ людей. Инстинктивная мудрость мыслящаго животнаго обыкновенно слѣдуетъ за этими фактическими измѣненіями. Если старыя юридическія нормы препятствуютъ извѣстной части общества достигать своихъ житейскихъ цѣлей, удовлетворять свои насущныя нужды, то эта часть общества непремѣнно и чрезвычайно легко придетъ къ сознанію ихъ стѣснительности: для этого нужно немного больше мудрости, чѣмъ для сознанія того, что неудобно носить слишкомъ узкую обувь или черезъ-чуръ тяжелое оружіе. Но отъ сознанія стѣснительности данной юридической формы, конечно, еще далеко до сознательнаго стремленія къ ея отмѣнѣ. Первоначально люди пытаются просто обходить ее въ каждомъ частномъ случаѣ. Вспомните, какъ происходило дѣло у насъ въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ, когда, подъ вліяніемъ зарождавшагося капитализма, являлись новые источники заработка, неодинаковые для различныхъ членовъ семьи. Обычное семейное право становилось тогда стѣснительнымъ для счастливцевъ зарабатывающихъ больше другихъ. Но эти счастливцы вовсе не такъ легко и не такъ скоро рѣшились возстать противъ стараго обычая. Долгое время они просто хитрили, скрывая отъ большаковъ часть заработанныхъ денегъ. Но новый экономическій порядокъ постепенно укрѣплялся, старый семейный бытъ все болѣе и болѣе расшатывался; члены семьи, заинтересованные въ его отмѣнѣ, все выше и выше поднимали голову; раздѣлы все учащались, и, наконецъ, старый обычай исчезалъ, уступая мѣсто новому обычаю, вызванному новыми условіями, новыми фактическими отношеніями, новой экономикой общества.

Ростъ сознанія людьми своего положенія обыкновенно болѣе или менѣе отстаетъ отъ роста новыхъ фактическихъ отношеній, измѣняющихъ это положеніе. Но сознаніе все-таки идетъ за фактическими отношеніями. Гдѣ слабо сознательное стремленіе людей къ отмѣнѣ старыхъ учрежденій и къ установленію новаго юридическаго порядка, тамъ этотъ новый порядокъ еще не вполнѣ подготовленъ общественною экономикой. Иначе сказать, въ исторіи неясность сознанія—«промахи не-

зрѣлой мысли», «невѣжество»—нерѣдко знаменуютъ собою только одно: именно, что еще плохо развитъ предметъ, который надо сознать, т. е. новыя нарождающіяся отношенія. Ну, а невѣжество этого рода,—незнаніе и непониманіе того, чего еще нѣтъ, что находится еще въ процессѣ возникновенія, — очевидно, есть лишь относительное невѣжество.

Есть другой родъ невѣжества—невѣжество по отношенію къ природѣ. Его можно назвать абсолютнымъ. Мѣрой его является власть природы надъ человѣкомъ. А такъ какъ развитіе производительныхъ силъ означаетъ ростъ власти человѣка надъ природой, то ясно, что увеличеніе производительныхъ силъ означаетъ уменьшеніе абсолютнаго невѣжества. Непонятыя людьми и потому не подчиненныя ихъ власти явленія природы порождаютъ различныя суевѣрія. На извѣстной стадіи общественнаго развитія суевѣрныя представленія тѣсно переплетаются съ нравственными и правовыми понятіями людей, которымъ они придаютъ тогда своеобразный оттѣнокъ [1]). Въ процессѣ борьбы,—вызываемой ростомъ новыхъ фактическихъ отношеній людей въ общественномъ процессѣ производства,—религіозные взгляды играютъ нерѣдко большую роль. И новаторы, и охранители взываютъ къ помощи боговъ, ставя подъ ихъ защиту тѣ или другія учрежденія или даже объясняя эти учрежденія выраженіемъ божественной воли. Понятно, что эвмениды, нѣкогда считавшіяся у грековъ сторонницами материнскаго права, сдѣлали для его защиты такъ же мало, какъ Минерва для торжества будто бы любезной ей отцовской власти. Зовя къ себѣ на помощь боговъ и фетишей, люди напрасно тратили свой трудъ и время, но невѣжество, позволявшее вѣрить въ эвменидъ, не мѣшало тогдашнимъ греческимъ охраните-

---

[1]) Въ своей книгѣ „Законъ и обычай на Кавказѣ“ М. М. Ковалевскій говоритъ: „Разборъ религіозныхъ вѣрованій и суевѣрій ишавовъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что подъ оффиціальнымъ покровомъ православія народъ этотъ доселѣ стоитъ на той стадіи развитія, которая такъ удачно названа Тэйломъ анимизмомъ. Эта стадія, какъ извѣстно, обыкновенно сопровождается рѣшительнымъ подчиненіемъ религіи какъ общественной морали, такъ и права“ (т. II, стр. 82). Но въ томъ-то и дѣло, что по Тэйлору первобытный анимизмъ не имѣетъ никакого вліянія ни на мораль, ни на право. На этой стадіи развитія „между моралью и правомъ нѣтъ взаимнаго отношенія или отношеніе это остается въ зачаткѣ“. „Дикій анимизмъ почти совершенно лишенъ того нравственнаго элемента, который въ глазахъ цивилизованнаго человѣка составляетъ сущность всякой практической религіи... нравственные законы имѣютъ свое особое основаніе“ и т. д. La civilisation primitive. Paris 1876, t. II, pp. 464—465. Вотъ почему будетъ правильнѣе сказать, что религіозныя суевѣрія переплетаются съ нравственными и правовыми понятіями лишь на извѣстной, сравнительно довольно высокой ступени, общественнаго развитія. Мы очень жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ показать здѣсь, какъ объясняется это современнымъ матеріализмомъ.

лямъ понимать, что старый юридическій порядокъ (точнѣе, старое обычное право) лучше гарантируетъ ихъ интересы. Точно также, суевѣріе, позволявшее возлагать надежды на Минерву, не препятствовало новаторамъ сознавать неудобство стараго быта.

Даяки на островѣ Борнео не знали употребленія клина при рубкѣ дровъ. Когда европейцы привезли его туда съ собою, туземныя власти торжественно запретили его употребленіе [1]). Это было, повидимому, доказательствомъ ихъ невѣжества: что можетъ быть безсмысленнѣе отказа отъ употребленія орудія, облегчающаго трудъ? Однако, подумайте,— и вы скажете, можетъ быть, что для него можно найти смягчающія обстоятельства. Запрещеніе употреблять европейскія орудія труда, навѣрное, было однимъ изъ проявленій борьбы противъ европейскаго вліянія, которое начинало подрывать прочность старыхъ туземныхъ порядковъ. Туземныя власти смутно сознавали, что при введеніи европейскихъ обычаевъ отъ этого порядка не останется камня на камнѣ. Клинъ почему то сильнѣе другихъ европейскихъ орудій напоминалъ имъ о разрушительномъ характерѣ европейскаго вліянія. И вотъ онѣ торжественно запретили его употребленіе. Почему именно клинъ явился въ ихъ глазахъ символомъ опасныхъ новшествъ? На этотъ вопросъ мы не можемъ удовлетворительно отвѣтить: причина, по которой представленіе о клинѣ ассоціировалось въ умахъ туземцевъ съ представленіемъ объ опасности, грозящей ихъ старому быту, намъ неизвѣстна. Но мы можемъ съ увѣренностью сказать, что туземцы совсѣмъ не ошибались, опасаясь за прочность своего стараго порядка: европейское вліяніе въ самомъ дѣлѣ очень быстро и сильно искажаетъ,—если не разрушаетъ, обычаи подпавшихъ подъ него дикарей и варваровъ.

Тейлоръ говоритъ, что, громогласно осуждая употребленіе клина, даяки все таки пользовались имъ, когда могли это сдѣлать потихоньку отъ другихъ. Вотъ вамъ и «лицемѣріе» вдобавокъ къ невѣжеству. Но откуда это взялось? Очевидно, оно было порождено сознаніемъ преимуществ новаго пріема рубки дровъ, которое сопровождалось боязнью общественнаго мнѣнія или же преслѣдованія со стороны властей. Инстинктивная мудрость мыслящаго животнаго критиковала, такимъ образомъ, ту самую мѣру, которая ей же была обязана своимъ происхожденіемъ. И она была права въ своей критикѣ: запретить употребленіе европейскихъ орудій вовсе не значило устранить опасное европейское вліяніе.

Употребляя выраженіе Лабріолы, мы могли бы сказать, что въ данномъ случаѣ даяки приняли мѣру, не соотвѣтствовавшую ихъ положенію, непропорціональную ему. Мы были бы совершенно правы. И мы могли

---

[1]) E. B. Tylor, La civilisation primitive, Paris 1876, t. I, p. 82.

бы прибавить къ этому замѣчанію Лабріолы, что люди очень часто придумываютъ такія непропорціональныя, несоотвѣтствующія положенію мѣры. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Только то, что мы должны стараться открыть, нѣтъ ли какой нибудь зависимости между такого рода ошибками людей съ одной стороны и характеромъ или степенью развитія ихъ общественныхъ отношеній—съ другой. Такая зависимость несомнѣнно существуетъ. Лабріола говоритъ, что невѣжество можетъ быть объяснено въ свою очередь. Мы скажемъ: не только можетъ, но и должно быть объяснено, если только общественная наука въ состояніи сдѣлаться строгой наукой. Если «невѣжество» можетъ быть объяснено общественными причинами, то нечего и ссылаться на него, нечего говорить, что въ немъ заключается разгадка того, почему исторія шла такъ, а не иначе. Разгадка лежитъ не въ немъ, а въ общественныхъ причинахъ, его породившихъ и придавшихъ ему тотъ, а не другой видъ, тотъ, а не другой характеръ. Зачѣмъ же вы будете ограничивать свое изслѣдованіе простыми, ничего не объясняющими ссылками на невѣжество? Когда рѣчь идетъ о научномъ пониманіи исторіи, то ссылки на невѣжество свидѣтельствуютъ лишь о невѣжествѣ изслѣдователя.

X.

Всякая норма положительнаго права защищаетъ извѣстный интересъ. Откуда берутся интересы? Представляютъ ли они собою продуктъ человѣческой воли и человѣческаго сознанія? Нѣтъ, они создаются экономическими отношеніями людей. Разъ возникнувъ, интересы такъ или иначе отражаются въ сознаніи людей. Чтобы защищать извѣстный интересъ, нужно сознавать его. Поэтому всякую систему положительнаго права можно и должно разсматривать, какъ продуктъ сознанія [1]). Не сознаніемъ людей вызываются къ существованію тѣ интересы, которые право защищаетъ, слѣдовательно, не имъ опредѣляется содержаніе права; но состоя-

[1]) „Право не есть, подобно такъ называемымъ физическимъ, природнымъ силамъ, нѣчто, существующее помимо дѣйствій человѣка... Напротивъ, это порядокъ, установленный людьми для себя. Подчиняется ли въ своей дѣятельности человѣкъ закону причинности, или дѣйствуетъ свободно, произвольно,—въ данномъ вопросѣ это безразлично. Какъ бы то ни было, право по закону причинности и по закону свободы все же создается не помимо, а напротивъ, не иначе, какъ черезъ дѣятельность человѣка, черезъ его посредство“ (Н. М. Коркуновъ. Лекціи по общей теоріи права. С.-Петербургъ, 1894 г., стр. 279). Это вполнѣ справедливо, хотя и очень плохо выражено. Но г. Коркуновъ забылъ прибавить, что интересы, защищаемые правомъ, не „создаются людьми для себя“, а опредѣляются ихъ взаимными отношеніями въ общественномъ процессѣ производства.

ніемъ общественнаго сознанія (общественной психологіи) въ данную эпоху опредѣляется та форма, которую приметъ въ человѣческихъ головахъ отраженіе даннаго интереса. Не принявъ въ соображеніе состоянія общественнаго сознанія, мы совершенно не могли бы объяснить себѣ исторію права.

Въ этой исторіи надо всегда и заботливо отличать форму отъ содержанія. Съ формальной стороны право, подобно всѣмъ другимъ идеологіямъ, испытываетъ на себѣ вліяніе всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части другихъ идеологій: религіозныхъ вѣрованій, философскихъ понятій и проч. Уже одно это обстоятельство до извѣстной,—иногда очень значительной,—степени затрудняетъ открытіе зависимости, существующей между правовыми понятіями людей и ихъ взаимными отношеніями въ общественномъ процессѣ производства. Но это еще только полъ-бѣды [1]). Настоящая же бѣда въ томъ, что на различныхъ стадіяхъ общественнаго развитія всякая данная идеологія въ очень неодинаковой степени испытываетъ на себѣ вліяніе другихъ идеологій. Такъ, древнее египетское и отчасти римское право было подчинено религіи; въ новѣйшей исторіи право развивалось (повторяемъ и просимъ замѣтить это: съ формальной стороны) подъ сильнымъ вліяніемъ философіи. Чтобы устранить вліяніе на право религіи и замѣнить его своимъ собственнымъ вліяніемъ, философія должна была выдержать сильную борьбу. Эта борьба была лишь идеальнымъ отраженіемъ общественной борьбы третьяго сословія съ духовенствомъ, но она, тѣмъ не менѣе, въ огромной степени затрудняла выработку истинныхъ взглядовъ на происхожденіе правовыхъ учрежденій, такъ какъ, благодаря ей, они казались явнымъ и несомнѣннымъ продуктомъ борьбы отвлеченныхъ понятій. Разумѣется, Лабріола, вообще говоря, прекрасно понимаетъ, какого рода фактическія отношенія скрываются за подобной борьбой понятій. Но, когда рѣчь касается частностей, онъ слагаетъ свое матеріалистическое оружіе передъ трудностью вопроса и считаетъ, какъ мы видѣли, возможнымъ ограничиться ссылкой на невѣжество или силу тради-

---

[1]) Хотя и это очень невыгодно отзывается даже, напримѣръ, на такихъ сочиненіяхъ, какъ „Законъ и обычай на Кавказѣ“ г. М. Ковалевскаго. Г. М. Ковалевскій часто разсматриваетъ тамъ право, какъ продуктъ религіозныхъ взглядовъ. Правильный путь изслѣдованія былъ бы иной: г. Ковалевскому слѣдовало взглянуть и на религіозныя вѣрованія, и на правовыя учрежденія кавказскихъ народовъ, какъ на продуктъ ихъ общественныхъ отношеній въ процессѣ производства, и, выяснивъ вліяніе одной идеологіи на другую, постараться найти единственную причину этого вліянія. Г. Ковалевскій, повидимому, тѣмъ больше долженъ былъ бы склоняться къ такому способу изслѣдованія, что онъ самъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ категорически признаетъ причинную зависимость правовыхъ нормъ отъ способовъ производства.

ціи. Кромѣ того, онъ указываетъ еще на «символизмъ», какъ на послѣднюю причину многихъ обычаевъ.

Символизмъ дѣйствительно немаловажный «факторъ» въ исторіи нѣкоторыхъ идеологій. Но въ послѣднія причины обычаевъ онъ не годится. Возьмемъ такой примѣръ. У кавказскаго племени ишавовъ женщина обрѣзываетъ себѣ косу въ случаѣ смерти брата, но не дѣлаетъ этого, когда умретъ ея мужъ. Обрѣзываніе косы есть символическое дѣйствіе: оно замѣнило болѣе старый обычай принесенія себя въ жертву на могилѣ покойника. Но почему же женщина совершаетъ это символическое дѣйствіе на могилѣ брата, а не на могилѣ мужа? По словамъ г. М. Ковалевскаго, въ этой чертѣ «нельзя не видѣть пережитка той отдаленной эпохи, когда главою родовой группы, объединенной фактомъ дѣйствительнаго или мнимаго происхожденія отъ женщины—родоначальницы, являлся старшій по возрасту родственникъ по матери, ближайшій когнатъ». [1]) Изъ этого слѣдуетъ, что символическія дѣйствія становятся понятными только тогда, когда мы понимаемъ смыслъ и происхожденіе знаменуемыхъ ими отношеній. Откуда берутся эти отношенія? Отвѣта на этотъ вопросъ, конечно, надо искать не въ символическихъ дѣйствіяхъ, хотя они иногда могутъ дать кое-какіе полезные намеки. Происхожденіе символическаго обычая обрѣзыванія косы на могилѣ брата объясняется исторіей семьи, а объясненія исторіи семьи надо искать въ исторіи экономическаго развитія.

Въ заинтересовавшемъ насъ случаѣ обрядъ обрѣзанія косы на могилѣ брата пережилъ ту форму родственныхъ отношеній, которой онъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Вотъ вамъ примѣръ вліянія традиціи, на которое указываетъ Лабріола въ своей книгѣ. Но традиція можетъ сохранить только то, что уже существуетъ. Она не объясняетъ не только происхожденія даннаго обряда или вообще данной формы, но даже и ея сохраненія. Сила традиціи есть сила инерціи. Въ исторіи идеологій часто приходится задаваться вопросомъ, почему данный обрядъ или обычай сохранился, не смотря на то, что исчезли не только отношенія, вызвавшія его къ жизни, но и другіе родственные ему обычаи или обряды, порожденные тѣми же отношеніями. Вопросъ этотъ равносиленъ вопросу о томъ, почему разрушительное дѣйствіе новыхъ отношеній миновало именно этотъ обрядъ или обычай, устранивъ другіе. Отвѣчать на этотъ вопросъ ссылкой на силу традиціи, значитъ ограничиться повтореніемъ его въ утвердительной формѣ. Какъ же помочь горю? Надо обратиться къ общественной психологіи.

Старые обычаи исчезаютъ, старые обряды нарушаются тогда, когда люди становятся въ новыя взаимныя отношенія. Борьба общественныхъ

[1]) Законъ и обычай на Кавказѣ, т. II стр. 75.

интересовъ выражается въ видѣ борьбы новыхъ обычаевъ и обрядовъ со старыми. Ни одинъ символическій обрядъ или обычай, взятый самъ по себѣ, не можетъ вліять ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ на развитіе новыхъ отношеній. Если охранители горячо отстаиваютъ старые обычаи, то это потому, что въ ихъ умѣ представленіе о выгодныхъ, дорогихъ и привычныхъ имъ общественныхъ порядкахъ прочно связывается (ассоціируется) съ представленіемъ объ этихъ обычаяхъ. Если новаторы ненавидятъ и осмѣиваютъ эти обычаи, то это потому, что въ ихъ умѣ представленіе объ этихъ обычаяхъ ассоціируется съ представленіемъ о стѣснительныхъ, невыгодныхъ и непріятныхъ для нихъ общественныхъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, тутъ все дѣло въ ассоціаціи идей. Когда мы видимъ, что какой-нибудь обрядъ пережилъ не только породившія его отношенія, но и родственные ему обряды, вызванные тѣми же отношеніями, то мы должны заключить, что въ умахъ новаторовъ представленіе о немъ было не такъ сильно связано съ представленіемъ о ненавистной старинѣ, какъ представленіе о другихъ обычаяхъ. Почему же не такъ сильно? Отвѣтить на такой вопросъ иногда легко, а иногда совсѣмъ невозможно по недостатку необходимыхъ психологическихъ данныхъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы вынуждены признать его неразрѣшимымъ, по крайней мѣрѣ, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній, мы должны помнить, что дѣло тутъ не въ силѣ традиціи, а въ извѣстныхъ ассоціаціяхъ идей, вызванныхъ извѣстными фактическими отношеніями людей въ обществѣ.

Возникновеніемъ, измѣненіемъ и разрушеніемъ ассоціацій идей подъ вліяніемъ возникновенія, измѣненія и разрушенія извѣстныхъ комбинацій общественныхъ силъ въ значительной степени объясняется исторія идеологій. Лабріола не обратилъ на эту сторону дѣла всего того вниманія, какого она заслуживаетъ. Это хорошо обнаруживается его взглядомъ на философію.

XI.

По мнѣнію Лабріолы, философія въ своемъ историческомъ развитіи частью сливается съ теологіей, а частью представляетъ собою развитіе человѣческой мысли въ ея отношеніи къ предметамъ, входящимъ въ кругъ нашего опыта. Поскольку она отлична отъ теологіи, она занимается тѣми же задачами, на рѣшеніе которыхъ направляется научное изслѣдованіе, собственно такъ называемое. При этомъ она или стремится опередить науку, давая свои собственныя гадательныя рѣшенія, или просто резюмируетъ и подвергаетъ дальнѣйшей логической обработкѣ рѣшенія, уже найденныя наукой. И это, конечно, справедливо. Но здѣсь еще не вся

истина. Возьмемъ новую философію. Декартъ и Бэконъ считаютъ важнѣйшимъ дѣломъ философіи умноженіе естественно-научныхъ знаній съ цѣлью увеличенія власти человѣка надъ природой. Въ ихъ время философія занимается, слѣдовательно, какъ разъ тѣми самыми задачами, которыя составляютъ предметъ естественныхъ наукъ. Можно думать поэтому, что даваемыя ею рѣшенія опредѣляются состояніемъ естествознанія. Однако, это не совсѣмъ такъ. Тогдашнее состояніе естественныхъ наукъ не можетъ объяснить намъ отношенія Декарта къ нѣкоторымъ философскимъ вопросамъ, напримѣръ, къ вопросу о душѣ и т. п., но это отношеніе хорошо объясняется общественнымъ состояніемъ тогдашней Франціи. Декартъ строго раздѣляетъ область вѣры отъ области разума. Его философія не противорѣчитъ католицизму, а, напротивъ, старается подтвердить новыми соображеніями нѣкоторые его догматы. Въ этомъ случаѣ она хорошо выражаетъ собою тогдашнее настроеніе французовъ. Послѣ продолжительныхъ и кровавыхъ волненій XVI-го вѣка во Франціи является всеобщее стремленіе къ миру и порядку. Въ области политики это стремленіе выражается сочувствіемъ къ абсолютной монархіи; въ области мысли — извѣстной религіозной терпимостью и стремленіемъ избѣгать тѣхъ спорныхъ вопросовъ, которые напоминали бы о недавней гражданской войнѣ. Такими вопросами были религіозные вопросы. Чтобы не касаться ихъ, надо было разграничить область вѣры отъ области разума. Это и было сдѣлано, какъ мы сказали, Декартомъ. Но такого разграниченія было недостаточно. Въ интересахъ общественнаго мира философія должна была торжественно признать правильность религіознаго догмата. Въ лицѣ Декарта она сдѣлала и это. И вотъ почему система этого мыслителя, бывшая, по крайней мѣрѣ, на три четверти матеріалистической системой, сочувственно встрѣчена была многими духовными лицами.

Изъ философіи Декарта логически вышелъ матеріализмъ Ламеттри. Но изъ нея съ такимъ же правомъ могли быть сдѣланы и идеалистическіе выводы. Если французы ихъ не сдѣлали, то на это была совершенно опредѣленная общественная причина: отрицательное отношеніе третьяго сословія къ духовенству во Франціи XVIII вѣка. Если философія Декарта выросла изъ стремленія къ общественному миру, то матеріализмъ XVIII вѣка предвѣщалъ собою новыя общественныя потрясенія.

Уже изъ этого видно, что развитіе философской мысли во Франціи объясняется не только развитіемъ естествознанія, но также и непосредственнымъ вліяніемъ на нее развивающихся общественныхъ отношеній. Еще болѣе обнаруживается это при внимательномъ взглядѣ на исторію французской философіи съ другой стороны.

Мы уже знаемъ, что главной задачей философіи Декартъ считалъ увеличеніе власти человѣка надъ природой. Французскій матеріализмъ XVIII вѣка считаетъ своей важнѣйшей обязанностью замѣну извѣстныхъ

старыхъ понятій новыми, на основѣ которыхъ могли бы быть построены нормальныя общественныя отношенія. Объ увеличеніи общественныхъ производительныхъ силъ у французскихъ матеріалистовъ почти нѣтъ и рѣчи. Это очень существенная разница. Откуда она взялась?

Развитіе производительныхъ силъ во Франціи XVIII вѣка чрезвычайно сильно стѣснялось устарѣлыми общественными отношеніями производства, архаическими общественными учрежденіями. Устранить эти учрежденія было безусловно необходимо въ интересахъ дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Въ ихъ устраненіи заключался весь смыслъ тогдашняго общественнаго движенія во Франціи. Въ философіи необходимость такого устраненія выразилась въ видѣ борьбы противъ устарѣлыхъ отвлеченныхъ понятій, выросшихъ на почвѣ устарѣлыхъ отношеній производства.

Въ эпоху Декарта эти самыя отношенія далеко еще не были устарѣлыми; они, вмѣстѣ съ другими общественными учрежденіями, выросшими на ихъ почвѣ, не мѣшали развитію производительныхъ силъ, а способствовали ему. Поэтому объ ихъ устраненіи никто тогда и не думалъ. Вотъ почему философія ставила прямо передъ собою задачу увеличенія производительныхъ силъ, эту важнѣйшую практическую задачу нарождавшагося буржуазнаго общества.

Мы говоримъ это, возражая Лабріолѣ. Но, можетъ быть, наши возраженія излишни; можетъ быть, онъ онъ только неточно выразился, а въ сущности согласенъ съ нами? Мы были бы очень рады этому: всякому пріятно, когда съ нимъ соглашаются умные люди.

А если бы онъ не согласился съ нами, мы съ сожалѣніемъ повторили бы, что этотъ умный человѣкъ ошибается. Этимъ мы, можетъ быть, подали бы нашимъ субъективнымъ старичкамъ поводъ лишній разъ похихикать на счетъ того, что между сторонниками матеріалистическаго пониманія исторіи трудно отличить «настоящихъ» отъ «ненастоящихъ». Но мы отвѣтили бы субъективнымъ старичкамъ, что они «надъ собою смѣются». Человѣку, который самъ хорошо усвоилъ смыслъ философской системы, легко отличить истинныхъ ея послѣдователей отъ ложныхъ. Если бы гг. субъективисты дали себѣ трудъ продумать матеріалистическое объясненіе исторіи, то они сами знали бы—гдѣ настоящіе «ученики», а гдѣ самозванцы, всуе пріемлющіе великое имя. Но такъ какъ этого труда они себѣ не дали и не дадутъ, то они по необходимости останутся при одномъ недоумѣніи. Эта общая судьба всѣхъ отсталыхъ, выбывшихъ изъ дѣйствующей арміи прогресса. Кстати о прогрессѣ. Помните ли вы, читатель, то время, когда «метафизики» подвергались поруганію, философія изучалась по «Льюису» и отчасти по «учебнику уголовнаго права» г. Спасовича, и когда для «прогрессивныхъ» читателей были придуманы особыя «формулы», чрезвычайно простыя и понятныя

даже для дѣтей младшаго возраста? Славное это было время! Оно прошло, это время, исчезло, какъ дымъ. «Метафизика» опять начинаетъ привлекать къ себѣ русскіе умы, «Льюисъ» выходитъ изъ употребленія, а пресловутыя формулы прогресса всѣми забываются. Теперь даже сами субъективные соціологи,—ставшіе уже «почтенными» и «маститыми», чрезвычайно рѣдко вспоминаютъ объ этихъ формулахъ. Замѣчательно, напримѣръ, что о нихъ никто и не вспомнилъ именно въ ту пору, когда въ нихъ была, повидимому, самая крайняя надобность, т. е. когда у насъ заспорили о томъ, можно ли намъ съ пути капитализма свернуть на путь утопіи. Наши утописты спрятались за спину человѣка, который, защищая фантастическое «народное производство», въ то же время выдавалъ себя за сторонника современнаго діалектическаго матеріализма. Софистицированный діалектическій матеріализмъ оказался такимъ образомъ единственнымъ заслуживающимъ вниманія оружіемъ въ рукахъ утопистовъ. Въ виду этого было бы очень полезно поговорить о томъ, какъ смотрятъ на «прогрессъ» сторонники матеріалистическаго пониманія исторіи. Правда, объ этомъ было уже не разъ говорено въ нашей печати. Но, во первыхъ современный матеріалистическій взглядъ на прогрессъ многимъ все еще неясенъ, а во вторыхъ у Лабріолы онъ иллюстрируется нѣкоторыми очень удачными примѣрами и поясняется нѣкоторыми очень справедливыми соображеніями, хотя, къ сожалѣнію, все-таки не излагается систематически и во всей полнотѣ. Соображенія Лабріолы должны быть пополнены. Мы надѣемся сдѣлать это въ болѣе свободную минуту, а теперь намъ пора кончать.

Но прежде чѣмъ положить перо, мы еще разъ просимъ читателя помнить, что, такъ называемый экономическій матеріализъ, противъ котораго направляются,— очень неубѣдительныя къ тому же,—возраженія нашихъ гг. народниковъ и субъективистовъ, имѣетъ очень мало общаго съ современнымъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Съ точки зрѣнія теоріи факторовъ человѣческое общество представляется тяжелою кладью, которую различныя «силы»—мораль, право, экономика, и т. д. и т. д.— тащатъ каждая съ своей стороны по историческому пути. Съ точки зрѣнія современнаго матеріалистическаго пониманія исторіи дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ. Историческіе «факторы» оказываются простыми абстракціями, и, когда исчезаетъ ихъ туманъ, становится ясно, что люди дѣлаютъ не нѣсколько отдѣльныхъ одна отъ другой исторій — исторію права, исторію морали, философіи и т. д.—а одну только исторію своихъ собственныхъ общественныхъ отношеній, обусловливаемыхъ состояніемъ производительныхъ силъ въ каждое данное время. Такъ называемыя идеологіи представляютъ собою лишь многообразныя отраженія въ умахъ людей этой единой и нераздѣльной исторіи,

Пессимизмъ П. Я. Чаадаева.

«Не оттого-ли мы довольствуемся сѣнями,
что исторія наша еще стучится въ ворота?»

«Лѣтомъ 1836 года я спокойно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ Вяткѣ, когда почтальонъ принесъ мнѣ послѣднюю книжку Телескопа..... Я, разумѣется, бросилъ все и принялся разрѣзывать Телескопъ—«Философскія письма», писанныя къ дамѣ, безъ подписи. Въ подстрочномъ замѣчаніи было сказано, что письма эти были писаны русскимъ по французски, т. е. что это переводъ. Все это скорѣе предубѣждало меня противъ статьи, чѣмъ въ ея пользу, и я принялся читать критику и смѣсь. Наконецъ, дошелъ чередъ и до письма. Со второй, третьей страницы меня остановилъ печально-серьезный тонъ: отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Эдакъ пишутъ только люди, долго думавшіе и много испытавшіе жизнью, а не теоріей.... читаю далѣе, письмо растетъ, оно становится мрачнымъ, обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности, которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ. Я раза два останавливался, чтобъ отдохнуть и дать улечься мыслямъ и чувствамъ, и потомъ снова читалъ и читалъ.... я боялся, не сошелъ ли я съ ума. Потомъ я перечиталъ письмо Ватбергу, потомъ С., молодому учителю вятской гимназіи, потомъ опять себѣ»....

Такъ описываетъ одинъ изъ современниковъ потрясающее впечатлѣніе, произведенное на него «Философскимъ письмомъ» Чаадаева. «Весьма вѣроятно,—прибавляетъ онъ,—что то же самое происходило въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ столицахъ и господскихъ домахъ». Онъ сравниваетъ «Письмо» съ выстрѣломъ, раздавшимся темною ночью: тонуло ли что и возвѣщало свою гибель, былъ-ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ, или о томъ, что его не будетъ—все равно, надобно было проснуться».

Чаадаевъ написалъ очень мало. Но однимъ «Философическимъ письмомъ» онъ сдѣлалъ для развитія нашей мысли безконечно больше, чѣмъ сдѣлаетъ цѣлыми кубическими саженями своихъ сочиненій иной трудолюбивый изслѣдователь Россіи «по даннымъ земской статистики» или бойкій соціологъ фельетонной «школы». Вотъ почему знаменитое письмо до сихъ поръ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, кому интересна судьба русской общественной мысли.

Было время, когда о немъ неудобно было говорить въ печати. Это время прошло. Страсти, вызванныя письмомъ, давнымъ-давно улеглись, раздраженіе исчезло, оставляя мѣсто лишь историческому интересу и спокойному анализу въ высшей степени замѣчательнаго литературнаго явленія. О Чаадаевѣ уже не однажды заходила рѣчь въ нашей литературѣ; но вѣроятно еще долго нельзя будетъ сказать, что уже довольно говорили объ этомъ человѣкѣ.

Чаадаевъ высказалъ въ высшей степени печальный, совершенно безнадежный взглядъ на Россію. Если держаться сравненія, сдѣланнаго цитированнымъ нами авторомъ, то надо признать, что Чаадаевъ возвѣщалъ не объ утрѣ, а именно о томъ, что его никогда не будетъ.

«По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединить въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны бы возмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщало намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возросло на безплодной нашей почвѣ, ни одной великой истины не возникло изъ среды насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь».

Уже съ самыхъ первыхъ вѣковъ нашего историческаго существованія мы стали спиной къ общечеловѣческому прогрессу. «Ведомые злою судьбой, мы... уединились въ своихъ пустыняхъ, не видя ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаются надъ Готтентотами и Лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ

свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Не смотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко,—не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества, не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства».

Даже въ наружности русскаго есть что-то неопредѣленное, недодѣланное. Наши лица нѣмы, холодны, невыразительны. «Находясь въ другихъ странахъ и въ особенности южныхъ, гдѣ лица такъ одушевлены, такъ говорящи, я сравнивалъ не разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ», замѣчаетъ Чаадаевъ.

Нельзя сказать, чтобы Россія совсѣмъ не дѣлала попытокъ сблизиться съ образованными народами. «Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать и, чтобы заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи. Потомъ другой великій государь пріобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой». Но не много хорошихъ плодовъ принесло все это: мы подняли мантію цивилизаціи, но не коснулись просвѣщенія; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта—и принесли домой одни дурныя понятія, одни заблужденія. Если мы и принимали участіе въ общемъ движеніи человѣческаго разума, то лишь посредствомъ слѣпого и поверхностнаго подражанія передовымъ націямъ. Въ ходѣ нашего образованія нѣтъ никакой послѣдовательности, никакой внутренней связи. «Отъ этого вы найдете, что всѣмъ намъ не достаетъ нѣкотораго рода основательности методовъ логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то большее, чѣмъ неосновательность». Собственно говоря, у насъ вовсе нѣтъ того общественнаго слоя, который существовалъ у всѣхъ цивилизующихся и цивилизованныхъ народовъ, и о которомъ можно сказать: онъ думаетъ за массу, въ немъ сосредоточивается разумъ націи. «Гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Когда и кто думаетъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время»?

Трудно ожидать чего либо великаго отъ народа, который явился въ міръ, какъ незаконнорожденный ребенокъ, безъ наслѣдства, безъ органической связи съ предшественниками, не усвоивъ себѣ «ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго». Если въ самой крови нашей есть, по мнѣнію Чаадаева, что-то враждебное совершенствованію, то врядъ ли можно думать, что мы станемъ когда нибудь великимъ цивилизованнымъ народомъ. Конечно, и наше существованіе не пройдетъ безслѣдно для человѣчества; оно послужитъ великимъ урокомъ отдаленному потомству. Но, во-первыхъ, «кто знаетъ когда это будетъ?»,—а, во-вто-

рыхъ,—наша исторія можетъ оказаться поучительной въ отрицательномъ смыслѣ: указывая другимъ, болѣе счастливымъ народамъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ многовѣковое существованіе безъ всякой собственной мысли. Вѣдь и жизнь промотавшагося отца служитъ подчасъ урокомъ обманутому сыну. Это, повидимому, и разумѣлъ Чаадаевъ, говоря о нашемъ будущемъ назначеніи. Какъ бы тамъ ни было, но онъ не сомнѣвался, что въ настоящемъ «мы принадлежимъ къ націямъ, которыя не составляютъ еще необходимой части человѣчества», болѣе—того: мы являемся «какимъ-то пробѣломъ въ порядкѣ разумѣнія».

Дальше этого пессимизму, въ примѣненіи къ судьбѣ отдѣльнаго народа, идти некуда. Человѣкъ, зараженный имъ, могъ найти себѣ плодотворное, пожалуй даже великое дѣло, гдѣ нибудь на чужбинѣ, но у себя на родинѣ ему нечего было дѣлать. Ему оставалось, сообразно своему темпераменту, или холодно презирать свою страну, или горько оплакивать ея историческую негодность. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ его удѣломъ было безысходное страданіе, потому что для мыслящей и благородной личности, какою несомнѣнно былъ Чаадаевъ, нѣтъ и не можетъ быть большаго несчастья, какъ полное отсутствіе вѣры въ историческую судьбу своего народа. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ «Философическаго письма» былъ глубоко несчастливъ. Для него не могло быть не только торжества или примиренья, но даже самаго блѣднаго луча надежды на торжество или примиреніе. «Пряча страсть подъ ледяной корой», осыпая насмѣшками своихъ знакомыхъ и Москву, гордящуюся, какъ достопримѣчательностями пушкой, которая не стрѣляетъ, и колоколомъ, который свалился прежде, чѣмъ звонить, онъ медленно угасалъ, осужденный на невольное бездѣйствіе и до конца дней оставаясь «воплощенною укоризною» своему отечеству. Это едва-ли не самое трагическое лицо въ исторіи нашей—«интеллигенціи».

Цитированный нами младшій современникъ Чаадаева, давшій поистинѣ художественную характеристику этой «печальной и самобытной фигуры», изображаетъ его безнадежный взглядъ, какъ продуктъ тяжелыхъ впечатлѣній, полученныхъ имъ, по возвращеніи изъ-за границы, отъ того высшаго общества, къ которому онъ принадлежалъ по своимъ связямъ и съ которымъ не могъ разорвать окончательно, несмотря на все свое глубокое презрѣніе къ нему. Отъ этого общества, дѣйствительно, странно было ждать обновленія Россіи.

Правда, въ тогдашней молодежи показывались, «иные всходы», а въ литературѣ начали раздаваться нѣкоторые свѣжіе голоса; но все это было въ зародышѣ, «все это еще было скрыто, и не въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ Чаадаевъ». Разочарованіе было, такимъ образомъ, неизбѣжно.

Трудно возразить что-нибудь противъ такого объясненія. И, тѣмъ не менѣе, оно все-таки недостаточно. Новые «всходы» врядъ ли утѣшили бы Чаадаева даже въ томъ случаѣ, если бы ничто не скрывало ихъ отъ него. Онъ, разумѣется, обрадовался бы имъ, потому что они очень скрасили бы его печальное существованіе. Но это и все. Они не возбудили бы въ немъ широкихъ надеждъ, потому что были слишкомъ слабы сравнительно съ его требованіями. Доказательства налицо. Какъ человѣку молодому и принимавшему самое близкое участіе въ томъ нарождавшемся идейномъ движеніи, о которомъ идетъ рѣчь, автору цитируемыхъ нами воспоминаній было бы гораздо естественнѣе проникнуться отрадными надеждами на свѣтлое будущее, а между тѣмъ и онъ не разъ вписывалъ въ свой дневникъ самыя безнадежныя строки. «Поймутъ-ли, оцѣнятъ-ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія?—съ отчаяніемъ восклицаетъ онъ... Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего мы ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр...? отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?.. О, пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ,—мы заслужили ихъ грусть! Была-ли такая эпоха для какой либо страны? Римъ въ послѣдніе вѣка существованія, и то нѣтъ... Тамъ были святы воспоминанія, было прошедшее; наконецъ, оскорбленный состояніемъ родины могъ успокоиться на лонѣ юной религіи, являвшейся во всей чистотѣ и поэзіи. Насъ убиваетъ пустота и безпорядокъ въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ—отсутствіе всякихъ общихъ интересовъ»...

«Сегодня я читалъ какую-то статью о «Мертвыхъ Душахъ» въ «Отеч. Запис.», тамъ приложены отрывки,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ того-же дневника. Между прочимъ русскій пейзажъ (зимняя и лѣтняя дорога); перечитываніе строкъ задушило меня какой-то безвыходной грустью, эта степь—Русь такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжелъ. За что мы проснулись—спать бы себѣ, спать, какъ все около!...»

«За что мы проснулись»! Очевидно, человѣкъ, написавшій эти строки, смотрѣлъ на свое пробужденіе,—по крайней мѣрѣ, когда писалъ ихъ,—какъ на тяжелую кару. Такое настроеніе молодыхъ «всходовъ» не влило бы новой энергіи въ пожилого Чаадаева.

Въ каждой странѣ бывали такія эпохи, когда люди, очень далеко опередившіе своихъ современниковъ и потому чувствовавшіе себя одинокими, впадали въ тяжелое, а подчасъ и совершенно безнадежное, настроеніе. Достаточно прочитать предисловіе, которое написалъ Гельвецій къ своей книгѣ «De l'Homme», чтобъ видѣть, какія тяжелыя сомнѣнія овладѣвали французами времени Людовика XV. Гельвецію тоже жилось не очень весело и вольготно. Но его положеніе всетаки было существенно

отлично отъ положенія русскихъ людей, видѣвшихъ себя вынужденными сожалѣть о своемъ пробужденіи.

Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что говоритъ Гельвецій въ указанномъ предисловіи.

Его первая книга, «De l'Esprit», навлекла на него гоненія. Чтобы избѣжать ихъ при изданіи своего новаго сочиненія, онъ собирался выпустить его подъ псевдонимомъ. Но пока онъ писалъ его, положеніе дѣлъ во Франціи еще болѣе измѣнилось къ худшему, такъ что онъ уже не видѣлъ надобности спѣшить съ обнародованіемъ своего произведенія: «болѣзнь, противъ которой я искалъ лекарства, стала неизлечимой,—говоритъ онъ,—я потерялъ надежду принести какую нибудь пользу, и я откладываю до своей смерти изданіе этой книги». Внутренній гнетъ окончательно подавилъ Францію; она уже не воспрянетъ къ новой жизни. Ея умственное развитіе насильственно прервано. «Счастье, подобно наукамъ, говорятъ, странствуетъ по землѣ. Теперь оно направляется къ сѣверу, великіе государи призываютъ туда геній, а съ геніемъ и счастье... Солнце юга гаснетъ; сѣверное сіяніе горитъ самымъ яркимъ свѣтомъ».

Для Франціи нѣтъ выхода. Гельвецій твердо убѣжденъ въ этомъ. И ему, разумѣется, не дешево досталось это убѣжденіе. Но, если бы его спросили—какъ смотритъ онъ на *прошлое* своей страны, то онъ, при всей своей ненависти къ старому режиму и средневѣковымъ учрежденіямъ, навѣрное отвѣтилъ бы, что Франція почти всегда шла во главѣ цивилизаціи. Чаадаевъ, наоборотъ, говоритъ, что Россія не принимала ни малѣйшаго участія въ общечеловѣческомъ развитіи. Это огромная разница. Пессимизмъ Чаадаева безконечно глубже и потому несравненно безотраднѣе. Гельвеція привели въ отчаніе нѣкоторыя «мѣропріятія» Людовика XV. Но, вѣдь, французскіе философы XVIII вѣка были убѣждены, что la législation fait tout. Съ этой точки зрѣнія не было, правда, ничего невѣроятнаго въ той мысли, что данное правительство закрыло своему народу путь прогресса. Но съ той же самой точки зрѣнія было естественно предположить, что дѣло, испорченное правительствомъ одного короля, можетъ быть радикально исправлено правительствомъ слѣдующаго царствованія. Стоило только явиться «королю-философу» à la Фридрихъ II,—и Франція снова могла оказаться во главѣ цивилизаціи. Такимъ образомъ, полному и безнадежному отчаянію въ міросозерцаніи Гельвеція не было мѣста. Не то съ Чаадаевымъ. Мы уже знаемъ—къ чему привела, по его мнѣнію, дѣятельность императоровъ Петра и Александра I: мы усвоили внѣшность цивилизаціи и не коснулись просвѣщенія. Наша отсталость причинена была не вліяніемъ правительства на общество и началась не со вчерашняго только дня: ея причины лежатъ въ *насъ самихъ*, можетъ быть даже въ «*нашей крови*», т. е. въ особенностяхъ нашей расы. Поэтому Чаадаева невозможно было бы ободрить надеждой на хорошее зако-

нодательство будущаго времени. Онъ сказалъ бы, что съ нами ничего не подѣлаетъ и самый просвѣщенный законодатель. Чтобы повѣрить въ Россію, ему нужно было бы совершенно другими глазами взглянуть на ея прошлое и на ея внутренній бытъ.

Цитированный нами другъ и младшій современникъ Чаадаева, вообще говоря, вѣрилъ въ будущность окружавшихъ его новыхъ «всходовъ», но вѣрилъ потому, что ему хотѣлось вѣрить, а не потому, что у него были для этого какія нибудь твердыя основанія. На прошлое Россіи онъ смотрѣлъ—почти такъ же, какъ и Чаадаевъ. «Государственная жизнь допетровской Россіи была уродлива, бѣдна, дика»—говоритъ онъ. «Ошибка славянъ (т. е. славянофиловъ) въ томъ, что имъ кажется, что Россія имѣла когда-то свое свойственное ей развитіе, затемненное разными событіями и, наконецъ, петербургскимъ періодомъ. Россія никогда не имѣла этого развитія и не могла имѣть. То, что приходитъ теперь къ сознанію у насъ, то, что начинаетъ мерцать въ мысли, въ предчувствіи, то, что существовало безсознательно въ крестьянской средѣ и на полѣ,—то теперь только всходитъ на пажитяхъ исторіи. Эти основы нашего быта — не воспоминанія, это живыя стихіи, существующія не въ лѣтописяхъ, а въ настоящемъ».

На первый взглядъ можетъ показаться, что если симпатичныя автору основы нашего быта не воспоминанія, а живыя стихіи, то тѣмъ лучше и для основъ, и для людей, имъ сочувствующихъ. Но не надо забывать, что, по мнѣнію того же автора, эти стихіи не имѣли никакого внутренняго, самобытнаго развитія. «Онѣ только уцѣлѣли подъ труднымъ историческимъ вырабатываніемъ государственнаго единства. Только сохранились, но не развились». А этого слишкомъ еще мало, чтобы обезпечить народу отрадную будущность. «Непосредственныхъ основъ быта недостаточно. Въ Индіи до сихъ поръ и спокон вѣка существуетъ сельская община, очень сходная съ нашей и основанная на раздѣлѣ полей; однако индѣйцы съ ней недалеко ушли». Авторъ сильно сомнѣвается въ томъ, чтобы дорогія ему основы могли развиваться благодаря дѣйствію своихъ внутреннихъ силъ. Если ихъ будущее обезпечено, то лишь — благодаря «петровскому періоду», благодаря притоку къ намъ «европейскаго образованія».

Но кто же былъ носителемъ этого образованія въ Россіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ? Тѣ самые «всходы», о которыхъ уже говорилъ нашъ авторъ. Значитъ, все будущее «основъ» пріурочивалось къ будущему «всходовъ»: созрѣютъ всходы,—разовьются и основы, а убьетъ всходы морозомъ или засухой,—основы погибнутъ или останутся, подобно индѣйскимъ основамъ, недоразвитыми и недодѣланными.

Много ли шансовъ на пышный расцвѣтъ было у всходовъ? Мы уже знаемъ, что мало; мы уже видѣли, съ какою болью спрашивалъ себя

одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей этихъ всходовъ: «За что мы проснулись?» Слѣдовательно, и у «всходовъ» было достаточно основаній для пессимизма, гораздо болѣе глубокаго и мрачнаго, чѣмъ пессимизмъ Гельвеція.

Но положимъ, что молодость брала свое и что, поэтому, всходы не видѣли смертельной опасности для себя со стороны мороза или засухи. Тогда все-таки оставался еще не разрѣшенный и трудно разрѣшимый вопросъ: какимъ именно путемъ всходы получатъ воспитательное вліяніе на основы; какимъ образомъ европейски-образованные люди пріобрѣтутъ довѣріе народной массы и ея поддержку, безусловно необходимую для осуществленія ихъ широкихъ плановъ? Наше прошлое давало на этотъ счетъ весьма поучительные и печальные уроки. Такъ было, по крайней мѣрѣ, по словамъ нашего автора. Хорошіе «всходы» появились уже во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Уже тогда были у насъ дѣйствительно просвѣщенные люди, но они явились, говоритъ нашъ авторъ, «безсильными искупителями, неповинными страдальцами за грѣхи отцовъ. Многіе изъ нихъ были готовыми все отдать, всѣмъ пожертвовать, но не было алтаря, некому было принять ихъ жертву». Нѣкоторые стучались даже въ крестьянскую избу, но и тамъ были непоняты, «крестьянинъ смотрѣлъ сурово и недовѣрчиво на этихъ дары несущихъ Данайцевъ, и съ горестью отходили отъ него раскаивающіеся, сознавая, что у нихъ нѣтъ родины». Словомъ, плохая имъ досталась доля.

На какомъ же основаніи можно было думать, что всходы тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія ожидаетъ лучшая судьба? Крестьянинъ еще ничѣмъ не заявилъ своего довѣрія къ нимъ. Это прекрасно сознавалъ нашъ авторъ, и изъ-подъ его пера выходили, подчасъ, напримѣръ, такія признанія. «Наше состояніе безвыходно, потому что историческая логика указываетъ, что мы—внѣ народныхъ потребностей». Настроеніе, вызванное такимъ взглядомъ на свое состояніе, не могло не быть много безнадежнѣе настроенія, вызваннаго въ свободолюбивомъ французскомъ философѣ нѣкоторыми непріятными для него распоряженіями «законодателя».

Славянофилы, повидимому, не могли ни на минуту сомнѣваться въ судьбѣ «основъ». У нихъ было такъ много «воспоминаній» и такъ много надеждъ. Правда, петровскій переворотъ раскололъ Россію на двѣ части, изъ которыхъ одна,—высшее сословіе, совершенно утратила народную физіономію. За этотъ расколъ дорого поплатилась вся страна. Но теперь въ высшемъ сословіи начинается спасительный поворотъ къ народнымъ началамъ. Образованная Россія начинаетъ сознавать и стремится искупить грѣхъ своей безнародности. Поэтому мы можемъ не бояться теперь за будущее Россіи. Оно какъ нельзя болѣе отрадно. «Мы будемъ подвигаться впередъ смѣло и безошибочно, занимая случайныя открытія Запада, но придавая имъ смыслъ болѣе глубокій, или открывая въ нихъ

тѣ человѣческія начала, которыя для Запада остались тайной, спрашивая у исторіи церкви и ея законовъ свѣтилъ путеводительныхъ для будущаго нашего развитія, и воскрешая древнія формы нашей жизни русской, потому что онѣ были основаны на святости узъ семейныхъ и на неиспорченной индивидуальности нашего племени». [1]) Теперь «намъ стыдно было бы не перегнать Запада».

Интересно, что, между тѣмъ какъ Чаадаевъ не видѣлъ ничего отраднаго въ нашей исторіи, славянофилы, наоборотъ, крайне отрицательно относились къ исторіи Запада, а въ русскомъ историческомъ развитіи видѣли проявленіе какой-то особой полноты народнаго духа. «Англичане, французы, нѣмцы—пишетъ А. С. Хомяковъ,—не имѣютъ ничего хорошаго за собой. Чѣмъ дальше они оглядываются, тѣмъ хуже и безнравственнѣе представляется имъ общество. Наша древность представляетъ намъ примѣръ и начала всего добраго въ жизни частной, въ судопроизводствѣ, въ отношеніи людей между собою... Западнымъ людямъ приходится все прежнее отстранять, какъ дурное, и все хорошее себѣ создавать; намъ довольно воскресить, уяснить—старое, привести его въ сознаніе и жизнь. Надежда наша велика на будущее».

Казалось бы, ничего не можетъ быть оптимистичнѣе подобнаго взгляда. Его можно поставить въ параллель со взглядомъ французовъ, которые были убѣждены, что Франція шла, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго времени, во главѣ цивилизаціи. Но уже при ближайшемъ разсмотрѣніи параллель оказывается далеко не полной. Въ XVII и XVIII вѣкѣ можно было думать, что «la législation fait tout». Въ девятнадцатомъ—наука выяснила, что сама «législation» является результатомъ внутренняго развитія народа. Слѣдовательно, теперь надежды на будущее должны были въ послѣднемъ счетѣ пріурочиваться не къ дѣятельности «законодателя», которая сама есть слѣдствіе, а не причина, а къ внутренней логикѣ общественной жизни. Съ славянофильской точки зрѣнія русская общественная жизнь представлялась, правда, очень богатой внутреннимъ содержаніемъ. Но замѣчательно, что даже славянофилы, не боявшіеся никакихъ преувеличеній и никакихъ натяжекъ, не умѣли сказать, въ чемъ же состояло развитіе тѣхъ богатыхъ началъ, которыми они восхищались такъ громко и, вѣроятно, искренно. Какъ ни хороши были «начала», но они, по признанію того же Хомякова, были подавлены и уничтожены «отсутствіемъ государственнаго начала, раздорами внутренними, игомъ внѣшнихъ враговъ», и, кромѣ того, разумѣется, безнародной образованностью петербургскаго періода. Такимъ образомъ, воскресить старыя начала оказывалось дѣломъ не совсѣмъ легкимъ. Тѣмъ болѣе не легкимъ, что и «уяснить»-то себѣ «старое» у насъ, въ эпоху споровъ «о старомъ и

[1]) См. Полное Собраніе сочиненій А. С. Хомякова, т. I, стр. 377.

новомъ», удалось только славянофильскому кружку, т. е. очень немногимъ. Этимъ немногимъ нужно было не только возвратить къ народности сбившееся съ дороги образованное общество, но и «провести» сознаніе «въ жизнь», т. е. пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на послѣдующее русское законодательство. Дѣло по-истинѣ колоссальное предстояло сдѣлать съ самыми ничтожными средствами. Будущее Россіи и у славянофиловъ оказывалось пріуроченнымъ къ судьбѣ нѣкоторыхъ «всходовъ», т. е. извѣстнаго теченія въ тогдашней нашей интеллигенціи. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ въ этой судьбѣ не могъ быть прочно увѣренъ ни одинъ изъ славянофиловъ. «Нашъ девизъ—taceamus igitur», сказалъ какъ-то въ небольшомъ кружкѣ Хомяковъ. Это была, конечно, шутка. Но въ этой шуткѣ отразилось нѣчто очень серьезное. Потому и нельзя удивляться, что даже и крайне оптимистическій взглядъ на русскую исторію не спасалъ славянофиловъ отъ тяжелаго унынія. «Человѣкъ этотъ, говоритъ объ Иванѣ Кирѣевскомъ цитированный нами авторъ воспоминаній, глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе.... Онъ страдаетъ—и знаетъ, что страдаетъ, и хочетъ страдать, не считая себя въ правѣ снять крестъ тяжелый и черный, наложенный фатумомъ на него».

И такъ, даже славянофильскій оптимизмъ не могъ отдѣлаться отъ значительной примѣси пессимизма.

Пессимизмъ въ томъ смыслѣ этого слова, какой мы придаемъ ему здѣсь, есть старинная болѣзнь нашей интеллигенціи. Первое, извѣстное пишущему эти строки, проявленіе этой болѣзни относится къ февралю 1660 года.

Почему именно къ февралю, и почему именно того года? А потому, что тогда случилось нѣкоторое, весьма знаменательное, происшествіе. Сынъ думнаго дворянина и воеводы Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина, будучи посланъ къ своему отцу съ порученіемъ отъ царя Алексѣя Михайловича, бѣжалъ заграницу. Побѣгъ совершился безъ всякаго внѣшняго повода: и выдающееся положеніе его отца, и милостивое вниманіе государя, и собственныя выдающіяся способности,—все сулило Воину (такъ звали молодого Нащокина) счастье и блестящіе успѣхи. Ему несомнѣнно предстояло дойти до степеней очень извѣстныхъ, а онъ предпочелъ сдѣлаться бездомнымъ скитальцемъ. Чистѣйшее безуміе! Такъ и поняли это друзья и недруги Аѳанасія Лаврентьевича. Но безуміе Воина было такъ необыкновенно, что современникамъ трудно было объяснить его себѣ иначе, какъ нарочитымъ вмѣшательствомъ нечистой силы. «Учинилось намъ вѣдомо, писалъ царь удрученному горемъ отцу, что сынъ твой попущеніемъ Божіимъ, а своимъ безумствомъ объявился въ Гданскѣ (Данцигѣ), а тебѣ, отцу своему, лютую печаль учинилъ, и тоя ради печали, приключившейся тебѣ отъ самого сатаны, и мню, что и отъ всѣхъ силъ бѣсовскихъ, из-

шедшу сему злому вихрю и смятоша воздухъ аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего добраго агнца яростнымъ и смрадным своимъ дуновеніемъ отъ тебе, отца и пастыря своего. И мы, великій государь, и сами по тебѣ, вѣрномъ своемъ рабѣ, поскорбѣли приключившейся ради на тя сея горькія болѣзни и злаго оружія, прошедшаго душу и тѣло твое; ей, велика скорбь и туга истинно» и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ тишайшій государь наказывалъ «Аѳанасью», чтобы тотъ «о сынѣ своемъ промышлялъ бы всячески, чтобъ его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя и если Аѳанасью надобно, то сына его извести бы тамъ, потому онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями». Дѣло принимало, какъ видитъ читатель, совсѣмъ трагическій оборотъ.

Впослѣдствіи оно уладилось: бѣглецъ просилъ прощенія и получилъ его. Но чѣмъ собственно вызвано было это дѣло? И почему сатанѣ удалось обработать именно молодого Нащокина, а не кого нибудь другого?

«Воинъ уже давно былъ извѣстенъ, какъ умный и распорядительный молодой человѣкъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичѣ Дмитріевѣ городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодого человѣка было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ давно уже пріучилъ его съ благоговѣніемъ смотрѣть на Западъ постоянными выходками своими противъ порядковъ, московскихъ, постоянными толками, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованіе, отецъ окружилъ его плѣнными поляками, и эти учители постарались, съ своей стороны, усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбье къ своему, воспламеняли его разсказами о польской «волѣ». Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошнило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученія къ отцу, вмѣсто Ливоніи онъ поѣхалъ заграницу, въ Данцигъ, къ польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію» [1]).

Молодой Нащокинъ оказался государственнымъ измѣнникомъ. Это очень плохо; но государственная измѣна—совершенно *случайный элементъ* въ его исторіи. Если бы онъ своевременно принялъ мѣры для передачи въ руки отца бумагъ, ввѣренныхъ ему государемъ, то его можно было бы, съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ государственныхъ понятій, обвинять развѣ лишь въ самовольномъ оставленіи службы и отечества.

---

[1]) С. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Томъ одиннадцатый, изданіе второе, стр. 84 и сл.

Разумѣется, никто не похвалитъ и за подобное самовольство; но всякій согласится, что тогда гораздо больше симпатіи заслуживалъ бы молодой человѣкъ, пораженный странной, прежде неслыханной въ Москвѣ, болѣзнью.

Въ самомъ дѣлѣ, разсказы о заграничной жизни и прежде не разъ смущали нашихъ бояръ. Побѣги въ Литву были нерѣдкимъ въ Московской Руси явленіемъ. Но настроеніе молодого Нащокина едва-ли имѣло много общаго съ настроеніемъ бѣглецовъ прежняго времени. Ихъ не «тошнило», какъ его, вообще отъ московскихъ порядковъ. Они искали за рубежемъ не просвѣщенія, а развѣ только аристократической боярской «воли». Они были недовольны частностями; онъ возмущался всѣмъ складомъ допетровской русской жизни. Молодой Нащокинъ былъ первой жертвой умственнаго вліянія Запада на Россію.

Гельвеція и его единомышленниковъ тоже «тошнило» подчасъ въ современной имъ Франціи. Случалось и имъ отъѣзжать заграницу. Но гдѣ, бы ни искали они себѣ временнаго пріюта; какъ бы ни были горьки упреки которые они посылали своей странѣ, духовный разрывъ съ ней былъ для нихъ психологически невозможенъ.

Они оставались французами, потому что ихъ идеи, какъ ни расходились со взглядами большинства тогдашнихъ французовъ, были идеями французскими par excellence. Онѣ были порождены французскими общественными отношеніями, и именно потому онѣ, даже въ самыя тяжелыя для ихъ проповѣдниковъ эпохи, были во Франціи дома больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Увлекавшіеся ими иностранцы сами были въ значительной степени офранцужены. У насъ не то. Идеи, разбудившія Нащокина, были продуктомъ совершенно чужой жизни; онѣ не имѣли въ себѣ ничего русскаго ни по формѣ, ни по содержанію. Человѣкъ, увлекшійся ими, дѣлался иностранцемъ ровно настолько, насколько онъ ими увлекался, и его естественно тянуло въ чужіе края. Со времени Петра притокъ иностранныхъ идей къ намъ совершался почти безъ перерыва; не прекращалось поэтому и то смятеніе воздуха аернаго, которое оплакивалъ Алексѣй Михайловичъ; не прекращалась и та умственная денаціонализація просвѣщенныхъ русскихъ людей, которой впослѣдствіи такъ возмущались славянофилы. Не всѣ эти люди, разумѣется, покидали Россію, но всѣ чувствовали себя «внѣ народныхъ потребностей», всѣ являлись, по выраженію автора вышецитированныхъ воспоминаній, «иностранцами дома, иностранцами въ чужихъ краяхъ»; всѣ представляли собою «какую-то умную ненужность». Былъ, правда, въ двадцатыхъ годахъ 19-го столѣтія періодъ, когда просвѣщенныхъ русскихъ людей не только «тошнило» въ ихъ странѣ, когда они твердо вѣрили, что имъ скоро удастся пересоздать русскую жизнь сообразно тѣмъ идеямъ, которыя они усвоили съ Запада. Но этотъ періодъ скоро миновалъ, людей

александровскаго времени постигла тяжелая неудача,—и просвѣщеннымъ русскимъ людямъ опять ничего не осталось, кромѣ «тошноты». Чаадаевъ вполнѣ, безъ всякихъ смягченій и оговорокъ, призналъ бы себя «умною ненужностью». Что же касается славянофиловъ и западниковъ сороковыхъ годовъ, то хотя они и старались всѣми силами своей души и всѣми усиліями своей логики отговориться отъ такого сознанія, но оно неразъ навязывалось имъ противъ воли, и неразъ имъ приходилось чувствовать себя внѣ народныхъ потребностей.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ у насъ опять было немало людей, которыхъ спасала отъ «тошноты» вѣра въ скорое осуществленіе ихъ идеаловъ. Но и этихъ людей постигло тяжелое разочарованіе. Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и симпатичныхъ жертвъ этого разочарованія явился Г. И. Успенскій.

Г. И. Успенскій принадлежалъ къ числу людей, стучавшихся въ крестьянскую избу съ самою лучшею просвѣтительною цѣлью. Цѣль этихъ людей осталась недостигнутой: имъ не удалось столковаться съ крестьяниномъ, отчасти потому, что ихъ идеи оказались неподходящими для крестьянина. Успенскому хотѣлось привить крестьянамъ «новые взгляды на значеніе дружнаго артельнаго труда на общую пользу». Но онъ убѣдился, что подобные разговоры «ни къ чему практически путному не приводятъ» и только вызываютъ въ слушателяхъ «ужаснѣйшую зѣвоту». Каждый добрый совѣтъ Успенскаго разбивался о «милліоны самыхъ тончайшихъ хозяйственныхъ ничтожностей», которыя не имѣли ни малѣйшаго значенія въ глазахъ благожелательнаго «интеллигента», но которыя, на самомъ дѣлѣ, являлись «неодолимою преградою на пути ко всеобщему благополучію». Кончилось тѣмъ, что Успенскій далъ себѣ зарокъ не говорить съ крестьянами «объ ихъ крестьянскихъ распорядкахъ». Но что означалъ подобный зарокъ? Онъ означалъ, что въ лицѣ Г. И. Успенскаго «всходы» убѣдились въ полной невозможности повліять на «основы».

Г. И. Успенскій и его единомышленники сочли бы себя счастливыми, если бы имъ удалось предупредить развитіе въ Россіи капитализма. Какъ могли бы они сдѣлать это? Ясно, что если подобная цѣль не была сама по себѣ несбыточной фантазіей, то образованный разночинецъ, не состоящій на государственной службѣ, могъ достигнуть ея единственно только путемъ воздѣйствія на крестьянское міросозерцаніе. А такъ какъ это воздѣйствіе признано было невозможнымъ, то нельзя было, слѣдовательно, мечтать о борьбѣ съ капитализмомъ. Какъ человѣкъ, дорожащій истиной прежде всего, Успенскій не побоялся признаться въ этомъ: «и выходитъ, поэтому, для всякаго, что-нибудь думающаго о народѣ, человѣка, задача, по-истинѣ неразрѣшимая,—писалъ онъ: цивилизація (онъ хотѣлъ сказать: капитализмъ) идетъ, а ты, наблюдатель русской жизни,

мало того, что не можешь остановить этого шествія, но еще... не долженъ, не имѣешь права, ни резона соваться въ виду того, что идеалы земледѣльческіе прекрасны и совершенны. И такъ—остановить шествіе не можешь, а соваться не долженъ.

О томъ, какое непрочное препятствіе развитію капитализма представляютъ собою прекрасные и совершенные земледѣльческіе идеалы, свидѣтельствовалъ тотъ же Г. И. Успенскій. «Стройность сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ называемой цивилизаціей». Ея разрушительное вліяніе «отражается на простодушномъ поселянинѣ рѣшительно при самомъ ничтожномъ прикосновеніи. Буквально прикосновеніе, одно только легкое касаніе,—и тысячелѣтнія идеальныя постройки превращаются въ щепки». Г. И. Успенскій думалъ, что если дѣло и впредь пойдетъ такъ, какъ оно идетъ, то чрезъ какихъ нибудь десять лѣтъ (да и это еще «много-много») вѣрному старымъ земледѣльческимъ идеаламъ крестьянину «нельзя будетъ жить на свѣтѣ».

Въ лицѣ Г. И. Успенскаго наша народническая интеллигенція опять увидѣла себя «внѣ народныхъ потребностей», признала себя «умною ненужностью». Но такое положеніе безвыходно, какъ это зналъ еще авторъ вышецитированныхъ воспоминаній. Необходимымъ слѣдствіемъ его является «тошнота», тяжелое пессимистическое настроеніе. Это настроеніе и выразилось въ сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго. Помириться съ такимъ настроеніемъ очень трудно. Прежде, чѣмъ подчиниться ему окончательно, всякій живой человѣкъ непремѣнно будетъ стараться отдѣлаться отъ него, хватаясь, какъ утопающій за соломинку, за первое попавшееся, хотя бы и самое фантастическое, утѣшеніе. Такъ и поступилъ Г. И. Успенскій. Онъ то восхищался открытіемъ крестьянскаго банка (ст. «Хорошаго по-немножку»), то приходилъ въ умиленіе передъ кустарною промышленностью («Живыя цифры»), избавляющей насъ «отъ фабричнаго распутства и грѣха», то мечталъ о счастьѣ жить «трудами рукъ своихъ», то придирался еще къ какому нибудь, столь же мало основательному поводу, чтобы хотъ на короткое время настроить себя на праздничный видъ. Но эти судорожныя усилія, тѣмъ не менѣе, не приводили въ сущности ни къ чему. Основной тонъ его произведеній былъ и остался глубоко пессимистическимъ. Среди нашихъ беллетристовъ—народниковъ нѣтъ рѣшительно ни одного, зараженнаго пессимизмомъ въ такой мѣрѣ, какъ Г. И. Успенскій. За то, правда, между ними нѣтъ также ни одного, который могъ бы выдержать сравненіе съ нимъ по мѣткости своихъ характеристикъ и по глубинѣ своего взгляда. Онъ видѣлъ многое изъ того, чего не замѣтили другіе. Онъ и страдалъ больше, чѣмъ эти другіе.

Помните ли вы, читатель, очеркъ «Мелочи путевыхъ воспоминаній»? Г. И. Успенскій, возвращаясь домой послѣ плаванія по Каспійскому морю,

чувствуетъ какую-то необъяснимую тоску. Съ пароходомъ, на которомъ ѣдетъ онъ, безпрестанно встрѣчаются наполненныя рыбой лодки. На вопросъ, какая эта рыба, ему отвѣчаютъ, что это—вобла и что теперь она сплошь пошла. «Да,—думаетъ Г. И. Успенскій,—вотъ отчего мнѣ и тоскливо.... Теперь пойдетъ «все сплошь». И сомъ сплошь претъ, цѣлыми тысячами, цѣлыми полчищами, такъ что его разогнать невозможно, и вобла также «сплошь» идетъ, милліонами существъ «одна въ одну», и народъ пойдетъ тоже «одинъ въ одинъ» и до Архангельска, и отъ Архангельска до «Адесты», и отъ «Адесты» до Камчатки, и отъ Камчатки до Владикавказа и дальше, до персидской, до турецкой границы... До Камчатки, до Адесты, до Нетербурга, до Ленкорана, все теперь пойдетъ сплошное, одинаковое, точно чеканенное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужикъ, и бабы, все одно въ одно, одинъ въ одинъ, съ одними сплошными красками, мыслями, костюмами, съ одними пѣснями... Все сплошное,—и сплошная природа, сплошной обыватель, сплошная нравственность, сплошная правда, сплошная поэзія, словомъ однородное стомилліонное племя, живущее какой-то сплошной жизнью и только въ сплошномъ видѣ доступное пониманію. Отдѣлить изъ милліонной массы единицу, положимъ, хоть нашего деревенскаго старосту Семена Никитича и попробовать понять его—дѣло невозможное. Семена Никитича можно понимать только въ кучѣ другихъ Семеновъ Никитичей. Вобла сама по себѣ стоитъ грошъ, а милліонъ воблы—капиталъ, и милліонъ Семеновъ Никитичей составляетъ тожо полное интереса существо, организмъ, а одинъ онъ, со своими мыслями, непостижимъ и неизучимъ... Сейчасъ вотъ онъ сказалъ пословицу: кто чѣмъ не торгуетъ, тотъ тѣмъ и не воруетъ. Что же, это онъ самъ выдумалъ? Нѣтъ, это выдумалъ океанъ людской, въ которомъ онъ живетъ, точь въ точь какъ Каспійское море выдумало воблу, а Черное море—камбалу. Самъ Семенъ Никитичъ не запомнитъ за собой никакой выдумки.—«Мы этимъ не занимаемся,—нѣшто мы учены»,—говоритъ онъ, когда спросишь его о чемъ нибудь самого. Но опять-таки этотъ Семенъ Никитичъ, исполненный всевозможной чепухи по части личнаго мнѣнія, дѣлается необыкновенно умнымъ, какъ только начинаетъ предъявлять мнѣнія, пословицы, цѣлыя нравоучительныя повѣсти, созданныя невѣдомо кѣмъ, океаномъ Семеновъ Никитичей, сплошнымъ умомъ милліоновъ. Тутъ и быль, и поэзія, и юморъ, и умъ... Да, жутковато и страшновато жить въ этомъ людскомъ океанѣ. Милліоны живутъ «какъ прочіе», причемъ каждый отдѣльно изъ этихъ прочихъ чувствуетъ и сознаетъ, что «во всѣхъ смыслахъ» цѣна ему грошъ, какъ воблѣ, и что онъ что нибудь значитъ только въ кучѣ; жутковато было сознавать это».

Еще бы не жутковато! Немногими штрихами Г. И. Успенскій нарисовалъ поистинѣ страшную картину. Когда вглядываешься въ нее, то невольно спрашиваешь себя: да какъ же человѣкъ, ее нарисовавшій, могъ

оставаться народникомъ? Вѣдь, чтобы быть народникомъ, надо вѣрить по крайней мѣрѣ въ возможное развитіе нѣкоторыхъ основъ стараго народнаго быта. А къ какому же развитію способенъ этотъ океанъ Семеновъ Никитичей, изъ которыхъ ни одинъ за собой никакой выдумки не запомнитъ, да и не занимается выдумкой, и каждый вполнѣ сознаетъ, что ему, взятому въ одиночку, какъ воблѣ, грошъ цѣна? Эти милліоны живыхъ существъ, не имѣющіе другого ума, кромѣ «сплошного»,—способны «переть сплошь», какъ сомъ, цѣлыми тысячами, цѣлыми полчищами, такъ что и разогнать ихъ никакъ невозможно; они способны наводнить собою необъятныя степи; залить и затопить даже культурныя страны; ихъ можно употребить въ качествѣ строительнаго матеріала для общественной постройки, которая, при благопріятныхъ условіяхъ, простоитъ цѣлыя тысячелѣтія и возбудитъ своей прочностью зависть въ самихъ китайцахъ, но пока они останутся Семенами Никитичами, они не сдѣлаютъ впередъ ни одного шагу, а когда сдѣлаютъ хоть одинъ шагъ впередъ,—перестанутъ быть Соменами Никитичами, и тогда — что станется съ «основами»? Какъ публицистъ, Г. И. Успенскій остался народникомъ вплоть до перерыва, такъ несвоевременно случившагося въ его литературной дѣятельности. Какъ художникъ, онъ уже задолго до этого перерыва безпощадно разрушилъ всѣ главныя положенія народничества.

Въ доброе старое время писатели охотно придумывали фантастическія встрѣчи замѣчательныхъ людей, различныхъ людей различныхъ эпохъ, заставляя ихъ вести между собою болѣе или менѣе поучительныя бесѣды. У насъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія прибѣгать къ этому крайне искусственному и давно избитому пріему. Но намъ приходилъ иногда въ голову вопросъ: что подумалъ бы П. Я. Чаадаевъ, если бы ему пришлось прочитать «Мелочи путевыхъ воспоминаній» Г. И. Успенскаго? Не увидѣлъ-ли бы онъ въ нихъ художественной иллюстраціи къ «Философскому письму?» Не замѣтилъ-ли бы онъ, что именно потому и нѣмы, холодны и невыразительны русскія лица, что въ нашемъ народѣ все сплошное, одинаковое, точно чеканенное? Не нашелъ ли бы онъ, что именно благодаря сплошному быту мы уединились въ своихъ пустыняхъ, не видя ничего происходившаго въ Европѣ? Что именно поэтому мы и прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины въ то время, когда вокругъ насъ пересоздавался цивилизованный міръ? Что именно оттого мы не трогались съ мѣста, между тѣмъ какъ западные народы величественно шли по пути развитія? Что оттого мы и представляемъ собою пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія? Наконецъ, не призналъ ли бы Чаадаевъ, прочитавъ Успенскаго, что не въ крови нашей, а именно въ нашемъ сплошномъ быту есть что-то враждебное совершенствованію? И не сказалъ ли бы онъ Успенскому: «Вамъ, какъ и мнѣ, ждать отъ русскаго народа нечего!»

Не знаемъ, что возразилъ бы Г. И. Успенскій П. Я. Чаадаеву по части конечныхъ выводовъ; но знаемъ, что этимъ замѣчательнымъ людямъ было бы о чемъ поспорить между собою. Ихъ взгляды на русскую народную жизнь были діаметрально противоположными въ своихъ основаніяхъ. П. Я. Чаадаевъ объяснилъ жизнь народа его взглядами (преимущество его религіей), дополняя такое объясненіе гадательнымъ соображеніемъ о свойствахъ народной «крови», т. е. о расѣ. Г. И. Успенскій объяснилъ взгляды народа его жизнью, міросозерцаніе русскаго крестьянина — условіями земледѣльческаго труда. П. Я. Чаадаевъ былъ идеалистъ. Г. И. Успенскій очень близко, хотя и безсознательно, подошелъ къ матеріалистической философіи исторіи. И въ этомъ заключалось его громадное преимущество передъ авторомъ «Философическаго письма», хотя онъ лично и не воспользовался этимъ громаднымъ преимуществомъ.

Если весь складъ народной жизни опредѣляется, въ послѣднемъ счетѣ, народными взглядами, то спрашивается,—какимъ образомъ могу я вліять на развитіе этой жизни въ желательномъ для меня направленіи? Измѣняйте взгляды народа сообразно вашимъ идеаламъ,—отвѣчаютъ идеалисты, а также, разумѣется, и эклектики. Это сносный отвѣтъ и дѣльный совѣтъ въ томъ случаѣ, когда между взглядами народа, съ одной стороны, и моими—съ другой, нѣтъ кореннаго различія; когда я, человѣкъ интеллигенціи, являюсь лишь обобщителемъ и выразителемъ народной мысли и народныхъ стремленій. Ну, а что если народное міросозерцаніе отдѣлено отъ моихъ идеаловъ цѣлою пропастью? если, поэтому, моя проповѣдь вызываетъ въ моихъ слушателяхъ лишь «ужаснѣйшую зѣвоту», и если я вижу себя вынужденнымъ умолкнуть, сказавъ себѣ,—какъ сказалъ Г. И. Успенскій,—«не суйся»? Не надо отчаяваться и въ этомъ случаѣ,—говорятъ благонамѣренные люди,—разумъ возьметъ свое, народъ дорастетъ когда-нибудь и до пониманія вашихъ идеаловъ. Но, во-первыхъ, «богъ знаетъ, когда это будетъ», а, во-вторыхъ, въ исторіи было немало народовъ, которые, просуществовавъ цѣлыя тысячелѣтія, такъ и сошли съ исторической сцены, ни на шагъ не приблизившись къ сколько-нибудь просвѣщеннымъ идеаламъ. Кто же поручится мнѣ, что и съ моимъ народомъ не случится чего-либо подобнаго? На этотъ вполнѣ законный вопросъ идеализмъ, а тѣмъ болѣе эклетизмъ, не даетъ отвѣта, а пока отвѣта нѣтъ, — неудивительно, что меня тошнитъ, что я сомнѣваюсь, страдаю и отчаяваюсь. Съ матеріалистической точки зрѣнія дѣло представляется иначе. Конечно, у матеріалистовъ тоже нѣтъ магической палочки, одинъ взмахъ которой превращалъ бы застой въ движеніе, а отсталость—въ богатый запасъ культурныхъ пріобрѣтеній. Но у матеріалистовъ есть опредѣленный критерій, избавляющій ихъ, по крайней мѣрѣ, отъ тяжелой неизвѣстности.

Возьмемъ хоть того же Г. И. Успенскаго и посмотримъ, что̀ слѣдуетъ изъ сказаннаго имъ объ условіяхъ земледѣльческаго труда. Этими условіями опредѣлилось міросозерцаніе русскаго народа. Въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія они мало измѣнились, а потому и современный намъ крестьянинъ думаетъ почти такъ, какъ думали его отцы, дѣды, прадѣды и т. д. Это совершенно понятно и естественно. Но, вѣдь, условія земледѣльческаго труда сами по себѣ вовсе не неизмѣнны. Что произойдетъ съ міросозерцаніемъ русскаго крестьянина, когда значительно измѣнятся условія его труда? Это міросозерцаніе тоже значительно измѣнится. Это опять совершенно понятно и естественно. Далѣе. Что произойдетъ съ міросозерцаніемъ нашего народа въ томъ случаѣ, когда условія его труда станутъ похожи на тѣ условія, при которыхъ живутъ и трудятся народы Запада? Это міросозерцаніе сблизится съ міросозерцаніемъ западныхъ народовъ. И это тоже вполнѣ понятно и естественно. До такой степени понятно и до такой степени естественно, что это знали еще славянофилы, которые были какъ нельзя болѣе далеки отъ матеріалистическаго взгляда на исторію. «Двумя главнѣйшими условіями жизненности и силы народной русской органической стихіи,—писалъ И. С. Аксаковъ,—служатъ: 1) владѣніе землею, т. е. что крестьяне всѣ посажены на землю, 2) то, что у большинства крестьянъ существуетъ общинное пользованіе землею, дающее имъ внутреннюю силу и крѣпость, признающее за каждымъ членомъ общины право на участокъ земли, гарантирующій его по возможности отъ нищеты [1]). Съ исчезновеніемъ этихъ условій необходимо исчезнетъ и народная русская стихія; народъ обезнародится,—прибавлялъ онъ; а обезнародьте народъ, и западничество получитъ у насъ смыслъ и оправданіе» [2]). Разумѣется, славянофильскій публицистъ хватилъ тутъ черезъ край, совершенно произвольно и бездоказательно объявляя «народной русской стихіей,»—съ исчезновеніемъ которой совершенно обезнародится русскій народъ,—то, что могло быть лишь временнымъ продуктомъ одного періода нашего общественнаго развитія, лишь *исторической категоріей*. Но намъ теперь до этого нѣтъ дѣла. Мы занимаемся теперь не споромъ со славянофилами, а анализомъ того вывода, который вытекаетъ изъ взгляда Г. И. Успенскаго на русскую крестьянскую жизнь. Вы-

---

[1]) «День», 1865, статья отъ 20-го марта; перепечатана въ полномъ собраніи сочиненій И. С. Аксакова. Москва. 1886, т. II стр. 306.

[2]) И. С. Аксаковъ иногда крайне рѣзко оттѣнялъ зависимость «народной стихіи» отъ историческихъ условій народнаго быта. Онъ говорилъ, напримѣръ, что западно-европейскій соціализмъ есть логическій выводъ изъ западно-европейской исторіи; на западѣ соціализмъ у себя дома, соціалисты—дѣтища современной цивилизаціи: въ Азіи дѣлать имъ нечего. «Русь», отъ 15-го марта 1883 года.

водъ же этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Когда условія русскаго народнаго труда станутъ похожи на западныя условія, тогда и взгляды нашего народа сблизятся со взглядами народовъ Запада. Но наша интеллигенція именно съ Запада заимствовала свои идеалы. Въ какомъ смыслѣ измѣнится отношеніе нашего народа къ этимъ идеаламъ, когда его міросозерцаніе сблизится съ міросозерцаніемъ западныхъ народовъ? Онъ перестанетъ видѣть въ нихъ нѣчто совершенно чуждое ему; онъ получитъ способность понимать и цѣнить ихъ; онъ перестанетъ зѣвать, слушая проповѣдь «интеллигента». Но въ такомъ случаѣ и «интеллигенту» не надобно будетъ накладывать на себя зарокъ молчанія; его слово уже не будетъ падать на каменистую почву; у него явится живое и плодотворное дѣло; онъ не будетъ говорить себѣ: не суйся; онъ перестанетъ быть умною ненужностью.

Теперь скажите, измѣняются ли условія народнаго труда въ указанномъ нами смыслѣ? Всѣ говорятъ, что измѣняются. Г. И. Успенскій категорически заявилъ, что «цивилизація идетъ», разрушая наши старыя народныя «постройки», какъ карточные домики. Да иначе и быть не можетъ: пришествіе того, что Г. И. Успенскій иронически называлъ цивилизаціей, было необходимымъ, хотя и отдаленнымъ, слѣдствіемъ петровской реформы.

Старая московская Русь отличалась совершенно азіатскимъ характеромъ. И ея соціальный бытъ, и ея администрація, и психологія ея обывателей,—все въ ней было совершенно чуждо Европѣ и очень родственно Китаю, Персіи, древнему Египту. Къ этой Руси во многомъ безусловно примѣнима мрачная чаадаевская характеристика. Европейцу она не могла не представиться какимъ-то «пробѣломъ въ порядкѣ разумѣнія». Съ точки зрѣнія европейскаго прогресса она, конечно, не составляла и не могла составлять необходимой части человѣчества, отъ котораго она надолго уединилась въ своихъ пустыняхъ. Но эта страна, къ своему великому счастью, находилась не въ Азіи, а въ Европѣ, или хоть въ сосѣдствѣ съ Европой. Вслѣдствіе этой географической особенности своего положенія, московская Русь вынуждена была кое что заимствовать отъ своихъ сосѣдей просто изъ инстинкта самосохраненія. Уже со времени Грознаго она старалась подвинуться къ Балтійскому морю. Петръ прорубилъ, наконецъ, «окно въ Европу». У Петра была огромная власть и желѣзная энергія. Но онъ могъ сдѣлать не болѣе того, что было доступно власти. «На соціальной основѣ, восходившей чуть ли не къ одиннадцатому вѣку,—справедливо говоритъ А. Рамбо,—явилась дипломатія, постоянная армія, бюрократическая іерархія, промышленность, удовлетворяющая вкусамъ роскоши, школы, академіи». Словомъ, Петръ лишь придѣлалъ европейскія конечности къ туловищу, которое все-таки оставалось азіатскимъ. Однако, новыя конечности оказали огромное вліяніе на при-

*

роду стараго туловища. Для поддержанія пореформеннаго порядка нужны были деньги. Петровская реформа дала толчокъ развитію товарнаго производства въ Россіи. Кромѣ того, для поддержанія пореформеннаго порядка нужна была хоть какая нибудь фабрично-заводская промышленность. Петръ положилъ у насъ начало этой промышленности и тѣмъ тоже бросилъ на русскую почву сѣмена совершенно новыхъ экономическихъ отношеній. Въ теченіе долгаго времени насажденная Петромъ промышленность вела довольно жалкое существованіе, повидимому, вполнѣ подчиняясь общему тону русской общественной жизни. Она была закрѣпощена государству и сама стала крѣпостнической, держась обязательнымъ трудомъ крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Тѣмъ не менѣе, она все-таки совершала свою работу перерожденія русскаго общественнаго тѣла, причемъ ей сильно помогали тѣ самыя международныя отношенія, безъ которыхъ немыслима была бы дѣятельность геніальнаго Петра. Успѣхи русскаго экономическаго развитія видны изъ того обстоятельства, что, между тѣмъ какъ петровская реформа требовала упроченія крѣпостного права, реформы императора Александра II предполагали его отмѣну. Начало новаго, «несимпатичнаго» къ народникамъ и субъективистамъ, экономическаго порядка относятъ у насъ обыкновенно къ 19 февраля 1861 года. Мы видимъ, что оно было положено еще Петромъ Великимъ. Но то справедливо, что 19 февраля дало сильнѣйшій толчокъ къ развитію этого порядка; оно вызвало наружу и превратило въ могучій потокъ то экономическое теченіе, которое скрывалось подъ землею, лишь медленно и незамѣтно разрушая старую экономическую формацію. Въ теченіе тридцати съ лишнимъ лѣтъ, протекшихъ со времени отмѣны крѣпостного права, эта старая формація совершенно вывѣтрилась. Теперь нѣтъ такого захолустья, нѣтъ такого медвѣжьяго уголка въ Россіи, гдѣ не чувствовалось бы могучее вліяніе новыхъ экономическихъ отношеній. Петровская реформа дошла до своего логическаго конца, по крайней мѣрѣ, въ экономической области; новыя европейскія руки окончательно переродили старое московское туловище. И какъ бы кто ни вздыхалъ теперь о старой московской обломовщинѣ, ея не воскреситъ уже никакая сила. И напрасно наши старовѣры пишутъ на ея могилѣ: «покойся, милый прахъ, до радостнаго утра». Теперь мы безвозвратно вовлечены въ экономическое движеніе цивилизованнаго человѣчества, и никакого утра для старой московской обломовщины не будетъ. Finis Moscoviae! Ты побѣдилъ, саардамскій плотникъ.

Но если наша экономическая обломовщина похоронена навѣки, то это именно и значитъ, что наступаетъ утро для новой Россіи и что чаадаевскій «выстрѣлъ» былъ фальшивой тревогой. Такъ, съ матеріалистической точки зрѣнія, лишается всякаго основанія пессимизмъ, выросшій на почвѣ идеализма.

Чаадаевъ находилъ, что всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ недостаетъ основательности, методы и логики. «Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу,—писалъ онъ. Человѣкъ теряется, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ, онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ, но у насъ эта черта общая». Все это въ значительной степени справедливо, и мы увидимъ сейчасъ, какъ странно заблуждаются въ мірѣ идей нѣкоторые россійскіе «интеллигенты». Все это какъ нельзя болѣе печально, но все это было совершенно неизбѣжно при томъ странномъ и ложномъ положеніи, въ которомъ находился русскій образованный человѣкъ, пока онъ былъ иностранцемъ на чужбинѣ и иностранцемъ на своей родинѣ. Всякій порядокъ идей развивается стройно лишь у себя дома, т. е. только тамъ, гдѣ онъ является отраженіемъ мѣстнаго общественнаго развитія. Перенесенный на чужую почву, т. е. въ такую страну, общественныя отношенія которой не имѣютъ съ нимъ ничего общаго, онъ можетъ только прозябать въ головахъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ или группъ, но уже дѣлается неспособнымъ къ самостоятельному развитію. Такъ именно и было съ европейскими идеями, попавшими въ Россію. Если онѣ цѣпенѣли въ нашемъ мозгу, какъ безплодные призраки, то не потому, что въ нашей крови было что нибудь враждебное «совершенствованію», а потому, что онѣ не встрѣчали у насъ благопріятныхъ для ихъ развитія общественныхъ условій. Сегодня у насъ распространялось и дѣлалось моднымъ такое-то ученіе, по той причинѣ, что гдѣ нибудь на Западѣ, положимъ во Франціи, оно выдвинуто было на первый планъ развитіемъ общественной жизни. Завтра оно смѣнялось другимъ ученіемъ, прищедшимъ, положимъ изъ Германіи, гдѣ оно тоже отражало собой борьбу и движеніе общественныхъ силъ. Разсматривая эти смѣны съ исторической точки зрѣнія, можно, конечно, и для нихъ найти достаточную причину во внутренней *логикѣ постепенно европеизирующейся русской жизни*. Но о формальной логикѣ, о связи и послѣдовательности *идей*, тутъ говорить невозможно. Мы были поверхностными диллетантами, одобрявшими, а потомъ покидавшими данное ученіе, не только не исчерпавъ его во всей его глубинѣ, но даже и не понявъ хорошенько, что̀ оно собственно значитъ. Къ образованному русскому человѣку можно было примѣнить слова: что ему книга послѣдняя («послѣднее слово науки», идущее съ Запада) скажетъ, то на душѣ его сверху и ляжетъ. Какъ было не теряться намъ, какъ было не лишаться всякой твердости и увѣренности?

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у насъ сильно увлекались ученіемъ Гегеля. Люди, становившіеся послѣдователями этого великаго мы-

слителя, сами были въ высшей степени замѣчательными, а нѣкоторые изъ нихъ (напр., В. Г. Бѣлинскій) по-истинѣ геніальными людьми. Несмотря на это, Гегель все таки былъ не понятъ у насъ: припомните, какъ ошибочно было истолковано у насъ его ученіе о разумности всего дѣйствительнаго. Теорія Гегеля оказала свое благотворное вліяніе лишь на развитіе нашей литературной критики. Въ смыслѣ литературныхъ идей мы въ теченіи нѣкотораго времени, въ лицѣ В. Г. Бѣлинскаго, шли рядомъ съ Европой. Но какъ только дѣло дошло до идей общественныхъ, мы опять далеко отошли отъ Запада. Мы ударились въ утопіи, въ то время какъ на Западѣ теорія Гегеля логически развилась,—подъ вліяніемъ объективной логики общественныхъ отношеній,—въ научную общественную теорію Маркса.

На Западѣ теоретическая мысль развивалась тоже не прямолинейно: иногда подъ вліяніемъ общественной реакціи, господствующими теоріями, особенно въ средѣ «образованныхъ», высшихъ классовъ, тамъ становились реакціонныя теоріи. Наши «передовые» люди наивно увлекались ими, видя въ нихъ нѣчто, до послѣдней степени прогрессивное. За примѣрами ходить не далеко: мало ли увлекались у насъ Огюстомъ Контомъ? мало ли увлекались у насъ такъ называемымъ неокантіанствомъ? А между тѣмъ, и контовскій «позитивизмъ» и неокантіанство являются лишь буржуазной реакціей противъ нѣкоторыхъ неудобныхъ для буржуазіи выводовъ, къ которымъ пришли теоретическіе представители рабочаго класса: во Франціи сенсимонисты, фурьеристы и другіе, въ Германіи—лѣвые гегельянцы.

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ...

Ужасно неудобное это положеніе! Какъ тутъ не заблуждаться въ мірѣ!

«Видите, друзья, что вы ничего не можете истинно дѣльнаго придумать, что вы въ общемъ ходѣ человѣческаго знанія безплодны. Причина вашей безплодности, вашей или лучше сказать, нашей ничтожности въ наукѣ—отсутствіе народной стихіи» Такъ говоритъ славянофилъ Тульневъ въ Хомяковскомъ «Разговорѣ въ подмосковной» [1]). И замѣчательно, что насчетъ безплодности русскаго образованнаго ума Тульневъ (т. е., лучше сказать, Хомяковъ) повторяетъ лишь то, что было гораздо ранѣе и гораздо сильнѣе сказано западникомъ Чаадаевымъ, а мы расходимся теперь съ тѣмъ, и съ другимъ, потому что для насъ «народная стихія» есть не первичная причина, а послѣдствіе данныхъ общественныхъ отношеній. Съ измѣненіемъ этихъ отношеній измѣняется

[1]) Этотъ разговоръ былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ Русской Бесѣды 1856 г., потомъ перепечатанъ въ полномъ собраніи соч. Хомякова.

и «стихія». Точно такъ-же, съ измѣненіемъ этихъ отношеній, измѣняется и судьба западныхъ идей, усваиваемыхъ русскими образованными людьми; чуждыя Россіи, идеи эти становятся нашими собственными мѣстными идеями, по мѣрѣ того какъ европеизируется нашъ общественный бытъ, т. е. прежде всего (и пока еще только) наша экономія.

Ни одинъ изъ западныхъ народовъ не жилъ въ условіяхъ, тождественныхъ съ тѣми, въ которыхъ жили его сосѣды. Тѣмъ не менѣе, общій складъ жизни былъ у этихъ народовъ одинаковъ по своему общему характеру. Вотъ почему всѣ они имѣли, по справедливому замѣчанію Чаадаева, одну общую физіономію, какой-то отблескъ односемейности. Теперь и наши черты начинаютъ приближаться къ этой общей физіономіи, а потому, скажемъ еще разъ, пессимизмъ Чаадаева лишается своего основанія. Теперь развитіе европейскихъ идей можетъ стать и у насъ стройнымъ и логичнымъ благодаря внутренней логикѣ нашей европеизировавшейся жизни.

Но теперь у насъ возникаетъ другого рода пессимизмъ. Теперь у насъ оплакиваютъ нашу экономическую европеизацію на томъ основаніи, что она уменьшаетъ благосостояніе народа, что она, какъ говоритъ, напр., г. Н.—онъ, разрушаетъ его производительныя силы. Не мѣшаетъ сказать кое-что по поводу этого новаго пессимизма.

Помните ли вы, читатель, какъ разсуждалъ Рикардо, въ своихъ «Principles of Political Economy», о вліяніи машинъ на заработную плату? Машины уменьшаютъ спросъ на рабочія руки, а слѣдовательно, и цѣну рабочей силы, говорилъ онъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, спѣшилъ онъ прибавить, что какая нибудь цивилизованная страна можетъ теперь отказаться отъ употребленія машинъ. Если бы нашлась такая удивительная страна, то она жестоко пострадала бы отъ конкуренціи со стороны своихъ сосѣдей, и ея рабочій классъ за отсутствіе машинъ поплатился бы несравненно дороже, чѣмъ за ихъ употребленіе. То же приходится сказать о капитализмѣ вообще. Какъ бы худо ни приходилось иной странѣ отъ развитія въ ней капитализма, но еще несравненно хуже пришлось бы ей, если бы она вздумала запереть передъ нимъ двери. Немало возни современному солдату съ его усовершенствованнымъ оружіемъ; но отнимите у него, для его облегченія, это оружіе и пустите его противъ непріятеля съ голыми руками—вы увидите, много ли его облегчили. Какъ бы дорого ни обходился нашъ капитализмъ, но намъ безконечно хуже (и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ) приходилось отъ нашего застоя, отъ нашего уединенія въ нашихъ пустыняхъ. И намъ приходится сожалѣть не о томъ, что у насъ развивается капитализмъ, а о томъ, что онъ у насъ еще недостаточно развился.

Марксъ, которому мы обязаны окончательнымъ выясненіемъ противорѣчій капитализма, замѣчаетъ (въ своей брошюрѣ «Lohnarbeit und Ka-

pital»): «а между тѣмъ, быстрый ростъ капитала является самымъ благопріятнымъ условіемъ для наемнаго труда». Марксъ никогда не подумалъ бы бороться съ капитализмомъ посредствомъ мѣръ, способныхъ лишь замедлить его развитіе. Онъ предоставлялъ это сторонникамъ того реакціоннаго соціализма, которому онъ посвятилъ нѣсколько блестящихъ страницъ въ своемъ «Манифестѣ».

Но утописты и метафизики, разсуждающіе по формулѣ: «да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того,—идетъ отъ лукаваго», никогда не могли понять этой точки зрѣнія Маркса. Развитіе капитализма въ Германіи оплакивали не только нѣмецкіе утописты сороковыхъ годовъ. Его оплакивали нѣкоторые нѣмецкіе прудонисты не далѣе какъ въ 70-хъ г.г. «У троглодита есть своя пещера; у австралійца своя хижина, у краснокожаго индѣйца свой домашній очагъ — восклицалъ прудонистъ Мюльбергеръ, — современный же пролетарій фактически виситъ въ воздухѣ». Эти жалобы вызвали суровую отповѣдь со стороны Энгельса.

«Въ этой іереміадѣ,—писалъ Энгельсъ,—мы видимъ прудонизмъ во всемъ его реакціонномъ образѣ. Ткачъ, имѣвшій кромѣ своего ручнаго станка свой собственный домишко, садикъ и клочекъ земли, былъ, при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и при всемъ своемъ закрѣпощеніи, тихимъ и всегда покорнымъ рабомъ, смиренно снимавшемъ шапку передъ всякимъ, кто былъ богаче и сильнѣе его. Именно новѣйшая крупная промышленность, превратившая нѣкогда привязаннаго къ землѣ работника въ ничего не имѣющаго, но свободнаго отъ всѣхъ старыхъ, наслѣдственныхъ цѣпей пролетарія, именно этотъ экономическій переворотъ создалъ условія, при которыхъ возможно уничтоженіе эксплуатаціи въ ея послѣдней формѣ— въ формѣ товарнаго производства. А этотъ слезливый прудонистъ ноетъ, какъ будто по поводу огромнаго шага назадъ, по поводу этого изгнанія работника изъ его собственнаго дома, изгнанія, бывшаго необходимымъ условіемъ его духовной эмансипаціи».

«Двадцать семь лѣтъ тому назадъ [1]), въ книгѣ «Положеніе рабочаго класса въ Англіи», я описалъ, какъ совершился въ Англіи 18-го столѣтія именно этотъ процессъ изгнанія работника изъ его собственнаго дома. Я оцѣнилъ по ихъ достоинству гнусности, которыя совершены были при этомъ землевладѣльцами и фабрикантами, а также и тѣ ближайшія вредныя для рабочаго матеріальныя и моральныя послѣдствія, которыя имѣло это изгнаніе. Но могло ли мнѣ придти въ голову увидѣть въ этомъ, при тогдашнихъ историческихъ обстоятельствахъ, безусловно необходимомъ историческомъ процессѣ развитія шагъ назадъ, паденіе ниже уровня дикости («hinter die Wilden»—такъ выразился Мюльбергеръ); ни въ какомъ случаѣ! Англійскій пролетарій 1872 года стоитъ несрав-

[1]) Писано въ 1872 году.

менно выше—имѣвшаго свой собственный домъ и очагъ—ткача 1772 г. И способенъ ли троглодитъ съ своей собственной пещерой или австраліецъ съ собственной хижиной или краснокожій, имѣющій свой собственный очагъ, къ тому движенію, которое происходило и происходитъ въ средѣ современнаго рабочаго класса? Что съ развитіемъ капитализма матеріальное положеніе рабочихъ въ общемъ ухудшилось, въ этомъ сомнѣвается только буржуа. Но должны ли мы поэтому съ сожалѣніемъ вспомнить о (во всякомъ случаѣ очень тощемъ) мясѣ Египта, о мелкой сельской промышленности, воспитавшей лишь холопскія души, или о дикости?» Напротивъ. Только пролетаріатъ, созданный современной крупной промышленностью, освобожденный отъ всѣхъ традиціонныхъ цѣпей,—между прочимъ, и отъ тѣхъ, которыя привязывали его къ землѣ,—и собранный въ большихъ городахъ, способенъ совершить великое общественное преобразованіе, которое положитъ конецъ всякой эксплуатаціи одного класса другимъ и всякому классовому господству. Прежніе деревенскіе ткачи, имѣвшіе свои собственные домики и очаги, никогда не были въ состояніи не только исполнить такую задачу, но просто даже и понять ее» [1]).

Нашимъ народникамъ и субъективистамъ, ноющимъ о развитіи у насъ капитализма, полезно будетъ вдуматься въ эти строки. Не мѣшаетъ поразмыслить о нихъ и г. Н.—ону: онѣ какъ будто спеціально для него написаны.

Собственно говоря, намъ здѣсь слѣдовало бы поставить точку: мы сказали все, что хотѣли сказать о пессимизмѣ Чаадаева. Но мы слишкомъ хорошо знаемъ пріемы мысли нѣкоторыхъ нашихъ «противниковъ капитализма», чтобы не видѣть себя въ необходимости удлинить свою статью нѣкоторыми, въ сущности совершенно излишними, поясненіями и оговорками. Намъ нельзя не распространяться о томъ,—каковъ же смыслъ «сей басни».

Вы хотите насаждать капитализмъ, вы радуетесь его развитію, закричатъ г.г. народники и субъективисты; слѣдовательно, правъ былъ г. Кривенко, заподозрившій васъ въ нѣжности къ кулакамъ и кабатчикамъ. Отвѣчаемъ.

Во-первыхъ, неужели вы, господа, забыли «не суйся» вашего же единомышленника Г. И. Успенскаго? Во-вторыхъ, капитализмъ лучше нашего стараго экономическаго порядка — ровно настолько, насколько движеніе лучше застоя. Но радоваться его развитію вовсе еще не значитъ стараться связать руки тѣмъ, которыхъ капиталъ эксплуатируетъ. Напротивъ, мы радуемся его развитію именно потому, что у его жертвъ въ значительной степени развязываются руки, и мы поможемъ жертвамъ совсѣмъ развязать ихъ. Вы не понимаете, какъ можно это сдѣлать? Это ваше не-

[1]) Zur Wohnungsfrage, Leipzig 1872, erstes Heft, Ss. 9—10.

счастье, въ которомъ мы совершенно неповинны. А нужно сознаться, что это огромное несчастье, благодаря которому вы рѣшительно не въ состояніи найти себѣ сколько нибудь плодотворное дѣло, и способны лишь, по выраженію Г. И. Успенскаго, плакать надъ цифрами. Экономическое развитіе опередило развитіе вашей мысли, и вы остались назади, въ качествѣ ненужности теперь уже— увы! — совсѣмъ не умной. Вотъ почему русская жизнь и кричитъ вамъ: «не суйся!», кричитъ теперь, когда всякій дѣйствительно передовой человѣкъ можетъ работать не покладаючи рукъ. Вы люди лишніе по собственной винѣ!

Покорись—о ничтожное племя,
Неизбѣжной и горькой судьбѣ
Захватило васъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ.
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно,
Суждены вамъ благіе порывы.
Но свершить ничего не дано!

— Да мы вовсе не сторонники застоя, мы вовсе не враги заимствованій съ запада,—продолжаютъ г.г. субъективисты. Но мы хотимъ заимствовать оттуда только хорошее, между тѣмъ, какъ вы кидаетесь безразлично и на хорошее и на дурное! Мы также не противъ крупной промышленности, мы хотимъ только, чтобы крупныя промышленныя предпріятія принадлежали артелямъ.

Такъ говорятъ обыкновенно наши «противники капитализма», воображая, что говорятъ нѣчто необычайно умное. Но именно то, что они говорятъ такъ, показываетъ до какой степени низко упала наша «бѣдная русская мысль» сравнительно съ тѣмъ, что она представляла собой, напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ. Уже славянофилы и западники (по крайней мѣрѣ Бѣлинскій) прекрасно понимали, что всякій данный общественный строй представляетъ собою органическое цѣлое, изъ котораго нельзя вырывать по произволу отдѣльныя черты и прививать ихъ къ другому общественному тѣлу. Теперь мы не понимаемъ этого, и мало того, что не понимаемъ:—мы гордимся тѣмъ, что не понимаемъ, воображая, что именно такимъ путемъ мы избавляемся и отъ славянофильскихъ, и отъ западническихъ «крайностей» и разрѣшаемъ старый споръ двухъ враждебныхъ лагерей. Въ дѣйствительности такое «разрѣшеніе» есть лишь свидѣтельство о нашей теоретической бѣдности.

«Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана

Павловича»... Такъ мечтаетъ въ «Женитьбѣ» Гоголя Агафья Тихоновна. По образу и подобію ея формулы жениха придумана только что упомянутая формула экономическаго прогресса. Достолюбезная купеческая дщерь осталась, какъ извѣстно, «не при своемъ интересѣ»: выбранный ею женихъ выпрыгнулъ отъ нея въ окошко. Такъ же подшутитъ и «прогрессъ» надъ нашими «противниками капитализма». И останутся, какъ говорится, ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ эти печальныя «жертвы старой русской исторіи». А артели, конечно, придутъ въ свое время (т. е. вѣрнѣе сказать—придетъ планомѣрная организація общественнаго производства). Только не нынѣшнимъ нашимъ «противникамъ капитализма» и будутъ онѣ обязаны своимъ появленіемъ, а именно тѣмъ людямъ, послѣдователямъ тѣхъ людей, на которыхъ нынѣ «рекутъ всякъ золъ глаголъ» эти печальные противники.

Искусство у первобытныхъ народовъ.

Искусство всякаго даннаго народа, по моему мнѣнію, всегда стоитъ въ тѣснѣйшей причинной связи съ его экономикой. Поэтому, приступая къ изученію искусства у первобытныхъ народовъ, я долженъ сначала указать главнѣйшія отличительныя черты первобытной экономики.

«Экономическому» матеріалисту вообще очень естественно, по образному выраженію одного нашего критика-писателя, начинать съ «экономической струны». А въ данномъ случаѣ принятіе этой «струны» за исходную точку моего изслѣдованія подсказывается, кромѣ того, особеннымъ и очень важнымъ обстоятельствомъ.

Еще очень недавно между соціологами и экономистами, знакомыми съ этнологіей, было распространено твердое убѣжденіе въ томъ, что хозяйство первобытнаго общества было хозяйствомъ коммунистическимъ par excellence. «Историкъ—этнографъ, приступая въ настоящее время къ изученію первобытной культуры, — писалъ въ 1879 г. М. М. Ковалевскій, — знаетъ, что объектами его изслѣдованія являются не отдѣльные индивидуумы, будто-бы вступающіе другъ съ другомъ въ соглашеніе жить сообща, подъ начальствомъ ими же установленныхъ властей, и не отдѣльныя семьи, искони вѣковъ существовавшія и постепенно разросшіяся въ родовые союзы, а стадныя группы индивидуумовъ разнаго пола, группы, въ средѣ которыхъ происходитъ медленный и самопроизвольный процессъ дифференціаціи, результатомъ чего является возникновеніе частныхъ семействъ и индивидуальной, на первыхъ порахъ, одной лишь движимой собственности» [1]).

Первоначально даже пища, этотъ «важнѣйшій и необходимѣйшій видъ движимаго имущества», составляетъ общую собственность членовъ стадной группы; и раздѣлъ добычи между отдѣльными семьями является лишь у племенъ, стоящихъ на сравнительно болѣе высокой степени развитія [2]).

---

[1]) Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія, стр. 26—27.

[2]) *Тамъ же, стр. 29.*

Также смотрѣлъ на первобытный хозяйственный строй и покойный Н. И. Зиберъ, извѣстная книга котораго: «Очерки первобытной экономической культуры» посвящена была критической провѣркѣ «того предложенія... что общинныя стороны хозяйства въ ихъ различныхъ стадіяхъ представляютъ универсальныя формы экономической дѣятельности на раннихъ ступеняхъ развитія». На основаніи обширнаго фактическаго матеріала,—обработку котораго, правда, нельзя признать строго систематичной, — Зиберъ пришелъ къ тому заключенію, что «простая кооперація труда въ ловлѣ рыбы, охотѣ, нападеніи и защитѣ, уходѣ за скотомъ, очисткѣ лѣсныхъ участковъ подъ обработку, орошеніи, воздѣлываніи земли, построеніи домовъ и большихъ орудій, какъ сѣти, лодки и т. д. естественно обусловливаетъ собою совмѣстное потребленіе всего произведеннаго, а тѣмъ самымъ и общую собственность, на недвижимое и даже движимое имущество, насколько она можетъ быть охраняема отъ посягательства сосѣднихъ группъ» [1]).

Я не буду плодить цитаты, а прямо укажу на то, что въ настоящее время теорія «первобытнаго коммунизма» начинаетъ подвергаться оспариванію. Такъ, Карлъ Бюхеръ считаетъ ее не согласной съ фактами. По его мнѣнію, народы, которыхъ въ самомъ дѣлѣ можно назвать первобытными, какъ нельзя болѣе далеки отъ коммунизма. Ихъ хозяйство вѣрнѣе было-бы назвать индивидуалистическимъ, но и такое названіе неправильно, такъ какъ ихъ быту вообще чужды самые существенные признаки «хозяйства».

«Подъ хозяйствомъ мы всегда разумѣемъ совмѣстную дѣятельность людей, направленную на пріобрѣтеніе благъ»—говоритъ онъ въ своемъ очеркѣ: «Первобытный хозяйственный строй»,—хозяйство предполагаетъ заботу не объ одной лишь настоящей минутѣ, но и о будущемъ, бережливое пользованіе временемъ и его цѣлесообразное распредѣленіе; хозяйство означаетъ трудъ, оцѣнку вещей, упорядоченіе ихъ потребленія, передачу культурныхъ пріобрѣтеній изъ рода въ родъ» [2]). Но въ быту низшихъ племенъ встрѣчаются «лишь самые слабые зачатки такихъ признаковъ». Если изъ жизни бушмена и веддаха устранить употребленіе огня, лука и стрѣлъ, то вся его жизнь сведется къ индивидуальному исканію пищи. Каждый отдѣльный бушменъ долженъ прокармливать себя совершенно самостоятельно. Голый и безоружный бродитъ онъ, подобно дичи, со своими товарищами въ тѣсныхъ предѣлахъ опредѣленнаго района... Каждый, какъ мущина, такъ и женщина, поѣдаетъ сырымъ то, что удается схватить руками или вырыть изъ земли ногтями—низ-

[1]) „Очерки“ стр. 5—6 перваго изд.

[2]) См. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Статьи изъ книги Происхожденіе народнаго хозяйства“. С.-Петербургъ 1898, стр. 91.

шихъ животныхъ, коренья, плоды. Они то собираются въ незначительныя группы или большія стада, то снова разбредаются, смотря потому, насколько мѣстность богата растительной пищей или дичью, но такія группы не превращаются въ настоящія общества. Онѣ не облегчаютъ существованія отдѣльному лицу. Эта картина, быть можетъ, не особенно понравится современному носителю культуры; однако собранный эмпирическимъ путемъ матеріалъ прямо таки принуждаетъ насъ изображать ее именно такимъ образомъ. Въ ней нѣтъ ни одной выдуманной черты, мы устранили изъ жизни низшихъ охотниковъ лишь то, что, согласно общепринятому взгляду, является уже признакомъ культуры: употребленіе оружія и огня» [1]).

Надо сознаться, что эта картина совсѣмъ не похожа на то изображеніе первобытнаго коммунистическаго хозяйства, которое рисовалось въ нашемъ умѣ подъ вліяніемъ работъ М. М. Ковалевскаго и Н. И. Зибера.

Но это вопросъ мало интересный. Дѣло не въ томъ, что нравится вамъ, мнѣ или какому-нибудь третьему лицу, а въ томъ, вѣрно-ли нарисованное Бюхеромъ изображеніе, согласно-ли оно съ дѣйствительностью, соотвѣтствуетъ-ли оно собранному наукой эмпирическому матеріалу. Эти вопросы важны не только для исторіи экономическаго развитія; они имѣютъ огромное значеніе для всякаго, кто изслѣдуетъ ту или другую сторону первобытной культуры. Въ самомъ дѣлѣ, искусство не даромъ называется отраженіемъ жизни. Если «дикарь» оказывается такимъ индивидуалистомъ, какимъ его изображаетъ Бюхеръ, то его искусство непремѣнно должно воспроизвести свойственныя ему черты индивидуализма. Притомъ же искусство является отраженіемъ преимущественно общественной жизни; и если вы смотрите на дикаря глазами Бюхера, то вы будете вполнѣ послѣдовательны, замѣтивъ мнѣ, что нельзя говорить объ искусствѣ тамъ, гдѣ преобладаетъ «индивидуальное исканіе пищи», и гдѣ между людьми нѣтъ почти никакой совмѣстной дѣятельности.

Ко всему этому надо прибавить еще и вотъ что: Бюхеръ несомнѣнно принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслящихъ ученыхъ, число которыхъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не такъ велико, какъ это было бы желательно, и потому его взгляды заслуживаютъ серьезнаго вниманія даже въ томъ случаѣ, если онъ ошибается.

Разсмотримъ же поближе написанную имъ картину дикаго быта. Бюхеръ писалъ ее, основываясь на данныхъ, относящихся къ быту такъ называемыхъ низшихъ охотничьихъ племенъ, и устранивъ изъ этихъ данныхъ лишь признаки культуры: употребленіе оружія и огня.

---

[1]) Тамъ же, стр. 91—92.

Этимъ онъ самъ указалъ намъ тотъ путь, которымъ мы должны идти въ разборѣ его картины. Именно, мы должны сначала провѣрить употребленный имъ въ дѣло эмпирическій матеріалъ, т. е., посмотрѣть, какъ на самомъ дѣлѣ **живутъ** низшія охотничьи племена, а затѣмъ выбрать наиболѣе вѣроятное предположеніе относительно того, какъ они **жили** въ то отдаленное время, когда имъ еще неизвѣстно было употребленіе огня и оружія. Сначала—факты, потомъ—гипотеза.

Бюхеръ ссылается на бушменовъ и на цейлонскихъ веддаховъ. Спрашивается, можно-ли сказать, что быть этихъ племенъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ самымъ низшимъ охотничьимъ племенамъ, лишенъ всѣхъ признаковъ хозяйства и что индивидуумъ вполнѣ предоставленъ у нихъ своимъ собственнымъ силамъ? Я утверждаю, что нельзя.

Возьмемъ сначала бушменовъ. Извѣстно, что они нерѣдко собираются партіями въ 200—300 человѣкъ для совмѣстной охоты. Такая охота, являясь самымъ несомнѣннымъ общеніемъ людей для производительныхъ цѣлей «предполагаетъ» въ то-же время и трудъ, и цѣлесообразное распредѣленіе времени, такъ какъ въ этихъ случаяхъ бушменамъ приходится строить изгороди, тянущіяся иногда на нѣсколько миль, копать глубокіе рвы, уставлять дно ихъ заостренными бревнами и т. п. [1]). Само собою разумѣется, что все это дѣлается не только для удовлетворенія потребностей даннаго времени, но и въ интересахъ будущаго.

«Нѣкоторые отрицаютъ у нихъ существованіе всякаго экономическаго смысла,—говоритъ Теофиль Ганъ,—и когда о нихъ заходитъ рѣчь въ книгахъ, то одинъ авторъ списываетъ ошибки другого. Конечно, бушмены не понимаютъ политической экономіи и государственнаго хозяйства, но это не мѣшаетъ имъ думать о черномъ днѣ» [2]).

И дѣйствительно, изъ мяса убитыхъ ими животныхъ они дѣлаютъ запасы и прячутъ ихъ въ пещерахъ или оставляютъ въ хорошо укрытыхъ ущельяхъ подъ надзоромъ стариковъ, уже неспособныхъ принимать непосредственное участіе въ охотѣ [3]). Заготовляются въ запасъ также луковицы нѣкоторыхъ растеній. Эти луковицы, собираемыя въ громадномъ количествѣ, сохраняются бушменами въ птичьихъ гнѣздахъ [4]). Наконецъ, извѣстны дѣлаемые бушменами запасы **саранчи**, для ловли которой они тоже роютъ глубокіе и длинные рвы [5]).

---

[1]) Ср. Die Buschmäner. Ein Beitrag zur südafrikanischen Völkerkunde von Theophil Hahn. Globus 1870, № 7, S. 105.

[2]) Ibid. № 8. S. 120.

[3]) Тамъ-же № 8, стр. 120 и 130.

[4]) Тамъ-же № 8, стр. 130.

[5]) Г. Лихтенштейнъ, Reise im südlichen Africa in den Jahren 1803, 1804, 1805 und 1806. Zweiter Theil, S. 74.

Это показываетъ, какъ сильно ошибается Бюхеръ, утверждающій, вмѣстѣ съ Липпертомъ, что у низшихъ охотничьихъ племенъ никто не думаетъ о собираніи запасовъ [1]).

По окончаніи совмѣстной охоты большія охотничьи партіи бушменовъ разбиваются, правда, на мелкія группы. Но, во-первыхъ, иное дѣло быть членомъ мелкой группы, а иное дѣло быть предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ. Во-вторыхъ, даже расходясь въ разныя стороны, бушмены не разрываютъ взаимной связи. Бечуаны говорили Лихтенштейну, что бушмены постоянно подаютъ другъ другу сигналы посредствомъ огней и, благодаря этому, знаютъ все, что дѣлается кругомъ на очень большомъ пространствѣ, гораздо лучше, чѣмъ всѣ другія сосѣднія имъ племена, въ культурномъ отношеніи гораздо выше ихъ стоящія [2]). Я думаю, что подобные обычаи не могли бы возникнуть у бушменовъ, если бы индивидуумы были предоставлены у нихъ своимъ собственнымъ силамъ и если бы въ ихъ средѣ преобладало «индивидуальное исканіе пищи».

Перехожу къ веддахамъ. Эти охотники (я говорю о совершенно дикихъ, такъ называемыхъ англичанами rock veddahs) живутъ, подобно бушменамъ, небольшими кровными союзами, общими силами которыхъ и совершается у нихъ «исканіе пищи». Правда, нѣмецкіе изслѣдователи Пауль и Фрицъ Заразины, авторы новѣйшаго и во многихъ отношеніяхъ полнѣйшаго сочиненія о веддахахъ [3]), выставляютъ ихъ порядочными индивидуалистами. Они говорятъ, что въ то время, когда первобытныя общественныя отношенія веддаховъ еще не были разрушены вліяніемъ сосѣднихъ народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени культурнаго развитія, вся ихъ охотничья территорія была подѣлена между отдѣльными семьями.

Но это совершенно ошибочное мнѣніе. Тѣ свидѣтельства, на основаніи которыхъ Заразины строютъ свою догадку о первобытномъ общественномъ строѣ веддаховъ, говорятъ совсѣмъ не то, что видятъ въ нихъ эти изслѣдователи. Такъ, Заразины приводятъ свидѣтельство нѣкоего фанъ-Гунса, бывшаго въ семнадцатомъ вѣкѣ губернаторомъ Цейлона. Но изъ разсказа фанъ-Гунса видно только то, что населенная веддахами территорія была подѣлена на отдѣльные участки, а вовсе не то, что эти участки принадлежали отдѣльнымъ семьямъ. Другой писатель семнадцатаго вѣка, Нокъ (Knox), говоритъ, что у веддаховъ въ лѣсахъ

---

[1]) Четыре очерка, стр. 75, примѣчаніе.

[2]) Ор. С. Томъ II, стр. 472.

Извѣстно, что огнеземельцы также сообщаются между собою съ помощью огней, см. Darwin, Journal of researches etc. London 1839 p. 238.

[3]) Sarrasin, Die Weddahs von Ceylon und die sie umgebenden Völkerschaften, Wiesbaden. 1892—1893.

«есть границы, отдѣляющія ихъ другъ отъ друга», и что «партіи не должны переступать эти границы во время охоты и собиранія плодовъ».

Тутъ рѣчь идетъ о партіяхъ, а не объ отдѣльныхъ семьяхъ, и потому мы должны предположить, что Ноксъ имѣлъ въ виду границы участковъ, принадлежавшихъ болѣе или менѣе крупнымъ кровнымъ союзамъ, а не отдѣльнымъ семьямъ. Далѣе Заразины ссылаются на англичанина Тиннента. Но что же именно говоритъ Тиннентъ? Онъ говоритъ, что территорія веддаховъ подѣлена между кланами (clans or families associated by relationship) [1]).

Кланъ и отдѣльная семья—не одно и то же. Конечно, кланы веддаховъ не велики: Тиннентъ прямо называетъ ихъ маленькими: small Clans. Да оно и понятно. Кровные союзы не могутъ быть велики на той низкой ступени развитія производительныхъ силъ, на которой стоятъ веддахи. Но дѣло не въ этомъ. Намъ важно здѣсь знать не величину клана веддаховъ, а ту роль, которую онъ играетъ въ существованіи отдѣльныхъ индивидуумовъ этого племени. Можно-ли сказать, что эта роль равна нулю, что кланъ не облегчаетъ существованія отдѣльныхъ лицъ? Совсѣмъ нѣтъ! Извѣстно, что кровные союзы веддаховъ бродятъ подъ начальствомъ своихъ главъ. Извѣстно также, что на ночлегѣ дѣти и подростки ложатся около вожака, а взрослые члены клана располагаются вокругъ нихъ, составляя такимъ образомъ живую цѣпь, готовую защищать ихъ отъ непріятельскихъ нападеній [2]). Этимъ обычаемъ, несомнѣнно, очень облегчается существованіе какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго племени. Не менѣе облегчается оно и другими проявленіями солидарности. Такъ, напримѣръ, вдовы продолжаютъ у нихъ получать свою часть во всемъ, что попадаетъ въ руки клана [3]). Если-бы у нихъ не было никакого общественнаго союза и если-бы у нихъ господствовало «индивидуальное исканіе пищи», то женщинъ, лишившихся поддержки своихъ мужей, ожидала-бы, конечно, совершенно иная участь.

Чтобы покончить съ веддахами, прибавлю еще, что они, подобно бушменамъ, дѣлаютъ запасы мяса и другихъ продуктовъ охоты какъ для собственнаго потребленія, такъ и для мѣновой торговли съ сосѣдними племенами [4]). Капитанъ Рибейро утверждалъ даже, что веддахи совсѣмъ не ѣдятъ свѣжаго мяса, а нарѣзываютъ его кусками и хранятъ въ дуплахъ деревьевъ, притрогиваясь къ своему запасу лишь по истеченіи года [5]). Это, вѣроятно, преувеличеніе, но во всякомъ случаѣ

---

[1]) Ceylon, an account of the Island. et. London 1880, Vol II, p. 440.

[2]) *Тиннентъ* Op. c. II, 441.

[3]) Tennent, ibid II, p. 445. Извѣстно, что у веддаховъ господствуетъ единобрачіе

[4]) Тиннентъ, ibid, II, p. 440.

[5]) Histoire de l'isle de Ceylon, écrite par le capitaine J. Ribeiro et presentée au roi de Portugal en 1685, trad. par M-r l'abbé Legrand, Amsterdam MDCCXIX p.179.

я еще разъ настоятельно прошу читателя замѣтить, что веддахи,— такъ-же какъ и бушмены,—рѣшительно опровергаютъ своимъ примѣромъ то мнѣніе Бюхера, что дикари не собираютъ запасовъ. А вѣдь приготовленіе запасовъ есть, по Бюхеру, одинъ изъ несомнѣннѣйшихъ признаковъ хозяйства.

Жители Андаманскихъ острововъ, минкопы [1]) по своему культурному развитію немногимъ превышаютъ веддаховъ, но и они живутъ кланами и часто предпринимаютъ общественныя охоты. Все, что удалось добыть холостой молодежи, составляетъ общую собственность и распредѣляется согласно указаніямъ главы клана. Лица, не принимавшія участія въ охотѣ, все таки получаютъ свою часть добычи, такъ какъ предполагается, что пойти на охоту имъ помѣшала какая нибудь работа, предпринятая въ интересахъ всей общины. Возвратившись въ лагерь, охотники садятся вокругъ огня, и тогда начинается пированіе, пѣсни и пляски. Въ пиру принимаютъ участіе и такіе неудачники, которые рѣдко убиваютъ что-нибудь на охотѣ и даже просто лѣнтяи, предпочитающіе проводить свое время въ праздности [2]). Похоже-ли все это на «индивидуальное исканіе пищи» и можно-ли въ виду всего этого сказать, что у минкоповъ кровные союзы не облегчаютъ существованія отдѣльнымъ лицамъ? Нѣтъ! Приходится, наоборотъ, сказать, что относящійся къ быту минкоповъ эмпирическій матеріалъ совсѣмъ не подходитъ къ извѣстной намъ «картинѣ» Бюхера.

Для характеристики быта низшихъ охотничьихъ племенъ Бюхеръ заимствуетъ у Шаденберга описаніе образа жизни негритосовъ Филиппинскихъ острововъ. Но кто внимательно прочтетъ статью Шаденберга, [3]) тотъ убѣдится, что и негритосы борются за существованіе не въ одиночку, а соединенными силами кровнаго союза. Одинъ испанскій священникъ, свидѣтельство котораго приводитъ Шаденбергъ, говоритъ, что у негритосовъ «отецъ, мать и дѣти вооружены каждый своими стрѣлами и вмѣстѣ ходятъ на охоту». На этомъ основаніи можно было-бы подумать, что они живутъ если не въ одиночку, то небольшими семьями. Но и это невѣрно. «Семья» негритосовъ есть кровный союзъ, охватывающій отъ 20 до 80 человѣкъ [4]). Члены такого союза бродятъ

[1]) Въ лондонскомъ Nature появилась однажды замѣтка, въ которой утверждается, что названіе минкопы, придаваемое иногда андаманцамъ, не имѣетъ никакого основанія и не употребляется ни туземцами, ни ихъ сосѣдями. Но оно употребляется въ литературѣ, и я буду его держаться.

[2]) C. H. Man, On the Aboriginal Inhabitants of the Andaman Islands, Journal of the Anthropological Institute of Great-Britain and Irland, vol. XII, p. 363.

[3]) Ueber die Negritos der Philippinen въ Zeitschrift für Ethnologie, B. XII.

[4]) По словамъ Шаденберга отъ 20 до 30, по словамъ де-ля-Жироннера—отъ 60 до 80. (см. George Windsor Earle: The native races of the Indian Archipelago London 1853 p. 133).

вмѣстѣ подъ руководствомъ начальника, который выбираетъ мѣста для стоянокъ, назначаетъ время выступленія въ походъ и т. д. Днемъ старики, больные и дѣти сидятъ вокругъ большого костра, между тѣмъ какъ здоровые и взрослые члены клана охотятся въ лѣсу. Ночью всѣ они спятъ въ повалку вокругъ того же огня [1]).

Не рѣдко, впрочемъ, на охоту отправляются и дѣти, а также—на что слѣдуетъ обратить большое вниманіе—и женщины. Въ такихъ случаяхъ они идутъ всѣ вмѣстѣ, «подобно стаду орангъ-утанговъ, предпринимающему хищническій набѣгъ» [2]). Здѣсь я опять вовсе не вижу «индивидуальнаго исканія пищи»!

На той-же ступени развитія стоятъ пигмеи центральной Африки, сравнительно очень недавно сдѣлавшіеся предметомъ сколько нибудь достовѣрныхъ наблюденій. Весь относящійся къ нимъ «эмпирическій матеріалъ» собранный новѣйшими изслѣдователями, рѣшительно опровергаетъ теорію «индивидуальнаго исканія пищи». Они сообща охотятся на дикихъ животныхъ и сообща грабятъ поля сосѣднихъ съ ними земледѣльцевъ. «Между тѣмъ какъ мужчины составляютъ авангардъ и въ случаѣ нужды вступаютъ въ борьбу съ собственниками опустошаемыхъ полей, женщины хватаютъ добычу, дѣлаютъ изъ нея вязанки и снопы и уносятъ ее прочь» [3]). Тутъ не индивидуализмъ, а кооперація и даже раздѣленіе труда.

Я не буду распространяться ни о бразильскихъ ботокудахъ, ни о туземцахъ Австраліи, потому что я вынужденъ былъ-бы, говоря о нихъ, повторять то, что уже сказано о многихъ другихъ низшихъ охотникахъ [4]). Полезнѣе будетъ бросить взглядъ на жизнь тѣхъ первобытныхъ народовъ, которые достигли уже болѣе высокой ступени развитія производительныхъ силъ. Такихъ народовъ много въ Америкѣ.

Краснокожіе сѣверной Америки живутъ родами, и исключеніе изъ рода является у нихъ страшнымъ наказаніемъ, налагаемымъ лишь за самыя тяжелыя преступленія [5]). Уже одно это ясно показываетъ, до

[1]) Earle, Op. cit. p. 131.

[2]) Earle, Ibid. p. 134.

[3]) *Castano Casati. Dix années en Equatoria.* Paris 1892, p. 110.

[4]) Объ австралійцахъ замѣчу одно: между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія Бюхера ихъ общественныя отношенія едва-ли заслуживаютъ названія общественнаго союза, непредубѣжденные изслѣдователи говорятъ совсѣмъ другое, напримѣръ: „An Australian tribe is an organized society, governed by strict customary laws, which are adminstered by the headmen or rulers of the various sections of the community, who exercise their autority after consultation among themselves" etc. „The Kamilaroi class system of the Australian Aborigenes", by R. H. Mathews in *Proceedings and Transactions of the Queensland Branch of the Royal Geographical Society of Australasia.* Vol. X. Brisbane, 1895.

[5]) Объ исключеніи изъ рода см. у Поуэлля: „Wyandot government, First annual Report of the Bureau of Ethnology to the Smithsonian institution pp. 67—68,

какой степени чужды они индивидуализма, составляющаго, по мнѣнію Бюхера, отличительную черту первобытныхъ племенъ. Родъ является у нихъ и землевладѣльцемъ, и законодателемъ, и мстителемъ за нарушенныя права индивидуума, и—во многихъ случаяхъ,—его наслѣдникомъ. Вся сила, вся жизнеспособность рода зависитъ отъ числа его членовъ, и потому гибель каждаго отдѣльнаго члена является тяжелой утратой для всѣхъ остальныхъ. Родъ стремится пополнить такія утраты принятіемъ въ свою среду новыхъ членовъ. Усыновленіе очень распространено между краснокожими сѣверной Америки, [1]) оно служитъ показателемъ того важнаго значенія, какое имѣетъ у нихъ борьба за жизнь общими силами данной группы, между тѣмъ какъ Бюхеръ, введенный въ заблужденіе своимъ предвзятымъ взглядомъ, видитъ въ немъ лишь доказательство слабаго развитія родительскихъ чувствъ у первобытныхъ народовъ [2]).

Важное значеніе для нихъ такой борьбы за жизнь общими силами доказывается также большимъ распространеніемъ въ ихъ средѣ общественной охоты и рыбной ловли [3]). Но, повидимому, еще больше распространены такія ловли и охоты у индѣйцевъ южной Америки. Для примѣра укажу на бразильскихъ бороро, существованіе которыхъ поддерживалось, по словамъ фонъ-денъ-Штейнена, лишь постояннымъ общеніемъ мужской половины племени, предпринимавшей часто весьма продолжительныя совмѣстныя охоты [4]). И очень ошибся бы тотъ, кто сказалъ бы, что свое чрезвычайно важное значеніе въ жизни американскихъ индѣйцевъ общественныя охоты пріобрѣли только послѣ того, какъ эти индѣйцы уже покинули низшую ступень охотничьяго быта. Однимъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ туземцами Новаго Свѣта,

---

[1]) Ср. Lafitau, Les Moeurs des Sauvages américains. t. II. p. 163; ср. также Поуэль. L. C. p. 68. Объ усыновленіи у эскимосовъ, см. Franz Boas. The Central Eskimo sixth annual Report of the Bureau of Ethnology; p. 580.

[2]) М. М. Ковалевскій, указавъ на слабое развитіе института усыновленія у сванетовъ, замѣчаетъ, что это объясняется крѣпостью ихъ родового строя. (Законъ и обычай на Кавказѣ, томъ II, стр. 4—5). Но у краснокожихъ Сѣв. Америки и у эскимосовъ несомнѣнная крѣпость родового союза не мѣшаетъ сильному развитію усыновленія (Объ эксимосахъ см. John Mordoch: Ethnological Results of the Point Barrow-Expedition in Ninth annual Report of the Bureau of Ethnology, p. 417). Отсюда слѣдуетъ, что если сванеты рѣдко практикуютъ усыновленіе, то объясненія этого надо искать въ чемъ нибудь другомъ, а отнюдь не въ крѣпости рода.

[3]) Ср. описаніе общественной охоты на бизоновъ у О. Ж. Кетлина: Letters and Notes on the Manners Customs and Condition of the North American Indians, London 1842, t. I, стр. 199 и слѣд.

[4]) Unter den Natur-Völkern Zentral-Brasiliens. Berlin 1894, S. 481: „Der Lebensunterhalt konnte nur ergalten werden durch die geschlossene Gemeinsamkeider Mehrheit der Männer, die vielfach lange Zeit miteinander auf Jagd abwesend sein musste, was für den Einzelnen undurchfürbar gewesen wäre".

надо признать, конечно, земледѣліе, которымъ съ большимъ или меньшимъ усердіемъ и постоянствомъ занимались очень многія изъ ихъ племенъ. Но земледѣліе могло только ослабить значеніе въ ихъ жизни охоты вообще, а слѣдовательно въ частности, и охоты соединенными силами многихъ членовъ племени. Поэтому общественныя охоты индѣйцевъ надо разсматривать какъ естественное и очень характерное созданіе именно охотничьяго быта.

Но и земледѣліе не съузило доли кооперації въ жизни первобытныхъ племенъ Америки. Далеко нѣтъ! Если съ возникновеніемъ земледѣлія общественныя охоты до нѣкоторой степени утратили свою важность, то обработка полей создала новую и очень широкую область для кооперації: у американскихъ индѣйцевъ поля обрабатываются (или, по крайней мѣрѣ, обрабатывались) общими силами женщинъ, на долю которыхъ падаетъ земледѣльческій трудъ. Указанія на это встрѣчаются еще у Лафито. [1]) Современная же американская этнологія не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія: сошлюсь хотя бы на выше цитированную мною работу Поуэлля—«The Wyandot government». «Обработка полей у нихъ общественная—говоритъ Поуэлль;—т. е. всѣ способныя къ труду женщины принимаютъ участіе въ обработкѣ каждаго отдѣльнаго семейнаго участка [2]). Я могъ бы привести множество примѣровъ, указывающихъ на важное значеніе общественнаго труда въ жизни первобытныхъ народовъ другихъ частей свѣта, но недостатокъ мѣста заставляетъ меня ограничиться ссылкой на общественныя рыбныя ловли у новозеландцевъ.

Соединенными силами всего кровнаго союза новозеландцы приготовляли сѣти длиною въ нѣсколько тысячъ футовъ и пользовались ими въ интересахъ всѣхъ членовъ рода. «Эта система взаимной помощи,—говоритъ Поллякъ,—основывалась, повидимому, на всемъ ихъ первобытномъ общественномъ строѣ и существовала отъ сотворенія міра (from the creation) вплоть до нашихъ дней» [3]). Сказаннаго достаточно, я думаю, для критической оцѣнки нарисованной Бюхеромъ картины дикаго быта. Факты съ достаточной убѣдительностью показываютъ, что у дикарей преобладаетъ не индивидуальное исканіе пищи, о которомъ говоритъ Бюхеръ, а та борьба за жизнь соединенными силами всего,—болѣе или менѣе обширнаго,—кровнаго союза, о которой говорили писа-

---

[1]) Moeurs des sauvages, II, 77. Ср. Гекевельдера—Histoire des indiens etc. p. 238.

[2]) Почти излишне прибавлять, что участки не составляютъ собственности отдѣльныхъ семей, а только находятся въ ихъ пользованіи и отводятся имъ родовымъ совѣтомъ, который, замѣчу мимоходомъ, состоитъ *изъ женщинъ*. Powell ibid. p. 65.

[3]) Manners and Customs of the New-Zealanders, vol. II, p. 107.

тели, стоявшіе на точкѣ зрѣнія Н. И. Зибера или М. М. Ковалевскаго. Этотъ выводъ очень и очень пригодится намъ въ нашемъ изслѣдованіи объ искусствѣ. Намъ надо твердо его запомнить.

А теперь пойдемъ дальше. Образомъ жизни людей естественно и неизбѣжно опредѣляется весь складъ ихъ характера. Если-бы у дикарей господствовало «индивидуальное исканіе пищи», то они конечно, должны были-бы сдѣлаться совершеннѣйшими индивидуалистами и эгоистами, представляя собою какъ-бы воплощеніе извѣстнаго идеала Макса Штирнера. Такими ихъ и считаетъ Бюхеръ. «Поддержаніе существованія, руководящее животными,—говоритъ онъ,—является также господствующимъ инстинктивнымъ стремленіемъ дикаря. Дѣйствіе этого инстинкта въ пространственномъ отношеніи ограничивается отдѣльными индивидуумами, а въ отношеніи времени—моментомъ, въ который ощущается потребность. Другими словами, дикарь думаетъ лишь о себѣ и онъ думаетъ лишь о настоящемъ». [1])

Я и здѣсь не стану спрашивать читателя, нравится ли ему такая картина, а спрошу, не противорѣчатъ ли ей факты. По моему—совершенно противорѣчатъ.

Во-первыхъ, мы уже знаемъ, что дѣланіе запасовъ извѣстно даже самымъ низшимъ охотничьимъ племенамъ. Это доказываетъ, что и они не совсѣмъ чужды заботъ о будущемъ. Да если бы они и не дѣлали запасовъ, то отсюда еще не слѣдовало бы, что они думаютъ только о настоящемъ. Почему дикарь сохраняетъ свое оружіе даже послѣ окончанія удачной охоты? Потому, что онъ думаетъ о будущихъ охотахъ, и о будущихъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ. А мѣшки, которые таскаютъ на своихъ спинахъ женщины дикихъ племенъ во время безпрестанныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто! Достаточно хоть бы самымъ поверхностнымъ образомъ ознакомиться съ содержимымъ этихъ мѣшковъ, чтобы составить себѣ довольно высокое мнѣніе о хозяйственной предусмотрительности дикаря. Чего только нѣтъ въ нихъ! Вы найдете тамъ и плоскіе камни для растиранія съѣдобныхъ кореньевъ, и куски кварца для рѣзанія, и наконечники для копья, и запасные каменные топоры, и шнурки, сдѣланные изъ сухожилій кенгуру, и шерсть опоссума, и разныхъ цвѣтовъ глину, и древесную кору, и куски жиру, и собранные въ дорогѣ плоды и корни [2]). Это цѣлое хозяйство! Если бы дикарь не думалъ о завтрашнемъ днѣ, то зачѣмъ бы заставлялъ онъ свою жену таскать всѣ эти вещи? Конечно, съ европейской точки зрѣнія, хозяйство австралійской женщины представляется очень жалкимъ. Но все относительно, какъ въ исторіи вообще, такъ и въ исторіи экономики въ частности.

---

[1]) Четыре очерка, стр. 79.

[2]) Ср. Ratzel. Völkerkunde, I. Band, S. 320—321.

Впрочемъ, меня больше интересуетъ здѣсь психологическая сторона вопроса.

Такъ какъ индивидуальное исканіе пищи далеко не является господствующимъ въ первобытномъ обществѣ, то и неудивительно, что дикарь совсѣмъ не такой индивидуалистъ и эгоистъ, какимъ онъ представляется Бюхеру. Это прекрасно видно изъ самыхъ недвусмысленныхъ свидѣтельствъ самыхъ достовѣрныхъ наблюдателей. Вотъ нѣсколько яркихъ примѣровъ.

«Въ томъ, что касается пищи—говоритъ Эренрейхъ о ботокудахъ,—у нихъ господствуетъ строжайшій коммунизмъ. Добыча дѣлится между всѣми членами орды, равно какъ и получаемые ими подарки, хотя бы при этомъ каждому отдѣльному члену пришлось получить самую незначительную часть» [1]). Тоже мы видимъ у эскимосовъ, у которыхъ, по словамъ Ключака, запасы пищи и прочая движимость составляютъ какъ бы общую собственность. «До тѣхъ поръ, пока въ лагерѣ находится хоть одинъ кусокъ мяса, онъ принадлежитъ всѣмъ, и при его дѣлежѣ принимаются въ соображеніе всѣ, а особенно больные и бездѣтныя вдовы» [2]). Это свидѣтельство Ключака вполнѣ согласно съ болѣе раннимъ свидѣтельствомъ другого знатока эскимосовъ, Кранца, который тоже характеризуетъ бытъ эскимосовъ, какъ очень близкій къ коммунизму. Охотникъ, возвращающійся домой съ хорошей добычей, непремѣнно подѣлится съ другими, и прежде всего съ неимущими вдовами [3]). Обыкновенно каждый эскимосъ хорошо знаетъ свою генеалогію, и это знаніе приноситъ большую пользу бѣднякамъ, «потому что никто не стыдится своихъ бѣдныхъ родственниковъ, и достаточно кому нибудь доказать свое хотя бы очень отдаленное родство съ тѣмъ или другимъ богачемъ, чтобы уже не имѣть недостатка въ пищѣ» [4]).

На ту же самую черту характера эскимосовъ указываютъ и новѣйшіе американскіе этнологи, напримѣръ, Босъ [5]).

Австралійцы, которыхъ прежніе изслѣдователи изображали большими индивидуалистами, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними являются въ совершенно другомъ свѣтѣ. Летурно говоритъ, что у нихъ,—въ предѣлахъ кровнаго союза,—**все принадлежитъ всѣмъ** [6]). Это положеніе можно признать, конечно, лишь cum grano salis, потому что у австралійцевъ

[1]) Ueber die Botocudos der brasilischen Provinzen Espiritu Santo und Monos Geraes. Zeitschrift für Ethnologie. Band XIX, S. 31.

[2]) Als Eskimo unter den Eskimos von H. Klutschak. Wien, Pest, Leipzig 1881, S. 233.

[3]) Kranz, Historie von Grönland 1770, B. I. S. 222.

[4]) Ibid. B. I, e. 291.

[5]) Franz Boas, The central Eskimo. Sixth annual Report of the Bureau of Ethnology, p. 564 и 582.

[6]) L'Evolution de la propriété, Paris. 1889, p. 36 и 49.

существуютъ уже нѣкоторые несомнѣнные зачатки частной собственности. Но отъ зачатковъ частной собственности еще очень далеко до того индивидуализма, о которомъ говоритъ Бюхеръ.

И тотъ же Летурно подробно описываетъ, со словъ Файзона и Гоуитта, правила, господствующія у нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ при раздѣлѣ добычи. [1]).

Эти правила, —тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ системой родства,—однимъ своимъ существованіемъ убѣдительно доказываютъ, что добыча отдѣльныхъ членовъ австралійскаго кровнаго союза не составляетъ ихъ частной собственности. А добыча непремѣнно сдѣлалась бы неограниченной частной собственностью отдѣльныхъ членовъ, если бы австралійцы были индивидуалистами, исключительно занятыми «индивидуальнымъ исканіемъ пищи».

Общественные инстинкты низшихъ охотниковъ ведутъ иногда къ довольно неожиданнымъ для европейца послѣдствіямъ. Такъ, когда бушмену удается украсть одну или нѣсколько головъ скота у какого нибудь фермера или скотовода, то всѣ остальные бушмены считаютъ себя въ правѣ принять участіе въ пиршествѣ, обыкновенно сопровождающемъ удалые подвиги этого рода [2]).

Первобытные коммунистическіе инстинкты довольно долго сохраняются и на болѣе высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія. Современные американскіе этнологи изображаютъ краснокожихъ настоящими коммунистами. Уже цитированный мною Поуэль, директоръ сѣверо-американскаго этнологическаго бюро, категорически говоритъ, что у краснокожихъ вся собственность (all property) принадлежала роду или клану (gens or clan), и важнѣйшій родъ ея, пища—ни въ какомъ случаѣ (by no means) не поступала въ исключительное распоряженіе отдѣльныхъ лицъ или семействъ. Мясо убитыхъ на охотѣ животныхъ въ различныхъ племенахъ распредѣлялось на основаніи различныхъ правилъ, но на практикѣ всѣ эти различныя правила одинаково приводятъ къ раздѣлу добычи поровну.

«Голодающему индѣйцу достаточно попросить, чтобы получить просимое, какъ бы ни былъ малъ запасъ (у дающаго) и какъ бы ни были плохи надежды на будущее» [3]). И замѣтьте, читатель, что это право просящаго на полученіе просимаго не ограничивается здѣсь предѣ-

---

[1]) Ibid. стр. 41–46.

[2]) Lichtenstein, Reisen II, 338.

[3]) Indian Linguistic Families, seventh annual Report of the bureau of Ethnology, p. 34. Прибавлю здѣсь, что, по замѣчанію Матильды Стевенсонъ, у американскихъ индѣйцевъ, сильный не имѣетъ, при распредѣленіи добычи, никакихъ преимуществъ сравнительно со слабымъ. (The Sioux by Matilda Coxe Stevenson, Seventh Annual Report, p. 34.

лами одного кровнаго союза или одного племени. «То, что первоначально было правомъ, основаннымъ на родствѣ, приняло впослѣдствіи болѣе широкіе размѣры и перешло въ совершенно неограниченное гостепріимство» [1]). Отъ Дорсея мы узнаемъ, что когда у индѣйцевъ племени Омага было много хлѣба, между тѣмъ, какъ у племени Понка или у племени Пауни ощущался въ немъ недостатокъ, то первые дѣлили свои запасы со вторыми, и то же самое дѣлали Пауни и Понка, когда не хватало хлѣба у Омага [2]). На похвальное обыкновеніе этого рода указывалъ еще старый Лафито, справедливо замѣчавшій при этомъ, что «европейцы такъ не поступаютъ» [3]).

Что касается индѣйцевъ южной Америки, то достаточно указать на Марціуса и на фонъ-денъ-Штейнена. По словамъ перваго, у бразильскихъ индѣйцевъ предметы, произведенные соединеннымъ трудомъ многихъ членовъ общины оставались въ общей собственности этихъ членовъ, а по словамъ второго—хорошо изученные имъ бразильскіе бакаири жили, какъ одна семья, постоянно дѣлясь другъ съ другомъ добычей, пріобрѣтенной охотой или рыбной ловлей [4]). У бороро охотникъ, убившій ягуара, созываетъ другихъ охотниковъ и съѣдаетъ съ ними мясо убитаго звѣря, а шкуру и зубы его отдаетъ тому или той, кто находится въ ближайшей родственной связи съ послѣднимъ изъ умершихъ членовъ общины [5]).

У кафровъ въ южной Африкѣ охотникъ не имѣетъ права распоряжаться по своему произволу своей добычей, а обязанъ подѣлиться ею съ другими [6]). Когда кто нибудь изъ нихъ рѣжетъ быка, то къ нему собираются въ гости всѣ сосѣди и сидятъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ всего мяса. Даже «король» подчиняется этому обычаю и терпѣливо угощаетъ своихъ подданныхъ [7]).—Европейцы такъ не поступаютъ,—скажу я словами Лафито!

Мы уже знаемъ со словъ Эренрейха, что когда ботокудъ получаетъ какой нибудь подарокъ, онъ дѣлитъ его между всѣми членами своего рода. То-же говоритъ Дарвинъ объ огнеземельцахъ [8]) и Лихтенштейнъ о первобытныхъ народахъ южной Африки. По словамъ этого послѣдняго, человѣкъ, не раздѣлившій полученнаго имъ подарка съ другими, подвер-

[1]) Powell, Op. cit., p. 34.

[2]) Omaha Sociology, by Owen Dorsey. Third annual Report of the Bureau of Ethnology, p. 274.

[3]) Lafitau, Moeurs des sauvages, T. II, p. 91.

[4]) Von den Steinen. Unter den Natur-Völkern Zentral-Brasiliens, S. 67—68. Marzius. Von dem Rechtszustande unter den Ureinwohnern Brasiliens, S. 35.

[5]) Von den Steinen, ibid, S. 491.

[6]) H. Lichtenstein, Reisen I, 444.

[7]) Ibid. I, S. 450.

[8]) Journal of Researches ets. p. 242.

гается тамъ самымъ обиднымъ насмѣшкамъ [1]). Когда Заразины давали кому нибудь изъ веддаховъ серебряную монету,—тотъ бралъ свой топоръ и дѣлалъ видъ, что хочетъ разрубить ее на части, а послѣ этого выразительнаго жеста просилъ дать ему другихъ монетъ для того, чтобы онъ могъ одѣлить ими другихъ [2]). Король бечуановъ Мулигавангъ просилъ одного изъ спутниковъ Лихтенштейна дѣлать ему подарки т а й н о, потому что иначе его темнокожее величество принуждено было бы дѣлиться со своими подданными [3]). Норденшельдъ разсказываетъ, что когда, во время его визита къ чукчамъ, кто нибудь изъ малолѣтнихъ членовъ этого племени получалъ кусокъ сахару, то это лакомство немедленно начинало переходить изъ одного рта въ другой.

Довольно. Бюхеръ дѣлаетъ большую ошибку, говоря, что дикарь думаетъ лишь о себѣ. Имѣющійся въ распоряженіи современнаго этнолога эмпирическій матеріалъ не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Поэтому мы можемъ теперь отъ фактовъ перейти къ гипотезѣ и спросить себя, какъ должны мы представлять себѣ взаимныя отношенія нашихъ дикихъ предковъ въ то чрезвычайно далекое отъ насъ время, когда имъ еще не извѣстно было употребленіе огня и оружія. Имѣемъ ли мы какое нибудь основаніе думать, что это время было временемъ господства индивидуализма и что существованіе отдѣльныхъ особей ни мало не облегчалось тогда общественной солидарностью?

Мнѣ кажется, что думать такъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія. Все, что извѣстно о нравахъ обезьянъ Стараго Свѣта, заставляетъ меня думать, что наши предки были общественными животными уже тогда, когда они были еще только «п о д о б н ы» человѣку. Эспинасъ говоритъ: «Стада обезьянъ отличаются отъ стадъ другихъ животныхъ, во-первыхъ, взаимной помощью индивидуумовъ или с о л и д а р н о с т ь ю своихъ членовъ, во-вторыхъ,—субординаціей или п о в и н о в е н і е м ъ всѣхъ, даже самцовъ, вождю, заботящемуся объ общемъ благосостояніи [5])». Какъ видите, это уже общественный союзъ въ полномъ смыслѣ слова.

Правда, большія человѣкоподобныя обезьяны не очень склонны, повидимому, къ общественной жизни. Но и ихъ нельзя назвать совершенными индивидуалистами. Нѣкоторыя изъ нихъ часто собираются вмѣстѣ и поютъ хоромъ, ударяя по дуплистымъ деревьямъ. Дю-Шалью встрѣчалъ гориллъ группами отъ 8 до 10 особей; гиббоновъ видѣли стадами во сто и даже въ полтораста головъ. Если орангъ-утанги живутъ отдѣльными

[1]) Reisen, I, S. 450.

[2]) Die Weddas von Ceylon, S. 560.

[3]) Лихтенштейнъ, Ibid, II, 479—480.

[4]) Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, Leipzig 1882, II. Band T. 139.

[5]) Les sociétés animales, deuxième édition, Paris 1878, p. 502.

небольшими семьями, то мы должны принять въ соображеніе исключительныя условія существованія этихъ животныхъ. Человѣкоподобныя обезьяны оказываются теперь не въ состояніи продолжать борьбу за существованіе. Онѣ вырождаются, становятся очень малочисленны и потому,— какъ очень хорошо замѣтилъ Топинаръ,—ихъ нынѣшній образъ жизни не можетъ дать намъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ онѣ жили прежде [1]).

Во всякомъ случаѣ, Дарвинъ былъ убѣжденъ, что наши человѣкоподобные предки жили обществами [2]), и я не знаю ни одного довода, который могъ бы заставить насъ признать это убѣжденіе ошибочнымъ. А если наши человѣкоподобные предки жили обществами, то спрашивается когда же, въ какой моментъ дальнѣйшаго зоологическаго развитія, и почему ихъ общественные инстинкты должны были уступить мѣсто индивидуализму, будто бы свойственному первобытному человѣку? Я не знаю. Не знаетъ и Бюхеръ. По крайней мѣрѣ, онъ ровно ничего не сообщаетъ намъ объ этомъ.

Мы видимъ, стало быть, что его взглядъ такъ же мало подтверждается гипотетическими соображеніями, какъ и фактическимъ матеріаломъ.

---

[1]) L'Anthropologie et la science sociale, Paris, 1900, pp. 122—128.
[2]) The Descent of man. 1883, p. 502.

Еще объ искусствѣ у первобытныхъ народовъ.

Какимъ образомъ изъ индивидуальнаго исканія пищи развилось хозяйство? Объ этомъ, по мнѣнію Бюхера, мы не можемъ въ настоящее время составить себѣ почти никакого понятія. Я же думаю, что мы составимъ себѣ такое понятіе, если примемъ въ соображеніе, что *исканіе пищи было первоначально общественнымъ, а не индивидуальнымъ*. Люди первоначально «искали» пищу такъ же, какъ «ищутъ» ее общественныя животныя: соединенныя силы болѣе или менѣе обширныхъ группъ направлялись первоначально на завладѣніе *готовыми* дарами природы. Цитированный мною въ предыдущей моей статьѣ Эрль справедливо замѣчаетъ, со словъ де-ля Жироньера, что когда негритосы идутъ на охоту цѣлыми кланами, они напоминаютъ стадо орангъ-утанговъ, предпредпринимающихъ хищническій набѣгъ. Подобный же набѣгъ напоминаютъ и вышеописанныя опустошенія полей, совершаемыя соединенными силами пигмеевъ племени Акка. Если подъ хозяйствомъ слѣдуетъ понимать совмѣстную дѣятельность людей, направленную на пріобрѣтеніе благъ, то подобные набѣги необходимо признать однимъ изъ самыхъ первыхъ видовъ хозяйственной дѣятельности.

Первоначальнымъ видомъ хозяйственной дѣятельности является *собираніе готовыхъ даровъ природы*[1]). Это собираніе само, конечно, можетъ быть подраздѣлено на нѣкоторыя разновидности, къ числу которыхъ относятся рыбная ловля и охота. За *собираніемъ* слѣдуетъ *производство*, иногда,—какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ исторіи первоначальнаго земледѣлія,—связанное съ нимъ рядомъ почти незамѣтныхъ переходовъ. Земледѣліе,—даже самое первобытное,—имѣетъ, конечно, уже

[1]) „Das Sammelvolk und nicht das Jägervolk müsste danach an dem unteren Ende einer wirtschaftlichen Stufenleiter der Menschheit stehen", справедливо замѣчаетъ Панко въ „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin Band XXX, № 3, S. 162". Такъ же смотрятъ и Заразины, по мнѣнію которыхъ охота является важнымъ средствомъ добыванія пищи лишь на сравнительно болѣе высокой ступени развитія. Die Weddas, S. 401.

всѣ признаки хозяйственной дѣятельности [1]). А такъ какъ первоначально обработка полей очень часто совершается общими силами кровнаго союза, то вотъ вамъ наглядный примѣръ того, какимъ образомъ общественные инстинкты, полученные первобытнымъ человѣкомъ въ наслѣдство отъ своихъ антропоморфныхъ предковъ, могли найти себѣ широкое примѣненіе въ его хозяйственной дѣятельности. Дальнѣйшая судьба этихъ инстинктовъ опредѣлялась тѣми,—постоянно измѣняющимися,—взаимными отношеніями, въ которыя становились люди въ этой дѣятельности или, какъ выражается Марксъ, въ процессѣ производства своей жизни. Все это какъ нельзя болѣе естественно, и я не понимаю, въ чемъ заключается непонятная сторона этого естественнаго хода развитія.

Впрочемъ, погодите.

По Бюхеру затрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ. «Довольно естественно было бы предположить,—говоритъ онъ,—что этотъ переворотъ (переходъ къ хозяйству отъ индивидуальнаго исканія пищи) начинается тогда, когда на мѣсто простого присвоенія даровъ природы для немедленнаго потребленія ихъ, становится производство, направленное на болѣе отдаленную цѣль, и мѣсто инстинктивной дѣятельности органовъ занимаетъ трудъ, какъ примѣненіе физической силы съ сознательной цѣлью. Но установивъ такое чисто теоретическое положеніе, мы выиграли-бы еще не много. Трудъ, какимъ онъ является у первобытныхъ народовъ, представляетъ изъ себя явленіе довольно туманное. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ тому пункту, отъ котораго начинается его развитіе, тѣмъ болѣе онъ приближается и по формѣ, и по содержанію къ игрѣ [2]).

Итакъ, препятствіе къ пониманію перехода отъ простого исканія пищи къ хозяйственной дѣятельности заключается въ томъ, что не легко провести границу между трудомъ и игрою.

Рѣшеніе вопроса объ отношеніи труда къ игрѣ,—или, если хотите игры къ труду, — въ высшей степени важно для выясненія генезиса искусства. Поэтому слѣдуетъ внимательно выслушать и старательно взвѣсить все, что говоритъ объ этомъ Бюхеръ. Пусть самъ онъ излагаетъ свой взглядъ.

«Человѣкъ, выходя за предѣлы простого исканія пищи, вѣроятно, побуждается къ этому инстинктами, подобными тѣмъ, которые наблюдаются у высшихъ животныхъ, въ особенности же инстинктомъ подражанія

---

[1]) Задатки хозяйственной дѣятельности можно видѣть также въ нѣкоторыхъ обычаяхъ австралійцевъ, лишній разъ свидѣтельствующихъ о томъ, что они думаютъ также и о будущемъ. У нихъ запрещено вырывать съ корнемъ растенія, плоды которыхъ употребляются ими въ пищу, а также разорять гнѣзда птицъ, яйца которыхъ они ѣдятъ и т. д. Ratzel, Anthropo-Geographie I, 348.

[2]) Четыре очерка, стр. 92—93.

и инстинктивной склонностью ко всякимъ опытамъ. Приручение домашнихъ животныхъ начинается, напримѣръ, не съ полезныхъ животныхъ, а съ тѣхъ, которыя человѣкъ содержитъ лишь для своего удовольствія. Развитіе обрабатывающей промышленности, повидимому, всюду начинается съ раскрашиванія тѣла, татуировки, прокалыванія или иного обезображиванія отдѣльныхъ частей тѣла, вслѣдъ затѣмъ, мало-по-малу, развивается изготовленіе украшеній, масокъ, рисунковъ на корѣ, петроглифовъ и т. п. занятій... Такимъ образомъ, техническія сноровки вырабатываются при играхъ и лишь постепенно получаютъ полезное примѣненіе. А поэтому принятую прежде послѣдовательность ступеней развитія надо замѣнить прямо противоположной: игра старше труда, а искусство старше производства полезныхъ предметовъ [1]).

Вы слышите: игра старше труда, а искусство старше производства полезныхъ предметовъ.

Теперь вамъ понятно, почему я сказалъ, что надо внимательно отнестись къ словамъ Бюхера: они имѣютъ самое близкое отношеніе къ защищаемой мною исторической теоріи. Если игра дѣйствительно старше труда и если искусство дѣйствительно старше производства полезныхъ предметовъ, то матеріалистическое объясненіе исторіи,—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какой приданъ ему авторомъ «Капитала»,—не выдерживаетъ критики фактовъ, и все мое разсужденіе должно быть поставлено на голову: мнѣ нужно разсуждать о зависимости экономики отъ искусства, а не о зависимости искусства отъ экономики. Но правъ-ли Бюхеръ?

Провѣримъ сначала сказанное имъ объ игрѣ.

По Спенсеру, главнымъ отличительнымъ признакомъ игры является то обстоятельство, что она непосредственно не помогаетъ процессамъ, необходимымъ для поддержанія жизни. Дѣятельность играющаго не преслѣдуетъ опредѣленной утилитарной цѣли. Правда, упражненіе органовъ, приводимыхъ въ движеніе игрою, полезно какъ для играющаго индивидуума, такъ, въ послѣднемъ счетѣ, и для всего рода. Но упражненіе не исключается и дѣятельностью, преслѣдующею утилитарныя цѣли. Дѣло не въ упражненіи, а въ томъ, что утилитарная дѣятельность, кромѣ упражненія и доставляемаго имъ удовольствія, приводитъ еще къ достиженію какой-нибудь практической цѣли,—напримѣръ, цѣли добыванія пищи,—между тѣмъ, какъ въ игрѣ такая цѣль отсутствуетъ. Когда кошка ловитъ мышь, то она, кромѣ удовольствія, доставляемаго ей упражненіемъ ея органовъ, получаетъ еще лакомую пищу, а когда та-же кошка бѣгаетъ за катаемымъ по полу клубкомъ нитокъ, она ничего не получаетъ, кромѣ удовольствія, доставляемаго игрою. Но если это такъ, то какимъ же образомъ могла возникнуть такая безцѣльная дѣятельность?

---

[1]) Четыре очерка, стр. 93—94.

Извѣстно, какъ отвѣчаетъ на это Спенсеръ. У низшихъ животныхъ всѣ силы организма расходуются на выполненіе отправленій, необходимыхъ для поддержанія жизни. Низшія животныя знаютъ только утилитарную дѣятельность. Но на высшихъ ступеняхъ животной лѣстницы дѣло обстоитъ уже не такъ. Здѣсь не всѣ силы поглощаются утилитарной дѣятельностью. Благодаря лучшему питанію, въ организмѣ накопляется нѣкоторый избытокъ силы, требующей выхода, и когда животное играетъ,—оно повинуется именно этому требованію. Игра есть искусственное упражненіе силы [1]).

Таково происхожденіе игры. А каково ея содержаніе? Другими словами: если въ игрѣ животное упражняетъ свои силы, то почему одно животное упражняетъ ихъ такъ, а другое иначе; почему животнымъ различныхъ породъ свойственны различныя игры?

По словамъ Спенсера, хищныя животныя ясно показываютъ намъ, что ихъ игра состоитъ изъ притворной охоты и притворной драки. Вся она есть «не что иное, какъ драматическое представленіе преслѣдованія добычи, т. е. идеальное удовлетвореніе разрушительныхъ инстинктовъ, при отсутствіи ихъ реальнаго удовлетворенія» [2]). Что же это означаетъ? Это означаетъ то, что у животныхъ содержаніе игры опредѣляется тою дѣятельностью, съ помощью которой поддерживается ихъ существованіе. Что же чему предшествуетъ: игра утилитарной дѣятельности, или утилитарная дѣятельность игрѣ? Ясно, что утилитарная дѣятельность предшествуетъ игрѣ, что первая «старше» второй. А что мы видимъ у людей? «Игры дѣтей: няньченіе куколъ, игра въ гости и такъ далѣе, суть театральныя представленія дѣятельностей взрослыхъ [3]). Но какія же цѣли преслѣдуютъ въ своей дѣятельности взрослые люди? Въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ они преслѣдуютъ утилитарныя цѣли. Значитъ и у людей дѣятельность, преслѣдующая утилитарныя цѣли, иначе сказать, дѣятельность, необходимая для поддержанія жизни отдѣльныхъ лицъ и всего общества, предшествуетъ игрѣ и опредѣляетъ собою ея содержаніе. Таковъ выводъ, логически слѣдующій изъ того, что говоритъ объ игрѣ Спенсеръ.

Этотъ логичный выводъ совершенно совпадаетъ съ взглядомъ на тотъ же предметъ Вильгельма Вундта.

«Игра есть дитя труда—говоритъ знаменитый психо-физіологъ.—Нѣтъ ни одной формы игры, которая не имѣла бы своего образца въ томъ или другомъ видѣ серьезнаго занятія, какъ это само собою разумѣется предшествующаго ей во времени. Ибо жизненная необходимость прину-

---

[1]) Ср. основанія психологіи, С.-Петербургъ, 1876, т. IV, стр. 330 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 335.

[3]) Тамъ же, та же страница.

ждаетъ къ труду, а въ трудѣ человѣкъ мало-по-малу научается смотрѣть на употребленіе въ дѣло своей силы, какъ на удовольствіе» [1]).

Игра порождается стремленіемъ снова испытать удовольствіе, причиняемое употребленіемъ въ дѣло силы. И чѣмъ больше запасъ силы, тѣмъ больше и стремленіе къ игрѣ, конечно, при прочихъ равныхъ условіяхъ. Нѣтъ ничего легче, какъ твердо убѣдиться въ этомъ.

Здѣсь, какъ и вездѣ, я буду доказывать и пояснять свою мысль примѣрами.

Извѣстно, что дикари въ своихъ пляскахъ часто воспроизводятъ движенія различныхъ животныхъ [2]). Чѣмъ объясняется это? Не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ снова пережить удовольствіе, причиненное употребленіемъ силы на охотѣ. Посмотрите, какъ охотится эскимосъ на тюленя: онъ подползаетъ къ нему на животѣ; онъ старается держать голову, какъ держитъ ее тюлень, онъ подражаетъ всѣмъ его движеніямъ, и только подкравшись къ нему на близкое разстояніе, онъ, наконецъ, рѣшается выстрѣлить въ него [3]). Подражаніе тѣлодвиженіямъ животнаго составляетъ такимъ образомъ весьма существенную часть охоты. Неудивительно поэтому, что, когда у охотника является желаніе вновь испытать удовольствіе, причиняемое употребленіемъ силы на охотѣ, онъ опять принимается подражать тѣлодвиженіямъ животныхъ и создаетъ свою оригинальную охотничью пляску. Но чѣмъ же опредѣляется здѣсь характеръ пляски, т. е. игры? Характеромъ серьезнаго занятія, т. е. охоты. Игра есть дитя труда, который необходимо предшествуетъ ей во времени.

Другой примѣръ. У одного изъ бразильскихъ племенъ фонъ-денъ-Штейненъ видѣлъ пляску, съ потрясающимъ драматизмомъ изображающую смерть раненаго воина [4]). Какъ вы думаете, что чему въ этомъ случаѣ предшествовало: война пляскѣ, или пляска войнѣ? Я думаю, что сначала была война, а потомъ возникли пляски, изображающія различныя военныя сцены; сначала было впечатлѣніе, произведенное на дикаря смертью его раненаго на войнѣ товарища, а потомъ явилось стремленіе воспроизвести это впечатлѣніе посредствомъ пляски. Если я правъ, — а я увѣренъ въ этомъ, — то я и здѣсь имѣю полное основаніе сказать, что дѣятельность, преслѣдующая утилитарную цѣль, старше игры и что игра является ея дѣтищемъ.

---

[1]) Ethik, Stuttgart, 1886, S. 145.

[2]) So sprachen sie von einem Affentanz, einem Faulthiertanz, einem Vogeltanz u. s. w. Schomburgk, Reisen in Britisch-Guiana, Leipzig 1847, erster Theil. S. 154.

[3]) Ср. Кранцъ, Historie von Groenland. I, 207.

[4]) Unter den Natur-Völkern Brasiliens, S. 324.

Бюхеръ сказалъ бы, можетъ быть, что и война, и охота представляютъ собою для первобытнаго человѣка не столько трудъ, сколько забаву, т. е. ту же игру. Но говорить такъ значитъ играть словами. На той стадіи развитія, на которой стоятъ низшія охотничьи племена, охота и война являются дѣятельностями, необходимыми для поддержанія существованія охотника и для его самозащиты. И та, и другая преслѣдуютъ совершенно опредѣленную утилитарную цѣль, и отождествлять ихъ съ игрой, характеризуемой именно отсутствіемъ такой цѣли, можно лишь при сильномъ и почти сознательномъ злоупотребленіи терминами. Къ тому же знатоки дикой жизни говорятъ, что дикари никогда не охотятся ради одного удовольствія [1]).

Впрочемъ, возьмемъ третій примѣръ, не оставляющій уже ровно никакого сомнѣнія относительно справедливости защищаемаго мною взгляда.

Раньше я указалъ на важное значеніе общественнаго труда въ жизни тѣхъ первобытныхъ народовъ, которые наряду съ охотой занимаются также и земледѣліемъ. Теперь я хочу обратить ваше вниманіе на то, какъ совершается общественная обработка полей у багобосовъ, — одного изъ туземныхъ племенъ южнаго Минданао. У нихъ земледѣліемъ занимаются оба пола. Въ день посѣва риса мужчины и женщины собираются вмѣстѣ съ самаго ранняго утра и принимаются за работу. Впереди идутъ мужчины и, танцуя, втыкаютъ въ землю желѣзныя кирки. За ними слѣдуютъ женщины, которыя бросаютъ рисовыя зерна въ сдѣланныя мужчинами углубленія и засыпаютъ ихъ землею. Все это совершается торжественно и важно [2]).

Тутъ мы видимъ соединеніе игры (пляски) съ трудомъ. Но это соединеніе не закрываетъ истинной связи явленій. Если вы не думаете, что багобосы первоначально втыкали свои кирки въ землю и сѣяли рисъ для забавы и только впослѣдствіи стали обрабатывать землю для поддержанія своего существованія, то вы должны признать, что трудъ въ этомъ случаѣ старше игры и что игра порождена была тѣми особенными условіями, при которыхъ совершается посѣвъ у багобосовъ. Игра — дитя труда, который предшествуетъ ей во времени.

Замѣтьте, что сами пляски являются въ подобныхъ случаяхъ простымъ воспроизведеніемъ тѣлодвиженій работника. Въ

---

[1]) „The Indian never hunted game for sport". Dorsey, Omaha-Sociology Third annual Report, p. 297. Ср. у Гельвальда: Die Jagd ist aber zugleich an und für sich Arbeit, eine Anspannung physischer Kräfte, und dass sie als Arbeit nicht etwa als Vergnügen von den wirklichen Jagdstämmen aufgefasst wird, darüber sind wir erst kürzlich belehrt worden. Kulturgeschichte, Augsburg, 1876. I, S. 109.

[2]) Die Bewohner von Süd-Mindanao und der Insel Samal von Al. Schadenberg. Zeitschrift für Ethnologie, Band XVII, S. 19.

подтвержденіе этого я сошлюсь на самого Бюхера, который въ своей книгѣ «Arbeit und Rhythmus» тоже говоритъ, что «многіе танцы первобытныхъ народовъ представляютъ собою не что иное, какъ сознательное подражаніе извѣстнымъ производительнымъ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, при этомъ мимическомъ изображеніи трудъ необходимо долженъ предшествовать пляскѣ» [1]). Я рѣшительно не понимаю, какъ можетъ Бюхеръ послѣ этого утверждать, что игра старше труда.

Вообще можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что книга «Arbeit und Rhythmus» всѣмъ своимъ содержаніемъ вполнѣ и блестяще опровергаетъ тотъ взглядъ Бюхера на отношеніе игры и искусства къ труду, который я разбираю въ настоящее время. Въ высшей степени удивительно, какъ самъ Бюхеръ не замѣчаетъ этого вопіющаго и бьющаго въ глаза противорѣчія.

Его, очевидно, ввела въ заблужденіе та теорія игры, которую недавно предложилъ ученому міру гиссенскій профессоръ Карлъ Гроосъ [2]). Поэтому намъ не безполезно будетъ ознакомиться съ теоріей Грооса.

По мнѣнію Грооса, взглядъ на игру, какъ на проявленіе избыточной силы, не вполнѣ подтверждается фактами. Щенята играютъ другъ съ другомъ до полнаго изнеможенія и возобновляютъ игру послѣ самаго короткаго отдыха, который приноситъ имъ не избытокъ силы, а только такое количество ея, которое едва достаточно для возобновленія забавы. Подобно тому и наши дѣти, хотя бы они были очень утомлены, напримѣръ, продолжительной прогулкой, немедленно забываютъ объ усталости, какъ только начинаютъ играть. Они не нуждаются въ продолжительномъ отдыхѣ и въ накопленіи избыточной силы: «инстинктъ побуждаетъ ихъ къ дѣятельности не только тогда, когда, выражаясь образно, чаша переполнена, но даже и тогда, когда она содержитъ не болѣе одной капли» [3]). Избытокъ силы не есть conditio sine qua non игры, а лишь очень благопріятное для нея условіе.

Но если бы это было и не такъ, то все-таки теорія Спенсера (Гроосъ называетъ ее теоріей Шиллера—Спенсера) была бы недостаточна. Она старается выяснить намъ физіологическое значеніе игры, но не выясняетъ ея біологическаго значенія. А это ея значеніе очень велико. Игры, особенно игры молодыхъ животныхъ, имѣютъ совершенно опредѣленную біологическую цѣль. Какъ у людей, такъ и у животныхъ, игры молодыхъ особей представляютъ собою упражненіе свойствъ, полезныхъ для отдѣльныхъ индивидуумовъ или для цѣлаго рода [4]). Игра под-

---

[1]) Arbeit und Rhythmus, S. 79.
[2]) Arbeit und Rhythmus, S. 79.
[3]) Въ книгѣ „Die Spiele der Thiere“, Iena 1896 г.
[4]) Die Spiele der Thiere, S. 18.

готовляетъ молодое животное къ его будущей жизненной дѣятельности. Но именно потому, что она подготовляетъ молодое животное къ его будущей дѣятельности, она предшествуетъ ей, и потому Гроосъ не соглашается признать, что игра есть дитя труда: онъ говоритъ, что наоборотъ, трудъ есть дитя игры [1]).

Это, какъ видите, тотъ самый взглядъ, съ которымъ мы встрѣтились у Бюхера. Поэтому къ нему цѣликомъ относится все сказанное мною объ истинномъ отношеніи труда къ игрѣ. Но Гроосъ подходитъ къ вопросу съ другой стороны: онъ имѣетъ въ виду прежде всего игры дѣтей, а не взрослыхъ. Въ какомъ же видѣ представится намъ дѣло, если и мы, подобно Гроосу, посмотримъ на него съ этой точки зрѣнія?

Возьмемъ опять примѣръ. Эйръ говоритъ [2]), что дѣти австралійскихъ туземцевъ часто играютъ въ войну и что такая игра очень поощряется взрослыми, такъ какъ она развиваетъ ловкость будущихъ воиновъ. Это же мы видимъ у краснокожихъ Сѣверной Америки, у которыхъ въ такой игрѣ иногда принимаютъ участіе многія сотни дѣтей подъ предводительствомъ опытныхъ воиновъ. По словамъ Кэтлина, такого рода игры составляютъ у краснокожихъ матеріальную вѣтвь ихъ системы воспитанія [3]). Здѣсь передъ нами яркій случай того подготовленія молодыхъ индивидуумовъ къ ихъ будущей жизненной дѣятельности, о которомъ говоритъ Гроосъ. Но подтверждаетъ ли этотъ случай его теорію? И да, и нѣтъ! Существующая у названныхъ мною первобытныхъ народовъ «система воспитанія» ведетъ къ тому, что въ жизни индивидуума игра въ войну предшествуетъ дѣйствительному участію въ войнѣ [4]). Выходитъ, стало быть, что Гроосъ правъ: съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица игра дѣйствительно старше утилитарной дѣятельности. Но почему же у названныхъ народовъ установилась такая система воспитанія, въ которой игра въ войну занимаетъ столь большое мѣсто? Понятно почему: потому, что для нихъ очень важно имѣть хорошо подготовленныхъ воиновъ, съ дѣтства привыкшихъ къ различнымъ военнымъ упражненіямъ. Значитъ, съ точки зрѣнія общества (рода) дѣло представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ: сначала—настоящая война и создаваемая ею потребность въ хорошихъ воинахъ, а потомъ уже—игра въ войну ради удовлетворенія этой потребности. Другими словами, съ точки зрѣнія общества утилитарная дѣятельность оказывается старше игры.

Другой примѣръ. Австралійская женщина изображаетъ въ пляскѣ между прочимъ и то, какъ она вырываетъ изъ земли питательные корни

[1]) Ibid, S. 19—20.

[2]) Ibid, S. 125.

[3]) Manners and customs of the aborigines of Autsralia, p. 228.

[4]) Geo. Catlin, Letters and notes on the Manners, Customs and Condition of the North American Indians, I, 131.

*

растеній [1]). Эту пляску видитъ ея дочь и, по свойственному дѣтямъ стремленію къ подражанію, она воспроизводитъ тѣлодвиженія своей матери [2]). Это она дѣлаетъ въ такомъ возрастѣ, когда ей еще не приходится въ серьезъ заниматься собираніемъ пищи. Стало быть, въ ея жизни игра (пляска) въ вырываніе корней предшествуетъ дѣйствительному ихъ вырыванію; для нея игра старше труда. Но въ жизни общества дѣйствительное вырываніе корней, конечно, предшествовало воспроизведенію этого процесса въ пляскахъ взрослыхъ и въ забавахъ дѣтей. Поэтому въ жизни общества трудъ старше игры [3]). Это, кажется, совершенно ясно. А если это ясно, то намъ остается лишь спросить себя, съ какой же точки зрѣнія экономистъ и вообще человѣкъ, занимающійся общественной наукой, долженъ смотрѣть на вопросъ объ отношеніи труда къ игрѣ? Я думаю, что отвѣтъ и тутъ ясенъ: человѣку, занимающемуся общественной наукой, нельзя смотрѣть на этотъ вопросъ,—равно какъ и на всѣ другіе вопросы, возникающіе въ этой наукѣ,—иначе, какъ съ точки зрѣнія общества. Потому—нельзя, что, ставши на точку зрѣнія общества, мы съ большею легкостью находимъ причину, по которой игры являются въ жизни индивидуума раньше труда; а если бы мы не пошли дальше точки зрѣнія индивидуума, то мы не поняли бы ни того, почему игра является въ его жизни раньше труда, ни того, почему онъ забавляется именно этими, а не какими нибудь другими играми.

Это справедливо также и въ біологіи; только вмѣсто понятія «общество» надо поставить тамъ понятіе «родъ» (вѣрнѣе—видъ). Если игра служитъ для подготовленія молодой особи къ ожидающей ее въ будущемъ жизненной задачѣ, то очевидно, что сначала развитіе вида ставитъ передъ нимъ извѣстную задачу, требующую опредѣленной дѣятельности, а потомъ уже, какъ результатъ наличности этой задачи, является подборъ индивидуумовъ соотвѣтственно требуемымъ ею свойствамъ и воспитаніе этихъ свойствъ въ дѣтствѣ. Игра и здѣсь не болѣе, какъ дитя труда, функція утилитарной дѣятельности.

---

[1]) Letourneau, L'évolution littéraire dans les diverses races humaines, Paris 1894, p. 34 c.

[2]) „A nother favourite amusement among the children is to practise the dances and songs of the adults". Eyre, Op. cit. p. 227.

[3]) Les jeux des petits sont l'imitation du travail des grands. „Dernier journal du docteur David Livingston, t. II, p. 267". Маленькія дѣвочки ничѣмъ такъ не забавляются, какъ подражая работамъ матерей. У ихъ братьевъ игрушками служатъ... маленькіе луки и стрѣлы. (Изслѣдованіе Замбези Дав. и Чарльза Ливингстоновъ). „The amusements of the natives are various but they generally have a reference to their future occupations". Эйръ, p. 227.

„Эти игры являются точнымъ подражаніемъ позднѣйшей работы". Klutschak, Op. cit. S. 222.

Между человѣкомъ и низшими животными разница заключается въ этомъ случаѣ только въ томъ, что развитіе унаслѣдованныхъ инстинктовъ играетъ въ его воспитаніи гораздо меньшую роль, чѣмъ въ воспитаніи животнаго. Тигренокъ родится хищнымъ животнымъ, а человѣкъ не родится охотникомъ или земледѣльцемъ, воиномъ или торговцемъ: онъ дѣлается тѣмъ или другимъ подъ вліяніемъ окружающихъ его условій. И это вѣрно по отношенію къ обоимъ поламъ. Австралійская дѣвочка, появляясь на свѣтъ, не приноситъ съ собой инстинктивнаго стремленія къ вырываніе изъ земли кореньевъ или къ исполненію другихъ, подобныхъ этой, хозяйственныхъ работъ. Это стремленіе порождается въ ней склонностью къ подражанію: въ своихъ забавахъ она старается воспроизвести работы своей матери. Но почему же она подражаетъ матери, а не отцу? Потому, что въ обществѣ, къ которому она принадлежитъ, уже установилось раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной. Эта причина тоже лежитъ, какъ видите, не въ инстинктахъ особей, а въ окружающей ихъ общественной средѣ. Но чѣмъ больше значеніе общественной среды, тѣмъ менѣе позволительно покидать точку зрѣнія общества и становиться на точку зрѣнія индивидуума, какъ это дѣлаетъ Бюхеръ въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніи игры къ труду.

Гроосъ говоритъ, что теорія Спенсера упускаетъ изъ виду биологическое значеніе игры. Съ гораздо большимъ правомъ можно сказать, что самъ Гроосъ не замѣтилъ ея соціологическаго значенія. Впрочемъ, возможно, что это упущеніе будетъ имъ исправлено во второй части его сочиненія, которая будетъ посвящена играмъ у людей [1]). Раздѣленіе труда между полами даетъ поводъ взглянуть на разсужденіе Бюхера съ новой точки зрѣнія. Онъ изображаетъ трудъ взрослаго дикаря, какъ забаву. Это, конечно, ошибочно и само по себѣ; для дикаря охота не спортъ, а серьезное занятіе, необходимое для поддержанія жизни. Самъ Бюхеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «дикари часто терпятъ жестокую нужду, и поясъ, составляющій всю ихъ одежду, служитъ для никъ дѣйствительно тѣмъ, что нѣмецкое простонародье называетъ «Schmachtriemen», которымъ они стягиваютъ себѣ животъ, чтобы ослабить мученія терзающаго ихъ голода» [2]). Неужели и въ этихъ «частыхъ» (по признанію самого Бюхера) случаяхъ, дикари остаются спортсменами и охотятся для забавы, а не по тяжелой необходимости? Отъ Лихтенштейна мы узнаемъ, что бушмэнамъ случается оставаться безъ пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней. Періоды такихъ голодовокъ являются, конечно, періодами

[1]) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Теперь эта часть уже вышла, говорить о ней здѣсь не мѣсто. Замѣчу только, что факты, приводимые въ ней Гроосомъ, какъ нельзя лучше подтверждаютъ не его, а мой взглядъ на отношеніе труда къ игрѣ.

[2]) Четыре очерка, стр. 77.

усиленнаго исканія пищи. Неужели и это исканіе остается забавой? Краснокожіе Сѣверной Америки пляшутъ свою «пляску бизона» какъ разъ въ то время, когда имъ давно уже не попадались бизоны, и когда имъ грозитъ голодная смерть [1]). Пляска продолжается до тѣхъ поръ, пока не покажутся бизоны, появленіе которыхъ ставится индѣйцами въ причинную связь съ пляской. Оставляя въ сторонѣ не занимающій насъ здѣсь вопросъ о томъ, какъ могло возникнуть въ ихъ умѣ представленіе о такой связи, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что въ подобныхъ случаяхъ ни «пляска бизона», ни охота, начинающаяся при появленіи животныхъ, не могутъ быть разсматриваемы, какъ забава. Здѣсь сама пляска оказывается дѣятельностью, преслѣдующей утилитарную цѣль и тѣсно связанной съ главной жизненной дѣятельностью краснокожаго [2]).

Далѣе. Посмотрите на жену нашего мнимаго спортсмена. Она тащитъ на себѣ тяжести во время похода, откапываетъ коренья, строитъ хижину, разводитъ огонь, скоблитъ шкуры, плететъ корзины, а впослѣдствіи обрабатываетъ поле [3]). Неужели все это игра, а не работа? По словамъ Ф. Прескотта, у индійцевъ дакота мужчина работаетъ лѣтомъ не больше одного часа въ день; это можно, если хотите, назвать забавой. Но у того же племени и въ то же время года женщины трудится около ш е с т и

---

[1]) Catlin, Op. cit. I, 127.

[2]) Бюхеру кажется, что первобытный человѣкъ могъ жить безъ труда. „Несомнѣнно,—говоритъ онъ,—что человѣкъ въ теченіе неизмѣримыхъ періодовъ времени жилъ, не работая, и, если захотѣть, то можно найти на землѣ не мало мѣстностей, гдѣ саговая пальма, пизангъ, хлѣбное дерево, кокосовая и финиковая пальма еще и теперь позволяютъ ему существовать при минимальной затратѣ усилій съ его стороны". (Четыре очерка, стр. 72—73). Если подъ неизмѣримыми періодами времени Бюхеръ понимаетъ ту эпоху, когда „человѣкъ" еще только формировался, какъ особый зоологическій видъ (или родъ), то я скажу, что тогда наши предки „работали", вѣроятно, не больше и не меньше, чѣмъ антропоморфныя обезьяны, о которыхъ мы не имѣемъ никакого права сказать, что въ ихъ жизни игра занимаетъ больше мѣста, чѣмъ дѣятельности, необходимыя для поддержки существованія. А что касается нѣкоторыхъ особыхъ географическихъ условій, будто бы обезпечивавшихъ человѣку существованіе при минимальной затратѣ усилій, то и здѣсь не надо ничего преувеличивать. Роскошная природа жаркихъ странъ требуетъ отъ человѣка не меньшихъ усилій, чѣмъ природа умѣреннаго пояса. Эренрейхъ думаетъ даже, что сумма такихъ усилій въ жаркихъ странахъ гораздо больше, чѣмъ въ умѣренныхъ. (Ueber die Botocudos. Zeitschrift für Ethnologie B. XIX, S. 27).

Разумѣется, когда начинается воздѣлываніе питательныхъ растеній, богатая почва жаркихъ странъ можетъ очень значительно облегчить трудъ человѣка, но такое воздѣлываніе начинается лишь на сравнительно высшихъ степеняхъ культурнаго развитія.

[3]) „The principal occupation of the women in this village consists in procuring wood and water, in cooking, dressing robes and other skins, in drying meat and wild fruit, und raising coarn". Catlin, Op. cit. I, 121.

часовъ въ день; тутъ уже труднѣе предположить, что мы имѣемъ дѣло съ «игрою». А зимой и мужу, и женѣ приходится работать гораздо больше, чѣмъ лѣтомъ: мужъ работаетъ тогда около шести часовъ, а жена около десяти [1]).

Здѣсь уже прямо и рѣшительно невозможно говорить объ «игрѣ». Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ трудомъ sans phrases, и хотя этотъ трудъ менѣе интенсивенъ и менѣе изнурителенъ, чѣмъ трудъ рабочихъ въ цивилизованномъ обществѣ, но отъ этого онъ не перестаетъ быть хозяйственной дѣятельностью совершенно опредѣленнаго вида.

Итакъ, предложенная Гроосомъ теорія игры не спасаетъ разбираемаго мною положенія Бюхера. Трудъ оказывается настолько же старше игры, насколько родители старше дѣтей, насколько общество старше своихъ отдѣльныхъ членовъ.

Но разъ заговоривъ объ игрѣ, я долженъ обратить вниманіе читателя еще на одно, отчасти уже знакомое намъ положеніе Бюхера.

По его мнѣнію, на самыхъ раннихъ ступеняхъ человѣческаго развитія отсутствуетъ передача культурныхъ пріобрѣтеній изъ рода въ родъ [2]), и это обстоятельство лишаетъ быть цикаря одной изъ чертъ, составляющихъ наиболѣе существенные признаки хозяйства [3]). Но если игра, даже по Гроосу, служитъ въ первобытномъ обществѣ для подготовки молодыхъ особей къ исполненію ихъ будущихъ жизненныхъ задачъ, то ясно, что она составляетъ одну изъ связей, соединяющихъ различныя поколѣнія и служащихъ именно для передачи культурныхъ пріобрѣтеній изъ рода въ родъ.

Бюхеръ говоритъ: «Конечно, можно признать, что послѣдній (т. е. первобытный человѣкъ) относится съ особенною любовью къ каменному топору, надъ которымъ онъ трудился, быть можетъ, въ теченіе цѣлаго года и который стоилъ ему величайшихъ усилій, и что этотъ топоръ будетъ казаться ему какъ бы частью его собственнаго существа; но ошибочно думать, что это цѣнное имущество перейдетъ по наслѣдству къ его дѣтямъ и внукамъ и послужитъ основаніемъ для дальнѣйшаго прогресса. Насколько достовѣрно то, что подобные предметы даютъ поводъ къ развитію первыхъ понятій о «моемъ» и «твоемъ», настолько же многочисленны наблюденія, указывающія на то, что эти понятія связываются лишь съ отдѣльнымъ лицомъ и исчезаютъ съ нимъ. Имущество зарывается въ могилу вмѣстѣ съ владѣльцемъ (курсивъ Бюхера), личной собственностью котораго оно было при его жизни. Обычай этотъ

---

[1]) См. у Скулькрафта, въ его Historical etc. Information part. III, p. 235.

[2]) Четыре очерка, стр. 87, и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 91.

распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта, и остатки его встрѣчаются у многихъ народовъ даже въ культурные періоды ихъ развитія» [1]).

Это, конечно, справедливо. Но исчезаетъ ли вмѣстѣ съ вещью и умѣніе сдѣлать эту вещь заново? Нѣтъ, не исчезаетъ. Уже у низшихъ охотничьихъ племенъ мы видимъ, какъ родители стараются передать дѣтямъ всѣ техническія знанія, которыя имъ удается пріобрѣсти самимъ. «Какъ только сынъ австралійскаго туземца начинаетъ ходить, отецъ беретъ его съ собою на охоту и рыбную ловлю, учитъ его и разсказываетъ ему разныя преданія» [2]). И австралійцы не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія изъ общаго правила. У краснокожихъ сѣверной Америки родъ (the clan) назначалъ особыхъ воспитателей, на обязанности которыхъ лежало сообщеніе молодому поколѣнію всѣхъ тѣхъ практическихъ знаній, которыя могли понадобиться имъ въ будущемъ [3]). У кафровъ Коосса всѣ дѣти выше десятилѣтняго возраста воспитывались вмѣстѣ подъ неослабнымъ надзоромъ главы племени, причемъ мальчиковъ обучали военному и охотничьему дѣлу, а дѣвочекъ разнаго рода домашнимъ работамъ [4]). Это ли не живая связь поколѣній? Это ли не передача культурныхъ пріобрѣтеній изъ рода въ родъ?

Хотя вещи, принадлежавшія умершему, дѣйствительно очень часто истребляются на его могилѣ, но умѣнье производить эти вещи передается изъ рода въ родъ, а это гораздо важнѣе передачи самихъ вещей. Конечно, истребленіе имущества умершаго на его могилѣ замедляетъ накопленіе богатства въ первобытномъ обществѣ; но, во-первыхъ, оно не устраняетъ, какъ мы видѣли, живой связи поколѣній, а во-вторыхъ, при существованіи общественной собственности на очень многіе предметы, имущество отдѣльнаго лица обыкновенно очень не велико. Оно состоитъ прежде всего въ оружіи, а оружіе первобытнаго охотника-воина такъ тѣсно сростается съ его личностью, что составляетъ какъ бы ея продолженіе и потому является мало пригоднымъ для другихъ лицъ [5]). Вотъ

---

[1]) Четыре очерка, стр. 88.

[2]) Ratzel, Völkerkunde, zweite Ausgabe, I. Band, S. 339. Тоже говоритъ Шаденбергъ о негритосахъ Филиппинскихъ острововъ, Zeitschrift für Ethnologie B. XII, S. 136. О воспитаніи дѣтей у жителей Андаманскихъ острововъ см. у Мэна—въ Journal of the Anthropological institute, vol. XII, p. 94. Если вѣрить Эмилю Дешану, то веддахи составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила: они, будто бы, не обучаютъ своихъ дѣтей искусству владѣть оружіемъ (Carnet d'un voyageur. Au pays des Veddas, Paris 1892 p. 369—370). Это очень мало вѣроятное свидѣтельство. Дешанъ вообще не производитъ впечатлѣнія обстоятельнаго изслѣдователя.

[3]) Pawell, Indian Linguistic Families. Eleventh annual Report, p. 35.

[4]) Лихтейнштейнъ, Reisen, I, 425.

[5]) Одинъ примѣръ изъ очень многихъ: „Der Jäger darf sich keiner fremden Waffen bedienen; besonders behaupten diejenigen Wilden, die mit dem Blasrohr

почему и погребеніе его вмѣстѣ съ умершимъ его обладателемъ составляетъ меньшую потерю для общества, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Когда, впослѣдствіи, съ развитіемъ техники и общественнаго богатства, истребленіе вещей умершаго становится серьезной потерей для его близкихъ, оно мало-по-малу ограничивается или даже совсѣмъ прекращается, уступая мѣсто простому символу истребленія [1]).

Такъ какъ Бюхеръ отрицаетъ существованіе у дикарей живой связи между поколѣніями, то не удивительно, что онъ очень скептически относится къ ихъ родительскимъ чувствамъ.

«Новѣйшіе этнографы,—говоритъ онъ,—потратили немало труда на то чтобы доказать, что сила материнской любви есть черта, общая всѣмъ ступенямъ культурнаго развитія. Дѣйствительно, намъ трудно примириться съ тѣмъ, чтобы чувство, которое въ такой привлекательной формѣ проявляется многими видами животныхъ, гдѣ бы то ни было могло отсутствовать у людей. Однако, существуетъ множество наблюденій, указывающихъ на то, что духовная связь между родителями и дѣтьми есть уже плодъ культуры, и что у наиболѣе низко стоящихъ народовъ забота о сохраненіи существованія собственнаго я оказывается сильнѣе, чѣмъ всѣ другія духовныя движенія, или даже, что одна лишь эта забота и имѣется налицо... Та же черта безграничнаго эгоизма сказывается и въ безжалостности, съ которой многіе первобытные народы при переходахъ бросаютъ на произволъ судьбы или покидаютъ въ уединенныхъ мѣстахъ б о л ь н ы х ъ и с т а р и к о в ъ, которые могли бы задержать здоровыхъ [2])».

Къ сожалѣнію, Бюхеръ приводитъ въ подтвержденіе своей мысли очень мало фактовъ, и мы остаемся въ почти полной неизвѣстности насчетъ того, о какихъ именно наблюденіяхъ говоритъ онъ. Поэтому мнѣ остается только провѣрить его слова на основаніи тѣхъ наблюденій, которыя извѣстны мнѣ самому.

Австралійцевъ съ полнымъ основаніемъ относятъ къ самымъ низшимъ охотничьимъ племенамъ. Культурное ихъ развитіе ничтожно. Въ виду этого можно было бы, пожалуй, ожидать, что имъ еще не знакомо то «культурное пріобрѣтеніе», которое мы называемъ родительской любовью. Однако, дѣйствительность не оправдываетъ этого ожиданія: а в с т р а л і й ц ы с т р а с т н о п р и в я з а н ы к ъ с в о и м ъ д ѣ т я м ъ; о н и ч а с т о и г р а ю т ъ с ъ н и м и и л а с к а ю т ъ и х ъ [3]).

Цейлонскіе веддахи тоже стоятъ на самой низкой ступени развитія. Бюхеръ приводитъ ихъ, вмѣстѣ съ бушменами, какъ примѣръ крайней дикости.

---

schiessen, dass dieses Geschoss durch den Gebrauch eines Fremden verderben werde und geben es nicht aus ihren Händen. Martius. Op. cit, S. 50.

[1]) См. у Летурно: L'évolution de la propriété, p. 418 и слѣд.

[2]) Четыре очерка, стр. 81—82.

[3]) Eyre, op. cit, p. 241.

А между тѣмъ и они, по свидѣтельству Тиннента, «замѣчательно привязаны къ своимъ дѣтямъ и родственникамъ [1]).

Эскимосы,—эти представители культуры ледниковаго періода,—тоже «чрезвычайно любятъ своихъ дѣтей» [2]).

О большой любви къ своимъ дѣтямъ южно-американскихъ индійцевъ говорилъ еще отецъ Гумилла [3]). Вайцъ считалъ ее одной изъ самыхъ выдающихся чертъ характера американскихъ туземцевъ [4]).

Между темнокожими племенами Африки также можно указать не мало племенъ, обратившихъ на себя вниманіе путешественниковъ нѣжной заботливостью о своихъ дѣтяхъ [5]).

Словомъ, имѣющійся въ распоряженіи современнаго этнолога эмпирическій матеріалъ и въ этомъ случаѣ не подтверждаетъ взгляда Бюхера.

Откуда же произошла его ошибка? Онъ неправильно истолковалъ довольно распространенный среди дикарей обычай убійства дѣтей и стариковъ. Конечно, на первый взглядъ умозаключеніе отъ убійства дѣтей и стариковъ къ отсутствію взаимной привязанности между дѣтьми и родителями кажется совершенно логичнымъ. Но именно кажется и именно только на первый взглядъ.

Въ самомъ дѣлѣ, дѣтоубійство очень распространено между туземцами Австраліи. Въ 1860 году была убита третья часть новорожденныхъ дѣтей племени Нэринайери: убивали каждаго ребенка, родившагося въ такой семьѣ, гдѣ уже были маленькія дѣти; убивали всѣхъ плохо-сложенныхъ дѣтей; убивали близнецовъ и т. д. Но это еще не значитъ, что австралійцы названнаго племени лишены были родительскихъ чувствъ. Совершенно напротивъ: рѣшивъ, что такой-то ребенокъ долженъ остаться въ живыхъ, они ухаживали за нимъ «съ безграничнымъ терпѣніемъ» [6]). Какъ видите, дѣло обстоитъ вовсе не такъ просто, какъ это казалось первоначально; дѣтоубійство не мѣшало австралійцамъ любить своихъ дѣтей и терпѣливо ухаживать за ними. И не однимъ только австралійцамъ. Дѣтоубійство существовало и въ древней Спартѣ, но слѣ-

---

[1]) Tennant, Ceylon, II, 445. (Ср. Die Weddas von Ceylon von. P. u. F. Sarasin, S. 469).

[2]) D. Cranz. Historie von Groenland, B. I. S. 213. Ср. Ключака: Als Eskimo unter den Eskimos, S. 234, и Боса, op. cit. p. 566.

[3]) Histoire naturelle, civile et géographique de l'Orénoque, T. I, p. 211.

[4]) Die Indianer Nordamerikas'a Leipzig 1865, S. 101. Ср. работу Матильды Стевенсонъ: „The Sioux“ въ одиннадцатомъ годовомъ отчетѣ американскаго этнологическаго бюро смитсоніанскому институту. По словамъ Стевенсонъ, въ случаѣ недостатка пищи взрослые голодаютъ сами, но кормятъ дѣтей.

[5]) См. напримѣръ, что говоритъ Швейнфуртъ о діурахъ: Au coeur de l'Afrique, t. I p. 210.

[6]) Ratzel, Völkerknnde, I, 338—339.

дуетъ ли отсюда, что спартанцы еще не дошли до той ступени культурнаго развитія, на которой возникаетъ любовь родителей къ дѣтямъ?

Что касается убійства больныхъ и стариковъ, то здѣсь прежде всего надо принять въ разсчетъ тѣ исключительныя обстоятельства, при которыхъ оно имѣетъ мѣсто. Оно совершается лишь тогда, когда старики, выбившись изъ силъ, теряютъ возможность сопровождать своихъ сородичей въ походѣ [1]). Такъ какъ находящіяся въ распоряженіи дикарей средства передвиженія не достаточны для перевозки такихъ выбившихся изъ силъ членовъ рода, то необходимость вынуждаетъ оставлять ихъ на произволъ судьбы, и тогда смерть отъ дружеской руки является для нихъ наименьшимъ изо всѣхъ возможныхъ золъ. Надо помнить къ тому же, что оставленіе на произволъ судьбы или убійство стариковъ отдаляется до послѣдней возможности и потому случается очень рѣдко даже у племенъ, получившихъ въ этомъ отношеніи большую извѣстность. Ратцель замѣчаетъ, что, вопреки такъ часто повторяемому разсказу Дарвина о поѣданіи огнеземельцами своихъ старыхъ женщинъ, старики и старухи пользуются въ этомъ племени большимъ почтеніемъ [2]). Тоже говоритъ Эрль о негритосахъ Филиппинскихъ острововъ [3]) и Эренрейхъ (со словъ Марціуса) о бразильскихъ ботокудахъ [4]). Индійцевъ сѣверной Америки Гекевельдеръ называетъ народомъ, который больше, чѣмъ какой либо другой народъ, имѣетъ почтенія къ старикамъ [5]). Объ африканскихъ діурахъ Швейнфуртъ говоритъ, что они не только заботливо ухаживаютъ за своими дѣтьми, но и уважаютъ своихъ стариковъ, что бросается въ глаза въ любой изъ ихъ деревень [6]). А по словамъ Стэнли, почтеніе къ старикамъ составляетъ общее правило во всей внутренней Африкѣ [7]).

Бюхеръ смотритъ отвлеченно на явленіе, объяснить которое можно лишь становясь на вполнѣ конкретную почву. Къ убійству стариковъ,

---

[1]) C. Lafitau, Moeurs des Sauvages, I, 490. Ср. также Кэтлина, Letters and Notes, I, 217. Кэтлинъ утверждаетъ, что въ такихъ случаяхъ старики, ссылаясь на свою дряхлость, сами настаиваютъ на томъ, чтобы ихъ убили. (Тамъ же, та же страница). Признаюсь, это послѣднее обстоятельство долго казалось мнѣ сомнительнымъ. Но скажите, читатель, думаете л[illegible] вы, что грѣшитъ противъ психологической правды слѣдующее мѣсто въ разсказѣ Толстого „Хозяинъ и работникъ“: „Никита умеръ, истинно радуясь тому, что избавляетъ своею смертью сына и сноху отъ обузы лишняго хлѣба“ и т. д.? По моему, никакой психологической неправды тутъ нѣтъ. А если нѣтъ, то ничего психологически невозможнаго нѣтъ и въ приведенномъ мною утвержденіи Кэтлина.

[2]) Völkerkunde, I, 524.

[3]) Native races of the Indian Archipelago, p. 133.

[4]) Ueber die Botokudos etc. Zeitschrift für Ethnologie XIX, S. 32.

[5]) Op. cit. p. 251.

[6]) Au coeur de l'Afrique, T. I, 210.

[7]) Dans les Tenèbres de l'Afrique, II, 361.

равно какъ и къ дѣтоубійству, приводятъ не свойства характера первобытнаго человѣка, не его мнимый индивидуализмъ и не отсутствіе живой связи между поколѣніями, а тѣ условія, въ которыхъ дикарю приходится вести борьбу за свое существованіе. Здѣсь полезно будетъ вспомнить ту мысль Дарвина, что если бы люди жили въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ живутъ пчелы, то они безъ зазрѣнія совѣсти и даже съ пріятнымъ сознаніемъ исполняемаго долга истребляли бы непроизводительныхъ членовъ своего общества. Дикари живутъ до извѣстной степени именно въ такихъ условіяхъ, при какихъ истребленіе непроизводительныхъ членовъ является нравственною обязанностью передъ обществомъ. И поскольку они попадаютъ въ такія условія, постольку они оказываются вынужденными убивать лишнихъ дѣтей и выбившихся изъ силъ стариковъ. Но что они не становятся отъ этого такими эгоистами и индивидуалистами, какими изображаетъ ихъ Бюхеръ, это доказываютъ въ изобиліи приведенные мною примѣры. Тѣ же самыя условія дикой жизни, которыя приводятъ къ убійству дѣтей и стариковъ, ведутъ также и къ поддержанію тѣсной связи между остающимися въ живыхъ членами союза. Этимъ и объясняется тотъ парадоксъ, что убійство дѣтей и стариковъ совершается иногда у племенъ, отличающихся въ то же время сильнымъ развитіемъ родительскихъ чувствъ и большимъ уваженіемъ къ старикамъ. Дѣло не въ психологіи дикаря, а въ его экономіи.

Прежде, чѣмъ покончить съ разсужденіями Бюхера о характерѣ первобытнаго человѣка, я долженъ сдѣлать еще два замѣчанія по ихъ поводу.

Во-первыхъ, однимъ изъ самыхъ яркихъ проявленій индивидуализма, приписываемаго имъ дикарямъ, является въ его глазахъ очень распространенное у нихъ обыкновеніе принимать пищу въ одиночку.

Мое второе замѣчаніе состоитъ вотъ въ чемъ. У многихъ первобытныхъ народовъ каждый членъ семьи имѣетъ свою движимую собственность, на которую никто изъ остальныхъ членовъ семьи не имѣетъ ни малѣйшаго права и не обнаруживаетъ обыкновенно никакого притязанія. Нерѣдко бываетъ такъ, что отдѣльные члены одной большой семьи даже живутъ отдѣльно отъ другихъ, въ небольшихъ хижинахъ. Бюхеръ видитъ въ этомъ проявленіе крайняго индивидуализма. Онъ былъ бы иного мнѣнія, если бы зналъ порядки большихъ крестьянскихъ семей, нѣкогда столь многочисленныхъ въ нашей Великороссіи. Въ такихъ семьяхъ основа хозяйства была чисто коммунистическая; но это не мѣшало отдѣльнымъ ихъ членамъ, — напримѣръ, «бабамъ» и «дѣвкамъ» — имѣть свою собственную движимость, крѣпко охранявшуюся обычаемъ отъ посягательствъ со стороны даже самыхъ деспотическихъ «большаковъ». Для женатыхъ членовъ такихъ большихъ семей нерѣдко строились на общемъ дворѣ отдѣльные домики. (Въ Тамбовской губерніи ихъ называли хатками).

Очень возможно, что читателю давно уже надоѣли эти разсужденія о первобытномъ хозяйствѣ. Но онъ долженъ, однако, признать, что я рѣшительно не могъ обойтись безъ нихъ. Какъ я уже замѣтилъ выше, искусство есть общественное явленіе, и если дикарь дѣйствительно совершенный индивидуалистъ, то напрасно мы стали бы спрашивать себя, каково было его искусство: мы не открыли бы у него никакихъ признаковъ художественной дѣятельности. Но эта дѣятельность не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: первобытное искусство вовсе не миѳъ. Уже одинъ этотъ фактъ можетъ служитъ убѣдительнымъ, хотя и косвеннымъ, опроверженіемъ взгляда Бюхера на «первобытный хозяйственный строй»

Бюхеръ часто повторяетъ, что «при постоянной скитальческой жизни забота о пропитаніи совершенно поглощала человѣка и не позволяла, чтобы рядомъ съ ней возникли даже тѣ чувства, которыя мы считаемъ наиболѣе естественными» [1]). И тотъ же Бюхеръ твердо убѣжденъ, какъ вы уже знаете, въ томъ, что человѣкъ, въ теченіе неизмѣримыхъ вѣковъ жилъ, не работая, и что даже и въ настоящее время есть много мѣстностей, географическія условія которыхъ позволяютъ человѣку существовать при минимальной затратѣ усилій. Къ этому присоединяется у нашего автора убѣжденіе въ томъ, что искусство старше производства полезныхъ предметовъ, подобно тому, какъ игра старше труда. Выходитъ:

Во-первыхъ, что первобытный человѣкъ поддерживалъ свое существованіе цѣною самыхъ незначительныхъ усилій;

Во-вторыхъ, что эти незначительныя усилія, тѣмъ не менѣе, совершенно поглощали первобытнаго человѣка и не оставляли мѣста ни для какой другой дѣятельности и даже ни для одного изъ тѣхъ чувствъ, которыя намъ кажутся естественными;

Въ-третьихъ, что человѣкъ, ни о чемъ не помышлявшій, кромѣ своего пропитанія, началъ не съ производства предметовъ, нужныхъ хотя бы для того же пропитанія, а съ удовлетворенія своихъ эстетическихъ потребностей.

Это чрезвычайно странно! Противорѣчіе здѣсь очевидно; но какъ выйти изъ него?

Изъ него нельзя выйти иначе, какъ убѣдившись въ ошибочности взгляда Бюхера на отношеніе искусства къ дѣятельности, направленной на производство полезныхъ предметовъ.

Бюхеръ очень ошибается, говоря, что развитіе обрабатывающей промышленности всюду начинается съ раскрашиванія тѣла. Онъ не привелъ,—да, конечно, и **не могъ привести**,—ни одного факта, который далъ бы намъ поводъ думать, что раскрашиваніе тѣла или татуировка предшествуетъ выдѣлкѣ первобытнаго оружія и первобытныхъ орудій

[1]) Четыре очерка, стр. 82, ср. также стр. 85.

труда. У нѣкоторыхъ племенъ ботокудовъ самымъ главнымъ изъ немногочисленныхъ украшеній тѣла является ихъ знаменитая ботока, т. е. кусокъ дерева, вставляемый въ губу [1]). Было бы въ высшей степени странно предполагать, что этотъ кусокъ дерева украшалъ ботокуда раньше, чѣмъ тотъ научился охотиться или, по крайней мѣрѣ, вырывать съ помощью заостренной палки, корни питательныхъ растеній. Объ австралійцахъ Р. Земонъ говоритъ, что у нихъ многія племена совсѣмъ лишены всякихъ украшеній [2]). Это, вѣроятно, не совсѣмъ такъ; въ дѣйствительности, вѣроятно, всѣ австралійскія племена употребляютъ тѣ или другія, хотя бы самыя несложныя и немногочисленныя украшенія. Но и здѣсь опять нельзя предположить, что эти несложныя и немногочисленныя украшенія явились у австралійца раньше и занимаютъ въ его дѣятельности больше мѣста, чѣмъ заботы о пропитаніи и соотвѣтствующія имъ орудія труда, т. е. оружіе и заостренныя палки, служащія для добыванія растительной пищи. Заразины думаютъ, что у первобытныхъ веддаховъ, еще не испытывавшихъ вліянія чуждой имъ культуры, ни мужчины, ни женщины, ни дѣти не знали никакихъ украшеній и что въ гористыхъ мѣстностяхъ до сихъ поръ встрѣчаются веддахи, отличающіеся полнѣйшимъ отсутствіемъ украшеній [3]). Такіе веддахи даже не прокалываютъ себѣ ушей, но между тѣмъ и они уже знакомы, конечно, съ употребленіемъ оружія, которое ими же и изготовляется. Очевидно, что у такихъ веддаховъ обрабатывающая промышленность, направленная на выдѣлку оружія, предшествовала обрабатывающей промышленности, направленной на приготовленіе украшеній.

Правда, даже очень низко стоящіе охотники,—напримѣръ бушмены и австралійцы,—занимаются живописью: у нихъ существуютъ настоящія картинныя галлереи, о которыхъ мнѣ придется говорить въ другихъ статьяхъ [4]). Чукчи и эскимосы отличаются своими скульптурными и рѣзными произведеніями [5]). Не менѣе художественными наклонностями

---

[1]) Waitz, Anthropologie der Naturvölker, dritter Theil, S. 446.

[2]) Im australischen Busege und an den Küsten des Korallenmeeren. Leipzig 1896, S. 223.

[3]) Die Weddas von Ceylon, S. 395.

[4]) О рисункахъ австралійцевъ см. у Вайца Anthropologie der Naturvölker' sechster Theil, S. 759 и слѣд. Ср. также интересную статью Р. Г. Мэтьюса: «The rock Pictures of the Australian Aborigines» in «Proceedings and Transactions of the Queensland Branch of the Royal Geographical Society of Australia», VV. X and XI. О живописи у бушменовъ см. уже цитированное мною сочиненіе Фритша о туземцахъ Южной Африки, томъ I, стр. 426—427.

[5]) См. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega von A. E. Nordenskiold, Leipzig 1880, B. I, S. 463 и B. II, S. 123, 127, 129, 136, 141, 231.

отличались и племена, населявшія Европу въ эпоху мамонта [1]). Все это очень важные факты, которыхъ не долженъ игнорировать ни одинъ историкъ искусства. Но откуда же слѣдуетъ, что у австралійцевъ, бушменовъ, эскимосовъ или у современниковъ мамонта художественная дѣятельность предшествовала производству полезныхъ предметовъ; что у нихъ искусство было «старше» труда? Это вовсе ни откуда не слѣдуетъ. Совершенно наоборотъ. Характеръ художественной дѣятельности первобытнаго охотника совершенно недвусмысленно свидѣтельствуетъ о томъ, что производство полезныхъ предметовъ и вообще хозяйственная дѣятельность предшествовала у него возникновенію искусства и наложила на него самую яркую печать. Что изображаютъ рисунки чукчей? Различныя сцены изъ охотничьей жизни [2]). Ясно, что сначала чукчи стали заниматься охотой, а потомъ уже принялись воспроизводить свою охоту въ рисункахъ. Точно также, если бушмены изображаютъ почти исключительно животныхъ: павлиновъ, слоновъ, бегемотовъ, страусовъ и т. д. [3]), то это происходитъ потому, что эти животныя играютъ огромную, рѣшающую роль въ ихъ охотничьей жизни. Сначала человѣкъ сталъ къ животнымъ въ опредѣленныя отношенія (началъ охотиться за ними), а потомъ уже,— и именно потому, что онъ сталъ къ нимъ въ такія отношенія, — у него родилось стремленіе рисовать этихъ животныхъ. Что же чему предшествовало: трудъ искусству, или искусство труду?

Въ виду всего сказаннаго, я твердо убѣжденъ въ томъ, что мы не поймемъ ровно ничего въ исторіи первобытнаго искусства, если мы не проникнемся тою мыслью, что трудъ старше искусства, и что вообще человѣкъ сначала смотритъ на предметы и явленія съ точки зрѣнія утилитарной и только впослѣдствіи становится въ своемъ отношеніи къ нимъ на эстетическую точку зрѣнія.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

---

[1]) Ср. Die Urgesichte des Menschen nach dem heutigen Stande der Wissenschaft von Dr. M. Hörnes, erster Halbband, S. 191 и слѣд. 213 и слѣд. Не мало относящихся сюда фактовъ указано Mortillet въ его „Le Préhistorique".

[2]) Nordenskiold, II. Band, S. 132, 133, 135.

[3]) Fritsch, Die Eingeborene Süd-Afrikas, I, 426.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . I—V

Г-нъ П. Струве въ роли критика Марксовой теоріи обществ. развитія:
Статья первая 1
» вторая 41
» третья 96
Canè противъ Канта или Духовное завѣщаніе г. Бернштейна 127
Бернштейнъ и матеріализмъ 154
Конрадъ Шмидтъ противъ К. Маркса и Фр. Энгельса 167
Матеріализмъ или кантіанизмъ 185
Къ шестидесятой годовщинѣ смерти Гегеля 199
Еще разъ матеріализмъ 229
О книгѣ Масарика 235
» » С. Франка («Теорія цѣнности Маркса») 247
» » Б. Кроче («Экон. матеріализмъ ...») 256
» » Э. Вандервельда 271
«Литературное наслѣдство» К. Маркса и Фр. Энгельса 277
О книгѣ Л. Мечникова («Цивилизація и великія историч. рѣки») 281
» » Д. Гатти («Соціализмъ и земледѣліе») 293
» ром. фонъ-Поленца «Крестьянинъ» 301
О матеріалистическомъ пониманіи исторіи 307
Пессимизмъ П. Я. Чаадаева 337
Искусство у первобытныхъ народовъ 364
Еще объ искусствѣ у первобытныхъ народовъ 380